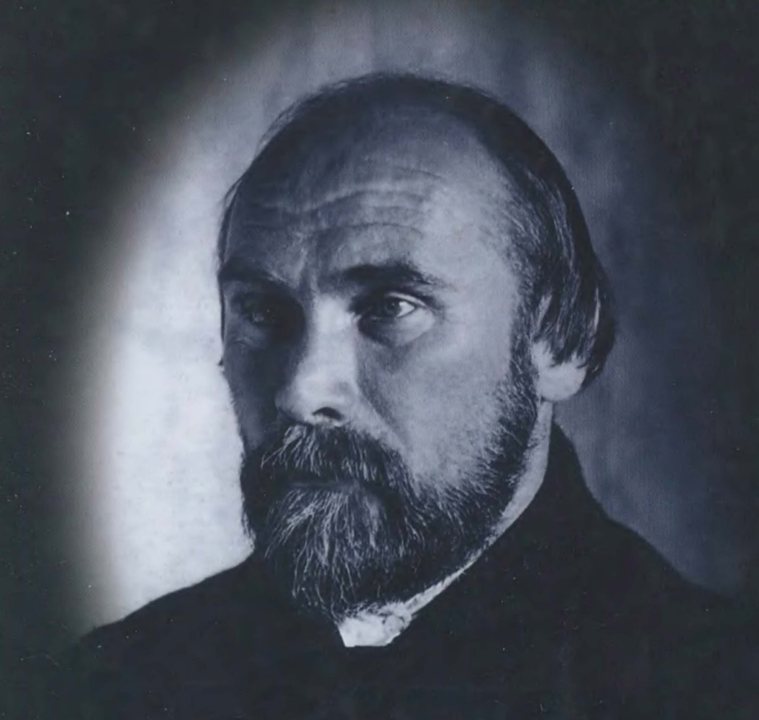
Николай Клюев

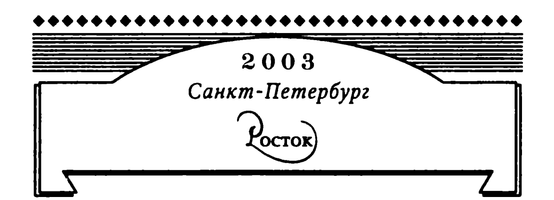
СЛОВЕСНОЕ ДРЕВО

СЕРИЯ

Неизвестный XX век

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Н. А. КЛЮЕВ

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Н. А. КЛЮЕВ

СЛОВЕСНОЕ ДРЕВО

ББК 83.3Р7
К47

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)*

На обложке — Н. А. Клюев. Фотография (1928 г.).

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук, Санкт-Петербург

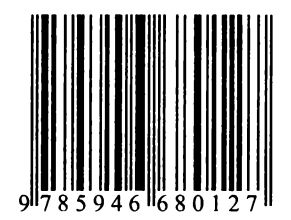
К47 **Клюев Н. А.** Словесное древо. Проза / Вступ. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2003. — 688 с., илл.

Тонкий лирик, подлинно религиозный поэт Серебряного века, воспевший Святую Русь и Русский Север, Николай Клюев создал и проникновенную прозу, насыщенную сочным образным языком, уходящую корнями в потаенные пласты русской и мировой культуры. Это — автобиографии-«жития», оценки классиков и современников, раздумья о своей творческой судьбе как художника, статьи, рецензии, провидческие сны, исповедальные письма, деловые бумаги.

В настоящем издании впервые с возможной полнотой представлены прозаические произведения Клюева, написанные им с 1907 по 1937 г.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5–94668–012–9

О ПРОЗЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Русская литература первых десятилетий XX века исключительно богата художественными индивидуальностями. Особое место в ней занимает творчество Николая Клюева. Оно обусловлено определенной идейной ориентацией в совокупности всех составляющих его личность – как художника, представителя нации, христианина и гражданина.

Выразить свой творческий потенциал дано всякому подлинному художнику. Но это еще не придаст его творчеству актуально-идейной доминанты. Возникает она лишь в случае глубоко органического совпадения субъективных ценностей творца с ценностями объективного мира. Отечественная литература Серебряного века щедра на примеры таких счастливых сопряжений (назовем только вторую «объективную» составляющую художественных миров указываемых поэтов): древний мир александрийско-римской культуры и европейский XVIII век Михаила Кузмина, муза дальних странствий (преимущественно Африка начала XX столетия и средневековая Европа) Николая Гумилева, философско-языческая мифология русской деревни Сергея Клычкова, трагический урбанизм Владимира Маяковского, песенный голос русской души и народной трагедии XX века в тончайшей лирике Анны Ахматовой.

В нерасторжимом единстве с огромной объективной ценностью выразил себя поэтический дар Клюева. Эта объективная ценность – Россия, но в значительной степени отнюдь не современная поэту, а Россия духовная в совокупности византийских истоков ее православия, их сохранения в старообрядчестве, культуры допетровского времени, крестьянской цивилизации с ее языческими и христианскими корнями.

С ориентацией на «поддонные» сокровища сопоставим с Клюевым лишь Алексей Ремизов, которого сближал с поэтом «утопизм

ретроспективного типа, наделение допетровской Руси, и глубже — славянского язычества, чертами идиллии, понимание Машинной цивилизации как тяжкого заблуждения» [1].

Но если разработка этих сокровищ носила у Ремизова в основном литературный характер, то у «жгучего отпрыска Аввакума» (самоопределение Клюева) она являлась живой силой, направленной не только на созидание образного мира его «рублёвской Руси», «берестяного рая», но и предопределила в итоге его крестный путь пророка и мученика. Различие между «литературным» и «клюевским» подходом усвоения национальных духовных ценностей достаточно точно определил Сергей Городецкий: «Он был лучшим выразителем той идеалистической системы деревенских образов, которую нес в себе и Есенин, и все мы. Но в то время как для нас эта система была литературным исканием, для него она была крепким мировоззрением, укладом жизни, формой отношения к миру» [2].

Жизнь поэта и его творчество пришлись на период трагического противоборства сил, вызревших в самой России, и направленных на уничтожение основ государственности, национального, православного и прежде всего крестьянского самосознания с его неразрывным чувством природы и неприятием технического прогресса, несущего урбанизацию и замену «стихийного» человека «технической душой» (Василий Розанов). Под знаком этих деструктивных сил велась активная подготовка Февральской, а затем и Октябрьской революции, которая поначалу была воспринята Клюевым как предпосылка к истинно христианскому преображению прежде всего России, а потом и всей вселенной, уничтожение мирового зла и торжество подлинного царства небесного на земле. Однако разрушительные силы революции оказались направленными не столько на искоренение зла, сколько на слом клюевской России, а затем на уничтожение и самого поэта. Но прежде чем погибнуть, он всё же успел создать и оставить потомкам нетленный образ своей Руси, оказавшись в этой схватке победителем — как поэт, мыслитель и пророк. Но только после продолжительного периода насильственного забвения он был востребован временем и как бы воскрешен к новой жизни.

Проза Клюева ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть на равных с его поэзией. И тем не менее она представляет весомую и значительную часть не только в собственном творчестве поэта, но и в русской литературе XX века. Она состоит из таких имеющих личност-

---

[1] *Лисицкая Е. А.* Ремизов и Н. Клюев: грани стилизации // Николай Клюев: образ мира и судьба. Томск, 2000. С. 109.

[2] *Городецкий С.* О Сергее Есенине. Воспоминания // Новый мир. 1926. № 1. С. 139.

ную направленность (на самого себя) малых жанров как автобиографический, публицистический, записи снов, эпистолярный и т. д. Но на этих, так сказать, вспомогательных формах прозы лежит печать огромного индивидуального своеобразия. В них отражена сущность и деятельность Клюева, бытовые обстоятельства его творчества и жизненного пути, запечатленного порой на самом высоком, даже сакральном уровне. Они же представляют собой и как бы хронографическую запись самой судьбы поэта. В прозе дает о себе знать образный строй его поэзии, ощутимо дыхание его самобытного языка и речи. Прозу Клюева можно назвать своего рода житейской оправой для жемчужины его поэзии. Стихи у него – это осуществление чистого божественного дара, а проза – выражение биографического и исторического фона. Ей присущи еще и подлинные проявления художественного, философского и пророческого характера, чем она вполне дополняет и развивает отдельные мотивы его поэзии. Общее содержание и идейную (национальную) направленность клюевской прозы именно в этой высокой ее ипостаси исследователь творчества поэта определяет следующим образом: «Проза Клюева <...> представляет собой целостный художественный текст, основой которого является эстетизация "избяного космоса" и романтическая концепция русской революции как Красной Пасхи, опирающейся на религиозно-мифологические представления о Втором Пришествии Христа и возможностях личного воплощения Иисуса в избранном "народе-Христе", в отдельном человеке, которого Провидение отметило своим божественным перстом. Таким носителем духовной истины, по глубокому убеждению Клюева, является русский народ» [1].

О своем органическом единстве с ним высказывается Клюев в автобиографических заметках и набросках, но более всего в так называемых «житийных» рассказах – о своих родословных корнях, семейном воспитании в духе «древлего благочестия», хождениях по старообрядческим скитам и сектантским гнездам, о встречах с представителями монархической и литературной элиты.

В них он осознает себя прежде всего вестником и выразителем творческих сил народа, но не тех слоев, которые реализовались в национальной культуре и искусстве под знаком приобщения России к европейскому прогрессу, а других, оставшихся в стороне от него, уходящих корнями в допетровскую Русь и крестьянскую самобытность, называемых самим поэтом «глубинными», «потаенными». В истории отечественной духовной культуры этими силами уже было решительно заявлено о себе. Имеется в виду возникшее еще в середине XVII века и создавшее свой особый духовный мир (этический и эстетический)

[1] *Пономарева Т. А.* Проза Николая Клюева 20-х годов. М., 1999. С. 124.

движение раскола, направленное поначалу против церковных нововведений патриарха Никона, а затем и вообще против всякого официально-церковного и даже государственного начала. В старообрядчестве, по словам исследователя, «была сильно развита историческая память, которая, видимо, вообще отличала древнерусского человека. Основу исторической памяти составляло осознание единства человеческой истории, неразрывной связи людей и поколений, живых и умерших. На этом строилось православное богослужение, церковные обряды и обычаи. Каждый человек чувствовал себя членом большой христианской семьи; это давало ему опору в жизни и образцы для подражания»[1].

Поэтому-то в рассказах о себе и уделяет поэт своей родословной основное внимание. «Родовое древо мое замглено коренем во временах царя Алексия. <...> До Соловецкого страстного сиденья восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной»[2] — записывает за Клюевым в начале 1920-х годов литературовед П. Н. Медведев. Высказывание о древности своих семейных корней (способных поспорить с именитыми родами) поэт дополняет здесь более существенной для него мыслью, что уходят они в достопримечательный период старообрядчества, с его бунтом монахов Соловецкого монастыря против никонианских нововведений (усмирен в 1676 году), сожжением в Пустозерске учителя и вождя раскола протопопа Аввакума (1682), самосожжением сторонников «древлего благочестия» в Палеостровском монастыре (1687 и 1688), основанием Выговской пустыни и расцветом ее под началом братьев Андрея и Семена Денисовых в первой трети XVIII века.

Доведя свою родословную (в которой значатся и «выходец и страдалец выгорецкий Андреян», и боярин Серых, и даже сам протопоп Аввакум) до родительного колена, основное внимание Клюев уделяет своей матери Прасковье Димитриевне. В созданном им ее образе как в поэзии, так и в прозе, невозможно отделить реальное от легендарного, настолько он живет в самих глубинных смыслах его творчества и связан с жизненными коллизиями поэта и его судьбы.

«Родом я по матери прионежский», — высказывается Клюев в <Автобиографии> (1923 или 1924). И это, надо полагать, вполне соответствует истине. Однако и здесь поэт подчеркивает прежде всего факт происхождения матери из тех краев, где особенно процветало

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] *Юхименко Е. М.* Народные основы творчества Н. А. Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997. С. 8.

[2] См.: Современные рабоче-крестьянские поэты / Сост. П. Заволокин. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 218.

старообрядчество с его заветами первых расколоучителей и самобытной культурой. Именно в ореоле истового «древлего благочестия» и предстает мать в рассказах поэта, образующих род некоего «жития».

Матери он обязан и воспитанием в любви к словесному творчеству, любви к книгам. «Я еще букв не знал, читать не умел, а так смотрю в Часовник и пою молитвы, которые знал по памяти и перелистываю Часовник, как будто бы и читаю. А мамушка-покойница придет и ну-ка меня хвалить: "Вот, говорит, у меня хороший ребенок-то растет, будет как Иоанн Златоуст"» («Гагарья судьбина»), по ее же настоянию он уходит в Соловки «спасаться», на выучку тамошним старцам. Оттуда затем и начинаются его странствия по потаенным местам России, во время которых он становится «царем Давидом», т. е. слагателем радельных песен для мистической общины «христов» (хлыстов). Так начинается Клюев-«песнописец» и поэт.

Помимо родословия и духовно-поэтического генезиса значительное место уделяет Клюев в автобиографических рассказах теме своего избранничества, знаки которого открываются ему уже с детских лет: начиная с обнаружения «особых примет благодати» на его теле и кончая странными чудесными явлениями: то на него, находящегося летом в поле, вдруг стремительно низвергается какое-то световое «пятно», которое поглощает своим «ослепительным блеском», то в другой раз зимой предстает ему на крутом берегу озера некое серафическое существо, следящее за ним своими «невыразимо прекрасными очами» («Гагарья судьбина»). Этот свет и это «сияние», несомненно, имеют духовное родство со светом «Неопалимой купины» или светом, «преобразовавшим» на горе Фавор Христа, сопровождавшимся словами с высоты: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный...» К мысли о своей осененности свыше поэт обращался и в других прозаических сочинениях. «Ясновидящим народным поэтом» назовет он себя в подборке кратких характеристик «Поэты Великой Русской Революции» (1919), о «провидящих очах» своей музы напишет в письме из Сибири С. Клычкову (1934).

Кроме этого, свой поэтический генезис он соотносит и с природными, земными силами. Клюев говорит о «жалкующей» в его песнях «медвежьей» сопели, себя называет «от медведя послом» и рассказывает о добывании «заклятого» «певучего» пера у гагары — «царицы» водяных птиц, а это перо дается только «таланному человеку». Образцы необычайно чувственного, плотского восприятия мира, пронизывающие стихи Клюева, присутствуют и в его прозе, что подтверждает их органичность для сознания автора: «Теплый животный Господь взял меня на ладонь свою, напоил слюной своей, облизал меня добрым родимым языком, как корова облизывает новорожденного теленка» («Гагарья судьбина»).

Разговор о «праотцах» (по материнской и отцовской линии), соловецких старцах сменяется в рассказах повествованием о всевозможных встречах поэта с современниками, в которых он придерживается уместного для них бытового прозаического тона, — «судьбоносного» значения они в его жизни не имеют. И лишь при упоминании великой княгини, впоследствии преподобномученицы, Елизаветы Феодоровны, тон рассказчика теплеет. С переходящей в неприязнь отстраненностью высказывается он о встречах с писательской братией. Исключения делаются только для «пламенного священника» Ионы Брихничева и Александра Блока, сумевшего тронуть сердце олончанина своей «глубокой грустью» и «тихой редкословной речью о народе» («Гагарья судьбина»).

Широта охвата личностью рассказчика разных социальных и духовных сфер жизни — одна из основных черт автобиографической прозы Клюева. Определяется она явным стремлением автора выйти на широкий простор общественно-духовной жизни России в ее высших ценностях, выйти из как бы предназначенного «поэту из народа» лишь узкого круга его социальной среды: «Так развертывается моя жизнь: от избы до дворца, от песни за навозной бороной до белых стихов в царских палатах» («Гагарья судьбина»).

В автобиографической прозе Клюева нередко звучит (проступающий, впрочем, и в других жанрах его прозы) восходящий к авторам древнерусской литературы самоуничижительный, покаянный тон: «За книги свои молю ненавидящих меня не судить, а простить. Почитаю стихи мои только за сор мысленный — не в них суть моя» (<Автобиография>, 1930?). Однако наибольшего сближения с древнерусской литературой достигает она тем, что представляет собой по сути дела не что иное, как написанное в ее традиции, чуждой художественного, украшающего слова, духовное завещание. «Думается, — отмечает О. Бахтина, — что и Житие Аввакума и другие жития-автобиографии русских подвижников должны быть осмыслены как духовные завещания, в которых органично соединяется исповедь-проповедь <...>.

К этой традиции и примыкает комплекс автобиографических текстов Н. Клюева, не собранных и не оформленных им самим в единое целое, как это сделано другими, не только Аввакумом, Епифанием Соловецким, выговскими киновиархами, но, например, Н. В. Гоголем в “Выбранных местах из переписки с друзьями”»[1]. Этой духовно-заве-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] *Бахтина О.* «Сновидения» Н. А. Клюева и традиции древнерусской и старообрядческой литературы // Николай Клюев: образ мира и судьба. С. 64, 65.

щательной интонацией проникнута в значительной степени вся словесно-речевая ткань автобиографической прозы Клюева, особенно «Гагарьей судьбины».

С начала 1920-х годов в творчестве поэта намечается своеобразный жанр — это высказывания по поводу тех или иных явлений литературы и искусства, в них он уходит от текущей злобы дня в область созерцаний и размышлений о предметах более для него значительных и возвышающихся над суетой будней. Преимущественно это суждения о классиках, современниках и о себе, о своем понимании собственного и чужого творчества, которыми поэт щедро делился с другом Н. И. Архиповым, старательно записывавшим подобно гетевскому И. П. Эккерману каждое за ним слово, понимая всю высокую значимость Клюева как творческой личности.

Суждения поэта о себе, о собственном месте в литературе и современности неизменно сопровождаются чувством горечи по поводу своей от нее отчужденности и непонятости: «Пишут обо мне не то, что нужно». С целью прояснения истины и высказывается он близкому человеку о собственном творчестве. Не случайно и в автобиографических фрагментах он говорит о своих «трудах» «на русских путях» и «песнях», где «каждое слово оправдано опытом» («Из записей 1919 года»). С «трудностью» работы над своей поэзией Клюев сопрягает здесь факт непростоты ее восприятия, точнее говоря, от читателя требуется понимание глубинного бытия национального слова: «Чтобы полюбить и наслаждаться моими стихами, — надо войти в природу русского слова, его стихию».

Включает поэт в круг этих сентенций и свою неизменную апологию крестьянского бытия, его первородства. «Священный сумрак гумна» уравнивается им с «сумраком готических соборов», а их с Есениным творчество уподобляется «самоцветной маковке на златоверхом тереме России: самому аристократическому, что есть в русском народе».

О современниках Клюев говорит преимущественно нелицеприятно. Даже стихи А. Блока, по его мнению, могли бы быть «с успехом» написаны «каким-нибудь пленным французом 1812 года», и «любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем “Пепел” Андрея Белого». Неоднозначно охарактеризованы стихи В. Рождественского и К. Вагинова, отрицательно — творчество С. Сергеева-Ценского, И. Садофьева, Н. Тихонова, как, впрочем, и других из «Серапионовых братьев». Обращая внимание на «водолазный» антураж прозы Н. Никитина, В. Иванова и с ними Б. Пильняка, Клюев иронизирует: «Только не достать им жемчугов со дна моря русской жизни. Тина, гнилые водоросли, изредка пустышка-раковина — их добыча. Жемчуга же в лар-

це, в морях морей, их рыбка-одноглазка сторожит»[1]. И совсем поиному, чем «Серапионовых братьев», оценивает С. Клычкова, близкого ему по духу восприятия как раз «глубинной Руси», высказываясь о его романе «Чертухинский балакирь» (1926).

Касается Клюев и факта разделения писательской братии по новому «классовому», а точнее, партийно-идеологическому принципу, — в рассказе о литературной вечеринке у того же Н. Тихонова, квартира которого оказалась в шесть «убранных по-барски, красным деревом и коврами» «горниц», а гости прибыли — «женского сословия» в «бархатных платьях, в скунсах и соболях на плечах, мужчины в сюртуках, с яркими перстнями на пальцах»[2].

В некоторых случаях суждения Клюева о писателях носят характер своеобразных «рецензий». Так, в 1928 году идеологами партии и литературной общественностью обращалось подчеркнутое внимание к творчеству Н. Некрасова. Положительные оценки давались ему ранее со стороны представителей даже весьма далеких от народно-демократического лагеря, от «музы мести и печали» литературных направлений (Н. Гумилев, М. Кузмин и др.). И только одна отрицательная характеристика этого «печальника» крестьянской доли принадлежит вышедшему из самих глубин черносошной России — Клюеву. Но всё дело в том, что направлена она не столько против Некрасова, сколько против «рогатых хозяев жизни» и их предшественников, революционных социал-демократов, взявших его на вооружение («бивших» долгое время им поэтов — представителей так называемого «чистого искусства») в целях политизации литературы и преследования всего того, что не служит их социальному заказу: «Его отвратительный дешевый социализм может пленять только товарищёв из вика или просто невежд в искусстве, которым не дано познать очарование ни в слове, ни в живописи, ни в музыке, ни тем более испить глубокого вина очей человеческих»[3].

Не могут не вызвать удивления записи высказываний и наброски воспоминаний о Есенине, в которых недавний «прекраснейший из сынов крещеного царства», помазанник на престол русской поэзии предстает в неожиданно шокирующе сниженном виде. Прежние, исполненные нередко излишне чувственной теплоты пиететы и признания уступают здесь место суждениям иного, как бы итогового ха-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] См.: *Михайлов А. Н.* Клюев и «Серапионовы братья» // Русская литература. 1997. № 4. С. 117.

[2] См.: Там же. С. 118.

[3] См.: *Михайлов А. Н.* Жанр рецензии в творчестве новокрестьянских поэтов // Русский литературный портрет и рецензии: Концепции и поэтика. Сб. ст. СПб., 2000. С. 94—95.

рактера. Теперь в Есенине Клюев не приемлет почти всё, включая и саму смерть (в факте самоубийства он, как и все его современники, не сомневался): «Мужики много, много терпят, но так не умирают, как Есенин. И дерево так не умирает... У меня есть, что вспомнить о нем, но не то, что надо сейчас. У одних для него заметка, а у меня для него самое нужное — молитва»[1]. Совсем не высокого теперь он мнения о творческом потенциале своего меньшого песенного собрата и, конечно же, не забывает упомянуть о неблаговидном поведении своего «Сереженьки» в быту. Тем более, что тема эта стала достоянием целой отрасли «есениноведения», где Клюев представал в достаточно очерненном виде, чего, кстати, требовало официозное отношение к нему как «чуждому элементу».

Все эти нелицеприятные суждения, несомненно, являются проявлением прежде всего горечи Клюева по поводу его неоправдавшихся надежд на мессианский путь Есенина как выразителя сокровенных творческих сил и самой «звездной» судьбы России, который сбился с этого пути, поддавшись влиянию враждебных ей сил, легкомысленно отнесся к своему дару, за что и поплатился творческим оскудением и душевным измельчанием. Впрочем, при оценке этих суждений следует принять во внимание тот факт, что высказаны они только в жанре «презренной прозы», а не поэзии, в которой Есенин в то же время возносится Клюевым на недосягаемую высоту (поэмы «Плач о Сергее Есенине», «Песнь о великой матери», стихотворение «Клеветникам искусства»). Не допуская снижения образа своего друга в поэзии, Клюев словно исходил из некоего еще не сформулированного закона, согласно которому последняя правда всегда будет оставаться за более верным и прочным поэтическим словом, по сравнению со словом прозы. В итоге же, освободившись от всего личного и болезненного, Клюев остался высоким ценителем есенинской поэзии. Не случайно, высказываясь о живущих в нем, как в художнике, «заветах» искусства и красоты, своего меньшого песенного собрата он называет в ряду великих — от внуков Велесовых до Андрея Рублёва, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Сурикова, Бородина, Врубеля и меньшого в шатре Отца — Есенина» («Заявление в Правление Всероссийского Союза советских писателей», 20 января 1932).

Сны Клюева являют собой феномен жанра (встречающегося и у других художников), в котором роковые силы бытия настолько овладевают духовной личностью, что начинают оформляться в ее творчестве как бы вне всяких писательских усилий с их замыслами, намеренным фантазированием и формальными приемами. Они возникают из

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] См.: *Михайлов А.* «Журавли, застигнутые вьюгой...» (Н. Клюев и С. Есенин) // Север. 1995. № 11–12. С. 151.

таинственных глубин духа в виде провидческих наитий и видений. Именно такого рода откровениями насыщены записи снов Клюева, в которых дает о себе знать тревога за собственную жизнь, предчувствие неизбежной гибели. «В эту зиму больше страшные сны виделись...» — предваряет он рассказ об одном из снов 1928 года. Но обобщение это может быть отнесено и ко всем снам поэта 1920–1930-х годов. Не случайно большинство из них сопровождается мотивом опасного места. Часто видится Клюеву кровь. И неизменным почти во всех снах выступает мотив бегства в поисках спасения от преследователей — убийц и палачей. В награду сновидцу за муки и страдания дается радость спасения. При этом важнее для него не столько осознание своей спасенности, сколько само спасительное место, в которое он попадает. Расположение этих точек на осях духовного мира поэта весьма по-клюевски определенно и примечательно. Прежде всего это, разумеется, всё соотносимое с православными святынями, со «Святой Русью».

Многие сюжеты и образы клюевских снов могут нами теперь осмысляться как провидческие, и среди них — о том же Есенине, например, в январском сне 1923 года с видением есенинской гибели. При этом рассказчик поясняет, что виделся ему этот сон дважды: «Первый раз еще осенью прошлого года», а затем «этот же сон нерушимым под Рождество вдругоряд видел я. К чему бы это?» Ответ последовал трагической ночью с 27 на 28 декабря 1925 года, когда в гостинице «Англетер» Есенин был найден мертвым. В следующем страшном сне о Есенине, приснившемся Клюеву на 1 января 1926 года, всё понятно: он вполне в духе христианских представлений о грехе самоубийства и посмертной кары за него. Другое дело последний из снов о поэте, приснившийся Клюеву в 30-е годы, как бы в преддверии уже и собственной гибели. Идет будто бы сновидец по бескрайнему ледяному полю, в которое по самую голову вбиты люди. Среди них он натыкается на знакомый взгляд, такой же, как все, непередаваемо ужасный... «Я узнал одного из моих собратьев-поэтов, погибшего от собственной руки, по своей упавшей до бездны воле... Он тоже узнал меня, умоляюще кричал о помощи, но я сам изнемог в этом мертвяще ледяном вихре... Я опустился на колени и, весь скованный судорогой, проснулся... Я его узнал...»[1] Речь здесь идет явно о Есенине, который в нечеловеческих муках пытался докричаться до Клюева о своей, ведомой только одному ему (и другим несчастным вокруг него), но еще неизвестной оставшимся жить людям «правде» о его последних часах. И всё это напоминает встречу Гамлета в шекс-

[1] См.: Сны Николая Клюева // Новый журнал. Л., 1991. № 4. С. 24 / Публ. А. Михайлова.

пировской трагедии с тенью отца, поведавшей сыну ужасную тайну своей кончины. Как пишет П. Медведев, видевший снятого с петли Есенина, на его лице застыло выражение «нечеловеческой скорби и ужаса»[1].

Немало в снах того, что подлинно сбылось. На Пасху 1932 года Клюеву привиделась мать, предупреждающая сына о том, что у него отнимутся ноги. И через пять лет это сбылось: в томской тюрьме с ним случился паралич ног. А также другой, может быть, самый поразительный пример провидческой сущности снов конца 20-х годов. Еще не так давно, в 60—80-е годы минувшего столетия, над нами тяготела угроза экологической катастрофы, которая могла произойти, осуществись безрассудная идея переброса стока северных рек европейской части России в южные степи: «Ушли воды русские, чтоб Аравию поить, теплым шелком стать. И только меж валунов на сугорах рыбьи запруды остались: осетры, белуги сажани по две, киты и кашалоты рябым брюхом в пустые сивые небеса смотрят. Воздух пустой, без птиц и стрекоз, и на земле нет ни муравья, ни коровки Божьей...»

И опять же, как в случае с автобиографической прозой, в своих размышлениях об этих снах исследователи неизбежно обращаются всё к той же неиссякающей традиции древнерусской литературы, находя в ней истоки этого жанра клюевской прозы: «В целом незабвенные сны Клюева являются по сути видениями, призванными максимально полно запечатлеть жизнь души поэта-пророка. Именно через многочисленные видения передавал свой духовный опыт Епифаний Соловецкий в своем житии-автобиографии. <...> Н. А. Клюев в своем «духовном завещании» в соответствии с традицией, которую он хорошо знал, передает через видения свой духовный опыт духовным братьям и сестрам, своим духовным детям, всем православным, чтобы спасти Россию от духовной смерти»[2].

В публицистике Клюев заявил о себе еще в начале XX века. В ней нашли яркое выражение его общественно-политические позиции, революционный пафос эпохи в пределах созвучности с миросозерцанием поэта.

В статьях (в виде «крестьянских» писем), написанных по свежим следам революции 1905—1907 годов Клюев выступает гневным обличителем либералов, городских интеллигентов, не способных не только помочь страдающему народу, но и вообще его понять, «про-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] *Медведев П.* Пути и перепутья Сергея Есенина // Клюев Н., Медведев П. Сергей Есенин. Л., 1927. С. 85.

[2] *Бахтина О.* «Сновидения» Н. А. Клюева и традиции древнерусской и старообрядческой литературы. С. 71.

никнуть в извивы народного духа, потому что им чужда психология мужика...» («В черные дни», 1908).

Самую активную публицистическую деятельность он развивает в период Октября. Большевистская революция была воспринята им восторженно. В поэзии прославляется Ленин и «сермяжные советские власти», украшается торжественным слогом религиозных текстов публицистика, с которой Клюев выступает в основном в уездной газете своего родного города Вытегра, где с 1918 по 1923 год и проживал: «Коммунист я, красный человек, запальщик, знаменщик, пулеметные очи» («Огненное восхищение», 1919).

Даже в этой небольшой цитате достаточно ощутимо, что «действительность 1919 года была окрашена для Клюева в красно-золотые, солнечные тона, что мир он воспринимал тогда, скорее, однополярным, моноцветным»[1].

С большевиками он в этот период во многом заодно и даже разогнанное ими Учредительное собрание называет «бесовским сонмищем» («Газета из ада, пляска Иродиадина», 1919). Он выступает на митингах, перед агитационными спектаклями. Красноармейцев поэт называет «сынами солнца – орлами», оплакивает павших из них (среди которых, кстати, и его молодые друзья). Им противопоставляется «кровавое стадо белогвардейцев», поэт обрушивается с проклятиями на официальную «синодальную» Церковь. Однако, отрицая Церковь как институт, причастный к государственной власти, он и не думал ниспровергать ее как сокровищницу христианского искусства, выражающую одну из самых его заветных идей – идею национальной красоты. Расцвет ее воплощения он видел как раз в прошлом, во временах созидания на Руси церковной красоты, утверждая, что «триста годов назад, когда мужику еще было где ухорониться от царских воевод да от помещиков, народ понимал искусство больше, чем в нынешнее время» («Медвежья цифирь», 1919).

Апологетически высказывается он и об «иконописных мирах, где живет последний трепет серафических воскрылий...» («Порванный невод», 1919). Еще с большей проникновенностью развивает он эту мысль в статье того же года «Сдвинутый светильник»: «Был я в ярославских древних церквах, плакал от тихого счастья, глядя на Софию – премудрость Божию в седом Новгороде, молился по-ребячьи во владимирских боголюбовских соборах, рыдал до медовой слюны у Запечной Богородицы в Соловках...» Подспудно в подобного рода апологиях просвечивает сокровенная мысль поэта о том, что и сама-то потребность русского народа в революции была вызвана не чем иным, как его «тоской <...> по Матери-Красоте, а следовательно, и по

---

[1] *Пономарева Т. А.* Проза Николая Клюева 20-х годов. С. 73.

истинной культуре» («Слово о ценностях народного искусства», 1920). Да и в новой власти ему хочется увидеть это истинное понимание «Матери-Красоты»: «Чует рабоче-крестьянская власть, что красота спасет мир. Прилагает она заботу к заботе, труд к труду, чтобы залучить воскресшего Жениха к себе на красный пир» («Медвежья цифирь»).

Мысль о спасительной миссии духовной культуры для революционной России является в «вытегорской» публицистике Клюева основополагающей. Не без тревоги он предупреждает: «Надо быть повнимательней ко всем этим ценностям, и тогда станет ясным, что в Советской Руси, где правда должна стать фактом жизни, должны признать великое значение культуры, порожденной тягой к небу...» («Слово о ценностях народного искусства»).

Каким бы ни был Клюев противником Церкви, однако предпринятые властями решительные меры по искоренению в русском народе «религиозного дурмана» отнюдь не могли отозваться в нем чувством солидарности с ними, особенно проводившаяся в ударном порядке, не имевшая в истории прецедента, кампания по «вскрытию мощей», почитаемых в народе святыми, — с целью их дискредитации. На нее он отзывается статьей «Самоцветная кровь» с характерной адресовкой в ее конце «Из Золотого Письма Братьям-Коммунистам» (1919), в которой их действия определяет как «поругание народной красоты», «хулу на Духа жизни».

Пафос Клюева, направленный на соединение «Матери-Красоты» с революционной «новью», а также его предупреждение «Братьям-Коммунистам» по поводу их необдуманного наступления на нее возымели как раз обратное действие — его отстраняют от их сонма (исключают из партии ввиду недопустимости пребывания в ее рядах человека, посещающего церковь и почитающего иконы).

Другой принципиально несозвучной большевистским идеалам оказалась у Клюева мысль о губительности для России, ее природы и естественного человека (разумеется, прежде всего, крестьянина) — «машинной цивилизации», выражаемой им в символах «железа» и «Америки». Эта мысль являлась преобладающей в его поэзии и, естественно, нашла отражение и в публицистике. Причиной упадка Матери-Красоты он считает здесь не только «Голштинское самодержавие», но и капитализацию России, несущую, по мысли поэта, духовное опустошение (приход «Железного ангела»). «Железным часом» для России считает он и наступившее губительное время, восклицая с горечью: «Где ты, золотая тропиночка, — ось жизни народа русского <...> по золоту, — настилу твоему басменному, броневик — исчадие адово прогромыхал» («Сорок два гвоздя», 1919). И еще из этой же статьи: «Слышит олонецкое солнышко, березка родимая, ку-

пальская, что не гвозди, а само железо на душу матери-земли походом идет. Идолище поганое надвигается. По-ученому же индустрия, цивилизация пулеметная, проволочная Америка».

Выступление поэта против «машинной цивилизации» вызвало яростные нападки на него истовых певцов революционного железа, каковыми являлись деятели Пролеткульта. И вовсе не случайна их атака — резко отрицательная рецензия П. Бессалько на «революционный» сборник стихов Клюева «Медный кит» (1919, фактически: нояб. 1918).

Что же касается поэтики клюевской публицистики, то здесь, по наблюдению Е. Пономаревой, обращает на себя внимание следующее: «опора на народное мнение» — как один из приемов его текстов, «ориентация на манеру говорения "старичка с Онеги", на просторечные формы, сказовость повествования, что было свойственно и разговорной речи самого Клюева <...> В то же время в статьях и очерках, опубликованных в газете "Звезда Вытегры", есть черты революционной прокламации и лозунга, митинговая риторика и пафос, публицистическая заостренность и прямая авторская оценка современности»[1].

Дает здесь о себе знать и особый «клюевский», так сказать, «истолковательный» стиль — когда автор принимается разъяснять обладающему своими самобытными понятиями «народу» незнакомые будто бы ему «культурные» слова, например, понятие «поэт»: «От старины выискивались люди с душевным ухом: слышат такие люди, как пырей растет, как зерно житное в земле лопается, норовит к солнцу из родимой келейки пробиться <...> ныне же тех людей величают поэтами» («Медвежья цифирь»).

Вытегорский период жизни Клюева был пиком в его публицистике. После исключения из партии (1920), а затем статьи о нем Л. Троцкого в «Правде» (сентябрь 1922), завершавшейся словами: «Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни <...> явно на ущербе. На ущербе как будто и сам Клюев»[2], как публицист поэт уже не выступает, поскольку для прославления революции в этом жанре, как и в поэзии, у него уже не стало прежней убежденности и запала.

Более всего как прозаик Клюев проявил себя в эпистолярном жанре, ибо письма поэта — «его дневник, его философия, этика и эстетика, его исповедь»[3].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] *Пономарева Е.* Проза Николая Клюева 20-х годов. С. 23, 125.

[2] *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 62.

[3] *Базанов В. Г.* С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990. С. 47.

В первых же письмах литераторам он заявляет о себе как о поэте, стремящемся путем личного знакомства с ними заручиться поддержкой для опубликования своих опытов: «Я, крестьянин Николай Клюев, обращаюсь к Вам с просьбой – прочесть мои стихотворения и, если они годны для печати, то потрудитесь поместить их в какой-либо журнал», – с такой просьбой он начинает в 1907 году длительную переписку с А. Блоком. С тем же обращается он и к другим адресатам – к Л. Д. Семенову (15 июня 1907 г.), В. Брюсову (около 30 ноября 1911 г.). В свою очередь затем и сам, имея уже литературное влияние, он не забывал оказывать содействие таким же начинающим поэтам: «Пришли мне новые свои песни, я постараюсь их поместить в журнал Миролюбова», – писал, к примеру, поэт 22 декабря 1913 года А. Ширяевцу.

Уже на раннем этапе вхождения в литературу его переписка с ее представителями, а также с другими деятелями искусства, не ограничивается только прагматическими целями. В значительной степени она диктовалась потребностями общения поэта на высоком духовно-интеллектуальном и сердечном уровне, о чем он сам признавался Е. М. Добролюбовой по поводу своей переписки с Л. Д. Семеновым: «Очень тяжело не делиться с Леонидом Дмитриевичем написанным. Если бы Вы знали мои чувства к нему – каждое его слово меня окрыляет – мне становится легче...» (сентябрь – конец, октябрь – начало 1907 г.).

Через всю переписку проходит тема поисков и обретения (а также потери) родственной души в чужом и враждебном мире. Коснемся кратко лишь тех пластов писем, в которых сказалась особенная острота и напряженность текущего момента жизни поэта, глубина в осмыслении им истории России и ее судьбы в настоящее время.

Первая по времени и значимости стала переписка с А. Блоком, оказавшая, кстати, определенное влияние и на адресата. О Клюеве как поэте Блок упоминает в текстах, предназначавшихся к публичному обнародованию, всего лишь несколько раз и то мимоходом в 1907 году. Но зато на протяжении более чем десятилетнего общения Клюев являлся для него выразителем той «истинной» жизни, проникнуть в которую он стремился. Многочисленные упоминания Клюева Блоком в своих дневниках, записных книжках и письмах к родным и знакомым (а также в разговоре с ними) свидетельствуют о его отношении к «олонецкому крестьянину» как к некоему нравственному символу, представителю загадочной народной веры. Он считает нужным, судя по ответным письмам Клюева (письма Блока не сохранились), даже исповедоваться перед ним, выступая в известной с XIX века роли «кающегося дворянина». Блока приводят в смятение проскальзывающие иногда в письмах адресата нотки обличе-

ния с призывом порвать со своим предосудительным, «барским» образом жизни. «Письмо Клюева окончательно открыло глаза»[1], — пишет он матери, а через год в письме к ней снова: «Всего важнее для меня — то, что Клюев написал мне длинное письмо о "Земле в снегу", где упрекает меня в интеллигентской порнографии. <...> Другому бы я не поверил так, как ему»[2].

Обращенные Клюевым к Блоку слова в письме от 22 января 1910 года: «Понимаю, что наружная жизнь Ваша несправедлива, но не презираю, а жалею Вас», — могут быть истолкованы (что и делается) как неподобающим образом взятое им на себя право «казнить» Блока или «жаловать» ему «прощение». На самом же деле, думается, здесь всё иначе. Блок, скорее всего, сам напрашивался в порыве «раскаяния» на «презрение» со стороны своего адресата, что вполне в духе христианской этики (уничижение с целью внутреннего очищения). Клюев же, наоборот, отказывается от такой миссии: он способен лишь пожалеть, а не осуждать кающегося грешника, тем более что и сам не считает себя достойнее и чище: «Не отталкивайте же и Вы меня своей, быть может, фальшивой тьмой. Сам себя я не считаю светлым...»

На иной основе возникла и развивалась переписка с С. Есениным, первым, кстати, подавшим голос к сближению, что и понятно. В нем к середине 1910-х годов уже сложился и выплескивался в восторженно-звонких, с долей светлой юношеской грусти, стихах поэтический мир русской деревни. Да к тому же не убого-народнической, «суриковской», а деревни «Святой Руси», осознающей свою духовную и эстетическую самобытность. Есенин едет в поисках родственного понимания в Петроград, где в начале октября 1915 года и произойдет его встреча с Клюевым, успевшим к тому времени в сборниках стихов уже запечатлеть свою пригрезившуюся ему «потаенную», в исконно крестьянском обличии «Святую Русь». Есенина, естественно, окрылило существование родственной души. Не менее окрыленным оказался и Клюев — и стихами обретенного «песенного собрата», и всем его обликом юного «рязанского Леля». И одним из первых чувств, пробуждаемых в нем Есениным, является чувство своей ответственности за судьбу этого возросшего на одной с ним почве чудесного дичка, попадающего теперь в чуждый для него, таящий немалые соблазны и пагубу городской мир. От них-то, еще до встречи с Есениным, отвечая на его первые письма, Клюев и хочет предостеречь своего «милого братика». Своими антагонистами в этот период он считает поэтов городской культуры, творчество которых определялось

[1] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 219.

[2] Там же. С. 258.

им как «бумажное». Они оторваны от природы, в их жилах течет вялая, неврастеническая кровь вырождающегося племени, отторгнутого цивилизацией от живительных сил природы. Их тяга к поэтам — сынам деревни с их полноценной, здоровой кровью и творчеством, как бы порождаемыми могучими силами земли, как объяснял Клюев в своем письме Есенину, понятна: им (городским поэтам) «не нужно лишний раз прибегать к шприцу с морфием или кокаином, потеревшись около нас» (август? 1915 г.).

Переписка Клюева и Есенина не составила обширного пласта в их творчестве, хотя и обозначена весьма импульсивными единичными всплесками со стороны первого. Она иссякла, лишившись той доверительности и сердечности, которые питаются взаимной симпатией и взаимным пониманием адресатов-единомышленников. После лета 1917 года между Клюевым и Есениным этого уже не было. Младший стал тяготиться излишней опекой старшего, а пуще всего неприемлемой теперь для него идеей патриархальной клюевской Руси с ее «избяным космосом» и «берестяным раем», тогда как для старшего оказался крайне неприемлемым бравирующий и в творчестве, и в манере поведения имажинизм младшего (в придачу с «урбанизацией» своего образа недавнего «рязанского Леля»). Всё это становилось уже стимулом отнюдь не для дружеской переписки, а всего лишь для некоторой пикировки уже в других словесных жанрах, что и наблюдается в творчестве обоих поэтов в двадцатые годы.

Самый большой пласт писем Клюева адресован молодому художнику Анатолию Яр-Кравченко (1929—1937 годы).

В каждом из адресатов Клюев находил отражение какой-то из существенных моментов его жизненного и творческого пути. В письмах к Блоку «олонецким крестьянином» утверждалось право быть равным среди равных в русской поэзии, в письмах к Есенину — Клюев раскрывался как борец за сохранение в русской духовности, красоте их самых глубинных корней, чистых родников в трагический период разрушения основ национального бытия. В письмах к Яр-Кравченко поэтом преодолевался драматизм как личной жизни (одиночество), так и конфликт с отвергающей его и чуждой ему самому современностью, утверждалась связь с миром общечеловеческих ценностей (природа и сердечная привязанность). Любовь Клюева к Анатолию порождала в молодом человеке глубокую ответную признательность поэту, оказывающему громадное воздействие на формирование его духовного мира. «У тебя, — писал своему бывшему ученику Анатолию киевский профессор И. Ф. Селезнев, — есть необычайный вдохновитель — Клюев! Это громадная радость иметь общение с таким поэтом! Это творчество будит твою душу, и твои нарождающиеся художественные сны облекаются в надлежащий и выразительный на-

ряд... Не бойся этих снов. Это то, для чего стоит жить. Это то царство-государство, где можно спрятаться от теперешней окружающей нас мрази»[1].

Арест и ссылка Клюева в Сибирь не стали причиной их разрыва. Добрые взаимоотношения между ними продолжались и в переписке. В письмах к своим родным А. Яр-Кравченко свидетельствовал: «Он благословил мой жизненный путь великим светом красоты и прекрасного. Имя его самое высокое для меня» (18 февраля 1935 г.). «Я среди этих каменных гор и этого гордого молчания природы много думаю о дедушке, который прошел через мою жизнь, показал диковинную птицу и ушел. А я стою зачарованный, стою, боюсь дышать, чтоб не отпугнуть паву. Но она неудержима, обнимает протянутые к ней руки и расправляет крылья, чтобы улететь. Я плачу» (5 мая 1935 г.)[2].

Трагическими письмами из сибирской ссылки последнему «песенному собрату» С. А. Клычкову (преимущественно его жене Горбачевой) и своей «духовной сестре» Н. Ф. Христофоровой отмечен заключительный этап жизненного пути поэта — страдного, мученического, исповедального.

В этих письмах поэт раскрывается во всей полноте своей высокой судьбы. Действительно, если родной Олонецкий край (откуда взошла его яркая поэтическая звезда) создал его вдохновенным певцом радости, красоты и божественных откровений, то Сибирь (где она вместе с его жизнью закатилась) способствовала исторжению из его души только одного голоса — голоса страдания и скорби.

В них запечатлены все подробности состояния Клюева, пребывающего на протяжении трех лет в жутких условиях неволи и выживания, под постоянной угрозой гибели и холода. Гнетущая обстановка оказывает свое разрушительное действие на поэта, и тогда в его письмах появляются признания в потере чувства внутренней гармонии и равновесия, жизненной ориентации: «Я живу, как в тумане, ничего не слышу и не вижу, и многое перестал понимать...» (В. Н. Горбачевой, 25 ноября 1935 г.). Однако на помощь теряющему ориентацию и ясность мышления приходит по обыкновению всегда спасительное у Клюева — осознание душевное. Из тупика губительных обстоятельств поэт выходит путем обращения к миру собственной души, к идее очистительной христианской жертвы, прежде всего — покаяния. В первые месяцы ссылки он пишет: «Не ищу славы человече-

[1] См.: *Михайлов А. И.* Лед и яхонт любимых зрачков // Север. 1993. № 10. С. 135.

[2] См.: *Михайлов А.* Пути развития новокрестьянской поэзии. Л., 1990. С. 240.

ской, а одного — лишь прощения ото всех, кому я согрубил или был неверен. Прощайте, простите! Ближние и дальние» (С. Клычкову, 12 июня 1934 г.). «Целую ноги Ваши и плачу кровавыми слезами» (Н. С. Голованову, 25 июля 1934 г.).

Напоминающая по первому впечатлению этикет эпистолярного стиля древнерусской литературы поэтика этих формул не является, однако, стилизацией, а происходит от самой жизни, неизменно исторически повторяющиеся типичные ситуации которой как раз и повлияли на формирование подобного стиля, а затем давали ему возможность закрепляться. Об этом пишет и сам поэт: «Теперь я калека. Ни позы, ни ложных слов нет во мне. Наконец, настало время, когда можно не прибегать к ним перед людьми, и это большое облегчение» (Н. Ф. Христофоровой, после 5 июля 1936 г.).

По сути дела все обращения Клюева с просьбой о помощи к своим адресатам представляют собой мольбу о спасении его музы: «Меня нужно поддержать первое время, авось мои тяжелые крылья, сейчас влачащиеся по земле, я смогу поднять. Моя муза, чувствую, не выпускает из своих тонких перстов своей славянской свирели» (А. Яр-Кравченко, вторая половина июня 1934 г.). Жалобы на невозможность в существующих условиях проявиться его музе носят разнообразный характер — от сетования на бытовые помехи до скорби в общенациональном масштабе по поводу печального пренебрежения в его отечестве поэзией, являющейся подлинной «солью» России: «Не жалко мне себя как общественной фигуры, но жалко своих песен. <...> Верю, что когда-нибудь уразумеется, что без русской песенной соли пресна поэзия под нашим вьюжным небом, под шум новгородских берез» (Н. Ф. Христофоровой, конец 1935 г.).

В целом же письма поэта из Сибири носят характер, сближающий их с «посланиями» древнерусских авторов «духовного завещания», — завещания тем, кто остается на воле, завещания молодым, которым суждено пережить весь ужас лихолетья. Насколько они являются выражением «глубинных основ мировосприятия и мироощущения их автора» исследователь подчеркивает: «Письма Клюева из ссылки представляют собой сложный сплав эпистолярного жанра и идущего от древнерусской литературы жанра духовного завещания. В этом нет ничего удивительного: годы и болезни не оставляли Клюеву никакой надежды на благополучное возвращение из ссылки. Удивительно другое: письма поэта свидетельствуют, сколь прочно и глубоко жили в народе восходящие к средневековой древности взгляды и понятия, сколь неистребимо сохранялась этикетность мышления и поведения русского крестьянина»[1].

[1] *Юхименко Е. М.* Народные основы творчества Н. А. Клюева. С. 11.

Следует также несколько остановиться на некоторых особенностях их содержания, а также стиля всех клюевских писем вообще.

Подобно автобиографической прозе и публицистике они в значительной степени насыщены апологией крестьянства (преимущественно в письмах к Блоку). В противоположность известному славословию революции в своей публицистике, в письмах, как жанре более искреннем, доверительном и «камерном», Клюев высказывается о ней уже как о силе разрушительной: «Хотя при пролетарской культуре такие люди, как я, и должны погибнуть, но все-таки не думалось, что моя погибель будет так ужасна», — пишет он из Вытегры в Петроград В. С. Миролюбову в первой половине января 1918 года. В том, что «революция сломала» «деревню» и его, Клюева, «быт», его «избяной рай», он жалуется в письмах к М. Горькому (в том же году), а также Есенину (22 января 1922 г.). Правда, в письме к С. Городецкому (лето 1920 г.) он к этой жалобе добавляет: «Я очень страдаю, но и радуюсь, что сбылось наше — разинское, самосожженческое...» В полном отчаяния и безысходности письме Миролюбову (осень 1919 г.) он признается в невозможности писать, несомненно, о революции в том духе, в каком писал о ней раньше: «Они (стихи. — *А. М.*) уже с занозой, с ядком. Бесенята обсели их, как мухи...»

Клюевские письма изобилуют отзывами, суждениями о текущей литературе, о собратьях-писателях. Здесь он отмечает «удивительные по строгости, простоте и осиянности строки» «свежих, как Апрельский Лес» стихотворений С. Клычкова (А. Ширяевцу, 28 июня 1914 г.), «строгость линий» в стихах А. Ахматовой (В. С. Миролюбову, январь 1915 г.), есенинскую «Радуницу» — как «чистейшую из книг» (А. Ширяевцу, начало 1917 г.), «чудесные арсеналы с кладенцами» в поэзии П. Васильева (В. Н. Горбачевой, 22 декабря 1936 г.) и, наоборот, «серость» и «неточность» в стихах печатающихся в газетах «знаменитостей» (Н. Ф. Христофоровой, конец 1935 г.).

Письма — все-таки жанр в своей сущности весьма специфический, и не отношением в них автора к окружающему миру он более всего определяется, а в основном — отношением его к своему адресату, побудившему в данном случае написать вот это самое письмо. Одним из таких побуждений выступает в письмах Клюева стремление подсказать ему некие правильные действия, направить его на верный путь. «...Нужно идти тем путем, который труднее всего. Брать то, что мир отвергает, не делать того, что делает мир» (А. Яр-Кравченко, 14 февраля 1933 г.).

Опять же вспоминается наследуемый от традиции древнерусской литературы жанр «духовного завещания».

Но еще более, чем наставительным, пульсируют письма Клюева тоном покаянным и самоуничижительным (и не только из Сибири, а

также более ранние, к примеру, Блоку). Верный заветам традиционной архаической культуры, поэт использовал в своих уничижительных формулах старинную эпистолярную этику и эстетику, использовал ее органично и естественно.

И как ни у кого другого пульсируют письма Клюева чрезвычайно эмоциональными обращениями к своим адресатам, щедрым одариванием их чувственно-красочными эпитетами.

Только недавно опубликованная (и частично републикованная) проза Клюева имеет, естественно, еще меньшую давность ее исследовательской интерпретации, тем более истолкования ее поэтики. И всё же известные результаты уже имеются. В первую очередь это неоднократно нами упоминавшиеся выявления ее генетической связи с древнерусской литературой не только по линии жанра «духовного завещания», но и многих концептов – символов, восходящих к фольклору. «Поэтика клюевской прозы является мифологической. Его образы опираются одновременно на тексты Священного Писания, апокрифы, народные легенды и фольклор. Мифологемы Голгофы, распятия (сораспятия), воскресения, «последних дней», Преображения, огня, пожара, света, тьмы, Красного коня, Змея становятся центром его художественного мира» [1].

Обнаруживается исследователями «прозы поэта» ее пронизанность стиховым, ритмическим началом, опять же унаследованным, по наблюдениям другого автора, от образцов древнерусских и библейских текстов (в частности, так называемого «версийного стиха»). Здесь средством ритмизации становятся «инверсия, анафоры и другие риторические фигуры речи»; создаваемая с их помощью симметричность речи образует своеобразный ритмический облик клюевской прозы как художественной, так и публицистической». В статьях 1919 года эту ритмизацию данный исследователь обнаруживает на уровне целых фрагментов, что дает повод считать произведение не только «стихоподобным», но и настоящим «стихотворением в прозе» [2]. Подобное же отмечается А. Казаркиным, назвавшим всю «Гагарью судьбину» «прозаической поэмой» [3].

Проза Клюева (несомненно, в большей степени, чем его поэзия, подверженная известному влиянию символизма) представляет собой соединительное звено между литературой XX столетия и древнерус-

[1] *Пономарева Е.* Проза Николая Клюева 20-х годов. С. 124–125.

[2] *Орлицкий Ю. Б.* Проза и стих в творчестве Н. Клюева и других поэтов новокрестьянского направления // Вытегорский вестник. 1994. № 1. С. 42.

[3] *Казаркин А.* Игровое и трагедийное в поэмах Клюева // Николай Клюев: образ мира и судьба. С. 49.

ской. Оставаясь уникальной по своему характеру, она, однако, не замыкается сама в себе, а имеет много «сродников» в отечественной словесности, ибо, по словам исследователя, Клюев как «прозаик — подлинно поэт, ощущающий язык как сокровенное лоно культуры. При всей разности и значительности это, думаю, — Алексей Чапыгин, в чем-то и Андрей Платонов, и Леонид Леонов, Валентин Распутин, и Василий Белов, и Владимир Личутин, а возможно, и Александр Солженицын. Мне, скорее всего, возразят и скажут: "Солженицын — другое"... Но замечу, что эта вязкость слова, эта приверженность к языковой стихии, несмотря на многие несхожести, все-таки роднит их»[1]. Наметится ли в поисках новейшей литературы сближение с прозой Клюева, за которой стоит богатейшая традиция исконной национальной словесности и духовной культуры, покажет литература наступившего нового времени.

Для читателя же, всецело погруженного в еще такой близкий XX век, с его вершинными взлетами всей многовековой отечественной культуры и ее падением, включая трагедию национального самосознания и самого генофонда, проза Клюева, отобразившая всё это на самых разных уровнях и в завидной многожанровости, окажется более чем самодостаточной.

Как и в известные далекие времена сердце такого читателя, уязвленное изображенными в этой прозе «страданиями человеческими», вполне могло бы впасть в глубокое помрачение, если бы само же творчество Клюева не содержало в себе ко всему прочему еще и мощного заряда преодоления — через очищение духа и воздействие неувядаемой красоты.

Александр Михайлов

---

[1] *Лазарев В. Я.* Об особенностях творческого развития Николая Клюева и об их современном восприятии // Вытегорский вестник. С. 49.

РАЗДЕЛ I

Автобиографические штрихи

ИЗ ЗАПИСЕЙ 1919 ГОДА

Я — мужик, но особой породы: кость у меня тонкая, кожа белая и волос мягкий. Ростом я два аршина, восемь вершков, в грудях двадцать четыре, а в головной обойме пятнадцать с половиной. Голос у меня чистый и слово мерное, без слюны и без лая; глазом же я зорок и сиз: нерпячий глаз у меня, неузнанный...

Принимая тело свое, как сад виноградный, почитаю его и люблю неизреченно (оттого и шелковая рубаха на мне, широкое с теплой пазухой полукафтанье, ирбитской кожи наборный сапог и персидского сканья перстень на пальце). Не пьяница я и не табакур, но к суропному пристрастен: к тверскому прянику, к изюму синему в цеженом меду, к суслу, к слоеному пирогу с куманичным вареньем, к постному сахару и ко всякому леденцу.

В обиходе я тих и опрятен; горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится; лавка дресвяным песком да берёстой натерта — моржовому зубу белей не быть. В большом углу Спас поморских зеленых писем — глядеть не наглядеться: лико, почитай, в аршин, а очи, как лесные озера... Перед Спасом лампада серебряная доможирной выплавки, обронной работы.

В древней иконе сердце и поцелуи мои. Молюсь на Андрея Рублёва, Дионисия, Парамшина, выгорецких и устюжских трудников и образотворцев...

Родом я из Обонежской пятины — рукава от шубы Великого Новгорода. Рождество же мое — вот уже тридцать первое, славится в месяце беличьей линьки и лебединых отлетов — октябре, на Миколу, черниговского чудотворца...

Грамоте я обучен семилетком родительницей моей Парасковьей Димитриевной по книге, глаголемой Часослов лицевой. Памятую сию книгу, как чертог украшенный, дивес пречудных исполнен: лазори, слюды, златозобых Естрафилей и коней огненных.

...Родительница моя была садовая, а не лесная, во чину серафимовского православия. Отроковицей видение ей было: дуб малиновый, а на ней птица в женьчужном оплечье с ликом Пятницы-Параскевы. Служила птица канон трем звездам, что на богородичном плате пишутся; с того часа прилепилась родительница моя ко всякой речи, в которой звон цветет знаменный, крюковой, скрытный, столбовой... Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами и полууставно, знала Лебедя и Розу из Шестокрыла, Новый Маргарит — перевод с языка черных христиан, песнь искупителя Петра III, о христовых пришествиях из книги латинской удивительной, огненные письма протопопа Аввакума, индийское Евангелие и многое другое, что потайно осоляет народную душу — слово, сон, молитву, что осолило и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни...

Пеклеванный ангел в избяном раю — это я в моем детстве... С первым пушком на губе, с первым стыдливым румянцем и по особым приметам благодати на теле моем был я благословлен родителю моей идти в Соловки, в послушание к старцу и строителю Феодору, у которого и прошел верижное правило. Старец возлюбил меня, аки кровное чадо, три раза в неделю, по постным дням, не давал он мне не токмо черного хлеба, но и никакой иной снеди, окромя пряженого пирожка с изюмом да вина кагору ковшичка два, чистоты ради и возраста ума недоуменного — по древней греческой молитве: «К недоуменному устремимся уму...»

Письма из Кожеозерска, из Хвалынских молелен, от дивногорцев и спасальцев кавказских, с Афона, Сирии, от китайских несториан, шелковое письмо из святого города Лхаса — вопияли и звали меня каждое на свой путь. Меня вводили в воинствующую вселенскую церковь...

Жизнь моя — тропа Батыева: от студеного Коневца (головы коня) до порфирного быка Сивы пролегла она. Много на ней слез и тайн запечатленных.

Я был прекрасен и крылат
В богоотеческом жилище,
И райских кринов аромат
Мне был усладою и пищей.
Блаженной родины лишен
И человеком ставший ныне...

Осознание себя человеком произошло со мной в теплой закавказской земле, в ковровой сакле прекрасного Али. Он был родом из Персии и скрывался от царской печати (высшее скопчество, что полагалось в его роде Мельхиседеков). Родители через верных людей пересылали ему серебро и гостинцы для житейской потребы. Али

полюбил меня так, как учит Кадра-ночь, которая стоит больше, чем тысячи месяцев. Это скрытное восточное учение о браке с ангелом, что в русском белом христианстве обозначается словами: обретение Адама...

Али заколол себя кинжалом...

Меня арестовали на Кавказе; по дороге в тюрьму я угостил конвойных табаком с индийским коноплем и, когда они забесновались, я бежал от них и благополучно добрался до Кутаиса, где жил некоторое время у турецких братьев-христиан...

О послушании моем в яслях и купелях скопческих в Константинополе и Смирне, в садах тамошних святых тебе, милый, выведывать рано, да и не вместишь ты ангельского воображения...

Саровский медведь питается медом из Дамаска.

Труды мои на русских путях, жизнь на земле, тюрьма, встреча с городом, с его бумажными и каменными людьми выражены мною в моих песнях, где каждое слово оправдано опытом, где всё пронизано рублёвским певческим заветом, смысловой графьей, просквозило асcис<т>ом любви и усыновления.

Из всех земных явлений я больше люблю огонь. Любимые мои поэты Роман Сладкопевец, Верлен и царь Давид; самая желанная птица — жаворонок, время года — листопад, цвет — нежно-синий, камень — сапфир, василек — цветок мой, флейта — моя музыка.

<1919>

ГАГАРЬЯ СУДЬБИНА

Я родился, то шибко кричал, а чтоб до попа не помер, так бабушка Соломонида окрестила меня в хлебной квашонке.

А маменька-родитель родила меня, сама не помнила когда. Говорила, что «рожая тебя такой холод забрал, как о Крещении на проруби; не помню, как тебя родила».

А пестовала меня бабка Фёкла — Божья угодница — как ее звали. Я без мала с двух годов помню себя.

Грамоте меня выучила по Часовнику мамушка. Посадила меня на лежанку и дала в руку творожный колоб, и говорит: «Читай, дитятко, Часовник и ешь колоб и, покуль колоба не съешь, с лежанки не выходи». Я еще букв не знал, читать не умел, а так смотрю в Часовник и пою молитвы, которые знал по памяти, и перелистываю Часовник, как будто бы и читаю. А мамушка-покойница придет и ну-ка меня

хвалить: «Вот, говорит, у меня хороший ребенок-то растет, будет как Иоанн Златоуст».

На тринадцатом году, как хорошо помню, было мне видение. Когда уже рожь была в колосу и васильки в цвету, сидел я над оврагом, на сугоре, такой крутой сугор; позади меня сосна, а впереди верст на пять видать наполисто...

На небе не было ни одной тучки — всё ровно-синее небо... И вдруг вдали, немного повыше той черты, где небо с землей сходится, появилось блестящее, величиной с куриное яйцо, пятно. Пятно двигалось к зениту и так поднялось сажен на 5 напрямки и потом со страшной быстротой понеслось прямо на меня, всё увеличиваясь и увеличиваясь... И уже, когда совсем было близко, на расстоянии версты от меня, я стал различать всё возрастающий звук, как бы гул. Я сидел под сосною, вскочил на ноги, но не мог ни бежать, ни кричать... И это блиставшее ослепительным светом пятно как бы проглотило меня, и я стоял в этом ослепительной блеске, не чувствуя, где я стою, потому что вокруг меня как бы ничего не было и не было самого себя.

Сколько времени это продолжалось — я не могу рассказать, как стало всё по-старому — я тоже не могу рассказать.

А когда мне было лет 18, я черпал на озере воду из проруби, стоя на коленях... Когда начерпал ушат, поднял голову по направлению к пригорку, на который я должен был подняться с салазками и ушатом воды, я ясно увидел на пригорке среди нежно-синего сияния снега существо, как бы следящее за мною невыразимо прекрасными очами. Существо было в три или четыре раза выше человеческого роста, одетое как бы в кристалловидные лепестки огромного цветка, с окруженной кристаллическим дымом головой.

А так у меня были дивные сны. Когда умерла мамушка, то в день ее похорон я приехал с погоста, изнемогший от слез. Меня раздели и повалили на пол, близ печки, на соломенную постель. И я спал два дня, а на третий день проснулся, часов около 2 дня, с таким криком, как будто вновь родился. В снах мне явилась мамушка и показала весь путь, какой человек проходит с минуты смерти в вечный мир. Но рассказать про виденное не могу, не сумею, только ношу в своем сердце. Что-то слабо похоже на пережитое в этих снах брезжит в моем «Поддонном псалме», в его некоторых строчках.

❖❖❖

А в Соловках я жил по два раза. В самой обители жил больше года без паспорта, только по имени — это в первый раз; а во второй раз жил на Секирной горе. Гора без мала 80 саж<еней> над морем. На горном же темени церковка каменная и кельи. Строителем был при мне о<тец> Феодор, я же был за старцем Зосимой.

Долго жил в избушке у озера, питался чем Бог послал: черникой, рыжиками; в мёрдушку плотицы попадут — уху сварю, похлебаю; лебеди дикие под самое оконце подплывали, из рук хлебные корочки брали; лисица повадилась под оконце бегать, кажнюю зарю разбудит, не надо и колокола ждать.

Вериги я на себе тогда носил девятифунтовые, по числу 9 небес, не тех, что видел ап<остол> Павел, а других. Без 400 земных поклонов дня не кончал. Икона Спасова в углу келейном от свечи да от молитвы словно бархатом перекрылась, казалась мягкой, живой. А солнышко плясало на озере, мешало золотой мутовкой озерную сметану, и явно виделось, как преп<одобный> Герман кадит кацеей по березовым перелескам.

Люди приходили ко мне, пахло от них миром мирским, нудой житейской... Кланялись мне в ноги, руки целовали, а я плакал, глядя на них, на их плен черный, и каждому давал по сосновой шишке на память о лебединой Соловецкой земле.

Раз под листопад пришел ко мне старец с Афона в седине и ризах преподобнических, стал укором укорять меня, что не на правом я пути, что мне нужно во Христа облечься, Христовым хлебом стать и самому Христом быть.

Поведал мне про дальние персидские земли, где серафимы с человеками брашно делят и — многие другие тайны бабидов и христов персидских, духовидцев, пророков и братьев Розы и Креста на Руси.

Старец снял с меня вериги и бросил в озерный омут, а вместо креста нательного надел на меня образок из черного агата; по камню был вырезан треугольник и надпись, насколько я помню, «Шамаим» и еще что-то другое, чего я разобрать и понять в то время не мог.

Старец снял с себя рубашку, вынул из котомки портки и кафтанец легонький, и белую скуфейку, обрядил меня и тем же вечером привел на пароход как приезжего богомольца-обетника.

В городе Онеге, куда я со старцем приехал, в хорошем крашеном доме, где старец пристал, нас встретили два молодых мужика, годов по 35. Им старец сдал меня с наказом ублажать меня и грубым словом не находить.

Братья-голуби разными дорогами до Волги, а потом трешкотами и пароходами привезли меня, почитай, в конец России, в Самарскую губ<ернию>.

Там я жил, почитай, два года царем Давидом большого Золотого Корабля, белых голубей — христов. Я был тогда молоденький, тонкоплечий, ликом бел, голос имел заливчатый, усладный.

Великий Голубь, он же пророк Золотого Корабля, Духом Божиим движимый и Иоанном в духовном Иордане крещеный, принес мне великую царскую печать. Три дня и три ночи братья не выходили из

Корабля, молясь обо мне с великими слезами, любовью и лаской ко мне. А на четвертый день опустили меня в купель.

Купель — это деревянный узкий сруб внутри дома; вход с вышки по отметной лесенке, которую убрали вверх. Тюфяк и подушка для уготованных к крещению набиты сухим хмелем и маковыми головками. Пол купели покрыт толстым слоем хмеля, отчего пьянит и мерещится, слух же и голос притупляются. Жег я восковые свечи от темени, их было числом сорок; свечки же хватало, почитай, на целый день, они были отлиты из самого ярого белого воска, толщиной с серебряный рубль. Кормили же меня кутьей с изюмом, скаными пирогами белыми, пить же давали чистый кагор с молоком.

В такой купели нужно пробыть шесть недель, чтобы сподобиться великой печати. Что подразумевалось под печатью, я тогда не знал, и только случай открыл мне глаза на эту тайну.

Паренек из Корабля, брат Мотя, вероятно, тайно от старцев пробрался ко мне, приоткрыл люк вверху и в разговоре со мной проговорился, что у меня «отрежут всё», и если я умру, то меня похоронят на выгоне и что уже там на случай вырыта могила, земля рассыпана по окрайку, вдалеке, чтобы незаметно было; а самая яма прикрыта толстыми плахами и дерном, чтобы не было заметно.

Я расплакался, но Мотя, тоже заливаясь слезами, сказал, что выпустить он меня не может, но что внизу срубца, почти в земле, прошлый год переменяли сгнившее бревно на новое и что это бревно можно расшатать и выпихать в придворок, так как стена срубца туда выходит.

Весь день и всю ночь расшатывал я бревно, пока оно не подалось. И я, наперво пропихав свою одежу в отверстие, сам уже нагишом вылез из срубца в придворок, а оттуда уже свободно вышел в коноплянники и побежал куда глаза глядят. И только когда погасли звезды, я передохнул где-то в степи, откуда доносился далекий свисток паровоза.

А после того побывал я на Кавказе; по рассказам старцев, виделся с разными тайными людьми; одни из них живут в горах, по году и больше не бывают в миру, питаются от трудов рук своих. Ясны они и мало говорливы, больше кланяются, а весь разговор: «Помолчим, брат!» И молчать так сладко с ними, как будто ты век жил и жить будешь вечно.

Видел на Кавказе я одного раввина, который Христу молится и меня называл Христом; змей он берет в руки, по семи дней ничего не ест и лечит молитвой.

Помню, на одной дороге в горах попал я на ватагу смуглых, оборванных мальцев, и они обступили меня, стали трепать по плечам,

ласкать меня, угощать яблоками и рассыпчатыми белыми конфектами. Кажется, что это были турки. Я не понимал по-ихнему ни одного слова, но догадался, что они зовут меня с собою. Я был голоден и без денег, а идти мне было всё равно куда.

В сакле, у горного ключа, куда привели меня мальцы, мне показалось очень приветно. Наварили лапши, принесли вина и сладких ягод, пили, ели... Их было всего человек восемь; самый красивый из них с маковыми губами и как бы с точеной шеей, необыкновенно легкий в пляске и движениях, стал оспаривать перед другими свое право на меня. Завязалась драка, и только кинжал красавца спас меня от ярости влюбленной ватаги.

Дня четыре эти люди брали мою любовь, каждый раз оспаривая меня друг у друга. На прощанье они дали мне около 100 руб. денег, кашемировую рубаху с серебряным кованым поясом, сапоги и наложили в котомку разной сладкой снеди.

Скала, скрывающая жгучий ключ, была пробита. Передо мною раскрылся целый мир доселе смутных чувств и отныне осознанных прекрасных путей. В тюрьме, в ночлежке, в монастыре или в изысканном литературном салоне я утешаюсь образом Али, похожего на молодой душистый кипарис. Позже я узнал, что он искал меня по всему Кавказу и южной России и застрелился от тоски.

От норвежских берегов до Усть-Цыльмы, от Соловков до персидских оазисов знакомы мне журавиные пути. Плавни Ледовитого океана, соловецкие дебри и леса Беломорья открыли мне нетленные клады народного духа: слова, песни и молитвы. Познал я, что невидимый народный Иерусалим — не сказка, а близкая родимая подлинность, познал я, что кроме видимого устройства жизни русского народа как государства, или вообще человеческого общества существует тайная, скрытая от гордых взоров, иерархия, церковь невидимая — Святая Русь, что везде, в поморской ли избе, в олонецкой ли позёмке или в закаспийском кишлаке есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога. И план этот — усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия.

Теплый животный Господь взял меня на ладонь свою, напоил слюной своей, облизал меня добрым родимым языком, как корова облизывает новорожденного теленка.

❖❖❖

Жизнь на русских проселках, под телен<ь>канье малиновок, под комариный звон звезд всё упорней и зловещее пугали каменные щупальцы. И неизбежное совершилось. Моздокские просторы, хвойные губы Поморья выплюнули меня в Москву. С гривенником в кармане, с краюшкой хлеба за пазухой мерил я лапотным шагом улицы этого, доселе еще прекрасного города.

Не помню, как я очутился в маленькой бедной комнатке у чернокудрого, с пчелиными глазами человека. Иона Брихничев — пламенный священник, народный проповедник, редактор издававшегося в Царицыне на Волге журнала «Слушай, земля!», принял меня как брата, записал мои песни. Так появилась первая моя книга «Сосен перезвон». Брихничев же издал и «Братские песни».

Появились статьи в газетах и журналах, на все лады расхваливавшие мои стихи. Литературные собрания, вечера, художественные пирушки, палаты московской знати две зимы подряд мололи меня пестрыми жерновами моды, любопытства и сытой скуки. Брюсов, Бунин, Вересаев, Телешов, Дрожжин, марксисты и христиане, «Золотое руно» и Суриковский кружок — мои знакомцы того нехорошего, бестолкового времени.

Писатели мне казались суетными маленькими людьми, облепленными, как старая лодка, моллюсками тщеславия, нетерпимости и порока. Артисты казались обжорами, пустыми щеголями с хорошо подвешенным языком и с воловьим несуразным лбом. Но больше всего ужасался я женщин; они мне всегда напоминали кондоров на пустынной падали, с тошным запахом духов, с голыми шеями и руками, с бездушным, лживым голосом. Они пугали меня, как бесы солончаковых аральских балок.

Театры, музыка, картинные выставки и музеи не дали мне ничего, окромя полынной тоски и душевного холода. Это было в 1911—12 годы. Грузинская Божия Матерь спасла меня от растления. Ее миндальные очи поют и доселе в моем сердце. Пречудная икона! Глядя на нее, мне стало стыдно и смертельно обидно за себя, за Россию, за песни — панельный товар.

Мое бегство из Москвы через Питер было озарено знакомством с Нечаянной Радостью — покойным Ал. Блоком. Простотой и глубокой грустью повеяло на меня от этого человека с теплой редкословной речью о народе, о его святынях и священных потерях. До гроба не забыть его прощального поцелуя, его маслянистой маленькой слезинки, когда он провожал меня в путь-дорогу, назад в деревню, к сосцам избы и ковриги-матери.

Жизнь на родимых гнездах, под олонецкими берестяными звездами дала мне песни, строила сны святые, неколебимые, как сама земля.

Старела мамушка, почернел от свечных восковых капелей памятный Часовник. Мамушка пела уже не песни мира, а строгие стихиры о реке огненной, о грозных трубных архангелах, о воскресении телес оправданных. За пять недель до своей смерти мамушка ходила на погост отметать поклоны Пятнице-Параскеве, насладиться светом

тихим, киноварным Исусом, попирающим врата адовы, апосля того показать старосте церковному, где похоронить ее надо, чтобы звон порхался в могильном песочке, чтобы место без лужи было. И тысячецветник белый, непорочный из сердца ея и из песенных губ вырос.

Мне ж она день и час сказала, когда за ее душой ангелы с серебряным блюдом придут. Ноябрь щипал небесного лебедя, осыпал избу сивым неслышным пухом. А как душе мамушкиной выйти, сходился вихрь на деревне: две тесины с нашей крыши вырвало и, как две ржаных соломины, унесло далеко на задворки; как бы гром прошел по избе...

Мамушка лежала помолодевшая, с неприкосновенным светом на лице. Так умирают святые, лебеди на озерах, богородицына трава в оленьем родном бору... Мои «Избяные песни» отображают мое великое сиротство и святыню-мать. Избяной рай остался без привратника; в него поселились пестрые сирины моих новых дум и черная сова моей неизглаголанной печали. Годы не осушили моих глаз, не размыкали моего безмерного сиротства. Я — сирота до гроба и живу в звонком напряжении: вот-вот заржет золотой конь у моего крыльца — гостинец Оттуда — мамушкин вестник.

Всё, что писал и напишу, я считаю только лишь мысленным сором и ни во что почитаю мои писательские заслуги. И удивляюсь, и недоумеваю, почему по виду умные люди находят в моих стихах какое-то значение и ценность. Тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери.

За свою песенную жизнь я много видел знаменитых и прославленных людей. Помню себя недоростком в Ясной Поляне у Толстого. Пришли мы туда с рязанских стран: я — для духа непорочного, двое мужиков под малой печатью и два старика с пророческим даром.

Толстой сидел на скамеечке, под веревкой, на которой были развешаны поразившие меня своей огромностью синие штаны.

Кое-как разговорились. Пророки напирали на «блаженни оскопившие себя». Толстой торопился и досадливо повторял: «Нет, нет...» Помню его слова: «Вот у вас мальчик, неужели и его по-вашему испортить?» Я подвинулся поближе и по обычаю радений, когда досада нападает на людей, стал нараспев читать стих: «На горе, горе Сионской...», один из моих самых ранних Давидовых псалмов. Толстой внимательно слушал, глаза его стали ласковы, а когда заговорил, то голос его стал повеселевшим: «Вот это настоящее... Неужели сам сочиняет?..»

Больше мы ничего не добились от Толстого. Он пошел куда-то вдоль дома... На дворе ругалась какая-то толстая баба с полным по-

дойником молока, откуда-то тянуло вкусным предобеденным духом, за окнами стучали тарелками... И огромным синим парусом сердито надувались растянутые на веревке штаны.

Старые корабельщики со слезами на глазах, без шапок шли через сад, направляясь к проселочной дороге, а я жамкал зубами подобранное под окном яснополянского дома большое с черным бочком яблоко.

Мир Толстому! Наши корабли плывут и без него.

Как русские дороги-тракты, как многопарусная белянная Волга, как бездомные тучи в бесследном осеннем небе — так знакомы мне тюрьма и сума, решетка в кирпичной стене, железные зубы, этапная матюжная гонка. Мною оплакана не одна черная копейка, не один калач за упокой, за спасение «несчастненькому, молоденькому».

Помню офицерский дикий суд над собой за отказ от военной службы... Четыре с половиной года каторжных работ... Каменный сундук, куда меня заперли, заковав в кандалы, не заглушил во мне словесных хрустальных колокольчиков, далеких тяжковеющих труб. Шесть месяцев вздыхали небесные трубы, и стены тюрьмы наконец рухнули. Людями в белых халатах, с золотыми очками на глазах, с запахом смертной белены и йода (эти дурманы знакомы мне по сибирским степям) я был признан малоумным и отправлен этапом за отцовской порукой в домашнее загуберье.

Три раза я сидел в тюрьме. Не жалко острожных лет: пострадать человеку всегда хорошо... Только любить некого в кирпичном кошеле. Убийца и долголетний каторжник Дубов сверкал на меня ореховыми глазами на получасных прогулках по казенному булыжному двору, присылал мне в камеру гостинцы: ситный с поджаристой постной корочкой и чаю в бумажке... Упокой его, Господь, в любви своей! А в поминанье у меня с красной буквы записано: убиенный раб Божий Арсений.

Били меня в тюрьме люто: за смирение, за молчание мое. У старшего надзирателя повадка была: соль в кармане носить. Схватит тебя за шиворот да и ну солью голову намыливать; потом сиди и чисти всю ночь по солинке на ноготь... Оттого и плешивый я и на лбу болезные трещины; а допреж того волос у меня был маслянистый, плечи без сутулья и лицом я был ясен...

❖❖❖

Сивая гагара — водяных птиц царица. Перо у сивой гагары заклятое: зубчик в зубчик, а в самом черенке-коленце бывает и пищик... Живой гагара не дастся, только знающий, как воды в земляной кваш-

не бродят и что за дрожжи в эту квашню положены, находит гагару под омежным корнем, где она смерть свою встречает. В час смертный отдает водяница таланному человеку заклятый пищик — певучее сивое перо.

Великое Онего — чаша гагарья, ее удолье и заплыв смертный.

От деревни Титовой волок сорокаверстный (сорок — счет не простой) намойной белой лудой убегает до Муч-острова. На острове, в малой церковке царьградские вельможи живут: Лазарь и Афанасий Муромские. Теплится их мусикия — учеба Сократова — в булыжном жернове, в самодельных горшечках из глины, в толстоцепных веригах, что до наших дней онежские мужики раченьем церковным и поклонением оберегают.

От Муромского через Бесов Нос дорога в Пудожские земли, где по падям береговым бабы дресву золотую копают и той дресвой полы в избах да лавки шоркают. Никто не знает, отчего у пудожских баб избы на Купальский день кипенем светятся... то червонное золото светозарит. Сказывают, близ Вороньего Бора, в той же Пудожской земле, ручей есть: берега, врозмах до 20 саж<еней>, всё по земляным слоям жемчужной раковиной выложены. Оттого на вороньегорских девках подзоры и поднизи жемчугом ломятся.

Бабки еще помнят, как в тамошние края приезжали черные купцы жемчуг добывать. На людях накрашены купцы по лицу краской, оттого белыми днем выглядят; в ночную же пору высмотрели старухи, что обличьем купцы как арапы, волосом курчавы и Богу не по-нашему молятся.

От Вороньего Бора дорога лесами бежит. Крест я в тех лесах видел, в диком нелюдимом месте, а на кресте надпись резная про государева дарева повествует. Старики еще помнят, как ходили в низовые края, в Новгород и в Москву сказители и баяны дарева промышлять. Они-то на месте, где по домам расходиться, крест с привозного мореного дуба поставили...

Апосля крестовой росстани пойдут Повенецкие страны. Тут и великое Онего суклином сходится. Кому надо на красный Палеостров к преп<одобному> Корнилию в гости, заворачивай мысами, посолонь. Палеостров — кость мужицкая: 10 000 заонежских мужиков за истинный крест да красоту молебную сами себя посреди Палеострова спалили. И доселе на их костях звон цветет, шумит Неопалимое Древо... Видел я, грешный, пречудное древо и звон огненный слышал...

На ладьях или на соймах ловецких с Палеострова в Клименицы богомолье держат. Помню, до 30 человек в нашей ладье было — всё люди за сивой гагарой погонщики. Ветер — шелоник ледовитый о ту пору сходился. Подпарусник волны сорвали... Плакали мы, что смерть пришла... Уже Клименицы в глазах синели, плескали сиговой

ухой и устойным квасом по ветру, но наша ладья захлебывалась продольной волной...

«Поставь парус ребром! Пустите меня к рулю!» — за велегласной исповедью друг другу во грехах памятен голос... Ладья круто повернула поперек волны, и не прошло с час, как с Клименецкого затона вскричала нам встречу сивая водяница-гагара...

Голосник был — захваленный ныне гагарий погонщик — Григорий Ефимович Распутин.

В Питере, на Гороховой, бес мне помехой на дороге стал. Оболочен был нечистый в пальто с воротником барашковым, копыта в калоши с опушкой упрятаны, а рога шапкой «малоросс» накрыты. По собачьим глазам узнал я его.

«Ты, — говорит, — куда прешь? Кто такой и откуда?»

«С Царского Села, — говорю, — от полковника Ломана... Григория Ефимовича Новых видеть желаю... Земляк он мой и сомолитвенник...»

В горнице с зеркалом, с образом гостинодворской работы в углу, ждал я недолго. По походке, когда человек ступает на передки ног, чтобы легкость походке придать, учуял я, что это «он». Семнадцать лет не видались, и вот Бог привел уста к устам приложить. Поцеловались попросту, как будто вчера расстались.

«Ты, — говорит, — хороший, в чистоте себя соблюдаешь... Любо мне смирение твое: другой бы на твоем месте в митрополиты метил... Ну да не властью жив человек, а нищетой богатной!»

Смотрел на него я сбоку: бурые жилки под кожей, трещинка поперек нижней губы и зрачки в масло окунуты. Под рубахой из крученой китайской фанзы — белая тонкая одета и запястки перчаточными пуговками застегнуты; штаны не просижены. И дух от него кумачный...

Прошли на другую половину. Столик небольшой у окошка, бумажной салфеткой с кисточками накрыт — полтора целковых вся салфеткина цена. В углу иконы не истинные, лавочной выработки, только лампадка серебряная — подвески с чернью и рясном, как у корсунских образов.

Перед пирогом с красной рыбой перекрестились на образа, а как «аминь» сказать, внизу или вверху — то невдогад — явственно стон учуялся.

«Что это, — говорю, — Григорий Ефимович? Кто это у тебя вздохнул так жалобно?»

Легкое удивление и как бы некоторая муть зарябила лицо Распутина.

«Это, — говорит, — братишко у меня тебе жалуется, а ты про это никому не пикни, ежели Бог тебе тайное открывает... Ты знаешь, я каким дамам тебя представлю? Ты кого здесь в Питере знаешь? Хошь русского царя увидеть? Только пророчествовать не складись... В тебе ведь талант, а во мне дух!..»

«Неладное, — говорю, — Григорий Ефимович, в народе-то творится... Поведать бы государю нашу правду! Как бы эта война тем блином не стала, который в горле колом становится?..»

«Я и то говорю царю, — зачастил Распутин, — царь-батюшка, отдай землю мужикам, не то не сносишь головы!»

Старался я говорить с Распутиным на потайном народном языке о душе, о рождении Христа в человеке, о евангельской лилии, он отвечал невпопад и, наконец, признался, что он ныне «ходит в жестоком православии». Для меня стало понятно, что передо мной сидит Иоанн Новгородский, заклявший беса в рукомойнике, что стон, который я слышал за нашей молитвой перед пирогом, суть жалоба низшей плененной Распутиным сущности.

Расставаясь, я уже не поцеловал Распутина, а поклонился ему по-монастырски... Бес в галошах указал мне дорогу к Покрову на Садовой...

После каменного петербургского дня долго без морока спится, фабричным гудком не разбудить... По Фонтанке, в том конце ее, где Чернышёв мост в берега вклевался, утренние гудки черными петухами уши бередят...

Вот в такое-то петушиное утро к корявому дому на Фонтанке, в котором я проживал, подъехал придворный автомобиль. Залитый галунами адъютант, с золотою саблей на боку, напугал кухонную Авдотью: «Разбудить немедленно Николая Клюева! Высочайшие особы желают его видеть!»

Холодный, сверкающий зал царскосельского дворца, ряды золотых стульев, на которых сторожко, даже в каком-то благочинии сидели бархатные, кружевные и густо раззолоченные фигуры... Три кресла впереди — сколок с древних теремных услонов — места царицы и ее старших дочерей.

На подмостках, покрытых малиновым штофом, стоял я в грубых мужицких сапогах, в пестрядинной рубахе, с синим полукафтанцем на плечах — питомец овина, от медведя посол.

Как меня учил сивый тяжелый генерал, таким мой поклон русской царице и был: я поклонился до земли, и в лад моему поклону царица, улыбаясь, наклонила голову. «Что ты, нивушка, чернешень-

ка...», «Покойные солдатские душеньки...», «Подымались мужики-пудожане...», «Песни из Заонежья» цветистым хмелем сыпались на плеши и букли моих блистательных слушателей.

Два раза подходила ко мне царица, в упор рассматривая меня. «Это так прекрасно, я очень рада и благодарна», – говорила она, едва слышно шевеля губами. Глубокая скорбь и какая-то ущемленность бороздили ее лицо.

Чем вспомнить Царское Село? Разве только едой да дивным Феодоровским собором. Но ни бархатный кафтан, в который меня обрядили, ни раздушенная прислуга, ни похвалы генералов и разного дворцового офицерья не могли размыкать мою грусть, чувство какой-то вины перед печью, перед мужицким мозольным лаптем.

Гостил я и в Москве, у царицыной сестры Елизаветы Феодоровны. Там легче дышалось и думы светлее были... Нестеров – мой любимый художник, Васнецов на Ордынке у княгини запросто собирались. Добрая Елизавета Феодоровна и простая, спросила меня про мать мою, как ее звали и любила ли она мои песни. От утонченных писателей я до сих пор вопросов таких не слыхал.

Так развертывается моя жизнь: от избы до дворца, от песни за навозной бороной до белых стихов в царских палатах.

Не изумляясь, но только сожалея, слагаю я и поныне напевы про крестные зори России. И блажен я великим в малом перстами, которые пишут настоящие строки, русским голубиным глазам Иоанна, цветущим последней крестной любовью...

1922

<АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК>

Впервые сидел я в остроге 18 годов от роду, безусый, тоненький, голосок с серебряной трещинкой.

Начальство почитало меня опасным и «тайным». Когда перевозили из острога в губернскую тюрьму, то заковали меня в ножные кандалы, плакал я, на цепи свои глядя. Через годы память о них сердце мне гложет...

Когда пришел черед в солдаты идти, везли меня в Питер, почитай 400 вер<ст>, от партии рекрутской особо, под строжайшим конвоем...

В Сен-Михеле, городок такой есть в Финляндии, сдали меня в пехотную роту. Сам же про себя я порешил не быть солдатом, не учиться убийству, как Христос велел и как мама мне завещала. Стал я отказываться от пищи, не одевался и не раздевался сам, силой меня

взводные одевали; не брал я и винтовки в руки. На брань же и побои под микитку, взглезь по мордасам, по поджилкам прикладом молчал. Только ночью плакал на голых досках нар, так как постель у меня в наказание была отобрана. Сидел я в Сен-Михеле в военной тюрьме, в бывших шведских магазеях петровских времен. Люто вспоминать про эту мерзлую каменную дыру, где вошь неусыпающая и дух гробный...

Бедный я человек! Никто меня не пожалеет...

Сидел я и в Выборгской крепости (в Финляндии). Крепость построена из дикого камня, столетиями ее век мерить. Одиннадцать месяцев в этом гранитном колодце я лязгал кандалами на руках и ногах...

Сидел я и в Харьковской каторжной тюрьме, и в Даньковском остроге (Рязанской губ<ернии>)... Кусок хлеба и писательская слава даром мне не достались!

Бедный я человек!

Январь 1923
Вытегра

<АВТОБИОГРАФИЯ>

Мне тридцать пять лет, родом я по матери прионежский, по отцу же из-за Сити-реки, ныне Вологодской губ<ернии>.

Грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости обязан своей покойной матери, память которой чту слёзно, даже до смерти.

Жизнь моя — тропа Батыева. От Соловков до голубых китайских гор пролегла она: много на ней слез и тайн запечатленных... Родовое древо мое замглено коренем во временах царя Алексия, закудрявлено ветвием в предивных строгановских письмах, в сусальном полыме пещных действ и потешных теремов.

До соловецкого страстного сидения восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной.

Первая книга моя «Сосен перезвон» напечатана радением купца Знаменского в Москве в 1912 году.

Мои книги: «Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были», «Мирские думы», «Медный кит», «Песнослов» (I и II кн.), «Избяные песни», «Песнь Солнценосца», «Четвертый Рим», «Мать-Суббота» и «Ленин».

1923 или 1924

ПРАОТЦЫ

Говаривал мне мой покойный тятенька, что его отец (а мой дед) медвежьей пляской сыт был. Водил он медведя по ярманкам, на сопели играл, а косматый умняк под сопель шином ходил.

Подручным деду был Федор Журавль — мужик, почитай, сажень ростом: тот в барабан бил и журавля представлял.

Ярманки в Белозерске, в веси Егонской, в Кирилловской стороне до двухсот целковых деду за год приносили. Так мой дед Тимофей и жил; дочерей своих (а моих теток) за хороших мужиков замуж выдал. Сам жил не на квасу да редьке: по престольным праздникам кафтан из ирбитского сукна носил, с плисовым воротником, кушак по кафтану бухарский, а рубаху носил тонкую, с бисерной накладкой по вороту. Разоренье и смерть дедова от указа пришли.

Вышел указ: медведей-плясунов в уездное управление для казни доставить...

Долго еще висела шкура кормильца на стене в дедовой повалуше, пока время не стерло ее в прах... Но сопель медвежья жива, жалкует она в моих песнях, рассыпается золотой зернью, аукает в сердце моем, в моих снах и созвучиях...

Душевное слово, как иконную графью, надо в строгости соблюдать, чтобы греха не вышло. Потому пиши, братец, что сказывать буду, без шатания, по-хорошему, на память великомученицы Параскевы, нарицаемой Пятницей, как и мать мою именовали.

Господи, благослови поведать про деда моего Митрия, как говаривала мне покойная родительница.

Глядит, бывало, мне в межбровья взглядом неколебимым и весь облик у нее страстотерпный, диавола побеждающий, а на устах речь прелестная:

— В тебе, Николаюшка, аввакумовская слеза горит, пустозерского пламени искра шает. В вашем колене молитва за Аввакума застольной была и праотеческой слыла. Как сквозь сон помню, поскольку ребяческий разум крепок, приходила к нам из Лексинских скитов старица в каптыре, с железной панагией на персях, отца моего Митрия в правоверии утверждать и гостила у нас долго... Вот от этой старицы и живет памятование, будто род наш от Аввакумова кореня повелся...

И еще говорила мне моя родительница не однажды, что дед мой Митрий Андреянович северному Ерусалиму, иже на реце Выге, верным слугой был. Безусым пареньком провозил он с Выгова серебро в Питер начальству в дарево, чтоб военных команд на Выгу не посыла-

ли, рублёвских икон не бесчестили и торговать медным и серебряным литьем дозволяли.

Чтил мой дед своего отца (а моего прадеда) Андреяна как выходца и страдальца выгорецкого. Сам же мой дед был древлему благочестию стеной нерушимой.

Выговское серебро ему достаток давало. В дедовском доме было одних окон 52; за домом сад белый, черемуховый, тыном бревенчатым обведен. Умел дед ублажать голов и губных старост, архиереев и губернаторов, чтобы святоотеческому правилу вольготней было.

С латинской Австрии, с чужедальнего Кавказа и даже от персидских христиан бывали у него гости, молились пред дивными рублёвскими и диосиевскими образами, писали Золотые Письма к заонежским, печорским и царства Сибирского христианам, укрепляя по всему северу левитовы правила красоты обихода и того, что ученые люди называют самой тонкой одухотворенной культурой...

Женат мой дед был на Федосье, по прозванию Серых. Кто была моя бабка, от какого кореня истекла, смутно сужу, припоминая причиты моей родительницы, которыми она ублажала кончину своей матери. В этих причитах упоминалось о «белом крепком Нове-городе», о «боярских хоромах перёных», о том, что ее

Родитель-матушка не чернавка была дворовая,
Родом-племенем высокая,
На людях была учтивая,
С попами-дьяками была ровнею.
По заветным светлым праздничкам
Хорошо была обряжена,
В шубу штофную галунчату,
В поднизь скатную жемчужную.
Шла по улице боярыней,
А в гостибье государыней.
Во святых была спасеная,
Книжной грамоте ученая...

Что бабка моя была, действительно, особенная, о том свидетельствовал древний Часовник, который я неоднократно видел в детстве у своего дяди Ивана Митриевича.

Часовник был узорно раскрашен и вызолочен с боков. На выходном же листе значилась надпись. Доподлинно я ее не помню, а родитель мне ее прочитывала, что «книга сия выгорецкого посельника и страдальца боярина Серых...»

<1924>
Петроград

<О СЕБЕ: Автобиографическая заметка>

Говаривал мой покойный тятенька, что его отец, а мой дед, медвежьей пляской сыт был. Водил он медведя по ярманкам, на сопели играл, а косматый умняк под сопель шином ходил. Подручным деду был Федор Журавль — мужик, почитай, сажень ростом: тот в барабан бил и журавля представлял. Ярманки в Белозерске, в Кириловской стороне, до двухсот целковых деду за год приносили.

Так мой дед Тимофей и жил. Дочерей, а моих теток, за хороших мужиков замуж выдал. Сам жил не на квасу да редьке: по престольным праздникам кафтан из ирбитского сукна носил, с плисовым воротником, кушак по кафтану бухарский, а рубаху носил тонкую, с бисерной накладкой по вороту.

Разоренье и смерть дедова от указа пришла. Вышел указ: медведей-плясунов в уездное управление для казни доставить... Долго еще висела шкура кормильца на стене в дедовой повалуше, пока время не стерло ее в прах.

Но сопель медвежья жива, жалкует она в моих песнях, рассыпается золотой зернью, аукает в сердце моем, в моих снах и созвучиях...

Я — мужик, но особой породы: кость у меня тонкая, кожа белая и волос мягкий. Ростом я два аршина и восемь вершков, в грудях двадцать четыре, а в головной обойме пятнадцать с половиной. Голос у меня чистый и слово мерное, без слюны и без лая, глазами же я зорок и сиз: нерпячий глаз у меня, неузнанный. Не пьяница я и не табакур, но к сиропному пристрастен: к тверскому прянику, к изюму синему в цеженом меду, к суслу, к слоеному пирогу с куманичным вареньем, к постному сахару и ко всякому леденцу.

В обиходе я тих и опрятен. Горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится. Лавка дресвяным песком да берёстой натерта — моржовому зубу белей не быти...

Жизнь моя — тропа Батыева: от студеного Коневца (головы коня) до порфирного быка Сивы пролегла она. Много на ней слез и тайн запечатленных. Труды мои на русских путях, жизнь на земле, тюрьма, встреча с городом, с его бумажными и каменными людьми, революция — выражены мною в моих книгах, где каждое слово оправдано опытом, где всё пронизано рублёвским певческим заветом, смысловой графьей, просквозило ассис<т>ом любви и усыновления.

Из всех земных явлений я больше люблю огонь. Любимые мои поэты — Роман Сладкопевец, Верлен и царь Давид. Самая желанная птица — жаворонок, время года — листопад, цвет — нежно-синий, камень — сапфир. Василек — цветок мой, флейта — моя музыка.

<1926>

<АВТОБИОГРАФИЯ>

Родился 1887 г.

Родом я крестьянин с северного Поморья. Отцы мои за древлее православие в книге «Виноград Российский» навеки поминаются. Знаю Русь — от Карелы и Пинеги до сапфирных гор китайского Беловодья. Много на своем веку плакал и людей жалел. За книги свои молю ненавидящих меня не судить, а простить. Почитаю стихи мои только за сор мысленный — не в них суть моя... Тоскую я в городе, вот уже целых три года, по заячьим тропам, по голубым вербам, по маминой чудотворной прялке.

Учился — в избе по огненным письмам Аввакума-протопопа, по Роману Сладкопевцу — лета 1440-го.

Н. Клюев.

1930?

В Главискусство
поэта Клюева
Николая Алексеевича

БИОГРАФИЯ

Родился 1887 г. от родителей крестьян — Алексея Тимофеевича и Парасковьи Димитриевны Клюевых Олонецкой губ<ернии>.

Грамоте и песенному складу научен своей матерью.

Двадцать пять лет в литературе.

Имею 18 сборников стихотворений, переведен на языки: немецкий, английский, японский, итальянский, финский, сербско-хорватский, украинский. Положен на музыку как иностранными, так и русскими композиторами, жизнь моя на земле, солдатчина, царская тюрьма рассказаны моими стихами. В настоящее время тяжело болен. Исход моей болезни — сумасшествие и смерть. Усердно прошу Главискусство о помощи — назначении мне персональной пенсии.

Николай Клюев.

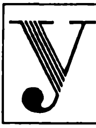
27 февраля 1930 г.

Адрес: Ленинград, ул. Герцена, дом № 45, кв. 8.

РАЗДЕЛ II

Записи разных лет: о себе и времени, классиках и современниках

1
ГОЛУБАЯ СУББОТА

 избы есть корни; она как кондовая сосна: хвоя на ней ржаная, а шишки золотом сычены. Семь чаш пролито на избу: первая чаша — покой, вторая — нетление, третья — духовидчество, четвертая — мир мирови, пятая — жертва Авеля, шестая — победа, седьмая — и во веки веков.

Мистерия избы — Голубая Суббота, заклание Агнца и урочное Его воскресение. Коврига — Христос избы, хлеб животный, дающий жизнь верным.

Рождество хлеба, его заклание, погребение и воскресение из мертвых, чаемое как красота в русском народе, и рассказаны в моей «Голубой Субботе».

Причащение Космическим Христом через видимый хлеб — сердце этой поэмы.

Человек-пахарь, немногим умаленный от ангелов, искупит ржаной кровью мир. Ходатай за сатану, сотворивший хлеб из глыбы земной, пахарь целует в уста древнего Змия и вводит в субботу серафима и диавола, обручая их перстнем бесконечного прощения...

10 сентября 1922

2

Я бы давно написал «Голубую Субботу», да записывается только десятая часть всех слов и образов, какие приходят и стучатся в душу, из тысячи гостей только одному.

<1922>

3

С такой силой и в таком неистовстве прут на меня слова и образы, что огрызаешься от них как собака, стараясь хоть как-нибудь распугать их, выбирая из них только простое и тихое.

<1922>

4

Не хочу быть литератором, только слов кощунственных творцом. Избави меня Бог от модной литературщины! То, что я пишу, это не литература, как ее понимают обычно.

<1922>

5

Разные ученые люди читают мои стихи и сами себе не верят. Эта проклятая порода никогда не примирится с тем, что человек, не прокипяченный в их ретортах, может быть истинным художником. Только тогда, когда он будет в могилке, польются крокодиловы слезы и печати, и общества; а до тех пор доброго слова такому, как я, художнику ждать нечего. Скорее наши критики напишут целые книги про какого-нибудь Нельдихена или Адамовича, а написать про меня у них не поднимется рука. Всякому понятно, что всё то, чем они гордятся, самое их потаенное, давно уже мной проглочено и оставлено позади себя. Сказать про это вслух нашим умникам просто опасно: это, значит, похерить самих себя, остаться пустыми бочками, от которых по мостовой шум и гром, а доброго вина ни капли...

<1922>

6

Лучшие мои произведения всегда вызывали у разных ученых, у людей недоумение и непонимание. Во всем Питере и Москве мои хлыстовские распевцы слушал один Виктор Сергеевич Миролюбов. Зато в народе они живы за их красоту, глубину и подлинность. Разные бумажные люди, встречаясь с моим подлинным, уподоблялись журавлю в гостях у лисы: не склевать журавлю каши на блюде. Напоследок я плюнул на всякие ученые указания и верю только любви да солнцу.

<1922>

7

Мой Христос не похож на Христа Андрея Белого. Если Христос только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне, и если жизнь — то жизнь пляшущего кристалла, то для меня Христос — вечная неиссякаемая удойная сила, член, рассекающий миры во влагалище, и в нашем мире прорезавшийся залупкой — вещественным солнцем, золотым семенем непрерывно оплодотворяющий корову и бабу, пихту и пчелу, мир воздушный и преисподний — огненный.

Семя Христово — пища верных. Про это и сказано: «Приимите, ядите...» и «Кто ест плоть мою, тот не умрет и на Суд не приидет, а перейдет из смерти в живот».

(Богословам нашим не открылось, что под плотью Христос разумел не тело, а семя, которое и в народе зовется плотью.)

Вот это <понимание> и должно прорезаться в сознании человеческом, особенно в наши времена, в век потрясенного сердца, и стать новым законом нравственности.

А без этого публичный дом непобедим, не будет истинного здоровья, мужества и творчества.

Вот за этот закон русский народ почитает Христа Богом, а так бы давно забыл его и поклонялся бы турбинам или пару.

<1922>

8

Наша интеллигенция до сих пор совершенно не умела говорить по-русски; и любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем «Пепел» Андрея Белого.

Октябрь 1922

9
ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ

Только в союзе с землей благословенное любовью железо перестанет быть демоном, становясь слугой и страдающим братом человека. Это последняя песня — праведный строй и торжество рая.

Но кто слышит ее? Ученый застегивает сюртук, и поэт затыкает уши книгой.

Истинная культура это жертвенник из земли. Колосья и гроздь винограда — жертва Авеля за освобождение мира от власти железа.

Расплавятся все металлы земли и потекут, как реки. В этом последнем огне сгорит древний Змий... И вот уже ворон сидит на черепе стали.

В русском народе существует чаяние: воскресение Авеля. Путь к нему через любовь Иоаннову. Слушать сердце возлюбленного — путь к Авелеву воскресению.

Через ледяное горло полюса всех нас отрыгнет земля в кошель доброго Деда. Вот тут-то: «Ау, Николенька, милый!»

Возвращение Жениха совершается вечно. Оно станет и моим уделом за мою любовь к возлюбленному, как к сердцу мира.

Что ищите живого с мертвыми?

Воскрес Авель, и железо стало гроздью и колосьями.

<1922>

10
ЛЬВИНЫЙ ХЛЕБ

Львиный хлеб это в конце концов — судьба Запада и Востока.

Россия примет Восток, потому что она сама Восток, но не будет уже для Европы щитом.

Вот это обретение родиной-Русью своей изначальной родины — Востока и есть Львиный хлеб.

<1922>

11

Там, в вечных темных полях — скала-кристалл, густо-лиловый аметист. Вершина — язык ножовый. Стоит на острие мой темный, без лица (лица я не вижу) Паганини, со скрипкой — цельным зеленым изумрудом. Играет он, высасывает душу. Горошинка — звук в ухе моем — это новый стих. Без горошинки в ухе — я глухонем...

<1922>

12

Я — лень непробудная, лютая Азия в дрёме. Моей Азии изумилась бы настоящая Азия: лежать бы мне в тени минарета, млеть в верблюжьем загаре, яблоко — пища дневная да пригоршня воды из фонтана.

Бубенцы ишачьи, две—три закутанных в тафту богомолки да голубиные плески в шафранных небесах — мои видения.

Ах, я — непробудная лень! Только бы не проспать самого себя!

<1922>

13

Кольцов — тот же Васнецов: пастушок играет на свирели, красна девка идет за водой, мужик весело ладит борону и соху; хотя от века для земледельца земля была страшным Дагоном: недаром в старину духу земли приносились человеческие жертвы. Кольцов поверил в крепостную культуру и закрепил в своих песнях не подлинно народное, а то, что подсказала ему усадьба добрых господ, для которых не было народа, а были поселяне и мужички.

Вера Кольцова — не моя вера, акромя «жаркой свечи перед иконой Божьей Матери».

17 ноября 1922

14

Разные есть муки слова: от цвета, от звука, от форм, синий загнивший ноготь, смрадная тряпица на больной человеческой шее — это мука верхняя.

Из внутренних же болей есть боль от слова, от тряпичного человеческого слова, пролитого шрифтом на бумагу.

Часто я испытываю такую подкожную боль, когда читаю прозу, вроде: «Когда зашло солнце, то вода в реке стала черной, как аспидная доска, камыши сделались жесткими, серыми и большими, и ближе пододвинул лес свои сучья, похожие на лохматые лапы...» (Сергеев-Ценский).

Перекось и ложь образо-созвучий в этих строчках гасят вечерний свет, какой он есть в природе, и порождают в читателе лишь черный каменный привкус, тяжесть и холод, вероятнее всего, аспидного пресс-папье, а не окунью дрёму поречного русского вечера.

<1922>

15

Читали «Записки из подполья» Достоевского. Человек из подполья — существо без креста, без ангела в сердце. Путь из подполья под сень Креста, в основании которого череп Адама — отца глины-плоти; отсюда и могильная земля — не холодные страшные глыбы, а теплый мягкий воск, покрывало сот, где погребена душа-царица до первой пчелиной весны.

Без ангела в сердце люди и в хрустальном дворце останутся мертворожденными сынами своих мертвых отцов.

Декабрь 1922

16

Покупали с Ник<олаем> Ал<ексеевичем> подошвы на Андреевской толкучке... Вонь, толкотня... С деревенского ржаного воздуха да затишья тяжело и страшновато.

Летним коротким наездом всех питерских чудес не высмотришь.

Только выглядели мы на развале рыночном редкость редкостную: на дорожных булыжинах ноги вроспашь, пиджак из «благородных» общипанный и протертый, как рогожа под порогом, сидит человечишко, разным выгребным сором, что из питерских помойных ям выужен, торгует.

«Здравствуйте, – говорит, – товарищ Клюев! Мы с вами в Пролеткульте встречались на одном из грандиозных вечеров, я свои стишки эстрадировал... А теперь все бросил! Ну их к лешему! Вот торгую... любая вещь – копейка! Не желаете?!»

Поглядели мы на человечишка, видим: угорь из садофьевского садка, так вьюном и вьется, и голову, как губернаторский лакей, закидывает.

«С прибылью, – говорит Н<иколай> Ал<ексеевич>, – торговать! Зачем большому человеку за стихами гнаться, он и без них найдет свою истинную дорогу! С Пролеткульта один путь – на развал: любая вещь, в том числе душа и поэзия – копейка!»

<1922>

17

Что ты, да разве Садофьев – личность? Нет, нет! Один галстук горохом да умные очки на носу без нюха. Ни глаз, ни ушей, ни уст человеческих у него не распознать...

Я же ищу в людях лика и венца над головой... Лику кланяюсь и венца трепещу. Так и живу, радуясь тихо... Да знаменуется и на мне грешном свет от Лика Единого.

22 декабря <1922>

18

Пишут обо мне не то, что нужно. Треплют больше одежды мои, а о моем сердце нет слов у писателей.

Не литератором модным хотелось бы мне стать, а послушником у какого-нибудь Исаака Сириянина, чтобы повязка на моих бедрах да глиняный кувшин были единственным имуществом моим, чтобы

тело мое смуглое и молчаливое, как песок пустыни, целовал шафранный ветер Месопотамии.

Вот отчего печаль моя и так глубоки морщины на моем лбу...

Милый мой братец, радость моя не в книгах, а в изумлении духовном, и покой мой в мятеже и обвалах гор, что окружают внутреннюю страну мою.

Люблю эти обвалы, потоки горных вод, львиную яростную пляску слов последних.

Приходит ли это в голову моим критикам?

Январь 1923

19

Я не нашел более приятных способов выражения Блоку своей приязни, как написав стихи в его блоковской излюбленной форме и чувстве. Стихи эти написаны мною совершенно сознательно по-блоковски, а вовсе не оттого, что я был весь пронизан его стихотворной правдой. В этой же книге «Сосен перезвон» наряду со стихами, посвященными Блоку и написанными по-блоковски, имеются песни «О соколе и трех птицах Божиих», «В красовитый летний праздничек», которые только глупец или бесчестный человек обойдет молчанием, как порождение иного мира, земли и ее совести, которые суть подлинная моя стихия.

И если разные Городецкие с длинным языком, но коротким разумом, уверяют публику, что я родился из Блока, то сие явление вытекает от скудного и убогого сердца, которого не посещала любовь, красота и Россия как песня.

<1923>

20

Городецкий супротив Блока — просто-напросто вонючий мещанишко, настолько опустошенный, что и сказать нельзя.

<1923>

21

Исчадие питерских помойных ям, завсегдатаи заведений двенадцатого сорта, слизь и писуарная нежить, выброшенная революционной улицей, усвоившая для себя только пикейную жилетку и фиксатуарный пробор, со смердяковским идеалом открыть кафе в Москве «для благородных» — проклята в моем сердце и не прощена в моей

молитве. У нежити крылья нетопыря, ей не взлететь выше крыши «Европейской» гостиницы. Там она и правит свой смрадный шабаш своим будто бы железным искусством, ругаясь над народной душой и кровью. Мой же путь — тропа Батыева ко стенам Града невидимого. Да будет так! Да свершится! Иду и пою.

<1923>

22

У меня не мера какая-нибудь и не свирель, как у других поэтов, а жернова, да и то тысячепудовые. Напружишь себя, так что кости затрещат, — сдвинешь эти жернова малость. Пока в движении камень, есть и помол — стихи, приотдал малость — и остановятся жернова, замолчат на год, на два, а то и больше.

Тяжел труд мельника.

<1923>

23

Я думаю, что священный сумрак гумна не менее священен, чем сумрак готических соборов.

23 февраля <1923>

24

Есть подземный пчельник с земляным пасечным дедом. Там черные (антрацитовые) ульи и черный мед в них — мед души народной. Серебряные пчелы множат тяжкий мед.

Серебро на черни — морщина на лике России, глубь зрачков ее, на дне которых полощутся лазурные ангелы. Там рождается голубоокость и серебро риз — чистая риза Христа.

Блюдут подземные пасеки, посвященные от народа: Александр Свирский, Лазарь Муромский, их же сонм не перечислишь. Тьмы серафимов над печью, Агнец-коврига — поющие знаки вечности, за ними же следует Лев, Ангел, Телец и Орел.

Лев — страж умный, Орел — очи мысленные, Ангел — сердце слезное, Телец — плоть. Для плоти же Тельца хлев — формы земные: изба, гумно, посев, лен и одежда. Огонь же не разгадан и ангелами — он от уст Агнца. От огня — Роза поцелуя. Рождество поцелуя празднуется, как некогда рождество слова во плоти (Слово стало плотию).

Подземные пасечники это знают.

Февраль 1923

25

Чтобы быть писателем, – надо быть богатырем Черномором, чтобы во всякое время выйти из книжного моря на злат берег, где нетленный город Красоты и Иван-царевич — мирское сердце.

Апрель 1923

26

Паровому котлу нечего сказать на языке искусства и религии. Его глубины могут с успехом исчерпать такие поэты, как Бердников или Арский. Мы же помолчим до времени.

20 июня 1923

27

Критики моей поэмы «Мать-Суббота» указывают на умность этого произведения, противопоставляя ей «глуповатую поэзию» как подлинную. Конечно, если считать поэзией увядающую розу, луну и гитару, то мои критики правы.

Мой же мир: Китеж подводный, там всё по-другому. Рассказывая про тайны этого мира, я со страхом и трепетом разгребаю словесные груды, выбирая самые точные образы и слова для выявления поддонной народной правды. Ни убавить, ни прибавить словесной точности я не дерзаю, считаю за грех. Самоцветный поддонный ум может быть судим только всенебесным собором.

«Мать-Суббота» — избяной Экклезиаст, Евангелие хлеба, где Лик Сына Человеческого посреди животных: льва, вола, орла и ангела любви Иоанновой.

20 июня 1923

28

Популярность не есть прекрасное. «Чудный месяц» популярен, но слава его позорит искусство. В квашне Анны Ахматовой — закваска «чудного месяца», оттого ахматовские бисквиты стали вкусны для чистой публики. Это зловещий признак, и я не радуюсь такой бисквитной популярности.

<1923>

29

«Сердце словно вдруг откуда-то...» — вот строчка, которой устыдился бы и Демьян Бедный! А она пышно напечатана в «Тяжелой лире» Владислава Ходасевича... Проходу не стало от Ходасевичей, от их фырканья и просвещенной критики на такую туземную и некультурную поэзию, как моя «Мать-Суббота». Бумажным дятлам не клевать моей пшеницы. Их носы приспособлены для того, чтобы тукать по мертвому сухостою так называемой культурной поэзии. Личинки и черви им пища и клад. Пусть торжествуют!

Ходасевич это мертвая кость, да и то не с поля Иезекиилева, а просто завалящая.

<1923>

30

Я очень люблю живопись старых голландских мастеров, их пищные миры, города из редиски, рыб и окороков, — пир сытости, смачных губ и беспощадных зубов... Но в стране еды и здоровья, в сальном и брюквенном воздухе не слышно свирели ангела, стука его золотого цепа, молотящего жито созвучий.

<1923>

31

Блок отгорожен от живого солнца и живой земли Офицерской улицей. Теперь он ближе к подлинной России и к избяному раю, чем к так называемой жизни.

<1923>

32

Мне надо идти куда-нибудь в приход священником, и ничего мне не нужно, насущное будет. Уж слишком тяжел стихотворный крест.

Декабрь 1923

33

Сегодня во сне слышал стихи:

> Чтоб Русь, как серьга, повисла
> В моем цареградском ухе...

<1923>

34

Видел на Сенной рыбину в сажень — 2000 руб. фунт. Тут видел леща с решето в обойме. И возрадовалось сердце мое, учуяло ухо рыбий голос, что не оскудела еще речная, озерная и поморская Россия рыбником румяным, ухой поминальной, майками да икрой именинной.

Весело мне стало. Пришел домой, как с митрополичьей трапезы, в ушах соленое Поморье шумит, здоровья прибавляет.

За здоровье и люблю Сенную паче всех питерских кружал и ристалищ.

Январь 1924

35

Вот подлинно огненное имя: протопоп Аввакум! После Давида царя — первый поэт на Земле, глубиною глубже Данте и высотою выше Мильтона. А хвалят Ваську Князева!.. Оттого и вянут розы на земле и мед в ульях с привкусом крови человеческой... Брачные пчелы Аввакума не забыли.

<1924>

36

Такие стихи о России, какие сочинил Блок, мог бы с одинаковым успехом написать и какой-нибудь пленный француз 1812 года. Наши критики врут и ломаются, возводя стихи Блока в национальные творения. На самом деле эти стихи только внешне написаны русскими литерами, по духу же, конечно, не народны и не национальны.

<1924>

37

Всякого мусора навалили на Блока, всю его могилу засрали. Чистому человеку и подойти к ней тошно.

Февраль < 1924>

38

За меня и за себя Есенин ответ дал. Один из исследователей русской литературы представил Есенина своим гостям как писателя «из низов». Есенин долго плевался на такое непонятие: «Мы, — говорит, — Николай, не должны соглашаться с такой кличкой! Мы с тобой не низы, а самоцветная маковка на злотоверхом тереме России, самое аристократическое — что есть в русском народе».

Разным Львовым-Рогачевским этого в голову не приходит, они Есенина и меня от Сурикова отличить не могут, хотя и Суриков не «низы».

<1924>

39
ИЗ БЕСЕДЫ СО СВЯЩЕННИКОМ ЖИВОЙ ЦЕРКВИ

«Да что вы, батюшка, досадуете на темноту верующих: ведь в Ерусалим только на осле и можно въехать!»

Папе римскому не сказать так! Прости, Господи, меня грешного!

<1924>

40

Среди человеческого мусора Гребенщиков Я. П. — избранный, не то Иоанн Лествичник, не то сама лествица, возводящая от житейской скуки на простое, на мудрое небо — в прядильню слова человеческого, а прядево, не то Млечный Путь, не то простая бабкина куделя. Касаясь Гребенщикова, — касаешься какой-то нерушимой стены, за которой прекрасный Ионафан и скрип золотой писчей трости.

<1924>

41

Был у Тихонова в гостях, на Зверинской. Квартира у него большая, шесть горниц, убраны по-барски — красным деревом и коврами; в столовой стол человек на сорок. Гости стали сходиться поздно, всё больше женского сословия, в бархатных платьях, в скунсах и соболях на плечах, мужчины в сюртуках, с яркими перстнями на пальцах. Слушали цыганку Шишкину, как она пела под гитару, почитай, до 2-х час<ов> ночи.

Хозяин же всё отсутствовал; жена его, урожденная панна Неслуховская, с таинственным видом объясняла гостям, что «Коля заперся в кабинете и дописывает поэму» и что «на дверях кабинета вывешена записка: «вход воспрещен», и что она не смеет его беспокоить, потому что «он в часы творчества становится как лютый тигр».

Когда гости уже достаточно насиделись, вышел сам Тихонов, очень томным и тихим, в теплой фланелевой блузе, в ботинках и серых разутюженных брюках. Угощенье было хорошее, с красным вином и десертом. Хозяин читал стихи «Юг» и «Базар». Бархатные дамы восхищались ими без конца...

Я сидел в темном уголку, на диване, смотрел на огонь в камине и думал: «Вот так поэты революции!..»

20 марта 1924

42

Глядишь на новых писателей: Никитин в очках, Всев<олод> Иванов в очках, Пильняк тоже, и очки не как у людей — стекла луковицей, оправа гуттаперчевая. Не писатели, а какие-то водолазы. Только не достать им жемчугов со дна моря русской жизни. Тина, гнилые водоросли, изредка пустышка-раковина — их добыча. Жемчуга же в ларце, в морях морей, их рыбка-одноглазка сторожит.

Апрель 1924

43
БЕСОВСКАЯ БАСНЯ ПРО ЕСЕНИНА

Много горя и слез за эти годы на моем пути было. Одна скорбь памятна. Привели меня в Питер по этапу, за секретным пакетом, под усиленным конвоем. А как я перед властью омылся и оправдался, вышел из узилища на Гороховой, как веха в поле, ни угла у меня, ни

хлеба. Повел меня дух по добрым людям; приотъелся я у них и своим углом обзавелся. Раскинул розмысли: как дальше быть? И пришло мне на ум написать письмо Есенину, потому как раньше я был наслышан о его достатках немалых, женитьбе богатой и легкой жизни. Писал письмо слезами, так, мол, и так, мой песенный братец, одной мы зыбкой пестованы, матерью-землей в мир посланы, одной крестной клятвой закляты, и другого ему немало написал я, червонных и кипарисовых слов, отчего допрежь у него, как мне приметно, сердце отеплялось.

В городе дни — чердачные серые кошки, только растопляю я раз печку: поленья сырые, горькие, дуну я на них, глотаю дым едучий. Выело у меня глаза дымом, плачу я, слезы с золой мешаю, сердцем в родную избу простираюсь, красную лежанку вспоминаю, избяной разоренный рай... Только слышу, позад меня стоит кто-то и городским панельным голосом на меня, как лошадь, нукает: «Ну, ну!» Обернулся я, не признал человечину: стоит передо мной стрюцкий, от каких я на питерских улицах в сторону шарахаюсь. Лицо у него не осеннее и духом от него тянет погибельным, нос порошком, как у ночной девки, до бела присыпан и губы краской подведены. Есенин — внук Коловратов, белая верба рязанская! Поликовался я с ним как с прокаженным; чую, парень клятву преступил, зыбке своей изменил, над матерью-землей надругался, и змей пестрый с крысьей головой около шеи его обвился, кровь его из горла пьет. То ему жребий за плат Вероники; задорил его бес плат с Нерукотворным Ликом России в торг пустить. За то ему язва: зеленый змий на шею, голос вороний, взгляд блудный и весь облик подхалюзный, воровской. А как истаял змиев зрак, суд в сердце моем присудил — идти, следа не теряя, за торгашом бисера песенного, самому поле его обозреть; если Бог благословит, то о язвах его и скверностях порадеть.

Так и сталося. Налаял мне Есенин, что в Москве он княжит, что пир у него беспереводный и что мне в Москву ехать надо.

Чугунка — переправа не паромная, не лодейная, схвачен человек железом и влачит человека железная сила по 600 верст за ночь. Путина от Питера до Москвы — ночная, пьяная, лакал Есенин винища до рассветок, бутылок около него за ночь накопилось, битых стаканов, объедков мясных и всякого утробного смрада — помойной яме на зависть. Проезжающих Есенин материл, грозил Гепеу, а одному старику, уветливому, благому, из стакана в бороду плеснул; дескать, он, Есенин, знаменитее всех в России, потому может дрызгать, лаять и материть всякого.

Первая мука минула.

Се вторая мука. В дрожках извозчичьих Есенин по Москве ехал стоймя, за меня сидячего одной рукой держась, а другой шляпой проходящим махал и всякие срамные слова орал, покуль не подъехали мы к огромадному дому с вырванными с петель деревянными воротами.

На седьмом этаже есенинский рай: темный нужник с грудами битых винных бутылок, с духом вертепным по боковым покоям.

Встретили нас в нужнике девки, штук пять или шесть, без лика женского, бессовестные. Одна в розовых чулках и в зеленом шелковом платье. Есенинской насадкой оказалась. В ее комнате страх меня объял от публичной кровати, от резинового круга под кроватью, от развешанных на окне рыбьих чехольчиков, что за ночь накопились и годными на следующую оказались.

Зеленая девка стала нас угощать, меня кофеем с колбасой, а Есенина — мадерой.

С дальнейшей путины до переполоха спится крепко. Прикурнул и я, грешный, где-то в углу, за ширмами. И снилась мне колокольная смерть. Будто кто-то злющий и головастый чугунным пестом в колокол ухнул (а колокол такой распрекрасный, валдайского литья, одушевленного). Рыкнул колокол от песта, аки лев, край от него в бездну низвергся, и грохот медный всю вселенную всколыхнул.

Вскочил я с постели, в костях моих трус и в ушах рык львиный, под потолком лампа горит полуночным усталым светом, и не колокол громом истекает, а у девок в номерах лютая драка, караул, матерщина и храп. Это мой песенный братец над своей половиной раскуражился. Треснул зеркало об пол, и сам голый, окровавленный по коридору бегает, в руках по бутылке. А половина его в разодранной и залитой кровью сорочке в черном окне повисла, стекла кулаками бьет и караул ревет. Взяла меня оторопь, за окном еще 6 этажей, низринется девка, одним вонючим гробом на земле станет больше...

Подоспел мужчина, костистый и огромный, как и Есенин, в чем мать родила, с револьвером в руке. Девку с подоконника за волосы стащил, ударил об пол, а по Есенину в коридоре стрелять начал. Сия моя третья мука.

«Стойло Пегаса» унавожено изрядно. Дух на этом новом Олимпе воистину конский, и заместо «Отче Наш» — «Копытами в небо» песня ржется. В «Стойле» два круга, верхний и нижний. В верхнем — стойка с бутылками, со снедью лошадиной: горошек зеленый, мятные катышки, лук стриженый и всё, что пьяной бутылке и человеческому сраму не претит.

На дощатом помосте будка собачья с лаем, писком и верезгом — фортепьяно. По бокам зеркала — мутные лужи, где кишат и полощутся рожи, плеши, носы и загривки — нечеловечье всё, лошадиным паром и мылом сытое.

С полуночи полнится верхнее стойло копытной нечистой силой. Гниющие девки с бульваров и при них кавалеры от 13-ти лет и до проседи песьей. Старухи с внучатами, гимназисты с papá *. Червонец за внучку, за мальчика два.

В кругу преисподнем, где конские ядра и с мясом прилавки (грудинка девичья, мальчонков филей), где череп ослиный на шее крахмальной — владыка подпольный законы блюдет, как сифилис старый за персики выдать, за розовый куст — гробовую труху, там бедный Есенин гнусавит стихами, рязанское злато за гной продает.

<1924>

44

Музыка, не вызывающая видений или не порождающая хотя бы образов, не есть истинная музыка. Лично для меня музыка — видение, настолько зримое, что просто боишься какого-то сдвига в себе, чтобы самому не стать видением.

<1924>

45

Чувствую, что я, как баржа пшеничная, нагружен народным словесным бисером. И тяжело мне подчас, распирает певческий груз мои обочины, и плыву я, как баржа по русскому Ефрату — Волге в море Хвалынское, в персидское царство, в бирюзовый камень. Судьба моя — стать столпом в храме Бога моего и уже не выйти из него, пока не исполнится всё.

Май 1924
Ленинград

46

Бедные критики, решающие, что моя география — «граммофон из города», почерпнутая из учебников и словарей, тем самым обнаруживают свою полную оторванность от жизни слова.

<1924>

* papá — папа (*фр.*).

47

Лучше телят пасти, чем сидеть в канцеляриях, плевать чернилами и рассыпаться цифирной трухой. Под одним выпросить, под другим — съесть, что подали из первого, менее унизительно и вовсе не обидно. Чернильная слюна обиднее.

Июнь 1924

48

Кто Фета не чувствует да не любит, тот не поэт.

1924 или 1925

49

Слушал Россию, какой она была 60 лет тому назад, и про царя и про царицу слышал слова, каких ни в какой истории не пишут, про Достоевского и про Толстого — кровные повести, каких никто не слышал... удары Царя-колокола в грядущем... парастас о России патриархальной к золотому новоселью, к новым крестинам...

В углу горницы кони каким-то яхонтовым, вещим светом зарились, и трепыхала большая серебряная лампада перед образом Богородицы.

20 марта 1925

50

«Столп и утверждение Истины» П. Флоренского — дивная, потрясающая книга. Никогда в жизни не читал более близкого моему сердцу писания! Читая ее, я очищаюсь от грехов моих.

<1925>

51

Вот уж кого я не люблю из прозаиков, так это Вересаева. À la Карабчевский в литературе, «без божества, без вдохновенья, без звуков сладких и молитв».

<1925>

52

Был у меня Львов-Рогачевский... такая серость, такая скудость — дышать около человека нечем.

<1925>

53

Был с П. А. Мансуровым у Кузмина и вновь учуял, что он поэт-кувшинка и весь на виду и корни у него в поддонном море, глубоко, глубоко.

<1925>

54

Не в чулке ли нянином Пушкин Обрел певучий Кавказ?!

Вот подлинно поэтическая капля, хотя и беззаконная.

Стихи Рождественского гладки, все словесные части их как бы размерены циркулем, в них вся сила души мастера ушла в проведение линии.

Не радостно писать такие рабские стихи.

Июль 1925

55

Когда я начинаю говорить с Ахматовой, она начинает волноваться, кричать высоким фальцетом, чувствуя, что я попадаю в самую точку, понимая как никто всю ее женственность.

1925 или 1926

56

Пошел в «Круг» спросить у Вронского, будет ли издана моя книга «Львиный хлеб»? Вронский съежился, хитро прибеднился:

— Да, знаете, говорит, человек-то вы совсем другой...

— Совсем другой, отвечаю, но на что же вам одинаковых-то человеков? Ведь вы не рыжих в цирк набираете, а имеете дело с русскими писателями, которые, в том числе и я, до сих пор даже и за хорошие деньги в цирке не ломались.

Ответ Вронского:

— А нам нужны такие писатели, которые бы и в цирке ломались и притом совершенно даром.

1925 или 1926

57

Накануне введения 40-градусной Арский Павел при встрече со мной сказал: «Твои стихи ликёр, а нам нужна русская горькая да селедка!»

1925 или 1926

58

Почувствовать, обернуться березкой радостно и приятно, а вот с моими чудищами, как сладить? Жуть берет, рожаешь их и старишься не по дням, а по часам.

1925 или 1926

59

Размер «Ленинграда» взят из ощущения ритма плывущего корабля, из ощущения волн и береговых отгулов, а вовсе не из подражания «Воздушному кораблю» Лермонтова.

1925 или 1926

60

Н. Тихонов довольствуется одним зерном, а само словесное дерево для него не существует. Да он и не подозревает вечного бытия слова.

1925 или 1926

61

Мужики много, много терпят, но так не умирают, как Есенин. И дерево так не умирает... У меня есть что вспомнить о нем, но не то, что надо сейчас. У одних для него заметка, а у меня для него самое нужное — молитва.

<1926>

62

Меня по-есенински не хороните, не превращайте моего гроба в уличный товар.

<1926>

63

А Сереженька ко мне уж очень дурно относился, незаслуженно дурно — пакостил мне где только мог.

<1926>

64

В последний вечер перед смертью Есенин сказал: «Ведь все твои стихи знаю наизусть, вот даже в последнем моем стихотворении есть твое: "Деревья съехались, как всадники"».

<1926>

65

Есенин учуял, что помимо живописи Богданова-Бельского («Газета в деревне» и т. д.) в поэзии существуют более глубокие, непомерные и величавые краски и что такие мазки, как «С советской властью жить нам по нутру, теперь бы ситцу и гвоздей немного...» — сущие пустяки рядом с живописью Тициана или Рембрандта в «Св. Себастьяне».

Каким-то горящим океаном, горящими лесами и заклятыми алатырь-камнями отделены эти два мира цвета и поэзии один от другого.

Пройти невредимым сквозь горящую страну, чтобы прийти хотя к «Трем пальмам» Лермонтова с их студеным ключом под кущей зеленой, у Есенина не хватило крепости, и сознание, что вопли в пустыне уже не вернут отлетевшую душу, — перешло в нестерпимую жажду угомонить себя наружно хотя бы веревкой.

<1926>

66

Есенин мог вести себя подходяще только в кабацкой среде, где полное извращение и растление.

Март 1926

67

Есенин не был умным, а тем более мудрым. Он не чувствовал труда в искусстве и лишен был чувства благоговения к тайнам чужого искусства. Тагор для него дрянь, Блок — дурак, Гоген не живописен, Репин — идиот, Бородина он не чуял, Корсаков и Мусоргский ничуть его не трогали.

Всё ценное и подлинное в чужом творчестве он приписывал своему влиянию и даже на вечере киргизской музыки (в Москве) бранчливо и завистливо уверял меня, что кто-то передал его напевы косоглазым киргизам и что киргизская музыка составляет суть и душу его последних стихов. Это было в 1924 году.

<1926>

68

У Садофьева и Крайского не стихи, а вобла какая-то, а у Вагинова всё — старательно сметенное с библиотечных полок, но каждая пылинка звучит. Большего-то Вагинову как человеку не вынести. (По поводу сборника стихов Вагинова и стих<отворения> «Любовь страшна не смертью...».)

Март 1926

69

Чтобы полюбить и наслаждаться моими стихами, надо войти в природу русского слова, в его стихию, как Мурад в Константинополь, хотя бы через труп.

<1926>

70

Лучше врать, чем быть верным и точным до одуряющей тоски, до зеленой скуки.

<1926>

71
ЕСЕНИН В САЛОНАХ

На живого человека наврать легко, а на мертвого еще легче. Липуче вранье, особливо к бумаге льнет, ни зубом, ни ногтем не отдерешь.

Лают заливисто врали, что Есенина салоны портили, а сами-то, борзые вруны, в боярских домах, по ихнему в салонах, и нюхом не бывали.

Самовидец я и виновник есенинского бытия в салонах. Незваный он был и никем не прошенный, и не попасть бы ему в старопрежние боярские дома вовеки, да я (дурак – браню себя) свозил его раза три–четыре в знатные гости.

Вспоминать стыдно есенинский обиход!

Столовая палата вся серебром горит, в красном углу родовые образа царя Федора Ивановича помнят, жемчугом залитые. Хозяйка в архангельском сарафане, в скатной поднизи на голове, пир по чину правит... Пироги и вино в черед подаются.

Есенину черед непонятен, не видит он ни скатерти браной, ни крымских роз меж хлеба-соли. Свою персонную стопку с красным вином на скатерть пролил, вино из серебряного столового бочонка сам цедит, рыбу астраханскую, что китом на блюде изукрашенном пасть ширит, ножом с хребтины ворочает. У самого рожа сальная, нос не утерт, а на языке разное слово глупое, неплавное. Срам чистый!

Хозяйка, царская сказочница Варвара Устругова (людей, чай, видала) поглядела на Есенина да и говорит: «Ты знаешь, молодец, что корм не в коня бывает! Поди-ка в холодную, там на сундуке посиди, понадобишься – солдата пришлю». (Муж у ней полковник от Литовского полка был.)

Вот так по разным гостям раза три–четыре, говорю я, его водил, и везде он мне машкеру одевал, ни обихода, ни людей не чуял и розы со стола под сапоги ронял, и людей не стыдился. А людей хороших, знающих и бывалых на тех боярских трапезах встречалось вдосталь. Ни одного гнилого слова Есенин от них не слыхивал, и в пьянство его никто не втравливал. Гости и хозяева хоша и гордые были, но меня с Есениным как родных честили. Только Есенину честь не в честь была.

Больше я его в салоны и не возил.

<1926>

72

Услыхав, что Репин говорил советскому корреспонденту про Клюева, как замечательного и недооцененного поэта, жена критика П. Н. Медведева сказала, что если бы она обладала талантом Клюева, то «съела бы всех!»

Ник<олай> Ал<ексеевич> ответил:

– Я до суропного пристрастен, Ек<атерина> Петр<овна>, и до пищи чистой, мертвечины же и сулемы бегаю!

(Ек<атерина> Петр<овна> разумела разную литературную шатию.)

Июнь 1926

73

Я появился в Москве, вероятно, в 1910 г., а Блок-то узнал мои стихи раньше, в рукописях, ходивших по рукам, в Москву я пришел прямо с «корабля», и весь был, как говорится, в Боге. Надо думать, какое впечатление я произвел на Блока, когда жене Городецкого он писал: «Радуйся, сестра, Христос посреди нас, – это Николай Клюев!»

Но я пришел в мир очень печальным, и эти люди со своей культурой, со своим образованием очень меня печалили. Чуяла душа моя, что в жизни этих людей мало правды и что придет час расплаты, страшный час.

Об этом я позже писал и Блоку: «Горе будет вам, утонете в собственной крови!»

<1926>

74

Я так взволнован сегодня, что и сказать нельзя, получил я книгу, написанную от великого страдания, от великой скорби за русскую красоту. Ра́товище, белый стяг с избяным лесным Спасом на нем за русскую мужицкую душу. Надо в ноги поклониться С. Клычкову за желанное рождество слова и плача великого.

В книге «Балакирь» вся чарь и сладость Лескова, и чего Лесков недосказал и не высказал, что только в совестливые минуты чуялось Мельникову-Печерскому от купальского кореня, от Дионисиевской вапы, от меча-кладенца, что под главой Ивана-богатыря – всё в «Балакире» сказалось, ажно терпкий пот прошибает.

И радостно и жалостно смертельно.

28 ноября 1926

75

Ин<нокентий> Оксенов в разговоре с Н<иколаем> А<лексеевичем> выразил недоумение по поводу строк в «Песне о Бахметьеве»:

И над пучиной городскою,
Челом бунтующим царя,

Лассаль гранитной головою
Кивнет с проспекта Октября...

Оксенов недоумевал слову «царя», как сравнению Лассаля с Николаем II (царя — дееприч. от гл. царить).

«Вот уж воистину (заметил Н<иколай> А<лексеевич>) приходится скорбеть не об упадке своего таланта, а о критиках с пробковыми головами!»

Декабрь 1926

76
СЛОВО НА ЛИТЕРАТУРНОМ ВЕЧЕРЕ ПЕРЕД ЧТЕНИЕМ ПОЭМЫ «ЗАОЗЕРЬЕ» (в Геологическом комитете)

Несколько, быть может, неловких предварительных слов...

Сквозь бесформенные видения настоящего я ввожу вас в светлый чарующий мир Заозерья, где люди и твари проходят круг своего земного бытия под могущественным и благодатным наитием существа с «окуньим плеском в глазах» — отца Алексея, каких видели и знали саровские леса, темные дубы Месопотамии и подземные храмы Сиама.

Если средиземные арфы звучат в тысячелетиях и песни маленькой занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему должен умолкнуть навсегда берестяный Сирин Скифии?

Правда, существует утверждение, что русский Сирин насмерть простужен от железного сквозняка, который вот уже третье столетие дует из пресловутого окна, прорубленного в Европу.

Да... Но наряду с этим существует утверждение в нас, русских художниках, что только под смуглым солнцем Сиама и Месопотамии и исцелится его словесное сердце.

1 октября 1927

77

Год прошел после смерти Есенина, а кажется, что жил он сто лет назад. Напрасно люди стараются увековечить себя такой жизнью и смертью, какой жил и умер Есенин.

В самой природе фейерверка гнездится уже забвение, и чем туже развертывается клубок жизни, тем больший след останется во времени.

4 октября 1927

78

Нечистью, нечуткостью, если не прямой жестокостью веет от слов Максима Горького об Айседоре Дункан, о ее приезде в Париж вместе с Есениным. «Дункан стара, толстое лицо, дряблое тело» — всё это позволительно какому-нибудь маляру, пропущенному сквозь рабфак, а не художнику-старику, каким является сам Горький. Дункан своим искусством дала людям не меньше радости и восторга, чем Горький, а, наверное, побольше.

Я видел * Горького 50-летним тяжелым человеком, действительно с толстым старым лицом и швереобразными толстыми усами, распаленным до поту от пляски дешевой танцовщицы, воистину отвратительной даже для обывательского вкуса, всё хитрое ломанье которой вместе с молодостью кухарки не стоило движения мизинца старой Дункан.

1927 или 1928

79

«Любят люди падение праведного», — говорил мне не раз Н<иколай> А<лексеевич>.

1927 или 1928

80

Не люблю я духа Горького, каков он есть в его повести «Мать». Вся эта повесть сделана по выкройке из Парижа, в стиле дешевых романов с социальной правдой, которая давно уже ни на кого не производит впечатления.

1927 или 1928

81

«У Блока все стихи о России родились от Клюева» — это говорил Евгений Иванов.

1927 или 1928

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

* На квартире художницы Любавиной в Петербурге в 1915 г. (Примеч. Н. Клюева).

82

Живописание Некрасова ничуть не выше изделий Творожникова, Максимова и при самом добром отношении — Богданова-Бельского. По мудрости он идет плечо с плечом с Демьяном Бедным.

Глухонемой к стройному мусикийскому шороху, который, как говорит Тютчев, струится в зыбких камышах, как художник Некрасов мне ничего не дал ни в юности, ни тем более теперь.

Его отвратительный дешевый социализм может пленить только товарищёв из вика или просто невежд в искусстве, которым не дано познать очарования ни в слове, ни в живописи, ни в музыке, ни тем более испить глубокого вина очей человеческих.

(Юбилейные некрасовские дни.)

<1928>

83

Известность одно, а слава совсем другое. Лев Толстой не прыгал по эстрадам, а сидел у себя дома, в Ясной Поляне, да славен как никто. Обратная же сторона только известности может стать просто пошлостью. Есенину не было дано различать славу от известности.

1929

84

Был на выставке Кустодиева — вот уж воистину русский пир, праздник хлеба и соли всероссийских. Глядя на эту всещедрость, становится больно и понятно, что для такой России страшно было перейти на фунт черного хлеба в 17 году. Было чего лишиться и от великой потери воскипеть сердцем. России же последнего десятилетия уже не трудно и не больно перейти и на обглоданную кость, на последнее песье унижение.

1929

85

Был в «ТРАМе» — не театр, а дрессировочный собачник.

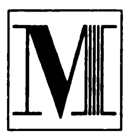
1929 (?)

РАЗДЕЛ III

Сновидения

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАДОСТИ УЧИТЕЛЬ

артовские насты — сивы, а зори пахучи и вихрасты. Трактом до росстани около трех верст столбовых, а на третьей версте часовенка пологая у сосняка крест в талом заряничном сусле купает.

Здесь под купанным крестом видение мне было, в теле или без тела — просто не знаю. Пришел я мартовской зарей к часовенке на крылечной ступеньке посидеть, жалостью себя покормить. А уж поздно было, до дому же обратных три версты столбовых...

Пришел я домой, с ветерком павечерним в бороде, студеный. Сустатка не сумерничал, лег спать.

И вижу: сижу я на часовенном крылечке, сосны при дороге и заря на снегу... Гляжу — старичок, как бы странник, дорогой к жилью да ночлегу поспешает...

Жалко мне стало батюшку.

«Откулешний, — спрашиваю, — дедушка?»

А он мне в ответ голосом незабвенным: «Тамбовский, радость моя!»

Ёкнуло у меня сердце, узнал я Серафима-брата, радости учителя. Спохватился я, глаза открыл: сижу на крылечке часовенном. И уж ночь в мире, звезды надо мной редкие, полузимние.

Пришел я домой в изумлении, как пьяный. Таково Серафимово видение, до гроба не забыть.

Аминь.

Март 1921

ТРОИЦКИЙ ХЛАД

В четверг на Троицкой неделе весь день солнопёк бил в окошко, и малиновка после заката теленькала до вторых петухов за стеной.

А как вторым петухам протрубить, толкнуло меня, спящего, в бок два раза: мол, что спишь, вставай!

Открыл я глаза и сел на постели. Вижу, передо мной стоят два человека. Первый, ближе ко мне, показывает другому на меня и говорит: «Вот он может написать про тебя!» – «Да, – ответил второй, – он нашего рода, но от малого так страдает».

И пошли говорящие. А я закричал им вслед: «Кто вы, кто? Скажите, Бога ради!» И на вопленье мое ответ был: «Апостол Петр...»

Малиновка теленькала за окном. Троицким тонким хладом веяло над землей... Пролил я слезы...

2 июня 1922

ДВА ПУТИ

Нездоровилось мне. Всю ночь дождь клевал окошко. А когда задремал я, привиделся мне сон.

Будто горница с пустыми стенами, как в приезжих номерах бывает, белесоватая. В белесоватости – зеркало, трюмо трактирное; стоит перед ним Сергей Есенин, наряжается то в пиджак с круглыми полами, то с фалдами, то клетчатый, то синий с лоском. Нафиксатурен он бобриком, воротничок до ушей, напереди с отгибом; шея желтая, цыплячья, а в кадыке голос скачет, бранится на меня, что я одёжи не одобряю.

Говорю Есенину: «Одень ты, Сережа, поддёвочку рязанскую да рубаху с серебряным стёгом, в которые ты в Питере сокручен был, когда ты из рязанских краев “Радуницу” свою вынес!..»

И оделся будто Есенин, как я велел. И как только оделся, – расцвел весь, стал юным и златокудрым. И Айседора Дункан тут же объявилась: женщина ничего себе – добрая, не такая поганая, как я наяву о ней думал. Ей очень прилюбилось, что Есенин в рязанском наряде...

Потом будто приехали мы к большим садам. Ворота перед нами – столбы каменные, и на каждом столбе золотые надписи с перстом указующим высечены: направо – аллея моя, налево – Сергея Есенина...

И знаем мы, что если пойдем все по одному пути или порознь – по двум, – то худо нам будет... Сговорились и пошли напрямки...

Темно кругом стало и ветрено... Вижу я фонтаны по садовым площадкам, а из них не вода, а кровь человеческая бьет...

И не пошли мы дальше, а свернули вправо, туда, где дерева зеленые...

Вижу я — дорога перед нами светлым, нежным песком усыпана, а по краю ее как бы каштаны или дубы молодые, все розовым цветом унизаны. Меж дерев стали изваяния белые попадаться, лица же у изваяний закрыты как бы золотыми масками...

Стал я узнавать изваяния: Сократа, Сакья-муни, Магомета, Данте...

И вышли мы опять к воротам, в которые вошли, к калитке с моим именем. Подивились мы и порешили пройтись и тем путем, который есенинским назван.

Вижу я — серая под ногами земля, с жилками, как стиральное мыло. И по всему пути — огромные мохнатые кактусы посажены, шипы — по ножевому черню. Меж кактусов, как и на первом пути, — болваны каменные, и на всяком болване по черной маске одето: Марк Твен, Ростан, Д'Аннунцио, а напоследок Сергей Клычков зародышем каменным уселся. И вместо носа у него дыра, а в дыру таково смешно да похабно цигарка всунута...

Стали мы с Есениным смеяться...

В смехе я и проснулся.

7 октября 1922

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Под Михайлов день, когда я ночевал у тебя, Коленька, привиделся мне сон. Будто я где-то в чужом месте и нету мне пути обратно. Псиный воздух и бурая грязь под ногами, а по сторону и по другую лавчонки просекой вытянулись, и торгуют в этих ларьках люди с собачьими глазами. И про себя я знаю, что не люди это... Товар же — одежда подержанная связками под потолками и по стенам развешана: штаны, пиджаки, бекеши, пальто, чуйки... И все до испода кровью промочены.

Поровнялся я с одним из ларьков. Вижу, Коленька, твои брюки и летний пиджак на крюке висит; слиплись штаны и закорузли от сукровицы, а на белом пиджаке огромное кровавое пятно густого коричнево-вишневого цвета.

Затрясся я от ужаса и жалости. А спросить не у кого, нет на улице никого, окромя меня да хозяев и торговцев по ларькам. Пошел я дальше...

Стали попадаться ларьки с мясом. На прилавках колбаса из человеческих кишок, а на крючьях по стенам руки, ноги и туловища человеческие. Торгуют в этих рядах человечиной. Мне же один путь вдоль рядов, по бурой грязи, в песьем воздухе...

Вдруг вижу я, идет мне навстречу как бы военный, в синих брюках с красным кантиком, и пиджак на нем с нашивными офицерскими карманами, как теперь носят. Обрадовался я человеку, думаю про себя: «Он всё знает, укажет, как мне из этого проклятого места выбраться!..»

Человек зашел в один из ларьков, а я боязно за ним... Смотрю, он к чему-то прицениваается: сдобное что-то зеленым луком густо обсыпано. Тронул человек пальцем лук, а под луком голова обозначилась... твоя, Коленька, мертвая голова: из ноздрей черная сукровица протекла, и рот синий язык выпятил.

А военный к голове прицениваается и приказ дает: «Отнесите, — говорит, — Ирине Федоровне, язык же я сейчас отрежу, чтобы послать поэту Клюеву в Петрозаводск, в часовню блаж<енного> Фаддея».

Расстегнул военный тужурку с карманами, — деньги вынуть. Смотрю я, а на груди у него четыре кровавых дыры с кулак величиной, и понятно мне стало, что покойник он...

Узнал я и твое, Коленька, туловище... пополам разрубленное на крюке висит. Говорю торговцу: «Дайте мне вот эту часть, заднюю». Торговец же собачьи глаза на меня уставил: «Хорошо, — говорит, — можно; только вам придется заплатить за нее собственным мозгом!»

Холодею я весь от ужаса. По костям колючая дрожь бежит... Хочу у военного спросить, а он за голову рядится, на меня не смотрит, и бес за прилавком бумажек за твою, Коленька, голову не берет: «Мы, — говорит, — румынских денег не принимаем!..»

Вдруг где-то далеко-далеко, в далях святорусских, ударил колокол.

До трех раз ударил. Заметались, засуетились по всем рядам собачьи рожи. А я перекрестился и говорю: «Господи, Иисусе Христе, спаси меня, грешного!.. Завтра Михайлов день, Архангела Огненного!..»

Тут я и проснулся.

21 ноября 1922

ЦАРЬ СЛАВЫ

В канун кануна Спиридона Солнцеворота привиделся мне сон.

Стою я будто на лестнице внутренней, домовой. Смотрю вниз на рундук, а там два котеночка маленьких хвостики задирают, пищат —

домой просятся. Пожалел я их, отворил двери в квартиру: мол, хозяева котятные найдутся!

Воззрился я вокруг: комната с часами на стене, и о стену стол, салфетка на нем брошена, крючком вязанная, и другие часы, шейные, какие барыни носят, на столе близ салфетки лежат.

Пошел, было, я вон из комнаты, дверь открыл на улицу, а за мною погоня, будто я часы украл.

Пустился я бежать, улица узкая и панель булыжная, всё в гору, в гору...

Прибежал к громадной кирпичной постройке, полез вверх по лесам. Ветер мне в лицо, а леса подо мной гнутся, трещат, а я всё выше забираюсь. Одно держу в мыслях: как бы мне от погони схорониться...

Гляжу, встреча мне: на выступе гнездо орлиное, а в нем орел с двумя орлятами, воззрился на меня люто, когти выпускает, шипит, вот-вот в кровь меня разорвет.

Некуда мне укрыться: одна тесина узенькая от выступа к краю стены перекинута, а от стены лестница вниз спущена на крышу какую-то со слуховым окном.

Я по теснине да по лестнице вниз опустился, орла минуючи, да в слуховое окошко и нырнул...

Слышу пение внизу... исполатное и трубное: каково возносительно да пасхально поют — ну, думаю, благочестивые здесь люди живут, найду я у них приют и оборону...

Сошел я по пологим ступеням в сени, а из сеней — в горницу. Горница светличная, прибранная и святочистая. У стола, в большом углу, как бы белицы стоят, а с ними доброликий кто-то в пустынной ряске. И все поют в голос: «Утреннюю, утреннюю глубокý вместо мира песнь принесем Владычице и Христа узрим!» А сами икону на столе рассматривают; икона белых Олипия Печерского писем: преподобный изображен на иконе, а над ним крест с надписью: «Царь славы».

Перекрестился я, грешный, на икону глядючи. Вдруг икона поднялась на воздухе, мягким шелковым лентием поддерживаема, а четыре белицы, подобно камню, что рубином зовут, ало воссияли, крылья над головами крестя.

Оглянулся я на себя — а уж я не мирской... в белопламенную ризу облаченный, жезл у меня в руке и на голове венец трехъярусный слепящий. И возгласили мне невидимые лики исполатное и трубное «Царь славы» трикраты. А существа алопалящие, как бы путь мне указуя, с места содвигнулись, а я в одежде Соломоновой по горницам, одна святее другой, за ними крестоходным шагом устремился...

Только стали горницы одна за другой сереть и в худость приходить; мусор какой-то задворочный да помойный стал под ноги мне

попадать и за светлые ризы цеплиться. Стараюсь я осторожно через нечисть ступать, через голики да через человеческие отбросы, только понапрасно тщание мое... Лужа мне вонючая да зеленая на пути предстала. Я вброд по луже, по колено ризный виссон онечистил...

И уж нет со мной друзей багряных, и путь мой в стену кабацкую уперся. Поганая такая стена, вся пропадом да грехом обглодана. Дверь в стене этой — дыра гнилая, а над дверью вывеска горькая: «Распивочно и на вынос». Буквы такие проклятые!

На черном осклизлом пороге ты, Николенька, сидишь, пьяный и драный, пропащий бесповоротный забулдыга. А рядом тебя черноглазая девка, какие раньше с шарманками ходили, на сербов похожи... стоит, куражится... Одета девка в военный полушубок, за пазухой одеяло синее байковое свертком засунуто, а в руке бубен кабацкий. Трясет она бубном, а сама как бы тебе резоны выставляет: «Говорила я тебе, брось своего Клюева!»

А ты будто плюешься, слезы с отчаяния из глаз выжимаешь, по синей опухшей роже размазываешь: «Найди ты, — говоришь, — мне его, и тогда я спасусь!»

Подошел я к тебе поближе, на жезл драгоценный опираюсь, а светлоогненные ризы мои, почитай, выше колен слизью да калом измазаны.

«Коленька, — говорю, — это ведь я! Узнаешь ли ты меня?»

Поднял ты на меня пропитущие гнойные зенки и не узнал. Только хрип твой до меня дошел: «Ты — Царь славы!»

И во мгновение ока очутился я вновь в святой горнице. Четыре огненных брата со мной и икона Олипиева перед зреньем моим на воздусях, и сам я — во славе светлоризной. Поклонился я иконе, как царь кланяется, а в иконе, как в стекле, даль обозначилась, и ты, Николенька, удавленником на веревке качаешься, вытянулся весь, и рубище на тебе кабацкое...

Тут я и проснулся.

23 декабря 1922

МЕДВЕЖИЙ СПОЛОХ

Два сна одинаковые... К чему бы это? Первый сон по осени привиделся.

Будто иду я с Есениным лесным сухмянником, под ногой кукуший лен да богородицына травка. Ветер легкий можжевеловый лица нам обдувает; а Сереженька без шапки, в своих медовых кудрях, кафтанец на нем в синюю стать впадает, из аглицкого тонкого сукна и ру-

баха белая белозерского шитья. И весь он, как березка на пожне, легкий да сквозной.

Беспокоюсь я в душе о нем – если валежина или пень ощерый попадет, указую ему, чтобы не ободрался он...

Вдруг по сосняку фырк и рыск пошел, мярянданье медвежье...

Бросились мы в сторону... Я на сосну вскарабкался, а медведь уже подо мной стоймя встал, дыхом звериным на меня пышет. Сереженька же в чащу побежал прямо медведице в лапы... Только в лесном пролежне белая белозерская рубаха всплеснула и красной стала...

Гляжу я: потянулись в стволинах сосновых соки так видимо, до самых макушек... И не соки это, а кровь, Сереженькина медовая кровь...

Этот же сон нерушимым под Рождество вдругоряд видел я. К чему бы это?

Январь 1923

ЖИВОЕ ДРЕВО

Под святочную порошу спится глухо. Колотушки сторожевой не слышно. Спал бы век векущий, да сны будят.

Под святочную порошу видел я себя в лесу. Лес особенный – не обхватные стволины, земля сальная, дюжая...

Темень в лесу, марево сизое. Все дерева заматерели во мхах, в корявых наростах, в сединах трущобных.

Тронул я перстом одно самое матерое дерево, а из него голос ровный, как бы укорный:

«Что ты меня беспокоишь, ведь христианство только теперь началось!..»

Годы дремучие...

<Январь 1923>

НЕПРИКОСНОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Прости меня, Коленька, за грех мой. Не от меня грех исходит, а от древней злобы и мертвой персти. Не возложения рук твоих молю я, а пинка, как ошпаренной шелудивой собаке.

Собака я ошпаренная, а вновь и опять видел небо величавое и колыбельную землю сладимую.

На память преподобного Серафима, саровского чудотворца, привиделся мне сон пространный, легкий.

Будто я пеш и бос, в пестрядинной рубахе до колен, русская рубаха, загуменная.

Понизь — равнина, понизовье поречное без конца — без края в глазах моих, и воздухи тихие, благорастворимые. Там и сям на груди равнинной водные продухи, а на них всякая водяная птица прилет с северных стран правит...

И будто земля сновидная — Египет есмь. Сфинксы по омежным сухменям на солнце хрустальном вымя каменное греют.

Прохладно и вольно мне, глотаю я воздух дорогой, заповедный. И будто в стороне море спит, ни ряби на нем, ни булька...

Далеко-далеко за морем пушки ухают: это будто в Питере неспокойно...

Вдруг два человека мне предстали: один в белом фараоновом колпаке рыбу в десять лёс ловит, а другой — ищейка подворотная, в пальтишке длинном, и в руке бумага, по которой я судебной палатой за политику судился. Тявкнула ищейка, а смысл таков: мол, установлено, что я, Николай Клюев, — анархист; что же касательно Распутина, то это установить еще надо.

«Ну, — думаю, — с меня теперь взятки гладки: в Египте я, в земле древней, неприкосновенной!..»

Проснулся обрадованный.

Январь 1923

СОН АСПИДНЫЙ

Взят я под стражу... В тюрьме сижу... Безвыходно мне и отчаянно. Сторож тюремный ключами звякает, жалеючи меня, говорит мне, что казнь моя завтра и что придется меня, хоть и жалко, в холодный каземат на ночь запереть.

«Господи, — думаю я, — за что меня?»

А сторож тюремный, жалеючи меня, говорит: «За то, что в дневнике царя Николая II ты обозначен! Теперь уж никакая бумага не поможет!» И подает мне черный, как грифельная доска, листик, а на листике белой прописью год рождения моего, имя и отчество назнаменованы. Вверху же листа слово «жив» белеет...

Завтра казнь... Безысходная тюрьма и не вылизать языком белых бук на черном аспиде...

23 февраля 1923

СОН БЛАЖЕННЫЙ

В солнце стоял я, как пчела в меду, потонул в лучистом злате. Передо мною же картина: блаженные дерева, блаженные небеса и воды. Слева ястреб — горний ангел парит...

И блаженны глаза мои и сердце от вида блаженного... И был мне голос: «Это картина Беато Боттичелли, она в Олонецкой губернии!»

Очнулся я улыбой блаженным, как пчела в меду, сердце топилось.

25 февраля 1923

НОВОЕ СЧАСТЬЕ

Еще сон незабвенный: как родительская могила памятный.

Будто улицей ночной захолустной иду я. Ни огня, ни продуха света, грязь под ногами поросенком хрюкает, и рубаха моя беспоясная в ветре полощется. Заблужденный будто я, безночлежный, и бесследье дикое вокруг меня...

Набрел я на ворота, молчанием кованые. Стал плечом калитку напирать, поддалась будто калитка. Вижу, на дворе строенье темное. Сотворил я молитву про себя, Духа Святого воспомянул, а кто-то из тьмы темной сгрубиянил меня: мол, этого имени здесь не помнят.

Стал подниматься я в крыльца, огни показались мертвые, как в городских трактирах, и топ, верезг, цап, гуз и прыск человеческий оглушили меня.

Вижу, горница на конское побежище велика и вся плясней зыбится, ходуном ходит от чертовой пляски... Музыка страшная, неминучая, и кружится окаянное, проклятое, благословения материнского не знавшее: пара в хвостах собачьих калом рыгает, пара в перстах вередовых гнойных, пара — глаз бычий, разъяренный, убойной кровью налитый...

Осоловел я. В неум меня кинуло. Гляжу: ты, Коленька, в дверях, и оборотень, кишащий червями, тебя в пляску тащит. «Ну, — думаю, — пропад тебе!..»

Минута за минутой в пляске текли, и уж далеко ты от меня, нелюбезный, оборотень червивый,

Негаданно стена позади меня воссияла, как-то растаяла. Онемели чертовы дудки, и в глазах у меня видение благое: вижу, идет муж духосвятный с кропилом в деснице, а полеву — перед ним отроча в венце измарагдовом. Грядет духосвятный муж, а я за ним, под щитом-кропилом. Кропит святитель ошуюю и одесную, и, как тлен горелый, рассыпается чертово проклятóе.

Горница — конское побежище, гляжу, уже на убыли. Вижу тебя, Коленька, червивого, пес лижет. Стал я пса пинком от тебя гонить, а он голосом вальяжным, чиновным изрек мне, будто он знакомец твой покойный и велит тебе четвергу не верить.

Помолился я святу мужу рыдающей молитвой о дружбе нашей, и он благословенную десницу подъял и благословение афонское по-гречески проглаголал. И пали живые капли от кропила его на тебя, псиного и червивого...

Гляжу, идем мы дорогой ясной, заморский ветерок в лицо нам дует; дерева, круглые, как чаши, миро зеленое к небесам возносят, и птах на них желтых и червонных, как пчел на медушнике.

Край незнаемый, неуязвимый бедами... «Это — Канарские острова!» — говоришь ты, а сам такой легкий, восковой, из червя неусыпного вызволенный...

Новое счастье!

Май 1923

ПРЕСВЕТЛОЕ СОЛНЦЕ

Будто лезу я на сарайную стену, а крыша крутая. Сам же сарай в лапу рублен, в углах столетья жухнут, сучья же в бревнах паточные, липкие. И будто у самого шолома сосна вилавая в хвойной лапе икону держит, бережно так, как младенчика на воздусях баюкает. Приноровился я икону на руки приять, откуль ни возьмись орава людская, разгалдела на меня, вопом да сглазом душу полоша...

Побежал я по шолому, как синица за комаром... Догнала орава меня в тесном месте, руки в оковы вбила, захребетной цепью сковала. Повели меня к темному строению. Вижу, к стене лестница поставлена, ушами в полый люк уперта. И надо мне в этот люк нырнуть, а руки у меня скованы и захребетная цепь грызет тело мое.

Прыгнул я с лестницы в люк, не убился и плоть не ушиб. Вижу, спит темь, хвост — коридор длинный, голова же — пустая конюшня. Знаю, что есть и глаза у тьмы и слышание кошачье, только я-то в утлость головную за смертью пришел, за своей погибелью.

Солдатишко — язва, этапная пустолайка, меня выстрелом кончать будет. Заплакал я, жалко мне того, что весточки миру о страстях своих послать нельзя, что любовь моя не изжита, что поцелуев у меня кошель непочатый... А солдатишко целится в меня, дуло в лик мой наставляет...

Как оком моргнуть, рухнула крыша-череп, щебнем да мусором распался коридор-хвост.

Порвал я на себе цепи и скоком-полетом полетел в луговую ясность, в Божий белый свет... Вижу, озеро передо мной, как серебряная купель; солнце льняное непорочное себя в озере крестит, а в воздусях облако драгоценное, виссонное, и на нем, как на убрусе, икона возвиглась «Тихвинския Богородицы»...

«Днесь, яко солнце пресветлое, воссия нам на воздусях, всечестная икона твоя, Владычице, юже великая Россия, яко некий дар божественный с высоты прияла».

24 июня 1923

СЕДЬМОЕ КОЛЬЦО

На память мученицы Февронии, что палачами своими была вселюдно на куски рассечена, видел я сон про твое, Коленька, убиение.

Будто два безвинных и бесчеловечных тебе лицо ударом окровянили и жиганским ножом прокололи тебе грудь. Казенные люди — убийцы твои — одеты в военное, но безликие, и говор их — бормотанье да хрип сивушный про ящик. И за ящиком я спрятался, свое остервенелое сердце ужасом да отместкой утешаю.

Гляжу, в ящике снаряд динамитный. Ухнул я снарядом в душегубцев, в проклятых, давно ненавидимых... Громным взрывом выкинуло меня, как пушинку, в мякоть какую-то...

Гляжу — хлев передо мной коровий, навозом и соломой от него несет. Вошел я в хлев, темень меня облапила, удойная, добрая мгла. Узрел я дверь в стене; знаю, что не простая это дверь, драгоценной работы она, и порог ее священный. Отпер я дверь, в завесу глазами уперся. Завеса как бы из огня мягкого ткана, и буквы на ней полукружьем светлым: «Приидите ко мне вси, вернии...»

Стал я душу свою спрашивать, верный ли я? Перекрестился и одолел завесу. Пахнуло на меня неизреченным, чем христовская заутреня цветет. Ясли коровьи передо мной стоят, из белого камня высечены, а над ними пречистые лампады горят.

На каменном ложе ты убиенный, всякое житейское попеченье отложивший, Авелевой наготой светишься. Бесчисленны раны твои, язвы, пупыри и отеки. Уразумел я, что искусало тебя насмерть житейское море, и все грехи твои перед Богом на теле твоем, как явной бумаге, язвами рассказаны... Врач тайный, а какой, словами не скажешь, тело твое целить тщится. Но какое лекарство ни приложит, на всякое запрет свыше нисходит. Догадался я, что к последнему прибегает врач, и голос свышний пролился: «Той язвен бысть за грехи наша и мучим бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на нем, язвою его мы исцелехом».

Вдруг вострепетал человеко-коршун, из тьмы родясь, и сам темный, и затрапезным, всеми земными скрипами, мутью и сипом исполненным голосом как бы указ преподал: мол, исцелять еще не сроки, он не прошел седьмого кольца.

Возрадовался я тайне, глаза же мои плотские дальше покатились. Мерещится глазам улица, дома огромные и холод в них. Ворота под одним из домов кашалотовой пастью зияют, и ты, Николенька, из пасти этой мне шляпой махаешь: «Прощайте, — вопишь, — Николай Алексеевич! Теперь-то я уж погиб навеки...» Подбежал я к воротам и прочитал номер дома — 12.

Ты же сгиб, знаю, бесповоротно и бесспасительно.

10 июля 1923

СТУДЕНАЯ ЖАЖДА

Будто двор снежный в церковной ограде. На дворе церквушка каменная, толстостенная, почитай, вся снегом занесена. В надовратном кокошнике образ Миколин, и ты, братец мой, в нищем пальтишке, голорукий, в папертные врата стучишься — иззябший и бездомный.

Под оконцем церковным ледяной колодец, а в нем вода близкая, но не нагнуться мне, пясткой не захлебнуть: норовлю я черпаком берестяным водицы испить. Только гляжу, человек передо мной бородатый на костылях по имени и отчеству меня окликнул и в церковь позвал причастной теплотой мою студеную жажду погасить.

Человек на костылях и ты, братец, на снежных крыльцах в одно слились, и обличье у вас стало одно и голос один.

Врата же церковные открыл Невидимый...

14 июля 1923

ЛЬВИНЫЙ СОН

Будто топлю я печь в новой избе. Изба пространная, с сараем и хлевами под одну крышу. Только печное полымя стеной из устья пошло, не по-избяному, а угрюмо и судно...

Выскочил я в сени — жар в сенях; я в сарай — тамо треск огненный. Выбежал я на деревню, избы дымом давятся, народ бежит погорелый, спасенья ищет... А в ветре̇ зола горячая да изгарь...

И будто меня поджигателем сочли; надобно мне от казни ухорониться. Слежка за мной в восемь глаз...

Стали перелески да поля строеньем перемежаться. Домик белый на горке, а перед ним черные бабы по-кошачьи на локотках спят, себя за деньги показывают – в пользу погорельцев. Толкнулся я в дом, а там четверо меня ищут; все на одно лицо, корявые. Не верю я их заговоркам да басням, уйти пытаюсь...

Пробрался в кусты подоконные, думаю, от казни оборонюсь. Гляжу, меж кустов столишко заплеванный пивной, за ним пропойцы, что дрязгом сыты, и ты, Николай Ильич, с ними...

Побежал я в садовую калитку, но казни не избыл: повел меня с тобой корявый на булыжный двор казни предать. Столбы и виселицы готовы...

Сгинул корявый по своим заплечным делам, а я и говорю: «Спрячемся, Коленька, под виселичную стойку!» Стали мы стойку от земли приподымать, холодом на нас пахнуло, как из колодца. Под стойкой ход в землю оказался. Ухватились мы друг за друга крепко и полетели вниз, как бадья колодезная. О дно не расшиблись, на ноги встали. Воззрились, двух птиц огромадных увидели. Заклохтали индюки, как мельничные песты, гурком да шипом нас встречая. Темные птицы, как кедры дремучие...

Вдомёк мне стало, что надо от них кормом откупиться. Стали мы корм искать, ты у одной стены, я у другой. Нашли по волоковой доске, какие у рундучных лавок бывают; на твоей и на моей наши имена прописаны. Отодвинули мы доски – по ковриге хлебной нашли, большие ковриги, новопеченые.

Стали мы птичищам мякиш крошить, с рук кормить, и чем больше ковриги на исход идут, тем кровь человеческая в мякине явственней. Глотают птичищи кровавый мякиш – вот-вот и нас пожрут. Только помыслил я это – вижу, тебя, Н<иколай> И<льич>, птичища в зоб уместила, пожрала и от сытости угомонилась, как бы спать собралась.

Моя же птица по-человечески заговорила: мол, меня тогда пожрет, когда домой отведет. Спрашиваю я птицу: «Ты – я?» И ответила мне птица: «Да, я – ты!»

Пошла птица меня домой выводить, и усмотрел я, что ноги у ней петушиные, золотой чешуей покрыты, и когти золотые...

Привела меня птица к окованной двери, засов железный сдвинула и меня в дверь пропустила. Не выйти мне назад во веки веков: дверь окованная, заклятая. Ужас на меня накатил, мертвый страх! Попал я в львиное ущелье: львы и тигры в нем, как глазом охватить, стадами стоголовыми гнездятся...

Нет мне спасенья, мертвый страх в духе моем. Вдруг слышу я голос, из дикого гранита голова бородатая гласит: «Достань кровь из уст моих!» Ударил я что есть мочи ногой голову в зубы. Измазал кро-

вью ноги и руки, и лицо, чтобы неуязвимым стать. Стада львиные, щерясь и рыкая, дорогу мне дали через свой львиный двор. Миновал я путь смертный, вижу: карфагенская стена передо мной, кладка тысячелетняя и зубцы неприступные. И будто лестница на стену ведет, мне во спасенье.

Вознесся я на стену, простор узрел: и небо, и землю. Только и небо, и земля струпные...

У самой стены и дальше, сколько глаза хватят, в гнойном желтоватом тумане тьмы человеческих болванов копошатся. И тебя, Ник<олай> И<льич>, узнал я среди них, и голос мне подал — поганый вороний грай: «Здесь земля прокаженная!»

Вот меч смертельный, львиный мой сон!

Позади зубы львовы, впереди же проказа карфагенская.

30 июля 1923

ЦАРЬГРАДСКИЙ ЗАКАТ

Будто спасаюсь я от врагов. Забежал в болото, где треста болотная и вода по пояс. Ныряю я в воде, одна голова поверх, боронюсь от врагов...

Выкарабкался на сухой берег, бегу березовым перелеском куда глаза глядят.

Прибежал к новой избе на опушке. Думаю, добрые люди живут, помолюсь им и спасут меня. Вбежал в горницу, вижу, девка ждет меня, учливая, зовет в другую горницу. «Там, — говорит, — бармы для тебя приготовлены!»

Знаю, думаю, какие бармы. Петля удавная!

Девка мне нитку сканую показывает. «Вот, — говорит, — на какой тебя повесят!» Размыслил я — не страшно нитки. Пошел я за девкой в другую горницу. Стал к окну, и в лицо мне горний свет бьет. Обернулся — не одна, а три девки позади меня на лавке сидят, зубы скалят. Прядеи они, нитки прядут, прялицы крашеные и веретна со звоном. Не опомнился я, нитками весь запряден... Перерезали мне нитки горло, как петля удавная, и умер я в единый миг, плоть девкам оставя, а сам же лебяжьим лётом лечу над великим озером. Тихи и безбрежны воды озера, вечная заря над ним, о которой поется «Свете тихий» по церквам русским. Паруса безмятежные в заре, в воздухах и в водах. Лёт лебединый во мне и стихира в памяти:

Парусами в онежские хляби
Загляделся царьградский закат!

24 марта 1924

ЛЕБЯЖЬЕ КРЫЛО

А я видел сон-то, Коленька, сегодня какой! Будто горница, матицы толстые, два окошка низких в озимое поле. Маменька будто за спиной стряпню развела, сама такая веселая, плат на голове новый повязан, передник в красную клетку,

Только слышу я, что-то недоброе деется. Ближе, ближе к дверям избяным. Дверь распахнулась, и прямо на меня военным шагом, при всей амуниции, становой пристав и покойный исправник Качалов.

«Вот он, – говорят, – наконец-таки попался!». Звякнули у меня кандалы на руках, не знаю, за что. А становой с исправником за божницу лезут, бутылки с вином вылагают.

Совестно мне, а материнский скорбящий лик богородичной иконой стал.

Повели меня к казакам на улицу. Казаки-персы стали меня на копья брать. Оцепили лошадиным хороводом, копья звездой.

Пронзили меня, вознесли в высоту высокую! А там, гляжу, маменька за столом сидит, олашек на столе блюдо горой, маслом намазаны, сыром посыпаны. А стол белый, как лебяжье крыло, дерево такое нежное, заветным маменькиным мытьем мытое.

А на мне раны, как угли горячие, во рту ребячья соска рожком. И говорить я не умею и земли не помню, только знаю, что зовут меня Николой Святошей, князем черниговским, угодником.

8 июля 1925
Петергоф

ПУЧИНА КРОМЕШНАЯ

Страшно рот открыть, про этот сон рассказывать...

Будто Новый год на земле, новые звезды и новый ветер в полях. А я за порогом земным, на том свете посреди мерзлой, замогильной глади. И та гладина – немереный и немыслимый кал человеческий да трупная стужа...

Иду я тысячу лет, а всё пристанища нету... Но вот будто малый приступочек. Присел я на него – не пойду никуда... Только воем в уши плеснуло: вижу, два беса человека, как бочонок, катят. Наросли на человека все грехи его, и, как чан мясной, он катуч... Других два беса под человека одеты, богатых кабаков гости: манишка, джимы и всё прочее; только крещеной душе узнать, что это враги. Кувырком, с плясом и гончей рысью волокут они человека за ноги, как дровни за

оглобли. За дровнями третья пара, поперек трость панельная в серебряных буквах, а на ней голова насажена бабья, в рыжих волосьях, а кишки, кал земной и мервецкий мусор, метут...

Сотворил я молитву, в духе своем Христу кланяясь, любовь свою к его любви возношу...

Слышу вой человеческий пополам с волчьим степным воем. Бежит оленьим бегом нагой человек, на меня поворот держит. Цепью булатной, неразмыкаемой человек этот насквозь прошит, концы взад, наотмашь, а за один из концов лютый и всезлобный бес, как за вожжу, держится, правит человеком куда хочет. У той и другой ноги человека кустом лезвия растут, режут смертно.

«Николай, нет ли меду?!»

А бес гон торопит.

«Ведь я не пьяный, не пьяный!»

А бес гон торопит.

И помчался оленьим бегом человек Есенин. Погонялка у беса — змей-чавкун, шьет тело быстрее иглы швальной. На ходу, наутёке безвозвратном два имени городовых выкликнул Есенин: Белёв, Бежецк.

Возрыдал я Спасу... Чую, под локтем у меня как бы узенький проходец, только боком втиснуться. Помыслил я укрыться от страха ночного в проходец этот. Тискаюсь, тискаюсь, о лоб и затылок стены задевают. Шуршат стены мертвецкой кожей да волосьями. Стала одежа с меня, как корка с недопеченной ковриги, отваливаться, а за ней и тело стало строгаться. Утончился я, белым, костяным стал... Чую, под ногами мокро, всё глубже, глубже ноги в мертвую кровь уходят. А впереди шум сточный, водяной, кромешная кровавая пучина...

Некуда мне двинуться... Гляжу, человек ко мне идет. Пучина его держит, не мочит он своих ног в крови. В черном весь человек, в мягком, складчатом, а лицо, как воск, легкое и тонкое.

«Николай Васильевич Гоголь?» — «Да, — говорит, — это я. Пока еще здесь, за сомнения. Вы всё написали, что я вам советовал? У меня был молитвенник — о<тец> Матвей, к вам же я послал Игнатия. Писать больше не о чем...»

Конец сну.

1 января 1926

ДВУРЯДНИЦА

В эту зиму больше страшные сны виделись... До Троицына дня ночи тяжелые. Только когда пришло с иконописного Палехова пись-

мо от зографа-приятеля, такое нехитрое да заботное, привиделся мне в ночь с воскресенья на понедельник теплый турецкий сон.

Будто я в лодке на теплых шелковых водах; цвета глубина водяная лиловато-зеленого.

Плещет двухлопастным веслом детина курчавый, черноочитый и запеклый; весь голышом, только уды горячие (я знаю, что они горячи), пестрым труном прикрытые. Едем мы под мост, не теперешний – тысячелетний, с каменными сводами. Над водой выведены они мудрой строительной силой.

Такая сладость на водах, ветер густой, померанцевый, как пуховое опахало, с бороды копоть зеленую сдувает. А в лодке сладкие стручья жареные в рот просятся; ем будто я стручья, на язык и утробу вкусные, сладко насыщающие, а лодочник надо мной смеется, веслом двухлопастным плещет, теплый зеленый шелк в груды сгребает: мол, у нас эти стручки только свиньи едят! А я ему по-турецки ответ шлю: «Ничего, если у вас свиньи, то нам сладко и дешево!»

А на левом берегу три Софии стоят; с боков златы, напрямки же, как с лодки глядеть, более жасминного цвета и как жасмины нежны и душисты.

И знаю я сонным знанием, что шелковые воды – это ожившая Сахара, что путь мой свят и первоначален.

Проснулся я, от радости крестом себя осеняю крепко так, до боли на лбу и под ложечкой. А когда забылся, вижу себя на русской полевой тропинке: место высокое, на тысячу верст окрест видно, всё низины да русла от озер да рек утекших. Ушли воды русские, чтоб Аравию поить, теплым шелком стать. И только меж валунов на сугорах рыбьи запруды остались: осетры, белуги сажени по две, киты и кашалоты рябым брюхом в пустые сивые небеса смотрят. Воздух пустой, без птиц и стрекоз, и на земле нет ни муравья, ни коровки Божьей. И не знаю я, куда идти по полевой псковской тропинке меж рыбьей бесчисленной падали.

Апрель 1928

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВЫЙ СОН

Я был с маменькой в каком-то незнакомом мне храме: много молящихся, идет торжественная служба, и вдруг у самого алтаря проис-

ходит какое-то смущение, спор между священником и диаконом. Спор усиливается — получается смятение... Маменька мне говорит: «Уйдем, Коленька. Благодать отсюда ушла». И мы вышли с ней из храма и пошли по дороге. По обе стороны деревья, кусты — чем дальше мы шли, тем всё оголенней становилось вокруг, как-то безрадостно. Потом пошли голые скалы, а затем и песок. Камни и песок.

Маменька шла впереди, на повороте куда-то скрылась. Я старался разыскать ее, но ее не было. Наконец я вышел как бы к заливу морскому. У берега, вижу, стоит огромный пароход со многими ярусами, и на каждом ярусе стоят в старинных одеждах рядами русские подвижники, странники, мученики, святые — каждый на своем ярусе. Здесь же и преподобные, и великомученики, и блаженные, юродивые — по своим ярусам. На мачте — хоругвь с изображением Нерукотворного Спаса.

На носу и корме прикреплены цепи, и какие-то громоздкие существа с крыльями держат концы, стоя на земле: один у носа, другой у кормы. Этим они держали корабль. Сходни опущены к берегу. Полная торжественная тишина — все молча кого-то ждут. Раздается голос: «Еще нет Николы и отрока Димитрия».

И вот из-за скалы показываются идущие святители: святитель Николай и отрок убиенный Димитрий. С<вятой> Николай держит его за руку. Когда они взошли по сходням на корабль, сейчас же сходни убрали, а существа с крыльями стали на корабле один — на носу, другой — на корме, и корабль немедленно отплыл по заливу в направлении открытого моря. Я упал на колени и завопил: «А меня?.. И меня возьмите с собой!» Но никто не отвечал, а корабль набрал паруса и быстро стал удаляться. Поднялся ветер, волны — корабль стало сильно качать, так что знамя с Нерукотворного Спаса на наклоне парохода касалось воды: быстро удаляясь, корабль исчез вдали, а я упал на песок и горько рыдал, чувствуя какой-то ужас и скорбь.

Долго лежал я, рыдая. Стало темнеть. Я поднялся, оглянулся — никого, только одни бесконечные пески. Я пошел обратно той же дорогой, какой пришел. Так же сначала камни и пески. Потом показались кусты, затем деревья — и вдруг слышу голос маменьки. Подхожу на голос к какой-то изгороди, за ней точно и беседка из кустов — и вдруг ясно слышу голос маменьки: «Владычица, у нас странники вот так носят на перевязи страннические сумки и вот такие надевают лапотки». Я понял, что все святые покинули Русскую землю. Одна Владычица осталась на земле в образе странницы.

Проснулся, а слезы текли ручьями. Я всё понял: все святые покинули Русскую землю — одна Владычица осталась!..

1931–1932

ВТОРОЙ СОН

Иду по переулку в Москве, впереди идет моя маменька в старообрядческом одеянии: синий посконный сарафан, белая с шитым блуза и белая косынка, идет она впереди и очень быстро – я не могу ее догнать. Маменька поворачивает в какой-то двор со старинными строениями – и вижу, на дверях наклеивает записочки на белой бумаге и спешит дальше. Проходя за ней, я читаю на этих бумажках: «Христос зде уставися!» (Христос здесь утвердился!) Иду за ней; она входит в квартирную входную дверь – и я, проходя, читаю ту же надпись. Войдя за ней, я вижу перед собой не комнаты, а виноградник, полный кустов с очень спелыми, золотисто-лиловыми ягодами. Виноградник окружен высокой деревянной оградой, а внутри сидит маменька на итальянском золоченом креслице, а около нее ходят два белых голубка. «Маменька, – кричу я, – что Вы здесь делаете?» – «А вот, Коленька, сторожу виноград – идет гроза, а я смотрю, чтобы не побило виноград». – «Как же мне к Вам прийти, забор-то высок?» – «Нет, Коленька, без пропуска сюда нельзя». После долгой мольбы о пропуске маменька дает одному из голубей белую записку. Голубь берет ее в клюв и, поднявшись, перелетает через забор. Но я никак не могу поймать его. После очень долгих усилий мне удалось взять из клюва пропуск, и я при этом поранил руку; когда я раскрыл ладонь, она была вся в крови.

Я со стоном проснулся, потрясенный, и почувствовал приближающееся мученичество...

1931–1932

ТРЕТИЙ СОН

Иду по широкой площади из белого мрамора. Кругом простор, безлюдно; лишь далеко впереди виднеется группа из семи лиц. Я спешу присоединиться. Подходя ближе, с удивлением вижу, что это некие существа человеческого вида, но очень высокие, в древних плащах – все белого цвета – и с какими-то измерительными приборами. Среди них – очень величественная, необычайной красоты Жена, к Которой все обращаются с особенным почтением. Впереди видна громадная церковь-собор, тоже из белого, чистейшего мрамора. По такой же мраморной и очень широкой лестнице входит в необъятного размера храм эта группа, находящаяся значительно впереди меня. Потом вошел и я и был необычайно поражен внутренним устроением этого совершенно особого храма: стены были не из кирпича или камня,

или какого-либо строительного материала, а из художественных изделий человеческих рук разных окрасок, совершенно различных по значению и оформлению, не похожих ничем одно на другое по виду и содержанию: одни из драгоценных камней, другие из различных металлов, из дерева, бархата, шелка, кружева, вышивки, живописи и проч<их> творческих художественных оформлений. И все они заключены в золотые четырехугольные рамки – каждая отдельно, а спаянные все вместе составляли одно целое – стены храма. И еще одну особенность имел этот храм: он был бесконечен, стены его раздвигались по мере продвижения. Группа особых существ как бы делала смотр этим изделиям по указанию великой Жены и, определив оценку, оформляла золотой рамой еще не вошедшие в общую спайку изделия. Окончательное утверждение исходило от величественной Жены, перед Которой все преклонялись. Получив Ее утверждение, старший, имевший в руках особый инструмент (похожий на циркуль), делал взмах этим инструментом с четырех сторон – и появлявшаяся золотая рама увековечивала это изделие: труд жизни определенного человека. Появлялась и надпись его имени. И мне стало понятно: пострадавшие до крови имели все изделия рубиновые. И вдруг услыхал я и свое имя. Я как-то сразу понял, что говорят обо мне. Старший сказал: «Владычица, вот работа раба Твоего Николая». Я поспешно приблизился посмотреть (меня как бы никто не замечал) – и увидел изображение избы – тончайшей резной работы по дереву. Окошечко и на нем белый голубок, в клюве которого было сердце человека из рубина. Всё тончайшей художественной работы – резьбы по дереву.

Владычица ничего не ответила, а когда к Ней он снова обратился, – она сказала тихим чудным голосом: «Да, но у него сердце еще не готово...»

Я проснулся в восторге и в каком-то недоумении...

1931–1932

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН

Иду по безбрежному ледяному полю-пространству. Полная тьма. Натыкаюсь на какие-то небольшие кочкообразные глыбы, издающие вопли, стоны. Наклоняюсь, ощупываю и с ужасом узнаю человеческие головы, рассеянные по необозримому ледяному пространству. Эти стоны сливались в какой-то потрясающий гул, рев. Ощупываю и разбираю, что все тело погружено в ледяную, замерзшую, скованную плотную массу – по плечи. И лишь на поверхности – полузамерз-

шая голова с непередаваемо страдальческими глазами, открытым ртом, с перекошенными смертельной судорогой губами и всем лицом. Волосы стояли дыбом вокруг головы, твердо замерзшие, и казалось, что это вокруг огромные терновые венцы. Зубы оскалены в великом неестественном напряжении. Куда бы я ни поворачивался, желая бежать из этого ада, — всюду была одна картина сплошного нечеловеческого страдания — все головы были в одном положении, как кочны. Я всё еще старался бежать и внезапно наткнулся на какой-то знакомый взгляд, такой же непередаваемо ужасный. И я узнал... Я узнал одного из моих собратьев-поэтов, погибшего от собственной руки, по своей упавшей до бездны воле... Он тоже узнал меня, умоляюще кричал о помощи — но я сам изнемог в этом мертвяще-ледяном вихре... Я опустился на колени и, весь скованный судорогой, проснулся... Я его узнал...

1931–1932

ПЯТЫЙ СОН

В другой раз я видел тоже близкого мне поэта, который дошел до полного разложения своего внутреннего мира, — такого светлого, радостно-красивого в ранней юности, но не устоявшего перед соблазнами жизни, перешедшего в разгул и развратность, — и Светлое Творчество его покинуло; он не сумел победить испытаний, необходимых для дальнейшего продвижения по высокой лестнице творческих откровений — и тоже упал и разбился...

Я вижу себя в глубокой подземной пещере — тьма... Я стою и точно чего-то жду — и вот слышу, доносятся неистовые крики, всё приближающиеся, всё ужаснее, потрясающее — и мимо меня сверху по узкой лестнице, уходящей в бесконечную пропасть, какие-то страшные чудовища волокут за ноги существо человеческого вида, и при каждом шаге это существо бьется головой об острые камни нескончаемых ступеней. Существо всё залито кровью, и когда его тащили мимо меня, я увидел и узнал того, кто когда-то был близок моему сердцу и творческим вдохновениям. Я весь содрогнулся и зарыдал, протянул к нему руки, а он из последних сверхчеловеческих усилий вопил: «Николай, молись обо мне!» Его поглотила бездна... Я же не могу и передать потрясения всего моего существа, которое охватило меня и продолжалось и после того, как я проснулся.

Как неописуемо пагубно самоубийство! Как явно отрешает оно от всего светлого и отдает во власть немилосердного истязателя!

Воочию я увидел и проникся пониманием, как опасно, особенно имея дар тончайших восприятий в соприкосновении с образами Вселенной, утерять чистоту единения с ограждающей непобедимой силой божественного света!

1931–1932

ШЕСТОЙ СОН

Последний сон, или, вернее, видение, испытанное нами как бы дополнительно, было после пасхальной службы под Пасху 1932 года, в последний месяц его пребывания на нашей квартире, незадолго до переезда его на обмененную им квартиру московскую.

После пасхальной заутрени, а затем и обедни, мы вернулись домой, разговелись и около пяти часов легли отдохнуть. Рано утром часов в восемь я слышу, что Никол<ай> Алек<сеевич> в своем уголке всхлипывает и что-то говорит во сне. Я встаю, чтобы одеться, и вдруг слышу, как бы в мысли, голос женский: «Христос Воскресе, дорогая сестра Надежда!» И тут же мысленно отвечаю: «Воистину Воскресе, дорогая сестра Параскева!» — никого не видя, как бы говоря другим каким-то своим существом, при этом, не останавливаясь, спешу к плачущему Никол<аю> Алек<сеевичу>. Он, просыпаясь, еще в полусознании говорит: «Маменька сейчас здесь была; она вошла в эту дверь (из коридора) вся в белом, как невеста, и в фате и вся обрызгана как бы дождевыми каплями. Войдя в эту дверь, она сказала: «Христос Воскресе! По этой страшной дороге я исколола все ноженьки! И что же вы делаете — не правите по мне панихид? Ведь Зорифер ходит по земле и налагает на всех язвы. Вы все перехвораете, а у тебя и ноги отнимутся». А затем прошла к Вам, — говорит Никол<ай> Алекс<еевич>, — и я слыхал, как она сказала Вам: «Христос Воскресе, дорогая сестра Надежда!», т. е. те же слова, что слышала я и до его рассказа, но вначале, когда он еще не пришел в себя. Это взаимное слышание и было как бы подтверждением общения двух миров — земного и потустороннего.

Он окончательно пришел в себя, но долго был под влиянием этого пророческого сна, как видно из последних событий его жизни: перед смертью в тюрьме у него действительно был паралич обеих ног.

Мы долго обсуждали это необычайное явление.

1932

РАЗДЕЛ IV

Статьи, рецензии

В ЧЕРНЫЕ ДНИ
(Из письма крестьянина)

С сердцем полным тоски и гневной обиды пишу я эти строки. В страшное время борьбы, когда все силы преисподней ополчились против народной правды, когда пущены в ход все средства и способы изощренной хитрости, вероломства и лютости правителей страны, — наши златоусты, так еще недавно певшие хвалы священному стягу свободы и коленопреклоненно славившие подвиги мученичества, видя в них залог великой вселенной радости, ныне, сокрушенные видимым торжеством произвола, и не находя оправдания своей личной слабости и стадной растерянности, дерзают публично заявлять, что руки их умыты, что они сделали всё, что могли для дела революции, что народ — фефёла — не зажегся огнем их учения, остался равнодушным к крестным жертвам революционной интеллигенции, не пошел за великим словом «Земля и Воля».

Проклятие вам, глашатаи, — ложные! Вы, как ветряные мельницы, стоящие по склонам великой народной нивы, вознеслись высоко и видите далеко, но без ветра с низин ребячески жалки и беспомощны, — глухо скрипите нелепо растопыренными крыльями, и в скрипах ваших слышна хула на духа, которая никогда не простится вам. Божья нива зреет сама в глубокой тайне и мудрости. Минута за минутой течет незримое время, ниже и ниже склоняются полным живым зерном колосья, — будет и хлеб, но он насытит только верных, до конца оставшихся мужественными, под терновым венцом сохранивших светлость чела и крепость разума.

Да не усомнятся сердца борющихся, слыша глаголы нечестивых людей с павлиньим хвостом и с телячьим сердцем, ибо они имеют уши — и не слышат, глаза — и не видят, а если и принимают косвен-

ное участие в поднятии народной нивы, то обсеменить свежевзрытые борозды не могут, потому что у них нет семян — проникновенности в извивы народного духа, потому что им чужда психология мужика, бичуемого и распинаемого, замурованного в мертвую стену — нужды, голода и нравственного одиночества. Но под тяжким бременем, наваленным на крестьянскую грудь, бьется, как голубь, чистое сердце, готовое всегда стать строительной жертвой, не ради самоуслаждения и призрачно-непонятных вожделений, свойственных некоторой доле нашей так называемой интеллигенции, а во имя Бога правды и справедливости...

Не в ризе учитель — народу шут, себе поношение, идее пагубник, и что дальше пойдет, то больше сворует.

Так и г. Энгельгардт в своей статье (Свободные мысли), изображая русскую революцию пузырем, лопнувшим от пинка барского сапога, выдает с головой свою несостоятельность, как учитель без ризы сознания великой ответственности перед родиной, той проникновенной чуткости, которая должна быть главным свойством души истинного глашатая-публициста. Обвиняя народ в неспособности отстаивать свои самые насущные, самые дорогие интересы, Энгельгардт умышленно замалчивает тысячи случаев и фактов ясно и определенно показывающих врожденную революционность глубин крестьянства, его мудрую осторожность перед опасностью, веру в зиждительно-чудотворную силу человеческой крови.

Народ знает цену крови, видит в ней скрытый непостижимый смысл, и святит имя тех, кто пострадал, постигнув тайну ее.

Портреты Марии Спиридоновой, самодельные копии с них, переведенные на бумажку детской рукой какого-нибудь школяра-грамотея, вставленные в киот с лампадками перед ними, — не есть ли великая любовь, нерукотворный памятник в сердце народном тем, кто, кровно почувствовав образ будущего царства, поняв его таким, как понимает народ, в величавой простоте и искренности идет на распятие. Такое отношение народной души к далеким незнаемым, но бесконечно дорогим людям, пострадавшим за други своя, выше чувствований толпы.

Народ-богочеловек, выносящий на своем сердце все казни неба, все боли земли, слышишь ли тех сынов твоих, кто плачет о тебе, и, припадая к подножию креста твоего, лобзая твои пречистые раны, криком, полным гнева и неизбывной боли, проклиная твоих мучителей, молит тебя: прости нас всех, малодушных и робких, на руинах святынь остающихся жить, жить, когда ты распинаем, пить и есть, когда ты наполнен желчью и оцетом!..

<1908>

С РОДНОГО БЕРЕГА

Мы убили дьявола. Ответ крестьянина на суде перед сытыми.

«Царь Голод» Леонида Андреева

Дорогой В. С., Вы спрашиваете меня, знают ли крестьяне нашей местности, что такое республика, как они относятся к царской власти, к нынешнему царю и какое общее настроение среди их? Для людей вашего крута вопросы эти ясны и ответы на них готовы, но чтобы понять ответ мужика, особенно из нашей глухой и отдаленной губернии, где на сотни верст кругом не встретишь селения свыше 20 дворов, где непроходимые болота и лесные грязи убивают всякую охоту к передвижению, где люди, зачастую прожив на свете 80 лет, не видали города, парохода, фабрики или железной дороги, — нужно быть самому «в этом роде». Нужно забыть кабинетные истории зачастую слепых вождей, вырвать из сердца перлы комнатного ораторства, слезть с обсиженной площадки, какую бы вывеску она ни имела, какую бы кличку партии, кружка или чего иного она ни носила, потому что самые точные вожделения, созданные городским воображением «борцов», при первой попытке применения их на месте оказываются дурачеством, а зачастую даже вредом; и только два-три искренних, освященных кровью слова неведомыми и неуследимыми путями доходят до сердца народного, находят готовую почву и глубоко пускают корни, так например: «Земля Божья», «вся земля есть достояние всего народа» — великое неисповедимое слово! И сердцу крестьянскому чудится за ним тучная долина Ефрата, где мир и благоволение, где Сам Бог.

«Всё будет, да не скоро», — скажет любой мужик из нашей местности. Но это простое «всё» — с бесконечным, как небо, смыслом. Это значит, что не будет «греха», что золотой рычаг вселенной повернет к солнцу правды, тело не будет уничижено бременем вечного труда, особенно «отдажного», как говорят у нас, т. е. предлагаемого за плату, и душа, как в открытой книге, будет разбираться в тайнах жизни.

«Чего не знаешь, то поперек глаза стоит», заставляет пугаться, пятиться назад перед грядущим, перед всем, что на словах хорошо, а на деле «Бог его знает». Каменное «Бог его знает» наружно кажется неодолимым тормозом для восприятия народом революционных идей, на него жалуются все работники из интеллигентов, но жалобы их несправедливы, ибо это не есть доказательство безнадежности

мужика, а, так сказать, его весы духовные, своего рода чистилище, где всё ложное умирает, всё же справедливое становится бессмертным.

Наша губерния, как я сказал, находится в особых условиях. Земли у нас много, лесов — тоже достаточно. Аграрно, если можно так выразиться, мы довольны, только начальство шибко забижает, земство тоже маху не дает — налогами порато прижимает. Как пошли по Россеи бунты, так будто маленько приотдало и начальство стало поладливее. Бывало, год какой назад, соберемся на сход, так до белого света про политику разговоры разговариваем; и полица не касалась, а теперь ей от царя воля вышла: кто за правду заговорит, того за воротник — да в кружку. Ну, одного схватят да другого схватят, а третий и сторонится; ведь семья на руках пить-ись просит, а с острожного пайка не много расхарчишься. Да это бы всё не беда, так вишь, народ-то не одной матки детки, у которого в кисете звонит, так ён тебе же вредит: по начальству доносит. Так говорит половина мужиков Олонецкой губ<ернии>.

Но что же это за «политика», — спросите Вы, что подразумевает крестьянин под этим словом, что характеризует им? Постараюсь ответить словами большинства. Политика — это всё, что касается правды — великой вселенской справедливости, такого порядка вещей, где и «порошина не падает зря», где не только у парней будут «калоши и пинжаки», «как у богатых», но еще что-то очень приятное, от чего гордо поднимается голова и смелее становится речь. Знаю, что люди Вашего круга нашу «политику» понимают как нечто крайне убогое, в чем совершенно отсутствуют истины социализма, о которых так много чиликают авторы красных книжек, предназначенных «для народа». Но истинно говорю Вам — такое представление о мужике больше чем ложно, оно неумно и бессмысленно! Мне памятен случай на одном, устроенном местным кружком с<оциалистов>-р<еволюционеров> митинге. Оратор, крестьянин, мужчина лет 30, стоя на камне посреди густой толпы, кричал: «Зачем вы пришли сюда, зачем собрались и что смотреть? Человека ли, в богатые одежды облеченного? Так ведь такие живут во дворцах, вы же чего ищете, чего хотите?»

«Чтобы всё было наше», — кричали в ответ — не два, не три, а по крайней мере сотни четыре людей. «Чтобы всё было наше» — вот крестьянская программа, вот чего желают крестьяне. Что подразумевают они под словом «всё», я объяснил как сумел, выше, могу присовокупить, что к нему относятся кой-какие и другие пожелания, так например: чтобы не было податей и начальства, чтобы съестные продукты были наши, а для выдачи можно контору устроить, препоручив ее людям совестливым. Чтобы для желающих были училища и

чтоб одежда у всех была барская, — т. е. хорошая, красивая. Много кой-чего и другого копошится в мужицком сердце; мысленно им не обделен никто: ни вдовица, ни сирота, ни девушка-невеста. О республике же в нашей губернии знают не больше, как несколько сот коренных крестьян, просвещенных политическими ссыльными из интеллигентов и городских рабочих. Республика это такая страна, где царь выбирается на голоса, — вот всё, что знают по этому предмету некоторые крестьяне нашей округи. Большинство же держится за царя не как за власть, карающую и убивающую, а как за воплощение мудрости, способной разрешить запросы народного духа. «Ён должон по думе делать», — говорят про царя. Это значит, что царь должен быть умом всей русской земли, быть высшей добродетелью и правдой. Нынешний же царь злодеями, кажущимися народу предвестником «последнего времени», представляется одним чем-то в высшей степени бессовестным, врагом Бога и правды, другим — наказанием за грехи, третьим — просто пьяным, осатаневшим, похожим на станового барином, четвертым — ничего не знающим и ни во что не касающимся, с ликом писаного «Миколы», существом. Ежедневные казни и массовые расстрелы доходят до наших мест в виде фантастических сказаний. Говорят, что в городе «Крамштате» царь подписал «счет» матросов, предназначенных для казни, и что по дорогам было протянуто красное сукно, в церквах звонили в колокола, а царь с царицей ехал на пароходе и смотрел «в бинок». Что в каком-то городе, на белой горе казнили 12 братьев, и с тех пор икона Пресвятой Богородицы, находящаяся в ближней церкви, плачет дённо и ночно — подавая болящим исцеление. Что в Псковской губернии видели огненного змия, а в Новгороде, сжатая в кулак рука Спасителя, изображенного на городской стене, разжимается. Всё это предвещает великое убийство — перемеженье для Россеи, время, когда брат на брата копье скует и будет для всего народа большое «поплененье». От многих я слыхал еще и следующее, касающееся уже лично нынешнего императора: будто бы он, будучи еще наследником, ездил к японскому государю в гости, стал похабничать с японской царицей и в драке с ее мужем получил саблей коку в голову, отчего у него сделалось потрясенье и он стал межеумком, таким, характеризуя кого, мужик показывает на лоб и вполголоса прибавляет: «Винтика не хватает». Вот, мол, отчего и порядки на Россеи худые; да еще оттого, что ён начальству волю дал и сам сызмальства мясничать научился. Перво-наперво, как приехал из Японии, зараз царем захотел стать — отцу Александру III-ему сулемы подсунул, а брата Егорья в крепость засадил, где его и застрелил унтер-офицер Трепов, что теперь у царя в ключниках состоит и жалованье за это 40 тыщ на месяц получает. Но

подобные разговоры – исключение. Большинство же интересуется насущным: заботой о пропитании, о цене на хлеб, проделках сельских властей – старшин, старост, сборщиков податей, волостных писарей, становых, земских, урядников, ругает их в глаза и позаглазно, уважения же к этим господам не питает никто, ни старый, ни малый. Песни крестьянской молодежи наглядно показывают отношение деревни к полиции, отчаянную удаль, готовность пострадать даже «за книжку», ненависть ко всякой власти предержащей:

Нам полиция знакома,
А исправник хоть бы хны,
Хоть убей, за сороковку
Не окажется вины.

Мы без ножиков не ходим,
Без каменья никогда,
Нас за ножики боятся
Пуще царского суда.

Мать-Россея торжествует –
Николай вином торгует,
Саша булочки пекёт,
А Маша с Треповым живет.

Люди ножики справляют,
Я леворверт заряжу,
Люди в каторге страдают –
Я туда же угожу.

Я мальчишечко-башка,
Не хожу без камешка.
Меня в Сибири дожидают –
Шьют рубаху из мешка.

У нас ножики литые,
Гири кованые.
Мы ребята холостые
Практикованные.
Мы научены сумой –
Государевой тюрьмой.

Молодцы пусть погуляют
Вместе водочки попьют,
За веселое гулянье
Цепи на ноги дают.

Пусть нас жарят и калят
Размазуриков-ребят,
Мы начальству не уважим —
Лучше сядем в каземат.
Каземат, ты каземат —
Каменная стенка.
Я мальчишко-сибиряк
Знаю не маленько.
Не маленько знаю я,
Не своим бахвальством,
Что Российская казна
Пропита начальством.
Ах, ты книжка-складенец,
В каторгу дорожка,
Пострадает молодец
За тебя немножко.
Во тюрьму меня ведут
Кудри развеваются —
Рядом девушки идут,
Плачут, уливаются.

И т. п.

Отношение деревни к затюремщикам резко изменилось. Пострадать «с доброй воли» не считается позорным. Возвратившиеся из тюрьмы пользуются уважением, слезным участием к их страданью. Тысячи политических ссыльных из разных концов России нашли в нашем краю приют и вообще жалостное отношение населения. Революционные кружки, организованные ссыльными во всех уездах губернии, за последнее время значительно обезлюдели. Много работников как из крестьян, мещан, так и из интеллигентов, арестованы. Главный губернский комитет получает из Питера партийные журналы, прокламации и брошюры и через уездных членов распространяют по всей губернии. Из прокламаций больше спрос на письмо русских крестьян к царю Николаю II-му. Из брошюр: «Что такое свобода», «Хитрая механика» и «Конек-Скакунок». Несмотря на гонение, распространение литературы, хотя значительно слабее 1905—6 годов, но все-таки продолжается, хотя до сих пор и не вызывает массового бунта, но как червоточина незримо делает свое дело, порождая ненависть к богачам и правительству. Наружно же вид Олонецкой губ<ернии> крайне мирный, пьяный по праздникам и голодный по будням. Пьянство растет не по дням, а по часам, пьют мужики, нередко бабы и подростки. Казенки процветают, яко крины, а хлеба своего в боль-

шинстве хватает немного дольше Покрова. 9 зимних месяцев приходится кормиться картошкой и рыжиками, да и те есть не у всякого. Вообще мы живем как под тучей — вот-вот грянет гром и свет осияет трущобы Земли, и восплачут те, кто распял Народ Божий, кто, злодейством и Богом низведенный до положения департаментского сторожа, лишил миллионы братьев познания истинной жизни. Общее же настроение крестьянства нашего справедливо выражено в одном духовном стихе, распеваемом по деревням перехожими нищими-слепцами:

Что ты, душа, приуныла?
Аль ты Господа забыла?
Аль ты добра не творила?
Оттого ты, душа, заскорбела,
Что святая правда сгорела,
Что любовь по свету бродит
И нигде приста́ну не находит.
По крещеному белому царству
Пролегла великая дорога —
Столбовая прямая путина.
То ли путь до темного острога,
А оттуль до Господа Бога.
Не просись, душа моя, в пустыню,
Во тесну монашеску келью,
Ко тому ли райскому веселью.
Положи, душа моя, желанье,
Воспринять святое поруганье,
А и тем, душа моя, спасёся,
Во нетленну ризу облекёся.
По крещеному белому царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина —
Есть проход лихому человеку,
Что ль проезд ночному душегубу,
Только нету вольного проходу
Тихомудру Божью пешеходу.
Как ему, Господню, путь засечен,
Завалён — проклятым черным камнем.

<1908>

ПРИТЧА ОБ ИСТОЧНИКЕ И О ГЛУПОМ МУДРЕЦЕ:

(Посв<ящается> писателю Арцыбашеву по поводу его «голой» правды о Л. Н. Толстом)

Колесо в колеснице — сердце глупого, и как вертящаяся ось — мысль его, превращая добро во зло, он строит козни и на людей избранных кладет пятно.

Из книги пр. Иисуса, сына Сирах<ова>

Вы беременны сеном, разродитесь соломою; дыхание ваше — огонь, который пожрет вас.

<Из книги пр.> Исайи XXX, 2

Кто даст мне стражу к устам моим, чтобы язык мой не погубил меня.

Из книги пр. Иис<уса>, сына Сирахова

В одной пустыне тёк источник чистой воды. Порой налетал удушливый, песчаный ветер, мутил и засыпал источник, но проходило немного времени, как вновь пробивалась тоненькая, живая струйка. Многие из людей, истомленные тяжелым путем, с почерневшими от жажды губами, припадали к этой живительной струйке, — и те спасались от смерти. По всей пустыне и далеко за пределами ее известен был источник, ибо пившие из него говорили: «Это спаситель наш». Неотпившие же не верили и смеялись над спасенными, говоря: «Только наши колодцы хороши, потому что они вырыты учеными инженерами, пустыня же жилище змей и скорпионов, — откуда быть в ней воде живой?» — и гнали людей тех, и поносили самый источник. Один же из безверных, слывший большим умником, решил сам в себе: «Пойду в пустыню и если найду источник, то опоганю его, чтобы никто не пил из него, и пили бы все из наших колодцев и слушали бы мое умствование».

(Умственность его состояла в том, что он учил людей: пейте, ешьте, наслаждайтесь, ибо завтра умрете.) Так он и сделал, сошел к источнику и хоть смутился прозрачностью его, но по черствости сердца и бахвальства ради, не оставил своего черного умысла. Долго ломал мудрец свою разумную голову, — чем бы осквернить источник? Спрашивал совета у змей и скорпионов. Змеи советовали — зашипеть позмеиному, скорпионы — ужалить источник, но мудрецу всё это казалось недостаточным. Тогда он обратился к шакалу: «Ты самое

поганое животное, питающееся только падалью, и жаден без меры, — скажи, чем мне запакостить источник?» — «Да, — отвечал шакал, — я самое отвратительное животное, — падаль, особенно с душком, мое первое кушанье, и я сейчас пожрал труп девушки, которую люди, следуя твоему учению о наслаждении, изнасиловали, убили и бросили в кусты. Неужто ты себя считаешь чище меня? За поганью тебе далеко ходить не нужно: она вся в тебе. И если хочешь запакостить источник, то сходи в него «до ветра». Мудрец обрадовался и не только сделал всё по совету шакала, но и сам весь перемазался калом, и в таком виде, громко хвалясь, возвратился к людям. Люди же, затыкая носы, бежали от него. Менее же брезгливые сказали ему: «Как ты, считающий себя умником, дошел до такого положения? Ты себя и нас присрамил — заставил и неверующих поверить, что источник есть в действительности, и что вода в нем живая, раз даже тебе, самому мудрейшему из нас, он не дает покоя?» Верующие же сказали так: «Пустой человек, ты не только осквернил себя наружно, вымазавшись навозом, но и внутренне показал свое ничтожество — сходив в источник «до ветра». Пес и тот брезгует своей блевотины, а ты ведь человек, к тому же и умом форсишь... Источник не может быть опоганен чем-либо, — вода в нем прохладная, да и жила глубоко прошла. Она неиссякаема и будет поить людей вовеки».

<1911>

<РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ: *Толстой Л.* Бог. М., 1911; *Толстой Л.* Любовь. М., 1911>

«Бог и Любовь» — два тихие слова, пред тайной которых стоит человечество, от начала не постигая ее. Миллионы лет живы эти слова, и как соль пищу осоляют жизнь мира. Исчезали царства и народы, Вавилоны и Мемфисы рассыпались в песок, и только два тихих слова «Бог и Любовь» остаются неизменны. У покойного писателя А. Чехова есть место: пройдут десятки тысяч лет, а звезды всё так же будут сиять над нами и звать и мучить несказанным...

Прости, родная тень! Но, глядя на звезды, мы говорим уже иначе: — Не пройдут и сотни лет, как звезды будут нам милыми братьями. Ибо путь жизни будет найдет. Два тихие слова «Бог и Любовь», — две неугасимых звезды в удушливой тьме жизни, мед, чаще терн в душе человечества, неизбывное, извечное, что как океан омывает утлый островок нашей жизни, — выведет нас «к Материку желанной суши»...

«Путь жизни» — старое слово. Еще старее слово «Бог и Любовь», — но весточкой с далекой родины веет от них.

И хочется, как в детстве, забиться куда-либо в лопухи, дрожа, — до ночи ждать «Неизреченного» и плакать от сладкой муки, протягивая руки к зеленым, кивающим звездам...

«Бог и Любовь» — два тихие, как шелест осоки, слова — единый путь к бессмертию.

<1911>

ПЛЕННИКИ ГОРОДА

I

Они... стоят, молодые, с нафабренными усами или безусые вовсе, пожилые, с сивой щетиной на подбородке, с опаленными уличным зноем ржаво-красными шеями и щеками. Полдень. Мутно желтогорячее небо, воздух сух и угарен, пахнет человеческим потом и еще чем-то, отчего слегка кружится голова, и во рту становится тошно. Голуби, прикурнув в тени огромной бесстыдно красной вывески, с раскрытыми от жажды клювами, — не воркуют. Неслышны и мертвы пепельно-серые деревья бульвара. Сквозь подошвы сапог чувствуется, как горяча мостовая, деревянный стук пролеток, острый, напоминающий звон кандалов, лязг трамвая, сверкающие глянцем и позолотой экипажи и в них что-то толстое, мертвое...

Они стоят. Я ничего в мире не видел ужаснее их стойки! Всем чужие, бесконечно одинокие, они целые годы стоят на углах улицы, таскают куда-то смрадных опухших пьяниц, вытягиваются «господам»...

Пленники города — вечное напоминание людям о Великой Несправедливости, о духе «Зверя из бездны», о печати антихриста, несмываемо чернеющей на каждой тумбе, на каждой вывеске, неистребимо живущей в шумах толпы, медных вздохах уличного оркестра. Они стоят — Сыны Ужаса, холодного, черного Отчаяния...

Прошли тысячелетия. Наши поля благоуханны и росны, и межи вьются, как прежде. Ты помнишь? Здесь было то, что люди звали Городом. Межи, — как зеленые омофоры. На счастливые пашни слетают с небес большие белые птицы: быть урожаю. Колосья полны медом,

и братья-серафимы обходят людские кущи. И, приветствуя друг друга лобзанием, жнецы выходят на вселенскую ниву. Ты помнишь?

О светлая сестра моя! —

Вот здесь стояла тюрьма, где заключенные в камень томились мы и Станислав, и Алёша, и Соня...

О, милые! О, бесконечно дорогие!

Уже День смежает крылья, и сестры-Звезды напевают псалом Отцу.

Преклоним же колени, о бессмертная сестра моя! Дадим лобзание всемирное брату Востока, брату Запада, Северу и Югу. Ибо исполнились все пророчества.

II

Звонок сизый утренний час. В распахнутое окно тянет сыростью ночи, свежекрашенным забором, каменной дремой большого города.

Желтоватая муть, — дыхание подвалов и ночлежек ползет по каменной мостовой, — знак того, что проснулось Убийство. Мое окно высоко, и комната тесна, но в утренний сизый час входит Безбрежность в тесноту мою, срывает все завесы, отваливает гробовые камни и на вершину горы возводит меня. И я вижу все царства.

Брат Ветер, юноша с голубыми кудрями, в струисто-млечном плаще, с золотым рогом у пояса, воет мне:

Дыши, дыши
Безбрежностью!..

(О дикий хмель минут, годов, тысячелетий!) Умолкни, голубокудрый, и выслушай, в свой черед, песню железа, крови и отчаяния: «Под черной лестницей большого дома, на куче зловонных отбросов, умирает малютка. Он уже перестал плакать, и его почерневший ротик открыт недвижно, — только глазки, как два маленьких стеклышка, еще живы. Спасите, спасите младенца! Тут же под лестницей, на перекинутой через балку веревке, висит его мама. Рваная юбка сползла с голодного, страшно вытянутого тела, и бурый сгусток крови вот-вот канет с перекошенного рта на пол. С хищным жужжаньем вьется вокруг лица удавленицы большая зеленая муха... Спасите, спасите Человека!...

На ночной панели ко мне подошел молодой исхудалый мужчина и, смущаясь, спросил «на хлеб». — В ответ ему я вывернул свои карманы и просил извинить меня. В дикой ярости разорвал он на себе рубаху и, ударившись головой о чугунный фонарный столб, упал на

мостовую. Рыдая, я звал на помощь, но пустынна была улица, глухо молчали зеркальные окна барских особняков, и только в черном полуночном небе распластался тонкий огненный крест».

Моя улица безбрежна, и белое Молчанье парит в ней. Шатер Мой из снежного виссона и из серебра стропила его, дуб Мой зелен, широкошумен и прохладен, мед Мой золотист и благоуханен и хмелен; как молитва виноградник Мой. — Приидите ко Мне все погибшие, кто в огне испепелен, кто утоплен, кто распят и прободён, кто побит камнями, обесчещен и растоптан, войдите под светлый кров Мой, чтоб омыть Мне ноги ваши и благовествовать Радость непреходящую.

<1911>

<РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *Брихничев И.* Капля крови: (Стихотворения). М., 1912>

В начале книжки автор предупреждает читателя, что он не поэт. Однако его стихотворения не лишены своеобразной суровой прелести. Вот, напр<имер>, строки, очень характерные для поэзии г. Брихничева:

Я виноват лишь тем, родная,
Что палачами окружен,
Что, как зарница огневая,
Свечу на темный небосклон.
. . . .
Я знаю, знаю — день настанет,
И мной подъятые труды
Дадут обильные плоды,
И плуг, проведший борозды,
Потомок с трепетом помянет.

Кто знает многострадальную долю-жизнь Ионы Брихничева, для того понятны и ободрявши его стихи, тем более они близки голгофским братьям как по чувству, так и по устремлению к единой в мире красоте — «добровольному мученью за нас распятого Христа».

<1912>

ЗА СТОЛОМ ЕГО

Стихотворение в прозе

Сердце зимы прошло,
Дождь пролил, перестал.
Выйди, невеста моя,
Покажи лицо, голубица моя!
Слушай! ночь прошла,
И распустились цветы...

Я хочу любить тебя, сестра, любовью нежной и могущественной, змеиное всё в тебе отвергаю, потому что я знаю — ангелом ты была. Как одежда лучами в драгоценных камнях ты сияла. Бедная, бросаемая бурей, позабытая, с этого дня глаз мой на тебе, но не ради грехопадений твоих.

Дух вложил в меня бесконечное сожаление к тебе.

Я видел сегодня горницу залитую огнем, где все мы сидели за столом Его. Цветущая весна одевала звездами черемухи наши золотистые кудри, вечность спускалась на все члены наши, и Он сказал нам: «Друзья, Я отдаю вам Царство Свое, отказываюсь от венца Своего. В бесконечной любви, как любовник перед первой невестой своей, как сын перед отцом, как женщина, отиравшая ноги Мои волосами и покрывавшая их лобзаньем Святым, так рыдаю я в любви бесконечной, в ужасе за прошлые вечные заблуждения друзей Своих.

Во всем искушен я, как и вы, только чист. Часто, часто глядел в бездну греха скорбный взор Мой, даже смерть едва не победила Меня, ибо однажды ради друзей я спустился в долины земли». И я, как ослепленный, отвечал: «Но я не могу любить, наверно, никого после красоты Твоей. Я жил сегодня с Тобой, слышал бесконечное биение сердца в груди Твоей, но он сказал: «Радуйтесь! Я, Я радуюсь о вас. Только вы пьете из чаши истинной крови Моей... Ибо наступают дни, в которые совершится написанное: «...и будут священниками, и царями, даже Богу своему». Тогда я пал на снег и закричал: «Боже, как я взойду на престол Твой, в побеждающий Свет Твой? Я боюсь, что умрет от радости дух мой! Зачем так полюбил Ты меня неудержимой любовью?..» И вновь я вошел в тело и огляделся вокруг. Было уже под вечер, когда я пришел домой. Самовар кипел на припечке, синяя муть заволакивала тихую теплую кухню. «Тебе опять письмо, Миколенька», — сказала мне мама. Это было твое последнее письмо, сестра, и повязка спала с глаз моих.

<1914>

ВЕЛИКОЕ ЗРЕНИЕ

В провинции всегда хотят быть по моде и во чтобы ни стало оригинальными (знай наших), важничают, манерничают, гордятся «философией» местного экзекутора и всяческим «галантерейным» обращением, которым сто лет тому назад так восхищался гоголевский Осип. Кажется, там всё знают, ничем не удивишь, а поживешь — и видишь, что нигде так не ошеломляются, как в провинции. И чем же? — Позапрошлогодними столичными модами. Но всего омерзительнее, когда такая ошеломляемость, напялив на себя пышные «френчи» или деловитейшую «кожанку», начинает понукать музами, воображать себя человеком от искусства, то есть проводником этого искусства в народ «в целях культурного и классового сознания масс», как модно говорить теперь.

Разумеется, ни одной кожаной и галантерейной голове не домекнуть, что подлинный народ всегда выше моды, что его воротит «наблевать» от «френчей» в алтаре, что народное понимание искусства, «великое зрение», как бают наши олонецкие мужики-сказители, безмерно, многообразно, глубоко и всегда связано с чудом, с Фаворским светом, — будь это «сказание про царища Андриянища» или скоморошья веселая дудка.

Крепостное право, разные стоглавые соборы, романовский «фараон» загнали на время истинное народное искусство на лежанку к бабке, к рыбачьему ночному костру, в одиночную думу краснопеваа-шерстобита, — там оно вспыхивает, как перья жар-птицы, являясь живописной силой в черных мужицких упряжках. « Т-и-и-х, если бы не думка-побасенка, нешто бы я жив был»,— вздыхал недавно мой бородач-однодеревенец, которому я посоветовал сходить в Советский театр с целью проверить на нем облагораживающее действие «Женатого Мефистофеля» (или чего-то в этом роде). Оказывается, что мой бородач, к счастью, ничего не слышал и не видел из всего, что происходило на подмостках, а, сидя на плетеном стуле, погружался в свою певучую глубину, весь вечер слагая про себя стихи:

Я от страха добыл огня,
Зажигал свечу полуночную;
Как пришла пóрушка сутёмная,
Собирались ко мне гады клевучие,
Напоследки выползал Большой Змей —
Он жжет и палит пламенем огненным.

Кто способен вдуматься в эти строки, для того ясно, что зажженная свеча — это художник, живущий в сердце народном, и что Боль-

шим Змеем в данном случае оказался «Женатый Мефистофель», то есть то вонючее место, которое лишь самое черное невежество и «модный» вкус уездной закулисной накипи может выносить на Великое Народное Зрение как искусство, как некий свет, который должен и во тьме светить.

Неужели русский народ отдает свою кровь ради того, чтобы его душу кормили «волчьей сытью», смрадной завалью из помойной ямы буржуазных вкусов и пониманий?

Когда видишь на дверях народного театра лист бумаги, оповещающий о «Лёлиной тайне» или о «Большевичке под диваном», то хочется завыть по-собачьи от горя, унижения и обиды за нашу революцию, за всю Россию, за размазанную сапогом народную красоту. Ни экзекуторы, ни крапивное семя из разного рода канцелярских застенков не могут усладить Великое зрение народа в искусстве, пролить чудотворный бальзам красоты на бесчисленные раны родины, а только сам народ — величайший художник, потрясший вселенную красным громом революции.

Ей, гряди, крепкий и бессмертный!

<1919>

КРАСНЫЙ КОНЬ

Что вы верные, избранные!
Я дождусь той поры-времечка:
Ро́знить буду всяко семечко.
Я от чистых не укроюся,
Над царями царь откроюся, —
Завладею я престолами
И короною с державою...
Все цари-власти́ мне поклонятся,
Енералы все изгонятся.

(Из песен олонецких скопцов)

В Соловках, на стене соборных сеней изображены страсти: пригорок, дерновый, такой русский, с одуванчиком на услоне, с голубиным родимым небом напрямки, а по середке Крестное древо — дубовое, тяжкое: кругляш ушел в преисподние земли, а потесь — до зенита голубиного.

И повешен на древе том человек, мужик ребрастый; длани в гвоздиных трещинах, и рот замком задорожным, английцким заперт. Полеву от древа барыня на скруте похабной ручкой распятому делает, а

поправу генерал на жеребце тысячном топчется, саблю с копием на взлете держит. И конский храп на всю Россию...

Старичок с Онеги-города, помню, стоял, припадал ко древу: себя узнал в Страстях, Россию, русский народ опознал в пригвожденном с кровавыми ручейками на дланях. А барыня похабная – буржуазия, образованность наша вонючая. Конный енерал ржаную душеньку копием прободеть норовит – это послед блудницы на звере багряном, Царское Село, царский пузырь тресковый, – что ни проглотит – всё зубы не сыты. Железо это Петровское, Санкт-Петербурхское.

«Дедушка, – спрашиваю, – воскреснет народ-то, замок-то губы не будет у него жалить? Запретное, крестное слово скажется?»

Старичок из Онеги-города, помню, всё шепотком, втишок размотал клубок свой слезный, что в горле, со времен Рюрика, у русского человека стоит. «Воскреснет, – говорит, – ягодка! Уж печать ломается, стража пужается, камение распадается... От Коневой головы каменной вздыбится Красный конь на смертное страженье с Черным жеребцом. Лягнет Конь шлюху в блудное место, енерала булатного сверзит, а крестцами гвозди подножные вздымет... Сойдет с древа Всемирное Слово во услышание всем концам земным...»

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Нищие, голодные мученики, кандальники вековечные, серая убойная скотина, невежи сиволапые, бабушки многослезные, многодумные, старички онежские, вещие, – вся хвойная пудожская мужицкая сила, – стекайтесь на великий красный пир воскресения!

Ныне сошло со креста Всемирное слово. Восколыхнулась вселенная – Русь распятая, Русь огненная, Русь самоцветная, Русь – пропадай голова соколиная, упевная, валдайская!

Эх, ты сердце наше – красный конь,
У тебя подковы – солнце с месяцем,
Грива-масть – бурливое Онегушко,
И скок – от Сарина Носа к Арарат-горе,
В ухе Тур-земля с теплой Индией,
Очи – сполохи беломорские, –
Ты лети-скачи, не прядáй назад: –
Позади кресты, кровь гвоздиная,
Впереди – Земля лебединая.

<1919>

ОГНЕННОЕ ВОСХИЩЕНИЕ

Когда зима – кот белобрысый, линять начинала, лежанка-боковуша в сон уходила: – устье ее с тряпочкой для туга запиралось, а

золу-позёмок мамушка-родитель на дорожный крест в старом решете выносила — туда, где дороги крестом связались: одна на Лобанову гору, другая же в леса, к медведю-схимнику в гости.

С вербных капелей, вместо лёжа ночного, божничный огонек живет. Божница наша в полтябла, двурядница: внизу Марья Ягипетская из гуленой девки святой становится, о стенку — крест морской соловецкий: припадешь ухом — море в нем шумит и чаицы соленые, что англичанку на Зосим-Савватия нападать отвадили, — стоном ветровым, карбасным, стонут.

В верхнем тябле — Образ пречистый, Сила громовая, свят, свят, свят: четверка огненных меринов в новый, на железном ходу тарантасе, впряжены, и ангел киноварного золота вожжи блюдет. А в тарантасе Гром сидит — великий преславный пророк Илья.

Помню, мамушка-родитель лампадку зажигала: одиннадцать поклонов простых, а двенадцатый огненный, неугасимый. От двенадцатого поклона воспламенялась громовая икона, девятый вал Житейского моря захлестывал избу, гулом катился по подлавочьям, всплескивался о печной берег, и мягкий, свежительный, вселяя в душу вербный цвет, куличневый воскресный дух, замирал где-то на задворках, в коровьих, соломенных далях...

Огненное восхищение!

Смерть пасет годы. Суковатым батогом загоняет их в темный, дремучий хлев изжитого. Не мычат годы — старые, яловые коровы: — ни шерсти от них, ни молока.

От Миколы Черниговского, что с Пятницей-Парасковьей в один день именинник, мне тридцатый год пошел, — 1919-й. Слушаю свою душу: легкая она, нерогатая, телочкой резвой на сердечном лугу пасется.

И Смерть-пастух с суковатым батогом в пятку ушла. Ступлю и главу ее сокрушаю... Коммунист я, красный человек, запальщик, знаменщик, пулеметные очи... Эй, годы — старые коровы! Выпотрошу вас, шкуры сдеру на сапоги со скрипом да с алыми закаблучьями! Щеголяйте, щеголи, разинцы, калязинцы, ленинцы жаркогрудые!

В этот год Великий четверг, как и в изжитом, свечечкой малой за окном теплится — над мамушкиной пречистой могилкой, над деревенщиной, над посадчиной русской, над алмазным сердцем родины. Лежанку усыпить некому. И варится в ней конина — черный татарский кус.

Слушаю свою душу — степь половецкую, как она шумит ковыльным диким шумом. Стонет в ковылях златокольчужный вить, унимает свою секирную рану; — только ключ рудный, кровавый, не уёмен...

И за ветром свист сабли монгольской. Чисточетверговая свечечка Громовую икону позлащает. Мчится на огненном тарантасе, с крыль-

ями, бурным ямщиком в воздухах, Россия прямо в пламень неопалимый, в халколиван каленый, в сполохи, пожары и пыхи пренебесные...

Гром красный, ильинский полнит концы земные...

Огненное восхищение!

Красные люди любят мою икону, глядятся в халколиванную глубь, как в зеркало. «Куличневый дух и в нашем знамени», — говорят.

Куличневый дух известен, шафран, мед, корица. Это грядущая Россия.

И не быть слаще ее ничему на свете. Братья, братья, пребывайте в Огненном восхищении!

<1919>

АЛОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

Нет счастья тому, кто себя не знает.

Другой по три часа перед зеркалом сидит, смотрит больше на нос — какой у него нос и сколько на коковке волосков, и пучком их или звездочкой Господь-Бог возрастил. И в рот себе часто глядятся люди, уже чего бы, кажется, во рту неизвестного? Четыре зуба сверху да три с половиной снизу и дух от них за последнее время какой-то скотский, — не то мочалкой, не то хомутом прелым разит. А глядятся люди.

Вот тоже и лысина, — каждый знает, что не нужно для нее ни гребенки аршинной, ни репейного флакона, ни тем более зеркала, да еще такого редкостного, какое в нашем советском театре в прихожей стоит: на поставце оно карельской березы уселось, как ибис какой хрустальный. — Не надо и хитростей, чтобы прозреть в его глубине столетней Бонапарта и пожар московский и жаркокудрый облик Пушкина, а пихнуто это чудо к вешалке, под державу Чеса Ивановича Задникова.

Не видят ничего те люди, которые больше солнышка, больше жаворонка свою лысину любят. И обзаводятся репейным маслицем, чтобы лицо свое узреть и другим его показать.

Ан лица-то и нет! Ушло оно к Чесу Задникову под номер.

Человек без лица в наше время никуда не гож. И пыжатся люди, из кожи лезут, чтобы показать свою личность. Кому показать? России, революции, всему роду человеческому. Только унывное это дело, сугубо постное. Какие «френчи» ты не напяливай, как под немецкого юнкера лака на себя не наводи, а нет лица, — и безголовый ты. И быть тебе у Чеса Задникова под державой.

Я, грешный человек, так же не без зеркала; только оно у меня особенное: когда смотришься в него, то носа не видно, а лишь одни гла-

за, а в глазах даль сизая, русская. — За далью курится огонечек малёшенек, — там разостлан шелков ковер, на ковре же витязь кровь свою битвенную точит, перевязывает свои горючие раны.

Уж, как девять ран унималися,
А десятая, словно вар, кипит.
С белым светом витязь стал прощатися,
Горючьими слезьми уливатися:
«Ты прости-ка, родимая сторонушка,
Что ль бажоная, теплая семеюшка!
Уж вы ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свечи местные,
Ставьте свеченьку в ноги резвые,
А другую мне к изголовьицу!..
Ты, смеретушка — стара тетушка,
Тише бела льна выпрядь душеньку!»
Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седле удалец сидит, —
На нем жар-булат, шапка-золото,
С уст текут меды-речи братские:
«Ты узнай меня, земнородный брат,
Я дозор несу у небесных врат.
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик — свет-Солу́нскиим!
Объезжаю я Матерь-Руссию,
Как цветы вяжу души воинов!
Уж ты стань, собрат, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному,
А оттуль тебе мостовичина
Ко Маврийскому дубу-дереву.
Там столы стоят неуедные,
Толокно в меду, блинник масленый,
Стежки торные поразметаны,
Сукна красные поразостланы!»

Бабка Фёкла, нянюшка моя, пестунья и богомолица неусыпная, что до шести годов на руках меня носила, под зыбкой моей этот стих певала. Через тридцать лет стих пригодился. И бабкин голос зыбочный, запечный, про битвенную кровь голосящий, расплеснулся по русской земле.

Зеркальце-колдун за моей матерью приданым было дано, в келье моей на крестный, двоетёсный гвоздь повешено, и утиральником заонежским с рыбицами на концах шитыми обряжено. И никто не глядался в него, окромя мамы в девушках, меня да жандарма. Был в наших местах жандарм такой: щеголь, чистяк и бессовестный.

Наедет, бывало, как снег на голову, гостить к нам – и перво-наперво к зеркальцу – усы крутить.

Мамушка-родитель белее печи лицом станет, а перечить боится, робеет сказать, что девушкой она в зеркальце живет, в жемчужной повязке, в душегрейке малиновой, бухарской, в сорочке из травчатой тафты, что зеркальце – душа чья-то...

Гость ломливый, куражливый; скрутит усы штыками, потом «страсти» сказывать начнет. «Что, Митриха, пирогов не пряжишь? Вот ты у меня где сидишь! Раскольники... цареубийцы!..».

Бывало каплют слезы на крупчатое пирожное тесто из старых, многоскорбных материнских глаз, а усатое самодержавие всё мне без лица кажется. Шпоры звякают, и от красных полицейских жгутов удушьем полнится изба, обглоданность какая-то костная, холодная, ползет по подлавочью, – а лица у гостя нет, как нет.

Через годы смертное гостибье припоминается. Гостило на Руси голштинское самодержавие, пряжила для него Россия из своего белого тела пироги, обливала их многоскорбными слезами, но зеркальце-душа выдало.

Пока разглядывало самодержавие только свои усы, закручивало их по-немецки, штыками – было Царское Село, митрополит Филарет, раскольники и цареубийцы.

Попыталась Голштиния в народную душу заглянуть, лицо свое увидеть, – глядь, одна шейная кочерыжка стоит! Головы-то и нет.

А в зеркальце алая душегрейка пожаром заполыхала, подожгла малиновым огнем вселенную. Травчатый же рукав – это убрус для Лика Нерукотворного, для «прощай, товарищ, – я иду умирать...»

Эх, вы, белые лебеди – товарищи смертные! Кличет вас солнце золотой трубой в глуби душевные, пламенные; – только в них глядитесь, чтобы лик свой соблюсти! Потянет вас к усам-штыкам да «френчам» – быть России без головы. – Черная шейная кочерыжка опять слезных мамушкиных пирогов потребует.

<1919>

СДВИНУТЫЙ СВЕТИЛЬНИК

Был у обедни, – младенца возбуждал. Зайду, думаю, в дом Божий, умилюсь благолепием велием, согрею душеньку ангельскими гласами, надышусь-напьюсь воздухами тимьянными, стану, аки елень, у потока вод. И взыграет младенец во мне: войдет в мою внутреннюю горницу сладчайший Жених. Возляжет с невестой-душенькой моей, за красный пир, за хлеб животный, за виноградье живоносное.

Стану я — овча погибшая — верным чадом православной, греко-римской, кафолической Церкви, брошу окаянных большевиков, печать антихристову с чела своего миропомазанием упраздню, выкаюсь батюшке начистую:

Еще душа Богу согрешила
Из коровушек молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала,
Смалёшенька дитя свое проклинывала,
В белых грудях его засыпывала,
Во утробе младенца запарчивала,
Мужа с женой я поразваживала,
Золотые венцы поразлучивала!..
По улицам душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу — слышала,
Хоть не видела, скажу — видела.
Середы и пятницы не пáщивалась,
Великого говенья не гавливала,
Заутрени, обедни просыпывала,
Воскресные службы прогуливала,
Во полюшках душа много хаживала —
Не по праведну землю разделивала:
Век мучиться душе и не отмучиться.

Выкаюсь батюшке начистую; стану, как стеклышко хрустальное, как льдинка вешняя под солнышком-игруном перлами драгоценными, да измарагдами истекающая; и наполнится жизнь моя водами мудрости: буду я, тварь земнородная, ни тем паче человецы, не терпят от меня боя и обиды даже до часа смертного. По часе же гробном снизошлет Господь ко мне двух ангелов.

Двух милостивых, двух жалостливых: —
Вынули бы душеньку честно из груди,
Положили б душеньку на злато блюдо,
Вознесли б душеньку вверх высоко,
Вверх высоко — к Авраамлю в рай...

Не тут-то было. Перво-наперво от входных врат сердце у меня засолонело. Железные они, с пудовым болтом, и часто-начасто четвертными гвоздями по железу унизаны, — как в каторжных царских острогах. Воистину врата адовы, а не дверь овчая, в которую аще кто внидет — спасется, и внидет, и изыдет, и пажить обрящет... Засолонело, говорю, у меня сердце, на врата вертограда Христова взираючи. Экой, ведь, грех и студ! Да за кого же Церковь стадо свое считает? Знамо дело, за татей и разбойников, а попросту за сволочь, если Бога

всемогущего за железный засов садит, чтобы поклоняющиеся Ему в Духе и истине не ободрали бы престола Его, и не стащили бы с Богородицы кокошника, а с дьявола чересседельника! Неужто русский народ за тысячу лет православия на Руси лучше от этого не стал? Напрасно и Царь-колокол отливали, и Исаакия в первопрестольном граде Санкт-Петербурхе на мужицких костях возвели. Свидетельство сему — Железные врата Церкви.

На паперти же сугубое огорчение: замызгана она, неудобь сказать, проплёвана сквозь, как чайнушка извозчичья. Стены — известка мертвая, а по ним, мимоходом, иконы поразвешены! Иван-поститель, Егорий светохрабрый, Михаилов архангел. Усекновение, и матушка царица небесная Феодоровская — все самые любимые русским народом образа. Но, Господи, милосердный, что с ними сделано?! Мало того, что они не по чину расположены — Богоматерь ниже всех на притыке, а Иван-поститель ошуюю, да и в перекось на веревочной петле, как удавленник висит, но и самые лики машкарой выглядят, прокаженными какими-то, настолько они «подновлены».

Иконы, видите ли, древние, бывали писаны тонко, вапа на них нежная, линия воздуху подобна, и проявляется для зрения такой образ исподволь, по мере молитвы и длительного на него устремления. Голштинскому же православию сия тайна претит. — Чужда она ему, как эскимосу Италия. — Какое там молитвенное откровение! Подавай нам афишу, чтобы за версту пёрла, мол, у нас для вас — в самый раз. Забыла Голштиния, что ведь было когда-то иконоборчество. Люди за обладание иконой на костры шли, на львиные зубы. Из каких же побуждений райский воздух древних икон суриком замазываете? — Утрачено чувство иконы — величайшего церковного догмата. И явилась потребность в афише, т. е. в том, чем больше всего смердит диавол, капитал, бездушная машинная цивилизация.

«Ныне силы небесные невидимо с нами», — пахнули на меня слова от солеи. Силы-то силы, только не ... небесные. Свечная выручка и ведерные кружки, что меж стопок свечных уселись, своими жестяными горлами о том вещают. Одна, самая пузатая, с трехцветным набедренником на чреслах на украшение храма просит...

«Чертог твой вижу украшенный...»

Всматриваюсь в иконостас, в сусальную глубь алтаря. Господи, какое убожество! Ни на куриный нос вкуса художественного. Как намазал когда-то маляр бронзовым порошком ампирных завитушек, навел колоннадию, повесил над царскими, похожего больше на ворону, — голубя, тем и довольствуется стадо Христово. Вдобавок же ба-

тюшка, в голубой, испод оранжевого коленкора (экая безвкусица!) ризе, в отверстых вратах голову редкозубой гребенкой наглаживает.

Противно мне стало, грешному, человеку. Был я в ярославских древних церковках, плакал от тихого счастья, глядя на Софию — премудрость Божию в седом Новгороде, молился по-ребячьи, светло во владимирских боголюбовских соборах, рыдал до медовой слюны у Запечной Богородицы в Соловках, а тут не мог младенца в себе возбудить.

Укорю себя: «Что ты, сосуд непотребный! Се пастырь самого Господа славы изобразует, предстоящие же духов бесплотных!» От укоризны взыграл младенец во чреве моем и открылась мне тайна.

У Святой Софии — блаженные персты Андрея Рублёва живут, кисть его пречудная, в боголюбовских соборах глас великий, жалкий княгини Евпраксии, что с чадом своим с теремной светличной вышки низринулась. И кровь свою жемчугами да хризопразами по половецкой земле расплескала, хана татарского чуралась, почести поганой, ордынской, убегая. А за печью соловецкой — хлебный Филиппов рай, успенское слово Ивану Грозному: «Здесь приносится жертва Богу, а за алтарем льется кровь христианская, — как предстанешь на суд Его обагренный кровью безвинных?..»

Оттого там и сердцу хорошо, тепло и слезинка там медовая. У романовской же церкви всё навыворот. Из рублёвского Усекновения сделана афиша, а про благоверных княгинь неудобь и глаголати. — Не только ханами, но даже ханскими жеребцами обзаводились. И не Филиппа в митрополитах, а Малюты Скуратовы в таковых верховенствуют.

Увы! Увы! Облетело золотое церковное древо, развеяли черные вихри травчатое, червонное узорочье, засохло ветвие благодати, красоты и серафических неисповедимых трепетов! Пришел Железный ангел и сдвинул светильник церкви с места его. И всё перекосилось. Смертные тени пали от стен церковных на родимую землю, на народ русский, на жемчужную тропу сладости и искусства духовного, что вьется невидимо от Печенеги до индийских тысячестолпных храмов, некогда протоптанная праведеными лапоточками мучеников народных, светоискателей и мужицких спасальцев. И остались народу две услады: казенка да проклятая цигарка.

Перемучился народ, изжил свою скверну, перегорел в геенском окопном пламени и, поправ гробовые пелены, подобные Христу, с гвоздиными язвами на руках и ногах, вышел под живое солнце, под всемирный, красный ветер.

Тут-то и облещись бы в светлые ризы, и воспеть бы Церкви: «Сей день, его же сотвори, Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь». Но Железный ангел сдвинул светильник Церкви с места его.

И всё перекосилось.

Полетела патриаршая анафема на голову воскресшего Христа-народа, завертелся, как береста на огне, хитрый, тысячехоботный консисторский бес, готовый удавить своими щупальцами Вечное солнце, Всемирную весну, смертию смерть поправшее народное сердце.

И всё это для торжества свечной кружки, для державы блудницы вавилонской — всесветной шлюхи фрейлины Вырубовой!

Воистину мена Христа на разбойника Варавву!

Обезъязычела Церковь от ярости, от скрежета зубного на Фаворский свет, на веянье хлада тонка, на краснейший виноград красоты и правды народной.

А где скрежет зубный, — там и ад непробудный. Там и мощи засмердят, и Александры Свирские с Митрофаниями воронежскими в бабьи чулки да душегрейки разрядятся.

Какой гной и оподление риз Христовых!

От крови Авеля до кровинки зарезанного белогвардейцами в городе Олонце ребенка взыщется с Церкви.

Кровь русского народа на воздухах церковных.

И никакая англо-американская кислота не вытравит сей крестной крови с омофоров церковных генералов.

Сдвинутый светильник — вторая луна на тверди, но не небесной, а преисподней, светило нечистое, Каинов жертвенник, который шипит и чадит под живоносным дождем нового всемирного разума.

Был у обедни. Младенца в себе пробуждал.
А стариком из церкви вышел.
И лицо всё в слезах.
Словно у покойника побывал.

«Приду и сдвину светильник твой с места его...» Это не я говорю, а в Откровении прописано, — глава вторая, стих же пятый побеждающий.

<1919>

КРАСНЫЕ ОРЛЫ

Слетелись красные орлы. Дружной стаей на огненный зов солнца мчатся они оборонять свое родное гнездо — Коммуну.

Слышат черные пропасти буйный, битвенный клекот, свист бесстрашных, могучих крыльев, и содрогаются они, скликают волчьим воем свою окаянную рать для последнего, судного боя.

Сыны солнца — орлы, и кровожадное волчье стадо — вот два непримиримых лагеря, на которые раскололась сейчас вселенная.

Кто победит?

Один лагерь залит ослепительными лучами всемирного солнца истины, радости и счастья, золотые трубы поют в нем и орлиной, пылающей кровью окроплены святые знамена.

Другой — кромешный, как ад, окутан черной, клубящейся тучей, и волчий замогильный вой, смешанный с трупным гнойным ветром, виснет и кружится над этим проклятым становищем...

Слетелись красные орлы.

Дети солнца. Наши желанные, кровные братья.

Отборный, бесценный жемчуг родимой земли.

И этот слёт видит сегодня, всегда серая и убогая, отныне трижды блаженная Вытегра.

Коммунары уходят на фронт.

Обнажайте головы!

Опалите хоть раз в жизни слезой восторга и гордости за Россию свои холопские зенки, вы — клеветники и шипуны на великую русскую революцию, на солнечное народное сердце!

Дети весенней грозы, наши прекрасные братья вступили в красный, смертный поединок.

Солнце приветствует их!

Вселенная нарядилась в свои венчальные одежды.

Мы кланяемся им до праха дорожного и целуем родную, голгофскую землю там, где ступила нога коммунара.

Радуйтесь, братья, — земля прощена!

Радуйтесь славе всемирной, радуйтесь трепету ясных знамен!

Смертию смерть победим!

<1919>

КРАСНЫЙ НАБАТ

Из моря народной крови выросло золотое дерево Свободы.

Корни этого дерева купаются в чистых источниках бытия, в сердце матери-природы, ствол ушел за сотое, отныне разгаданное и послушное небо, а ветви своею целящею, бальзамической тенью осенили концы вселенной.

Жаждущие народы, отягченные оковами племена потянулись к живоносным плодам чудесного древа.

Всех радостнее, в младенческом непорочном восторге, в огненном восхищении, — пошел навстречу красному древнему шуму русский многоскорбный народ.

Из окопного, геенского пламени, из клубов ядовитого газа, под смертным пулеметным градом восстал прекрасный, облеченный в бурно-багряный плащ витязь, он же сеятель с кошницей, полной звездных, пылающих зерен.

И горы поколебали свои вершины, поклоняясь Огненному сеятелю, океаны принесли ему дары, и недра земли выдали ему свои неисчислимые клады.

Из заревой руды, из кометного золота алмазным молотом выковало ему солнце волшебные ключи и на своем поясе-радуге опустило их с высей к ногам прекрасного.

Ключи от Врат жизни вручены русскому народу, который под игом татарским, под помещичьей плетью, под жандармским сапогом и под церковным духовным изнасилованием не угасил в своем сердце света тихого невечернего, — добра, красоты, самопожертвования и милосердия, смягчающего всякое зло. Только б распахнуть врата чертога украшенного в благоуханный красный сад, куда не входит смерть и дырявая бедность и где нет уже ничего проклятого, но над всем алая сень Дерева Жизни и справедливости.

Но два смрадных чудовища перерадили светлому витязю путь к Вратам солнечным.

Капитал и Глупость — вот имена этих чудовищ. Кто же толпится вокруг престола первого из них? Кто льнет к ступеням страшного седалища, сооруженного из человеческих костей и червонцев? Только не бедняк, его гонят, его вид неугоден взорам златозубого владыки. Бедняку даже не позволяется приближаться к нижней ступени престола, потому что его тело изнурено работой и покрыто одеждой нужды. Итак, кто же собирается вокруг нечистого престола капитала?

Богачи и льстецы, хотящие стать богачами, падшие женщины, бесчестные пособники тайных пороков, шуты, сумасшедшие, развлекающие совесть своего владыки, и лжепророки, променявшие Христа на сатану, воскуряющие фимиам виселице и осеняющие распятием кровавую плаху.

И еще кто? — Люди насилия и хитрости, пособники угнетения, неумолимые сборщики податей и все те, кто говорит: «Отдай нам, отец наш, русский народ, и мы заставим течь золото в твои сундуки и его кровь в твои жилы!»

Туда, где лежит труп, слетаются вороны.

Кто же толпится у трона второго чудовища, пузо которого, как яма для стока нечистот, на змеиной шее тупое рыло борова и вместо глаз по цыбику вонючей махорки?

Все те, кого развратила господская кухня, царская казенка и продажная синодальная Церковь.

«Для нас всё равно: владей нами хоть Каин с Иудой, лишь бы потуже было набито наше брюхо!» — говорит эта свиная порода, осквер-

няя воздух своим дыханием и затемняя солнце серой пылью ничтожных дел своих.

Проклятие, проклятие вечное этой прожорливой смрадной саранче, попирающей ногами кровь мучеников и насмешливо помавающей своим поганым рылом искупительному кресту, на котором распинается ныне красная Россия.

Разделиша ризы моя, и об одежде моей меташа жребий...

Если бы угнетатели народов были предоставлены самим себе, без помощи, без поддержки извне, что могли бы они сделать против народа?

Если бы для удержания его в рабстве у них была бы только помощь тех, кому рабство выгодно, — что могла бы поделать эта маленькая кучка против целого народа?

Но повелители мира, обратив сердце людей на золото, жадность и ненависть, противопоставили вечной истине, которую люди разучились понимать, мудрость князя мира сего — дьявола.

И вот дьявол, царь всех угнетателей народов, внушил им для укрепления тирании адскую хитрость.

Он сказал им: «Вот что нужно сделать: возьмите лист бумаги и пролитой кровью напишите на одной стороне его: "Закон", на другой же стороне напишите: "Священная собственность". Я же дам народу третью заповедь, имя которой "Слепое повиновение". И люди будут боготворить этих идолов и слепо подчиняться закону, потому что я обольщу их разум, и вам нечего будет бояться».

И угнетатели народов сделали так, как им сказал дьявол, и дьявол исполнил то, что обещал угнетателям.

И увидело небо, как дети народа подняли руку на свой народ, резали своих братьей, налагали цепи на своих отцов и забыли даже чрево матерей, носивших их.

Когда им говорили: «Во имя всего святого, подумайте о справедливости, о жестокости того, что вам приказывают злодеи», — они отвечали: «Мы не думаем, мы повинуемся. У нас будет хлеб, цигарка и публичный дом».

И когда им говорили: «Неужели в вас нет более любви к вашим отцам, вашим матерям, вашим братьям и сестрам?» — они отвечали: «Не наше дело, начальство больше нас знает».

Воистину, со времени обольщения Евы-жизни Змием не было обольщения ужаснее этого! Но обольщение приближается к концу. Если злой разум обольщает прямые души, то лишь на время.

Еще несколько дней — и те, кто сражался за угнетателей, сразятся за угнетенных, и те, кто сражались, чтобы удержать в цепях своих

отцов, своих матерей, своих братьев и сестер, сразятся за их освобождение.

И дьявол убежит в свои пещеры вместе с повелителями народов.

Молодой воин, куда идешь ты?

Я иду сражаться во избавление братьев моих от угнетения, — разбить их оковы и оковы мира.

Я иду сражаться против неправедных людей за тех, кого они бросают на землю и топчут ногами, против господ за рабов, против тиранов за свободу.

Я иду сражаться за то, чтобы все не были добычей немногих, чтобы поднять согбенные головы и поддержать слабые колени.

Да будет благословенно оружие твое, молодой воин!

Молодой воин, куда идешь ты?

Я иду сражаться за то, чтобы отцы не проклинали больше того дня, когда им было сказано: «У вас родился сын», не проклинали матери того дня, когда они в первый раз прижали его к своей груди.

Я иду сражаться за то, чтобы брат больше не печалился, видя, как вянет его сестра, словно травка на сухой земле; чтобы сестра не глядела больше со слезами на своего брата, который уходит и больше не вернется.

Я иду сражаться за то, чтобы каждый мог пользоваться с миром плодами труда своего; иду осушить слезы малых детей, которые просят хлеба, а им отвечают: «Нет больше хлеба: у нас отняли всё, что еще оставалось».

Да будет благословенно оружие твое, молодой воин!

Молодой воин, куда идешь ты?

Я иду сражаться за бедных, за то, чтобы они не были больше навсегда лишены своей доли в общем наследии.

Я иду сражаться за то, чтобы изгнать голод из хижин, чтобы вернуть семьям изобилие, безопасность и радость.

Я иду сражаться за то, чтобы всем, кого угнетатели бросили в тюрьмы, вернуть воздух, которого недостает их груди, и свет, который ищут их глаза.

Да будет благословенно оружие твое, молодой воин!

Молодой воин! Куда идешь ты?

Я иду сражаться за то, чтобы опрокинуть лживые законы, отделяющие племена и народы и мешающие им обнять друг другу, как детям одного отца, предназначенным жить в единении и любви.

Я иду сражаться за то, чтобы все имели единое небо над собою и единую землю под своими ногами.

Да будет благословенно твое оружие, семь раз благословенно, молодой воин!

Слышите ль, братья, красный набат?

<1919>

ГАЗЕТА ИЗ АДА, ПЛЯСКА ИРОДИАДИНА:

Малая повесть о судьбе огненной, русской

Захожий старичок – клюшка кукишем, с копием о земь, сапоги выворотные, рубцами на вон, как до Петра носили, обличьем же с протопопом Аввакумом схож, – поведал мне сие малое слово о судьбе огненной, русской. «Ты, – говорят, – ветром питаешься; в газетине хоть от сердечного смысла всячину праведную пропечатываешь, только преисподнего не ведаешь.

Имеется при мне потайное рукописание, рясным и столбовым письмом по кипарисной бумаге умными персты выведено. Господи, благослови прочести малое за большое, во премудрое слышание, душе и телу во исцеление:

Вышла газета из ада, какая – грешным от сатаны <награда>. И в бесконечные веки не будет душам их отрады.

В нынешний век зри всяк человек:

Грех скончался.

Истина охромела.

Любовь простудой больна.

Честность и верность в отставку вышли.

Вера ушла в пустыню.

Совесть попрана ногами.

Благодеяние таскается по миру.

Терпение лопнуло.

Ложь ныне первоприсутствует.

Бесчиние в монастырях проживает.

Гордость с монахами познакомилась.

Тщеславие игуменствует.

Братоненавидение епископствует.

Невежество старейшенствует.

Сатана, предвидя кончину сих дней, приказал бесам ад наполнить разных огней, послал бесов размерить адскую глубину, где бы можно было грешных посадить за вину. Потом сатана всед на седало, зарычал на бесей весьма яро: “Что-то грешных во аде мало?” Бес подско-

чил и рек, что еще не век, а когда придет миру конец, тогда ты будешь многим душам отец.

Предстали пред князя тьмы беспопечительные чернецы; он, смеяся, сказал: "Вы зачем, святые отцы, сюда пришли или в царствие небесное пути не нашли? Знать, вы весь век богатства ради, а не прокормления мзду сбирали, того ради и путь в царствие небесное утеряли!

Вы препровождали жизнь в монастырях, вам и должно быть в райских краях.

Но, видно, вы в небрежении грабительном жили, что в моей области честь себе заслужили".

Бес подскочил без хвоста и сказал: "Они не блюли поста. 1917 года, когда снизошла на землю Свобода, они для кровавой охоты поставили на церкви пулеметы. Метили в бытия праведное сердце, тем и отворили во ад себе дверцы".

Притащили бесы табашника в ад, который сотню за осьмушку платил и светлую Коммуну хулил: дескать, большевики нас, миляг, забижают, по десятке с рыла налоги платить принуждают; всё на приюты да на образованье, — за сие постигло его геенское наказанье. Зарычал Вельзевул на табашника яро: "Воистину мало тебе смолы и вара! Променял ты драгие подарки на паленый ус да цигарки! Всю Рассию пренепорочную закоптил, зато и на вилы бесовы угодил. А за хуление мужицкой красной власти приготовят тебе мои черти страсти: вытянут язык на саже́ни, чтоб забыл ты змеиные пени!"

Явились на тот свет гордые господа: прокуроры да становые приставы, городские головы, генералы, для которых бог — чины да зерцалы и которые пили кандяк, на закуску — па́лья, совесть им — рубь, а мужик — каналья.

Бес кричит из ада: "Честнейшие господа, пожалуйте сюда! Я вас отменно буду угощать, огнь горящий и жупел велю возгнещать! Я, милостивые государи, повелю чай греть в самоваре, но для роскошных и жирных здесь во аде есть котел на взваре.

Растоплю олово заместо пуншу, чтоб промочить вашу скаредную душу.

Гей, змий-стоглав, воздай господам множество слав: посади их по тысяче на зуб, чтоб не осталось от них ни праха, ни круп!" Змий тому давно рад: облапя сих господ, потащил во ад.

Привели бесы богача, который процентом богатство распространял, а излишнее неимущим не раздавал. Он горько возопил: "Я успел столько денег накопить, что мог бы весь ад откупить!"

Сатана в насмешку сказал: "Видно, ты здесь хочешь роскошно проживать, время тебе в преисподней побывать.

Тамо узнаешь, как обижать бедных, понеже и сам будешь в самых последних".

А нищим сатана сказал: "Вы зачем сюда пришли или в царствие небесное пути не нашли?

Здесь места все заняли вельможи, ибо в житии своем были мне во всем угожи".

Нищие, то услышавши, ухватили кошели да в царствие небесное и побрели».

Старичок в сибирке, клюшка с кукишем, ликом же — протопоп Аввакум, что заживо царем Алексием за истинный древлеотеческий крест пламени огненному предан, поведал мне тайну индийской души народной.

«Ты, — говорит, — ветром питаешься, а преисподнюю не разумеешь.

Все ваши газеты и книги — одно рассеяние мысленное, и грядет век в коем и мышу грызть их попретит.

Ныне мужицкими кровями пишется новая книга, нарицаемая Гога — сиречь Хризопраз в глазу, по-нашему же Усекновение главы».

После сего восстал старичок с услонца резного, что в келье моей для гостей уготован и, простершу десную на заход солнечный укоризно, с истовым покором рек: «О, злочестивый и прескверный, и злосмрадный, и беззаконный, и блудный, и скверный Ироде, како не устрашился еси дати святое некрадимое сокровище и непорочное светило и благовестие — главу народную Иродиаде злосмрадней и нечестивей во мзду скверного плясания!..»

Бросил я глаза на заход солнечный, куда гость стремление имел, и ёкнуло у меня под ложечкой. — Дымен и багров, аки кровь зрячая, а за багровым его дымом лежат страны западные, страны ученые, хитростью умственной никем не превзойденные.

Вздыбили там сорокаэтажные тулова железные небоскребы, слепят каленым, еретическим светом подземные чугунки, башня вавилонская — сиречь Эйфелева, за звезды шпульцом задевает, а в разных пиротехниках миллионы рейтузников, выскоблив себе длани, аки тыковь, а через то самое браду честную упразднив и образа Божия не возымев, ядосмесительством занимаются, — порох гремучий и огнеметательные дула вымышляют и сие за высокую науку себе ставят — червонными литерами на камне-мраморе прозвища своих злокозненных и лютых мудрецов выводя.

А в неприступных палатах, что по-аглински банками зовутся гремит Золотой Змий, пирует царь Ирод-капитал и с ним князи и старшины, и тысячники, беззаконии студодейцы и осквернители и блазнители нечестивии...

Вшедши же Иродиада — всемирная буржуазия посреде нечестивых и пляса угоди Иродови и возлежашим с ним.

И клятся Капитал ей: «Всё, аще просиши у мене — дам ти».

И вшедши абие со тщанием к царю, глаголюще: «Хощу — даси зде на блюде главу русского народа, ею же, яко яблоком, поигра на блюде...»

Ушел от меня гость не простяся, только дух тимьянный по себе оставил, — воскресный, усекновенный воздух.

Вдругоряд узрел я моего доброгласника в месте злачном, — есть такое место и в нашем городишке, — там, где Народный прошпект в березняк надречный колено загнул. Стоит он, опершись на свою заречную клюшку, и сетующим, укорным оком публику нашу обводит.

А, надо вам сказать, публика у нас — всё одна образованность; барыни четырех-пяти панчуков матери, и волосья на сиво, и курицы самую личность ее цапками выбродили, а сарафан у нее неприкновен до голяшек, и зоб на панель нагишом вывален. Таковы и дочки их: барышни каблучные, барышни в уборку с головкой, барышни — сквозная строчка, барышни — избави нас от лукавого, пипочки и саечки, а по оптовой мужицкой прозывке — колотая посуда; закон же колотой посуды общеведом: сколько в ней не лей, не токмо воды, но и пива нового, о котором в цветных пасхалиях поется, — всё беззадержно в навоз да в грязь вытечет. И зияет такая блудная посудина своей душой-щелью, дразнит мягкозадых молодых людей, у которых, нечистый их ведает, для какой надобности спереди и сзади по полсотни карманов наделано, штаны пузырями в самом причинном месте — раздуты.

«Пляшет плясея плясучая».

Опознав меня, с прогорклой слезой заговорил доброгласник.

«Каблучками постукивает, лодыжками подрыгивает, — всё за пречистую главу народную, чтоб поиграть ею на блюде, яко узрелым яблоком, а телеса акридные да медовые воронью отдать на расклевание...»

Пляшет Иродиада студодейная.

По кафедральным соборам в образе архиерейском, саккосом парчовым блистает... Оборотень окаянный.

По ученым кабинетам сюртуком да постной рожей прикидывается: дескать, я всё знаю и о русском народе воздыхаю, но, приподняв завесу истории и т. п., убеждаюсь в необходимости созыва бесовского сонмища — сиречь Учредительного собрания.

Пляшет Иродиада бескостная.

Шторкой в окне пузатого серого дома, с лицевой стороны которого огненная метла восстания смела растопорху, когтистого прожору — двуглавого орла государства.

Пепельницей модной, где две голых свинцовых бабы табакуру из бывших высокоблагородий ручкой делают.

Собачкой косолапой с барским бездельным ожерелком на плюгавой шейке.

Всё за всечестную, пророческую и достохвальную главу народа русского...

И абие посла Ирод спекулатора и повеле принести главу святого.

Спекулатор же шед усекну его, и принеси главу его на блюде и дает ю Иродиаде.

Скончав же течение свое предтеча мирови и сниде во ад, благовествуя избавление вселенной.

Слышав же ад глаголы его и рече ко диаволу:

«О ком сей глаголет, высокомысленный? Кто ли радость творя ему?»

Отвещав же диавол ко аду, глагола ему:

«Се — бо ныне пришед, радость творит велик Богогласник; егда бе на земли, велико свидетельствоваше и глагола всему миру и Свободе, Равенстве и Братстве, хотя избавити вселенную». Аминь.

<1919>

СОРОК ДВА ГВОЗДЯ

Чистили золотари отхожее место, дух такой распутили, что не токмо окно открыть, — дохнуть в келье не мысленно.

Оговорка есть: мысленному дыханию и нужник не запрет, не помеха, не застава крепкая, но только досада: — угораздило же граждан Российской Федеративной Советской республики с погаными черпаками да с червивой смрадной бочкой на зеленой, троицкой земле мертвое море разводить — ни живности, ни воздыхания чистого в сем помории не водится, а виляет в его мути смертной лишь рак-бесенок, удавная клешня, пученый глаз, головастик треокаянный...

Большой черт не боязен.

Настоящего дьявола по духу хоша и не уличишь, зато пупом угадаешь: затолчет в пуп, и в ягодицы жар бросится, — знай, что большущий чертяга с тобой дело имеет.

Другое дело — бес-головастик, через ноздрю душу человеческую погубляющий, смородком мертвецким больше донимает он.

На отрока и на старицу с курицей похоть в тебя вселяет, а если языка человеческого коснется, — трус и мор, и червь неусыпающий по земле пойдут...

От большого черта крест с ладаном оборона, наипаче же ладан, что от образа Умягчения злых сердец человеских взят и воскурен: —

перед солнцем, перед Русью родимой, колыбельной, перед ласточками, которые на зиму в рай к Киприяну запечному улетают и по печуркам теплым, пренебесным гнезда вьют.

Ласточки, ластушки непорочные! Принесите хоть на перушке малом воздуха горнего, райского, — нам, мошенникам, золотарям вонючим! Загноили мы землю родительскую, кровями искупленную, от Соловков до потайных храмов индийских праведными, алчущими правды лапоточками измеренную!

Где ты, золотая тропиночка, — ось жизни народа русского, крепкая адамантовая верея, застава Святогорова?

Заросла ты кровяник-травой, лют-травой, лом-травой невылазной, липучей и по золоту, — настилу твоему басменному, броневик — исчадье адово прогромыхал!

Смята, перекошена, изъязвлена тропа жизни русской.

И не знаешь, куда, к кому и зачем идти.

Суешься, как слепой кутёнок.

И нету титьки теплой, маткиной.

Издохла матка; остался хвост один, шкурка мокренькая, завалящая.

Хотя бы глазки скорее прорезались, — увидеть бы свет белый, травку-пеструшку, а может статься, и жаворонка в небе заливчатого, серебряного...

Жаворонки, жаворонки свирельные!

Принесите вы нам пропащим, осатанелым, почернелым от пороховой копоти, сукровицей да последом человеческим измазанным, хоть росинку меда звездного, кусочек песни херувимской, что от ребячества синеглазого под ложечкой у нас живет!

И-и-и-же, хе-е-е-ру-у-ви-и-и-мы...

Помажем мы небесным медом свои запеклые губы, болячки свои нестерпимые, прокаженные, смоем с лица пороховую грязь, чистую рубаху наденем, как бывало перед Пасхой, после трудной Страстной недели.

Родители из гробов восстанут на Великое Разговленье, убиенные братья наши: кто огнем опален, кто водою утоплен; кто железом пронзен, кто на древо вознесен за грехи наши...

Ах, слеза моя горелая, ядовитая!

Не свирелят жаворонки над русской землей, только рыгает броневик свинцовой блевотиной... в золотую чашу жизни.

И звенит чаша тонким, комариным звоном, сердечным биением.

Кто слышит — чует струнного комара, жилку, что в печени матери-земли бьется... тикает?

Люди! Живы мы или мертвы?

Давно умерли. И похоронены без попа, без ладана...

И крест уже над нами сто лет назад сгнил, трухой могильной рассыпался.

Выжил меня из кельи смертный дух, что золотари напустили.

Закутал я на исход чистым рушником свой любимый образ Софии — премудрости Божией; — крылата она и ликом багряна, восседает на престоле-яхонте, и Пречистая с Иваном-постителем ей предстоят главопреклонны.

А Спас золотой, в пламенных кружалиях, за плечьми ее вознесся, благословящие длани на все миры простирая.

Да еще Некая книга на этой же иконе превыше херувимов здынута.

Пречудное письмо!

Гадали гадатели высокомысленные, Филарет Московский, чернильные люди разные, которые рапсодии про голые ноги пишут, про мою икону: в чем ее мысль, в чем красная тайна ее? Так и не умыслили.

На девятую Пятницу летнюю забрела старушонка ко мне — про душу поговорить и, глаз не крестя, разгадала:

«Нынешнее время — икона твоя. Красная правда на яхонте сидит, в Солнце с Луной предстоящие. С оболока Разум святодуховский воззрился...»

Закутал я, говорю, на исход из кельи чистым рушником сию всепетую икону и малыми стопами исшел на зеленую уличку городишка нашего. Гляжу, к забору бумага прилипла, и таково своим буквенным ртом звонко взвизгивает: «Отделение Церкви от государства». А собраться христианам к городской каланче, апостольствовать же будет... Савл из Тарса.

Ноги у меня удрученные соловецким тысячепоклонным правилом, и телеса верижные: — вериги я девятифунтовые на рамах своих до Красного года носил; в них и в Питере бывал, и у разных, что ни на есть духобойных писателей и ученых чай пил.

Как раскумекал я подзаборную бумагу, понесли меня мои удрученные нози и телеса зело поспешно напрямки к каланче.

А когда хватился я сего указанного для сборища места, узрел видение елеонское: на зеленой мураве, разморенные троицким солнышком, стояли и возлежали алчущие правды. Все коперщики, тесовозы, с Кривого Колена да с Солдатской слободки беднота лачужная. И у всех у них такие церковные, православные лица.

Много детей и младенцев пазушных.

«Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря.

Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало, и так молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву

Свою», — припомнило ухо лист евангельский. Стал я делателя выискивать. Стоит на помосте, в дикую краску крашенном, дитина, годов этак под тридцать, с питерским пробором, задом же ядрен и сочен, с лица маслен и с геенским уголько на губах.

— Я, — говорит, — в Ерусалиме был и сам видел четыре гвоздя, да в Успенском соборе четыре, да в Казанском гвоздь, да в Киеве полтора, а всего-навсего двадцать с половиной — ими был прибит ко кресту Исус Христос. А товарищи мои насчитали таких крестных гвоздей в Крыму до десятка, да в Костроме пару, а если в плоть Христову все эти гвозди вбить, то счет им звериный — сорок два (666).

Дрогнул я, дрогнул и мужик рядом меня, благовестнику внимающий, и ребеночек у женки сухонькой, бескровной, в беремени петушком пискнул.

Больно... больно стало народушку — пречистому телу Христову.

На небе же облачные персты начертали тонкий измарагдовый крест.

И крест осенил народ: коперщиков, тесовозов, бедноту лачужную. В солнце же родимом, олонецком, ясно узрелся серафим трепыхающий, певчий...

Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех
Живот даровав.

Обсчитался товарищ.

Не сорок два гвоздя крестных, а миллионы их в народно-Христовую плоть вбито.

Знает это русский народ доточно без крикливой бумаги на заборе, без географии с арифметикой.

Обуян он жаждой гвоздиной, горит у него ретивое красным полымем. Потому и любо народушку, если чьи умственные руки гвоздь почтут; к примеру, в Успенском соборе, в ковчежце филигранном оберегают.

Христова плоть — плоть народная, всерусская, всечеловеческая.

Сорок же два гвоздя — это шило, которое в мешке не утаишь.

И как ни вертись и языком ни блудословь, всё равно никого не проведешь.

Слышит олонецкое солнышко, березка родимая, купальская, что не гвозди, а само железо на душу матери-земли походом идет.

Идолище поганое надвигается, по-ученому же индустрия, цивилизация пулеметная, проволочная Америка.

Больно народушку, нестерпимо тошно... Доходят проклятые гвозди до самой душеньки его.

Если же сие потайное народное чувство детиной с угольком на губах и с леворвертом у пояса удостоверить, то всё до донушка станет понятно:

На младенца-березку,
На кузов лубяной, смиренный,
Идут Маховик и Домна —
Самодержцы Железного царства.
Господи, отпусти грехи наши!
Зяблик-душа голодна и бездомна,
И нет деревца с сучком родимым,
И кузова с кормом-молитвой.

Христа-Спасителя последняя завалящая бабенка знает лучше, чем Толстой с Ренаном.

Носит Его язвы на себе.

И гвозди Его.

Тайна сия велика есть.

Христос и завалящая бабенка — это сладчайший жених и невеста преукрашенная.

Да будут два — в плоть едину.

Христос — свете истинный совокупился с Россией, проспал ночь с нею, даже до часу девятого.

И забрюхатела Россия Емануилом, Умом Недоуменным, Огненным безумием, от пламени которого, как писано: «Старая земля и все дела ее сгорят».

И явится Новое небо и Новая земля.

И не будет ничего проклятого.

Спасенные народы будут ходить во свете.

Россия на сносях.

«Остатнюю четверть ходить», — как говорят мужики.

Уже начались «схватки» роженичные, ярые муки. По газетам же, Колчак с Деникиным наступают, Англичанка с Америкой злоумышляют...

Русский народ! Скоро бабка-пупорезка, повитуха Богоданная, добрым грубым голосом тебя с «Новорожденным» поздравит.

Зовут бабку Вселенная, по батюшке Саваофовна!

Родится Чадо посреди седми светильников стоящее, облеченное в подир, и по персям опоясанное золотым поясом.

Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный.

И ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих.

Он держит в деснице Своей седм звезд, и из уст Его выходит острый с обеих сторон меч, и лицо Его, как солнце, сияющее в силе своей.

И когда ты, русский народ, увидишь Его, то падешь к ногам Его, как мертвый. И Он положит на тебя десницу Свою и скажет тебе: «Не бойся, Я есмь первый и последний, и живый, и был мертв, и се жив во веки веков!»

Сорок два гвоздя — шило в мешке, свидетельство ран воскресных.

<1919>

САМОЦВЕТНАЯ КРОВЬ

Недостаточно откинуть ложную веру, т. е. ложное отношение к миру, нужно еще установить истинное.

Лев Толстой

Ты светись, светись, Исусе,
Ровно звезды в небесах,
Ты восстани и воскресни
Во нетленных телесах.

Из песен русских хлыстов

Почитание нетленных мощей, составляющее глубокую духовную потребность древних восточных народов, и неуследимыми руслами влившееся в греческую, потом и в российскую Церковь, утратило в ней характер гробопоклонения, — обряда с привкусом мясной лавки, отчего не могла быть свободна восточная чувственность, как только встретилась с однородным учением «о нетленной мощи», которое, наперекор тончайшим естественным наукам, маковым цветом искрится в нутрах у каждой рязанской или олонецкой бабы. Что же это за нетленная мощь? На такой вопрос каргопольская баба ответит следующее: «Мы (т. е. бабы, женщины, уж так мы устроены) завсегда “в немощи”, а в скиту “мощи”, — приложися не к худу: — как в жару вода». Если такой ответ переложить на пояснительный язык, то услышится вот что:

Три или четыре столетия тому назад, в известной среде жил человек, который умственно был выше этой среды, был благ, утешен, мудр, обладал особым могуществом в слове и всем своим существом производил впечатление рачительного садовника в великом таинственном вертограде — мире, в жизни, в человечестве.

Умер сей человек и похоронен бренно. Но не умер его образ в сердцах признательных братьев. Из поколения в поколение, в дремучих избах, в пахотных невылазных упряжках, витает бархатная птица — нежная печаль об утрате. И чем длительней и четче вереницы десятилетий, тем слаще и нестерпимее алчба заглянуть Туда, Где Он. И вот:

Раступися, мать-сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Развернися, золота парча,—
Ты повыстань, красно солнышко,
Александр — свет-Ошевенския!
Не шуми ты — всепотемный бор,
Не плещи, вода сугорная,
И не жубруй, мала пташица,
Не бодайся, колос с колосом,
Дым, застойся над хороминой: —
Почивает Мощь нетленная
В малом древе кипарисноем, —
Одеялышком прикутана,
Чистым ладаном окурена:
Лапоточное берёстышко,
Клюшка белая, волжоная...

Вот и всё наличие мощей, — берёстышко от лаптя да верхняя часть посоха, украшенная резьбой из моржовой кости. Народ, умея чтить своего гения, поклоняясь даже кусочку трости, некогда принадлежащей этому гению, никогда понятие о мощах не связывал и не связывает с представлениями о них, как о трех или четырех пудах человеческого мяса, не сгнившего в могиле. Дело не в мясе, а в той малой весточке «оттуда», из-за порога могилы, которой мучались Толстой и Мечников, Менделеев и Скрябин, и которой ищет, ждет, и — я знаю — дождется русский народ. Какую же нечуткость проявляют те люди, которые разворачивают гробницы с останками просто великих людей в народе! (Позднейшие злоупотребления казенной, никонианской Церкви в этой области отвергнуты всенародной совестью, а потому никого и ни в чем не убеждали и убеждать не могут.) Народ хорошо осведомлен о том, что «мощь» человека выявлена в настоящий век особенно резко и губительно. Лучи радия и чудовище-пушка, подъемный кран и говорящая машина — всё это лишь мощь уплотненна в один какой-либо вид, ставшая определенной вещью и занявшая определенное место в предметном мире, но без возможности чуда множественности и сознательной жизни, без «купины», как, определяя такое состояние, говорят наши хлысты-бельцы. Вот почему в роде человеческом не бывало и не будет случая, чтобы чьи-нибудь руки возложили воздухи на пушечное рыло или затепли-

ли медовую свечечку перед гигантским, поражающим видимой мощью, подъемным краном.

По тому же нетленному закону, по какому звук-звон становится «малиновым», т. е. с привкусом, ароматом и цветом малины, и порождает во внемлющем образ златоствольного, если звук исшел из металла, и павлиньего, если звук вытек из животных струн, полного гроздий сада, и человек преобразуется как в некое древо сада невидимого, «да возрадуется пред ним вся древа дубравные», как поется в чине Великого пострига.

Плод дерева-человека — «мощи», вызывающие в людях, животных и птицах (медведь св. Серафима, рыбы и лебеди Франциска Ассизского) музыкальные образы, по постригу «Великое ангельское воображение», и тем самым приводящие их «во врата Его во исповедании, во дворе Его в пении». Виноградные люди существуют в мире розно, в церквах и в кораблях обручно, в чем и сердце молитвы: «Призри с небеси и виждь, и посети виноград сей, и соверши и его же посади десница Твоя». Отсюда и «вино внутренне», «пивушко», сладость исповеди и обнажения:

«Како первое растлил еси девство свое, со отроки или с женами, или с девицами, или с животными чистыми и нечистыми, не палил ли свещи на ядрах, калениема железными, углием не сластил ли, бичеванием, распятием и прободением себя в ребра — от ярости похотныя?..». Блажен, обладающий властью слова, которая не побеждается и гробом: «Видяще мя мертва, любезно ныне целуйте, друзии любовнии и знаемии! Тем моление творяще: память совершайте ими, яко да покоит Господь дух мой».

И память совершается, не осыпается краснейший виноград, благословенное древо гробницы, хотя бы в ней обреталились лишь стружки, гвозди, воск и пелены. Стружки с гвоздями как знак труда и страстей Христовых; воск как обозначение чистоты плоти и покрывала как символ тайны. Из алкания, подобного сему, спадает плод и с уст русских революционеров:

Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.

Если не прощается хула на Духа жизни, то не останется не отмщенной и поруганная народная красота. Под игом татарского ясака, кровавой кобылы Биронов и Салтычих, человекодавов и неусыпающего червя из александровских «третьих отделений», народ пронес

неугасимым чисточетверговый огонек красоты, незримую для гордых взоров свою индийскую культуру: великий покой египетского саркофага, кедровый аромат халдейской курильницы, глубочайшие цветовые ощущения, претворение воздушных сфер при звуке в плод, неодолимую силу колыбельной песни и тот мед внутренний, вкусив которого просветлялись Толстые, и Петры Великие повелевали: «Не троньте их». (Слова Петра о выгорецких олонецких спасальцах.) Тайная культура народа, о которой на высоте своей учености и не подозревает наше так называемое общество, не перестает излучаться и до сего часа. («Избяной рай» — величайшая тайна эсотерического мужицкого ведения: печь — сердце избы, конек на кровле — знак всемирного пути.)

Одним из проявлений художественного гения народа было прекраснейшее действо перенесения нетленных мощей, всенародная мистерия, пылинки которой, подобранные Глинкой, Римским-Корсаковым, Пушкиным, Достоевским, Есениным, Нестеровым, Врубелем неувядаемо цветут в саду русского искусства. Дуновение вечности и бессмертия, вот цель великого артиста, создавшего «Действо перенесения».

И если за поддельно умирающего в Борисе Годунове Шаляпина ученые люди платят тысячи, то вполне понятны и те пресловутые копейки, которые с радостной слезой отдает народ за «Огненное восхищение», за неописуемое зрелище перенесения мощей, где тысячи артистов, где последняя корявая бабенка чувствует себя Комиссаржевской, рыдая и целуя землю в своей истинной артистической одержимости.

Направляя жало пулемета на жар-птицу, объявляя ее подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое могло бы утолить художественный голод дремучей, черносошной России.

Дело это великое, и тропинка к нему вьется окольно от народных домов, кинематографов и тем более далеко обходит городскую выдумку — пролеткульты. А пока жар-птица трепещет и бьется смертно, обливаясь самоцветной кровью, под стальным глазом пулемета. Но для посвященного от народа известно, что Птица-Красота — родная дочь древней Тайны, и что переживаемый русским народом настоящий Железный Час — суть последний стёг чародейной иглы в перстах Скорбящей Матери, сшивающей шапку-невидимку. Покрывало Глубины, да сокрыто будет им сердце народное до новых времен и сроков, как некогда сокрыт был Град-Китеж землей, воздухами и водами озера Светлояра.

(Из Золотого Письма Братьям-Коммунистам.)

<1919>

ПОРВАННЫЙ НЕВОД

В проклятое царское время на каждом углу стоял фараон – детина из шестипудовых кадровых унтеров, вооруженный саблей и тяжелым, особого вида револьвером, – а все-таки девушек насиловали даже на улице. Оно, конечно, не так часто, но и нередко.

Черным осенним вечером из какого-нибудь гиблого переулка есть-есть и донесутся, бывало, смертельные, обжигающие душу вопли.

Искушенный обыватель боязливо привертывал фитиль в запоздалой лампе и с головой нырял в проспанное, пахнущее загаженной тумбой одеяло: «дескать, не мое дело», «начальство больше нас знает».

А бравое начальство тем временем спокойно откатывалось на другой конец квартала и сладострастно, во славу престола и отечества, загибало каналью-цигарку.

На фараонском языке вся Россия, весь белый свет прозывались канальей – вся русская жизнь от цигарки до участка.

Положим, и сама русская жизни не шла дальше участка. – Все реки впадали в это поганое, бездонное устье.

Раз во сто лет порождала русская земля чудо: являлись Пушкин, Толстой, Достоевский – горящие ключи, чистые реки, которых не осиливало окаянное устье.

Мы живем водами этих рек.

Мы и наша революция.

Огненные глуби гениев слились с подземными истоками души народной. И шум вод многих наполнил вселенную. Красный прибой праведного восстания смыл чугунного фараона, прошиб медный лоб заспанного обывателя и отблеском розового утра озарил гиблый переулок – бескрайнюю уездную Рассею.

Все мы свидетели Великого Преображения.

Мы с ревностным тщанием затаили в своих сердцах розовые пылинки Утра революции.

Бережно, как бывало, Великочетверговую свечечку, проносим мы огонек нашей веры в чистую, сверкающую маковой алостью, грядущую жизнь.

Розовая пылинка творит чудеса.

Тысячи русской молодежи умирают в неравной борьбе с лютым, закованным в сталь – чудищем старым, мудрым, подавляющим своей мелинитной цивилизацией – Западом.

Злой Черномор, Кощей бессмертный, чья жизнь за семью замками, в заклятом ларце, потом в утке, после в яйце и, наконец, в игле, как говорится в олонецких сказках, пьет нашу кровь, терзает тело, размалывает бронированными зубами наши кости.

Какое неодолимое мужество и волю непреклонную нужно носить в сердце, чтобы не погибнуть напрасно, не потерять веры во Всемирное утро, не обронить, не погасить в себе волшебную пылинку, порождающую в слабых дерзание мучеников, радостно идущих в пасть львиную!

Рабоче-крестьянская власть носом слышит, что вся наша сила в малом, в зерне горчичном, из которого вырастет могучее дерево жизни, справедливости и возможного на земле человеческого счастья.

В братском попечении о чудесном зернышке Советская Россия покрывается бесчисленными просветительными артелями, избами-читальнями, библиотеками, и хотя несуразно названными, но долженствующими быть всех умственней агитпросветами при коммунах и военных братствах.

Вся эта просветительная машина обходится народу в миллионы, и цель ее быть как бы мехом, неустанно раздующим красный горн революции, ее огонь, святой мятеж и дерзание.

Путь к подлинной коммунальной культуре лежит через огонь, через огненное испытание, душевное распятие, погребение себя, ветхого и древнего, и через воскресение нового разума, слышание и чувствования.

Почувствовать Пушкина хорошо, но познать великого народного поэта Сергея Есенина и рабочего краснопевца Владимира Кириллова мы обязаны.

И так во всем.

От серой листовки до многоликой, слепящей оперы...

По какой-то свинячьей несправедливости Есенины и Кирилловы пухнут от голода, вшивеют, не имея «смены» рубахи, в то время как у священного горна искусства и юной красной культуры зачастую стоят болваны, тысячерублевые наймиты, всесветные вояжёры, дельцы и головотяпы, у которых, как говорится, ноздря во всю спину.

Заплечные мастера Колчаки, Деникины и т. п., идущие с плетью и виселицей на революцию, как на физическую силу, по глупости и невежеству ничего не могущие обмозговать, окромя полка Иисуса, стократ менее вредны и опасны для духовных корней Коммуны, чем люди с обрезанным сердцем, лишенные ощущения революции как величайшей красоты, мировой мистерии, как вознoшения чаши с солнечной кровью во здравие кровной связи и гармонии со всеми мирами.

Тоска народная по Матери-Красоте, а следовательно, и по истинной культуре, сказывалась и сказывается многолико и многообразно.

Иконописные миры, где живет последний трепет серафимских воскрылий, волок, преодолев который, человек становится космическим существом и надмирным гражданином, внутренний гром сло-

ва — былинного, мысленного, моленного, заклинательного, радельного и еще особого человеческого состояния, которое мужики-хлысты зовут Рожеством ангелов — вот тайные, незримые для гордых взоров вехи, ведущие Россию — в Белую Индию, в страну высочайшего и сейчас немыслимого духовного могущества и духовной культуры. Вещественный узор Ангельского рожества — совокупления с Богоматерью-девой — следующий: человек лежит где-нибудь на солнопёке, среди бескрайних русских меж, можно бы сказать в тишине, если бы не Внутреннее Ухо, в котором

...горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье,

если бы не трубы солнечные, не мед из чрева девы — души мира, вкусив которого, Адонайя (одно из бесчисленных имен человека) обуревается, что нередко, «накатом», на рассудочном же языке — особым, невыразимо блаженным, супротив телесного, половым возбуждением, исход коего — рождение херувима и смерть.

Мертвые тела, причиняющие так много хлопот разному начальству, иногда обретаемые на чародейных русских проселках, на лесных луговинах, обыкновенно под Белой березынькой — мистическим деревом народных красотоделателей и светоносцев, — суть Мощи нетленные, и чаще всего принадлежат всемирным гражданам, подлинным интернационалистам по любви и по всеземному совокуплению. По народному пониманию, искусство — ключ, открывающий человеку неведомое, чертог брачный, где таинственная дева-жизнь, облеченная в солнце, да совершится между ними Красный брак, огненное семяизвержение, чтобы укрепился человек, омылся внутренне, стал новым Адамом.

Всё, что вне этого — есть грех, мошенничество, гной и смрад трупный. Доказательством последнего служит один из бесчисленных, особенно поразивший меня агитационно-просветительный вечер.

Городская гимназия ломится от чающих капельки воды живой. Всё молодежь. Русская, желанная, жертвенная...

В начале вечера господин в серой паре ошарашивает собрание заявлением, что он «как психолог» и т. д.

На поверку оказывается, что он и есть главный светоподатель, товарищ, стоящий во главе агитационно-просветительного дела всей губернии.

Начинается само «психологическое действо» «Денщик перепутал». На подмостках «она», как водится, клубничка с душком, и «он» — золотопогонный офицер, чистяк, дворянин и, конечно, верный слуга царю с отечеством.

Оба – воплощение порядочности, хорошего тона и того рабовладельческого, разбавленного глубоким презрением к народу апломба, которым так гордилась на Руси страшная помещичья каста.

Третье же действующее лицо – денщик. Под ним надо разуметь русский народ, наше великое чудотворное крестьянство, которое автор действа противопоставляет «возлюбленному дворянству» как быдло комолое, свиное корыто, холопскую, собачью душонку. Не лиха, только добра желая, от корней сердца и крови моей пишу я эти строки.

Товарищи! За такие ли духовные достижения умножаются ряды мучеников на красных фронтах?

За такой ли мед духовный в невылазных бедах бьется родимый народушко?

За такую ли красоту и радость в жизни ушли из жизни кровавыми, страдальческими тенями наши братья – тысячи дорогих товарищей, удавленных, утопленных, четвертованных, сожженных заживо нашими врагами?

Невежество или безнадежность создать что-либо исходящее из бурнопламенных бездн революции руководит нашими агитпросветами.

Или они, как бывало, фараон, только «для близиру», в то время как кто-то за их спиной насилует народную душу?

Не знать родословного дерева искусства таким, как оно предстоит красному зрению народа, агитпросветителям, в большинстве своем вышедшим из городских задворок, простительно, но, как хорошо грамотным людям, им должно быть известно, что при разделении России на белую и черную кость существовала хитро слаженная организация, состоящая из продажных борзописцев, двенадцатой пробы художников, стихотворцев и проходимцев с хорошо подвешенным языком.

Вся эта шайка кормилась с барского стола, носила платье с плеча их сиятельств и возглавлялась солидным «Новым временем», в кандальном отделении которого, в братском единении с охранкой, фабриковалось подобие литературы.

Отсюда выходили и здесь одобрялись замыслы патриотических песенников, романов с описанием прелести дворянских гнезд и их героев, непременно графинь и графов, пьес, где выводился народ – немытое рыло, или наоборот – вылощенное до блеска фарфорового пастушка.

В первом случае доказывалось, что подлому народишку без станового не обойтись, во втором же случае закреплялось понятие, что под дворянской десницей мужик живет как в медовой бочке, ест писаные пряники, водит на ленточке курчавых барашков, постукивает сафь-

янными каблучками... Через казарму, школу, театр и Церковь вся эта бумажная чума вливалась в народ. Народ, особенно та часть его, которая отслоилась к городскому трактиру, гноился духовно.

Жажда легкой наживы, барства, щегольства, а отсюда проституция и преступность во всех ее разветвлениях, потеря ощущения человека как высшей ценности и, наконец, органическая потребность в убийстве, в пролитии крови — вот душепагубные плоды самодержавной литературной уголовщины.

Это была «хитрая механика», приводы и нити которой, проходя через — с виду такой многоумный и важный — книжный магазин какой-нибудь «Земщины», терялись в кабинете начальника охранного отделения, по пути задевая митрополичьи покои и горностаевую спальню блестящей балерины «из императорских».

Всё сие должно быть ведомо агитпросветам.

Сердце народное сочится живой кровью, и посыпáть священные раны народа стриженным волосом проклятого полицейски-буржуазного наследия, будь то пьеса, книга, песня или музыка, — может только или самое чернолицее невежество, или хорошо замаскированная деловитейшим портфелем и многокарманными френчами куриная душонка, которая зубом и ногтем держится «за местишко» ради детишек и молочишка.

Терпимо ли что-либо подобное в коммунизме? Могут ли жандармские штаны, вывернутые рубцами наружу и подперченные простодушным «Денщик перепутал», преподноситься революционному народу в самые страстные, крестные дни его истории?

Какое глубокое, историческое оскорбление! И всё сие от лица революции, под одетым страшной святостью и трепетом знамен коммуны...

Поистине вол знает ясли господина своего, пророки же Мои не знают Меня.

А потому вот слово Моё к пророкам народа Моего: столпом облачным днем и огненным ночью поставил Я пророков для народа Моего. Солью земли и светом миру.

Трубою для трупов ходящих.

И вот они, как дети, пускающие пузыри. Не от мыльных пузырей загорятся жаждущие души.

Зазеленеет пустыня неплодная и преобразится земля.

К чему Мне множество слов ваших и писаний ваших и речей ваших!

Вот смрад сердец ваших дошел до престола Моего.

И не могу терпеть.

Любостяжания и самолюбования исполнены души ваши, из слов своих вы вырыли ров для ближних ваших.

Соткали паутину для народа Моего. Вот Я обращу ложь сердец ваших на вас же самих...

Захлебнетесь в волнах рассудка без духа животворящего.

И пошлю народу Моему пастыря верного.

И вложу слова Мои в уста его и вложу в сердце его пламя поядающее.

И возвестит он народу правду Мою, восстановит жертвенник красоты Моей, и тогда будет Свобода вся и во всех...

Простите меня, братья, — ненавидящие и любящие меня.

Не могу больше писать к вам...

Слезы каплют на бумагу...

Порванный невод не починить словами.

<1919>

ОГНЕННАЯ ГРАМОТА

Я — Разум Огненный, который был, есть и будет вовеки.

Русскому народу — первенцу из племен земных, возлюбленному и истинному — о мудрости и знании радоваться.

Вот беру ветры с четырех концов земли на ладонь мою, четыре луча жизни, четыре пылающих горы, четыре орла пламенных, и дую на ладонь мою, да устремятся ветры, лучи, горы и орлы в сердце твое, в кровь твою, и в кости твои — о русский народ!

И познаешь ты то, что должен познать.

Тысячелетия Я берег тебя, выращивал, как виноградную лозу в саду Моем, пестовал, как мать дитя свое, питая молоком крепости и терпения. И вот ныне день твоего совершеннолетия.

Ты уже не младенец, а муж возрастный.

Ноги твои, как дикий камень, и о грудь твою разбиваются волны угнетения.

Лицо твое подобно солнцу, блистающему в силе своей, и от голоса твоего бежит Неправда.

Руки твои сдвинули горы, и материки потряслись от движения локтей твоих.

Борода твоя, как ураган, как потоп, сокрушающий темничные стены и разбивающий в прах престолы царствующих.

«Кто подобен народу русскому?» — дивятся страны дальние, и отягощенные оковами племена протягивают к тебе руки, как к Богу и искупителю своему.

Всем ты прекрасен, всем взыскан, всем препрославлен.

Но одно преткновение Я нашел в тебе:

Ты слеп на правый глаз свой.

Когда Я становлюсь на правую руку твою, — ты уклоняешься налево и когда по левую — ты устремляешься право.

Поворачиваешься задом к Солнцу Разума и, уязвленный незнанием, лягаешься, как лось, раненый в крестец, как конь, взбесившийся от зубов волчьих. И от ударов пяты твоей не высыхает кровь на земле.

Я посылаю к тебе Солнечных посланцев, красных пророков, юношей с огненным сердцем и мужей дерзающих, уста которых — меч поражающий. Но когда попадают они в круг темного глаза твоего, ты, как горелую пеньку, разрываешь правду, совесть и милосердие свои.

Тогда семь демонов свивают из сердца твоего гнездо себе и из мыслей твоих смрадное логовище.

Имена же демонов: **Незнание, Рабство, Убийство, Предательство, Самоуничижение, Жадность и Невежество.**

И, когда семь Ужасов, по темноте твоей, завладевают духом твоим, тогда ты из пылающей горы становишься комом грязи, из орла — червем, из светлого луча — копотью, чернее смолокура.

Ты попираешь ногами кровь мучеников, из злодея делаешь властителя, и как ошпаренный пес лижешь руки своим палачам и угнетателям.

Продаешь за глоток водки свои леса и земли обманщикам, выбиваешь последний зуб у престарелой матери своей и отцу, вскормившему тебя, с мясом вырываешь бороду...

Забеременела вселенная Зверем тысячеглавым.

Вдоль и поперек прошел меч.

Чьи это раздирающие крики, которые потрясают горы?

Это жалобы молодых жен и рыдание матерей.

Два всадника, закутанные в саваны, проносятся через села и города.

Один обглоданный, как скелет, гложет кусок нечистого животного, у другого вместо сердца — черная язва, и волчьи стаи с воем бегут за ними.

И нет пощады отцам ради детей.

Горе, горе! Кровь разливается, она окружает землю красным поясом!

Какие это жернова, которые вращаются, не переставая, и что размалывают они?

Русский народ! Прочисти уши свои и расширь сердце свое для слов Огненной Грамоты!

Жернова — это законы царей, вельмож и златовладетелей, и то, что размалывают они, — это мясо и кости человеческие.

Хочешь ли ты, сын мой, попасть под страшный, убийственный жернов? Хочешь ли ты, чтобы шею твою терзал, наглухо заклепанный, железный ошейник раба, чтобы правая рука твоя обвила цепями левую, а левая обвила ими правую? И чтобы во власти злых виде-

ний ты так запутался бы в оковах, что всё тело твое было бы покрыто и сжато ими, чтобы звенья каторжной цепи прилипли к твоему телу, подобно кипящему свинцу и более не отпадали?

Если ты веришь тьме – иди во тьму!

Вот поднялись на тебя все поработители, все Каины и убийцы, какие есть на земле. И они сотрут имя твое, и будешь ты, как грязь, попираемая на площади. И даже паршивый пес должен будет нагнуть морду свою, чтобы увидеть тебя.

И там, где была Россия – земля родимая, колыбельная, будут холмы из пепла, пустое, горелое место, политое твоей кровью.

О русский народ! О дитя мое!

Прекраснейший из сынов человеческих!

Я – Разум Огненный, который был, есть и будет вовеки, простираю руки мои, на ладонях своих неся дары многоценные.

В правой руке моей **Пластырь Знания** – наложи его на темный глаз твой, и в левой руке моей **Бальзам Просвещения** – помажь им бельмо свое!

Никогда небо не будет так лучезарно, и земля так зелена и плодородна, как в час прозрения всенародного. И сойдет на русскую землю Жена, облеченная в солнце, на челе ее начертано имя – **Наука**, и воскрылия одежд ее – **Книга горящая**. И, увидя себя в свете Великой Книги, ты скажешь:

«Я не знал ни себя, ни других, я не знал, что такое Человек! Теперь я знаю».

И полюбишь ты себя во всех народах, и будешь счастлив служить им. И медведь будет пастись вместе с телицей, и пчелиный рой поселится в бороде старца. Мед истечет из камня, и житный колос станет рощей насыщающей.

Да будет так! Да совершится!

<1919>

ПОЭТЫ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сергей Есенин

Поэт-юноша. Вошел в русскую литературу, как равный великим художникам слова. Лучшие соки отдала Рязанская земля, чтобы родить певущий лик Есенина.

Огненная рука революции сплела ему венок славы как своему певцу.

Слава русскому народу, душа которого не перестает источать чудеса даже средь великих бедствий, праведных ран и потеры!

Владимир Кириллов

Юный питерский рабочий из крестьянской семьи Смоленской губ<ернии>, нужды ради отданный в ученье в подвал к сапожнику, 17 лет от роду сосланный «за политику» в Вологодские края.

Истинный и единственный в настоящей жизни выразитель городской жизни. Поэт бедных людей, их крестного пути в страну социализма.

Александр Ширяевец

Сын каменщика с Нижнего Поволжья. Два-три года как стал известен своими нехитрыми песнями, звонко сложенными, затаившими в себе нечто от красных песельников Степана Разина, удалых разгулий великой русской реки.

Николай Клюев

Ясновидящий народный поэт, приковавший к себе изумленное внимание всех своих великих современников.

Сын Олонецких лесов, потрясший словесным громом русскую литературу. Рабоче-крестьянская власть не преминула почтить Красного баяна, издав его писания наряду с бессмертными творениями Льва Толстого, Гоголя и т. п.

<1919>

МЕДВЕЖЬЯ ЦИФИРЬ:

Приблизительно восстановленное слово, сказанное поэтом Николаем Клюевым в Вытегорском красноармейском клубе «Свобода» перед пьесой «Мы победим»

I

Много есть на белом свете разных чудес, и не всё одинаково под солнцем. — Теплые, далекие земли, где вечное лето, где сладкие воды и духмяные рощи, где лебеди черные, а вороны белые, где люди ходят, как в раю, нагими, раскрасив себе тело пестрыми красками, горы из красного и голубого камня, вершины которых упираются в небесные звезды, бесчисленные города, многообразные племена и наречия, бескрайние моря-океаны, где невиданные подводные юда, тысячеверстные, дикие, травяные поля, где не слышно голоса человеческого, где простор лишь буйнокрылому орлу да ковыль-траве шумучей, жалобной.

Всё это чудеса вечные, не человеческой рукой сделанные. Но есть в мире одно чудо из чудес: просветленное озеро, зовется оно Сердцем человеческим, Живоносною Тайною кличется.

Пролегла к нему тропиночка малая, малохоженая, малозримая.

Кто прощеной слезой плакать умеет, кто родительскую могилку в Христов день целовать сможет, кто котеночка глупого, корноухого из полымя пожарного по сожаленью вызволит — тому золотая тропиночка не заказана. Глубоко и самоцветно сердечное озеро, а живет на нем, гнездо из мороков вьет, лебедь-дева, птица волшебная.

Вскинет лебедь крылом, жемчугом водяным окатится, человеку же, у которого сердце-озеро, сладко станет. — Замутит человека дума небывалая о том, чего на свете нет: о крыльях сокольих за плечами, о подвиге красном, разинском...

Известно, дума слово родит, из слов потайных, сердечных песня слагается, вот как ручеек — источина лесная: не видно его в моховищах да в кореньях клыкастых, а поет он, бубенчиком подорожным тенькает:

Не шуми, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати...

Али по-другому:

Не одна во поле дороженька пролегала,
Частым ельником, березничком зарастала...

У кого уши не от бадьи дубовой, тот и ручеек учует, как он на своем струистом языке песню поет.

От старины выискивались люди с душевным ухом: слышат такие люди, как пырей растет, как зерно житное в земле лопается — норовит к солнцу из родимой келейки пробиться, — как текут «слезы незримые, слезы людские...». Называл же русский народ таких людей досюль баянами за то, что они баяли баско, складно да учестливо, ныне же тех людей величают поэтами, а буде такой человек не песней пересказ ведет, не складкой бает, а запросто плавным разговором всю живность письменно выложить сможет, — то писателем с надбавкой «художественный», не от слова «худо», а от понятия «прекрасно», «усладительно», «умственно».

Покуль не было на Руси грамотных баянов, то сказ велся ими устно, перехожим был.

В белом полукафтанье, в лисьем, с алой макушкой колпаке, при поясе, с хитрой медной насечкой, ходил баян по немереным родным волостям, погостам да городищам, и был он гостем чаянным, желанным, не токмо избяным мужицким али теремным боярским, но и палатным княженецким, а почасту и государевым, Не завсегда баян в понитке ходил, а иногда и в терлике бархотном щеголял, в сапогах выворотных козловых, с мореным красным закаблучьем — «меж носов-носов хоть стрела лети, под каблук-каблук — хоть яйцо кати...».

Что думал народ, в чем его правда да сила муромская — всё баяны стихом выражали, за ретивое кажинного человека красным умильным словом задеть ухитрялись; вот эта-то хитрость песенная, пересказная, ныне искусством зовется...

II

Давно уже чуткие люди, у которых душа собачьей шерстью заживо не обрастала, розмысел имели, что не одними словами сладость сердечную можно выявить, но и красками, если кто сумеет эту сладость на картине вырисовать, музыкой, если кто домыслит струну или голос так подобрать, чтобы, когда заиграешь, человека слеза-радость прошибла.

И многим другим можно свою душу рассказать: по дереву можно резьбу навести — виноградье райское, город, какого на свете нету, чтобы человека в безвестный край потянуло и в трудах да мозолях хоть на единую минуточку ему легче стало. Хоромину повыстроить можно так искусно, чтобы она на потайный сад смахивала, в индийскую землю манила или думу какую, мысль с мудростью в себе таила, как, к примеру, церковь на нашем Вытегорском погосте: рублена она без мала триста годов назад, и рубку ее можно смело назвать искусством строительным, по-ученому же зодчеством.

Почему? Да потому, что в ней потайный смысл сидит: строитель ее хоша был и мужик, а нутром баян-художник.

Допрежде рубки он не барыши, как нынешние бездушные подрядчики да инженеры, высчитывал, а планту раскинул, осеннюю, темную ноченьку напролет продумал, как бы ему из вытегорских бревен мысль свою выстроить?

И выстроил.

Церковь пятой кругла, в круге же ни начала, ни конца проглядеть нельзя — это Бог безначальный и бесконечный.

Двадцать четыре главы строитель на кокошниках резных к тверди вознес — двадцать четыре часа суточных, которые все славят Господа.

Семь навесов крылечных семь небес обозначают, вышний же рундук гору Фавор знаменует, — на ней же Христос солнцем предста.

Если бы крепко блюли вытегоры заповедь-зарок своей церкви, то разумели бы, что она есть произведение искусства.

Триста годов назад, когда мужику еще было где ухорониться от царских воевод да от помещиков, народ понимал искусство больше, чем в нынешнее время.

Но приказная плеть, кабак государев, проклятая цигарка вытравили, выжгли из народной души чувство красоты, прощеную слезку, сладкую тягу в страну индийскую...

А тут еще немец за русское золото тальянку заместо гуслей подсунул — и умерла тиха-смирна беседушка, стих духмяный, малиновый. За ним погасли и краски, и строительство народное.

Народился богатей-жулик, музурик-трактирщик, буржуй треокаянный.

Сблазнили они мужика немецким спинджаком, галошами да фуранькой с лакировкой, заманили в города, закабалили обманом по фабрикам да по заводам; ведомо же, что в 16-тичасовой упряжке не до красоты, не до думы потайной.

И взревел досюльный баян по-звериному:

Шел я верхом, шел я низом, —
У милашки дом с карнизом,
Не садись, милой, напротив —
Меня наблевать воротит...

III

Радовались богатеи, что народ душу свою обронил, зверем стал и окромя матюга все слова из себя повытряхнул.

Ну, думали они, мужик таперяча с потрохами и с печёнкой наш, — скотина скотиной, вбивай его, как сваи, в землю да вавилоны ставь. А чтобы сердце у подлого народишка не отмякло, заберем-ка всякое искусство в свои руки, — набьем на него цену, чтобы оно никому, окромя нас, по кошельку не было.

А чтобы поэты да писатели, строители и музыканты вольностей какой себе не дозволяли, пристрастим их романовской гостиницей с решеткой.

И стращали.

Великого писателя Достоевского присудили к виселице, но петлю заменили каторгой. Великого поэта Пушкина мучили ссылкой и довели до пули, убили Лермонтова, прокляли Толстого, нищетой и голодом вогнали в гроб Кольцова и Никитина. Многое множество живущих сынов человеческих погибло от неправедного строя на русской земле!

И по ком надо служить всенародную панихиду, с плачем и с рыданием, так это по распятому народному искусству. Проклятие, проклятие вечное тем, кто перебил голени народному слову, кто жёлчью и оцетом напоил русскую душу!

Но, пережив положение в гроб родного искусства, мы видим и ангельские силы на гробе его. Мы, чудом уцелевшие от жандармского сапога, ваши родные поэты и художники, были свидетелями того, как в 25-й день октября 1917 года потряслась земля, как сломились печати и замертво пали стражи гроба. Огненная рука революции отвалила пещерный камень и... Он воскрес — наш сладчайший жених, — чудотворное народное сердце.

Воскрес и сокрылся, явясь на краткое мгновение только верным и избранным.

И никто не слышал звука его шагов.

И вновь душа наша сжигается скорбью смертной...

Где ты, возлюбленный наш? —

Песня крылатая, всенародная?

Быть может, шумишь ты белой березынькой под вольным олонецким ветром али в бабкином веретене поешь ты, ниткой полуночной, дремотной тянешься, иль от стрекота пулеметов, обеспощадивших землю родимую, закатилось ты за горы высокие, за синие реки, за корбы медвежьи, непроходимые...

Кто знает? Только сердце пусто.

И мука наша лютая.

Чует рабоче-крестьянская власть, что красота спасет мир.

Прилагает она заботу к заботе, труд к труду, чтобы залучить воскресшего жениха к себе на красный пир.

Царские палаты отводятся для гостя-искусства, лучшие хоромы в городах и селах. И стекается туда работающий бедный народ, чтобы хоть одним глазком взглянуть на свою из гроба восставшую душу. Чтобы не озвереть в кровавой борьбе, не отчаяться в крестных испытаниях, в черном горе и обиде своей.

И в настоящий вечерний час, когда там на фронте умножаются ряды мучеников за торжество народной души, здесь ваши братья постараются, насколько хватит их уменья, показать вам малую крупицу воскресшей красоты. Она услышится вами в некоторых словах, которые скажутся с этих подмостков. Перед вами пройдет действо — жизнь рабочих людей — борцов за Красоту, за Землю и Волю.

В этом действе нет ничего смешного, оно со смыслом, и тот, кто будет гоготать, выдаст головой себя как пустого человека.

В действе под одним человеком надо разуметь многих. Вы увидите рабочего Сергея, смертельно больного, который умирает в борьбе, — это весь рабочий народ, который приносит себя на заколение за правду в жизни; старуху, пьющую богомолку, — это наша церковность, подвидная да блудная. Парикмахера — это соблазненная буржуазией часть народа, который за модную жилетку променял свое первородство. Услышите музыку за океанами — это голос всемирной совести, не умолкающей над залитой праведной кровью землей.

Понимая так, вы уйдете отсюда обновленными, со сладкой слезинкой на глазах, которая дороже всех сокровищ мира.

Дерзайте, друзья мои!

Сгорим, а не сдадимся!

<1919>

СЛОВО О ЦЕННОСТЯХ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Думают, подозревают ли олончане о той великой, носящей в себе элементы вечности, культуре, среди которой живут?

Знают ли, что наш своеобразный бытовой орнамент: все эти коньки на крышах, голуби на крыльцах домов, петухи на ставнях окон – символы, простые, но изначально глубокие, понимания олонецким мужиком мироздания?

Чует ли учительство, по самому положению своему являющееся разъяснителем ценностей, чувствует ли оно во всей окружающей, подчас ничего не говорящей непосвященному, обстановке великие непреходящие ценности искусства?

Искусство, подлинное искусство, во всем: и в своеобразном узоре наших изб («На кровле конёк есть знак молчаливый, что путь так далек»), и в архитектуре древних часовен, чей луковичный стиль говорит о горении человеческих душ, подымающихся в вечном искании правды к небу.

Как жалки и бессодержательны все наши спектакли-танцульки перед испокон идущей в народе «внешкольной работой», великим всенародным, наиболее богатым эмоциями, коллективным театральным действом, где каждый зритель – актер, действом «почитания мощей».

Искусство, не понятое еще миром, но уже открытое искусство, и в иконописи, древней русской иконописи, которой так богат Олонецкий край.

Надо только понять его. Надо уметь в образáх неизвестных забытых мастеров найти проблему бытия, потайный их смысл, надо уметь оценить точность и старательность работы художника.

Надо быть повнимательней ко всем этим ценностям, и тогда станет ясным, что в Советской Руси, где правда должна стать фактом жизни, должны признать великое значение культуры, порожденной тягой к небу, отвращением к лжи и мещанству, должны признать ее связь с культурой Советов.

Учительство должно оценить этот источник внутреннего света по достоинству, научить пользоваться им подрастающее поколение, чтоб спасти деревню от грозящей ей волны карточной вакханалии, фабрично-заводской забубённости и хулиганства...

Здесь вокруг нас на каждом шагу спутниками нашей жизни являются великие облагороживающие ценности.

Надо их заметить, понять, полюбить, надо привить культ к ним.

Так говорил родной поэт наш проникновенно вещий Клюев.

<1920>

РАЗДЕЛ V

Письма

1. ПОЛИТИЧЕСКИМ ССЫЛЬНЫМ, ПРЕПРОВОЖДАЕМЫМ В г. КАРГОПОЛЬ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Между 18 февраля
и 2 марта 1906 г. Вытегра

Я, Николай Клюев, за Крестьянский союз и за все его последствия. Знаю из центров только один — а именно: бюро содействия Крест<ьянскому> союзу в Петербурге — Забалканский проспект, № 33; бюро высылает книги и брошюры, но в деньгах всегда отказывает — требуя от членов собственного нелицемерного желания служить делу союза. Отдав себя в полное распоряжение бюро и поселившись в Макачевской волости, Олонецк<ой> губ<ернии>, Вытегорского у<езда>, я делал, что мог, свято веря в счастливый исход. Я отдал всё, что имел, не пожалев себя и старых бедных родителей — добиться удалось: обложить Пятницкое общество Макачевской волости сбором в 5 коп. с души в пользу Кр<естьянского> союза, постановить приговор с требованием Учредительного собрания (приговор отослан Царю), отменить стражников, отобрать церковную землю и все сборы отменить, приобрести 9—11 ружей, сменить старшину, писаря, место которого заменял я — только 2 месяца. Всё дело велось больше года, и я успел за это время раздать больше 800 прок<ламаций>, получен<ы> все от бюро содействия Кр<естьянскому> союзу. Арест произведен за последний приговор о земле и лесах, — которые общество объявило своими. За это только меня и обвиняют, в остальном же меня только подозревают. Я прекрасно знаю, мои дорогие братья, что здесь пропасть человеку очень легко, — знаю, что кругом разбойники, но знаю и то, что бороться за решетками — глупость; к тому же я имел

дело и товарищество только с мужиками. Дорогие мои, как будете в Каргополе, то не найдете ли возможным написать открытку – в Ярославль губернский, Духовная улица, типография наследников Фальк – Н. И. Ушакову для Лаптева Александра, сообщив о моем аресте и адрес: Вытегра, Н. Клюеву, он – адвокат и может помочь. Если же откроется *всё*, то мне, конечно, не миновать ссылки.

Адр<ес> кружка с<оциалистов>-р<еволюционеров>: Петербург, – Васильевский остров, Большой проспект, дом № 27, кв. 4, Марии Михайловне Добролюбовой. Сюда можно обращаться и за денежной помощью, только я думаю, и этот кружок арестован, хотя месяц назад был цел. Если желаете, можете написать, сообщив о моем аресте. Вот и всё, что я могу сообщить, мои братья, более или менее полезного. Новостей никаких не знаю. Если <...> достать известия о том, что в Петербург благополучно провезены из Финляндии 400 ружей и патроны, это известие я получил 17 февраля. Думаю, что и вы это знаете... Опасайтесь полагать записки в ватер, это не секрет для надзирателей. Мне необходимо знать ваши фамилии и имена. Предлагаю писать вам в Каргополь. Простите, мои дорогие, если я вам скажу следующее: олонецкие города – это притон попов, стражников и полицейских. Ваша храбрость и надежда на пулю всем покажется разбоем, поэтому на время ссылки вы должны жить как *все*, если желаете приискать квартиру и хлеб. Здесь перебывали сотни молодых и благородных людей, но редко кто не забывал свои убеждения да сорока <...>. Этим только и страшна ссылка. Пишу это потому, что до тонкости знаю каргопольскую жизнь, где, кроме церковных порогов, буквально негде кормиться. Преклоняюсь перед вашим страданием. Верю, что вы и в пропастях ссылки останетесь такими же, какими кажетесь мне. Я, отказавшись от семьи и службы, – пешком, с пачкой воззваний, обошел почти всю губернию, но редко где встречал веру в революцию – хотя убивать и грабить найдутся тысячи охотников. Это должны знать и вы, раз попали в Оло<нию>. Еще раз простите, что так говорю вам, хотя не имею на это права. Быть не может, что вы будете жить здесь долго. Товар<ищей>-рев<олюционеров> в Каргополе не имею, был один, да и тот в тюрьме. Знаю два-три мещанских семейства, но вас они спугаются, потому что не знают сути. Сообщите, если знаете, адрес революционного местного комитета. Кстати, из какого вы города? Быть может, придется увидеться, и очень отрадно, если у вас вера, что у меня те же убеждения. Крепко жму вашу руку.

С<оциалист>-Р<еволюционер>.

2. Л. Д. СЕМЕНОВУ

15 июня 1907 г. Дер. Желвачёва

Июнь – 15.

Получил Ваше дорогое письмо, в котором Вы пишите, что одно мое стихотворение последнего присыла предложено «Русскому богатству», а одно помещено в майской книжке «Трудового пути». – За всё это я очень благодарю Вас... – Рассказ Ваш, про который Вы говорите – мне читать не приходилось. Читал только стихотворение «Проклятье», но оно было вырезано из журнала и прислано мне в письме из Петрозаводска – по моей просьбе одним из моих товарищей. Стихотворение «Проклятье» мне очень нравится: таким, как я, до этого далеко. Больше мне ничего Вашего читать не приходилось. Журнала я ника<ко>го не получаю, кой-когда приходится видеть «Ниву», но она меня не удовлетворяет. Хотелось бы мне просить Вас прислать мне хотя ту книжку «Трудового пути», в которой мое стихотворение, а в случае помещения в «Русское богатство» – то и эту книжку. – Если и этого нельзя – то хоть что-либо из новых поэтов.

Еще прошу Вас – когда получаете мои стихи – и находите некоторые годными для печати – то отписывая – упомяните, какие именно, а то я, не видя их в печати, не знаю, и какие напечатаны, так что в общем чувствуется только какое-то больное томление – хоть плачь. В стихотворении «Рота за ротой проходят полки...» – есть строка: «Мерещится мне въявь военных – *плацев* – гладь». – Вероятно, было худо написано – и Вы читали «плащей гладь» – я знаю, что пла*щ* – одежда – а пла*ц* с буквой Ц – место, «убитое и ровное», – как сказано в учебнике для новобранцев, – «служащее – для учений – выводок и парадов – пехоты, артиллерии и конницы». – Так что четверостишие: «И часто в тишине полночи бездыханной Мерещится мне въявь военных *плацев гладь*, Глухой раскат шагов и рокот барабанный – Губительный сигнал: идти и убивать!» – Я не могу исправить удачнее – а плацы обыкновенно – гладкие – так тож и слово «гладь» применимо – можно и так: «Мерещится мне въявь *дороги снежной гладь*», а впрочем, всё предоставляю на Ваше усмотрение – и за всё, дорогой товарищ, буду благодарен, только, ради Христа, будьте терпеливы, выслушивая меня. Например, хотя бы – насчет спроса про А. Блока – это не потому, что Вас одного мне мало, – а потому, что я прочитал в газетах, что Вы «*сидите*». Ну, спросил про Блока – не желая бросать стихи.

Всего я послал Вам 8 писем – с 52 стихотворениями. Напишите, получили ли Вы их, и если нет, то я повторю. Например, получили ли Вы – стихи – печатанные на пишущей машине?

❖❖❖

Напишите – можно ли сообщить Вам про «наши» местные дела? Не писал Вам долго не по нежеланию, а по невозможности. Я теперь живу от почты 30 верст и письма получаю через руки – или когда приду на праздники домой в Желвачёву. Адрес мой старый – Олонецкая губ<ерния>. Вытегорский уезд. Станция Мариинская. Деревня Желвачёва.

3. А. А. БЛОКУ

Конец сентября – начало октября (до 3-го)
1907 г. Дер. Желвачёва

Александр Александрович!

Я, крестьянин Николай Клюев, обращаюсь к Вам с просьбой – прочесть мои стихотворения и, если они годны для печати, то потрудитесь поместить их в какой-либо журнал. Будьте добры – не откажите. Деревня наша глухая, от города далеко, да в нем у меня и нет знакомых, близко стоящих к литературе. Если Вы пожелаете мне отписать, то пишите до 23 октября. Я в этом году призываюсь в солдаты (21 год) и 23 октября последний срок. Конечно, и родные, если меня угонят в солдаты, могут переслать мне Ваше письмо, но хотелось бы получить раньше. Мы, я и мои товарищи, читаем Ваши стихи, они-то и натолкнули меня обратиться к Вам. Один товарищ был в Питере по лесной части и привез сборник Ваших стихов; нам они очень нравятся. Прямо-таки удивление. Читая, чувствуешь, как душа становится вольной, как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей. И жаждется чуда прекрасного, как свобода, и грозного, как Страшный Суд... И чудится, что еще миг и сухим песком падет тяготенье веков, счастье не будет загадкой и власть почитанием. Бойцы перевяжут раны и, могучие и прекрасные, в ликующей радости воскликнут: «Отныне нет Смерти на земле, нужда не постучится в дверь и сомнение в разум. Кончено тленное пресмыкание и грядет Жизнь, жизнь бессмертным и свободным, – как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей!»

Бога ради, простите написанное. Я человек малоученый – так понимаю Вас, – и рад, и счастлив возможности передать Вам свое чувствование. Много бы у Вас хотелось спросить – очень тяжело не говорить – прошу Вас, отпишите по возможности скорее, доставьте и мне «*Нечаянную Радость*».

Адрес: Олонецкая губ<ерния>, Вытегорский уезд, станция Мариинская, деревня Желвачёва – Клюеву.

Остаюсь – Николай Клюев.

Не можете ли мне сообщить адреса — поэта Леонида Дмитриевича Семенова?

4. Е. М. ДОБРОЛЮБОВОЙ

Сентябрь — конец, октябрь — начало
1907 г. Дер. Желвачёва

Здравствуйте, Елена Михайловна!

Решился опять написать Вам — от Леонида Дмитриевича не получаю ничего, он велел мне писать В. С. Миролюбову, Тверская, 12, я посылал ему два заказных письма, но ответа не получал. Смею просить Вас — передать присланные стихи — Миролюбову — или Л. Д.

Простите, пожалуйста, что я Вам пишу, но, поверьте, иначе не могу, не могу прямо-таки терпеть безответности. Очень тяжело не делиться с Леонидом Дмитр<иевичем> написанным. Если бы Вы знали мои чувства к нему — каждое его слово меня окрыляет — мне становится легче. 23 октября меня вновь зовут в солдаты — и мне страшно потерять из виду Леонида Дмитриевича — он мое утешенье.

9 месяцев прошло со дня моего свидания с Л. Д., тяжелы они были — долгие, долгие... И только, как свет небесный, изредка приходили его письма — скажите ему об этом.

Прошу Вас — отпишите до 23 октября, — а потом, поди знай, — куда моя голова — покатится.

Буду ждать письма вскорости.

Адрес: Олонецкая губ<ерния>, Вытегорский уезд, станция Мариинская, деревня Желвачёва, Николаю Клюеву.

5. А. А. БЛОКУ

Октябрь—ноябрь (до 12 ноября)
1907 г. Дер. Желвачёва

Я получил Ваше дорогое письмо и «Нечаянную Радость», умилен честью, которую Вы оказали мне Вашей сердечностью ко мне, так редко видящему доброе человеческое отношение.

В лютой нищете, в темном плену жизни такие переживания, какие Вы доставили мне, — очень дороги. Благодарю Вас!

Вы пишете, что не понимаете крестьян, это немножко стесняет меня в объяснении, поневоле заставляет призывать на помощь всю свою «образованность», чтобы быть сколько-нибудь понятным. Раньше я читал только два отдела Вашей книги — «Нечаянная Ра-

дость» и «Ночная фиалка», остальное было вырвано, теперь прочел всю и дерзаю сказать Вам, что несмотря на райские образы и электрические сны, душа моя как будто раньше видела их, видела — «Осеннюю волю», молодость, сгубленную в хмелю, незнаемый, но бесконечно родной образ, без которого нельзя плакать и жить, видела Младу — дикой вольности сестру, «Взморье» с кораблем, уносящим торжество, чаяние чуда и прекрасной смерти.

Простите мне мою дерзость, но мне кажется, что если бы у нашего брата было время для рождения образов, то они не уступали бы Вашим. Так много вмещает грудь строительных начал, так ярко чувствуется великое окрыление!.. И хочется встать высоко над Миром, выплакать тяготенье тьмы огненно-звездными слезами и, подъяв кропило очищения, окропить кровавую землю, в славословии и радости дав начало новому дню правды.

Вы — господа, чуждаетесь нас, но знайте, что много нас, неутоленных сердцем, и что темны мы только, если на нас смотреть с высоты, когда всё, что внизу, кажется однородной массой, но крошка искренности, и из массы выступают ясные очертания сынов человеческих, их души, подобные яспису и сардису, их ребра, готовые для прободения.

Вот мы сидим, шесть человек, все читали Ваши стихи, двое хвалят — что красивы, трое говорят, что Ты от безделья и что П. Я. пишет лучше Вас, — за сердце щиплет, и что в стихотворении «Прискакала дикой степью» слово «красным криком» не Ваше, а Леонида Андреева, и что Вы — комнатный поэт, стихот<ворение> «День поблек — изящный и невинный» — одна декорация и что после первых четырех строк — Вы свихнулись «не на то». Что такое «голубой кавалер», нимб, юр? Что «Сказка о петухе и старушке» — это пожар в причте. Милые, милые, дорогие мои братья! Я смотрю на них и думаю: призри с небеси и виждь, и носе за виноград сей, юже насади десница твоя!

Наш брат вовсе не дичится «вас», а попросту завидует и ненавидит, а если терпит вблизи себя, то только до тех пор, покуда видит от «вас» какой-либо прибыток. О, как неистово страданье от «вашего» присутствия, какое бесконечно-окаянное горе сознавать, что без «вас» пока не обойдешься! Это-то сознание и есть то «горе-гореваньице» — тоска злючая-клевучая, — кручинушка злая беспросветная, про которую писали — Никитин, Суриков, Некрасов, отчасти Пушкин и др. Сознание, что без «вас» пока не обойдешься, — есть единственная причина нашего духовного с «вами» несближения, и — редко, редко встречаются случаи холопской верности нянь или денщиков, уже достаточно развращенных господской передней. Все древние и новые примеры крестьянского бегства в скиты, в леса-пустыни, есть показатель упорного желания отделаться от духовной за-

висимости, скрыться от дворянского вездесущия. Сознание, что «вы» везде, что «вы» «можете», а мы «должны» – вот необоримая стена несближения с нашей стороны. Какие же причины с «вашей»? Кроме глубокого презрения и чисто телесной брезгливости – никаких. У прозревших из «вас» есть оправдание, что нельзя зараз переделаться, как пишете Вы, и это ложь, особенно в Ваших устах, – так мне хочется верить. Я чувствую, что Вы, зная великие примеры мученичества и славы, великие произведения человеческого духа, обманываетесь в себе. Так, как говорите Вы, может говорить только тот, кто не подвел итог своему миросозерцанию. – И из Ваших слов можно заключить, что миллионы лет человеческой борьбы и страдания прошли бесследно для тех, кто «имеет на спине несколько дворянских поколений».

Еще я Вас спрошу: – хорошо ли делаю я, стремясь попасть в печать? Стремлюсь же не из самолюбия, а просто чтобы увидеть – реальный результат затраченной незримой энергии. – Окружающим же меня любо и радостно за меня, – они гордятся мной, просят меня, чтобы я писал больше. Присылаю Вам еще стихотворений – напишите, чего, по-Вашему, в них не хватает. Я мучусь постоянным сомнением – их безобразием, но отделывать их некогда, надо кормиться, – а хлеб дорогой.

Нельзя ли исправить подчеркнутые строки в стихах, – по-моему, они очень плохи. Да и вообще, всё, что плохо с моей стороны, – пусть не огорчает Вас. Такой уж у меня характер.

Пойду в солдаты, пропадут мои песни – про запас прощайте, примите на память мою любовь к Вам, к Вашей «Нечаянной Радости».

Нельзя ли что-либо из моих произв<едений> поместить в «Русское богатство» или «Трудовой путь»? С «Трудового пути» я получил 10 руб. 80 коп., за которые очень благодарен.

Если вздумаете писать, то пишите так: Олонецкая губ<ер-ния>, Вытегорский у<езд>, станция Мариинская, деревня Желвачёва. *Клавдии Алексеевне Клюевой*.

Писать нужно заказным письмом, иначе у нас потеряется, почтовое отд<еление> от нас далеко. Письма идут через правленье, где могут заваляться.

6. В. С. МИРОЛЮБОВУ

25 января 1908 г. Петербург

Нахожусь с 5 января в Питере, в Николаевском военном госпитале – по Суворовскому проспекту. Не найдете ли возможным сообщить, – «что» помещено мое в декабре – и не предназначается ли

чего – к помещению в следующие месяцы – будьте добры – отпишите.

Адрес: СПб., Суворовский прос<пект>, Николаевский военный госпиталь, 3-е нервное отделение, палата № 23.

Приветствую Вас – Н. Клюев.

7. А. А. БЛОКУ

19 февраля 1908 г. Петербург

Сестра писала мне, что Вы спрашивали у ней мой адрес. С 5-го января я нахожусь в Питере, в Николаевском военном госпитале, если что имеете сообщить – то пишите: Здесь, Николаевский военный госпиталь, третье нервное отделение, палата № 23. Может быть, найдете возможным зайти лично – прием по четвергам и воскресеньям с 2 ч. до 4 ч. дня.

Приветствую Вас Н. Клюев.

8. А. А. БЛОКУ

16 мая 1908 г. Дер. Желвачёва

Здравствуйте, господин Блок.

Вы напечатали мое письмо. К чему это?

Будьте благожелательны, отпишите мне и пришлите что-либо из новой поэзии. Я очень буду Вам благодарен. Если что соблаговолите, то вышлите закрыто, иначе потеряется.

Я пробыл зимой в Петербурге четыре месяца, писал Вам письмо, но ответа не получил... Не оставьте, пожалуйста, в просьбе.

Ваш – Николай Клюев.

16 мая.

Адрес: Олонецкая губ<ерния>, Вытегорский уезд, станция Мариинская, деревня Желвачёва, Николаю Клюеву.

9. А. А. БЛОКУ

Май 1908 г. Дер. Желвачёва

Простите за беспокойство, я снова присылаю Вам стихи – прошу поместить их в какой-либо подходящий журнал (может быть, годятся в «Золотое руно»).

Если годятся, то сообщите, я буду дожидать. Я пробыл в Питере 4 месяца, хотел зайти к Вам, походил мимо дома, а потом раздумал. Мне сказывал В. С. Миролюбов, что Вы опубликовали мое письмо к Вам в «Золотом руне» и что потом было по этому поводу писано в газетах Розановым и в «Столичной почте» тоже — мне бы хотелось прочесть — не можете ли переслать эти статьи мне. Читать мне нечего — хочется, как в жару воды испить, прочитать книгу А. Добролюбова «Из книги Невидимой». Не можете ли снабдить меня и ею.

Не томите молчанием, откликнитесь — адрес: Олонецкая губ<ерния>, Вытегорский уезд, станция Мариинская, деревня Желвачёва, Николаю Клюеву.

Радостно приветствую Вас!

10. А. А. БЛОКУ

6 июня 1908 г. Дер. Желвачёва

Здравствуйте, г. Блок, пишу Вам третье письмо за один май. От Вас не получал ни одного. Будьте добры, удостойте ответом, мне так хочется услышать Вас. Прошу Вас — не найдете ли возможным прислать мне книгу А. Добролюбова «Из книги Невидимой». Что-нибудь из поэзии. Я буду очень благодарен. Сообщите, куда можно посылать стихи, кроме «Трудового пути». Адреса каких-либо журналов. Не откажите.

Приветствую Вас.

Олонецкая губ<ерния>, Вытегорский уезд, станция Мариинская, деревня Желвачёва — Н. Клюеву.

11. А. А. БЛОКУ

27 июня 1908 г. Дер. Желвачева

Получил Ваши книги. Очень благодарен. Жду ответа на стихотворения. Приветствую Вас.

Клюев.

12. А. А. БЛОКУ

Июль—август 1908 г. Дер. Желвачёва

Здравствуйте, дорогой Александр, не знаю как Вас по отечеству. Много Вам кланяюсь и желаю благополучия и в делах Ваших скорого

и счастливого успеха. Уведомляю Вас, что книги я получил, за что очень благодарен. Пуще прежнего и больше всех других нравятся в них только Ваши произведения: «Ночная молитва», «Так окрыленно, так напевно», «Я вам поведал неземное», «Искушение», «Сын и мать» и «Король на площади». А насчет опубликованного письма не беспокойтесь, я не то чтобы разобиделся, а просто что-то на душе неловко: не договорил ли я чего, или переговорил, или просто не по чину мне битым быть. От Миролюбова я получил письмо, просит написать ему что-нибудь показать французским друзьям, а переслать ему письмо нет никакой возможности, кроме как через Вас, потому что уж больно любопытно будет на почте да и многим другим — какие такие дела я с заграницей имею — человек-то я больно не форсистый, прямо подозрительно для знающих меня. Письмо Миролюбов велел послать «заказным». Прошу Вас, будьте добры, перешлите, не задерживая, эти стихи по адресу: Франция. Париж. France. Paris. Poste restante. V. S. Mirolubov. *Заказное.*

Об отправлении по этому адресу — пожалуйста, не задержите уведомлением. Я буду ждать с нетерпением — больно хочется слышать что-нибудь от Виктора Сергеевича — на Вас надежда, не откажите.

Вам я тоже посылал заказное письмо со стихами — напишите, будут ли они помещены в какой-либо журнал. Теперь мне вовсе писать некогда стихов, сенокос, — у народа нужда.

Оставайтесь с Богом. Кланяюсь Вам — не забывайте меня.

Н. Клюев.

Адрес старый: Олонецкая губ<ерния>, Вытегорский у<езд>, ст<анция> Мариинская, дер<евня> Желвачёва.

Извините за беспокойство. Письмо пошлите заказным. Нравятся ли Вам посылаемые Миролюбову стихотворения?

13. А. А. БЛОКУ

1 сентября 1908 г. Дер. Желвачёва

Дорогой Александр Александрович!

Что слышно про мои стихи из «Золотого руна», собираюсь вскорости прислать Вам еще много. Простите, что утруждаю Вас, напишите мне, что и как?

Напишите, как Вам нравится эта статья? Меня она очень заботит. О получении этого письма тоже прошу известить вскорости.

14. А. А. БЛОКУ

Середина сентября 1908 г. Дер. Желвачёва

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович. Много Вам кланяюсь и желаю от Господа — блага и Духа-осенителя — мира душевного. Воспевать красоту наружную — не обходя незримого, в мудрейшей воле пребывающего. 1 сентября послал Вам письмо для В<иктора> С<ергеевича> М<иролюбова> и со страхом и трепетом дожидаю, что он скажет. Не хотелось бы мне брать на себя ничего подобного, так я чувствую себя лживым, порочным — не могущим и не достойным говорить от народа. Одно только и утешает меня, что черпаю я всё из души моей, — всё, о чем я плачу и воздыхаю, и всегда стараюсь руководиться только сердцем, не надеясь на убогий свой разум-обольститель. Всегда стою на часах души моей и если что и лгу, то лгу бессознательно — по несовершенству и греховности своим. О, простите меня, все дорогие мои! Я не виноват, виновен кто-то другой от меня. Простите за утруждение, сообщите, какие из этих стихов годны. Некоторые я, кажется, уже посылал Вам, теперь — в переделанном виде. Что слышно из «Золотого руна» и какие три стихот<ворения> Вы послали в него? Жадно, нетерпеливо жду ответ!

Еще раз — мир Вам.

Адрес прежний.

Любящий Вас Н. Клюев.

15. А. А. БЛОКУ

30 сентября 1908 г. Дер. Желвачёва

Получил Ваше письмо и книгу «Земля в снегу», благодарю Вас, что не забываете — подробно отпишу, как только получу Ваш ответ на второе после *«рукописи»* письмо со стихами. Сейчас ухожу и когда приду — тогда напишу. Думаю — прошу Вас — не забывать меня.

Мир Вам. Н. Клюев.

Возвращусь я скоро.

16. А. А. БЛОКУ

Конец октября 1908 г. Дер. Желвачёва

Дорогой Александр Александрович, тронут Вашей добротой ко мне, благодарен за присланную книгу «Земля в снегу»; красивая кни-

га, прекрасны заглавие и внешность ее; но я очень стесняюсь много говорить про нее. Вы ведь сами человек образованный, имеете людей, понимающих искусство и творящих прекрасное, но что по-ихнему неоспоримо хорошо, то по-моему, быть может, безобразно и наоборот. Взгляды на красоту больно заплевывать, обидно и горько, может, и Вам выслушивать несогласное с этими взглядами. Если я читал Вашу «Нечаянную Радость» и, поняв ее по-своему, писал Вам про нее кой-что хорошее, то из этого еще не значит, что я верно определю и «Земля в снегу». До «Нечаянной Радости» я не читал лучшего, а потому и прельстился ею, как полустертой плитой, покрытой пестрыми письменами, затейливо фигурными знаками далекой, незнаемой руки, в которых нужно разбираться с тихостью сердца и с негордостью духа. Я не умею читать книгу с пеной у рта и если вижу в написанном много личной гордости, самомнения, то всегда смотрю на это, как путник на развалины Ниневии: «Вот, мол, было царство и величие и слава, а стал песок попираемый». «Нечаянная Радость» веет тихой мудростью, иногда грешной, и, видимо, присущей Вам острой страстью, умно прикрытой рыцарским обожанием «к прекрасной», кой-где сытым, комнатным благодушием, чаще городом, где идешь, и всё мимолетно, где глухо и преступно, где господином чувствует себя только богач, а несчастных, просящих хлеба, никому не жаль, изредка — самомнительным, грубо-балаганным фокусом. «Нечаянная Радость» — калейдоскоп, где пестрые камешки вымысла, под циркуль и наугольник, кропотливой работой расположены в эффектный узор, быстро вспыхивающий и еще мгновеннее угасающий. Отдаленная, уплывающая в пьяный сумрак городских улиц музыка продрогшего, бездомного актерского оркестра, скрашенная двумя-тремя аккордами Псалтыри. Уличная шарманка с сиротливой птичкой, вынимающей за пятачок розовый билетик счастья, с хозяином полумужчиной, с невозмужалой похотью в глазах, с жаждой встречи с вольной девой в огненном плаще, который играет и поет только для того, чтобы слушали. Я недоумеваю, за что бранили меня публицисты, когда я высказал Вам впечатление, оставшееся от чтения этой книги, по бумажной ли привычке лаяться, по подозрению ли Вас в рекламе (хотя я не знаю, что было рекламного в моих словах) или по брезгливому представлению о нашей серости, по барскому отношению к простому человеку... Бог с ними и с публицистами, не для них я пишу Вам, но обидно, что люди, считающие себя лучшими в царствии, светом родной земли, духовно не выше публики, выведенной в «Царе Голоде» в картине «Суд над голодными», родственны с нею во взглядах на крестьянина: «оно говорит...», «оно не понимает...», «в таких случаях нужен, казалось...» Отчего милостивые господа хохочут? — спрашиваю я у них.

Отлил пулю помещик Энгельгард, что народ фефёла — ему есть вера. Скажу я, что Ваши стихи красивы, — «господа» публицисты догадаются: «Верно Блок дал на сороковку». Мне чувствуется, что отношения людей литературы умышленно нелепы и лживы. Литературные судьи, как и уголовные, избравшие своей эмблемой виселицу, служат смерти, осуждают во имя дьявола, а не во имя Духа истины, а потому и дела рук их ни на волос не устраняют лжи жизни — безобразия отношений человеческих, а прекрасному даже вредят, потому что оно всегда робкое, по капле нарождающееся.

Нечто по каплям урожденное вижу я и в новой книге «Земля в снегу» — молитвенное пенье предвесенних ласковых капель, борьбу тела с духом. Земля в снегу... Небо как голубой далекий брат, чуть слышны колокола, над равниной бело и смертно, как тонкий сон надвигается и кутает безбрежной тишиной «предчувствуемое». Что оно? Задумчивая ли голубоокая Мэри, легковейная ли весна, палач ли, вобьющий в ладонь роковой гвоздь, да свершится «последнее» — перед ликом Родины суровой закачается на кресте завершительная жертва? Земля в снегу — символ голубиной чистоты и Духа высоты, но старый грех, каранирная мусорность жизни, уродливой изначала, изъязвили целомудренный белый покров бурыми, как сукровица, проталинами «культурной» страсти, за которой, несмотря на пышный художественный альков, настойчиво маячит мертвый, провалившийся рот. Смертная ложь нашего интеллигента это, как мне кажется, не присущее ему по Духу вавилонское отношение к женщине. Многие стихи из Вашей книги похабны по существу, хотя наружно и прекрасны — сладкий яд в золотой тонкой чеканки чаше, но кто вкусит от нее? Питье усохнет, золотой потир треснет, выветрится и станет прахом. Смело кричу Вам: не наполняйте чашу Духа своего трупным ядом самоуслаждения собственным я — я!

В общем «Земля в снегу» проще «Нечаянной Радости», меньше веет городом, а по заголовкам и выпискам из прошлых поэтов знакомее при чтении. Но выписки почти над каждым стихом как будто выдают тайную робость перед чужим суждением. (Прикрываться авторитетом — мудрый прием рецидивиста, указывающего судье на Англию как на оправдание своих дел.) Отдел «Вольные мысли» — мысли барина-дачника, гуляющего, пьющего, стреляющего за девчонками «для разнообразия» и вообще «отдыхающего» на лоне природы. Никому это не нужно, кроме Чулкова, коему посвящены эти «Мысли».

Милы и родны стихи: «В этот серый, летний вечер...», «Русь» (без строчки «И ведьмы тешатся с чертями»), «Мы встретились с тобою в храме», «Осенняя любовь», «Прошли года», «О несказанном», «Я насадил мой светлый рай», «Колдунья», «Инок», «В четырех сте-

нах», «Принимаю» — старые мысли в них — первые четыре и шестой стихи. «Прости».

Стихотв<орения> «Песельник», «Пляска» — балаганные прищелкивания про Таньку и Ваньку.

Я читал их на беседе (посиделке), девки долго смеялись над словом «лови лесной туман косой», а в «Пляске» слово «лютики» будто с того света свалилось, незнакомое, уродливое, смешное, как барыня в буклях, с лорнетом и в плиссе, попавшая в развеселый девичий хоровод, где добры молодцы — белы кречеты, красны девушки — што малинушка. Я не упоминаю про внешность стихов, потому что не придаю ей, кроме музыкального, никакого значения.

Земля в снегу... Верю, что будет весна, найдет душа свет солнца правды, обретет великое «Настоящее», а пока надтреснутый колокол звенит и поет и вместе с вьюгой, лесными тропами и оврагами, на огни родных изб несется звон его — вспыхивает, как ивановский червячок в сумерках человеческих душ, отчего длиннее и кручиннее становится запевочка, крепче думушка сухотная неотпадная, голее горюшко голое, ярче и больнее ненависть зеленоглазая, изначальная ярость Земли-матери, придавленной снегами до часа и дня урочного.

Что Вы думаете про такое стихотворство, как моя «Песня о царе соколе и трех птицах Божиих»? Можно ли так писать — не наивно ли, не смешно ли? Если пожелаете, то опубликуйте это письмо, а потом пришлите мне газету. Простите, если что неладно — не огорчайтесь, мне так жалко с Вами расставаться. Буду ждать ответа — мир Вам — Н. Клюев.

17. А. А. БЛОКУ

Ноябрь—декабрь 1908 г. Дер. Желвачёва

Простите, Бога ради, дорогой Александр Александрович, за мое письмо. Быть может, я холодно отнесся к тому, что требует теплоты, благоговения, проникновенного внимания. Простите меня, не омрачайте своих образов моей грубостью, ибо Вы истинны в «своей» правде, без которой Вы не художник, и только теперь я так больно почувствовал это. Я так тоскую, что не могу всего высказать Вам, ибо многое не укладывается в буквы, но я знаю, что Вы бы не поняли меня на словах и были бы светлы. Не знаю, что писать в «Русскую мысль», я ничего из новых писателей не читал, окромя «Трудового пути», Ваших книг да «Царя Голода»; газет я тоже не читаю, разве когда в городе в чайной почитаешь «Свет».

Получил из Москвы, Скатертный переулок, дом 13, кв. 21 денег за стихи 3 рубля 15 копеек, но не знаю, из «Золотого» ли «руна» они или нет, получал их отец и не посмотрел на перевод, а на отрезанном купоне журнального имени не прописано, а только адрес с изображением лебедя.

Посылаю В<иктору> С<ергеевичу> М<иролюбову> эту рукопись. Стихотворение «*Ты разлюбила*» он хвалил, но не успел поместить, а потому присылаю его Вам снова. Извините за беспокойство, за мою навязчивость. Быть может, всё скоро отойдет от меня.

Мир Вам и свет.

В «Русскую мысль» — думаю писать — и про литературу, но только сколько знаю, а так в общем могу написать свои мысли. Как Вам кажутся эти стихи. Не помню, были ли они Вам присланы. «Возвращение» — переделано.

«Слово» нужно отдельным листом и ни отнюдь иначе. Так передайте ему.

Еще раз напоминаю Вам, что если стоит, то опубликуйте мое письмо без урезок. В<иктору> С<ергеевичу> собираюсь писать. Не огорчайтесь, если что не ладно, прошу Вас. Я всегда боюсь за свои слова, всё кажется плохо и не так. Буду ждать ответ. Привет и мир Вам. Любящий Вас Н. К. Адрес старый.

18. А. А. БЛОКУ

Ноябрь—декабрь 1908 г. Дер. Желвагёва

Ответил на Ваше письмо с просьбой от «Русской мысли», получили ли Вы его?

Я пишу для «Русской мысли», но сведения мои по этому предмету очень скудны. Передайте это Мережковскому. Хоть я и чувствую, что есть что писать, но нельзя ли чего другого. — Жду ответ.

Приветствую Вас. Н. К.

19. А. А. БЛОКУ

28 декабря 1908 г. Дер. Желвагёва

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович, получил Вашу открытку, Вы в ней не сообщаете явственно, получили ли мое письмо заказное. Я же обеспокоен этим зловеще. Как только получите эту открыточку, то потрудитесь ответить кряду же. Приметы письма моего следующие: Стихи — «Ты всё келейнее и строже», «Возвраще-

ние», «Из книги Откровения», «Горние звезды», «Ты разлюбила», «Свое вы счастье» — и «пол-листа» для В<иктора> С<ергеевича>. Получили ли Вы такое письмо? Еще я в нем сообщал, что из «Золотого руна» денег не получал, а получил из «Лебедя» три руб. 15 коп. Низко Вам кланяюсь и желаю Вам света и тихости душевной. Мир Вам и любовь. Адрес мой прежний. Жду ответа «подробного».

28 декабря.

Какие стихи в «Лебеде» — сообщите тоже.

20. А. А. БЛОКУ

Январь—февраль 1909 г. Дер. Желвачёва

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович. Еще раз беспокою Вас своим письмом, — но я *очень* озабочен о судьбе письма со стихами: «Ты всё келейнее», «Из книги Откровения», «Горние звезды», «Возвращение», «Победителям», «Ты разлюбила мир иконы» и с полулистом для В<иктора> С<ергеевича>. От Вас я получил открытку, но в ней не говорится о таком письме. Очень и очень прошу Вас: известите меня — получили ли Вы с таким содержанием письмо. Особенно меня беспокоит пол-листа — для В<иктора> С<ергеевича>. И не столько за себя, сколько за Вас.

Долгое же молчание Ваше кажется мне «зловещим». К тому же Вы писали в открытке, что стряслись какие-то неприятности и что Вы беспокойны душой...

Получали ли что от В<иктора> С<ергеевича>?

Думая, что прежние мои письма не дошли, — упоминаю, что я ничего из «Золотого руна» не получил, получил из «Лебедя» 3 руб. 15 коп., за какое стихот<ворение> — не знаю. Мережковскому писал, писал и сорвал, потому всего мало в голове, хоть на сердце и есть многое — про поэзию настоящего времени. Хотелось бы любовно прочесть — Бальмонта, Брюсова — что-либо. Уж больно цветущи кажутся мне их стихи, которые мне изредка приходится прочитывать кой-где, но в целом я ничего, буквально ничего не читал ни из поэзии, ни из прозы нового. Жду Ваше письмо. Привет Вам и любовь.

21. А. А. БЛОКУ

3 марта 1909 г. Дер. Желвачёва

Получил Ваше письмо. Благодарю за всё много. От В<иктора> С<ергеевича> ничего не слышно. Жду обещанное — хотелось бы

№ 10 «Золот<ого> руна» и из поэзии – новых. Впрочем – предоставляю на Ваше усмотрение. За всё буду больно благодарен. Меня Ваше письмо гораздо обрадовало. Я это время прихварывал – и до сих пор не очень здоров. Простудился – или что другое – не знаю. Приветствую Вас братски и желаю всего светлого.

Марта 3 1909 года.

22. А. А. БЛОКУ

12 марта 1909 г. Дер. Желвагёва

Очень благодарю Вас, дорогой Александр Александрович, за присланное. Это большая, большая радость для меня. Какие книги! Как веет от них мучительным исканием «Радости». Каждая заставка вопиет «о смысле». Я, например, поражен, почти пришиблен царственностью стихов из Бодлера – Вячеслава Иванова, умилен Вашим словом «о Прозрачности» и о «Кормчих звездах». Сколько красоты, пророчески провидящих полумгновений. И уж стыдно мне показывать Вам свою мазню, уж заранее я краснею, что скажите Вы. Есть народное выражение: «Свет глаза крадет». Вот и Вы украли у меня глаза наружные и на серой глыбе сердца чуть-чуть наметили – иные очи – жаждут струнно-певучей мудрости. Ведь Вам-то она сестра и милый брат, завечерело, чуть слышны колокола... Похожи на «Соломона» корочки у альманахов «Шиповник», но для «корочек» это простительно. «Черные маски» – жутки, но понятны, как «плачу и рыдаю, камо зрю красоту недвижну, лежащу, вида не имеющу...». Но, по-моему, в них выкрадено «явное» умышленно и несколько даже при всем честном народе. Но больше говорить боюсь. Судите меня без снисхождения.

От В<иктора> С<ергеевича> нет ничего. И от Вас про него ничего не получал. Видно, у них там что-нибудь не ладно, пахнет чем-то зловещим, не антихрист ли народился на «Слово Божие» – он ничего ведь не отвечал??? Как *Вам* это «Слово» показалось? Да и здоровье у него папиросное, мучаются, мучаются много зря, а единое нужно на потребу – мир и благоволение, а остальное всё приложится.

Простите. Не забывайте когда.

Письмо Ваше получил.

12 марта.

23. А. А. БЛОКУ

3 апреля 1909 г. Дер. Желвачёва

Из «Бодрого слова» получил 23 руб. Очень за них благодарен, они кстати подошли. Писал я что-то Вам про «Черные маски» несуразное. Спутал два текста в один и разобрался, когда письмо уже было заклеено. Думаю написать Вам подробно вскоре. Что нового у Вас? Извините за беспокойство.

Любящий Вас Н. К.

24. А. А. БЛОКУ

Апрель 1909 г. Дер. Желвачёва

Благодарю Вас, дорогой Александр Александрович, что не забыли меня. Письмо я Ваше получил, и оно мне дорого — потому справедливо. В одном фальшь, что Вы говорите, что я имею что-то против Вас за тяготение Ваше к культуре. Я не знаю точного значения этого слова, но чувствую, что им называется всё усовершенствованное, всё покоряющее стихию человеку. Я не против этого всего усовершенствования от электричества до перечницы-машинки, но являюсь врагом усовершенствованных пулеметов и американских ошейников и т. п.: всего, что отнимает от человека всё человеческое. Я понимаю Ваше выражение «Не разлучны с хаосом», верю в думы Ваши, чувствую, что такое «Суета» в Ваших устах. Пьянящие краски жизни манят и меня, а если я и писал Вам, что пойду по монастырям, то это не значит, что я бегу от жизни. По монастырям мы ходим потому, что это самые удобные места: народ «со многих губерний» живет праздно несколько дней, времени довольно, чтобы прочитать, к примеру, хоть «Слово Божие к народу», и еще кой-что «нужное». Вот я и хожу и желающим не отказываю, и ходить стоит, потому удобно и сильно и свято неотразимо. Без этого же никак невозможно.

Я не считаю себя православным, да и никем не считаю, ненавижу казенного бога, пещь Ваалову Церковь, идолопоклонство «слепых», людоедство верующих — разве я не понимаю этого, нечаянный брат мой!

В одном я грешу, что пленяет меня «грусть несказанных намеков»; боюсь, что

«Люди придут и растратят
Золоторунную тишь,
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчут камыш».

А «одинокая участь светла, безначальная доля свята». Не знаю, как бы Вам пояснее, так хорошо выражено это Вами в отделе «Нечаянная Радость». И я люблю Вас заочно тихо, не спрашивая, «что» Вы такое есть. И не желать Вам мира, а я подразумеваю под ним высшую, самую светлую радость, – я не могу – сердце не дозволяет. Такой уж я человек зарожден, что от дум и восторгов и чаяния радости жизнь для меня разделена на два – в одном красота, «жемчуговые сны наяву», в другом нечто «Настоящее», про что говорить я не умею, но что одно со мной нерушимо, но что не казенный бог или «православие».

Дорогой мой Александр Александрович, буде Вам тяжело валандаться со мной, то Вы напишите мне об этом и простите меня. Не омрачайте Духа своего моей серостью.

В<иктор> С<ергеевич> говорил мне, что Вы больно впечатлительный и милый и что я должен показывать Вам свои стихи. Но если для Вас это нудно, то не откажите хоть передавать всё присылаемое В<иктору> С<ергеевичу>. Вам кажется странным, что Вы не знаете меня в лицо, а мне ничуть, я часто вижу Вас в своем внутреннем храме ровно таким, каким Вы чуетесь в письмах. Мне слышно, что Вам тошно от наружного зла в жизни – это тоже знак благополучия, и радуюсь этому я высоко. Настоящее в человеке делается из ничего, это-то ничто и есть Всё. Желаю Вам большого Духовного страдания, «чтобы услышать с белой пристани Отдаленные рога», и на этот путь «если встанешь – не сойдешь, и душою безнадежной Безотзывное поймешь». Не мне бы говорить Вам об этом, но так хочется сказать Вам что-либо, от чего не страшна бы стала «пучина темных встреч».

Присылаю Вам еще стихов и буду ждать ответа нетерпеливо и о присланных с «полулистом» тоже. Не забудьте упомянуть, *какое* стихотворение помещено в «Лебеде» и пошлет ли деньги «Золотое руно» за те стихи. Не можете ли Вы прислать мне этот № 10, так жадно хочется читать, но чтение взять негде. Все эти просьбы исполняйте, если они для Вас не сопряжены с неудобствами, если же они *чуть* неудобны, то и не нужно Вам беспокоиться и простите меня за них...

Любящий Вас – НК.

Адрес прежний.

Не знаете ли Вы, где Семен Федорович Быстров? Кажется, Вы знакомы с ним?

25. А. А. БЛОКУ

Начало июля 1909 г. Дер. Желвачёва

Насилу дождался возможности написать Вам, дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>. Стосковался я по Вам очень. – Не видали

ли в далеких краях В<иктора> С<ергеевича>? Как он поживает? Как бы мне хотелось сказать ему кое-что. Чтоб не кручинились они попусту, милые, милые люди. Что нужно забыть «кто горд и зол, что тучи вдали встают, и слышатся песни далеких сел, что плачет сердце, просится в бой, зовет и манит». Ах, дорогие мои, милые люди! Сколько раз я говорил про то, что теперь исполнилось. Дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>, будьте светлы, властной ненужности не подчиняйтесь. Безбрежно счастье смотреть в глаза белому сиянию жизни.

В мае получил письмо из «Золотого руна» — просят написать статью «Интеллигенция и народ». Извиняются, что денег за стихи в № 10 потому не высылали, что не знали адреса. — Теперь, т. е. 6 мая, некто Г. Таставен распорядился, чтобы выслали, но вот уже два месяца, а их нет. Чтó бы написать, что интересно чистой публике знать про интеллигенцию и народ, а так я не знаю. Разницы всякие по воздуху ловить — мукушка одна. Да и стоит ли овчинка выделки? Вот если бы оказалась возможность пожить в Питере, то чувствую, что написал бы. Низко кланяюсь и жду ответа. Адрес старый. Если что мое в «Лебедь», «Слушай, земля», и какое стих<отворение> в «Бодрое слово»? Очень хочется знать. Получили ли до отъезда мое письмо со стихами: «Поэт», «Предчувствие», «Змей», «Прельщение»?

Мир Вам.

26. А. А. БЛОКУ

4 сентября 1909 г.
Дер. Желвагёва

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович, пятый месяц пошел, как не получал я от Вас весточки. Послал в Подсолнечную заказное письмо, получили ли Вы его? Очень мне хочется знать, видали ли Вы В<иктора> С<ергеевича>? Я получил из тех краев очень нехорошее письмо — и тяжелое для сердца. Необходимо также мне узнать, какое отношение, кроме литературного, имеете Вы к В<иктору> С<ергеевичу>?

Всегда Ваше долгое молчание почему-то мне кажется зловещим и так тяжело становится и даже одиноко на душе, что со мной очень редко бывает. Не забывайте меня. Жду от Вас письмеца.

Любящ<ий> Вас Н. Клюев.

Я по-прежнему стихи пишу.

4 сентября.

27. А. А. БЛОКУ

Конец сентября 1909 г.
Дер. Желвачёва

Дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>. Я очень обрадован Вашим письмом, благодарен за теплоту Вашу. Писал бы Вам больше, но боюсь наболтать негожее. За последнее время так и не хочется говорить. Буду молчать. Не знаю, верно ли, но думаю, что игра словами вредна, хоть и много копошится красивых слов, — позывы сказать, но лучше молчать. Бог с ними, со словами-стихами. Буду бороться с ними. Присылаю Вам еще, быть может, последние. Будьте добры написать, *какие* стих<отворения> мои напечатаны в № 5 «Бодрого слова» и «Лебеде» и предполагаете ли из новых поместить что и что это за «Новый журнал для всех», имеет ли он общее со старым «Ж<урналом> для всех»? И, простите назойливость, что это за грусть мутная в Вашем последнем письме — куда сокрылась «Нечаянная Радость»? Дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович> — неверно то, что в хаосе нет света своего, «Покорности» умиленной. Радуйтесь. (Жду ответ поскорее.)

28. А. А. БЛОКУ

4 ноября 1909 г.
Дер. Желвачёва

Получил Ваше письмо из Шахматова и в конце сентября отписал по петербургскому адресу — получили ли Вы что?

Жду не дождусь от Вас письмишка, вот уже почти два месяца, но не унываю и всё жду, жду... Желаю Вам доброго от любви моей.

Адрес старый.

1909 г. Ноября — 4.

29. А. А. БЛОКУ

29 декабря 1909 г. Дер. Желвачёва

Дорогой Алек<сандр> Алек<сандрович>, после Вашего письма из Шахматова пишу Вам третье письмо по старому петербургскому адресу. Четвертый месяц от Вас не слыхать ничего, верно, Вы меня совсем забыли, но страшно не хочется верить в это. Не допускается

мысль, что это разрыв духовный меж нами. Так хорошо бывает на душе от Вас, и этого жалко — смертно. Всего Вам светлого, дорогой Александр Александрович. Я живу по-старому, т. е. в бедности и одиночестве наружно. Услышьте меня на этот раз — потрудитесь написать что-либо. Радуйтесь. Любящий Вас.

Н. К.

Адрес прежний.

29 декабря 1909.

30. А. А. БЛОКУ

22 января 1910 г. Дер. Желвачёва

Здравствуйте, дорогой Александр Алек<сандрович>. Получил Ваше письмо от 11 января. Оно резко, но не отличимо от прежних. Если бы Вы не упоминали почти в каждом письме про свое барство, то оно не чувствовалось бы мною вовсе. Бедный человек, в частности крестьянин, любовен и нежен к человеку-барину, если он заодно с душой-тишиной, т. е. с самой жизнью, которую Вы неверно зовете елейностью. Эта тишина-жизнь во всех людях одна, у бедных и неученых она сказывается в доброте, ласке, у иных в думах, больше религиозных, у иных в песнях протяжных, потому что так ощутительней она. Так поют сапожники за работой, печники, жнецы, ямщики и т. д. У ненуждающихся и ученых, когда наука просто надоест, а это в большинстве так и бывает, живущая в человеке Тишина проявляется (как это ни странно) тоже в думах. Но думы всегда певучи, красочны — отсюда музыка и живопись, и живопись и музыка вместе — это книги — проза и поэзия. Есть премия-картинка к Всеобщему календарю Сытина — «Свят. Николай спасает от смерти трех невинно осужденных граждан», прибавка «с картины Репина». Вероятно, эта картина нарисована наперво барином, но глядя на нее не помыслишь, что это *затея*, и как сквозь туман видишь не усы колечком, не гусиное мясо, а «Лик», беру на себя смелость прибавить: родной, общедушевный. (Чтобы полюбить, что за этой картиной, необходима тишина и в обыкновенном значении.) В Питере мне говорили, что Ваши стихи утонченны, писаны для брюханов, для лежачих дам, быть может, это и так *в общем*, но многое и многое, в особенности же «Тишина» их, какие-то жаворонковые трепеты, переживанья мгновенные — общелюдски, присущи каждому сердцу. Ведь в тех же муках рождала и простого человека мать, так же нежно кормила у груди («пришлецы» из «Неч<аянной> Рад<ости>»), и исчезает «род пре-

зренья», а уж «кто-то ласковый рассыпал золотые пряди, луч проник в невидимую дверь».

И Ваше жестокое: «Я барин — вы крестьянин» становится пустотой — «*новой ложью*», и уж не нужно больше каяться» (что Вы каялись раньше мне почему-то не узнавалось). И верится, что «во тьме лжи лучится правда» (слова из вашего письма). Быть может, Вам оттого тяжело — что время летит, летит... или что я хорошо думаю о Вас, но не вскрывайте себе внутренностей, не кайтесь мне, не вспугивайте то малое, нежное, что сложилось во мне об Вас. *Говорить про это много нельзя, иначе истратишь слова, не сказав ничего.* Понимаю, что наружная жизнь Ваша несправедлива, но не презираю, а скорее жалею Вас. Никогда не было в моих помыслах указывать Вам пути и очень прошу Вас не считать меня способным на какое-либо указание. Желание же Ваше «выругать» не могу исполнить, — слишком для этого Вы красивы. Желаю Вам от всего сердца Света, Правды и Красоты новой, здоровья и мужества переносить наружные потери жизни. Крепко желается не забыть Вас. Не отталкивайте же и Вы меня своей, быть может, фальшивой тьмою. Сам себя не считаю светлым, и Вы не считайте меня ни за кого другого, как за такого же. Всякое другое мнение Ваше для меня тяжко. Если я Вас огорчил этим письмом окончательно, — то не огорчитесь моей старой просьбой о книгах стихов Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Гип<п>иус, какие Вам не трудно. Всего Вам светлого. Без презрения любящ<ий> Вас Клюев.

1910 г. 22 января.
Жду ответа.

31. А. А. БЛОКУ

14 марта 1910 г. Дер. Желвачёва

Получил книжку стихов, за что очень благодарен. Радуюсь, что мои слова утешительны для Вас. Желал бы дарить Вас радостью большей — Любимый. Всегда поминаю Вас светло, так как чувствую красоту и правду Ваши.

Дивлюсь стихотворению Сергея Городецкого — «Ну-ка, сердце, вспоминай...», по-моему, он весь в этих словах — весь, как куст белой калины — утренней, росной — «у тесового крута крыльца на беду девичью срощеный». Как Вам кажется?

Остаюсь в неизменности с горячим желанием Вам — надежд и радости.

14 марта 1910 г.

32. А. А. БЛОКУ

Апрель—май 1910 г. Дер. Желвачёва

Дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>, я Вашу книжку стихов получил давно — и давно уже сообщил Вам об этом открытым письмом. Хочется Вам сказать, что Ваше недоумение насчет своего барства и моей простоты поверхностно, ложно. Как пример — это известный вам писатель Леонид Дмитриевич Семенов. Вы, кажется, вместе учились. Он ведь тоже барин потомственный, — а иначе не обращается ко мне как к брату и больше чем близок душе моей. Еще, может, Вы не забыли Александра Добролюбова. Ваши стихи о Прек<расной> Даме подарены ему Вами с надписями как другу. — Он то же самое. Он во мне, и я в них — и духовно мы братья. Ваш же, живущий во мне образ, — не призрак, а правда моя. Я видел и побои, и пинки — их легче сносить, чем иногда слово простое, будничное — от которого иногда разреветься недолго, а такие ведь слезы никогда не остаются неотомщенными, хотя бы и невидимо. Жизнь Вам и радость.

Николай Клюев.

33. А. А. БЛОКУ

Июнь 1910 г. Дер. Желвачёва

Вновь потянуло написать Вам, дорогой Ал<ександр> Ал<ександрович>. Что напишется, то хочется нестерпимо показать Вам. Хоть пишу я теперь и редко. Кажется, мало-помалу, быть может, отвыкну вовсе. А пока, что напишется, то всё еще дорого и мучительно. Мне прямо стыдно больше беспокоить Вас, но иначе пока нельзя. — Все мои петерург<ские> друзья рассеялись или рассеяны и уж пишут мне не о стихах, а всё спрашивают и спрашивают, и я мучусь, что не могу рассказать им о Нечаянной Радости — о свете, который и во тьме светит. Вас я постоянно поминаю и чувствую близким, родным и очень боюсь, как бы не солгать Вам чего бессознательно — помимо воли. Я писал Вам о стихах С. Городецкого из Вашей книги. — Простите меня за слова!.. Напишите, прошу, об этих моих стихах. И еще: какие мои стихи помещ<ены> в «Бодром слове» № 5 за 1909 г. Всего Вам светлого.

Любящ<ий> Вас Н. Клюев.

Я всё не могу отделаться от тюремных кошмаров, как-то невольно пишется всё больше о них.

34. А. А. БЛОКУ

7 сентября 1910 г. Дер. Желвачёва

Приветствую Вас, дорогой Александр Александрович. Вновь затосковал по Вам, что не слышно Вас, всё нет от Вас весточки, хотя бы и с сомнениями и раздражением. Послал Вам в Питер заказное письмо в июне, получили ли Вы его? Теперь боюсь присылать Вам свои стихи, чтобы не подумали Вы, что ради их я тоскую по Вам. Да и не пишу я теперь почти вовсе. Виктор Сергеевич половину чего-то (как будто) увез с собой... И теперь горько. Свет Вам и жизнь весенняя. Не огорчайтесь на меня за слова — я не в них. Жду от Вас слов Ваших — радостно и любовно. Еще раз приветствую. Адрес прежний.

Н. К.

35. А. А. БЛОКУ

5 ноября 1910 г. Дер. Желвачёва

Дорогой Александр Александрович, благодаренье Вам за Ваши слова ко мне — любезные моей душе. Статью Вашу о современном состоянии русского символизма прочел, но по темноте своей многого не уразумел, не понял отдельных, неизвестных мне слов вроде: теурга, Бедекера, конкретизировать, теза и антитеза, Беллини и Беато, Синьорелли, но чувствую что-то роковое в ней для вообще символистов, какой-то трубный звук над полем костей. Отсюда заключаю, что в области русского художественного слова что-то, действительно, не ладно. Насколько я знаком с этим словом, а знаком я с ним смутно, оно, по-моему, за малым исключением, выдумывается людьми, не сообразующимися со средствами своего таланта, стремящимися сказать больше своего пониманья, людьми, одержимыми злой грезой построить башню до небес. При таком положении дела, т. е. когда вместо, как предполагалось, величественного здания, вырастают только бесчисленные «шаткие леса» и происходит то, что Вы зовете «глухой полночью искусства», — смешение языков, такое состояние, при котором внешний человек перестает понимать внутреннего и наоборот. Когда утрачен мысленный чертеж постройки, а упорные думы не хотят вспомнить его. Страшный, зловещий час. (Мгновенье, — остановись!) Безмолвие, холод и дым. И над бездной жалкие и жадные строители. *Если действительно это так*, то строителям ничего не остается делать, как «спасаться», — побросать циркули и молотки, все предумышленные вычисления и схемы, спуститься в зеле-

ный дол и, не оглядываясь, рассеяться каждому в свою отчизну. Отчизна простит им прошлое, а о будущем пусть сердце не плачет:

«Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный всадник прискачет...»

Творчество художников-декадентов, без сомнения, принесло миру более вреда, чем пользы. Самая дурная сторона их — это совершенная разрозненность с действительной жизнью, искажение правды жизни по произволу, только для проведения непонятых даже самими авторами, ложных в действительности мыслей (напр<имер>, о Боге, о любви, о Мировой душе). Если такие мысли и действовали на людей, то всегда губительно, возбуждая в них чудовищные, неисполнимые устремления, разжигая, например, и без того похотливую интеллигентскую молодежь причудливыми и соблазнительными формами страсти, выкроенной авторами из собственных блудливых подштанников (подобные неисполнимости могут быть причиной самоубийства). Бог же и Мировая душа не могут быть предметом каких бы то ни было художественных описаний, которые только запутывают, затемняют и порождают ложные мысли о величайшей тайне в Мире. Тайну эту нельзя выразить ни аллегорией, ни так наз<ываемыми> новыми словами, ни тонкостью образов, ничем, по единственной причине ее несказанности. Сказаться же душой без слова, о чем, как говорите Вы, мечтает каждый художник, — может только Сын разуменения — Человек, уразумевший единую душу во всем, прозревший, что весь род человеческий одно, что отдельные видимые люди — есть бесчисленные, его же собственные отражения в зеркале единой души (хоть это и не точно).

Только при таком прозрении, а это дело мгновения, человеку всё понятно без слов, потому что уже не нужны и даже вредны. Современные словесники-символисты, пройдя все стадии, все фазы слова, дошли до рубежа, за которым царство молчания — «пустая, далекая равнина, а над нею последнее предостережение — хвостатая звезда», поэтому они неизбежно должны замолчать, что случалось и раньше со многими из них, ужаснувшихся тщете своих художнических исканий. Как пример: недавно замолчавший Александр Добролюбов и год с небольшим назад умолкший Леонид Семенов. Человеческому слову всегда есть предел, молчание же беспредельно. Но перейти за черту человеческой речи — подвиг великий, для этого нужно иметь великую душу, а главное — веру в жизнь и благодаренье за чудо бытия — за милые лица, за высокие звезды, за разум, за любовь... Познание же «Вечной красоты» возможно только при освобождении себя от желаний Мира и той наружной, ложной красивости, которая

людьми, не понимающими жизни, выдается за творчество, за искусство. Странным, конечно, покажется, что я, темный и нищий, кого любой символист посторонился бы на улице, рассуждаю про такой важный предмет, как искусство. Но я слушаюсь жизни, того, что неистребимо никакой революцией, что не подчинено никакой власти и силе, кроме власти жизни. И я знаю и верую, что близок час падения Вавилона — искусства пестрой татуировки, которой, через мучительство и насилие, размалевали так наз<ываемые> художники — Мир. Явить себя миру можно только двумя путями: музыкой слова и подвигом последования Христу, как единственному, воплотившему в себе совершенную Красоту и Истину, чтоб через Него проявить свое всеединство, свою сущность, стать подобным Отцу, как говорит Евангелие. Я сказал: «Музыкой слова». О, если б только музыкой! Не всё ложь, что скажется, ибо язык человека — грубый и несовершенный инструмент, — пустая бочка с натянутой вместо днища свиной кожей, в которую бьют дикари, как в барабан при своих плясках вокруг костра. Остается одно: воздыхание неизреченное... молитва всемирная... сожаленье бесконечное... Но такое душевное состояние, Христово настроение несовместимо с каким-либо художественным творчеством в здешнем мире, недаром Христос — величайший Художник, чудо тогдашнего искусства, Иерусалимский храм, не пожалел обречь на разрушение, чтоб воздвигнуть его в Вечной Красоте в душах людей. Христос похерил изреченную красоту — «и вот осталась нежность линий, и в нимбе пепельном чело», то светлое молчание, невыразимая красота, которая сквозит в русской природе и в нашем мужике в пору его юности и глубокой старости. Вглядывались ли Вы когда-нибудь в простонародную резьбу, например, на ковшах, дугах, шеломках, на дорожных батожках, в шитье на утиральниках, ширинках, — везде какая-то зубчатость, чаще круг-диск и от него линии, какая-то лучистость, «карта звездного неба», «знаки Зодиака». Народ почти не рисует, а только отмечает, только проводит линии, ибо музыка линий не ложна, краски же всегда лгут. Душу народного искусства, сознательно или бессознательно, силится проявить в своих стихах Сергей Городецкий, но слово не резец, и оно вовсе в этой области не приложимо, и если бы Городецкий вырезывал дуги и ложки, то был бы прекрасным, ибо его душа живет в линии и народное искусство безглагольно. Вы скажите: а песня? На это я отвечу так: народная песня, наружно всегда однообразная, действует не физиономией, не словосочетаниями, а какой-то внутренней музыкой, опять-таки линией, и кому понятен язык линий, тому понятна во всей полноте и народная песня. Художники не познают Вечной красоты до тех пор, пока не плюнут и не дунут на Сатану, не отрекутся мира и того ложно-

го искусства, которым они тешат себя и князя воздушного. Но так как они собственной кровью расписались в верности Зверю, то не могут верить в неизреченное, не могут быть творцами невидимого и должны устыдиться своей дурацкой болтовни о таких вещах, как Бог, Мировая душа, Красота и Любовь. Храм невидимый не для самопоклонников, каковыми являются вообще художники, они же должны удовольствоваться только наружной жизнью — «фатерой» с пыльным, загрязненным окном-мыслью, за которым чуть сквозит таинственный, прекрасный мир, где место не земному слову, ни даже музыке линий, а только единому «Есмь».

Ноября 5 дня 1910 г.

Простите меня, если этим письмом сделал Вам больно. Но не могу иначе, милый... Если бы я послушался верхней души, то написал бы обратное, написал бы благодаренье за очарованье сказкой, которую подарили символисты Мир, про любовь к сладким звукам... Как плод этой верхней души прилагаю свои стихи. С печалью и тоской посылаю я Вам это письмо. Знаю, что не всё сказано им, но не смею и не умею сказать про неизвестный символистами мир, мир молитвы...

Дорогой мой братик, я в постоянных муках сам с собой и на видимой бумаге все-таки лгу — простите меня за это. Напишите мне, что это за «служение» — которое Вы упоминае<те> в письме, говоря про самих себя? Вы ведь больше, милый, знаете, и мне очень тяжело про что-либо Вам высказываться, но из любви к Вам все-таки написал и в этот раз. И хоть горько, но почему-то желается, чтоб оно (письмо) пропечаталось где-либо. Быть может, оно в ком и пробудит что-нибудь. Тяжело мне, если огорчитесь Вы. Не можете ли мне сообщить адрес какого-нибудь недорогого журнала, где бы были Ваши стихи. Я ведь ничего не читаю и ничего не знаю, а так бы иногда хотелось узнать — почитать!

Жизнь Вам и радость! Приветствую Вас лобзанием невидимым.

(Будут ли эти стихи где напечатаны?)

Очень больно иногда без книг.

Тяжело утруждать Вас, но приходится просить еще о книгах поэзии — Брюсова, Бальмонта, Надсона, А. Белого, Сологуба, «Иней» Соловьевой, Тютчева, из них *только не трудных* для Вас. Все надежды на Вас — услышать, как пишут эти поэты.

Я стараюсь следовать Вашему совету писать короче и не повторяться в одном стихе — заметно ли в этих стихах? Нравится ли Вам посвященное стих<отворение> «Верить ли песням твоим?», как бы мне хотелось, чтобы его напечатали! Чем дальше я пишу, тем явственней становится какое-то незнакомое страдание, — когда пишу Вам, то легче. Не огорчайтесь просьбой о книгах.

36. А. А. БЛОКУ

3 апреля 1911 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Брат Александр, жизнь тебе и радость. Не знаю почему, за последнее время часто вижу тебя или ты мучишься много, или наоборот — перестал стремиться к Высшему. Прошу тебя — сообщить мне на мое письмо, которое вызвано твоей статьей о символизме. Много ли, по-твоему, в нем правды или полное невежество и тьма? Я же остаюсь неизменным к тому малому прекрасному, которое получил от общения с тобой, и вижу в этом не свою волю.

Приветствую тебя лобзанием любви. Твой брат Николай. Адрес: Станция Мариинская, Олонецкой губ<ернии>, Вытегорского уезда.

37. А. А. БЛОКУ

Август 1911 г. Москва

Дорогой Александр Александрович.

Я в настоящее время нахожусь в Москве, здесь мне предлагают издать мои стихи, которые получше. Обещают выполнить все мои желания по изданию. Книжку обещают издать красиво, и издатель, говорят, очень богатый. Спрашиваю у Вас совета. Мне почему-то немного тревожно, но меня уверяют, что книжка моих стихов в настоящий момент нужна и найдет много читателей. Также сулят написать об ней в двух-трех газетах... Если Вы посоветуете, то желаю я в духе своем посвятить книгу Вам — «Нечаянной Радости» и прошу Вас написать хотя бы маленькое предисловие. Озаглавить книгу (стихи) я предлагаю так:

Николай Клюев.
Сосен перезвон.

Не то, что́ мните вы, — природа!
Ф. Тютчев

Адрес мой: Москва, Новослободская улица, дом № 13, кв. 9.
Редакция журнала «Новая земля» Н. Клюеву.

Жду скорого ответа, так как пробуду здесь недолго. Приветствую Вас в любви.

Н. Клюев.

38. А. А. БЛОКУ

22 сентября 1911 г. Петербург

Я (Клюев) в настоящее время нахожусь здесь. Пробуду очень недолго. Буду весьма огорчен, если не удастся увидеть Вас. Если можно, то сообщите, когда можно к Вам зайти.

Мой адрес: Садовая улица № 112–114, кв. 1. Н. Клюеву.

39. А. А. БЛОКУ

Около 30 ноября 1911 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Александрович.

Это мое приветствие к Вам уже не имеет характера «С добрым утром», ибо воочию убедился, что Вы спите, хотя и не в зачарованном замке, как думается с первого взгляда. И кажется Вам, что всё еще ночь в мире и еще далеко до того, когда наступит день, и что два необъятных привидения, Убийство и Чувственность, бродят по всей земле и называют ее своею. Тщетно я подбрасываю сучьев в свой одинокий лесной костер, чтобы огонек его стал виден Вам в пустыне Вашей Ночи и чтоб почувствовали Вы, что он приводит на грудь брата. Все мои письма и слова к Вам есть раздувание этого костра, – я обжег руки, на губах у меня пузыри и болячки, валежник и сучья разорвали мою одежду... Но сон обуял Вас. Мнится Вам, что Мир во власти демонов. Демоны кишат, рыщут в безднах ночи и, покорные Вашей воле, приносят Вам то аметист, то священного скарабея. На самом же деле происходит следующее: в сером безбрежье всерусского поля, где синь-горюч камень, ковыль-трава и ракитов куст, чарым сном спит прекрасный Иван Царевич. В шумучих ковылях теряется дикий шлях – путь искания возлюбленной (Прекрасной Дамы) и с какой-нибудь Непрядвы или речки Смородицы доносятся лебединые гомон и всплески. Далеким-далеко, за нитью багровой заряницы, скоком-пóходом мчится серый волк: несет воду живую и мертвую. И не демоны ширяют в дымных воздухах, а курганное воронье треплет ши́банками (крыльями), клюет падаль-человечину: то белую руку со златым кольцом, то косицу с жарким волосом молодецким. За синим бором, на ровном месте (как хлеб на скатерти) идет побоище смертное, правый бой с самим Диаволом...

И зигзица прокуковала *тридцать годов* судины. Пора вставать Прекрасному на резвы ноги, да заломил Враг отступную дань – не-

много-немало — душу из белой груди. Мается маятой смертной в Кощеевом терему Царевна: чья возьмет?..

Топится воск в малой келье на бору. Истекает смоль-душа — Спасу в дар приносится: «прими, Господи, за грехи наши». И «сосен перезвон», как колокол, красное яйцо сулит, — белую вербу, ключевую воду, частый гребень, вороná коня, посвист удалецкий, зазнобу — красную девицу...

Я знаю, что Вам опять это письмо покажется неверным, опять заговорите Вы в лермонтовском «и скучно, и грустно», но мне теперь видно Ваше действительно роковое положение, так как одной ногой Вы стоите в Париже, другой же — «на диком бреге Иртыша». Отсюда то тяжелое и нудное, что гнело нас при встрече и беседе друг с другом. Я видел Вас как-то накосо, с одного бока, и тщетно пытался заглянуть Вам прямо в лицо, то отдаваясь течению Ваших слов в надежде, что (как это иногда бывает) оно прибьет к берегу, то окликая Вас Вашим тайным, переживаемым. Напрасно! Даже Ваш прощальный поцелуй был (если не из физического отвращения) половинчат и не унесен мною в мир. Ясно, что такие люди, как я, для Вас могут быть лишь материалом, натурой для Ваших литературных операций, но ни в коем случае не могут быть близкими, братьями. Доказательством этому служит Ваше признание, что Вы творите не для себя в другом человеке, а во имя свое, т. е. как Бог, и не знаете, боитесь поверить, что Ваше «я» вовсе не Ваше Я, а наполовину мое «Он», Тот, Кого назвать я не умею и не смею, и еще: вещи, которые меня волнуют настолько, что под тяжкой улыбкой приходится скрывать слезы, Вами встречены даже с иронией, с полным недоверием. (Помните за обедом я заикнулся о Прощении, и Вы засмеялись в ответ.) Всё это открыло мне, что Вам грозит опасность, что Ваше творчество постольку религиозно а, следовательно, и народно, поскольку далеко всяких Парижей и Германий и т. п. Повторяю, что моя беседа с Вами была сплошной борьбой с иноземщиной в Вас. Я звал Вас в Назарет, — Вы тянули в Париж, я говорил о косоворотке и картузе, — Вы бежали к портному примеривать смокинг, в то же время посылая воздушный поцелуй и картузу, и косоворотке. Такое положение долго продолжаться не может, а если и продолжится, то вскоре Мир увидит вместо Ивана Царевича «Идолище поганое», нового бога с лицом быка и спиной дракона. В тот день безумства и позора дунет Дух и велико будет падение идола, и Вечная Зима (которую Вы уже слышите в «Земля в снегу») дохнет метелью и мраком на светлый рай Ваш...

В настоящий вечерний час я тихо молюсь, да не коснется Смерть Вас, и да откроется Вам тайна поклонения не одной Красоте, которая

с сердцем изо льда, но и Страданию. Его храм, основанный две тысячи лет тому назад, забыт и презрен, дорога к нему заросла лозняком и чертополохом; тем не менее отважьтесь идти вперед! – На лесной прогалине, в зеленых сумерках дикого бора приютился он. Под низким обветшалым потолком Вы найдете алтарь еще на месте и Его тысячелетнюю лампаду неугасимо горящей. Падите ниц перед нею, и как только первая слеза скатится из глаз Ваших, красный звон сосен возвестит Миру-народу о новом, так мучительно жданном брате, об обручении раба Божия Александра, – рабе Божией России.

В этом смысле понимайте и название моей книжки, всецело обращенной к Вам. *Простите меня за беспокойство, которое я причинил Вам своим посещением.* Если найдете удобным, то покажите это письмо С. М. Городецкому, так как ничего другого в настоящее время я ему сказать не имею. Что он написал (как говорил) обо мне в газете «Речь»? Спрашиваю Вас, воздержаться ли мне писать о Вас в «Аполлон», о чем есть оттуда просьба ко мне? Не могу больше писать, очень еще слаб после болезни. Было воспаление легких, в боку еще очень колет и кашель страшный.

Жизнь Вам и Прощение.

Освящайтесь, просветляйтесь и прославляйтесь.

Остаю<сь> в любви Н. К.

О моей книжке ни слуху ни духу. Видимо, меня книгоиздательство «Знаменский и К°» обмануло и теперь не хочет знать. Не высылают ни книг, ни денег, хотя и есть на это писаный договор. Обидно и противно об этом говорить, но мне тут ничего не поделать. Вся надежда на Вас: быть может, Вы потрудитесь написать два слова по адресу: Москва, Грузинская, дом № 3, книгоиздательство «Знаменский и К°». Только это и подействует на них, так как они боятся Вас. *Очень прошу об этом.*

40. В. Я. БРЮСОВУ

Около 30 ноября 1911 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Извините за беспокойство, но меня потянуло написать Вам. При свидании с Вами я чувствовал только род боязни к Вам и прятался от Вашего света, принимая его за соблазн. Но теперь, прочтя «Пути и перепутья», я необыкновенно остро сознаю утрату, т. е. то, что я бежал от Вас, приняв общечеловеческое за господина в визитке, Прометеев огонь за костер шабаша. Не хочу упоминать имен, но случившееся со мной открыло мне, что мое бегство от повсюду проникающего крас-

ного света «новой звезды на востоке» есть бегство вымирающих пород животных в пущи, в пустыни и пещеры гор, — всё дальше, всё вперед... Но бежать больше некуда. В пуще пыхтит лесопилка, в ущельях поет телеграфная проволока и лупеет зеленый глаз семафора. — И чтобы не погибнуть, нужно если и не идти встречу «Красному Рыцарю», то забежать в тыл Ему, — в полосу сравнительного затишья. Я избираю последнее. И вот кожаный пояс на чреслах моих и в руке грубое тесло, как бы у ученика-каменотесца...

Умолчу об остальном, скажу только, что первые слабые и неискусные удары моего долота коснулись Вашего слуха, и как бы на дикой гранитной глыбе видели Вы след строительных усилий моих (щербины, зазубрины и борозды — мои стихи). Я подавлен величиной данной мне глыбы, — она подобна утесу, сера и кремниста, в ней тысячи пудов, и ни я сам, никто другой не знает, чем станет она (облака над нею как дымы, и ветер вокруг смолист и горек как куренье). Говорю так, потому что через прикосновенье к Вам получил крепость и утверждение — сознанье того, что опасно держать огонь за пазухой, — прописным молчаньем жечь себе внутренности. И еще потому, что яснее, чем эти строки, вижу свет и могущество Ваши. Прозрение сего родило во мне Благоговение и, быть может, больше, чем кому-либо, дало мне право выразить Вам любовь свою.

«Пути и перепутья» потрясли, обожгли душу мою, и сладко нежащий вещий страх обуял меня.

И в настоящий вечерний час, когда на всем заревая желтизна, за обледеневшей оконницей треплется под ветром мшистая прадедовская рябина, сидя за пряжей вздыхает глухая мать, — жалуется Богу на то, что дочь ее «ушла в Питер», и захожий старик-ночлежник строгим голосом, в который раз, заводит рассказ о том, как его сына Осипа «в городе Крамштате в двадцать ружей стрелили», я простираюсь Духом по лицу Матери-России, зырянских зимовок до железных грохочущих городов. И золотым гулом захлёбывается Дух мой. Ибо надо всем Заря — Безглагольное Золотое Прощение. И уж не вечеровая желтизна, а свет Вашей рабочей лампы за моим окошком... Не могу больше писать, — очень еще слаб после болезни. По дороге простудился, лежал почти три недели. Чуть не помер. В боку очень колет, и харкотина прямо задушила.

Жизнь Вам и радость. Приветствую Вашу жену и ту барышню, которую я видел у Вас. Жизнь всем.

Остаюсь в любви Н. Клюев.

Присылаю пять своих стихот<ворений>. Быть может, и найдете их годными для «Русской мысли». Вышла ли моя книжка стихов? Я ничего об ней не слышу. Писал своему издательству «Знаменский и К°», но ответа не получил. Денег тоже, хотя и есть на это у меня писаный договор. Наверно, меня эта компания обманула и больше не

хочет знать. Обидно и противно говорить об этом, но мне-то тут ничего не поделать. Вся надежда на Ваше заступничество. Быть может, Вы потрудитесь сказать по телефону № 103-82 — книгоиздательство «Знаменский и компания», чтобы мне выслали должные деньги и 25 штук моих книжек. Только это и подействует на них, так как они не посмеют огорчить Вас. Кстати, самого В. И. Знаменского-студента знает поэт Сергей Соловьев. Причастны к этому издательству и профессора — Озеров и Коган.

41. А. А. БЛОКУ

30 ноября 1911 г. Мариинское

Сейчас получил «Ночные часы»: и так обрадовался, что на первых же страницах нашел те самые слова, которые написаны в этом заказном письме... Сейчас получил и «Сосен перезвон» — свою книжку, — изуродованную, с перепутанными стихами, и с не моими заглавиями, с множеством опечаток, и вдобавок с недохваткой многих непонравившихся издателю стихов. Видите, как с нашим братом церемонятся, что даже за свои книжки нужна плата. Напишите что-либо об ней. Очень буду ждать.

С любовью Н. К.

42. В. Я. БРЮСОВУ

30 ноября 1911 г. Мариинское

Дорогой Валерий Яковлевич, присылаю Вам свою книжицу, изуродованную до неузнаваемости, с перепутанными стихами, с множеством опечаток, с не моими заглавиями и с недостающими, потерянными издательством стихами. Книжки я выписал сам и получил их на почте, сдавая к Вам это заказное письмо. Простите меня, если я через свою книжку чем огорчил Вас.

Жадно, нетерпеливо жду от Вас ответ.

С любовию Н. Клюев.

43. А. А. АХМАТОВОЙ

Ноябрь—декабрь 1911 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Извините за беспокойство, но меня потянуло показать Вам эти стихотворения, так как они родились только под впечатлением

встречи с Вами. Чувства, прихлынувшие помимо воли моей, для меня новость, открытие. До встречи с Вами я так боялся такого чувства, теперь же боязнь исчезла, и, вероятно, напишется больше в таком духе. Спрашиваю Вас – близок ли Вам дух этих стихов? Это для меня очень важно. Или неужели я ошибся: ввел себя и Вас в ложное.

Еще хочется сказать Вам, чтобы Вы не смущались моей грубостью и наружной холодностью, которая так запомнилась Вам от нашего свидания в «Аполлоне». Я знаю, что Вам было нудно и неприятно, но поверьте, что я только и знал, что оборонялся от Вас – так как в моем положении вредно и опасно соблазниться духом людей Вашего круга. Только потому и приходится запереть свои двери...

Простите за слова. Жизнь Вам и Радость.

Жду ответа, только, пожалуйста, заказным письмом.

Николай Клюев.

Адрес: Почтовое отделение Мариинское, Олонецкой губ., Вытегорского уезда.

44. А. А. БЛОКУ

Конец декабря 1911 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

А<лександр> А<лександрович>.

Получил от Вас два заказных письма – ответ на мое письмо. В одном Вы пишете, что Знаменский ответил Вам, что деньги мне посланы, денег же я не получил никаких. Прилагаю к сему письмо дорогих для меня людей, из которых видно, как мучительно нужно сейчас сколько-нибудь рублей и как бы к месту была получка за книжку, дорогой Александр Александрович, ради малого хорошего, что мы с Вами нашли в самих себе и что связывает нас с людьми и с родиной, прошу Вас послать по прилагаемому адресу сколько для Вас не жалко. В письме Вы найдете строки: «У меня всё пожгли, всю солому – так что не осталось ничего, – не скотину кормить, не топить нечем». – Это ужасно, дорогой, мой милый, родной Александр Александрович! 5, 10, 15 рублей нужно немедля.

Адрес: станция Урусово, Рязанской губ<ернии>, деревня Гремячка, крестьянину Григорию Васильевичу Еремину.

На переводе поставьте мою фамилию, так как хоть там Вас и знают, но деньги, пожалуй, с Вашим именем отошлют назад. Не могу больше писать ничего и не успокоюсь, пока не получу ответа на деньги из Рязанской губ<ернии>.

Остаюсь в любви Н. К.

45. В. Я. БРЮСОВУ

3 февраля 1912 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Дорогой Валерий Яковлевич,

я давно послал Вам свою книжку и заказное письмо со стихотворениями и очень беспокоюсь, получили ли Вы их.

Я читаю и перечитываю «Пути и перепутья» и теперь в душе у меня много нового, невыраженного в посланном Вам заказном письме, которое хотя и неповторя<е>мо искренно, но (теперь я почувствовал) несколько грубо.

Простите меня за этот «род грубости» и верьте, что я запомнил Вас навеки — дружески крепко и братски нежно и еженочно думаю о Вас и чувствую к Вам какое-то доселе незнаемое влечение и простоту доверия.

Жадно, нетерпеливо жду ответа.

Остаюсь в любви Н. Клюев.

Низко кланяюсь Вашей супруге и прошу, если будет возможность, прислать мне обещанную книгу «Пепел» — А. Белого.

А. Белому я послал свою книжку на Ваш адрес. Очень хотелось бы знать, что слышно про «Сосновый звон» в печати и устно.

Адрес: Почтовое отделение Мариинское
Олонецкой губ.,
Вытегорского уезда.

46. А. А. БЛОКУ

Конец февраля — начало марта 1912 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Алек<сандр> Алек<сандрович>.

Я послал на Ваше имя письмо В. С. Миролюбову, очень прошу отослать его заказным письмом, я не умею написать иностранного адреса. Обращаюсь к Вам еще с просьбой: посоветуйте, что мне делать? «Новая земля» предлагает мне издать книжку стихов в духе «Песнь братьям» — в № 7—8 «Новой земли». Все чтоб были стихи в таком же роде — обещает за это триста рублей и просит отвечать немедленно, так как надо пропечатать в газетах, что будет за этот год к журналу приложена моя книга. Пишут так убедительно с заголовком: «Торопитесь делать добро», что мне как-то неловко ответить необоснованным отказом. Быть может, новоземельцы и искренне веруют, что мои песни

«отклик Елеонских песнопений». Я вовсе сбит с толку. По Москве распространяют мои письма, поют в Ямах мое стих<отворение> «Поручил ключи от ада...» и «Под ивушкой зеленой»... Не знаю, врут или правду пишут. Брюсов мне пишет, что я должен держаться «на занятом положении», одним словом, недоумениям моим нет конца. Книга предполагается с вступительной статьёй что ли епископа Михаила. Но беспокоит меня больше следующее: *не повредит ли мне книжка с такими песнями с художественной стороны?* Быть может, Вы прочтете в № 7—8 «Новой земли» одну песню – как образец предполагаемой книжки. Очень и очень прошу написать поскорее. Без Вашего же слова я не смею ни соглашаться, ни отказывать. Знаменский и К° Вам всё врет, денег я за «Сосновый звон» не получал. С Рязанской губ<ернии> ответа на 10 руб. не получил. Потрудитесь ответить мне насчет книжки – приложения к «Нов<ой> земле» и простите, что я Вас беспокою. – Вышла ли книга с Вашими статьями?

Н. Клюев.

47. А. А. БЛОКУ

16 марта 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Александрович, я получил Ваше письмо от 7 марта. Я не забыл Вас и всегда Вы у меня в сердце, не писал же я Вам, потому что остерегаюсь на белом мраморе Вашей залы наследить сапогами, в атмосферу левкоев и гиацинтов внести запах ночлежки. В общем же только из такой трепетной заботливости о Вашей радости – о Вашей белизне, святости – «прибелá».

Я был бы благодарен Вам, если б Вы сказали Руманову, что Знаменский обидел меня. Про свои обиды я уже привык говорить Вам и в этот раз не утаиваю ее. В Рязани 10 руб. получили. Спасибо. От Миролюбова на письмо получил.

В любви крепкой Н. К.

48. В. Я. БРЮСОВУ

16 марта 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Валерий Яковлевич!

«Новая земля» предлагает мне издать второй сборник стихов в духе журнала под названием «Братские песни». А. Блок советует из-

дать, говорит об этом твердо. Спрашиваю Вашего совета. Быть может, Вы потрудитесь прочесть в № 1—2 «Новой зем<ли>» мою «Братскую песню», чтобы знать, какой характер будет иметь книжка. Без Вашего совета я не решаюсь ответить Ионе положительно, а ему нужно печатать объявления, что моя книжка будет приложена к журналу за этот год. Очень прошу Вас ответить, что и как? — Одно письмо я получил от Вас в феврале. «Р<усскую> м<ысль>» получаю. Спасибо. Адрес старый.

Приветствую Вас.

Н. Клюев.

49. И. М. БРЮСОВОЙ

25 апреля 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Прошу Вас передать Валерию Яковлевичу, что я получил книгу «Зеркало теней» и тронут и взволнован таким вниманием. Каждая строка книги для меня так дорога... Теперь прошу Вас прислать мне «Пепел» Белого, как Вы обещали, Надежде Яковлевне я послал книгу Коневского и свою в Каргополь, но получила ли она их? Скоро выйдет вторая моя книга «Братские песни» в издании «Новой земли».

Адрес: станция Мариинское
Олонецкой губ., Вытегорского уезда,
Николаю Клюеву.

50. А. А. БЛОКУ

Апрель—май 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Я очень и очень тронут Вашим подарком — книгами. Пишу, и слезы застилают глаза, вспоминая первую встречу с «Нечаянной Радостью». Чем-то родным, извечным пахнуло на меня, когда я взял эту книгу в руки и все три поистине называю «Рекою жизни».

Целую Вас в сердце Ваше и прошу не смущаться моим молчанием, ибо я не перестаю дышать ароматом Вашим и говорил Вам из уст в уста, что «*мой Блок*» со мной и всегда и вовеки. Всё это слова не простые, но оправданные опытом, и потому я не скрываю их от Вас.

Жизнь Вам и слава, дорогой мой и единственный. *Где Вы будете летом?*

В любви крепкой Н. Клюев.

Что написал Гумилев в «Аполлоне» про «Сосен перезвон»? Просили ли Вы Руманова за меня, т. е. чтобы он воздействовал на Знаменского? Ведь Знаменский — человек богатый, книжка уже почти разошлась, срок уплаты февраль месяц, а за ним еще 125 руб. Огромная для меня сумма. Кроме того, есть слухи, что Знаменский напечатает еще две тысячи книжек без моего согласия и спроса. Что тут делать, я не знаю. Пусть Руманов подпишется на письме, что он — редактор «Рус<кого> слова» и «Бир<жевых> в<едомостей>». Это, думаю, подействует.

51. А. В. РУМАНОВУ

Июль? 1912 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Жизнь Вам и радость, дорогой Аркадий Вениаминович! Мне С. Г. передал от Вас поклоны и лишь так любо, что Вы не забыли меня.

Обращаюсь к Вам с насущной просьбой: не найдете ли возможности поместить в «Бирж<евых> вед<омостях>» и в «Русском слове» прилагаемое мое объявление о моей новой книжке. Журнал «Новая земля» очень беден, и Брихничев, издающий его, едва кормится с женой и тремя детьми, а потому и не может печатать объявлений за деньги.

Мне очень нудно беспокоить Вас необычайной для меня просьбой, но иначе нельзя.

Простите и не огорчайтесь, что я привязываюсь к Вам. Спрос, как говорится, не беда. Я было отправился в Рязанскую губ<ернию>, но наступил босой на гвоздь и наколол ногу, видно, Богу не угодно аль что иное, но пока сижу дома.

Очень бы хотелось получить от Вас весточку, а также крымский адрес С. Городецкого.

Остаюсь в любви живой Николай Клюев.

Как Вам показалась вторая моя книжка? Рязанцы так меня, кажется, разлюбят за книжки. Леонид взят в солдаты и теперь, вероятно, отправлен в Екатеринославль.

Адрес мой: Почтовое отд<еление> Мариинское Олонецкой губ<ернии>, Вытегорского уезда.

52. А. А. БЛОКУ

5 сентября 1912 г. Петербург

Дорогой Александр Александрович, я нахожусь в настоящее время в СПб и не могу уехать, не увидев Вас, когда Вам удобнее свидеться, — я приду.

Адрес: Усачев переулок, дом № 11, кв. 1. К. А. Ращепериной, для Николая Клюева.

С приветом Н. Клюев.

53. А. А. БЛОКУ

9 сентября 1912 г.
Петербург

Озеро Лаче, оказывается — по-местному зовется «Ляча», а не «Плача». О Данииле же с ним не упоминается, хоть я и знаю Даниила. Кажется, я согласился с Вами, что оно (озеро) Плача; это осталось во мне терпко, потому и спешу сказать Вам.

Н. К.

54. В. В. ГИППИУС

28 сентября 1912 г.
Москва

Я сейчас в Москве. Здесь очень хорошие люди около журнала «Новое вино». Я не мог не говорить о Вас и о Бестужеве. «Новому вину» очень, оказывается, близки Ваши слова — образ Ваш, поэтому прошу прислать что-либо из писаний Ваших, к тому же я уверен и уверяю, что Вы не откажетесь.

Очень уж я четко запомнил Вас, милый...

Жизнь Вам и свет в любви: Н. Клюев.

Адрес: Москва, Пименовская улица, дом № 31, кв. 28, журнал «Новое вино».

Письмо

С.-Петербург, Фонтанка, дом № 143, кв. 5 Сергею Городецкому, для Василия Гиппиус от Н. Клюева.

55. А. В. РУМАНОВУ

Октябрь—ноябрь 1912 г. Москва

Дорогой Аркадий Вениаминович, помогите моему горю. Дело в следующем: Вы ведь помните, что Иван Димитриевич Сытин видел меня у Вас и говорил, что переиздаст мою книжку «Сосен перезвон»; в надежде на слово Сытина я проехал в Москву и вот уже две недели добиваюсь свидания с Иваном Дмитриевичем, но никак не могу к нему проникнуть, каждый день по нескольку раз звоню по телефону и не могу дозвониться, денег у меня нет, приходится голодать на панели.

Прошу Вас по получении этого письма сообщить мне, как поступить? Издавать ли книгу в другом книгоиздательстве или всё еще надеяться на Сытина. Если я не увижу Сытина еще несколько дней, то пароходы перестанут ходить и мне придется пешком добираться в Олонецкую губернию, а это прямо бедствие... Прошу Вас напишите два слова про меня Сытину и мне дайте совет, — как поступить? Адрес мой: Москва, Пименовская улица, дом № 31, кв. № 28 — Николаю Клюеву.

Любящий вас Клюев.

Адрес для газеты «Русское слово» и журнала «Искра»: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии, Вытегорского уезда. Николаю Клюеву.

56. К. Ф. НЕКРАСОВУ

12 ноября 1912 г. Москва

Глубокоуважаемый Константин Федорович,
Алексей Ник<олаевич> Толстой передал мне о Вашем согласии издать мою книгу стихотворений. С двумя первыми книжками Вы уже знакомы, новые стихи я могу Вам доставить не раньше первых чисел декабря, т. е. недели через две. Составится довольно порядочный томик под общим названием «Сочинения Николая Клюева». Том первый. Три тысячи экземпляров, цена 750 рублей.

Если Вам угодно что-либо изменить в моих условиях, то благоволите сообщить по адресу: Москва, Пименовская улица, дом № 31, кв. 28 Николаю Алексеевичу Клюеву.

С иск<ренним> уважением Николай Клюев.

57. К. Ф. НЕКРАСОВУ

28 ноября 1912 г. Москва

Многоуважаемый Константин Федорович, я получил Ваше письмо и согласен на две тысячи издания, но не меньше 600 рублей. Первые книжки изданы по три тысячи каждая. «Сосен перезвон» разошлась вся без остатка, а «Братские песни» допродают последнюю тысячу, а она издана в июне месяце этого года. Если Вы согласны, то телеграфируйте, я приеду в Ярославль, – только чтоб было наверно, т. е. чтобы Вы были дома в этот день и деньги в один раз.

Адрес: Москва, Пименовская улица, дом № 31, кв. 28. Николаю Алек<сеевичу> Клюеву.

С уважением Н. Клюев.

58. К. Ф. НЕКРАСОВУ

27 декабря 1912 г. Петербург

Дорогой Константин Федорович,
я в настоящее время в Петербурге – пробуду до шестого января. Моя насущная к Вам просьба вот какая: присылайте корректуру моих книг Сергею Городецкому по адресу: С.-Петербург, Фонтанка, дом № 143, кв. 5.

Он очень близок моим песням, и никто, кроме него, не прочтет их верно. Очень Вас прошу.

Уважающий Н. Клюев.

Адрес Клюева до 6 января: С.-Петербург, Усачев переулок, дом № 11, кв. 1. Постоянный: Почтовое отделение Мариинское Олонецкой губернии, Вытегорского уезда.

Дорогой Константин Федорович!

Еще вторая просьба: выкиньте из новой моей книги «Лесные были» в стихотворении под названием «Святая быль» посвящение «Ионе Брихничеву» и в стихотворении «Набух, оттаял лед на речке...» – посвящение «Нине Дорофеевой». Вот эти два подчеркнутые слова и уничтожьте (не самые стихотворения, а только, значит, эти две фамилии над ними).

Извините, что пишу карандашом, чернил под рукой сейчас нет.

Третья моя просьба к Вам вот какая: обозначьте на первой тысяче «Сосен перезвон» (на обложке, где цена) «Четвертая тысяча». На второй же тысяче этой же книги «Пятая тысяча». Это очень важно, так как три тысячи первого издания разошлись необозначенными.

Теперь же отметить количество очень важно как для газетного обзора, так и для читательского внушения.

59. К. Ф. НЕКРАСОВУ

17 января 1913 г. Петербург

Дорогой Константин Федорович!

Присылаю Вам три стихотворения из моей книги «Лесные были». Будьте любезны изъять из этой книги первые варианты прилагаемых стихотворений и поместить на их месте новые, т. е. те же самые, но исправленные и поместить страницы по порядку.

Значит, из книги «Лесные были» Вы снимите стихотворение под названием «Свадебная» и на его место вложите прилагаемое «Свадебная». Потом снимите стихотворение «Певучей думой обуян» и на его место положите новое «Певучей думой обуян», потом снимите стихотворение «Я молился бы лику заката» и на его место положите такое же, прилагаемое при сем письме, и отметите страницы по порядку.

В скором времени я пришлю еще одно новое стихотворение. Извините за беспокойство, но в данном случае иначе нельзя. Адрес: С.-Петербург, Усачев переулок, дом № 11, кв. 1. Николаю Клюеву.

С уваж<ением> Н. Клюев.

60. К. Ф. НЕКРАСОВУ

28 января 1913 г. Петербург

Дорогой Константин Федорович!

Присылаю Вам корректуру и новое стихотворение «В белесоватости окна...». Поместите его в «Лесные были» предпоследним стихотворением, т. е. перед «Песней о соколе и о трех птицах Божиих». Книжку необходимо мне видеть сверстанной, так что Вы потрудитесь и в сверстанном виде прислать ее С. Городецкому, СПб., Фонтанка, дом 143, кв. 5. Он был два дня болен, потому и несколько запоздала эта корректура.

Низко Вам кланяюсь Николай Клюев.

В книжке «Лесные были» прошу отметить в оглавлении: две песни — «Песня о соколе и о трех птицах Божиих» и «Лесная быль» взяты из книги «Сосен перезвон».

Н.

61. С. А. ГАРИНУ

3 февраля 1913 г. Петербург

Дорогой Сергей Александрович,
я пробуду до 10-го февраля в Петербурге, не потрудитесь ли Вы выслать мне карточек, что снимались мы вместе. Кланяюсь Вашей супруге.

Адрес: С.-Петербург, Усачев переулок, дом № 11, кв. 1.
Николаю Алексеевичу Клюеву.

62. К. Ф. НЕКРАСОВУ

9 февраля 1913 г. Петербург

Дорогой Константин Федорович,
есть недоумение: Вы пишете, что на днях книги выйдут, между тем как «Лесные были» в корректуре присланы были Вами частью (проверены и отосланы обратно Вам), половина же «Лесных былей» еще не просмотрена Городецким и остается до сих пор у Вас.

«Сосен» же «перезвон» весь целиком лежит у Городецкого посейчас, следовательно, книги никак не могут быть отпечатаны до тех пор, пока Вы не получите проверенную корректуру «Сосен перезвон» и не пришлете вторую часть «Лесных былей» для просмотра Городецкому.

Умоляю Вас вставить в «Лесные были» мое новое стихотворение «В белесоватости окна» и в стихотворении «Певучей думой обуян» в четвертой строчке первого куплета поставить вместо слова «за Ладою» — слово «за пленницей» (это в «Лесных былях»). Вот всё, что я прошу у Вас. Следовательно, за Вами остается вторая часть «Лесных былей», которую Вы и пришлете Городецкому для просмотра. Обложку прошу Вас напечатайте шрифтом без всяких закорючек — черным и горизонтально, а не с боку и не с угла в угол или еще там как... Очень-то можете и не торопиться, ведь февраль впереди, можно приблизительно до половины марта, но, конечно, Вам это лучше знать.

Еще раз молю вас вставить в «Лесные были» мое новое стихотворение «В белесоватости окна...» предпоследним стихотворением или как возможно и дослать вторую часть «Лесных» же «былей» по адресу: СПб., Фонтанка, № 143, кв. 5.

Мой адрес приблизительно до 15 февраля: СПб., Усачев переулок, дом № 11, кв. 1.

С уваж<ением> Н. Клюев.

63. К. Ф. НЕКРАСОВУ

15 февраля 1913 г. Петербург

Дорогой Константин Федорович,
Садовским и Кузминым получены от Вас «Лесные были». Вышлите еще С. Городецкому один экземпляр их же — это необходимо поскорей, так как Городецкий будет писать о книге в «Речи». Мне вышлите закрытой посылкой по адресу: Мариинское почтовое отд<еление> Олонецкой губ., Вытегорского уезда, так как я с часу на час могу уехать из СПб. По-моему, необходимо опечатки отметить отдельным листиком и вложить в книжку. Опечатки: в стихот<ворении> «На малиновом кусту» — напечатано: «На калиновом кусту» и в стихот<ворении> «Кабацкая» два раза пропечатано «зачумленною», в обоих случаях надо «загумённою». Это очень важные слова. Корректуру «Сосен перезвон» посылаю. Внешне книжка мне нравится. Спасибо Вам за труды.

Н. Клюев.

64. К. Ф. НЕКРАСОВУ

18 февраля 1913 г. Петербург

Дорогой Константин Федорович,
как только получите эту открытку, — пошлите немедля «Лесные были» Городецкому: он скоро уезжает, и если Вы замедлите, то он не успеет написать о книге в «Речи». Так же и «Сосен перезвон» ему пришлите немедля. Мне высылать самому можно, но это будет долго. Корректуру «Сосен перезвон» присылаю.

С уваж<ением> Н. Клюев.

65. К. Ф. НЕКРАСОВУ

Февраль 1913 г. Петербург

Дорогой Константин Федорович,
не найдете ли возможным оговорить эти опечатки отдельным ярлычком, вложенным в книжку. Очень я Вас прошу об этом. Так же прошу выслать мне по 24 штуки «Лесные были» и «Сосен перезвон» по адресу: Почтовое отд<еление> Мариинское Олонецкой губ., Вытегорского уезда.

Опечатки в «Лесных былях»:

ст. 9, ст<рока> 1, сверху напечатано: «На калиновом», нужно «На малиновом». Ст. 22, строка 10 снизу, напечатано «причет» нужно «причит». Стр. 29, строка 9, сверху напечатано «зачумленною», нужно «загумённою». Стр. 46, строка 6 напечатано «сон», нужно «сонь». <...>.

Всего Вам светлого Н. Клюев.

Самим же Вам необходимо разослать книжки по журналам и крупным газетам как в столицу, так и в провинцию.

66. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ВЕЧЕРНИХ «БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Конец февраля 1913 г. Петербург

Милостивый государь, господин редактор! До меня дошли слухи, что критик из «Современного мира» г. Львов-Рогачевский в недавнем фельетоне в газете «День» обвинил «Цех поэтов», к которому я имею честь принадлежать, в том, что меня «заманили» туда. Мне это кажется обидным, и я спешу разуверить г. Львова-Рогачевского в его представлении обо мне, как о полном незнайке своей дороги в искусстве. Мое тяготение именно к «Цеху поэтов», а не к иным группам, вполне сознательно.

Примите и пр. Николай Клюев.

67. А. В. ШИРЯЕВЦУ

11 марта 1913 г. Петербург

Дорогой Александр Васильевич — я получил наше письмо и бандероль. Мне очень радостны все Ваши слова и выводы и я всегда буду любить Вас, как любил заочно по песням в «Народном журнале». Вы мне очень близки по духу и по устремлению к песне. Я сейчас уезжаю из Питера домой и из дому напишу Вам подробно. Адрес мой: Почтовое отд. Мариинское Олонецкой губ., Вытегорского уезда. Николаю Клюеву.

Не нужно, родной, кручиниться. Приветствую Вас лобзанием братским.

Н. Клюев.

11 марта 1913 г.

68. К. Ф. НЕКРАСОВУ

30 апреля 1913 г. Мариинское
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Уважаемый Константин Федорович!

Очень прошу Вас прислать мне следуемые мне авторские экземпляры моих книг — «Сосен перезвон» и «Лесные были». Я обращался к Вам с этой просьбой несколько раз, теперь прошу еще... 15 экземпляров. «Сосен перезвон» мною получены от Симакова в СПб.

Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии, Вытегорского уезда. Николаю Клюеву.

69. С. А. ГАРИНУ

Май (до 15-го) 1913 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Сергей Александрович — я писал Вам из СПб открытку и просил прислать мне часть следуемых мне карточек, но ответ не получил. Теперь пишу еще и прошу ответить мне. Адрес мой до 15—20 мая — Мариинское почтовое отд. Олонецкой губ., Вытегорского уезда. После же этих чисел я уезжаю из своих мест надолго и тогда мой адрес: СПб., Усачев переулок, дом 11, кв. 1, Ращеперину, для Клюева. Будьте здоровы.

Н. Клюев.

Низко кланяюсь Нине Михайловне и Н. А. Шахову.

Я живу по-прежнему, т. е. в бедности и одиночестве.

70. В. Я. БРЮСОВУ

22 мая 1913 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Валерий Яковлевич,

я получил письмо от Брихничева, в котором он выражает сожаление о том, что написал Вам обо мне и 800-х экземплярах «Сосен перезвона». Дело объясняется очень просто, и к нему я никакого касательства не имею. С Брихничевым я порвал знакомство, так как убедился, что он смотрит на меня как фартовый антрепренер на шпагоглотателя — всё это мне омерзительно, и я не мог поступить иначе.

Дорогой Валерий Яковлевич, я очень тоскую по Вам и чувствую глубокую потребность в Вас, радуюсь, что Вы *«есмь»* и утешаюсь только Вашими книгами.

Низко Вам кланяюсь.

Николай Клюев.

71. С. А. ГАРИНУ

3 июня 1913 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Сергей Александрович, я страшно взволнован, тронут Вашим добрым письмом и приветом обожаемой Нины Михайловны, но воспользоваться Вашим приглашением приехать в Лубны, к несчастью, не могу, так как от нас проезд длителен и невероятно дорог, да и домашние условия у меня очень тяжелы... Если в Москву меня и занесло, то это, вероятно, в последний раз. Я страшно мучусь душой о многом и в постоянной борьбе с собой забываю о наружной жизни и о так называемых «условиях существования». Жизнь Вам и радость. Я очень Вас люблю и светло помню.

Н. Клюев

72. А. В. ШИРЯЕВЦУ

16 июля 1913 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Милый братик, меня очень трогает твое отношение ко мне, но, право, я гораздо хуже, чем ты думаешь. Пишу я стихи, редко любя их, — они для меня чаще мука, чем радость, и духовно и материально. Не думай, друг, что стихи дают мне возможность покупать автомобили, они почти ничего мне не дают, несмотря на шум в печати и на публичные лекции о них и т. п. Был я зимой в Питере и в Москве, таскали меня по концертам, по гостиным, но всегда забывали накормить, и ни одна живая душа не поинтересовалась, если ли у меня на завтра кусок хлеба, а так слушали, собирались по 500 человек в разных обществах слушать меня. Теперь я, обглоданный и нищий, вновь в деревне — в бедности, тьме и одиночестве, никому не нужный и уже неинтересный. И никто из людей искусства не удостаивает меня весточкой-приветом, хоть я и получаю много писем, но всё — от людей бедных (не причастных литературе) из дальних углов России. В

письмах эти неученые люди зовут меня пророком, учителем, псалмопевцем, но на самом деле я очень неказистый, оборванный бедный человек, имеющий одно сокровище – глухую, вечно болеющую мать, которая, чуть поздоровше, всхлипывающим старушьим голосом поет мне свои песни: она за прялицей, а я сижу и реву на всю избу, быть может, в то время, когда в Питере в атласных салонах бриллиантовые дамы ахают над моими книжками.

Братик мой милый, тяжко мне с книжками и с дамами и с писателями, лучше бы не видеть и не знать их – будь они прокляты и распрокляты! Страшно мне и твое писательство и твой сборник стихов, который ты думаешь издавать! – погоди еще, потерпи, ведь так легко, задарма, можно погибнуть через книжку, а вылезать из ямы, восстановлять свое имя трудно, трудно. Присылаю тебе три свои книжки, быть может, напишешь про них в местной хотя бы газете и в «Народном журнале» – где тебя любят и считают за очень талантливого человека и где с удовольствием примут твою статью, если таковую ты не поленишься написать. Буду очень благодарен – но это всё между прочим. Главное же наша любовь и вера в Жизнь. Люби и веруй в свою веру. Целую тебя в сердце твое и в уста твои, милый.

Николай Клюев.

16 июля 1913 г.

Жду жадно карточку.

73. С. А. ГАРИНУ

Вторая половина 1913 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Сергей Александрович,

Меня вновь потянуло написать Вам, приветствовать Вас и дорогую Нину Михайловну, так как из всех московских знакомств только встреча с Вами и Ваше отношение ко мне глубоко тронули и запомнились в духе моем. Я очень стесняюсь говорить про себя людям, так как чаще всего они норовят залезть с сапогами в душу, но с Вами не боязно мне. Жизнь Вам и радость с поклоном низким!

В Москве я постараюсь не быть дольше, так как ни московская жизнь, ни люди не соответствуют складу души моей, тишиной, безвестьем живущей – на зеленой тихой земле под живым ветром, в светлой печали и чистом труде для насущного. Не хотелось бы мне говорить о том, «что по чужим углам горек белый хлеб, брага хмельная неразымчива», так как чаще всего разговор об этом становится похожим на жалобу, но все-таки тяжко мне, дорогой Сергей Александро-

вич. Живу я в деревне о 8 дворах, имею старых-престарых отца и мать, любящих «весь Белый свет»; то-то была бы радость, если на этом Белом свете был бы для них *свой угол* и их «*Миколаюшка*» не скитался бы на чужой стороне, а жил бы в *своей избе* и на *своей* земле, но всё это дорогое, бесконечно родимое слопали тюрьма да нужда. Нестерпимо осознавать себя как поэта, 12 тысяч книг которого разошлись по России, знать, что твои нищие песни читают скучающие атласные дамы, а господа с вычищенными ногтями и с безукоризненными проборами пишут захлебывающиеся статьи в газетах «про Надсона и мужичков» и, конечно, им неинтересно, что у этого Надсона нет даже «своей избы», т. е. того важного и жизненно необходимого, чем крепок и красен человек деревни. Хотел я с этой нуждой обратиться к Шахову, ведь эта просьба *так свята и нетленна по жизненности своей, потому что на земле только наше бессмертие и, в частности, бессмертие всякой жертвы и помощи человеку от человека исходящих*. Это, я знаю, чувствует и Шахов. Но пишу сперва Вам, в простосердечной уверенности, что Вы найдете действенные, живые слова для просьбы обо мне к Шахову, а если найдете удобным, то прочитайте ему это письмо, — нужно 300—400 рублей, и я оживу и уверяю, что заплачу людям за это песнями до сего времени невыраженными и, быть может, и неслыханными... Жадно, нетерпеливо жду ответа. Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губ., Вытегорского уезда, Николаю Клюеву. Жду карточки.

Жизнь Вам и любовь. Н. Клюев.

74. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Вторая половина 1913 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Здравствуйте, дорогой <Виктор Сергеевич>, я недавно получил Ваше письмо. Долго не переда<ва>ли его мне из правленья, вероятно, оно бы и еще валялось, если бы случайно не попалось на глаза моему товарищу. Приходится письма посылать заказными, тогда они остаются в почтовом отд<елении> до востребования по повестке. Я наперед знал, что с Леонидом Вам будет тяжело. Я не знаю, какой мудростью предписано такое поведение и такая любовь, которые на практике становятся жерновом остальным на шею ближнего, и вера, которая уничтожает самый предмет веры, т. е. вера в то, чего вовсе и нет. Например, помню, я ему говорил, что ношу золотые часы и не умею распрячь лошади, и не знаю, что такое вилы с тремя железцами, — и он не улыбнулся, не сказал легко, «что этого не может быть»,

а забранился на меня, твердо уверовав в слова, как в действительность. Такая вера у наших монахов зовется бесовской, и про такого человека говорят, «что он в беса верует». Эта вера и не народна, потому что во главу угла ставит радость Франци<с>ка А<ссиз>ского: «Когда изобьют тебя и выгонят на снег люди». «И не желай, чтобы они — люди — *стали лучше*, так как кто тогда даст тебе побои ради Господа?» И еще: боязнь поделиться своей праведностью с людьми, запачкать свои одежды... эта боязнь-любовь не допустить того, чтобы прикрыть своей хламидой блудницу на ложе греха или отдать себя на растление ради чистоты другого. Древние святые ходили в публичные дома, чтобы если не чере<з> любовь, то через грех приблизиться к людям; теперешних же святых приблизит к людям только меч — про который сказано в Евангелии: «И купите себе меч, чтобы не погибнуть вам напрасно». Я понимаю это буквально, т. е. есть люди, которых полезно и спасительно встряхнуть за шиворот, и чаще всего для таких людей спасительно преступление, даже убийство: как с<вятому> Павлу убийство Стефана, Петру — отсечение уха Малхова (покушение на убийство) и отречение с клятвой и т. д. Как и поется в одном русском стихе:

А злодея Бог ды помилует,
Душегуба Бог ды пожалует
Как честны́м венцом —
Ликом андельским.
А как кукицу-богомолицу
Он помилует да пожалует
Мукой огненной, удой медною.

Нет, уж если я и святой, то и греха не должен бояться, чтоб не впасть в ложь, как лисица в капкан, чтобы не пришлось перегрызть ей собственную лапу — для спасения «жизни» — настоящей и будущей. Вот я люблю Леонида, рвусь к нему, готов бы быть псом у порога его — и оказывается, что это по его вере грех... Мир, мир ему и улыбка, и зори весны, и цвет яблони, стук плотничьего топора, и детский крик на лужайке... Дорогой <Виктор Сергеевич>, не сердитесь на меня, что я не пишу Вам статьи про деревню, — я знаю, что напишу ее неизбежно, но когда — не знаю. Приветствую Вас лобзанием братским и кланяюсь зе́мно и заране прошу прощения за ложь мою, буде таковая есть во мне — и в словах и делах моих. Жизнь Вам и сила жизни. Адрес: Мариинское, Олонецкой г<убернии>, Вытегорского уезда, Николаю Клюеву. Нельзя ли высылать мне Ваш журнал?

Я давно послал Вам стихи на имя «Заветов». Одно стих<отворение> начинается так: «Теплятся звезды-лучинки». Получили ли Вы их? Отпишите.

75. К. Ф. НЕКРАСОВУ

29 октября 1913 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд.

Дорогой Константин Федорович!

Мне предлагают переиздать мою книгу «Братские песни». Но мне очень бы хотелось, чтобы все мои песни издавали Вы — как-то приятно и внушительно, если на всех книгах стоит одно книгоиздательство. Поэтому будьте добры ответить не задерживая, согласны ли Вы переиздать упомянутую мою книгу. Конечно, без предисловия и несколько добавленную, Цена 300 рублей за 3000 экземпляров. Будет очень мне жалко, что по бедности своей я должен продать кому-либо другому, но поверьте, что Вы окажете мне и насущную помощь, купив книгу — так как заработков по нашим местам сейчас нет, хлеба не выросло, к тому же мать и отец у меня больны и стары, а жить, пить-есть надо, а кормилец один — я.

Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губ., Вытегорского уезда. Николаю Клюеву.

76. А. А. БЛОКУ

Конец (после 19-го) ноября 1913 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Видно, мне не забыть Вас, дорогой Александр Александрович! Опять тянет поговорить с Вами, выклянчить от Вас весточку и с ней какую-то звуковую волну — Ваше дыхание. Когда умер у Вас отец и Вы написали мне об этом, я вздыхал и припадал головой к Вашему письму, теперь пришел черед Вам пожалеть меня: у меня умерла Мама... Родная моя, сиротинка моя, унывщица и былинщица моя — умерла! Теперь я остался только со стариком-отцом, у осиротевшей печи, у заплаканной божницы, у горькой ну́ды-работушки...

Последняя встреча с Вами непамятна мне: в ней было что-то злое, кто-то загораживал Вас от меня. Запомнилась мне лишь старая, любимого народом письма — икона «без лампадки» (Чья душа?). Я пришел в отчаяние от Питера с Москвой. Вот уж где всякая чистота считается Самарянскою проказою и потупленные долу очи и тихие слова от жизни почитаются вредными и подлежащими уничтожению наравне с крысиными полчищами в калашниковских рядах и где сифилис титулован священной болезнью, а онанизм под разными соусами принят как «воробьиное занятие» — походя, даже без улыбки,

отличающей человеческие действия вообще, а непроизвольно, уже без памяти о совершившемся. Нет, уж лучше рекрутчина, снохачество, казенка, чем «Бродячая собака», лучше Семеновские казармы, Эрмитаж с гербами и с привратником в семиэтажной ливрее, чем «танец апашей», лучше терем Виктора Васнецова, чем «Зон», и крест на месте убиения князя Сергия в Кремле лучше искусства Бурлюка. Я теперь узнал, что к «Бродячей собаке» и к «Кривому зеркалу», и к Бурлюку можно приблизиться только через грех, только через грех можно сблизиться и с людьми, живущими всем этим. Я по способности своей быть «всем для всех» пожил два месяца Собачьей жизнью, пил даровой коньяк, объедался яблоками в 6-ть руб. десяток, принимал ласки раздушенных белых, как кипень (и почему они такие белые?) мужчин и женщин (но в баню с ними все-таки не ездил). Из них были такие, которые чуть не лизали меня. И ни одной души не выискалось спросить о моей жизни, о моем труде, о матери!..

У меня на столе старая, синяя, глиняная кружка с веткой можжевельника в ней. В кружку налита горячая вода, чтобы ветка, распарясь, сильнее пахла. Скажите это кому-либо из Собачьей публики. Вам скажут, что, по Бунину, деревне этого не полагается (мне часто говорили подобное). И не знает эта публика, что у деревни личин больше, чем у любого Бунина, что «свинья на крыльце» и «свиное рыло», и Сергий Радонежский, а недавний Трошка Синебрюхов, а сейчашный Трофим Иванов по формуляру (в командировке Валентин Викентьеьич Воротынский), око охранки и кокотка Норма (на деревне Стешка) – только личины, только «Бесовское действо» в ночь на «Воскресенье».

Я вспомнил «Бесовское действо» Ремизова, прибавлю, что это всеславянское писание, вещественное доказательство Буниным, что «Золотой вертеп» и «Святой вечер» нетленны на Руси. Быть может, потрудитесь передать мой поклон Ремизову.

Прочитали ли Вы «Лесные были» и что про них скажете? В глаза Вы мне говорили: «Вот у А. Толстого есть много былин, но все второго сорта», но из этого я не заключил, что не может быть былин «первого сорта».

Александр Александрович, вспомните: «Загляжусь ли я в ночь на метелицу», «Ой, синь туман ты мой», «Ой, косыньку развей» – ну разве после таких былин можно не запеть «Плясею» или «Бабью песню» с «Сизым голубем»?

Как показался Вам отдел «Скорбящая весна» в «Иве» Городецкого, «Потаенный сад» Клычкова, «Осанна» Брихничева? – мне важно услышать от Вас про них. Нравятся ли «Лесные были» Ремизову и Философову? Кроме этого, у меня к Вам насущная просьба: похлопо-

тать перед «Сириным» о переиздании «Братских песен», — это даст возможность пожить мне со стариком некоторое время на теплом куске с прихлебкой... Очень прошу Вас об этой помощи. Я бы написал Вам много про «бедность горемычную», но всегда такие разговоры бывают похожи на жалобы, а потому я избегаю их, особенно с Вами — моей радостью и благоуханием (еще Вам мою <!>). Итак, жизнь Вам и алая кровь, и ветер с моря — возлюбленный.

Николай Клюев.

Ноябрь. 1913 г.

77. А. В. ШИРЯЕВЦУ

Не позднее 22 декабря 1913 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Возлюбленный мой!

Я получил твое письмо давно, но карточка так пристала к письму, что по отлеплении ты оказался без глаза и без губы, но все-таки ты мне нравишься, ты очень похож на свои песни — в них, как и в тебе, есть что-то размашисто-плоское, как «наша улица — за ясные луга». Не показался ты мне и издержанным или одержимым особенными страстями, о которых пишешь. Ты очень пригожий паренек, и мне это сугубо приятно; да и хорошая примета. Мне страшно хотелось бы обнять, поцеловать тебя, но в СПб я этой зимой не буду, а тебе ехать ко мне немыслимо, ибо я живу 600 верст от железной дороги, и добираться нужно на лошади, а где и пешком... Я живу ведь, родной, «от жизни» далеко, да и отнеси, Господи, от этой жизни, если под ней подразумеваешь Питер. Ничего не может быть убийственнее для песни, чем он. Вот приедешь — увидишь... Сходи в исторический музей, в кустарный склад, музей Александра III... Особенно просмотри картины Рериха. Твой «Бурлак» помещен в журнал «Хмель», это хороший и на виду журнал, и его читает художническая публика, а это важно для тебя. Пришли мне новые свои песни, я постараюсь их поместить в журнал Миролюбова, это один из больших русских редакторов, недавно вернулся из-за границы и будет издавать журнал. Раньше он издавал известный «Журнал для всех». Я обожаю этого человека. Мне бы хотелось прочитать твоих песен штук десяток, я до сих пор не могу уловить их души. Так они мне кажутся только размашисто-плоскими, в них нет древнего воздуха, финифти и киновари, которые должны бы быть в них. Тебе ради песни следовало бы жить в старой Ладоге или в Каргополе, а не в Бухарщине, хотя и Бухарщи-

на есть в Руси. Бога ради, погоди издаваться книжкой... Вот ты восхищаешься «Лесными былями», а я очень жалею, что издал ее — теперь усматривается столько пробелов! Буду ждать песен и письма. Целую тебя, хороший мой, и желаю жизни песенной. Присылаю № «Хмеля».

Н. Клюев.

78. Я. Л. ИЗРАИЛЕВИЧУ

Декабрь 1913 г. — январь 1914 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Меня страшно обрадовало Ваше письмо, Яков Львович.

Я часто помню Вас в духе — и вижу Вас.

Мир Вам и жизнь!

Я оговариваюсь: Вам пишет не тот Клюев, которого Вы встретили на Невском в чужом пальто и шляпе «от знакомого», а настоящий — из восьмидворной лесной деревушки, из серой избы, от заплаканной божницы. Клюев, у которого есть (еще теплая) могила матери на погосте.

Яков Львович, неужели Вам не чуялось, как я тянулся к Вам при встречах и как боялся Вас? Я не смогу любить «немножко», и Ваше «немножко полюбил» как будто не фальшивое, но и не настоящее — в нем есть «Собачий воздух», но есть и что-то родимое мне — тому мне, который тоже «не настоящий». Какое бы было счастье, если бы Вы полюбили меня «настоящего». Вы упоминаете «про весточку» — живу я в бедности и одиночестве, со стариком-отцом (мама — былинщица и песельница-унывщица — умерла в ноябре), с котом Оськой, со старой криворогой коровой, с жутью в углу, с низколобой печью, с тупоногой лоханью, с вьюгой на крыше, с Богом на небе. В Питер я больше не собираюсь, ибо вынес я из него только «триковую пару» да собачью повестку на лекц<и>ю «об акмеизме». Правда, много было знакомых в Питере, угощали даже коньяком, не жалели даже половинкой яблока угостить (как дать целый, когда яблоки 4 руб. десяток), но пока приветил только один Вы. Спасибо за это. Спасибо и за обещанные книжки. У меня не только нет Верхарна, но никогда я и не слыхал про такого. Нет и Львовой, да и Бальмонта, напр<имер>, я читал стихов пять-шесть. Я бы много мог написать Вам про «бедность горемычную, к куску черствому привычную», но всегда такие разговоры бывают похожи на жалобу и тяжелы для людей, но все-таки не могу утаить от Вас, что в бедности писать стихи очень вредно, как вредно и нехорошо играть в свайку, когда хлеб на корню, скотина не кормлена и хворый дед просит подать «промочить гор-

ло». Мое же писанье, а особенно пребывание в Питере очень похожи на игру в свайку, и я завсегда и кажинный раз казню себя за это сугубо, даже больше, чем за то, что я носил полтинники в «Собаку», когда у меня дома... Но про это «в следующем номере». Уж и так я Вам выкаялся, как никому, — милый. Очень приятно, что моя книжка полюбилась Вам. Не слыхали ли, что говорит про нее М. А. Кузмин?

Кланяюсь я ему низко, кланяюсь и юноше, который при нем, — кажется, Юркун его зовут, кланяюсь и Николаю Сталю, я писал ему письмо, но ответа не получил.

Посылаю Вам низкий поклон, жизнь Вам, деревенский поцелуй, алая кровь и ветер с моря, возлюбленный. Адрес мой до февраля старый.

Николай Клюев.

79. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Февраль 1914 г.
Олонецкая губ.

Дорогой Виктор Сергеевич,
нахожусь в великой скорби: у меня умерла Мама. Былинщица, песельница моя умерла — «от тоски» и от того, что «красного дня не видела»... Тяжко мне, Виктор Сергеевич. Теперь я один со стариком-отцом, с криворогой старой коровой, с котом Оськой, с осиротевшей печью, с вьюгой на крыше... Неужели и у меня жизнь пройдет без «красного дня»? Помните, Вы у Городецких пожалели меня — назвали бедным, — как въелась мадам Городецкая за это на меня — стала Вас уверять, что я вовсе не заслуживаю таких слов, что я устроюсь гораздо лучше Сергея. Какая холодность душевная! Сколько расчета в словах оскорбить человека, отняв возможность возражать! Тяжко мне, Виктор Сергеевич. Много обиды кипит у меня на сердце против Питера, из которого я вынес лишь триковую пару да собачью повестку на лекцию «об акмеизме». Был ли у Вас второй раз Леонид? Чем помнил меня? Вы находите хорошим стихотворение «Пушистые, теплые тучи», мне бы очень хотелось, чтоб оно было напечатано. — Очень прошу Вас об этом. Не помните ли, был ли отзыв о моих «Лесных былях» в «Заветах»? Очень прошу о высылке Вашего журнала.

Низко Вам кланяюсь. Жизнь Вам.

Николай Клюев.

80. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Февраль (до 24-го) 1914 г.
Олонецкая губ.

Дорогой Виктор Сергеевич,

только что отправил Вам письмо, сейчас же посылаю Вам мою новую вещь — был бы счастлив, если бы она Вам понравилась. Сложена она под нестерпимым натиском тех образов и слов, которыми в настоящее время полна деревня. Перекроить эти образы и слова так, чтобы они были по плечу людям, знающим народ поверхностно и вовсе не имеющим представления о внутреннем содержании «зарочных», «потайных», «отпускных» слов бытового народного колдовства (я бы сказал народного факиризма), которыми народ говорит со своей душой и природой, — считаю за великий грех. И потому в этой моей вещи, там, где того требовала гармония и власть слова, я оставлял нетронутыми подлинно народные слова и образы, которые прошу не принимать *только за олóнецкие*, так как они (слова, наречие) держатся крепко, как я знаю из опыта, во всей северной России и Сибири. Некоторая густота образов и упоминаемых выше слов, которая на первый взгляд может показаться злоупотреблением ими, — создалась в этом моем писании совершенно свободно по тем же тайным указаниям и законам, по которым, например, созданы индийские храмы, представляющие из себя для тонкого (на самом деле идущего не из глубин природы) вкуса европейца невообразимое нагромождение, безумное изобилие и хаос скульптур богов, тигров, женщин, слонов, многокрылых и многоликих существ... Вы знаете, дорогой Виктор Сергеевич, что с Вами одним я могу говорить так, потому что не знаю никого из писателей, встречи с которыми имели бы для меня такой смысл и значение, как встречи с Вами — недаром же и в последнюю встречу с Вами я просидел у Вас 8 часов и всё думал, что 10 часов вечера, когда уж давно пробило 2 часа ночи. (Я мучусь за последнюю встречу с нами, всё думаю, что Вы слышали от меня винный запах и судили меня в душе, но поверьте, что я выпил вина по дороге к Вам — только для того, чтобы не мучительна и недолговечна была ложь моя перед Вами, в случае если привелось бы прибегнуть к ней.) Жду жадно ответа. Ваш искренний друг и любящий ласково брат Николай Клюев.

Вещь, про которую я пищу, идет отдельным письмом.

81. В. Я. БРЮСОВУ

2 марта 1914 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Валерий Яковлевич!

Мне очень стыдно беспокоить Вас, но поверьте, что год разлуки с Вами для меня не пустяки. Всё, что пережито мною в эту жуткую чародейную зиму, так или иначе связано с Вашим образом, который живет во мне неистребимо. При прощании Вы говорили мне, чтобы я сообщал Вам о себе, о своей жизни. – Живу я по-прежнему, т. е. в бедности и одиночестве со стариком-отцом. (Мать – песельница и былинщица, умерла в ноябре «от тоски» и от того, что «красного дня не видела»), с криворогой сохатой коровой, с лобастой печью, с вьюгой на крыше, с Богом на небе. Писания мои... но на них так мало остается времени, так много уходит ясных, свежительных дней на черный труд, чтобы прокормиться. Но вместе с этим шире раскрываются глаза на Жизнь, ближе и возможнее становятся ни с кем не разделенные, пустынные слезы.

Потрясает невольно идущая Жизнь. Потрясает и грядущая гибель себя наружного: горьким соком одуванчика станет прекрасное, столь любимое тело мое. Чему я радуюсь, так это, к изумлению моему, народившимся врагам своим: Иван Гус ел арбуз, Брихничев корки подобрал, но от этого Гусом не стал – и Брихничев стал врагом моим.

Откуда-то вынырнуло и утвердилось понятие, что с появлением «Лесных былей» эпосу Городецкого приведется заяриться до смерти, и Городецкий закатил болотные пялки и загукал на мои песни, и т. д., и тому подобно<е>. Как-то по зиме я видел во сне Ивана Коневского, – будто всё торопится идти к Вам. Я рассказываю ему про его книгу, а он спрашивает: «И во храме сумрака читали?» – и подает мне веревку, и я знаю, что веревка Ваша – белая, крученая, финской работы. Только, говорит, ему (т. е. Вам) не показывайте. Вот и все слова, какие я имею в настоящий час сказать Вам.

Жизнь Вам и торжество.

Николай Клюев.

Адрес: Мариинское почт. отд. Олонецкой губ., Вытегорского уезда.

Февраль 1914.

82. В. С. МИРОЛЮБОВУ

21 марта 1914 г. Вытегра

Дорогой Виктор Сергеевич – стихотворение «Пушистые, теплые тучи» принято в «Заветы», поэтому прошу не печатать его в Вашем журнале.

Прилюбился ли Вам мой «Скрытный стих»? По-моему, он будет получше, чем «Лоси» Верхоустинского. Еще прошу Вас в стих<отворении> «Осиротела печь» в пятой строке сверху вместо слова «в саду» поставить «в лесу», а в стих<отворении> «Ноченька темная» в последней строке вместо слова «сироте» поставить «бобылю». Очень прошу об этом.

Любовь Вам и жизнь!

Н. Клюев.

83. А. В. ШИРЯЕВЦУ

3 мая 1914 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Благодарю тебя, милый мой, за посылку и вообще за твое отношение ко мне. Материя чудесная, чудесно и яичко — у нас ничего подобного не видали. Вся деревня переглядела твои подарки. Я слышал, что ты в переписке с Городецким — он писал о туркестанском альманахе в «Речи» и хвалил тебя: мол, в лице Ширя<е>вца мы «имеем новую поэтическую силу, идущую прямо от земли, как Клюев и Клычков. Песни Ширя<е>вца отмечены печатью богоданности, тем, что они не могут не петься. В них мы опять имеем то драгоценное совпадение форм искусства, лично-народного и нашего литературного, которое так поразило всех в Клюеве. Талант волжского певца силен и несомненен, а пример Клюева показывает, как русское общество дорожит певцами народа, когда узнает их и о них». Вот уж не дай Бог, если русское общество отнесется и к тебе так же, как ко мне! Если бы я строчил литературные обзоры, я бы про русское общество написал: «Был Клюев в Питере — русское общество чуть его не лизало, но спустя двадцать четыре часа русское общество разочаровалось в поэтическом даровании этого сына народа, ибо сыны народа вообще не способны ездить в баню с мягкими господами и не видят преображения плоти в педерастию». В феврале был в СПб Клычков, поэт из Тверской губернии из мужиков, читал там в литературном интимном театре под названием «Бродячая собака» свои хрустальные песни, так его высмеяли за то, что он при чтении якобы выставил брюхо, хотя ни у одной петербургской сволочи нет такого прекрасного тела, как у Клычкова. Это высокий, с соколиными очами юноша, с алыми степными губами, с белой сахарной кожей... Я предостерегаю тебя, Александр, в том, что тебе грозит опасность, если ты вывернешься наизнанку перед Городецким. Боже тебя упаси исповедоваться перед ними, ибо им ничего и не нужно, как только высосать

из тебя всё живое, новое, всю кровь, а потом, как паук муху, бросить одну сухую шкурку. Охотников до свежей человеческой крови среди книжных обзорщиков гораздо больше, чем в глубинах Африки. Городецкий написал про меня две статьи зоологически-хвалебные, подарил мне свои книги с надписями: «Брату великому слава», но как только обнюхал меня кругом и около, узнал мою страну-песню (хотя на самом деле ничего не узнал), то перестал отвечать на мои письма и недавно заявил, что я выродился, так как эпос — не принадлежащая мне область. Есть только «эпос» С. Городецкого. Вероятно, он подразумевает свою «Иву». Вот, милый, каковы дела-то. А уж я ли не водил «Бродячую собаку» за нос, у меня ли нет личин «для публики». То же советую и тебе, Брат мой: не исповедуйся больше, не рассылай своих песен каждому. Не может укрыться город, на верху горы стоя.

В апрельском № «Ежемесячного журнала» уже мы рядом. Будешь писать, упомяни, прилюбились ли тебе эти мои стихот<ворения>? В твоем «Кладе» плохая четвертая строфа и от литературщины последняя строфа. В четвертой строке два шелудивых слова «кто-то» и «чьих-то», и нет гармонии красок, — ведь лес не комната для прислуги, где шепот чьих-то голосов... — и скрипит кровать. Я бы написал так:

В дуплах ветра перезвоны
Али сходбище бесов?!
Кто-то бродит потаенный
Меж насупленных стволов.

Последняя же строка «и в онучах до сих пор» не<и>скусна, чуть-чуть не из Мельшина.

Для меня очень интересна твоя любовь и неудовлетворенность ею. Но я слыхал, что в ваших краях сарты прекрасно обходятся без преподавательниц из гимназий, употребляя для любви мальчиков, которых нарочно держат в чайных и духанах для гостей. Что бы тебе попробовать — по-сартски, авось бы и прилюбилось, раз уж тебя так разбирает, — да это теперь и в моде «в русском обществе». Хвати бузы или какого-нибудь там чихирю, да и зачихирь по-волжски. Только обязательно напиши мне о результатах <...>. Стихов твоих я не поправляю — это будет вредно для тебя. В письмах писателям я расхваливаю тебя на все корки. Целую тебя, ягодка, прямо в... сердце.

Н. К.

3 мая.

Спиши мне то место, где говорится про меня, из доклада Замысловской.

84. А. В. ШИРЯЕВЦУ

28 июня 1914 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Я получил твое письмо. Спасибо, что не забываешь. Всё, что ты говоришь, правда. Очень рад тому, что Клычков тебе прилюбился. В июньской книге «Заветов» 6-ть его стихотворений — свежих, как Апрельский Лес, особенно 4-ое и 5-ое с шестым.

«Как ряски в полночь одевают
Ряды придорожные ив...»

«А за лесом гаснет и манит
Меж туч заревой городок...»

Удивительны по строгости, простоте и осиянности строки! Его адрес: станция Талдом, Север<ная> ж<елезная> д<орога>, деревня Дубровки (губ<ер>ния> Тверская). Сергею Антоновичу Клычкову. Он мне писал про тебя, что ты с головой человек, но что стихи твои, которые читал ему Городецкий, нравятся ему местами, но ему кажется, что с них, т. е. стихов, содрана кожа, иначе говоря, они схематичны, похожи на план *еще не построенного здания*. Но так это потому, что неволя твоя видна в песнях твоих. Ты правду сказал, что на нас с Клычковым ни<ч>то не висит, кроме бедности. Особенно прекрасен мой север с лесами, с озерами, с избами такими же, каку<ю> я присылаю тебе. Это <так> называемая «столбовая или Красная изба», а есть еще Белая и черная — т. е. курная. У нас не надо картин Горюшкина-Сорокопудова аль Васнецовых — всё еще можно видеть и ощущать «взаправду». Можно посидеть у настоящего «косящата окна», можно видеть и душегрейку, и сарафан-золотарь, и жемчужную поднизь, можно слышать и Сказителя. Милый Шура, что ты держишься за лишних 20 руб. Подай прошение в Архангельский округ — попадешь куда-либо в Кемь или город Шенкурск — аль в село купецкое. Живут же чиновники с семьями в наших краях — не умирают с голоду... Почему тебе кажется, что мне не идет говорить про любовь и про сартские нравы — я страшно силен телом, и мне еще нет 27-ми годов. Встречался я с Клычковым, и всегда мы с ним целовались и дома, и на улице... Увидел бы я тебя, то разве бы удержался от поцелуев? <...> В приезд в Россию Верхарн читал лекцию «О культуре энтузиазма». Итог этой лекции такой: «Восхищайтесь друг другом, люди», — а я и без Верхарна знаю, что это так, и живу «восхищенным». Еще ты пишешь, что если бы я ничего больше не написал — то и старого достаточно, чтобы я «остался»... Ну разве это утешение? Вот Брюсов так не

считает себя «вечным», а утешается настоящим, тем, что ему подносят цветы, шлют письма, описывают в «Огоньке»...

Меня вовсе не радуют свои писанья. Вот издам еще книжку, — и прикрою лавочку: потому что будь хоть семи пядей во лбу, — а Пушкинские премии будут получать Леониды Афанасьевы да Голенищевы-Кутузовы, — а тебе гнилая изба, вонючая лохань, первачный мякиш по праздникам, а так «кипятоцик с хлибцём», сущик да день в неделю крутиковая каша с коровсячим маслом, бессапожица и беспорточица, а за писания — фырканье г<оспод> поэтов да покровительственный басок г<оспод> издателей — вот и всё. И ты, милый, не жди ничего другого — предупреждаю тебя... Есть у тебя хлеба кусок, правда, горький, но в случае писательского успеха тебе не перепадет и крошки. Вот, напр<имер>, в январской книжке «Заветов» пропечатаны мои стихи, и до сих пор не высланы деньги за них. В майской кн<иге> «Северных записок» — то же. Получил ли ты с «Ежемесячного» что и по сколько за строку? Пишу это потому, что очень нуждаюсь. Мама умерла; на руках у меня 70-тилетний отец, пеку и варю сам, мою пол, стираю — всё это надбавка к моей лямке. Ты говоришь про общину «Писателей из народа». Я принимаю братство — житие вкупе вообще людей, а не одних писателей. Община осуществима легко при условии безбрачия и отречения от собственности и довольствования «насущным», Какая радость жить вместе с людьми одного духа, одного Света в очах!.. Есть община в Воронежской губ<ернии>, основана Иваном Беневским по-толстовски, но мне что-то не по себе, когда подумаю об ней. Братству, Шура, писанье будет мешать. Только добровольная нищета и отречение от своей воли может соединить людей. Считать себя худшим под солнцем, благословить змею, когда она ужалит тебя смертельно, отдать себя в пищу тигрице, когда увидишь, что она голодна, — вот скрепы между людями. Всемирное, бесконечное сожаление — вот единственная программа общежития. Вере же в человека нужно поучиться, напр<имер>, у духоборов или хлыстов-бельцов, а также у скопцов. Вот, братик мой, с кем надо тебе сойтись, если ты искренне ищешь Вечного и Жизни настоящей. Александр Добролюбов и Леонид Семенов, два *настоящих* современных поэта, ушли к этим людям — бросив и прокляв так наз<ываемое> искусство, живут в бедности и в трудах земельных (сами дети вельмож), их молитвами спасемся и мы. Аминь.

Любящий тебя — брат твой Николай.

28 июня <1>914 г.

Некрасову напишу про тебя.
Блока я знаю лично — он такой же, как и все.
Будешь писать Замысловской — кланяйся от меня.

85. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Осень 1914 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Благодарю Вас, г. Измайлов (имени и отчества Ваших я не знаю), за добрые слова. — Они такие же, как и в 1907 году, когда Вы написали мне ответ на мое письмо к Вам. Считаю за великую честь иметь от Вас Ваши «Осени мертвой цветы запоздалые». Уверьтесь в этом.

Живу в бедности и одиночестве в лесной деревушке, около пятисот верст от чугунки, еще дальше водою, не близко и от почтового отделения, и рад всякой книге, тем более Вашей, к тому же связанной с воспоминаниями о моих песенных зачалах.

Низко Вам кланяюсь и благодарно благодарю.

Николай Клюев.

86. А. В. ШИРЯЕВЦУ

До 15 ноября 1914 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Дорогой мой братик! Я не забыл тебя и постоянно ты у меня в сердце, но жизнь так строга, что не позволяет многого и многое осуждает. Всё это время у меня не было слов к тебе. Когда придут слова, тогда напишу больше. Стихи я пишу очень редко — и помалу. Твоя матросская песня размашиста и ярка, но кряду видно, что море-океан не знакомы тебе. Пиши свое — телеграфное или домашнее, или бухарское. Брихничев и я хотели ехать по осени в Ташкент, но война помешала, Присылаю тебе вид одного из погостов Олонии. Неизъяснимым очарованием веет от этой двадцатичетырехглавой церкви времен Ивана Грозного. Фотография моего петроградского знакомого и в продаже навряд ли есть. Клюев.

Всмотрись, милый, хорошенько в этот погост, он много дает моей душе, еще лучше он внутри, а около половины марта на зорях — кажется сказкой. У нас давно зима, сутёмки. Светло только около полудня, а в два часа дня достаем огонь. Кланяется тебе мой отец. Он читал тебя.

19 ноября — 1913 года

Хорошо ввечеру при лампадке
Погрустить и поплакать втишок,

Из резной низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок.

Ненаедою-гостем за кружкой
Усадить на лежанку кота,
И следить, как лучи над опушкой
Догорают виденьем креста.

Как бредет позад дремлющих гумен,
Оступаясь, лохмотница-мгла...
Всё по-старому... Дед, как игумен,
Спит лохань и моргает метла.

Лишь чулок, как на отмели верша,
И с котом раздружился клубок;
Есть примета, — где милый умерший,
Там пустует кольцо иль чулок.

Там божничные сумерки строже,
Дед безмолвен, провидя судьбу,
Глубже взор и морщины... О Боже!
Завтра год, как родная в гробу!

Это мое последнее стихотворение. Напиши, как оно тебе покажется, сладостным или недоуменным?

Твоя баская занавеска вся пошла на блёзны, т. е. на прорехи, и висит-то, кажется, недвижимо... прямо что-то зловещее. Я каждый день хожу в рощу — сижу там у часовенки — а сосны столетние, в небе вершок, думаю о тебе: какой ты горячий да <к>руглоголовый — и хочешь стать памятником в Жигулях...

Целую тебя в очи твои и в сердце твое — милое. Сегодня такая заря сизоперая смотрит на эти строки, а заяц под окном щиплет сено в стогу. О матерь пустыня! рай душевный, рай мысленный! Как ненавистен и черен кажется весь так называемый Цивилизованный мир, и что бы дал, какой бы крест, какую бы Голгофу понес, чтобы Америка не надвигалась на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку...

87. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

26 ноября 1914 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич! Присылаю Вам пять своих стихотворений. Они написаны с ошибками в словах и знаках, так уж Вы сами потрудитесь исправить.

Если стихи окажутся годными для «Бирж<евых> вед<омостей>», то нельзя ли выслать мне хотя эти номера, где они (стихи) будут помещены.

Низко Вам кланяюсь

Николай Клюев.

26 ноября 1914 г.

88. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Ноябрь—декабрь 1914 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Виктор Сергеевич!

Получил ноябрьский № журнала. Как он меня радует, Ваш журнал! Какие чудесные вещи у Гребенщикова! А я вот всё не могу написать Вам рассказа, хотя и копошится в голове кой-что, но так много уходит ясных, свежительных дней на черный труд, что немного остается времени на писанье стихов, к которым есть любовь. Очень бы желательно, чтобы Вы прочитали мои стихи в № 5 «Северных записок». От Иванова-Разумника получил письмо — очень хвалит мои новые стихи. За этот год я получил больше 70-ти вырезок о себе и о «Лесных былях» и десятка три писем. — Вот только Городецкий, несмотря на то, что чуть не собственной кровью дал мне расписку в братстве — молчит и на мои письма ни гу-гу... Или это и есть тот сорт публики, которая увлекается и братством лишь на полчаса времени? Дорогой Виктор Сергеевич! Нет ли в редакции книги «Звенья» Бальмонта, я до сих пор его не читал толком. Всех книг мне не купить — а в этой его избранные стихи — если возможно, то нельзя ли мне эту книгу прислать — стоимость вычтя из моих стихов. Очень буду благодарен.

Опечатки.

В первой песне —

Строка 17-ая сверху напечатано — «коротать», надо «коротати».
Строка 2-ая снизу напечатано — «пугавица», надо «пугвица» .

Во второй песне —

Строка 23-я сверху — напечатано «мелкосборчатая», надо «медносборчатая». Строка последняя — напечатано «кипучая», надо «капучая».

В пятой песне —

Строка 15-ая — напечатано «крылечко», надо «крылечико».

Это опечатки в «Песнях из Заонежья» — быть может, можно будет оговорить их в декабрьской книжке, — потому что искажены нужные и характерные слова.

Вскоре пришлю Вам «Избяны́е песни». А. Ширяевец — мой знакомец и, по-моему, подвига<е>тся вперед. Душа у него хорошая, он моloденький и собой пригожий, а это тоже хорошая примета. От всего сердца желаю Вам здравия и успеха. Нельзя ли мне написать адрес Гребенщикова, так тянет поговорить с ним — милым и таким могучим.

Николай Клюев.

89. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Январь (до 23-го) 1915 г.
Олонецкая губ.

Дорогой Виктор Сергеевич!

Шлю Вам «Избяные песни». Радостно бы увидеть их в «Ежемесячном журнале». Песни немногословные и потому желательно бы их напечатать в одном № в указанном порядке, который имеет смысл и, по-моему, обостряет впечатление.

Какая чудесная декабрьская книга журнала! И как хорошо, что в отделе поэзии не встречается Година, Вяткина, Галиной и т. п. до Андрусона включительно. Какая строгость линий намечается у Анны Ахматовой:

«Божественна, спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука».

Я знаю, что Ахматова и компания не верят в мое понимание искусства, думают, что под искусством я подразумеваю прикладное искусство, слышал я, что они фыркают на мои писания, так как, видите ли, у меня истощился «запас культурных слов», что, по их понятию, является показателем скудости душевной — на всё это претит возражать.

Дай, Господи, жизнь Вашему журналу!

В предыдущем письме я беспокоил Вас просьбами — простите за них и если они Вам неприятны, то предайте их забвению.

Приветствую Вас поцелуем живым и искренним.

Н. Клюев.

90. Л. В. БЕРМАНУ

Январь—апрель 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Милостивый Государь, господин редактор, благодарю Вас за извещение о том, что мои стихотворения «Рыжее жнивье» и «Судьба» приняты Вами в «Голос жизни». Присылаю Вам еще несколько своих произведений, которые нуждаются в предварительном исправлении, так как написаны с ошибками в словах и знаках.

Извиняюсь за беспокойство, почтительнейше прошу Вас о следующем: живу в бедности и одиночестве и был бы обрадован несказанно, если бы Вы нашли возможность выслать мне Ваш журнал. Я же со своей стороны обещаюсь предоставлять на Ваше усмотрение всё лучшее, что мною будет написано.

Усердно прошу известить о судьбе настоящих стихотворений и в случае напечатания их не задержать авторских по 50 коп. за строчку.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении —

Николай Алексеевич Клюев.

Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии, Вытегорского уезда.

91. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Февраль 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Алексеевич,

низко кланяюсь Вам и присылаю две песни. Они написаны для деревни, но шлю их Вам. Если приглянутся, то пусть «Бир<жевые> вед<омости>» печатают по 50 коп. за строчку, так как везде, где я печатаюсь, мне платят не меньше.

Будьте милостивы, пришлите мне вырезки с моими первыми к Вам стихами — их всего четыре, из которых одно — «В родном углу» я получил при Вашем ко мне письме. О пятом же стихотворении «Ночь на Висле», посланном вместе с упомянутыми четырьмя, я никаких сведений не имею. Если оно забраковано, то мне необходимо знать это, чтобы при наличности свободного стихотворения не огорчать отказом любимые журналы.

Жизнь нам невольно идущая.

Николай Клюев.

Февраль 1915 г.

92. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Февраль? 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Алексеевич! Я давно послал Вам письмо со стихами «Гей, отзовитесь, курганы» и «Рыжее жнивье» — погодились ли для газеты? Посылаю Вам еще песню, буде годится, то побеспокою Вас просьбой выслать мне деньги. Мука у нас 20 руб. куль, пшено 15 коп. фунт, не знаю, как перебьемся этот год. Будьте добры и милостивы, не задержите денег за стихи. Адрес старый. Низко кланяюсь.

Николай Клюев.

93. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Февраль? 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Алексеевич, благодарю Вас за извещение о моих стихах последнего присыла. Стихот<ворений> было два — одно «Как у кустышка» и другое про солдатку, как Вы сообщаете, похеренное цензурой. Значит ли это, что первое стихотворение «Как у кустышка» принято Вами для «Бир<жевых> вед<омостей>»? Присылаю Вам еще два стихот<ворения> — одно из них как будто и не военное, но навеяно оно переживаемым временем. Никакого Вашего письма с предложением писать о себе я не получал. Почтовое отд<еление> от меня далеко, письма идут через волостное правление, а там много всякого любопытствующего начальства, у которого я на дурном счету, так что Ваше письмо, верно, попало Попу или Уряднику, а не то и самому Становому. Но уже и то, что Вы написали обо мне в «Биржевых» — прибавило мне врагов из лиро-эпических и разных протчих столичных поэтов. Так что не лучше ли быть подальше от греха?

Низко Вам кланяюсь и извиняюсь за беспокойство.

Николай Клюев.

94. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Февраль? 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Алексеевич, беспокою Вас вновь своим письмом с приложением «Поминного причита», который очень жела-

тельно мне пропечатать и за который больно, если он окажется негодным для «Бирж<евых> ведомостей».

Усердно прошу Вас посоветовать мне о следующем: стоит ли издавать мне мои песни о теперешних событиях отдельной книжкой и если стоит, то не укажете ли Вы мне подходящего издателя, т. е. такого, который бы мне заплатил за книгу и взял бы на себя корректуру.

Кроме настоящего письма я послал Вам два предварительных со стихами: «Гей, отзовитесь, курганы», «Рыжее жнивье» и «Кабы я не Акулиною была».

С искр<енним> уваж<ением> Николай Клюев.

Мариинск<ое> Олонецкой губ., Вытегорского уезда.

95. В. С. МИРОЛЮБОВУ

17 марта 1915 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Дорогой Виктор Сергеевич, напишите два слова, — я болен и одинок — давно послал Вам письмо со стихами под названием «Избяные песни». Как Вы живете? Как журнал? Мне страшно тяжело, дорогой Виктор Сергеевич! В последних моих к Вам письмах были нехорошие строки — в них я любовался собой как поэтом — простите меня, Бога ради, за них — они написаны не из совести, а по подсказу со стороны — людьми жестокосердными и стоящими вне матери-жизни. Я во многом провинился в последнее время, но теперь болен и казню вдобавок себя за провинки — за измены своей природе ради похвалы глупых — ничего не смыслящих в жизни — людей. Если теперешнее мое состояние пройдет болезнью — то я спасен, если же и болезнь не выручит, то надеяться не на что — больше меня как поэта существовать не будет. Еще раз усердно прошу об ответе. Целую Вас, как отца родного.

Николай Клюев.

96. А. В. ШИРЯЕВЦУ

4 апреля 1915 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Любезный друг и поэт любимый! Сегодня узнал, что письмо, посланное тебе недавно по бабе для отправки на почту, утеряно бабой, и вот пишу вновь. Так тяжело себя я чувствую за последнее время, и

тяжесть эта особенная, испепеляющая, схожая со смертью: не до стихов мне и не до писем, хотя и таких дорогих, как твои. Измена жизни ради искусства не остается без возмездия. Каждое новое произведение — кусочек оторванного живого тела. И лжет тот, кто книгу зовет детищем. Железный громыхающий демон, а не богиня-муза — помога поэтам. Кто не молится демону, тот не поэт. И сладко и вместе нестерпимо тяжело сознавать себя демонопоклонником. Твоей муке я радуюсь — она созидающая, Ванька-Ключник сидит в тебе крепко, и если он настоящий, то ты далеко пойдешь. Конечно, окромя слов «боярин, молодушка, не замай, засонюшка» необходимо видеть, какие пуговицы были у Ванькиной однорядки, каков он был передом, волосаты ли у него грудь и ляжки, были ль ямочки на щеках и мочил ли он языком губы или сохли они, когда он любезничал с княгиней? Каким стёгом был стёган слёзный ручной платочек у самой княгини и употреблялись ли гвозди при постройке двух столбов с перекладиной? И много, страшно много нужно увидеть певцу старины... У нас теперь весна, жавор<о>нки поют, уток налетело на плёса дочерна.

Как у вас в Бухаре? Выезжаешь ли ты в Россию? Если выезжаешь, то когда будешь в Петрограде? Приблизительно с половины мая меня не будет тоже в здешних местах, и если ты будешь писать, то адрес: Чуровское, Новгородской губернии, Елене Голубовой для Н. А. Клюева. Н. А. необходимы.

Читал ли ты «Ананасы в шампанском» Игоря Северянина? И что про них скажешь? Многие его стихи в «Громокипящем кубке» мне нравятся. Не слышал ли ты п<р>о Константина Липскерова — он живет где-то в Бухарщине, кажется, в Самарканде, и пишет чудесные стихи про Азию — и печатает в «Северных записках». В стихах Липскерова истинная красота и истинная оригинальность. Как тебе показались «Избяные песни» в мартовском № «Ежем<емесячного> жур<нала>»? В твоем последнем письме есть слова про Невский проспект, что не скит, а он прельщает тебя. Слова эти родили во мне что-то недоброжелательное, что-то... но неужели это ревность? И неужели ты становишься моей новой болью? Если это так, то в этом есть опасность, но есть и возможность испить восторг горький. Сейчас нет слов во мне передать это, и не всё принимает бумага. Присылай свои песни — но издавать их, пока война, я не советую. Мои военные песни имеют большой успех и почти каждая вызывает газетные обсуждения, но издателя им как в столицах, так и в провинции, я не нашел. Желаю тебе песен могучих и молодых красных улыбок и ярых кудрей — мой Александр, мой братик, мой поэт кровный!

Твой искреннейший друг и ласково любящий брат

Николай Клюев.

4 апреля. 1915 год.

Напиши мне, что за сапоги у сарта, что сидит на осле — на открытке? Они поразили меня сходством с сапогами царя Алексея Михайловича, что я видел в Москве в палатах бояр Романовых. Цветные ли эти сапоги али черные? Ес<ть> ли на переде шнуровка? Они удивительно татарско-русские. И если возможно, то пришли мне такие с загнутыми носами *подлинно сартские* сапоги, конечно, если они не дороже 8 руб. и не имеют шнуровки. Деньги я могу выслать наперед, если что или налож<енным> плат<ежом>. Мерка на калоши № 11. Буду ждать ответа.

97. В. С. МИРОЛЮБОВУ

16 апреля <1915 г.>
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Виктор Сергеевич! Спасибо и спасибо за весточку! Услышать от Вас несколько слов для меня приобретение. Усердно прошу и впредь не оставлять моих писем без ответа, особенно тех, которые порождены сомнениями о моем творчестве. «Нездоровая суета», которой я, как Вы пишете, должен остерегаться — мне ненавистна и никогда не обольстит меня, как и город, и люди, обóжившие «Бродячую собаку». Совет же Ваш «гордо держать сердце» давно доказан мною делами, хотя бы, например, моим отношением к князьям поэзии. Еще Вы советуете не «уснащать местными словами общих мотивов» — и этот совет лишь подтверждает мои рóзмысли «об общих мотивах», и до сих пор мною не написано ничего на общие мотивы, что бы было уснащено местными словами. — Самое большое, что я себе позволяю, это четыре народных слова на 32 строчки стихотворения, и то поясняя упомянутые слова предыдущим содержанием, в строгом согласии с формой и с замыслом стихотворения, т. е. так, чтобы не требовалось никаких пояснительных сносок.

В меня не вмещается ученое понятие о том, что писатель-певец дурно делает и обнаруживает гадкий вкус, если называет предметы языком своей родной местности, т. е. все-таки языком народным. Такое понятие есть лишь недолговечное суеверие. Народная же назывка — это чаще всего луч, бросаемый из глубины созерцания на тот или иной предмет, освещающий его с простотой настоящей силы, с ее огнем-молнией и мягкой росистой жалостью, и не щадить читателя, заставляя его пробиваться сквозь внешность слов, которые, отпугивая вначале, мало-помалу оказываются обладающими дивными красотами и силой, — есть для поэта святое дело, которое лишь обязывает читателя иметь больший запас сведений и обязывает на большее

с его стороны внимание. В присланном Вам мною моем «Беседном наигрыше», представляющем из себя квинтэссенцию народной песенной речи, есть пять-шесть слов, которые бы можно было объяснить в подстрочных примечаниях, но это не только изменяет мое отношение к читателю, но изменяет и самое произведение, которое, быть может, и станет понятнее, но в то же время и станет совсем новым произведением — скорее нарушением моего замысла произвести своим созданием известное впечатление. Поэтому будьте добры и милостивы не делать никаких пояснительных сносок к упомянутому «Беседному наигрышу» и оставить его таким, каким я Вам его передал, причем напечатать его в майской книжке журнала, но не летом в июне, когда (как принято думать) пускаются вещи более слабые и бочком протискиваются папиросные стишки. Если же сие моление мое неприемлемо и трикрато помянутый «Наигрыш» не заслуживает майской или осенней книжки, нуждаясь к тому же в пояснительных примечаниях, то паки молю сообщить мне о сем, за что заранее приношу мою Вам благодарность.

Дорогой Виктор Сергеевич! Я подавал прошение о желании моем поступить братом милосердия, но помехой послужило мое увольнительное свидетельство по тяжкой болезни от солдатчины, то я думаю ехать в Петроград на переосвидетельствование, как Вы посоветуете — Ваше слово мне и в этом деле поможет. Брат у меня бросил всю домашность и ушел добровольцем. В первых числах мая к Вам зайдет Алек<сандр> Ширяевец, к тому времени, может, и я буду в Петрограде, то Вы пошлите Ширяевца ко мне по адресу: Усачев переулок, дом № 11, кв. 1, спросить Ращеперину.

Желаю Вам здравия душевного и телесного. Христос Воскресе. Своими тяготами не буду Вам надоедать. Ваш, крепко любящий брат Н. Клюев.

16 апреля. Жду ответа жадно.

98. К. Ф. НЕКРАСОВУ

23 апреля 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Константин Федорович,
будьте милостивы сообщить, как мои «Лесные были»? и еще моя нижайшая просьба к Вам: не найдете ли возможным прислать мне стихи Сухотина и Натали Крандиевской безвозмездно, чем обрадуете меня несказанно.

Низко Вам кланяюсь. Николай Алексеевич Клюев.

Адрес: Мариинское почт<овое> отд<еление> Олонецкой губ., Вытегорского уезда.

99. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Апрель—июнь? 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Алексеевич, благодарю Вас за добрый совет о предполагаемой книге моих военных песен. Я обрадован Вашей похвалой песни «Кабы я не Акулиною была».

Еще до выступления моего в печати Вы написали мне о моих песнях следующее: «Всё это настоящая лирика, земная, свежая, национальная, сильная», и я верю Вам, как отцу родному. Вы и В. С. Миролюбов говорите о моих песнях одинаково, почитай что одними и теми же словами. Дай Вам Бог здоровья и отгони от Вас Господь Духа уныния и холодности. Окромя прилагаемой «Мирской думы» Вам послал «Поминный причит», сверху его я упустил поставить «Из песен о войне».

Деньги 51 руб. 80 коп. я получил, за что премного благодарю.

Жизнь Вам и крепость!

Остаюсь известный Вам Николай Клюев.

«Речную сказку» посылаю для «Огонька», быть может, погодится.

100. К. Ф. НЕКРАСОВУ

2 мая 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Константин Федорович!

Не угодно ли Вам издать мои песни о войне, которые в печати имеют большой успех, и почти каждая вызывает газетные обсуждения, что подтверждает прилагаемое письмо А. Измайлова, отзыв которого для книгопродавца действеннее, чем отзыв Вячеслава Иванова и т. п.

С выходом новой книги неизбежно увеличится спрос и на мои прежние книги «Лесные были» и «Сосен перезвон», потому что новая моя книга под названием «За родину» не может пройти незамеченной.

За «Полынь» Сухотина мое Вам глубокое благодарение. Жду скорого и благоприятного от Вас ответа и еще раз усердно благодарю за доброе Ваше ко мне отношение.

Н. Клюев.

Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии.

У меня на примете есть несколько икон, по-моему, 14 или начала 15 века «Восхищение пр. Илии», «Воскрешение мертвых» и несколько однощельных медных складней. Как поеду в Москву, то завезу их Вам.

101. С. А. ЕСЕНИНУ

2 мая 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Милый братик, почитаю за любовь узнать тебя и говорить с тобой, хотя бы и *не написала* про тебя Гиппиус статьи и Городецкий *не издал* твоих песен. Но, конечно, хорошо для тебя напечатать наперво 51 стихотворение.

Если что имеешь сказать мне, то пиши немедля, хотя меня и не будет в здешних местах, но письмо твое мне передадут. Особенно мне необходимо узнать слова и сопоставления Городецкого, не убавляя и не прибавляя их. Чтобы быть наготове и гордо держать сердце свое перед опасным для таких людей, как мы с тобой, соблазном. Мне много почувствовалось в твоих словах, продолжи их, милый, и прими меня в сердце свое.

Н. Клюев.

102. В. С. МИРОЛЮБОВУ

5 мая 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Мир Вам и жизнь, возлюбленный Виктор Сергеевич. На Ваше горé имеем в сердцах восклицаю умильно: благодарим Господа!

Предаюсь Вам весь и верю Вам, как отцу родному. Простите за беспокойное заказное письмо, но я переживаю тяжкое время — и что это выдумал Городецкий? Как я просил всех не писать *обо мне*, а если и писать, то касательно лишь моих произведений. Меня теперь не будет дома, буду в другом уезде по сплаву лесных материалов — но письма можно писать по-старому, лишь подольше придется ждать ответа.

103. С. А. ЕСЕНИНУ

9 июля 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Что же ты, родимый, не отвечаешь на мои письма? Мне бы хотелось узнать, согласен ли ты с пониманием моим твоих стихотворений: я читал их в «Голосе жизни» и в «Еже<месяч>ном журнале»... Читал ли ты в № 20 «Голоса жизни» мои стихи и что про них скажешь? Я очень люблю тебя, Сережа, заочно — потому что слышу твою душу в твоих писаниях — в них жизнь, невольно идущая. Мир тебе и любовь, милый. Адрес: Мариинское почтовое отделение Олонецкой губ., Вытегорского уезда, Николаю Клюеву.

Любящий тебя светло, остаюсь в ожидании.

Я живу в большой скорби.

104. В. С. МИРОЛЮБОВУ

22 июля 1915 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Виктор Сергеевич.

Низко Вам кланяюсь, желаю здоровья и в делах Ваших скорого успеха, журнал получаю и восхищаюсь им каждономерно. Какие простые неискусные песенки Есенина в <и>юньской книжке, — в них робость художника перед самим собой и детская, ребячья скупость на игрушки-слова, которые обладателю кажутся очень серьезной вещью. Когда пойдет мой «Беседный наигрыш» и пойдет ли вообще? Мне нужно это знать. По осени думаю издать книжку про то, что волнует теперь всех — не знаю, найдется ли издатель, а стихи, навеянные событиями, хвалят и газеты, и книжники.

Шлю Вам три стихотворения под общим заголовком «Лесная пороша». Про «Избяные песни» я получил большую статью, где я сравнен ни много ни мало как с Метерлин<к>ом — но по прочтении упомянутой статьи во мне осталась какая-то обида, род презрения к себе. Как *Вы* поживаете? Как журнал?

Жизнь Вам и крепость.

Остаюсь с любовью к Вам

Н. Клюев.

22 июля.

105. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Июль? 1915 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Дорогой Александр Алексеевич,
извините, что долго не отвечал на Ваше письмо, где Вы упоминаете о моем портрете.

Не отвечал я потому, что был в отлучке в другом уезде по сплаву лесных материалов, а теперь сенокос — всё недосуг, да к тому же я один по избяным и по протчим делам, а портретов у меня нет. Приеду в Петроград в сентябре, снимусь и почту за удовольствие преподнести Вам свой портрет — за великую честь считаю иметь в свою очередь и Ваш.

Я писал в контору «Бирж<евых> вед<омостей>», чтобы мне выслали деньги за стихи: «Мирская дума», «Кабы я не Акулиною была», «Поминный причит», «Речная сказка», «Слезный плат» и «Рыжее жнивье», но оттуда ни слуху ни духу, а деньги мне нужны — они дадут мне возможность съездить в Питер — на эту получку вся моя и надежда.

Мне стыдно Вас беспокоить, но и на этот раз будьте добры посодействовать высылке мне за упомянутые стихи по 50 коп. за строчку. Страшно бы хотелось повидаться с Вами.

Известный Вам Николай Клюев.

Мариинск<ое> Олонецкой губ., Вытегорского уезда.

Присылаю Вам песни под тальянку, быть может, они представляют некоторый интерес.

106. С. А. ЕСЕНИНУ

Август? 1915 г. Олонецкая губ.,
Вытегорский уезд

Голубь мой белый, ты в первой открытке собирался о многом со мной поговорить и уже во втором письме пишешь через строчку и то вкратце — и на мои вопросы не отвечаешь вовсе. Я собираюсь в Петроград в конце августа, и ты, может быть, найдешь что-либо нужным узнать про тебя, но я не знаю, что тебя больше затрагивает, и наберу мелочей, а нужное и полезное тебе упущу. Ведь ты знаешь, что мы с тобой козлы в литературном огороде и только по милости нас терпят в нем и что в этом огороде есть немало ядовитых и колючих какту-

сов, избегать которых нам с тобой необходимо для здравия как духовного, так и телесного. Особенно я боюсь за тебя: ты как куст лесной щипицы, который чем больше шумит, тем больше осыпается. Твоими рыхлыми драчёнами объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском. Я не верю в ласки поэтов-книжников и не лягать их тебе не советую. Верь мне. Слова мои оправданы опытом. Ласки поэтов — это не хлеб животный, а «засахаренная крыса», и рязанцу, и олончанину это блюдо по нутру не придет и смаковать его нам прямо грешно и безбожно. Быть в траве зеленым и на камне серым — вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть. Знай, свет мой, что лавры Игоря Северянина никогда не дадут нам удовлетворения и радости твердой, между тем как любой петроградский поэт чувствует себя божеством, если ему похлопают в ладоши в какой-нибудь «Бродячей собаке», где хлопали без конца и мне и где я чувствовал себя наинесчастнейшим существом из земнородных. А умиляться тем, что собачья публика льнет к нам, не для чего, ибо понятно и ясно, что какому-либо Кузьмину или графу Мон-те-тули не нужно лишний раз прибегать к шприцу с морфием или с кокаином, потеревшись около нас. Так что радоваться тому, что мы этой публике заменили на каких-либо *полчаса* дозу морфия — нам должно быть горько и для нас унизительно. Я холодею от воспоминаний о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики. У меня накопилось около двухсот газетных и журнальных вырезок о моем творчестве, которые в свое время послужат документами, вещественными доказательствами того барско-интеллигентского, напыщенного и презрительного взгляда на чистое слово и еще того, что салтычихин и аракчеевский дух до сих пор не вывелся даже среди лучших из так называемого русского общества. Я помню, как жена Городецкого в одном собрании, где на все лады хвалили меня, выждав затишья в разговоре, вздохнула, закатила глаза и потом изрекла: «Да, хорошо быть крестьянином». Подумай, товарищ, не заключается ли в этой фразе всё, что мы с тобой должны возненавидеть и чем обижаться кровно. Видите ли — не важен дух твой, бессмертное в тебе, и интересно лишь то, что ты холуй и хам Смердяков, заговорил членораздельно. Я дивлюсь тому, какими законами руководствовались редакторы, приняв из 60-ти твоих стихотворений 51-но. Это дурная примета, и выразить, вскрыть такую механику можно лишь фабричной поговоркой «За горло, и кровь сосать», а высосавши, заняться тщательным анализом оставшейся сухой шкурки, чтобы лишний раз иметь возможность принять позу и с глубокомысленным челом вынести решение: означенная особь в прививке препарата 606-ть не нуждается, а посему изгоняется из сонма верных.

Мне очень приятно, что мои стихи волнуют тебя, — конечно, приятно потому, что ты оттулева, где махотка, шелковые купыри и щипульные колки. У вас ведь в Рязани — пироги с глазами, — их ядять, а они глядять. Я бывал в вашей губернии, жил у хлыстов в Даньковском уезде, очень хорошие и интересный люди, от них я вынес, братские песни. Напиши мне, как живешь, какое ваше село — меня печалили рязанские бесконечные пашни — мало лесов и воды, зимой всё как, семикопеечным коленкором потянуто. У нас на Севере — воля, озера гагарьи, ельники скитами украшены... О, как я люблю свою родину и как ненавижу Америку, в чем бы она ни проявлялась. Вот нужно ехать в Питер, а я плачу горькими слезами, прощаясь с рекой окуньей, с часовней на бору, с мошничьим перелетом, с хлебной печью... Адрес мой: Петроград, Фонтанка, № 149, кв. 9. К. А. Ращепериной. Бога ради, не задержи ответ. Целую тебя, кормилец, прямо в усики твои милые.

Н. Клюев.

Что скажешь о стихах в 20 № «Голоса жизни»?

107. С. А. ЕСЕНИНУ

6 сентября 1915 г. Петроград

Милый мой! Я получил твое письмо и рад ему несказанно. Я пробуду в Петрограде до 20 сентября, хорошо бы устроить с тобой где-либо совместное чтение моих военных песен и твоей белой прекрасной Руси.

Жду на это ответ.

Коля.

108. Ж. М. БРЮСОВОЙ

9 сентября 1915 г. Петроград

Глубокоуважаемая Жанна Матв<еевна>!

Убедительно прошу Вас известить меня о следующем: можно ли надеяться на устройство чтения новых произ<ведений> в Обществе свободной эстетики — но только на чтение немедленное по моем приезде в Москву. Низко Вам кланяюсь с Валерием Яковлевичем вкупе.

Адрес: Петроград, Фонтанка 149, кв. 9. Николаю Клюеву.

С искрен<ним> ув<ажением>

Н. Клюев

109. А. М. РЕМИЗОВУ

10 сентября 1915 г. Петроград

Извините за беспокойство, но мне очень бы хотелось показать Вам досюльный рукописный Требник. Я приехал на малое время и никого знающего старое письмо не знаю.

Адрес: Фонтанка 149–9, телефон 609–81.

Николай Клюев.

110. С. А. ЕСЕНИНУ

23 сентября 1915 г. Петроград

Я получил твою открытку, но как быть? Я смертельно желаю повидаться с тобой – дорогим и любимым, и если ты – *ради сего* – имеешь возможность приехать, то приезжай немедля, не отвечая на это письмо. Я пробуду здесь до 5 октября.

Я слышал, что ты хочешь издать свою книгу в «Лукоморье» – это меня убило: преподнести России твои песни из кандального отделения «Нового времени!»

Н. Клюев.

23 сентября.

111. А. А. БЛОКУ

Конец сентября 1915 г. Петроград

Дорогой Александр Александрович!

Я приехал в град Петра на малое время – уехать вновь года на три, не взглянув на Вас, мне тяжело...

Н. Клюев.

Адрес: Фонтанка 149–9, для Н. К. тел. 609–81.

112. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Февраль (после 10-го) 1916 г. Петербург

Дорогой Виктор Сергеевич.

Н. Н. Шульговский желает написать отзыв о моих «Мирских думах» в Вашем журнале. Если позволите, то благоволите сообщить по

телефону 606–68. Лично для меня отзыв Шульговского весьма приятен. Я с Есениным просим у Вас прощения за среду — но проф. Сакулин читал в этот же день доклад о нас, и весь вечер в педагогическом институте был занят нашим стихо-читанием.

Приветствую Вас, остаюсь изв<естный> Вам

Н. Клюев.

113. Д. Н. ЛОМАНУ

Конец марта — начало апреля, до 5-го,
1916 г. Петроград

Полковнику Ломану.
О песенном брате Сергее Есенине моление.

Прекраснейший из сынов крещеного царства мой светлый братик Сергей Есенин взят в санитарное войско с причислением к поезду № 143 имени е. и. в. в. к. Марии Павловны.

В настоящее время ему, Есенину, грозит отправка на бранное поле к передовым окопам. Ближайшее начальство советует Есенину хлопотать о том, чтобы его немедленно потребовали в вышеозначенный поезд. Иначе отправка к окопам неустранима. Умоляю тебя, милостивый, ради родимой песни и червонного всерусского слова похлопотать о вызове Есенина в поезд — вскорости.

В желании тебе здравия душевного и телесного остаюсь о песенном брате молельщик

Николай, сын Алексеев Клюев.

114. И. И. ЯСИНСКОМУ

Май—начало июня 1916 г.
Петроград

Позволю себе беспокоить Вас, дорогой Иероним Иеронимович, просьбой поместить в «Биржевых ведомостях» заметку о моих крестьянских вечерах с Плевицкой, пользовавшихся большим успехом в весеннюю поездку.

Весьма и весьма будем Вам благодарны.

Остаюсь с любовию Николай Клюев.

Фонтанка, 149–9, телефон 609–81.

115. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

26 июля 1916 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Любезный Михаил Васильевич, я в настоящее время дома, прошу прошения, что не зашел к Вам решить об издании моих сочинений, но это не по нежеланию, а по невозможности: я был у Сережи в Рязанской губернии, и оттуда проехал прямо домой. Мое последнее Вам слово о первом томе моих стихов следующее: за три тысячи экземпляров, на одно издание, 500 рублей, ни на что другое я не согласен. В случае Вашего нежелания на это — сообщите мне — сколько я Вам должен за взятые у Вас «Мирские думы»? И я немедля Вам вышлю деньги.

Мир Вам и здравие! Н. Клюев.

Адрес: Мариинское почтовое отд<еление> Олонецкой губернии, Вытегорского уезда.

116. А. В. ШИРЯЕВЦУ

21 ноября 1916 г. Армавир

Голубь мой, я на Кавказе. Спасибо за «Запевку». Может, доеду до тебя.

Клюев.

117. А. В. РУМАНОВУ

1916 или начало 1917 г. Петроград

Аркадий Вениаминович, будьте милостивы — внесите плату за учение в Вытегорском реальном училище мужицкого сына Василия Хотякова. Великим трудом, собирая копейки, я довел его до шестого класса, но в настоящее время сам голодаю и живу где попало, добрых же людей всех отняла война. Спасите Васю Хотякова, ведь он — такая радость и гордость крестьянская. В противном случае он должен, не доучась лишь года, бросить школу, и его немедля заберут в солдаты, так как ему 18 лет. На вас всё упование. Деньги 50 рублей высылать по адресу: город Вытегра Олонецкой губ., г-ну директору Вытегорского реального училища — взнос платить за ученика Василия Хотякова.

Мой же адрес: Фонтанка, 149–9, телефон 609–81.

Николай Клюев.

118. А. В. ШИРЯЕВЦУ

Начало 1917 г. Петроград

Сокол мой, красная Запевка моя, прости меня, ради Бога, за молчание! Но я всё сам собираюсь приехать к тебе. Я был на Кавказе и положительно ошалел от Востока. По-моему, это красота неизреченная. Напиши мне, можно ли у тебя пожить хотя бы месяц? Я не стесню ни в чем, и деньги у меня на прожитие найдутся. Теперь я в Петрограде живу лишь для Сереженьки Есенина — он единственное мое утешение, а так всё сволочь кругом. Читал ли ты «Радуницу» Есенина. Это чистейшая из книг, и сам Сережа воистину поэт — брат гениям и бессмертным. Я уже давно сложил к его ногам все свои дары и душу с телом своим. Как сладостно быть рабом прекраснейшего! Сереженька пишет про тебя статью. Я бы написал, но не умею. Вообще с появлением Сереженьки всё меньше и меньше возвращаюсь к стихам, потому что всё, что бы ни написалось, жалко и уродливо перед его сияющей поэзией. Через год-два от меня не останется и воспоминания. Что ты думаешь про свою «Запевку»? Придаешь ей значение или издал просто так, не сознавая значения? Издана «Запевка» безобразно, и очень мило книгоиздательство «Коробейник». Если бы не стихи про экипажи и про безумные химеры, то можно бы было верить многому в тебе. Так издаваться нельзя: это страшно вредит стихам. Мы в Петрограде читали и пели твои стихи братски — четыре поэта-крестьянина: Сереженька, Пимен Карпов, Алеша Ганин и я. Нам всем понемножку нравится в тебе воля и Волга — что-то лихое и прекрасное в тебе. Быть может, Сереженька удосужится сам написать тебе, это бы было такое счастье, а слова его о тебе я бессилен передать на бумаге.

Милый мой Шура, я очень люблю тебя и никогда не забуду.

Клюев.

Фонтанка, 149–9, Петроград.

119. А. В. ШИРЯЕВЦУ

4 мая 1917 г. Петроград

Милый Шура, получил твою открытку. Верен тебе по-прежнему и люблю бесконечно. Умоляю не завидовать нашему положению в Петрограде. Кроме презрения или высокомерной милости мы ничего не видим от братьев образованных писателей и иже с ними. Христос с тобой, милый.

Клюев.

120. А. М. РЕМИЗОВУ

Май 1917 г. Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии, Вытегорский уезд

Алексей Михайлович, Бога ради высылайте немедля свидетельство Карпинского. Берут.

Н. Клюев.

Адрес: Мариинское почт<овое> отд<еление> Олонецкой губернии, Вытегорского уезда.

Заказным письмом.

121. А. М. РЕМИЗОВУ

29 мая 1917 г. Вытегра

Карпинскому ждат<ь> меня Петрограде от Клюева.

122. И. И. ЯСИНСКОМУ

Начало июня 1917 г. Петроград

Дорогой Иероним Иеронимович, я призываюсь на военную службу, крайне нуждаясь в деньгах. Ради Бога, вышлите по почте гонорар за стихи в «Страде». По Вашей записке я денег от Семёновского не получал — и гонорар целиком остается за «Страдой». Адрес: Фонтанка, 149-9, Н. А. Клюеву.

Приветствую Вас сердечно Н. А. Клюев.

123. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

29 августа 1917 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд, Макачевское волостное правление

Я уже писал Вам, дорогой Михаил Васильевич, чтобы Вы выслали мне следуемые 500 руб., ведь квитанцию отправления можно подшить к нашему договору, как документ. Сам я приехать не могу по нужде моей и по нездоровью. Я так устраивал свои дела, что полученные от Вас деньги все израсходованы — осталась надежды на сен-

тябрьские пятисот — вот о них-то к Вам мое слезное прошение — не заставьте голодать — у нас ничего нет съестного: сахарный песок 5 рублей фунт, керосин 90 коп. фунт и т. д. Еще я Вас просил задержать на некоторое время издание, так <как> я почти уже приготовил его в еще раз подчищенном виде и немедля высылаю его Вам. Вышлите мне список непонятных, по-Вашему, слов для приложения к книге.

Мир Вам. Н. Клюев.

124. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

3 октября 1917 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Мир Вам и крепость, возлюбленный Михаил Васильевич! Присылаю Вам «Песнослов» в окончательном виде и буду ждать издания в радости, с уверенностью во внешности его соответствующей содержанию. Особенно тревожит меня обложка, которую Вы, как говорили, собираетесь заказать художнику, при заказе нельзя ли обратить внимание художника на название книги — в нем вся душа книги, весь рисунок ее.

Если художник будет руководствоваться словом «Песнослов», то не ошибется в выражении лица — обложки.

Моя новая книга подвигается вперед успешно, но ответственное, страшное время обязывает меня относиться к своему писанию со всей жестокостью. Но к осени 1918 г. она будет готова, по крайней мере по количеству оговоренных с Вами стихов (100).

Жду декабрьских 500 руб. Живу я в большом сиротстве, в неугасимой душевной муке, в воздыханиях и молитвах о мире всего Мира, об упокоении всех убиенных, в том числе об одном известном Вам младенце, жизнь которого и торжество так дороги и насущны мне. Но чего не сделает человек, когда покидает его Ангел? Верую, что младенцы, пожранные Железом, будут в Царстве и наследуют Жизнь вечную. Это меня утешает, хоть и плачет Золотая Рязань... Не забываю Вам напомнить, что на обложке «Песнослова» можно поставить: «Книга первая», но никак «тетрадь первая». Мне кажется, что лучше всего напечатать это на корешке: Николай Клюев. Песнослов 1-й, или книга первая.

Покорнейше прошу сообщить о получении рукописи, в ней прибавлено штук десять не вошедших в первые издания стихотворений.

Остаюсь искренне Ваш

Н. Клюев.

125. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Первая декада октября 1917 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Здравствуйте, возлюбленный Виктор Сергеевич, присылаю Вам три стихотворения, и на этот раз очень прошу напечатать, они для меня и лично нужны, но очень был бы благодарен, если бы Вам понравились они и литературно. Я журнала не получаю. А хотелось бы его читать в избяной тишине – дома. Я много грешил в Питере – и так сладостно покаяние под родными соснами. Впротчем, и грехи мои так понятны, а иногда даже и нужны. Досадно лишь, что койкогда я доверялся слишком честным мошенникам. Мир Вам и крепость. Остаюсь сыновне Ваш Н. Клюев.

126. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

Октябрь–ноябрь 1917 г. Мариинское,
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Возлюбленный Михаил Васильевич!

В первых строках моего письма низко Вам кланяюсь и желаю от Господа Бога здравия и в делах Ваших скорого и счастливого успеха. Извещаю Вас через сие мое малое рукописание, что я по милости Божией жив и здоров, чего и Вам от всей моей души желаю. Еще прошу Вас, возлюбленный, книжку мою печатать повременить, так как я готовлю ее в новом, раньше непредвиденном виде и вышлю посылкой вскорости. А печатать ее необходимо одним томом, так как, располагая стихи погуще (по Вашему желанию), я вижу, что в двух книжках они будут иметь жидкое и жалкое подобие. Я живу по-старому, т. е. в бедности и одиночестве, и беспокою Вас просьбой отложить для меня следуемые пятьсот рублей между августом и сентябрем. Остаюсь Ваш молитвенник и сын Николай Клюев.

Мариинское почт. отд., Олон<ецкой> губ.

127. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Первая половина января 1918 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Присылаю Вам, дорогой Виктор Сергеевич, три стихотворения под общим названием «Республика». Не знаю, как они сложены, но по чувству истинны и необлыжны. Если Вы найдете достойным на-

печатать их в «Ежем<есячном> журнале», то вышлите за них и деньги кряду же по получении, как Вы обещали в письме за стихотворение «Уму республика», причем и за это последнее стихотворение уплатить заодно. Мне стыдно с Вами говорить так, но я очень нуждаюсь. Мука ржаная у нас 50 руб. и 80 руб. пуд. Есть нечего и взять негде. Сам я очень слаб и болен, вся голова в коросте, шатаются зубы и гноятся десны, на ногах язвы, так что нельзя обуть валенки, в коросте лоб и щеки, так что опасно и глазам. Я очень и очень удручен, ни за что придется пропадать. Хотя при пролетарской культуре такие люди, как я, и должны погибнуть, но все-таки не думалось, что погибель будет так ужасна, — ведь у меня столько друзей с братьями, которым стоило бы один раз в неделю не сходить в «Привал комедиантов» или к любовнице, и я бы был сыт в моей болезни. Вот Есенин — так молодец, не делал губ бантиком, как я, а продался за уголь и хлеб, и будет цел и из него выйдет победителем — плюнув всем «братьям» в ясные очи. Низко Вам кланяюсь.

Николай Клюев.

128. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Начало марта (н. ст.) 1918 г.
Олонецкая губ., Вытегорский уезд

Я не большевик и не левый революционер, дорогой Виктор Сергеевич. Тоска моя об Опоньском царстве, что на Белых Водах, о древе, под которым ждет меня мой царь и брат. Благодарение Вам за добрые слова обо мне перед Сережей, так сладостно, что мое тайное благословение, моя жажда отдать, переселить свой дух в него, перелить в него все свои песни, вручить все свои ключи (так тяжки иногда они, и Единственный может взять их) находят отклик в других людях. Я очень болен и если не погибну, то лишь по молитвам избяной Руси и, быть может, ради «прекраснейшего из сынов крещена царства».

Простите меня грешного, ради Бога, Жизни и слез моих.

Н. Клюев.

129. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

Первая половина 1918 г.
Петроград

Дорогой Михаил Васильевич, мне предлагают две тысячи рублей за мои четыре книги с тем, чтобы я продал их в неограниченное

пользование на десять лет, но мне тяжело расставаться с Вами, — потому прошу Вас — сообщить мне письмом — приемлемы ли Вам *такие же* условия — чему я буду весьма рад, иначе же я, по нужде, должен буду отдать книги в другие руки.

Н. Клюев.

Очень прошу не задержать ответом.
Фонтанка, 149–9, тел. 609–81.

130. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

16 августа 1918 г. Петроград

Имея заявление от Комиссариата Народного просвещения об издании моих сочинений в целях широкого распространения в народе, ставлю Вас в известность, дорогой Михаил Васильевич, что договор Ваш со мной, как совершенный вопреки закону и не выполненный Вами по пункту, предусматривающему срок выхода издания, считается отныне *недействительным.*

Полученные от Вас деньги сим обязуюсь выплатить.

Николай Клюев.

Офицерская, 57, кв. 21. А. А. Блоку для Н. К.

131. М. ГОРЬКОМУ

Осень (до 7 ноября) 1918 г. Петроград

Алексей Максимович!

Есть лопарское поверье, что однажды в жизни человеку выходит соизволенье обеспокоить под камнем «Сариным носом» самого Морского Царя — либо клятвой, либо песней, либо умолением. Из чувства, похожего на это повер<ь>е , позволяет себе «раз в жизни» обеспокоить Вас следующим умоленьем: Революция сломала деревню и, в частности, мой быт; дома у меня всего житья-бытья, что два свежих родительских креста на погосте. Англичанка выгнала меня в Питер в чем мать родила. Единственное мое богатство — это четыре книжки стихотворений, в совокупности составивших «Первый том» моих сочинении, и новая, не видевшая света книга, в которую вошли около 200-хсот стихотворений, в большинстве своем отразивших наше красное время, разумеется, в самом широком смысле, чаще так, как понимает его крестьянская Рассея.

Добравшись до Питера и не имея никакого понятия о бесчисленных разделениях в людях и, в частности, в художественных литературных кругах, я встретил на одном из митингов комиссара советского книгоиздательства, который предложил мне издать книжку более или менее революционного содержания, — каковую я ему в обозначенный срок и представил. Но добро без худа никогда не бывает: мои прежние издатели, которые раньше меня обязывали (обедом, десятирублевой ссудой и т. п.) издаваться только у них, теперь огулом отказываются от печатания моего большеви<с>тского «Первого тома» и т. д.

Разные ученые люди почестнее указывают мне на Луначарского, которому как члену рабоче-крестьянского правительства будто бы очень к лицу издавать крестьянского поэта, но я весьма боюсь, что для того, чтоб издал меня Луначарский, — мне придется немножко умереть, как Никитину с Кольцовым. Разные ученые люди резонно мне доказывают, что по смерти моей издание моих сочинений у Луначарского обеспечено, но, Алексей Максимович, посудите сами: скоро праздник 25-го октября 1918 года, земля, говорят, будет вольной, и в свою очередь я буду поэтом Вольной Земли и т. п. Если же мое новое социалистическое отечество и Луначарский для издания народных поэтов ставят в действительности смертные условия, то Вы, Алексей Максимович, быть может, усмотрите возможность довести до сведения Луначарского, что я уже приготовился и на такие, самые легкие из условий (я оголодался до костей и обнуждился до потери «прав гражданина») — мне бы только хоть одним глазком взглянуть на Вольную Землю... Об ответе Луначарского благоволите оставить записочку в Вашей прихожей с адресом: Н. Клюеву, в воскресенье, около обеда, я за нею зайду.

Н. Клюев.

132. В. С. МИРОЛЮБОВУ

Осень 1919 г. Вытегра

Да подается Вам здравие, спасение и во всем благое поспешение, дорогой Виктор Сергеевич! Принял Ваше письмо со слезами — оно, как первая ласточка, обрадовало меня несказанно. Никто из братьев, друзей и знакомых моих в городах не нашел меня добрым словом, окромя Вас. На што Сергей Александрович Есенин, кажется, с одного куса, одной ложкой хлебали, а и тот растер сапогом слезы мои.

Молю Вас, как отца родного, потрудитесь, ради великой скорби моей, сообщите Есенину, что живу я, как у собаки в пасти, что рай

мой осквернен и разрушен, что Сирин мой не спасся и на шестке, что от него осталось единое малое перышко. Всё, всё погибло. И сам я жду погибели неизбежной и беспесенной. Как зиму переживу — один Бог знает. Солома да вода — нет ни сапог, ни рубахи. На деньги в наших краях спички горелой не купишь. Деревня стала чирьем-недотрогой, завязла в деньгах по горло. Вы упоминаете про масло, но коровы давно съедены, молока иногда в целой деревне не найти младенцу в рожок...

А тут еще соль на раны мои: Народное просвещение издало мои стихи в двух книгах, издало так, что в отхожем месте на стене пальцем грамотнее и просвещеннее напишут. Все стихи во второй книге перепутаны, изранены опечатками, идиотскими вставками и выемками. Раз в<о> всю историю русской литературы доверилась народная муза тем, кто больше всех кричал (надрывая себе штаны и брюхо) об этой музе, и вот последствия встречи... И не давятся святополки окаянные пирогом с начинкой из потрохов убиенных, кровями венчанных, — братьев своих. Ах, слеза моя горелая, пропащая! Белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа. Страх смертный, что придут и повесят вниз головой, и собаки обглодают лицо мое. Так было без числа. Я ведь не комиссар — не уцелею. Есенин этого не чувствует. Ему как в союзной чайной — тепло и не дует в кафэ «Домино». Выдумывают же люди себе стену нерушимую! Приехал бы я в Москву, да проезд невозможен: нужно всё «по служебным делам», — вот я и сижу на горелом месте и вою как щенок шелудивый. И пропаду, как вошь под коростой, во славу Третьего Интернационала.

Не знаете ли, где Иванов-Разумник, Андрей Белый, Ремизов, Пимен Карпов? Если увидите кого, передайте мое слезное прошение, чтобы написали бы мне, как мне поступить и нет ли каких-либо способов и средств, которыми бы можно было сколько-нибудь защитить себя от неминуемой и страшной смерти с приходом белогвардейцев. В Олонецком уезде зарезано много смирных, бедных людей по доносам, иногда за одно слово. А кто теперь не говорит? Помню, мне передавал Блок, что в случае падения Петрограда — можно людям искусства собраться в каком-нибудь из нейтральных посольств, как-то особо апеллировать или что-то в этом роде. Нельзя ли мне получить какой-либо охранной грамоты — не знаю, как назвать точнее... Писал я в Зимний Дворец, писал в Смольный, но разве там поймут и услышат... Физически я болен второй год. Нужно бы полечиться, пока не поздно. Но нет средств и возможностей. Знаю, что под Москвой есть санаторий «Ильинское», но там политические комиссары на готовом положении прохлаждаются. Где уж нам грешным!

Как процветает русское искусство? Или теперь вслух нельзя задавать таких неблагонадежных вопросов?

Один Алексей Михайлович сказал Успенское Филиппово слово. Вы пишете о стихах. Стыдно мне выносить их на люди. Они уже с занозой, с ядком. Бесенята обсели их, как муху. И пишу я мало. В месяц раз. Печатаюсь в крохотной уездной газетке. Присылаю Вам и прозу свою — думаю, не помеха будет то, что она была пропечатана в упомянутой газетке: никто этого не знает. Вы спрашиваете цену моих стихов. Мне бы денег и не надо — если бы центральный кооператив, что ли, выслал мне мануфактуры на штаны 2 аршина да на кафтан $4^1/_2$ аршина, к нему же испода 8 аршин, да ниток черных, 30-й номер, три катушки. Всё же черного или вообще темного цвета. Только не «хаки». Был бы я одет на зиму. Ведь живой о живом и смышляет. Еще прошу Вас высылать мне журнал, передать Есенину, чтобы он написал мне, как живет и как его пути.

До свидания, Виктор Сергеевич, приветствую Вас из жизни, а если пропаду, то из смерти.

Николай Клюев.

Адрес: г. Вытегра, Пудожский тракт, дом Абрамковой, Николаю Ильичу Архипову для Н. Клюева.

Пишите заказными.

133. И. И. ИОНОВУ

Осень 1919 г. Вытегра

Дорогой товарищ, я получил от Вас две тысячи рублей, окромя трех тысяч, которые пошли в счет книги моей «Огненное восхождение». Я благодарен Вам за Ваше доброе отношение как за материальную помощь, но меня несказанно радуют два-три слова в Ваших письмах, в которых притаилась просто человечность, если не сказать милосердие. Мои друзья, которые передавали Вам рукопись моей книги, люди очень чистые и чуткие, уверяют меня, что Вам можно поведать не одни денежные соображения. Они настояли на том, чтобы я обратился к Вам с настоящим письмом о следующем: идет зима страшная, осьмимесячная гостья с мерзлым углом, с бессапожицей, с неизбывным горем сиротства и беспощадного недуга моего. Волосы становятся дыбом, когда я подумаю о страшной зимовке с соломенной кашей в желудке, с невоплощенными песнями в сердце. Какую нужно веру, чтобы не проклясть всё и вся и петь «Огненное восхождение» народа моего.

А между тем есть простое и легко осуществляемое средство поддержать жизнь мою и не дать умереть песням моим.

Я не знаю от кого, кем и как, но из Петрограда должно быть сделано предложение местному Вытегорскому исполкому изыскать воз-

можность выдать мне паёк (за плату) из упомянутого исполкома, а не из городской лавки, тогда я буду получать 25 ф. муки, соль, немного масла, чай с сахаром, пшено и т. п.

Это так называемый комиссарский паёк, которым, надо сказать правду, зачастую пользуются люди вовсе недостойные. В общем любопытно, и мне необходимо, — узнать найдет ли нужным красная, народная власть уделить малую кроху «певцу коммуны и Ленина», как недавно заявляли обо мне в Москве. Я очень страдаю. Потрудитесь в спасение мое. Родина и искусство Вам будут благодарны. Жду ответа. Адрес: г. Вытегра Олонецкой губ. Николаю Клюеву!

Н. Клюев.

134. С. М. ГОРОДЕЦКОМУ

Лето 1920 г. Вытегра

Возлюбленный мой!

Прочел в газетах твои новые, могучие песни и всколыхнулась вся внутренняя <так в копии. — *В. Г.*> моя. Обуяла меня нестерпимая жажда осязать тебя, родного, со страдной душой о новорожденной земле и делах ее.

Приветствую тебя от всего сердца и руки к тебе простираю: не забудь меня!

Так много пережито в эти молотобойные, но и слепительно прекрасные годы.

Жизнь моя старая, личная сметена дотла. Я очень страдаю, но и радуюсь, что сбылось наше — разинское, самосожженческое от великого Выгова до тысячелетних индийских храмов гремящее.

Но кто выживет пляску земли освободительной?!

Прошу тебя об ответе скорейшем. Поедешь ли вновь в теплые края, возьми меня! Тебе там знакомо, а мне — чужая сторона.

Где Есенин? Наслышан я, что он на всех перекрестках лает на меня, но Бог с ним, — вот уж три года, как я не видал его и строчки не получал от него.

Как смотришь — на его дело, на его имажинизм?

Тяжко мне от Мариенгофов, питающихся кровью Есенина, но прощаю и не сужу, ибо всё знаю, ибо всё люблю смирительно.

Волнуешь ты меня своим приездом — выйдет ли твоя книга «Нефть» и где? Видел ли ты мой «Песнослов»?

Трудно понимают меня бетонные и турбинные, вязнут они в моей соломе, угарно им от моих избяных, кашных и коврижных миров. Но любовь — и им.

Всё в свое время придет. Если можно, то поклонись Анне Алексеевне.

И вненепременно ответь, желанный!

Адрес: гор. Вытегра Олонецкой губ., Николаю Алексеевичу Клюеву.

Жизнь тебе и крепость и одоление!

Н. Клюев.

135. С. А. ЕСЕНИНУ

28 января 1922 г. Вытегра

Ты послал мне мир и поцелуй братский, ты говорил обо мне болезные слова, был ласков с возлюбленным моим и уверял его в любви своей ко мне — за это тебе кланяюсь зéмно, брат мой великий!

Облил я слезами твое письмо и гостинцы, припадал к ним лицом своим, вдыхал их запах, стараясь угадать тебя, теперешнего. Кожа гремучей змеи на тебе, но она, я верую, до весны, до Апреля урочного.

Человек, которого я послал к тебе с весточкой, прекрасен и велик в духе своем, он повелел мне не плакать о тебе, а лишь молиться. К удивлению моему, как о много возлюбившем.

Кого? Не Дункан ли, не Мариенгофа ли, которые мне так ненавистны за их близость к тебе, даже за то, что они касаются тебя и хорошо знают тебя плотяного.

Семь покрывал выткала Матерь-жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а заветным. Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный калым за Невесту-песню.

Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обречен на заклание за Россию, за Ерусалим, сошедший с неба.

Молюсь лику твоему невещественному.

Много слез пролито мною за эти годы. Много ран на мне святых и грехом смердящих, много потерь невозвратных, но тебя потерять — отдать Мариенгофу как сноп васильковый, как душу сусека, жаворóнковой межи, правды нашей, милый, страшно, а уж про боль да про скорбь говорить нечего.

Милый ты мой, хоть бы краем рубахи коснуться тебя, зарыться лицом в твое грязное белье, услышать пазушный родимый твой запах — тот, который я вдыхал, когда, ты верил мне в те незабвенные сказочные годы.

Коленька мне говорит, что ты теперь ночной нетопырь с глазами, выполосканными во всех щелоках, что на тебе бобровая шуба, что ты ешь за обедом мясо, пьешь настоящий чай и публично водку, что

шатия вокруг тебя – моллюски, прилипшие к килю корабля (в тропических морях они облепляют днище корабля в таком множестве, что топят самый корабль), что у тебя была длительная, смертная <с>хватка с «Кузницей» и Пролеткультом, что теперь они ничто, а ты победитель.

Какая ужасная повесть! А где же рязанские васильки, дедушка в синей поддёвке, с выстроганным ветром бадожком? Где образ Одигитрии-путеводительницы, который реял над золотой твоей головкой, который так ясно зрим был «в то время»?

Но мир, мир тебе, брат мой прекрасный! Мир духу, крови, костям твоим!

Ты, действительно, победил пиджачных бесов, а не убежал от них, как я, – трепещущий за чистоту риз своих. Ты – Никола, а я Касьян, тебе все праздники и звоны на Руси, а мне в три года раз именины.

Клычков с Коленькой послал записку: надо, говорит, столкнуться нам в гурт, заявить о себе. Так скажи ему, что это подлинно баранья идеология; – да какая же овца безмозглая будет искать спасения после «Пугачева»? Не от зависти говорю это, а от простого и ясного сознания Величества Твоего, брат мой и возлюбленный.

И так сладостно знать мне бедному, не приласканному никем, за свое русское в песнях твоих.

Сереженька, душа моя у твоих ног. Не пинай ее! За твое доброе слово я готов пощадить даже Мариенгофа, он дождется несчастия.

Я был в мае–июне в Питере, почувствовал остро, что без тебя мертв.

Золотая пролеткультовская рота кормится на подножном корме, на густо унавоженных ассигнациями советских лугах. Это всё вытащенное за хвост из всех петербургских помойных ям смердящее тряпье (обломки урыльников, килечные банки и черепья) повергло меня в отчаяние. Я им спел: «На полях пролеткультских, тамо седохом и плакахом», вспоминая об ассигновке. Повесили свои арфы на Фонтанке...»

Князев пишет книгу толстущую про тебя и про меня. Ионов, конечно, издаст ее и тем глуше надвинет на Госиздат могильную плиту. Этот новый Зингер, конечно, не в силах оболванить того понятия, что поэзия народа, воплощенная в наших писаниях, при народовластии должна занимать самое почетное место, что, порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе. Нам с тобой нужно принять это как знамение – ибо Лев и Голубь не простят власти греха ее. Лев и Голубь – знаки наши – мы с тобой в львиноголубинности. Не согрешай же, милый, в песне проклятиями, их никто не слышит. «Старый клен на одной ноге», страж твой неизменный. Я же «под огненным баобабом мозг ковриги и

звезд постиг». И наваждение – уверение твое, что я всё «сердце выпеснил избе». Конечно, я во многом человек конченый. Революция, сломав деревню, пожрала и мой избяной рай. Мамушка и отец в могиле, родня с сестрой во главе забрали себе всё. Мне досталась запечная Мекка – иконы, старые книги, – их благоухание – единственное мое утешение.

Но я очень страдаю без избы, это такое уродство, не идущее ко мне положение. Я несчастен без своего угла. Теперь я живу в Вытегре – городишке с кулачок, в две улицы с третьей поперек, в старом купеческом доме. Спас Нерукотворный, огромная Тихвинская, Знамение, София краснокрылая, татарский Деисус смотрят на меня слезно со стен чужого жилья. И это так горько – неописуемо.

Сестра и зять вдобавок обокрали меня; я уезжал в Белозерский уезд, они вырезали замок в келье, взломали дубовый кованый сундук и выкрали всё, что было мною приобретено за 15-ть лет, – теперь я нищий, оборванный, изнемогающий от постоянного недоедания полустарик. Гражданского пайка лишен, средств для прожития никаких. Я целые месяцы сижу на хлебе пополам с соломой, запивая его кипятком, бессчетные ночи плачу один-одинешенек и прошу Бога только о непостыдной и мирной смерти.

Не знаю, как переживу эту зиму. В Питере мне говорили, что я имею право на академический паек, но как его заполучить, я не знаю. Всякие Исполкомы и Политпросветы здесь, в глухомани уездной, не имеют никакого понятия обо мне как о писателе, они набиты самым темным, звериным людом, опухшим от самогонки.

Я погибаю, брат мой, бессмысленно и безобразно. Госиздат заплатил мне за «Песнослов» с «Медным китом» около 70-ти тысяч. Если же Ионов говорил тебе о 15-ти миллионах, будто бы посланных мне, то их надо поискать в его карманах, а не в моем бедном кошельке.

«Скифы» заграничные молчат. Новая книга стихов у Разумника. За нее я получу один миллион и то частями, хотя книга содержит около ста стихов, т. е. 12–15 печатных листов, за поэму «Четвертый Рим» – «Эпоха» заплатила мне гроши – Коленька на них купил 2 ф<унта> мыла и немного ситца...

Каждому свой путь. И гибель!

Если я умру в этом году, то завещаю все свои сочинения в пожизненное издание Николаю Ильичу Архипову. Ты будь свидетелем. Он, по крайней мере, не даст моей могиле зарасти крапивой (кажется, есть закон, запрещающий наследства, но я так желаю, и это должно быть известно).

Покрываю поцелуями твою «Трерядницу» и «Пугачева». В «Трерряднице» много печали, сжигающей скорлупы наружной жизни. «Пугачев» – свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее «Бориса Годунова», хотя там и золото, и

стены Кремля, сафьянно-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия.

Брат мой, пишу тебе самые чистые слова, на какие способно сердце мое. Скажу тебе на ушко: «Как поэт я уже давно, давно кончен», ты в душе это твердо сам знаешь. Но вслух об этом пока говорить жестоко и *бесполезно.*

Радуйся, возлюбленный, красоте своей, радуйся обретший жемчужину родимого слова, радуйся закланию своему за мать-ковригу. Будь спокоен и счастлив.

Твой брат и сопесенник.

Приведет ли Бог встретиться? Умоляю о письме, хотя бы кратком. Кланяюсь Клычкову, Ивневу. Не пришлют ли они мне своих книжек? Читал ли ты второй «Песнослов»? Как тебе он кажется? Прав ли Брюсов, отрекаясь от меня в журнале «Лито»? Каков «Четвертый Рим»? Что мне делать с новой книгой? Она в Москве в «Знамени». Есть еще такой эс-эровский журнал. Это, вероятно, одно и то же. Скоро ли я буду твоим кумом, по обету твоему? Целую тебя в сердце твое. Прощай.

Адрес: г. Вытегра Олонецкой губ<ернии>. Н. К.

Пришли новое стих<отворение>, посвященное мне, если есть.

28/1-1922.

136. Н. И. АРХИПОВУ

2 ноября 1923 г. Москва

Сейчас узнал, что телеграмму тебе не послал камергер Есенина. Я живу в непробудном кабаке, пьяная есенинская свалка длится днями и ночами. Вино льется рекой, и люди кругом без креста, злые и неоправданные. Не знаю, когда я вырвусь из этого ужаса. Октябрьские праздники задержат. Вымойте мою комнату, и ты устрой ее, как обещал. Это Дункан. Я ей нравлюсь и гощу у нее по-царски.

Кланяюсь всем.

Н. Клюев.

Брюсовский пер., 2, 27, дом «Правды».

137. П. В. СОКОЛОВОЙ

21 августа 1924 г. Вытегра

От тихих богородичных вод, с ясных, богатых нищетой берегов, от чаек, гагар и рыбьего солнца — поклон вам, дорогие мои! Вот уже три недели живу как во сне, переходя и возносясь от жизни к жизни.

Глубоко-молчаливо и веще кругом. Так бывает после великой родительской панихиды... Что-то драгоценное и невозвратное похоронено деревней — оттого глубокое утро почило на всем — на хомуте, корове, избе и ребенке. Со мной беленький, как сметана, Васятка, у него любимая игрушка лодка, возит он меня на окуний клёв по богородичным водам к Боровому носу, где живет и, немучаясь ясно, двенадцатый век, льняная белизна и сосновая празелень с киноварью и ладаном. Господи, как священно-прекрасна Россия, и как жалки и ничтожны все слова и представления о ней, каких наслушался я в эту зиму в Питере! Особенно меня поразило и наполнило острой жалостью последнее свидание с Есениным, его скрежет зубный на Премудрость и Свет. Об этом свидании расспросите Игоря — он был свидетелем пожара есенинских кораблей. Но и Есенин с его искусством, и я со своими стихами, так малы и низко-презренны перед правдой прозрачной, непроглядно-всебытной, живой и прекрасной. Был у преподобного Макария — поставил свечу перед чудным его образом — поплакал за вас и за себя, сегодня ухожу в Андомскую гору к Спасу — чтоб поклониться Золотому Спасову лику — Онегу, его глубинным святыням и снам.

Погода всё время — синь и сизая легкая дымь — ни облачка на небе. Рыба сетями идет плохо. Рыбаки мутят неводами мольё — мелочь, сушат сущик по печам избяным, — подушка и та дышит рыбой. Коленька, потрудись, доставь Есенину недописанное из «Львиного хлеба» стихотворение и еще «Вернуться с оленьего извоза» — оно напечатано в «Ленинграде». Да исправь «безбрежность» на «безбрежье» в стихотв<орении> «Я знаю, родятся песни». Пожалуйста. Проси Есенина выдать тебе три червонца, чтобы выслать их Ручьеву для меня. У меня всего 20 рублей — Есенин пропил мой червонец — провожая меня на пароход. Я после дороги лежал два дня у Кирьянова, страдал страшным поносом. На третий день приехал Н. Е. Шелепин из Кондуш и отвез меня к Щекиным, так я Ручьева и не видел — он был на сенокосе в деревне, но родным его всё рассказал о шкафах — сколько их — я не знаю.

Писать непосредственно мне — письма идут в Андомский погост — потом с попутчиками рассылаются по волостям — это долго и волокитно. Пишите Кирьянову, он передаст мне с заезжими в город ближайшими мужиками — он знает кой-кого приозерских. Вот человек — золотой, покоил и меня и принял радостно и любовно, как кровного — даже стыдно за такую ласку. Я здоров, но похудел заметно. Устаю к вечеру от солнца, от сосен и озера — правда сладкой усталостью. Кланяйтесь Игорю больше, целую я его и благословляю великим онежским крестом... Мансурову привет — если он в СПб.

Не забывайте! С любовью кровной остаюсь Н. Клюев.

Канун Спасова дня.

138. Е. П. ИВАНОВУ

1924 или 1925 г. Ленинград

Дорогой Евгений Павлович!

Низко Вам кланяюсь и всему вашему семейству. Милость Божия да будет с вами. Очень сожалею, что Вы не удосужитесь прийти ко мне поглядеть икон. Мне нужна Богородичная икона украшенная. У Вас таковых имеется несколько. Я бы Вам благословил редчайшего выговского Деисуса, что из моленной Андрея Денисова, медный новгородский складень и икону Архистратига Божия Михаила в рост, не в доспехах, а в далматике со с<ф>ерами в руках — XV-го века, чудной сохранности — весьма редкий, размер аршин с четвертью. Всё это на деньги стоит гораздо дороже Вашей св. <и>коны, именуемой «Страстная», которую я имею в виду. Усердно прошу дать ответ по адресу: ул. Герцена, дом № 45, кв. 7. Приобрести такие веши, какие я предлагаю Вам, случается раз в жизни.

Мир Вам и любовь.

Николай Клюев.

139. Т. П. АРХИПОВОЙ

31 июля 1926 г. Новый Петергоф

Дорогая Таисия Павловна, наконец я в больнице Мечникова, — очень тяжело болен, будет скоро операция, след<ующие> месяцев шесть придется страдать, но большего страдания, чем я перенес в Марьине, не могу себе представить. Нашлись чужие люди, которые пожалели меня и вы<нес>ли из рва львиного. Ногу я очень повредил деревенским лечением, но это долгая история... Деньги мне если не отосланы, то и не отсылайте, но получите. Дорога мне стала больше 50 р. Умоляю ответить.

Напишите, как Коля?

140. С. А. КЛЫЧКОВУ

Декабрь 1926 г. Ленинград

Милый друг!

Благодарю тебя за письмо, за память и добрые слова. Я очень болен. Пять месяцев пролежал в больнице, вынес две крайне болезнен-

ные операции. Был нарыв в кишках, потом заражение крови. Страшно и вспоминать. Много пролито слез за это время: за бедность, за сиротство очень обидно. Вышел из больницы едва жив — черные круги в глазах, — притащился в свой угол — первой заварки чаю и то нет.

Теперь я очень слаб. Денег нет, и есть нечего. За «Плач» о Сереженьке «Прибой» заплатил двести рублей. Из них одному санитару за ночные дежурства у моей кровати пришлось заплатить 93 руб. за месяц и один день — считая по три руб. в сутки. Я обращался за милостью в Московский союз писателей. Но вот уже больше двух месяцев прошло после посылки заявления, но ответа нет никакого. Усердно прошу тебя узнай и поспрашивай — почему союз, уважая все просьбы даже людей, к искусству не причастных, — пренебрег моим насущным и удостоверенным надлежащими подписями и печатями заявлением?

Я никогда не обращался в союз за помощью, я горд был этим. В страшные голодные годы от меня никто не слышал просьб. Но сейчас я очень слаб. Ходить не могу, — а если и хожу, то это мне дорого обходится. Помоги, Сергей Антонович. Пострадай за меня маленько. Век не забуду. От многих умных и уважаемых людей я слышу негодование на статью Городецкого в «Новом мире» об Есенине и обо мне. Следовало бы «Новому миру» отнестись осторожнее к писаниям Городецкого и, глубоко уважая его честность и преданность красному знамени, принять во внимание и мое распутинское бытиё. Я еще по<ка> не повесился и не повешен, и у меня есть перо и слова более резонные и общественно нужные, чем статья Городецкого. Или «Новый мир» этого не допускает и считает мое убожество неспособным тягаться с такими витязями, как Городецкий? Или всё это вытекает из общего понимания, что шоферы нужнее художников? Я бы сердечно хотел с тобой повидаться, ты ведь остался из родных поэтов для меня последним, но у меня нет денег на проезд в Москву — нужно рублей 15—20 — билет стоит 12-ть руб., да извозчик, да от вокзала до тебя — прямо. У меня в Москве негде головы преклонить. Прошу тебя — поговори с «Огоньком», не издаст ли он книжечки моих стихов. Дал бы любопытный материал, под интересным названием. Умоляю тебя сделай это и напиши ответ! Пришли мне свой новый роман, я им очень — по отрывкам — обрадован. Извини, что всё письмо пересыпал просьбами, но видишь, как я встревожен. Есть нечего. Из угла гонят. Весь износился. Хожу в подолгу нестиранных и по сто раз заплатанных рубахе и подштанниках. Смотреть противно. И болен, болен.

141. С. А. КЛЫЧКОВУ

Начало 1927 г. Ленинград

Милый друг!

Сердечно благодарю тебя за добрые слова и за твои хлопоты! Низко тебе кланяюсь за твою прекрасную книгу «Балакирь». После «Запечатленного ангела» это первое писание — и меч словесный за русскую литературу. Радуюсь и величаюсь тобой! Усердно прошу и молю тебя не охладеть в желании устроить вечер в мою пользу (если на самом деле ты уверен в этой пользе для меня). Когда будет всё налажено, как-то — оповещение Москвы о вечере, афиши, писатели и т. п., то я немедленно приеду.

Союз действительно мне выслал, по Кириллову, 50 руб., но это было в прошлом году в конце марта—апреля. А теперь я не получал ничего от него, окромя тв<о>их 25 руб. Приветствую, благодарю, люблю и всегда ношу в сердце своем образ твой.

Н. Клюев.

Жадно, нетерпеливо жду ответа о вечере. Умоляю его устроить, это смертельно нужно.

Кто ненавидит или любит меня — помогите!

142. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

Первая половина 1927 г. Ленинград

Дорогая Софья Андреевна, скульптор Золотаревский изъявил желание одолжить Вашему музею сто рублей, чтобы ускорить издание моего «Плача о Сергее Есенине» — и дать возможность уплатить Вам мне хотя бы половину гонорара. Золотаревский вскорости будет в Москве, свидится с Вами, и я советовал бы Вам не отказываться от его ста руб. Если издание для Вас еще представляется смутным, то Вы все-таки воспользуйтесь милосердием Золотаревского, так как ближайшее будущее покажет и выяснит дело издания, и с возвращением долга Золотаревский до выпуска книги Вас беспокоить не будет.

Я тяжело бедствую, и на мне нет живого места, не изъязвленного городом за эту зиму. Ваша сообразительность поможет мне уехать в деревню. За что сердце мое и песни будут Вам благодарны. Низко Вам кланяюсь.

Н. Клюев.

СПб., Б. Морская, 45, кв. 8, тел. 501–07.

143. М. Л. СЛОНИМСКОМУ

9? августа 1927 г. Дер.Клишино,
ст. Идрица Псковской губ.

Усердно прошу к-во «Прибой» выслать мне следуемые по договору 15 руб. за книгу – избранные стихотворения!

Усердно прошу об ответе!

Адрес: ст. Идрица Псковской губ., деревня Клишино, двор Перепечь, Николаю Клюеву. Крайне нуждаюсь.

144. Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ

12 января 1928 г. Ленинград

Извините за беспокойство, но Вы в Камерной музыке говорили, что любите древние вещи. У меня есть кое-что весьма недорогое по цене и прекрасное по существу. Я крайне нуждаюсь и продаю свои заветные китежские вещи: книгу рукописную в две тысячи листов со множеством клейм и заставок изумительной тонкости – труд поморских древних списателей; книга, глаголемая «Цветник», рукописная, лета 1632-го с редкими переводами арабских и сирских сказаний в 750 листов, где каждая буква выведена от руки прекрасного и редкого мастерства; ковер персидский столетний, очень мелкого шитья, крашен растительной краской – 6-ть аршин на 4 ар<шина>; древние иконы 15-го, 16-го и 17-го веков дивной сохранности; медное литьё; убрус – шитый шелками, золотом и бурмитскими зернами – многолистный, редкий. Всё очень недорого и никогда своей цены не потеряет. И даже за большие деньги может быть приобретено только раз в жизни. Если Вы возымете благое намерение посетить меня, то потрудитесь сообщить день и час Вашего прихода ко мне по телефону № 501-07. Просьба приходить без посторонних, чужих людей!

Ваш покорнейший слуга Николай Клюев.

Адрес: Морская, 45, кв. 8.

145. А. П. ЧАПЫГИНУ

Январь 1928 г. Ленинград

Дорогой Алексей Павлович, извини за беспокойство, но я в смертельной нужде продаю свои заветные китежские вещи. Деисус – три

отдельные иконы: Спас — Богородица — Иван-поститель в серебряной басме, с подвесными (любимыми тобою) убрусами дивной сохранности и работы времен Ивана Грозного. К иконам шитую ширинку шелками — золотом и бурмитскими зернами — по преданию, труд царевны Ксении — дочери Годунова.

Вещи музейные, в мирное время стоящие пять тысяч рублей (я предлагал их в музее Александра III-го, но там нет никаких ассигновок на какие-либо приобретения), для горницы в твоей избе на Моше более прекрасного и глубокого украшения не найти. Чем дольше они будут лежать, тем будут дороже и никогда не потеряют своей цены. Раз в жизни такая красота и редкость и встречается и дается в руки. Мне обидно и горько пустить святое для меня на рынок. Быть может, ты сможешь дать мне за всё двести рублей — и я утешился бы сознанием, что мой Китеж в руках художника.

Сердце мое и русская поэзия будут тебе благодарны.

Николай Клюев.

Морская, 45, кв. 8.

Дома каждый день до 2-х часов. Жду положительного или отрицательного ответа немедля.

146. М. ГОРЬКОМУ

Август? 1928 г. Ленинград

Алексей Максимович — я погибаю от нищеты, помогите мне. Справедливость и русская поэзия будут Вам благодарны.

Николай Клюев.

Адрес: Ленинград, Морская ул., дом 45, кв. 8.

147. М. ГОРЬКОМУ

Начало сентября 1928 г. Ленинград

Я глубоко взволнован Вашей помощью, Алексей Максимович, — получил двести рублей и Ваше письмо. В письме Вы спрашиваете, каким способом можно помочь мне более солидно и чтобы я об этом подумал.

Скажу Вам как перед смертью: прежде всего непосредственной денежной помощью в таком размере, чтобы я пережил эту зиму —

считая хотя бы по пятидесяти руб. в месяц, мог купить себе теплую одежду, сапоги, шапку, белье и поставить печку в своем углу.

Считая восемь месяцев зимних и расходы, как указываю, нужно денег руб. 500—800-т. Вторая возможность помощи может быть следующая:

По Вашему одобрению Халатов может издать полное собрание моих стихов в количестве не менее пяти тысяч экземпляров каждой книги (всего три тома стихотворений), с выплатой мне половины продажной стоимости издания, чего в других случаях Госиздат не допускает. И третья возможность — это приобретение лично Вами в вечную собственность моих сочинений, конечно, с правом передачи прав издания каждому, кому Вы пожелаете (сыну, жене и т. п.).

Я знаю, что Халатов может Вам выложить резоны временные и злободневные, но лучшие цветы с русских полей, собранные в мои книги, такой стране, как наша, рано или поздно понадобятся. Халатову небезызвестно, что ни одна лекция по русскому языку в вузах, семинариях и школах не обходится без моих стихов как пособия и что есть хрестоматийные руководства, где приводится целиком по тридцать моих произведений. Следовательно, польза от меня налицо. Но я умер бы счастливым, если бы самое любимое и прекрасное в народной жизни (что составляет суть моего творчества) оказалось в Ваших руках. В настоящем это было бы истинной человечностью, время же овеяло бы Вашу такую помощь глубокой нежностью и поэзией.

Кланяюсь Вам зе́мно и люблю крепко.

Н. Клюев.

Ленинград, Морская, 45, кв. 8.

148. М. ГОРЬКОМУ

16 сентября 1928 г. Полтава

Алексей Максимович,

простите меня за собачий голодный вой — мои письма к Вам. Но всё это от бедности. Ах, если бы не сознавать ее, не обладать жгучей способностью радования и наслаждения хорошими вещами в мире. Тогда было бы легче.

Но моя боль по земле, по сосновой поморской избе, которых за последние годы я лишился, двигает и моим поведением.

С надеждой на Вашу помощь было связано и сладкое упование — возвратиться к земле в родную избу, без чего я не смогу существовать. Мне нет еще и сорока лет, но нищета, скитание по чужим обе-

дам разрушают меня как художника. Такие чистые люди, как напр<и-мер>, В. С. Миролюбов, хорошо осведомлены о мире, из которого я вышел, сердечно разделяют мою печаль. Но жизнь Вам и крепость.

Книжка моих избранных стихов два года лежала в изд<ательстве> «Прибой» и, наконец, вышла в марте этого года. В книге не хватает девяноста страниц, не допущенных к напечатанию. Гонорар же 400 руб., выплачиваемый «Прибоем» в течение такого долгого времени, конечно, давно проеден.

Есть у меня книга поэм. Написана новая поэма из двенадцати песен под названием «Погорельщина». На издание Халатовым полного собр<ания> я согласен – на каких угодно условиях. В настоящее время я живу в Полтавщине у добрых людей. Кланяются Вам река Тагамлык и пятисотлетний дуб, такой прекрасный и огромный, что дух захватывает. Еще раз прошу простить за беспокойство. Николай Клюев. 16 сентября. Адрес: г. Полтава, Садовая улица, 5.

149. В. Л. ЛЬВОВУ-РОГАЧЕВСКОМУ

Октябрь 1928 г. Полтава

Извините за беспокойство. Я болен, в чужом городе, крайне нуждаюсь. Помогите мне выехать в Ленинград! Билет стоит 19 руб. с копейками, умоляю Вас об этом. Сердце мое и русская поэзия будут Вам благодарны. Адрес: Полтава, Садовая ул., дом № 5, квар<тира> Приходько. Н. Клюеву. Приветствую Вас.

Николай Клюев.

150. М. А. ЗЕНКЕВИЧУ

Ноябрь–декабрь 1928 г.
Ленинград

Милый друг, я погибаю в нищете – помоги мне. Изыщи возможность издать мою книгу стихов в «Земле и Фабрике». Справедливость и русская поэзия будут тебе благодарны.

С сердечным приветом Николай Клюев.

Адрес: Ленинград, Морская, 45, кв. 8.

Предлагаемые стихи близки «Земле и Фабрике».

151. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

18 декабря 1929 г. Москва

Дитя мое родное! Посылаю тебе свое благословение и желаю крепости душевной и стойкости в искушениях и соблазнах греховных. Умоляю тебе, храни себя от тьмы житейской!

Я невыразимо тоскую по ангелу в тебе и всегда на руках огненных в молитве возношу тебя к престолу Святой Троицы. У меня в Москве есть благоуханные и святые встречи, — но темная жизненная суета иногда повергает меня в боль не только душевную, но и телесную. — Я два раза лежал больным от сердца и от простуды. Всё хлопочу о пенсии и издании «Погорельщины». Рукопись в издательстве лежит уже две недели, но около ее происходит большая драка. Ответа еще окончательного нет. Хотелось бы его дождать, чтобы получить деньги, чтобы нам с тобой прожить зиму без нужды. Я рвусь к тебе, но чисто деловые соображения держат меня в Москве. Мне очень тяжело от одиночества без милого голоса и ласки. Был у Нестерова, читал ему «Погорельщину». Он содрогался и проливал слезы, слушая.

Ты прости меня, что я не писал тебе! Прости! Сообщи в Петергоф письмом — обо мне, думаю, что через неделю я буду в Питере. Хорошо бы с деньгами. Но уверенно об этом не говорю. Мы с тобой обсуждали под саратовскими кленами, какой тон тебе нужно и необходимо взять в этот год, чтобы тебя не обворовывали разные, в конце концов, не нужные тебе друзья. Стараешься ли ты во имя своего дивного искусства хоть сколько-нибудь выполнить это? Извини, мой любимый, что говорю тебе об этом, но эти слова я обращаю к тебе не в форме приказа, а только в форме кровной заботы. Постарайся побывать у Ма< н>суровой, кланяйся от меня и узнай, что нового? Был ли у кумы? Что у них хорошего?

Минх получил твое письмо. Его почти не бывает дома... Что в Саратове?

Кланяюсь зе́мно.

Целую со слезами!

Всегда с тобой, сердце мое!

Н. Клюев.

152. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

2 января 1930 г. Москва

Ласточка моя светлая, посылаю тебе письмо профессора Анисимова к Матвееву в Академию. Постарайся его использовать. Как ви-

дишь, у меня болит сердце о тебе. Рад бы на большее — если бы было это для тебя полезно.

Меня очень просят Садомовы провести с ними Рождество — огорчить их неблагодарно. Я у них живу в полном достатке и уходе.

Сегодня ставлю себе на кобчик 8 пиявок.

Прописал Плетнев. Говорит, что моя болезнь от половой неудовлетворенности и посылает к бабе — но я уж лучше поставлю себе пиявки — пусть сосут мою грешную кровь — быть может, будет легче и мои чувства прояснятся.

Только что послал тебе письмо.

Прошу тебя, береги себя, скоро увидимся. Не верь Петру из Полтавы. Это сволочь и предатель. О получении писем сообщи немедля.

Кланяюсь землекасательно.

Н. К.

Письма к Матвееву не заклеивай.

153. Н. И. АРХИПОВУ

Начало 1930 г. Ленинград

Коленька!

Настаивай упорно на первом основном рисунке обложки, он подлинный и по гармоничности и легкости — редкость, интригующая и завлекательная — больше всякого Самсона. Особенно для приезжего посетителя — купит всякий хотя бы смутно чувствующий скульптуру и ее эротику. Очень и очень прошу пощадить первый образец, которому завидую как обложке. Такая обложка достойна украшать любого поэта. Я удивлен этому рисунку и Толечкину искусству. Варварством будет и пошлостью поместить на путеводителе Самсона — т. е. всё от Петергофа. На всех лучших путеводителях в Европе требуют штрихующего рисунка, это всё великолепно и полно, красиво и гармонично выполнено Толечкой. Твой долг отстоять этот первый рисунок — он редкий как обложка и прекрасен как украшение.

Н. Клюев.

154. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

27 января 1930 г. Ленинград

Дорогая Софья Андреевна. Низко Вам кланяюсь и желаю от Господа Бога здравия и благополучия, и крепости душевной. Еще извещаю

Вас, что Толечка закончил эскиз портрета Есенина и желает его устроить в музее, так как это сделать? По почте переслать рисунок весьма опасно, ибо рисунок большой и очень нежный. Глядели знающие люди, говорят, что это истинный Есенин. Я увидел, заплакал, до того нарисовано хорошо и душевно и по замыслу, и по простоте, чистоте линии близко Сереженьке! Быть может, Вы сообщите адрес близких Вам и верных людей в Петербурге — Толечка бы доставил рисунок им — это было бы безопасно. Или как еще — посоветуйте! А потом бы с человеком отвезти в Москву меж двух листов картона. Есенин изображен во весь рост, под плакучей березой, где каждый листик со смыслом. По рисунку вещь изумительная. Прекрасны задумчивые облака, плакучая березынька на заднем плане и какое-то бёклиновское очертание дальнего леса...

Ждем от Вас письма с указанием, как поступить?

Свет Вам и жизнь.

Н. Клюев и А. Яр-Кравченко.

155. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

3 февраля 1930 г.
Ленинград

Дорогая Софья Андреевна, посылаю Вам фотографию с эскиза к портрету Есенина. Как видите, в этом рисунке много прекрасного. Он затмевает все карточки с Есенина, нежен, лиричен и глубок русской роковой глубью. Глядя на этот рисунок, по-новому и полно осознаешь великую трагедию и родины, и ее поэта-сына.

Приезжала в Питер Зинаида Райх, говорила Разумнику Иванову, что выходит книга избранных Сережиных стихов. Приложите силы и рвение к тому, чтобы поместить рисунок Яр-Кравченко в книгу. Это будет свежо и радостно, неожиданно для врагов и друзей Есенина. Усердно и настойчиво прошу Вас об этом. Я придаю большую ценность работе Яр-Кравченко. Хвалят его и другие достойные и понимающие рисунок люди — Савинский, Рылов, Власов... Очень просим Вас ответить на это письмо: СПб., канал Грибоедова, 8, кв. 8. Яр-Кравченко. Низко Вам кланяюсь и приветствую сердечно.

Николай Клюев.

Кравченко говорит, что линия плеч Есенина соответствует анатомии дерева-березы и эта линия не должна вызывать смущения.

156. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

Февраль? 1930 г. Ленинград

Дорогая София Андреевна, писал Вам два письма с приложением фотографии с эскиза к портрету Есенина работы Яр-Кравченко. Прошу Вас ответить, возможно ли поместить этот рисунок в сборник стихов Есенина, который, как я наслышан, выходит в Москве? Мне очень нужно узнать. Костя расскажет Вам подробности о приобретении портрета, чтобы он не ушел в чужие руки.

Сейчас он на выставке.

Кланяюсь низко Н. Клюев.

157. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

26 июля 1930 г. Мацеста

Толечка, приедешь, сходи в мою комнату и вылей воду из самовара, а то сильно заржавеет. Жду писем. 3-го августа выезжаю из Сочи.

Н. К.

158. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

27 июля 1930 г. Сочи

Милый мой!

Получил твое письмо — тебе посылаю третье. Аккуратно, как надо, поезжай в Академию на экзамен по искусству — кланяйся тому человеку, которому ты передал из Москвы письмо от Александра Ивановича Анисимова — скажи, что он теперь в Новгороде, а оттуда проедет в Ферапонтов монастырь, что близ г. Кириллова — обозреть фрески... Кланяйся Гончарову от Льва Бруни — похвали его графику и выскажи пожелание приблизиться к его пониманию искусства... Всё это тебе не повредит — но это нужно сделать до начала твоего экзамена.

Я третьего августа выезжаю в Вятку. Можно бы ехать в Курскую губ. Это самая дешевая губ<ерния> по продуктам. Быть может, остановлюсь в Москве дня три. По приезде в Питер — не забудь привезти мой ватный кафтан, шляпу и галоши; галоши поищи около камина в барахле. Помни, что ехать обратно будет холодно.

Здоровье мое улучшилось, но запрещено есть не только мясо, но и масло, и яйца. Сладкое, соль, чай — несвежий, а мясного так и не велено и в рот брать...

Ты в Питере бери билет до Котельнича — с Вятки река обмелела, и пароходу трудно двигаться...

Ни за что не оставляй ключей дяде Пеше, если его повстречаешь, скажи, что ездил в Саратов и забыл их там и что придется высылать особо. Лидии Александровне — моим соседям по квартире — скажи, что я из Сочи — уехал в Эривань к своему другу, а правды ни гу-гу... Место, где я живу, чудное — по климату, по ровности воздуха — но публика в доме лишена какого бы то ни было чувства природы и красоты — только заботятся о своей задней части, чтоб они были толще — и горели апельсинно — скорее окорочно. Кланяйся маме — я ей ответил на все письма, но теперь почта перегружена и неверна. Про папу я говорил с Бычковым, инженером — встретил его по дороге — прямо и окончательно обещал всё хорошее, и пусть папа воспользуется этим обязательно.

Продукты в Сочи вообще отсутствуют — зеленый маленький яблок 10 к. штука — это самый плохой. Армяне плачут, что поесть вообще нечего. Говорят, что <в> Пятигорске было масло 5 руб. фунт, так об этом говорят, как о сказочном событии. Береги деньги для Вятки — каждый гривенник там обернется в рубль. Быть может, удастся прожить там месяц, судя по твоим делам. Шляпы, очень плохие, стоят — 7—10 руб. Извини, но таких денег у меня на шляпу не находится. Каждый день мои расходы на лечение — проезд в Мацесту доходят до трех-четырех рублей. Оказывается, что ванна, вода и лекарства на свой счет. Постарайся в день приезда в Питер — сходить Мойка, 31, кв. 4, к Зое Александровне Никитиной, напомнить ей о деньгах на обратный проезд — мол, едет в Питер, а про остальное молчи. Покрепче настаивай. Если Зои по этому адресу нет, то спроси ее адрес Знаменская, 19 — какая квартира и там уже другая фамилия — всё это я забыл — Сережа знает.

Радость моя — поправляйся, ложись спать пораньше и приучай себя быть спокойным. Богородица всё устроит. Если будешь бегать сломя голову — никакого доверия к себе не вызовешь у людей. Все люди сами про себя за бесценный дар считают спокойствие. Благословляю, лобызаю, причащаюся незримо тобой и сердцем твоим.

Н. Клюев.

159. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

1930 г. Москва

Мир тебе и любовь, дитя мое! Пусть лебедь тишины и покоя бороздит лед и яхонт твоих зрачков милых. Да будет! Да будет!

Мы заболели с тобой одинаковой болезнью — у меня кашель не дает покоя — особенно ночью. Нужно молоко горячее с маслом и с содой, но где их взять? Везде продают масло с маргарином, что крайне вредно при болезни гортани. Спаси Христос твою печальницу маму за хлеб-соль! Вот уж рыбица на мели: бьется — и тяжело дышит за всех. Меня очень обижает дядя Пеша — с утра до двух-трех часов ночи осыпает бранью и издевательствами. Пока я был здоров — то он воздерживался, но лишь только догадался, что я немного не могу обойтись без его ничтожных услуг, как показал свои когти. Как только поправлюсь, нужно принять меры, чтобы от него отделаться, но — Бога ради, побереги себя — отлежись и окончательно поздоровей — каждый твой час жизни и моей час жизни — здоровья и счастья. Ты это как-то должен утвердить себе потверже. Я знаю внутренне, что уже три-четыре года назад лежал бы я на Волковом кладбище, если бы не было в моем сердце тебя — моего индийского царевича — твоих слов и дыхания. Вот почему и враждебны душе моей чужие вторжения (и чужие руки) в любовь нашу. Ненавистью к чужим я защищаю свою жизнь и самого себя.

Знаю, что такими признаниями я даю тебе полную власть над собой, но сохранит тебя лебединый ангел от злоупотребления ею. Но когда ты захочешь сознательно и холодно трезво, чтобы я снял себе угол с (*пропуск в машинописи*) у безносой хозяйки Волкова кладбища, ты можешь сделать это почти одним словом. В болезни своей я жалостно, как озябшая бездомная собака, горько понял это. Еще недавно Коленька уговаривал меня и предостерегал от этой мысли, но наперекор рассудку я сладко взрастил ее в своем сердце. Я прошу тебя помолиться Христу за меня, не подбирая слов, а признаваясь ему в чувствах до конца. Поправляйся — милый.

Н. Клюев.

160. А. Н. ТИХОНОВУ

1930 г. Ленинград

Александр Николаевич!

Врачебная экспертиза нашла меня тяжело больным, выдала мне свидетельство на пожизненную инвалидность по второй группе. Документы, в ответ на особый запрос Наркомпроса Ленинградскому отд<елению> Союза писателей, высланы через Ленсовет по назначению. Московский Союз писателей обещал мне приложить к моей просьбе о персональной пенсии общее ходатайство, но вот уже полгода из Наркомпроса ни дыхания.

Я погибаю от нищеты и тяжелой болезни — помогите мне — справкой или напоминанием обо мне в Наркомпросе и в Московском Литфонде или где найдете полезным. Ваши подлинные друзья указывают мне на Вас как на помощь! Сердце мое и русская поэзия будут Вам благодарны. Низко Вам кланяюсь

Николай Клюев.

1930 г.

161. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

4 октября 1931 г. Москва

Пишу второе письмо, дорогой мой. Что с тобой? Очень беспокоюсь. Я приехала благополучно. Но здесь очень трудно, даже чрезвычайно тяжело устроиться с комнатой. Можно наудачу в пригородах. Знакомые говорят, что есть красивые места и зимние теплые дачи. На одну комнату в Москве или иногда в Ленинграде меняют две-три комнаты с балконом, огородом, деревья под окнами, но очень тяжело с дровами. Я поместила объявление, было одно предложение на комнату в десять метров — это не комната, а западня какая-то. И мне стало грустно. Дела мои по-старому. У Керосинкина гостья из Саратова. Я больше у Нади — у остальных с ночлегом не выходит. Жду спешно твоего ответа. Вышли первым медицинское свидетельство и посылкой книгу, о которой мы говорили. Посылай на Керосинкина. Уплати за комнату. Как ты провел время с химической барашней? Ее ухаживания за тобой, я уверена, не без результатов. Финал вашего знакомства меня режет на куски. Но что делать? Нужно было ждать этого. Сейчас я тревожна как никогда. Дров в Москве нет. Обмена нужно ждать, как случая. Подумай покрепче и немедля отвечай. Всё благополучно. Только болею, как ты приехал. И сколько времени пробыл с химической барышней? Останавливались ли в Доме крестьянина или только заходили туда на час-два? Отвечай.

Твоя Соловушка.

162. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

8 октября 1931 г. Москва

Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя — зову,
И в сердце у меня, как солнце, ты сияешь...
И если ты со мной, и если ты ласкаешь,
Боюсь, что знойный сон недолог — наяву...

Но если ты вдали — стремлюся за тобой,
Печальной памятью черты твои лаская...
Так ива грустная, склоняясь над волной,
Лобзает облака зардевшегося Мая...

Получил конверт с письмами, одно из них очень неприятное — тебе бы нужно предварительно прочитать его. С комнатой ничего не выходит. Вероятно, нужно время, чтобы устроиться сносно. Но с ночевкой трудно, у Карасин<к>ина всё еще гостья, и мне спать негде. Напиши, когда приехать к тебе. Я тоскую невероятно! И в таком состоянии не могу ничего делать путного. Повторяю, что нужно время, чтобы устроиться. Всё ли у меня благополучно в келье? Я тебе писал, что за городом можно легче, но расходы больше. Прошу тебя, — отвечай немедля! Чем кончить мое пребывание в Москве? Прошу тебя, напиши, можешь ли ты приехать в Москву? 12 октября гостья у Коленьки уезжает домой, и ты можешь пожить у него. А в ноябре Кореневы уезжают в Италию — и у меня есть надежда поместиться в их комнате на время их отъезда, Понемножку можно подобрать зимнюю дачу в две комнаты недалеко от Москвы, так напр<имер>, в Серебряном Бору. Без тебя я этого решить не могу и скучаю по тебе невыносимо. Как быть? Соглашаться ли на комнату в 10—15 метров? Или ждать? Прошу тебя скупать в Питере газеты, в которых печатаются московские предложения о перемене комнат, вырезать эти объявления и прислать их мне. В московских газетах больше ленинградских предложений и наоборот. Мне так говорили. Я очень страдаю и неустройством, и одиночеством. Клычков каждый день пьяный и поговорить с ним толком нельзя и т. п. Как только получишь письмо — отвечай. Каждый день дорог. Посылку получил. Но книгу еще не могу устроить. Ты очень напугал меня своим первым письмом. Я думаю, что оно основано на скоро меняющихся обстоятельствах... Шлю тебе свое благословение. Прости меня, дитя мое! Любовь моя всегда с тобою.

8 октября.

163. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

12 октября 1931 г. Москва

Письмо с упоением получил. Человек по комнате приходил от меня и еще будет ходить, иначе нельзя. Всё благополучно. В ноябре, быть может, поеду на Кавказ полечиться. Послал тебе письмо со сти-

хотворением – получил ли? Был в опере, слушал Садомова – великолепен и необычайно сочен. Миша переезжает в Ленинград. Кардовский и Коренев – студий не держат и учеников не принимают.

164. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

20 октября 1931 г. Москва

Дорогое мое дитя,

Лосенок мой – золотое копытце.

Что ты редко мычишь – видно, хорошо чувствуешь себя без старого сохатого оленя? Не заблудился ли в пихтовой чаще ты, – заплутал в буреломе – смотри, как бы не провалиться в берлогу – кругом медвежьи храпы, с опаской лыжи правь. Стремлюсь, простираюсь к моему апрельскому, озимому солнышку, но жду 25 октября, чтобы получить ответ о лечении. Миша с женой, вероятно, приедут на днях в Ленинград, дела мои налаживаются. Последнее дело это тетя Соня – тогда будет покой. Твердо уверен, что и это устрою.

Отношение ко мне исключительно хорошее, а насчет гостей, так не хватает никаких сил, чтобы обслужить всех. Был на «Пиковой даме» в Большом. Слушал Садомова в Томском – очень ярок и большой мастер – красивый гусар. «Мадур Вазу» печатают в Академии с текстом и Плотникова. Ты мне не упоминаешь, как твои летние работы? Кому ты их показывал, и какими они кажутся людям? Быть может, я не уеду на Кавказ – тогда что делать? Жить ли здесь и хлопотать о комнате или к тебе, моему солнышку? Без тебя никакая Мацеста не поможет моему сердцу! Сходи в Ленкублит – скажи о дровах, я подавал давно о них заявление, выясни это и похлопочи. Если я останусь в Москве на ноябрь, если будет это очень необходимо, то не можешь ли ты приехать ко мне? Денег я добуду и пришлю тебе, а у Керосинкина будет к этому времени свободно – пожить – он с женой уедет в Крым. Как Коленька, Илья Николаевич – всё ли у них ладно? Как папа с мамой? Кланяюсь им и Борису Никифоровичу, куме, куму... Как твои дела и работа? Кореневы 20-го октяб<ря> уезжают в Италию. Кардовский учеников не берет. Вот устроится Миша – он, быть может, будет тебе полезен. Горячо прошу тебя – отвечать на каждое мое письмо! Крепко целую. Сердце мое всегда тобой. Болею своим сиротством без Лосенка. Твой Старый Лось тяжко вздыхает – ото всех своих звериных печенок – слышишь ли ты эти тяжкие мыки? Где ты – золотое копытце? В какой чаще ты плутаешь? Не попадись волку, а еще злее – *волгице*! Дорогое дитя мое, тебе моя жизнь, мои песни, слезы мои, вся тревога моя и трепет не-

выразимый. Целую, благословляю. Всегда с тобой. В снах моих, в желаниях, во свете и во тьме. Исстрадался я без голубого лосенка. Ах, как исстрадался. Жду немедленного ответа. Прости!

165. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

22 октября 1931 г. Москва

Немедленно пришли несколько №№ газет с объявлениями о московских комнатах. Поторопись. Письмо твое от 19 $\frac{11}{X}$ 31 получил. Спасибо за ласковые, сердечные слова — они так мне нужны — и так по ним я грущу. Прошу тебя, будь тверд и непоколебим в своей вере и посвящении. Всегда помни, что над всем высшая воля, а потому не уходи от самого себя, не верь соблазнам, откуда бы они ни исходили! Не изменяй своему сердцу, чтоб не надломилося окончательно.

166. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

29 октября 1931 г. Москва

Дорогое дитя мое, — я уезжаю первого числа ноября. Адрес: Сочи, Дом отдыха печатников, бывшая дача Данилевского. Благословляю тебя — всей силой любви моей. Жизнь тебе и верность! Не унывай и не скорби, всё в свое время придет! Еще месяц твоей верности и мы увидимся, — если Любовь благословит. Ни одного дела мы не должны предпринимать без благословения Любви. Помни крепко, что житейские будни лишь покрывало тьмы — за которым синие вёсны. Лобзаю тебе лобзанием «Песни Песней», возлюбленный мой, брат, дитя и веселие мое!

Напиши, какой номер нужны тебе штиблеты? Есть 45-й.

167. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

29 октября 1931 г. Москва

Буду ждать жадно твоего письма ко мне в Сочи, Дом печатников. Поклонюсь от тебя морю, лермонтовским дубам и олеандрам, — возлюбленный мой! Грустно, что не могу тебя прижать к сердцу моему — дорогой лосенок!

Прошу тебя всем жаром и святыней моей — о верности, памяти и чистоте. Пожелай мне здоровья и крепости, чтобы встреча наша была полной и счастливой. Да утишит надежда твои юные бури, да улягутся волны твоих молодых и неизбежных сомнений — будь тверд, мужественен, встречая темные призраки на житейских тропинках. Буду жить тобой и морем, дышать тобой и южной осенью.

168. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

10 ноября 1931 г. Сочи

Приехал. Синий шелк неба и моря, молчат кипарисы... Нет тебя — свет мой, но мир, мир тебе! Целую. Люблю. Рассказываю о тебе солнцу и осенним тюльпанам.

Н. К.

169. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

18 ноября 1931 г. Сочи

Дорогой художник, кланяюсь низко, целую крепко, тоскую по тебе сердечно. Кажется, поправляюсь. Еду на концерт в санаторию, пишу по пути. Читаю стихи из книги «Ленин» — буря восторгов. Жду письма. Плати за квартиру.

Н. К.

170. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

18 ноября 1931 г.
Мацеста

Тридцать тепла. Купаются в море. Мое окно прямо на море и бархатные дубы. — Такая радость и вместе грусть, что нет тебя — лебеденок мой! Комната на одного, отношение чрезвычайно внимательное. Первый выход в общую столовую был под бурные аплодисменты. Сердцу лучше, доктор утешает, что не умру. Послал тебе телеграмму, чтобы выслал спешно «Стихи из колхоза» — жду, крепко и преданно целую.

171. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

8 декабря 1931 г. Москва

Сообщи немедля, когда приедешь. Я с четвертого числа в Москве. Наконец кончился кавказский месяц, – такой прекрасный, но тяжкий по разлуке! Пишу кряду же подробное письмо. Прочитав и дождавшись которого, приезжай, по возможности не откладывая. Жду.

172. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

23 декабря 1931 г. Москва

Всё еще несмотря на усилия, – не обменялся. Много было предложений, но все не подходящие. Еще сделаю последнее объявление, – и ты не вини меня – в неподвижности и неделании. Отвечай, что делать? Без твоего разрешения окончательного я ни то ни сё. Быть может, нужно брать первое попавшееся?.. Как по-твоему? Папы не видал и не слыхал.

Легче можно в пригородах – две и даже три комнаты с терраской, с деревьями под окном, в зимней даче. Как твои мысли насчет этакой мены и жития? Обязательно отпиши! Но без денег ничего невозможно. Высылай немедля книгу. Я уже имею предложения на комнаты, а от тебя ни слуху ни духу! Пиши через день, как и что. Иначе нельзя.

173. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

23 декабря 1931 г. Москва

Дорогое дитятко – очень вредно отзывается на мне разлука с тобой! Что делать? Одно знаю твердо, что разлука – это чужая сторона без солнышка сушит. Есть комната 18 метров с газовой кухней, с паровым отоплением, с газовой ванной, но далеко на окраине в заводском районе – как быть? Отвечай немедленно. Дела мои заметно двигаются, и всё пока хорошо. Вот Керосинкина нет – уехал в Саратов и комнату закрыл. Если ты находишь для себя не мучительным – приезжай, устроимся – пошли телеграмму, какой вагон – я встречу, адресуй: 2-й Голутвинский, 8, кв. 2. Садомовой. Ночевать есть место. Привези с жакта записку, что он не встречает препятствий для обмена комнатой. Скажи, что богатый инженер и жакту выгодней, чем я. Без записки жакта – нельзя. Ах, если бы ты посмотрел комнаты! Показывая – обращай внимания <на то> что окно занавешано – оттого

и темно, но если снять занавес, то всё зальет светом. Хвали пуще — кухня, мол, очень хорошая, общая. У двери нужно с коридора лампочку... и т. п.

Жду ответа немедля. Отрезы есть в комиссионных... Привези зеркало... будет и отрез! И ветер, и тени — ты во всем — прошло столетье, как мы расстались.

174. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

Декабрь 1931 г. Москва

Дорогое дитя мое.

Необходимо, чтобы ты приехал, я изнемогаю от разлуки и одиночества, а это сказывается и на устройстве моих дел. Приезжай не откладывая и привези непременно мое складное зеркало, что положено мною на шкафу в вашей столовой, но вези так, чтобы не разбить, — лучше всего, если ты его завернешь в одеяло-подушку и в вагоне будешь ставить его на кромку, а не плашмя. Длинную же картинку, которую не привезла Анна Никиф<оровна>, и ты не вези, лучше привези валенки и оленью шапку и в ней рукавички малиновые, да рубахи с зимним пояском, который я ношу зимой, ты должен знать — может быть, он в комоде, а может, у вас. В комоде же в нижнем ящике в платочке немного пуху гагачьего захвати — переделать оленью шапку, не то ее на меху носить жарко. Хорошо бы, если бы привез ватное новое одеяло — его здесь я сменял бы на синее пуховое, что очень необходимо. Мое пунцовое — оно у вас лежит. Шарф теплый привези. А главное то, что на вашем шкафу! Всё это легкие вещи, мне очень жалко затруднять тебя, но как же иначе? Сходи в Ленкублит — спроси про дрова, у меня давно — весной подано заявление — три кубометра. Необходимо их во чтобы то ни стадо выцарапать — не мне, так вам, или сменяться... Потрудись! Если до твоего отъезда не привезут, то поговори с дворником на Морской — чтобы он прибрал дрова — посули ему хорошо поблагодарить, а также предупреди Лидию Александ<ровну>, чтобы не отослала назад — мол, хозяина нет. Да скажи ей, что за телефон будет уплачено сполна, пусть не беспокоится. В Москве снежно и сухо — мне очень нравится. Вообще здесь, помоему, много хорошего. И много любопытных людей, и очень полезных.

Без тебя вообще много<го> я не могу выяснить.

Приезжай — поговорим и обсудим окончательно.

Если ты привезешь складень-зеркало — то мне будет очень удобно — потрудись!

Телеграфируй же о числе, в которое выедешь, – я тебя встречу. Ехать до Полянского рынка к Надежде Федор<овне>. У нее тепло и уютно. Целую тебя, свет мой! Если хоть одно пшеничное зерно будет у меня, я перекушу его пополам – одну половину тебе – другую себе, без твоего утешения я жить не могу.

Оденься в дорогу теплее.

175. А. БЕЛОМУ

1931 или начало 1932 г. Москва

Извините за беспокойство, но я сердечно желал бы с Вами увидеться: пробуду в Москве весьма кратко.

Адрес: Якиманка, второй Голутвинский пер., дом 8, кв. 2. Надежде Федоровне Садомовой.

Н. Клюев.

176. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

10 мая 1932 г. Москва

Воистину Воскресе! Сладостный друг мой – дитя мое заветное и роковое! Я давно тебя почувствовал ласточкой и кличу, и нарицаю тебя таковой в зимних сумерках моей жизни. Всё в свое время приходит. Ты прочитал про ласточку и тростинку и узнал в них нашу судьбу – разница лишь та, что я не тростинка, а мшистая, кряковистая коряга, под которой издыхает последний житель лесов медведь – мое сердце. Медведь дыхами, сапом и хриплым стоном, утирая лапой смолистые черные слезы, зовет свою ласточку египетскими крылышками закрыть навеки многовидяшие и многодумные глаза, но его ласточка *все-таки* улетела в Египет... Старое медвежье сердце знает, что для любимой птички оно готово истечь черной кровавой смолой и под собственный глухой, никем не слышимый стон, замолкнуть навеки, недаром чужие и даже злорадные люди, случайно заглянув в медвежьи глаза, – создали и разгласили миф о смерти. С такими глазами, как лесное озеро – под осенними звездами, решили они – человек может сделать только одно – умереть. Отсюда и слухи о моей смерти. Так действует на чужих людей моя звериная тоска об улетевшей в Египет моей сладкой ласточке. В эту зиму я подлинно медведь-шатун – как называют медведя, выгнанного из своей берлоги. Всю зиму в бездомных вьюгах я шатался по дорогам и перекресткам, ища себе

логовище, — и наконец обрел его. Как прекрасен Гранатный переулок, и как цельна и дремотна моя новая берлога. Весна в Москве лучезарная, на деревьях уже полный лист, оконца жилья моего полны солнца, но ласточка моя и в эту весну свила себе гнездо под чужим окном. Кто слушает ее щебет, ее золотую египетскую песенку? Ведь она внятна до последней роковой глубины лишь мшистым седым ушам родимого и вещего медведя. Ах, дитя мое! Любовь моя заклятая, единая и... последняя! Пощади, помилуй и пожалей своего оборотня, лесовика и бедного мишку. — Кто тебя опоил каким-то ядом, что полеты в Египет — для тебя так неотвязны и непобедимы? Они имеют свои законы, законы паутины, клея и тенёт — знай это — и не ласточке их преодолеть. Надо сделать усилие — поступиться несколькими перышками для бесчисленных паутин на твоем пути, зато спас<т>и самое главное.

Разлука да еще такая, как наша, — Господи, сможет ли ее вынести вообще человеческое сердце?! По моим глазам, по лицу, по густым ранним сединам, по внезапной старости в эту осень и зиму — чужие люди содрогаются и создают неизбежное для меня «Клюев умер». Это очень показательно, а для тебя, моя песня, <служит> страшным доказательством моей последней и единой любви. Слухи с моей смерти вывезли из Москвы — питерские поэты — которые приезжали сюда группой на поэтический вечер и видели меня — и все в один голос спрашивали: «Что с вами, Н. А.?» И я слышал вокруг себя шепот: «Скоро умрет», «Как Сологуб». Дитя мое, понимаешь ли ты вполне такие явления? Ведь пишу это я тебе не для слов и не для сухого марьяжа, а чтобы предостеречь тебя: свирепая злоязычная толпа и жестокая Старуха-история не простят нам даже малейшей невнимательности к нашей судьбе. Слишком уж мы с тобой ответственные люди. Вот тебе ответ на твои настойчивые вопросы: «Напиши правду о себе». Я стесняюсь задавать *тебе* такие вопросы. Инквизиторы *предварительно* допрашивали свою жертву, но когда человек возводился на костер и пламя охватывало его с головой — правда становилась понятной без допросов. Я трезво и ясно вижу свою любовь — последнюю, и огонь разлуки в продолжении девяти месяцев поджаривает меня. Может ли вынести это человеческое сердце?!

А у тебя всё паутина — бесчисленные встречи и зацепки. Так бывает, когда ласточка не остается с тростинкой, а улетает в Египет. Извини меня, но позволь спросить тебя: делаешь ли ты какое-либо усилие, чтобы как-либо отвязаться от паутины и зацепок и с весной и радостным щебетаньем поскорей (о, как можно поскорей) прилететь под мою медвежью кровлю? Жадно ты набрасываешься на известие, что Прокофьев не прочь у тебя зарисоваться, — хотя это тебе не прибавит ни одного свежего листика в венок, да и рисовать Прокофьева

незначительно. И если не бессмысленно, то берешь заказы, и, конечно, пока работаешь, то вместе с работой тратишь деньги на джимы — забывая, что в деревне ничего не нужно, кроме рваных штанов и стираной рубахи. На самом же деле нужно поступить очень просто. Получить деньги не частями, а зараз; не расходовать их, плюнуть Прокофьеву в дурацкую рожу, которая кирпича просит, а не твоей кисти, собрать остатки вещей и приехать с первым поездом в Москву (Гранатный пер., дом № 12, кв. № 3) к поэту Николаю Алексеевичу Клюеву.

Отвечай немедленно, когда приедешь? Когда приедешь? Когда приедешь? Гнездо готово. Всё прибрано, везде чистота и свет, как будто св. Пасха не хочет уходить с нашего жилища. Полы натерты. Элек<тричество> перевешено (но фонаря нет, и ни Рождеств<енский>, ни Тагер не заходили). Так всё удобно. Яркие хорошие люди тебя ждут. Пастернак, Клычков, артистка Обухова — краса мос<ковской> оперы, жаждут того, чтобы ты их написал. Игорь Грабарь — изумительный портретист, и много других людей подготовлены мною — отнестись к тебе и утвердить в обществе мнение о тебе как нельзя лучше. Всё это стоит тысячи бездарных и серых Прокофьевых!

Мои персональные дела выяснятся вскорости. Это наверно. *От тебя зависят и мои успехи.* Твои шатания, путаница и сомнения повергают меня в бессилие — ты пойми и помни это покрепче! Из Моссовета мне выдали право на излишки площади. Но ты еще не прописан. Нужно твое личное прожитие. За девять метров твоих я заплатил в этот месяц втройне. Прикреплен к закрытому распр<еделителю>, кой-что перепадает, на тебя хватит. Получи по доверенности мои вещи. Получи первый заработок, ничего не покупай, если что, купишь <в> Москве — и приезжай немедля. Не теряй драгоценной весны. Есенин есть. Я — твой. Сердце и песни мои у твоих ног. Солнце зовет нас. Поторопись! Потрудись! И судьба в наших руках.

Привези с тобой свое одеяло — ватное и суконное, подушку, коврик, который я тебе подарил — себе под ноги к кровати. И вообще все свои манатки. Хорошо бы постельник тебе — набить в деревне постельку. Можно ехать на Мологу, также на реку Белую, в Смоленскую губ. и на Вятку, где лучше. Денег и я раздобуду сотни три-четыре, да у тебя будет 500 — я буду есть молоко да кашу, а яйца и масло ты. Доктора запрещают мне есть живность. Кланяйся Коленьке. Что он, бедный, захворал. Все мои благословения устремляю к нему об исцелении. Поцелуй его крепко за меня. Он достоин этого, Власов пошлет несколько картин с тобой и — В. С. цветы, я их продам здесь и, надеюсь, с прибылью для нас. Ты от них не отказывайся. Они легкие и небольшие. У меня на окне цветы. На столе пасхальные яйца — золотые и малиновые. Было вино. Разговлялся на Голутвинском. Но

появился нервный кашель — всю св. Неделю принимал апоморфин — так что в обществе говорить не мог.

<К> А. Кравченко — один не иду. Жду тебя. Если ты проживешь в Питере и июнь, то все разъедутся по дачам. Здесь гораздо теплее, чем в Питере, и разъезжаются раньше. Ласточка моя — прилетай поскорей! Изныл весь.

Чулков назвал тебя орленком ретивым. Я рассказал ему о твоих последних новых словах: «Что нужно быть цепким в жизни!» Он ответил, что ты еще не пережил настоящего горя и что цепкость — это, конечно, не деньги, а создание очарования вокруг себя!

Май 1932. День Радуницы.

Корзину и веревку вышлю вскорости.

177. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

25 мая 1932 г. Москва

В ответ на портрет В. Рождественского, после которого портрет Есенина — только детская картинка. Рождественский же богат по рисунку, по разнообразию линий, еще дуновение — и форма уляжется и станет гармонией. Вообще же это не человек в пиджаке, а поэт, — что уже очень много значит. Меня рисует маслом Игорь Грабарь. Но я не доволен. Сегодня приехал Пеша — я ездил на рынок, но уже час дня — чего хотел, того на обед не купил. Да и он сам, т. е. Пеша, отнекивается от всяких обедов и тормозит мое рвение. Какой стеснительный, а еще родня!.. Толечка — не купайся, береги здоровье до Вятки! В Москве уже очень тепло. Сирень отцветает. У меня ее целый ворох в комнате. Дорогая ласточка — у меня всё хорошо, но без тебя я ничего предпринимать не в силах. Горячо лобзаю уста твои. Жду. Н. К.

25 мая 1932 г.

Клычкова в Москве нет — писем на его не посылай, а прямо на меня.

178. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

28 мая 1932 г. Москва

Дорогой друг, 26 мая был чудный вечер в Москве, на дворе у нас цветут яблони, — два больших дуба в полном листу. В этот вечер — пришли ко мне люди из Художественного театра — с ними артистка

Обухова — в сарафане, в кисейных рукавах, в бусах старинных — всё для меня. — Я же очень был напряжен — чтобы сбыть этим людям картины Власова. Никифор Павлович среди чужих слов людей и совершенно для него немыслимых отношений слонялся как неприкаянный и всё собирался уходить — а я ему и говорю: «Прогуляйтесь — или посидите под яблоней, там есть скамеечка», — кажется, своему человеку можно было сказать так и сгладить неловкость — но к моему изумлению — Н<икифор> Павлович понял это по-своему — стал осыпать меня бранью. Назвал мерзавцем, льстивым царедворцем, и что такое общество, какое сидит за моим столом, для него не годится — потому что он честный человек. И что такие люди сделали из его сына, т. е. тебя, — подлеца и обманщика, а если у тебя и есть художественный талант, то этому ты обязан всецело и только отцу, а не такой сволочи, как гражданин Клюев, и т. п. Пишу тебе про сие не от возмущения или обиды, другого ничего и не жду от совершенно не понимающих художников людей, но для того, чтобы ты был совершенно спокоен за меня. И что я нисколько не обижаюсь на Н. П. и что еще большей тревогою и жаром за твой житейский путь охватило всё мое существо. Как тебе должно быть тяжело всякий день и каждый час дышать вредной для тебя как художника средой, серым тупым мурьём! Острой жалостью пронзило мое сердце! Люди же у меня были редкие и достойные, без которых *нельзя поэту существовать*. Пишу про это маленькое и жалкое событие, не прибавляя и не убавляя нюансов, и надеюсь, что пересказ папин — не омрачит ясности моего и твоего понимания вообще ничтожных явлений. Больше всего папа не доволен на то, что я совершенно спокоен, как будто я так глуп, чтобы не предусмотреть человеческого непониманья и психической недоношенности. Я еще пять лет назад говорил с тобой о том, что папы и мамы всегда не довольны, когда *помимо их* дети чем-то становятся — это род какой-то ревности и даже зависти. Чужой человек, конечно, бы понял — ушел бы в другую комнату — но раз таковой нет — то простая догадка, для всякого понятная — это оставить знакомых со знакомыми — быть может, сочинится <...> — так и при сем надо неожиданному человеку присутствовать, но папа и этого не понял, а рассердился, как истерическая баба, я смеялся — потом, зная, что маленько<е> самолюбие всегда удовлетворяется и гасится таким же маленьким унижением, а стал просить у папы прощения, и, к моему желанию и догадке, он повеселел, стал целовать меня и доказывать, что он человек момента, и в настоящий день уже в полном удовольствии по-старому блаженствует. Прошу тебя, если папа будет рассказывать или бранить тебя — оставайся спокойным и повторяй, что тебе всё понятно больше, чем надо. Твое существо принадлежит не только своим по рождению, а и обществу, если не всему Миру, и

тратить жар крови на такое серьё и на анализ человеческого непонимания слишком дорогая цена. Ты теперь сам как Бог-Фта, – иди своей дорогой, куда влечет тебя свободный ум! Итак, до скорого свидания. В первую очередь выцарапай у Великановой мою вещь и т. д. Если везти тебе их неудобно и дорого, то оставь у кумы до благоприятных времен. Фонарь получил. Рожд<ественского> не видел. Весьма завидую Прокофьеву, что он отнимает у тебя драгоценное для моего сердца время. Сердце же мое что-то чаще стало замирать. Что оно сулит? Жду только радости и верю в мою ласточку, что она прилетит в мой угол с настоящей весной.

Целую горячо. Жизнь, мужество и крепость твоему сердцу!

179. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

Июнь 1932 г. Москва

Мое болезное дитятко – получил твое письмо – утер им слезы с горя, рассказал свое сердце прилагаемыми стихами. Прошу тебя, сладкий мой братик, не унывай – поправляйся, сам знаешь, что больному в деревне опасно, помощи никакой, а вдруг расхвораешься – придется уезжать в Москву обратно. Лета еще много, если запоздаем на Вятку, поедем в Елатьму на Оку-реку – где она шириной с версту, на берегах лес, в деревне много молочного, ягод и яблок хоть завались, а тебя нужно бы покормить земляникой – цены не дороже вятских. Или еще есть место в Задонск – описанное Лесковым, там еще теплее и осень теплая бархатная – село всё в садах – промышляет с древности яблоками – и Дон-река с лодками и с рыбаками. Долго я терпел, еще потерплю. Знаю и вижу ясно, что промысел испытывает нашу любовь и чистоту. У меня всё благополучно. Мне назначили пенсию, квартиру и поездку на Кавказ. Пищи у меня много, и деньги тоже водятся. По третий раз я наливаю малагу в стеклянного медведя, пеку пышки, мóю и прибираю свою келью к часу нашей встречи. На праздник Вознесения 9-го числа – думал, будет у меня вторая Пасха, ан – только горькое письмо, да еще с подозрением о какой-то тайне, скрываемой от тебя, утешаю себя тем, что это ты так сболтнул – концом языка или яйца. Про твои тайны я стыжусь тебя спрашивать, да и не верю, что за тобой водятся. Благословляю. Целую. Укрепляю. Исцеляю именем нашей живой любви. Сообщай, как будет идти поправка. Прошу. С Потрепухина подучил письмо. Зовут и ждут. Жду и я упорно и без тебя никуда ехать не в состоянии. Еще раз обнимаю по-медвежьи, без запаха папирос, пачули и модного костюма. Пиши с больницы. Буду беспокоиться. Ласточка моя.

180. Л. Э. КРАВЧЕНКО

29 сентября 1932 г. Москва

Дорогая Лидия Эдуардовна — весьма и от всего сердца прошу Вас помочь в моей нужде — побыть до моего приезда в моей квартире! Деньги и продукты с книжкой у Толечки на Ваше имя.

Низко кланяюсь и крепко надеюсь.

Н. Клюев.

Гранатный пер., 12, кв. 3. У Никитских ворот.

181. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

29 октября 1932 г. Сочи

Дорогой друг, дитя мое верное и сладчайшее! Единая и неизменная радость моя! Сочувствую тебе и соболезную каждой своей кровинкой, что замутили твою душу брехня и неизбежные сплетни прожженных бульварных профессоров. Эти люди — отвратительные «тетки» (говорю на их языке) чуют давно — твою чистоту и аромат нашей дружбы, давно охотятся за тобой. Так не терпит цеховая проститутка чистой девушки и разным подвохом, открытым скандалом и даже прямым насилием приобщает ее к своему окружению, к своей работе — это дает ей некоторую легкость в жизни — сознание, что не одна, мол, я такая на свете, дает гиблому созданию и гнилой крови пособие теплоты — вот двигатель для болтовни обо мне, грезы досадные и никогда не сбывшиеся Баталина и компании. Так, «На дне» Горького проститутка вслух грезит о несуществующем любовнике-студенте — непременно чистом и верном. Я для этих людей-ничтожеств являюсь крупной рыбой — вот они и выбирают меня центром для своих сплетен — ими они дышат — это для теток спермин под кожу. Но нам-то с тобой какое до этого дело? Мы знаем, куда идем и что делаем. Моя любовь:

«она истории осколок».

Песня за меня порука непоколебимая — она живой документ, чем я был полон, чем жил, горел и дышал в разлуке с тобой в течение весенних месяцев, вспомни это и не омрачай своих глазок — ангел мой единый, посреди, быть может, и небесных ангелов. По крайней мере в эти минуты — писания этих строк. Будь спокоен, неколебим, верен и горд своей чистотой. Много раз и несколько лет назад мы говорили с тобой об опасностях для нашей дружбы, особенно в раз-

луке, которая является самой удобной почвой для посева сорной травы — человеческой глупостью и ничтожеством!

Никогда не поверил бы я как бы «вскользь» сказанным словам о тебе как неверном и развлекающемся, хотя бы эти слова и были приправлены знакомством с молоденьким матросиком. Умоляю тебя: беги от таких событий без оглядки, они представляют прямую опасность для тебя не только как друга, но и рядового гражданина! Эт<а> вонючая ищейка — у которой ты был и слушал слова «скользь», хорошо знала, что лаяла прямо в цель — в сердце твое. Но ведь мы с тобой уже давно в свою очередь знаем крепко, что львиная дружба порождает едкую чесотку у людишек, тем более у бульварных ночных собачонок! Друг мой, прошу тебя: будь спокоен. Я и так неизмеримо страдаю за тебя в разлуке, не прибавляй к моим мукам своих — не страдай попусту, ибо твоя боль — отзывается во мне — вплоть до физической болезни. Как твои простуда или паратиф — откликались во мне тоже чем-то подобным даже физически! Поэтому будь спокоен. Только о твоем спокойствии настоящее письмо мое. Без этого его и писать бы не следовало. Уверять тебя в моей чистоте это значит оскорблять тебя. Да и как ты можешь допускать темные сомнения — в сердце свое? Я улыбаюсь и плачу в одно и то же время и, конечно, приписываю твои страдания только твоей неопытности и неуменью различать сплетню от зависти и оскорбления твоего деда бульварной теткой. Что же касается каких-то подробностей, то их легко скомбинировать — побывав хоть раз в моем жилье. Будь спокоен. Благословляю. Жду. Приеду третьего числа.

Пишу добавку на почте, признаться, страшно встревожен, не столько за себя, сколько за твою душеньку ангельскую, мой Пайя белокрылый. Прошу тебя — не старайся объясняться с этой сволочью — не показывай и тени своего страдания, это только дразнить гусей — и не отвяжешься от них сто годов. Только гордое молчание и презрение уничтожают их. Твой ответ Иконникову должен бы быть следующий: «Мне, мол, до всего этого нет никакого дела, да и, будучи на вашем месте, я бы не говорил таких штук, — особенно другу про друга». Вот и всё. И никто бы не посмел брехать дальше. Я всегда поступал так. Конечно, у тебя было к врагу дело — и ты не выплюнул из себя обиду — это, конечно, тяжелей вдвойне. Твердо уверен, что мой тюльпан не увянет и не надломится. Умелые бульварные профессора истратили свой газ попусту, и ты не бросился в объятия первой встречной, на что был рассчитан вонючий выстрел. Тут не без корысти и надежд и со стороны самого куплетиста. Приеду, если не умру, третьего числа... Благословляю еще раз. Готовлюсь к сладкой казни. Мир тебе и жизнь!

Больше письма не будет. Телеграмма же послана: «Приеду третьего». Приезжай, приезжай — судья мой неумолимый! Жду. Сердце и песни мои да будут тебе щитом от темных нападений!

182. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

17 декабря 1932 г. Москва

Обязательные поправки в стихах для «Звезды». Общее заглавие:

Стихи из подвала

Художнику Анатолию Яру

(Без Кравченко, чтобы звучало поэтичнее, и без заголовка «Письмо».)

В строке: «*Они* не укоризна пиру» — нужно: «*Их стон* не укоризна пиру».

В стихот<ворении> «Ночь со своднею...» написано: «Ставлю я *булыжной*», нужно: «Ставлю я *горбатой* Пресне».

Написано: *терпкую* росу, нужно: *ярую* росу.

Написано: «*Заблудился* Марк Аврелий», нужно: «*Серебрится* Марк Аврелий».

Написано: «Я *выверну* ишачью шею», нужно: «Я *надломлю* ишачью шею».

Написано: «Чиня *былые* корабли», нужно: «Чиня *былого* корабли».

Прошу тебя, друг мои *верный*, обратить на подчеркнутые слова самое тщательное внимание. Это стихи твои кровные, и ты должен ради их потрудиться, даже если бы тебе пришлось отложить свой визит к Горбову, насколько бы этот визит <ни> был для тебя дорог!

Послал тебе большое спешное письмо с доверенностью, — посылку с палеховским зографом. Если не передали, то сходи к Дыдыкину Николая Васильевичу, она лежит у него на Крюковом канале, против церкви Николы Морского. Пей чай (заваривать можно по неполной чайной ложечке) и помни своего деда — приедешь — найдешь его еще более старым, чем в твой приезд с Горбовым. Одевай дома валенки, я думаю у вас сыро — не захвати ревматизма — не то эта болезнь влияет на сердце и вылечивается годами. В Москве зима пушистая и сухая. У меня в подвальце очень тепло и сухо. Только сердце устает непрестанным созданием твоего присутствия. Твои вятские штанишки висят в обнимку с лапотками, и я прикладываюсь к их заплаткам всякое утро и даже ночью. Что будет дальше? Выдержит ли сердце и песня?

Твой Дед.

В стихот<ворении> «Ночь со своднею...» написано: *Вяткой, Вологдой*, Рязанью, нужно: *Черемисиной*, Рязанью.

Написано: луна *косая*, нужно: луна *глухая*.

Целую до зубов — до крови, до души!

183. М. А. ЗЕНКЕВИЧУ

21 декабря 1932 г. Москва

Дорогой поэт — мне передали, что моя поэма о юном герое находится у тебя. Мне нужно знать, что с нею делается. Гронский мне обещал ее напечатать в «Новом мире». Убедительно прошу об ответе!

Низко кланяюсь.

Н. Клюев.

Гранатный, 12, кв. 3.

184. А. А. ПРОКОФЬЕВУ

Начало 1933 г. Москва

Дорогой поэт!

Присылаю Вам свои стихи, прошу что-либо выбрать для журнала и усердно прошу об авансе рублей триста!

Жить очень тяжело.

Ради моего сердца прошу Вас не давайте никаких прямых ответов на вопросы Брауна о певице (она оказалась не московской, а питерской) и протчем. Толя просил Брауна разузнать косвенно от Вас — источники Ваших сведений. Умоляю, поэт, не выдавайте! Кланяюсь любезно братски. Жду ответа.

Преданный Н. Клюев.

185. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

14 февраля 1933 г. Москва

Дорогое дитятко!

Получил твое письмо, благодарен тебе за него глубоко. Много бы можно о нем поговорить или отписывать, но отлагаю это до твоего приезда ко мне.

Прошу тебя известить меня заранее о своем выезде, чтоб я мог, насколько позволяют мои силы, встретить гостя не буднями.

Виктор живет у меня на полном содержании, у него ни копейки. Поступил он на 200 руб. Первая получка будет в марте, и его придется попросить жить у себя и питаться без моих хлопот. Мне очень тяжело с ним. Хотя и спасибо ему, что он ночует у меня, пока я болен. Врач очень доволен, что сосуд у меня разорвался в легком и во рту у слюнной железки, могло быть кровоизлияние в мозгу.

Кровь не перестает показываться — вот уже неделя — каждый день. После твоего письма как будто стало в глазах светлей, но главная боль левой половины затылка очень сильная. Прописано лекарство. Верю тебе — твоему лекарству. Только оно может меня поставить на ноги, возвратить творческие часы, которые в моем положении все считаны. Ими весьма надо бы дорожить. Пока же они погасли. Во всю зиму я не был ни у кого, не оттого что я боюсь людей, а потому что не жду и не желаю от них ничего. И сладостно, что в болезни и мучении последних недель я как никогда утверждаюсь в том, что нужно идти тем путем, который труднее всего. Брать то, что мир отвергает, не делать того, что делает мир. Идти против мира во всех путях его, и тогда дойдешь к торжеству кратчайшим путем. Входите тесными вратами; потому что широки<е> врата и пространный путь ведут в погибель (Евангелие от Матфея). И когда ты говоришь, что нужно всё испытать вплоть до спермоля — это лишь ядовитый суррогат познания. На самом же деле тебе нужно быть покорным шепоту души и сказать самому себе так: нужно быть *многострунным*, нужно всем пожертвовать, всё претерпеть, ни перед чем не останавливаться, *ничего не бояться*, ничему не верить, кроме подлинного голоса сердца. Должно всюду искать, углубляться в изыскания философии, изучать древность, черпать из музыкальных созвучий, жить с каждым цветком в природе, понять все страдания и их умиротворить, жить в вихре суетного света, не принимая его законов как истины, любить, плыть по волнам фантазии, читать, любить искусство, понять прелесть варварства, всё нанизать на ось опыта и оставаться теплым и ясным, как заря над озером, быть спокойным, недвижным, как снег на вершинах гор, и лишь *в любви и ревности* быть буйным и мятежным, как море! Вот твой истинный голос, когда ты говоришь, что нужно *всё* испытать. Я договариваю за тебя. Верю, что ты примешь это. Прости, ласточка, что первый раз за все шесть лет нашей близости я позволяю себе что-то похожее на поучение. Не принимай этих прекрасных слов и за насилие над тобой. Видно, так надо, чтоб они сказались. Пастернаку написал, но ответа еще нет. Послал тебе пару белья, — получи их у Елены Михайловн<ы>. Больше ничего не взялись везти. В «Земле советской» напечатаны мои стихи, но гонорара

никак не могу получить. Даже не на что выкупить паек. Мамин пирог я получил. Напрасно беспокоилась — благодарю!

Написал Тихонову письмо, чтоб напечатали два стихот<ворения>. Предложи им: «Я лето зорил на Вятке...» В стихот<ворении> «В разлуке жизнь...» слово «молился» можно заменить словом — «трудился» (хотя это и будет клеветой на самого себя). Павел Васильев объявился, — шубу на хорях снес обратно в комиссинку, пьет до опухоли, ходит звероподобным — на волосок от ночлежки и воровской «фомки» (так называется инструмент для взлома). Одним словом, настоящий Пушкин, только такой, каким его понимает каторжная *камера*, дебри ночлежек и ночных трущоб. Спрашивал: «Где Толька Кравченко? Я его хочу познакомить «*с одной*» из "Нового мира"». Я собрал кое-что про эту «одну». Оказывается, она дочь инвалида из ларька с квасом и пивом — изъеденного всеми проказами существа, была замужем за наборщиком объявлений, но об<о>крала его — костюм, велосипед, полевой бинокль, керосинку и всё белье — теперь марьяжит с Васильевым, с которым видела тебя в «Новом мире». Одним словом, лилия с полей Саронских. *Что* породило возможность таких предложений моей ласточке, моему светлому другу? И почему моей юности никто не смел делать таких сувениров? Клычков тоже видел тебя с Васильевым в «Новом мире» — говорил, что после вашего ухода долго смеялись, что Пашка таскает за собой ходячую американскую рекламу. Так, вероятно, было нелепо, пришей кобыле хвост, видеть вас парой! Как водится, Пашка спарил Клычкова с «лилией», и получилась панорама: Клычков заболел — очень серьезно твердым шанкром. Приходил ко мне и, не стесняясь Виктора, чужого человека, умолял помочь, обвинял Пашку, что он спарил его с больной, с умыслом довести до пули, предварительно издеваясь над его, Клычкова, семейным счастьем и напирая на поэтическую свободу (мол, мама заругает). И Клычков не выдержал и доказал свою свободу и независимость от мамы...

Так Провидение оберегает тебя. Запомни это покрепче. Поразмысли и над таким явлением: вот Пастернак — поэт и известный человек, ты им весьма очарован, почему же никакой Васильев не властен над ним, никто не может затащить его в кабак или к *Эльзе?* Попробуй-ка затащи! Но, прости меня, моя камская чайка, — всё от заботы, всё от боли. Прости! Я ведь знаю, что моя ласточка, в какую бы помойную яму ни залетела, со щебетом, полным омерзения и тревоги, выпорхнет из нее сверкающей и чистой, как утренний луч. Верю в это. Поддержи во мне эту веру! Простираюсь к тебе любовью моей. Благословляю, ограждаю от темных житейских наитий. Учись разбираться в людях, не ходи за ними по первому зову. И будешь счастливей и жить будет легче, потому что меньше будет ошибок.

В Москве глубокий снег. По утрам заглядывает солнышко в мой подвалец. День заметно прибыл. Как в Питере? Есть зацепочка в Курских краях: река, лес, изба в саду яблонном, губерния не жаркая и не холодная – климат и погода ровные. Как тебе это представляется? Можно Карелию – к большому рыбному озеру – светлому, с прекрасными сухими берегами, лесом, охотой, но скудно маслом и яйцами. Напиши свои соображения. Как живешь? Придут оттепели, не простудись, не стой долго на улице после усиленной беготни. Сообрази – как бы тебе прислать гостинец – поспрошай, не поедет ли кто. Прокофьева у меня не было, вероятно, и не заходил, я все дни и вечера дома безысходно. Вышли книги с портретами. Кланяется Грабарь и советует мне удержать тебя от жажды скороспелой славы. Ему, говорит, нужно не жажда славы, а жажда *знания*, а остальное всё придет в свое время. Это его точные слова. Он был у меня. Прости, дитятко мое! Не осуди деда. Жду ответа. Только твоими письмами и живу.

186. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

22 февраля 1933 г. Москва

Дорогой Толечка!

Жду ответа на два последние письма. – Ставлю тебя в известность, что по твоему заявлению ты *временно* выписан из моей квартиры. Как, дитя, живешь? Всё ли у тебя благополучно? Как твоя душенька? Извещай о времени приезда. Не то я сам приеду. Как только оттеплит немного. Больше нет сил ждать... Истерзался сердцем и песней. Тяжко. Не медли письмом. Целую тебя. Как твои карие яхонты – небось, стали мутнее? Прости.

187. А. А. ПРОКОФЬЕВУ

24 февраля 1933 г. Москва

Дорогой поэт! Сейчас Толечка ездит в Детское писать Федина. Беспокою Вас просьбой поговорить – с Толей – о моей к Вам просьбе. Время самое подходящее. Нужно в экстренном порядке, не медля ни одного дня. Сердце мое будет Вам благодарно.

Москва, Гранатный, 12, кв. 3.

Н. Клюев.

188. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

4 марта 1933 г. Москва

Здравствуй, мое дитятко.

Пишу на почте. Очень рад, что «Липы» не прозвучали в твоем сердце как панихида по нашей дружбе. Мне вовсе не лестно, что Федин взволновался моей болезнью, вот если бы ты почувствовал ее во всей значимости, то это было бы для меня драгоценно, а для тебя прекрасно и благородно!

Я одиночествую только для тебя, чтоб не мог ты ничем укорить меня. Люблю. Целую. Дед.

189. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

1 апреля 1933 г. Москва

Благодарю тебя, свет мой и любимое дитя мое, за цидульку жалкую и рваную, но всё же сердечно дорогую и желанную! Доехал я благополучно. Виктор, как и следовало ожидать, прибыл на вокзал встречать меня тогда, когда я уже был дома и ждал его несколько часов, сидя у соседей. Свое гнездо я нашел, разумеется, хлевом, все вещи и посуда до единой чашки унавожены до неузнаваемости. Квартиру Виктор не топил. Форточку не открывал, окон не протирал, так что они заросли грязью снаружи. С самоваров воды не выливал, и они проржавели и стали течь. Прокипятил их с содой и изгнал смрад и гниль из них. Занавес, одеяло и подушки — как передник у кузнеца — всё отдал в стирку до половиков включительно. Эта скотина ничего не видит и не слышит, и никаких даже присущих собаке чувств и привязанностей у него к тебе или ко мне и допустить смешно, так что твое милое хозяйство здорово пострадало от испытанного лишь в идиотстве и шалапайстве приятеля! Он всё мучит меня обещаниями купить белила и проч<ее> и тем тормозит отправление тебе штиблет и галош почтой. Не две же посылки соображать?! Радоваться ли, что тебе дали отпуск — месяц? По-моему — хорошо! И учебный год тебе зачтется, и осень будет без хлопот об экзамене. Непременно попей нарбутовского лекарства и возьми хоть 8—10 ванн. Многое в твоем поведении, вплоть до излишней дозы портвейна в чай, объясняется твоим нездоровьем. Ты, конечно, это понимаешь, тем более имея всегда перед глазами такое страшное доказательство невнимания к своему здоровью, как твой брат Владимир! Я содрогаюсь за острую опасность для тебя от близкого общения с ним до поцелуев включительно,

когда у тебя на губе появится кровоточащая маленькая с виду невинная ранка — будет поздно. Подумай об этом посерьезнее — и не обвиняй — лихорадку и нервы в том, что они породили в лице Владимира — экспонат — наглядное пособие для изучения даже невеждами, даже родственными сердцами, прогрессивного сифилиса. Я очень боюсь, ласточка, за тебя! Хотя мне и тяжело говорить так о твоем брате. Прости меня, но я не могу молчать. Не вздумай вести Владимира к Нарбуту, он ему не поможет, а о тебе и о твоих близких Нарбуты выведут крайне темное представление. Врачей в Питере по сифилису достаточно. И тебе путаться в это дело нельзя. Помни, что безногое дальше бежит. Жду твоих резонов о приезде в Москву — так буду и соображать, не доводи извещением до последнего дня. Моих слез и так достаточно. Вплоть до Твери я плакал. Так что соседи по вагону жалели «бедного священника», которому, вероятно, не дали паспорта и разлучили с горячо любимым сыном. Они видели тебя в окне. Жалкие люди, убогие и серые вороны!.. Надеюсь, что до 15-го ты удосужишься написать мне, чтобы я не жил предположениями, особенно мне что-то жутко за твои поездки в Детское, что-то царапает мое сердце... *Обрати на это внимание.* В общем же у меня как будто всё благополучно. Дров березовых полная кладовка — приехал, нанял троих мужиков — распилили в полчаса и сложили. Виктор и этого не сделал. Здоровье мое покрепчало — после свидания с тобой, и в груди что-то похоже<е> на успокоение, но, конечно, не равнодушие. Как *ты* себя чувствуешь? Не простудись на вешнем ветру. В Москве погода синяя и ясная. Только под утро сухо — прохладно. Я топлю печь каждый день... (*конец письма утрачен*).

190. Л. И. РАКОВСКОМУ

11 апреля <1933 г.> Москва

Раковскому.

Извините — не знаю Ваших имени и отчества, но мне передавали, что Союз пожалел меня и постановил помочь мне деньгами, мануфактурой и более сытным пайком. Мне необходимо крайне получить всё это, а о пайке иметь, конечно, постановление Союза для Москвы. Помогите мне в этом! Я очень болен и для меня очень невыносимы хлопоты.

Адрес: Москва, Гранатный переулок, дом 12, кв. 3.

Н. Клюев.

Низко Вам кланяюсь.

11 апр<еля>

191. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

11 мая 1933 г. Москва

Дорогое мое дитятко, сказка моя прекрасная и ненаглядная, целую тебя, кланяюсь и припадаю к сердцу твоему со слезами: пожалей меня, не губи, — без игры и самолюбования, как только прочитаешь это письмо, немедля напиши мне ответ. После того, как я усадил тебя на извозчика и с сердцем, полным слез вернулся в свой опустевший угол, я непрерывно все последние недели хвораю. Физическую болезнь моего сердца ты знаешь, но в душевную мою боль навряд ли веришь. Так вот, я болен именно этой душевной болезнью, и всё время после твоего отъезда безмерно страдаю, собирая в одно целое все твои словесные кусочки, звук твоего голоса, выражение глаз и лица, и, конечно, твоего поведения. Так восстанавливают мелко разорванное письмо — складывая его буква к букве. Такой работой я и занят день и ночь. Не скрываю, что работа очень мучительная. Ты, как бы предвидя ее, постарался изорвать письмо помельче, видимо, еще жалея свою старую добрую ворчунью-няньку, но не в силах поступиться и крупицей своего Я в пользу этой няни (или деда). Произошло же это в тебе потому, что ты *под напором чужого, холодного* мнения обо мне усомнился в моей мудрости и значительности как человека и художника. А это для тебя и для любви нашей величайшая опасность, ибо природа любви — это служение любящих друг друга. Никогда я не верховенствовал над тобой, а только служил и желаю служить, как дед, как няня Родионовна, даже как последняя кухарка, — до гроба, а в небесном прощении — первой моей просьбой к Источнику жизни, конечно, будут слова: благослови, спаси, введи в свою любовь и раба твоего — юношу Анатолия! Но только *не за себя.* Это я знаю твердо. Спаси — от широкого пути, ведущего в погибель — к черным вершинам гор и пропастям! Спаси от путей дешевой авантюры, мишуры житейской и вредных растлевающих похвал! Пусть дитятко мое идет в голубую страну (о которой ты пишешь в последнем письме) не путем Шурок Быстряковых и его страшной компании, не торцовой мостовой жигана, но в общем дурака негодяя Васильева, а трудной, но радостной тропинкой Иванова, Серова, Гоголя, Рериха, Чистякова!

Толечка, ласточка моя апрельская, всем опытом, любовью, святыней, заклинаю тебя — не отравляйся личинами, не принимай за подлинность — призраков Быстряковых и его патронов, Васильевых и старых, как ад, Эльз Каминских — с непременной бутылкой с клеветами и бесчисленными предательствами! Все подобные исчезают, как смрадный дым. Пройдешь мимо и не найдешь даже того места, где они были. *Даже житейски* пользоваться ими тебе — нет моего согласия. Ты, надеюсь, убедился в этом: получил несколько тюб белил, а

заплатил за них лучшей стороной своего существа, строил рожу по Калитину — идиотскую и безответственную, заискивая перед заведомыми негодяями, в угоду им пьянствовал всю ночь и часть следующего дня (лошадь бы не выдержала) и этим ввергнул в пучину страдания своего песенного деда... Я до сих пор болен. Издевательство Васильева надо мною (вот, мол, твой ангел-то! Был пьянее всех и ночевал — где? не скажу), разговор Быстрякова с Витоном — ехидный, с намеками на твое величие, и его уверения, что ты никогда у него не бывал, что вечеринки у него не было и что он тебя видел в последний раз в июне месяце — не считая твоих личных недомолвок, — всё это сделало свое дело... Проведя страшную ночь в нервной лихорадке, теперь я вовсе доконал себя. У меня воспаление затылочных нервов. Боль страшная, временами даже слепну на оба глаза, ночи напролет не сплю, всё вижу тебя в ужасных превращениях. Сегодня всю ночь отбивался от тебя — будо ты хочешь всадить мне нож, а я, слепой, не вижу твоего дорогого лица, только умоляю выслушать меня! Собираюсь в пять часов в клинику к профессору Верзилову по нервам. Виктор проводит меня. Головой я не могу пошевелить. Шея сзади опухла, уши заложило, и болят глазные яблоки. Движусь лихорадкой — пишу тебе, пока вижу бумагу, при первом же ударе ослепну, как Озаровская. Мысленно смотрю — не нагляжусь в твои глаза-яхонты, любовь моя нетленная, лосенок мой душистый, но, конечно, не в глаза, поставленные по калитинской школе — мутные, как у лунатика, а строгие и умные, без улыбочки на лице — что так украшало тебя! И что влекло к тебе старших серьезных людей.

Рыдая, продолжаю писать. Вот тебе еще пример из книги жизни: ты жадно смотрел на Васильева, на его поганое дорогое пальто и костюмы — обольщался им, но это пустая гремящая бочка лопнула при первом ударе. Случилось это так: Оргкомитет во главе с Гронским заявили, что книги Васильева — сплошной плагиат — по Клюеву и Есенину — нашли множество подложных мест, мою Гусыню в его поэме и т. д., и т. д. Немедленно вышел приказ рассыпать печатный набор книг Васильева, прекратить платежи и договоры объявить несостоятельными, выгнать его из квартиры и т. д. Васильев скрылся из Москвы. Все его приятели лают его, как могут, а те дома, где он был, оправдываются тем, что они и не слыхали и незнакомы с Васильевым и т. п., и т. п.

Вот тебе, дитятко, памятка, к чему приводит легкий путь авантюры без труда и чистого сердца! Замутится разум у художника, и неминуемо отразится это на искусстве. Вспомни рассказ Грабаря о Сомове! Твой же дед, вопреки чужому холодному мнению, имеет право и замолчать, как имеют на это право, напр<имер>, Нежданова, Шаляпин — что в том плохого, если Сирин-птица, отпев свои земные пес-

ни, вознесется домой, в рай?! Ты же моим молчанием и одиночеством смущен. Не смущайся, любовь моя сладкая, после твоей Родионовны (так звали няню Пушкина) останется <ноский> чулок и волшебные спицы, и тебе, при всем твоем славолюбии, не придется стыдиться дружбы с нею! Предсказываю тебе: если ты повредишь нравственное существо в самом себе, — то и с тобой будет то же, что и с Васильевым. Мой долг сказать тебе это. Выпивоны с недоросшими до тебя в культуре сверстниками самое длительное года через два-три сделают из тебя дисгармоничное обозленное, как Клычков, Есенин, существо с пропадом впереди. Поэтому молю тебя, свет мой, уклоняйся от выпивонов, как бы они по виду невинно <ни> были обставлены.

Есенин гораздо позже твоего, 27 лет, стал привыкать к рюмочке — сперва *только к портвейну*, и через четыре с небольшим года его путь кончился в меблиражке на собачьей веревке. Напиши мне чистосердечно и просто, как старой няньке — поклон и объясни, что значит, что Быстряков уверяет, что никакой вечеринки у него не было и что ты у него никогда не ночевал и никакого у него дивана под лестницей не существует, где бы ты мог спать, тем более в квартире его патрона и мецената? Если ты этот мой вопрос замолчишь, то доконаешь меня окончательно. Клянусь тебе, что любовь моя останется невозмутимой, как лесное озеро! Ведь только от лжи оно темнеет. Не подбирай слов для своего ответного письма. Всё можно сказать твоему деду. Всё он поймет. Всё примет во внимание. Бережно, с истовым доверием приму я каждое слово твое — ласточка моя! Где ты был в проклятую ночь? Помню, пахло от тебя чужим мылом, ты был серый, с <печенками> под глазами, с сухими губами — всю поправку своего здоровьишка, все хлопоты деда истратил в одну ночь. Поди, в Питер-то приехал зеленый? Напиши мне немедленно, в случае удара со мной приедешь ли хоронить меня или темны <леса> помешают и широкие пути задержат тебя?

Представь ярче мертвецкую больницы и *одинокий* гроб. А это может случиться раньше и проще, чем ты думаешь. Смерть бабушки в день свадьбы твоего брата — тебе пример и указание. Поторопись, дитя мое, щебетом ласточки поведай мне, пожалей мою ревность: где ты провел пьянку? О чем просил Васильева на кухне? Была ли пьянка с Васильевым у тебя, когда я был в Сочи (то, что ты был с ним в ресторане и у Каминской, ты мне говорил сам). Сколько выпили? И где ты ночевал после выпивки с Васильевым *и с кем*? Или ночевал Васильев у тебя *и с кем*? При каких милых отношениях мои стихи попали к Васильеву? Чем он тебя вовлек в это преступление? Обещал протекцию и т. п.? Всякий бы и каждый на твоем месте давно бы рассказал всё по порядку. Ответь, что тебе мешает? Наша светлая дружба останется алмазной, и еще больше раскроется душа моя навстречу тебе —

моему солнышку. Слезами бы я омыл ноги тебе за чистосердечный лепет о твоих молодых и таких понятных грехах, но ты, видно, боишься, что я слаб, и охладеет любовь моя? Какое заблуждение! Разве только поплачу, а ведь слезы, как говорит мудрость, самый крепкий цемент любви. И нет другого материала, годного для скреп стен вокруг дружбы. Радость моя, возврати мне чувство свежих древесных вершин! Исцели меня! Никакая клиника не поможет мне в этом. Только ты одним словом можешь возвратить мне здоровье и свет душевный. Плача, прошу тебя об этом! Пожалей, *не озлобляйся*, поверь, почувствуй и наконец пойми! Уразумей, мое ненаглядное дитятко, что если Бог продлит тебе жизнь, о чем моя всегдашняя молитва, то моя гибель — будет тяжкой для тебя ношей! Я так верю. Ты слишком прекрасен и горд, чтобы мне понимать это иначе. Благословляю, целую горячо. Полагаю к твоим ногам любовь пригоршней, как птичку всю избитую и окровавленную. Жду ответа. Не досадуй. Укрепись. Будь здоров, береги себя. Не суди меня строго.

В Москве дни заметно стали дольше — светлее. Помоги моей тьме! Твой дед.

192. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

Середина мая 1933 г. Москва

Дорогой друг, дитятко мое ненаглядное, незабвенная песня моя, получил от тебя бандероль, и мгновенно сбежала с глаз муть и хмара, увидел я, что Москва вся залита солнцем, в окно нашего гнезда тянет тополевой почкой... Господи, верно, я еще жив! Мягко и тепло дышит сердце, мысленно спускаюсь как бы по бесчисленным ступеням подземелья, в последний предел глубины его, смотрю — цело ли сокровище мое? Любовь моя, тяжелая, как платина, дружба, груды чистейших сверкающих слез. Всё, как было. Всё нерушимо, ничто не потрачено и не расхищено. Это мой заповедник, мой заклятый клад. И в то же время не мой, а лишь тебе, по какому-то таинственному избранию, единственному, — принадлежащий. Ты наследник души моей. Но страшно от вéщей полноты, от осознания этого таинства. Моя молитва, чтобы ты хотя бы почувствовал кое-что из этой грозной, обручающей человека с вечностью евхаристией! Не верю, что я говорю эти слова впустую. (Но ведь так властны горы словесного праха и мусора и так трудно из-за них услышать настоящее. Особенно в твоем положении!) Но не беспокойся обо мне! Прошу тебя. Будь за меня спокоен. Я выживу и тараны кораблекрушенья. Давно, в предугадывании

кораблекрушения, сложило сердце песни о грядущей розе и луне. Но, ласточка моя, живи, трепыхайся и щебечи, не жалей меня и не делай мне ничего хорошего из сострадания. Умоляю тебя об этом! Пусть из сострадания не родится мое счастье. Ибо счастье и сострадание — огонь и вода — вечно несоединимы, и только женское коварство может прикрываться состраданьем, да не будет между нами так!

Я здоров, успокоился... Сплю хорошо, ем тоже. Недавно испёк ватрушку, такую же, как на Пасху к твоему приезду. Долго смотрел на нее и вдыхал аромат, и вдруг явственно увидел тебя сидящим за столом, на твоем обычном месте: в одной нижней рубашке, руки опущены вниз, голова забинтована через подбородок больничной марлей, и на правом бугре лба бурое кровяное пятно. Так и не попробовал я ватрушки, перерезал ее пополам и подал нищей приходящей монахине, Христа ради, за упокой твоей души. И что-то похоже<е> на зависть к тебе осталось во мне. Прошу тебя, Толечка, — являйся мне хотя бы изредка! Как там? Ты уже знаешь. И что делать мне, чтобы приобрести твою способность посещений? Я радуюсь за тебя, за твои горькие удачи, они прекрасны, но роковая пьянка не замедлила отразиться и на твоем искусстве: у Пастернака две разных половины лица едва связан<ы> (*пропуск в тексте источника*) у этих друг друга плеча.

(*Пропуск в тексте источника*) <до>казательство, что пьянка и живопись не сестры. Сам Пастернак наблюдает за своим стихом то же самое, что выявилось для меня в его портрете. Прости меня, но я в своем уверен. И ничьих рецептов на этот случай слушать не хочу. Всю трепологию отвергаю. Как ты и предупреждал — я получил анонимное письмо от Воробьевой. Это гнусный, шитый белыми нитками донос на нашу дружбу и на тебя в особенности — на твою совесть и благородство. Письмо написано набело с черновика, и не без участия второго лица — это я остро чувствую. Ни малейшего волнения психического эфира в нем не наблюдается. Оно жалко и трафаретно-коварно, с предварительной лестью-подкупом мне *как поэту*, и с угрозой, что «законы революции и диалектики не на моей стороне». Эта фраза наводит на размышление: в таком же звучании, смысле и скреплении я слышал ее от следователя... Она уже стала классической и известна многим. Во всяком случае это не творчество влюбленной женщины <...>

Прости меня, дитятко, и не осуди! Но дело в следующем: 5-го мая, в смертельной тоске по любви твоей, я сжег уже засвидетельствованное нотариально и предназначенное тебе вместо красного яйца мое духовное завещание. Смерть так близка ко мне, а тьма и неопределенность твои так мучительны, что я не мог поступить иначе. Все письма твои собраны мною и перевязаны... А на земле весна. Леса и поля посылают вести в город — ветки и цветы. Они во всех киосках,

на всех углах, и даже у меня на столе желтые ручьевые цветы. Ведь они так идут ко мне: их цвет выражает судьбу мо́ю, последние дни мои. Ах, Клюев, до чего ты дошел! Тур из Беловежья, медведь печерский, а хнычешь хуже зайца про любовь, про цветы, про заблудившегося дорогого лосенка, который запутался золотыми рожками в бабьей юбке, и, быть может, и знать не хочет твоих лугов резедовых! Ну, поживем если, то увидим. А пока есть вера: оттого море не стало поганым, коли его пес налакал. Так дружба и душа наша. С Оки пришли худые вести: голод, мука 150 р. пуд, картофель 60 руб. ведро и т. д. Протягиваю руки к русским рекам, к перелесицам: сестры мои родимые — возьмите меня к себе! Ах, друг мой старинный, Толюн мой, за что ты своими руками — удавил лебедя — сказку нашу. Ведь эта сказка сказывалась целых шесть лет, и всё про тебя — утверждая путь в историю, в радужную страну живописи и поэзии! Прости! Благословляю. Сердечно лобызаю. Желаю душевного здоровья. Мужества, веры, прямоты и благородства. Желаю ясно отличать эти качества от бравады — которая столько причинила тебе страдания. Да исчезнет бравада! К подвигу за искусство. За великую дружбу!

193. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

18 мая 1933 г. Москва

Милый дорогой друг.

Получил от тебя бандероль с моей поэмой, конечно, искаженной и обезображенной с первого слова: «Песня о великой матери» — разве ты не знаешь, что песнь, а не песня, это совсем другой смысл и т. д., и т. д., но дело теперь уже не в этом, а в гибели самой поэмы — того, чем я полн как художник последние годы — теперь все замыслы мои погибли — ты убил меня и поэму зверским и глупым образом.

Разве ты не понимаешь, кому она в первую очередь нужна и для чего и сколько было средств и способов вырвать ее из моих рук. То, что не удалось моим черным и открытым врагам — сделано и совершено тобой — моим братом. Сколько было заклинаний и обетов с твоей стороны — ни одной строки не читать и не показывать... Но ты, видимо, оглох и ослеп и лишился разума от своих успехов *на всех* фронтах! Нет слов передать тебе ужас и тревогу, которыми я схвачен. Я хорошо осведомлен, что никакого издания моих стихов не может быть, что под видом издания нужно заполучить работы моих последних лет, а ты беспокоишься о моей славе! На что она мне нужна! Опомнись! Ни одной строки из поэмы больше под машинку! Всё сжечь! *Как поступил я* — взять все перепечатки, у кого бы они ни находились, никаких упрашиваний не принимать во внимание. Ника-

ких изданий их не может быть! Поверь мне! Сколько экземпляров напечатано на машинке моей поэмы — на радость, обсасывание и кражу мои врагам? В чем смысл распространения тобою поэмы?

Ты затрудняешь себя посылками ко мне, а между тем нужно бы было написать два-три деловых слова — что ты замышляешь? Ведь я не прошу тебя о письме, о любви и верности — знаю, что всё подобное для тебя тяжело, но объясни мне, в чем дело? Вольное или невольное твое предательство? Если на это письмо не получу от тебя телеграммы или спешного письма, то выезжаю сам в Ленинград. Не умели жить вместе, ну тогда погибнем вместе. Теперь уже всё равно для меня. Я предан, ограблен и опозорен. Опомнись, брат — и, друг мой, дай мне умереть по-человечески, а не по-собачьи. Приди в себя! Пойми, у кого мы в лапах?! Ведь такому черному делу, как твое глупое усердие — история не подберет имени... Твоя молодость — не извинение — ты слишком оказался опытным, чтобы труп мой пожрали крысы...

Еще раз умоляю тебя ни одной строки из поэмы не давать под машинку — ты ведь дал мне за это братскую клятву! Я не пью, не ем, не сплю — всё жду... Ведь всё погибло навсегда с опубликованием хотя бы первой части поэмы. Дорогой мой — для чего это нужно? Ты говорил, что заключат договор и уплатят часть денег — помесячно; ну, уплатят за один месяц 500 руб. и всё. Так поступили в «Красной газете» с «Погорельщиной» под видом издания — так поступят и теперь. Пойми это! *Дело вовсе не в издании*, что по нынешним временам немыслимо. Ни Брауну, ни Прокофьеву и т. п. ни одной строки из следующих глав! Всё сожги, ибо теперь всё погибло — поэма навсегда с кровью вырвана из моего сердца. Будь благоразумен, не верь изданию и деньгам. Мне легче умереть было бы с голоду, чем публиковать или распространять в перепечатках «Песню» а не великую «Песнь». Исправь, если можно, эту страшную вывеску. Постарайся изъять все перепечатки.

Еще раз пла́чусь тебе — сообщи немедля — что значит перепечатка первой главы поэмы? Где ее перепечатали и кто? И получает ли она распространение? Ужасаюсь, как это всё возможно! Или ты забыл ее содержание? Или действительно это не сон, и я должен одеть себе веревку на шею?

Подумай об этом!

Я получил два экземпляра — один густым лиловым шрифтом, — другой красноватым, более четким — что это? Как это понимать? Отвечай! После этой посылки я немедленно сжег поэму — поступи и ты так же, если не желаешь и своей гибели. Знаю, что пишу опасными словами, но чем тебя прошибить и каким средством заставить прийти в себя?! Я заявляю, что запрещаю издание каких бы то ни было своих произведений! Посылаю заявление в издательство писателей об этом. Всё уничтожь! Всё сожги!

Если не получу телеграммы, выезжаю сам!

Для чего ты прислал мне перепечатку? Разве я не мог бы сделать это сам — если бы находил нужным? Поверь мне, что не издание, не деньги ты добыл для меня, а лишил меня последнего куска хлеба, следом за этим — пуля или веревка — пока не верю, что это тебе необходимо. Или действительно твой фальшивый купон — порождает и соответствующие последствия. Приди в себя! Перекрестись! Опомнись! Пока не поздно — ни одной строки ни под каким предлогом никому. У меня нет друзей, кроме тебя — запомни это крепче! Дитятко мое пестованное, заветное, куда ты идешь? Ведь мою кровь не отмыть тебе вовеки!

Телеграфируй немедленно, в чем смысл бандероли и т. д.!

194. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

23 мая 1933 г. Москва

Возлюбленный мой брат, друг и дитя мое незабвенное! Приветствую тебя сердечно и кланяюсь зёмно! Со слезами прошу прошения за вспышку гнева в моем последнем письме. Этот гнев есть, конечно, один из видов *противодействия, борьбы за свою любовь*, заботы за подлинность и сохранение любви как свободно принятого нами высокого избрания и сана. Чтобы сращивать соединительные нервы дружбы, рвущиеся и от нашего греха, и от влияния извне, для этого необходима какая-то вечная памятка, с чем бы связывалось непоколебимое наше решение — *всё претерпеть до конца*. И кроме того, нужен таинственный ток энергии, непрестанно обновляющий первое, ослепительное время дружбы. Что же это за памятка? Внешне и грубо это, конечно, есть напоминание о себе — истирание пятой порога дома друга твоего, внутренне же — это подвиг ради дружбы — некий невидимый труд — каждый день и час со скорбью погублять душу свою ради друга и в радости обретать ее восстановленной! Так было со мной в течение последних шести лет, из которых ни одна минута, прожитая с тобой, *не была нетворческой*. Это давало мне полноту жизни и высшее счастье! Создавался какой-то таинственный стиль времяпровождения и речи, искусства и обихода. Ясно чувствую, что так было накануне эпохи Возрождения, когда дружба венчала великих художников и зажигала над их челом пламенный язык гения. В нашей дружбе я всегда ощущаю, быть может, и маленькое, но драгоценное зернышко чего-то подлинного и великого. Только из таких зерен сквозь дикость и тьму столетий пробивались ростки Новой Культуры. Вот что теперь стало для меня ясно. А это не мало, это не пустяки! Особенно для нас с тобой как художников. На этой вершине

человеческого чувства, подобно облакам, задевающим двуединый Арарат, *небесное клубится над дольным, земным.* И этот закон неизбежен. Только теперь, в крестные дни мои, он, как никогда, становится для меня ясно ощутимым. Вот почему вредно и ошибочно говорить тебе, что ты живешь во мне *только как пол* и что с полом уходит любовь и разрушается дружба. Неотразимым доказательством того, что ангельская сторона твоего существа всегда заслоняла пол, — являются мои стихи — пролитые к ногам твоим. Оглянись на них — много ли там пола? Не связаны ли все чувст<во>вания этих необычайных и никогда не повторимых рун, — с тобой как с подснежником, чайкой или лучом, ставшими человеком-юношей?

А эти образы — есть сама чистота, сколько-нибудь доступная земному бренному слову. Только женское коварство как раз и черпает из мутных волн голого пола и свинской патологии противоположное и обратное понимание. Откуда оно у тебя? Конечно, от женского наития. *Нельзя, сидя верхом на бабе, говорить о тайне*, о том, что можно, и то приблизительно-символично, рассказать музыкой, поэзией, живописью или скульптурой. Только языком искусства — купленного подвигом, можно пояснить кое-что из тайны пола и ангела в дружбе. Так поступаю и я, и точно знаю и утверждаю, что если бы ты получил мое последнее письмо до своего падения и плена, то сказал бы следующее: «Силой гнева измеряется сила любви», т. е. насколько силен гнев — настолько сильна любовь друга к тебе. Видишь, любимый мой, какую трещину дала твоя психика?! Подумай над этим покрепче! И чем глубже будет женщина внедряться и входить в тебя, тем обыденнее и, так сказать, популярнее будут твои мысли и поступки. Это и есть тот «широкий путь», от которого я часто предупреждал тебя — этот путь для всех. Я же — твой брат, сомысленник и служитель, считаю тебя не таким, как все, а незаурядным и избранным, и веровал, что твой путь — это скалистая тропинка, которая вьется за плечами Джоконды — и ведет художника прочь от этого демонического, хотя и прекрасного существа. Этот же символ можно наблюдать даже в изображениях Мадонны Литты, совершеннейшей из женщин. Для меня эта давно ощутимо и понятно. Умозрение в красках, как и в подлинной поэзии, никогда не лжет. Нужно только открыть глаза и очистить сердце, чтобы увидеть лучи тайны, величия дружбы и красоты. Следовательно, твое обвинение меня в том, что ты живешь во мне только как пол — само собой отпадает.

Ты извиняешься в своем письме за многословие, но разве хватило нам целых шести лет, чтоб досказать нашу сказку? Нет, она осталась еще недосказанной!

«В каждой дружбе, сколько-нибудь продолжительной, — говорит Метерлинк, — наступает таинственный момент, когда мы начинаем различать точное место нашего друга относительно неизвестного, окружающего его, положение судьбы относительно его. Происходит как бы перестановка жизни, взаимное проникновение личностей одной в другую. Когда такое проникновение достигнуто, дружба силою вещей делается нерасторжимою, пока же такое высшее единство не достигнуто, верность есть и всегда считалась церковным сознанием за нечто необходимое *не только ради сохранения дружбы*, но и ради самой жизни друзей. Соблюдение раз начатой дружбы дает всё, нарушение же является нарушением не только дружбы, но и подвергает опасности самое *духовное существование* отступника, а часто и физической смерти его жертву! Ведь души друзей уже начали срастаться!». Это говорит Метерлинк — один из лучших сынов человеческих — последнего времени. Мудрец — нашей эры, душевидец.

В этом же смысле — тебя, сорвавшего момент проникновения в нашу взаимную судьбу и подвергшего себя и меня — смертельной опасности — гибели духовной и, возможно, — физической, я в своих стихах и называю злодеем и убийцей. Но почему ты упускаешь в тех же произведениях такие, напр<имер>, строки:

Но только облик серафима
Пурге седин, как май погожий...

Ведь имя Серафима относится к тебе, — несмотря ни на что. Большего человек не может дать вообще. Прежде я любил тебя как брата-друга, но теперь люблю тебя как свою душу. Общение наших душ происходит уже не в явлениях и фактах, а глубже. Друг по ми́лу стал хорош, а не за хорошее мил, — как говорят мужики. Прежде я искал Моего в тебе и если находил, то радовался — теперь же ищу Самого *тебя*, каков бы ты ни был, а тебя нельзя принять, не отдавая тебе себя — всю свою полноту, все богатства духовные и телесные, отсюда пол дружбы. Ты пишешь: «Когда я в нужде, и мне необходимы любовь, дружба, а может быть, единственный отец, — ты покидаешь меня». Считаю эту мысль просто не уложенной в слова. Это я-то тебя покидаю! Научи, как это сделать, как вырвать нож, который ты всадил мне по рукоятку между лопаток? Если сделает это чужой — я пойду за ним, — как благодарный лев за преподобным Герасимом, вынувшим из его бедра стрелу, если же ты, — любимой рукой, — мы всё равно будем неразлучны. Но ты утешаешь меня тем же, чем утешала виноградная лоза бедного Ахмета в одной восточной басне (не привожу ее целиком за длиннотами):

Посадил бедный Ахмет лозу у своей сакли, холил ее, поливал (вероятно, не слезами, как я), налились грозди, а лоза взяла да и отдала их Зу́льме. Заплакал горько Ахмет, а лоза ему в ответ:

«Не плачь, Ахмет, ведь я с тобой —
Корнями, хладною листвой!»
— «А где же грозди?» — «Ест Зюлейка!»
— «Так пусть подавится злодейка!»

Не узнаёшь ли, друг мой, ты себя в этой лозе? Не оставляешь ли ты мне корни с хладною листвою, уверяя, что ты со мной, меж тем как сладкая гроздь твоя отдана Зюлейке? На чьей стороне больше правды — на стороне бедного Ахмета или жадной лакомки Зульмы? <...> Оставляя за мной отечество, любовь и дружбу и убедясь теперь, что я тебя не покинул сердцем и благословением, ты тем самым, признаёшь, что этих свойств не нашел в Воробьевой. Ее <...> письмо ко мне порука, что таких цветов она и не нюхивала, они растут лишь на лугах Целителя Пантелеймона, — из них он — юноша с ларцем травных бальзамов — врачует сердца друзей, особенно тех, которые стали жертвой темной силы!

Мой лосенок! Поверь своему весеннему деду. Ты обморочен темной силой, и в этом состоянии нравственного обморока не Господь, взяв ребро от тебя, сотворил тебе Еву, а серый сортирный городской черт — вырвал из тебя ребро вместе с куском позвоночника, может быть, и души <...>. Теперь не замедлит познакомиться с тобой сам змий с обольстительным шепотом, что ты будешь, как Бог, если вовсю будешь пожирать плоды с дерева познания добра и зла — такое пожирание Воробьева называет «свободным развитием». Иначе говоря, ты должен жить, как «настоящий мущина» — курить, выпивать, стремиться к стандартному комфорту и дешевой авантюре — и незаметно докатиться до какого-нибудь «Англетера», где, тихо притаясь в углу — покачивается веревка. Это видение стоит у меня в глазах! Мой долг и дело моей совести предупредить тебя об этом! Недаром же ты в свой пасхальный приезд ко мне — уже упражнялся в болтовне (твой рассказ про пьянку Пастернака) и заявлял, что жизнь так интересна! и что тебе рано думать об обе<т>е! Да, дитятко, Пастернак был пьян, но не с заранее обдуманным намерением, а случайно, и горько жалел об этом, жизнь интересна, но <...> подвигом за искусство, дружбу, величие и т. п.! Твой дед так понимает твои лозунги! Господи, неужели я стою не за жизнь, особенно в искусстве. А художнику в первую очередь, как никому, нужен не только всегдашний обед, но изысканная пища, потому что он не молотобоец, а художник!

Прав ли я?

❖❖❖

Я верю, художник мой, что у тебя вкус прекрасный, но нет чутья на людей. Доказательство: панибратство с цеховым заплечным мас-

тером с Малой Полянки — он вновь был у меня — опухший от пьянства и мировых масштабов, и сердце мое холодело за твой вкус на людей и знакомства. Поверь же моему письму, в котором я, ничего не убавляя и не прибавляя, выявляю подоплеку анонимки Воробьевой. Не от ревности, *а от простой человеческой тревоги* за тебя и за себя размышлял я и думал, сидя над этим, «с позволения сказать, женским творчеством». Подумай и ты над ним. Очень советую. <...> Повторяю, я верю в твой вкус, но не верю в твое чутье к людям! Еще раз советую прочитать тебе мое первое письмо об этом предмете и поразмыслить хорошенько. Я же своего диагноза не изменяю и от него не отрекаюсь! <...>

В течение месяца, я послал тебе пять писем и телеграмму, но ты остался глух к ним, и понадобились каленые клеши, чтобы вырвать из тебя твое единственное письмо. Твоя бандероль, — приправленная упорным предварительным молчанием, — породила в моем кровоточащем и больном сердце бурю. Пойми, что живу я на камфаре, всегда с холодным пузырем на сердце, в нечеловеческом напряжении мысли, предложений и представлений о тебе <...>, — получаю перепечатки моей заветной вещи, на которую я смотрю как на щит от всех гонений меня как поэта, как меч, долженствующий поразить всех моих врагов в литературе — что тебе объяснять? Знаю, что сам ты ясно видишь и понимаешь это! Я забыл все свои личные дела, все договоренности — ничего не помню. Я весь поглощен, по горло утоплен в опасности, которой подверг ты мое духовное существо! Я вижу тебя иногда наяву, говорю с тобой — поверь мне, любовь моя, что не для красного словца пишу тебе про всё это, — не для позы, не из самолюбия! Господи! Как и чем уверить тебя в этом?! Зачем ты фразируешь, что будто за шесть лет твоей верности я называю тебя предателем? Все шесть лет — сплошное мое благоговение перед тобой. Предательством же я, вероятно, назвал грубый предварительно не объясненный факт перепечатки поэмы. Ты замолчал, когда это делать прямо грешно. Я каждый час умираю, не знаю твоей новой жизни <...>. За что же меня укорять? Ты лучше объяснил бы мне это, — ты в моем понимании уже всё теперь знаешь, — все глубины сатанинские, — отсюда вытекают и мои вопли, и зубовный скрежет о твоей опытности! Если бы ты не *молчал, — никаких жестоких слов не было бы в моих к тебе письмах!* Если бы ты сказал мне определенно: «Колюнь, я должен тебе признаться, что в женщине я нашел самого себя!» <...> — бесповоротно, и Колюнь успокоился бы и занялся бы своими делами. Но нет, обязал меня словом хранить чистоту, а сам, высунув язык, ждал заветное 16-ое мая и нравственно мог это? Верно ли я говорю

или ошибаюсь? Непременно напиши мне — всё подробно для моих душевных выводов! Ты хватаешься за каждое слово в моих письмах — ища повода оправдать что-то в себе — зачем такая тёрка? Говори прямо, ведь ты стал теперь настоящим мущиной! Вот я говорю прямо, что в нашем положении очень ценно. Например, дитя мое, я доверяю тебе и жизнь и смерть свои — всё по-старому, по-бывалому! — Понятно тебе или нет? Да разве настоящее письмо, которое может написаться человеком, быть может, один раз в жизни, не служит доказательством пламенного и глубочайшего моего к тебе доверия? Боже мой! Какую трещину дала твоя душа — перестав ощущать еще недавно простые для нее и родные слова! Теперь же всё необходимо пережевать и объяснять. Так и должно быть.

Карма, возмездие за измену своему внутреннему посвящению не замедлит сказаться. Так было и так будет. Это вечный недвижимый закон. Он написан на свитке неба знаками зодиака. Так понимаю я, отнюдь не навязывая никому своего понимания — своей правды. Аминь. Да сохранит тебя Христос — падшим подаяй воскрешение от нападения темных сил! Запомни, дитя мое, что я делаю всё, борюсь на живот и смерть за то, чтоб сохранить нашу дружбу. Совесть моя чиста. Ты же, что задумал делать, делай скорее, но не лучше ли нам поступить так: положить свою любовь к ногам Того, кто по воскресении своем из мертвых сказал женщине в винограднике: «Не прикасайся ко мне, Мария!» Если же мы недостойны этого, то наклони свое золотое ушко, дитятко, поближе к сердцу деда, — злобному и горячему, по твоим словам, и выслушай и крепче положи себя на память вещий шепот из-под зарочного могильного камня! Слушай: «Я люблю тебя... Совершилось чудо — твоя измена не сдвинула с места светильника нашей дружбы — ты сам признаёшь это... У подавляющего большинства друзей бывает иначе... Я иду на последнюю и страшную жертву для тебя — принимаю тебя *и при твоем сожительстве с женщиной*... Потому, что *ты — моя великая Идея* в личной жизни и в истории... Ты — моя идея, а гибель идеи — повлечет за собой гибель творца ее... Вспомни Гоголя у камина, сжигающего свою душу! Пойми это во всем ужасе и полноте!.. Я люблю тебя!.. Аминь».

Не объясняй сожжения мною моего духовного завещания, — как пачки кредиток за твое сердце, — в другое бы время — ты бы, конечно, понял это сожжение — как духовный акт, ныне же, незаметно и неощутимо для самого себя, ты говоришь грешные и какие-то чисто материальные понятия, зная, конечно, что всё это не мое и мне не свойственно. Думаю, что и без духовного завещания я умру на твоих руках и ты поплачешь над моей свежей могилой <...>.

❖❖❖

Если ты уверен, что с изданием моих стихов не выйдет такой штуки, как с изданием «Погорельщины» в «Красной газете», то сдавай всё, что имеется, но при единственном условии выцарапать аванс сколько можно больше при сдаче рукописи — отнюдь не помесячно! Это нужно сделать до отправки книги в политцензуру, так как цензором всей литературы в настоящее время является Авербах, который всеконечно *меня не разрешит*. Я очень нуждаюсь. Выехать в деревню не на что. Прошу тебя подумать о деньгах. Как быть? Ведь я надеялся, что расходы по дороге, по найму избы — будут твои. Прошу написать о твоих планах на лето. Если же ты не можешь ехать со мной, то дай мне в долг, хотя бы 200 руб. Я тебе оставлю доверительный чек на получение моей пенсии за июль—август, и ты будешь возмещен безболезненно. Напиши мне, когда приедешь в Москву, и когда мы можем выехать и на сколько месяцев? Прошу тебя, поддержи меня в моем горе — болезни душевной и телесной. Молчание твое, подвергая смертельной опасности мое духовное существо, в то же время понуждает меня в отчаянии броситься на шею, быть может, первому встречному подлецу. Не допусти до этого! Помни, что ты ответственен за меня и с тебя спросится многое, хотя бы и через долгие годы. Осмысли и подумай со этом! Еще раз прошу тебя не молчать по месяцу. <...>

Чтобы кой-что уяснить тебе для своей новой жизни, прошу прочитать тебя «Крейцеровую сонату» Льва Толстого. Она тебе очень поможет во многом. Ну, прости меня грешного и злобного. Благословляю тебя, целую и мысленно пью глаза твои!

Очень сожалею о своем письме — на твою бандероль с рукописью. Будь спокоен. Береги себя. И по возможности меньше треплись. Как твои портреты? Пишешь ли Толстого? Что слышно от Никольского, писал ли ты что ему? Белил я купил тебе две банки — очень много. Самых лучших — уже давно. Жду отчета с сердечным волнением.

Преданный тебе и любящий больше, чем раньше.

Твой Н. Клюев.

195. А. А. ПРОКОФЬЕВУ

Лето 1933 г. Москва

Дорогой поэт, кланяюсь Вам низко и всегда вспоминаю внимание и сердечность Вашу и жены Вашей.

Я задыхаюсь в своем подвале, как говорится, света белого не вижу.

Прошу Вас усердно об авансе из «Современника». Нужно и необходимо уехать в деревню — но вся надежда на Ваш присыл денег. Помогите! Лето проходит... Мне ведь очень тяжело.

Адрес: Москва, Гранатный пер., дом 12, кв. 3.

С товарищеской преданностью Н. Клюев.

196. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

Лето 1933 г. Москва

Дорогой мой племянник. Кланяюсь тебе и посылаю свое благословение, извини, что задержал прилагаемые стихи, но всё время у меня, как и у тебя, занято новым человеком, который вошел в мою жизнь. Прекрасный и свежий, как лесное карельское озеро, — он пьет мое сердце, мои слезы и поцелуи, просыпаюсь и не верю своим глазам — на твоей подушке пепельные волосы, тончайшего очертания лицо, залитое густым шиповником. Он нежен и внимателен ко мне — утешает меня сладкими словами, на какие способен <нрзбр>. Что будет даль<ше> — Бог знает, но сейчас сердце мое хотя и в скрытой тревоге, но согрето, ведь их я не дождался и не слышал от тебя. Кольцо твое получено и висит на кухне на гвоздике над полкой верхней. Я тронут доверием Зинаиды ко мне — еще не остывшему, по ее словам, негодяю! Кланяюсь ей и мысленно преподношу самую белую розу. Прошу тебя в свою очередь позвонить Прокофьеву о скорейшей высылке аванса. С книгой, конечно, ничего путного не выйдет. Похлопочи, дорогой друг, напоследках — постараюсь тебя больше не беспокоить. Я очень болен — опять сильнейшие головокружения и т. п.

Настоящие стихи приложи к книге. Жду немедленного ответа. Нельзя ли прислать цветного оттиска моего портрета!? В книгу я желал бы меня, читающего «Погорельщину». Это было бы весьма разительно!

Как твои карие яхонты? Померкли для меня — твоего придворного поэта навсегда?.. Целую тебя в них, пусть они поплачут о моей и своей судьбе! Знать это — утешительно. Адрес: Москва, Гранатный переулок, № 12, кв. 3. Николаю Алексеевичу Клюеву.

197. Л. Э. КРАВЧЕНКО

22 мая 1934 г. Томск

Дорогая Лидия Эдуардовна! Получил Вашу драгоценную телеграмму, всем сердцем благодарю за нее. Слова Ваши явились для меня великим утешением и подкрепили меня душевно. На белом свете весна, а я всё за решеткой. Отправку в Колпашев обещают на 24-ое мая, но это не наверно. Больше нет сил и навряд ли я выдержу, так как здоровье мое очень плохое и я без съестных передач и какой-либо помощи. В окне светит голубым бархатом май, по-видимому, в здешних краях лето лучше, чем в Ленинграде. Соседи-сибиряки рассказывают, что в Нарыме есть пчелы, созревает греча и огурцы, множество рыбы, но всё это гадательно, и мне не верится во что-нибудь хорошее на моем пути. Но Бог милостив, быть может, призовет меня скоро в иной край, где нет ни печали, ни воздыхания. В моем настоящем положении это упование – желанная мечта и избавление. Как только приеду в Колпашев – напишу и буду ждать обещанного в телеграмме. Нет ли у Вас кого-либо знакомого в г. Томске? Нельзя ли попросить сделать мне съестную передачу? Какое было бы счастье? Нельзя ли спросить у знакомых в Питере нет ли, в свой черед, у них знакомых в г. Томске? Прошу Вас узнать, что с моей квартирой в Москве? Адрес: Гранатный пер., № 12, кв. 3. Дарье Леонтьевне Швейцер. Я писал, но письма, видимо, не доходят. Еще раз благодарю за память и за заботу! С сердечным уважением и преданностью целую Ваши руки. Горячо приветствую и кланяюсь всей Вашей семье. Как здоровье Толи? Как он себя чувствует? Жизнь ему и счастье! Прощайте! Простите!

Кланяюсь прекрасному Вашему городу, где я жил так счастливо! Наверно, мне его больше не видать. Ах, жизнь, жизнь! Всё прошло, как одна неделя!

Еще раз прощайте! И благодарю, благодарю...

Известите телеграфом о получении этого письма!

Прощайте. Н. Клюев.

198. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

5 июня 1934 г. Колпашево

Незабвенное дитятко, здравствуй!

После четырех месяцев хождения по мукам я, как после кораблекрушения, выкинут на глинистый, усыпанный черными от времени и

непогоды избами -- так называемый г. Колпашев. Это чудом сохранившееся в океанских переворотах сухое место посреди тысячеверстых болот и залитой водой тайги — здесь мне жить пять унылых голодных лет и, наверное, умереть и похорониться, даже без гроба, в ржавый мерзлый торфяник. Кругом нет лица человеческого, одно зрелище — это груды страшных движущихся лохмотьев этапов. Свежий человек, глядя на них, не поверил бы, что это люди. Никакого пейзажа — угрюмая серо-пепельная равнина, над которой всю ночь висит толстый неподвижный туман, не поддающийся даже постоянному тундровому ветру. От 10 часов до четырех светит солнце и даже жарко, но люди, выходя по делам, и в эти часы несут на руках ватное платье — не надеясь на устойчивость погоды. Говорят, что в этом году лето будет хорошее, ну приблизительно, как август на Вятке. В сентябре уже ледовитый снег и так до половины мая. Гибель моя неизбежная. Я без одежды и без денег. Как политссыльный я должен получать паек: 15 кило ржаной муки, 2 кило крупы, 800 гр<аммов> сахар<ного> песку и 15 гр<аммов> чаю — вот и всё на целый месяц. Но и этот жалкий паек я не могу выкупить. Все четыре месяца я питался лишь хлебом и водой, не всегда горячей. Теперь привыкаю есть, но после каждого куска поднимаются страшные боли в животе — я иссох так, что прежние кальсоны обшивкой обвивают два раза тело.

В кособокой лачуге, где ссыльный китаец стрижет и бреет, я увидел себя в зеркало и не мог не разрыдаться от зрелища: в мутном олове зеркала как бы плавала посыпанная пеплом голова и борода, — желтый череп и узлы восковых костистых рук... Я перенес воспаление легких без всякой врачебной помощи — от этого грудь хрипит бронхитом и не дает спать по ночам. Сплю я на голых досках под тяжелым от тюремной грязи одеялом, которое чудом сохранилось от воров и ша́лманов — остальное всё украли еще в первые дни этапов. Мне отвели комнату в только что срубленном баракообразном доме, и за это слезное спасибо, в большинстве же ссыльные живут в землянках, вырытых своими руками, никаких квартир в Колпашеве не существует, как почти нет и коренных жителей. 90% населения ссыльные — китайцы, сарты, грузины, цыгане, киргизы, россиян же очень мало — выбора на людей нет. Все потрясающе несчастны и необщительны, совершенно одичав от нищеты и лютой судьбы. Убийства и самоубийства здесь никого не трогают. Я сам, еще недавно укрепляющий людей в их горе, уже четыре раза ходил к водовороту на реке Оби, но глубина небесная и потоки слез удерживают меня от горького решения. Я намерен проситься в ссылку в Вятскую губ<ернию>, ведь там еще не изгладились следы дорогих для меня ног, или крайне, в г. Томск, где есть хорошие врачи, но для этого нужно тебе немедля сходить в Бюро врачебной экспертизы, куда ты водил меня и

где мне выдали свидетельство о том, что я — инвалид второй группы, страдаю артериосклерозом, кардиосклерозом, склерозом мозговых сосудов и истерией. Свидетельство у меня было, но осталось на Гранатном в немецкой Библии и, вероятно, как и всё, что там было, пропало. Необходимо восстановить этот документ немедля и выслать мне *ценным* письмом, тогда я буду иметь повод хлопотать о переводе. Мне здешнее начальство говорило, что это возможно при наличии документа от Бюро врачебной экспертизы об инвалидности и болезни. В прежнем моем документе в строке о *переосвидетельствовании* значилось: «Нет» — следовательно, документ пожизненный и очень резонный. Добудь его, дитя мое драгоценное. Поговори с Валентином Михайловичем, спроси его совета, а также и его удостоверения, что я болел суставным ревматизмом — это тоже нужно и важно. Сходи к профессору Нарбуту — попроси его выдать мне удостоверение о глубоком неврозе сердца и общего тяжелонервного состояния с приложением печати и т. п. Кланяйся его семье и попроси Софию Викторовну соорудить мне посылочку: чаю, сахару, компоту, круп и непременно жиров, лучше шпику свиного, какую-либо теплую рубаху, кальсоны, если можно, то брюки, хотя бы старые, носки, гребенку и какую-либо кастрюльку-котелок для варки пищи, эмалированный или какой другой, но полегче. Посылка может быть весом до 15 кило — это новые почт<овые> правила. Здесь растительной пищи нет. Поэтому мне нужен компот и лук в головках, чтобы не заболеть цингой. В тюрьме мне ошибочно рассказывали, что в Колпашеве растут огурцы — в нем не сеют и не жнут. И съестное редкость, и цены на всё чудовищные. Бутылка молока 2 р. 50 коп. Небольшой хлебец фунта два — 6—7 руб. Масло 30 руб. кило, но пахнет медведем, рыба — караси 3 руб. штука. Мука 75 руб. пуд и т. д. Но всё это и за деньги надо купить умеючи. Потому что всё редко и скудно. Чем же ты утешишь меня — друг мой?! Можно ли мне питаться надеждой *на регулярную* месячную помощь, хотя бы на хлеб и воду? Напиши мне об этом! Раздобудешь ли ты для меня что-либо теплое на зиму? Валенки, штаны *ватные*, варежки, портянки бумазейные, шапку с ушами размер $15^1/_2$ вершков в окружности, шарф, рубаху вязаную. (Теплое пальто мне обещали прислать из Москвы.) Но предупреждаю, не обижай себя! Мне будет тяжело знать, что я для тебя обуза. Подумай об этом и обо всем остальном — поговори с моими друзьями и т. п. Сообщи мне — следует ли мне выслать тебе доверенность на мою квартиру и на всё, что в ней находится, или тебе это трудно и тогда можно хотя бы Клычкову, у него теперь квартира в доме писателей и места много?

Как бы хотелось пролить к тебе сердце свое, высказать, что накопил, но бумага тоже, как жизнь, конечна. Буду ждать от тебя пись-

ма — оно будет для меня великой радостью. Телеграмму я получил. Она мне очень помогла и укрепила душевно. Прощай, дитятко! Будь счастлив. Пусть мое страшное несчастие научит тебя, как нужно быть четким и бережливым к своей судьбе в жизни! Кланяюсь моим друзьям! Кланяюсь тебе — единственному и незабвенному в жизни и смерти моей. Прощай! Прости!

Колпашев, до востребования.

5 июня 1934 г.

199. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

10 июня 1934 г. Колпашево

Дорогая Надежда Федоровна!

После четырех месяцев тюремной и этапной агонии я чудом остался живым, и, как после жестокого кораблекрушения, когда черная пучина ежеминутно грозила гибелью и океан во всей своей лютой мощи разбивал о скалы корабль — жизнь мою, — до верха нагруженный не контрабандой, нет, а только самоцветным грузом моих песен, любви, преданности и нежности, я выброшен наконец на берег! С ужасом, со слезами и терпкой болью во всем моем существе я оглядываюсь вокруг себя. Я в поселке Колпашев в Нарыме. Это бугор глины, усеянный почерневшими от непогод и бедствий избами. Косое подслеповатое солнце, дырявые вечные тучи, вечный ветер и внезапно налетающие с тысячеверстных окружных болот дожди. Мутная торфяная река Обь с низкими ржавыми берегами, тысячелетия затопленными. Население — 80% ссыльных — китайцев, сартов, экзотических кавказцев, украинцев, городская шпана, бывшие офицеры, студенты и безличные люди из разных концов нашей страны — все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев давным-давно стал обглоданной костью. Вот он — знаменитый Нарым! — думаю я. И здесь мне суждено провести пять звериных темных лет без любимой и освежающей душу природы, без привета и дорогих людей, дыша парами преступлений и ненависти! И если бы не глубины святых созвездий и потоки слез, то жалким скрюченным трупом прибавилось бы в черных бездонных ямах ближнего болота. Сегодня под уродливой дуплистой сосной я нашел первые нарымские цветы — какие-то сизоватые и густо желтые, — бросился к ним с рыданием, прижал их к своим глазам, к сердцу как единственных близких и не жестоких. Они благоухают, как песни Надежды Андреевны, напоминают аромат ее одежды и комнаты. Скажите ей об этом. Вот капля радости и улыбки сквозь

слезы за все десять дней моей жизни в Колпашеве. Но безмерны сиротство и бесприютность, голод и свирепая нищета, которую я уже чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения страдания и смерти человеческой здесь никого не трогают. Всё это — дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве. Недаром остяки говорят, что болотный черт родил Нарым грыжей. Но больше всего пугают меня люди, какие-то полупсы, люто голодные, безблагодатные и сумасшедшие от несчастий. Каким боком прилепиться к этим человекообразным, чтобы не погибнуть? Но гибель неизбежна. Я очень слаб, весь дрожу от истощения и от недающего минуты отдохновения больного сердца, суставного ревматизма и ночных видений. Страшные темные посещения сменяются областью загробного мира. Я прошел уже восемь демонических застав, остается еще четыре, на которых я неизбежно буду обличен и воплощусь сам во тьму. И это ожидание леденит и лишает теплоты мое земное бытие. Я из тех, кто имеет уши, улавливающие звон березовой почки, когда она просыпается от зимнего сна. Где же теперь моя чуткость, мудрость и прозорливость? Я прошу Ваше сердце, оно обладает чудотворной способностью воздыхания. О, если бы можно было обнять Ваши ноги и облить их слезами! Сейчас за окном серый ливень, я навьючил на себя все лохмотья, какие только уцелели от тюремных воров. Что будет осенью и бесконечной 50-градусной зимой? Временно или навсегда, не знаю, я помещен в только что отстроенный дом, похожий на дачный и в котором жить можно только летом. Углы и конуры здесь на вес золота. Ссыльные своими руками роют ямы, землянки и живут в них, иногда по 15-ть человек в землянке. Попасть в такую человеческую кучу в стужу считается блаженством. Кто кончил срок и уезжает, тот продает землянку с печкой, с окном, с жалкой утварью за 200—300 рублей. И для меня было бы спасением одному зарыться в такую кротовью нору, плакать и не на пинках закрыть глаза навеки. Если бы можно было продать мой ковер, картины или складни, то на зиму я бы грелся живым печужным огоньком. Но как это осуществить? Мне ничего не известно о своей квартире. Нельзя ли узнать и написать мне, что с нею сталось? Хотя бы спасти мои любимые большие складни, древние иконы и рукописные книги! Стол расписной, скамью резную и ковер один большой, другой шелковый, старинной черемисской работы, а также мои милые самовары! Остальное бы можно оставить на произвол судьбы. В комоде есть узел, где хранится плат моей матери, накосник и сорочка. Как это уберечь?! Все эти вещи заняли бы только полку в Вашем шкафу. Но что говорить об этом, когда самая жизнь положена на лезвие! Продуктов здесь нет никаких. Продавать съестное нет обычая. Или всё до смешного доро-

го. Бутылка жидкого водяного молока стоит 3 руб. Пуд грубой, пополам с охвостьем, муки 100 руб. Карась величиной с ладонь 3 руб. Про масло и про мясо здесь давно забыли. Хлеб не сеют, овощей тоже... Но что нелепей всего, так это то, что воз дров стоит 10 руб., в то время как кругом дремучая тайга. Три месяца дождей и ветров считаются летом, до сентября, потом осень до Покрова, и внезапный мороз возвещает зиму. У меня нет никакой верхней одежды, я без шапки, без перчаток и пальто. На мне синяя бумазейная рубаха без пояса, тонкие бумажные брюки, уже ветхие. Остальное всё украли ша́лманы в камере, где помещалось до ста человек народу, днем и ночью прибывающего и уходящего. Когда я ехал из Томска в Нарым, кто-то, видимо, узнавший меня, послал мне через конвоира ватную короткую курточку и желтые штиблеты, которые больно жмут ноги, но и за это я горячо благодарен. Так развертывается жизнь, так страдною тропою проходит душа. Не ищу славы человеческой, ищу лишь одного прощения. Простите меня, дальние и близкие! Всем, кому я согрубил или был неверен, чему подвержен всякий, от семени Адамова рожденный! Благословляю всякого за милостыню мне, недостойному, ибо отныне я нищий, и лишь милостыня – мое пропитание! Одна замечательная русская женщина мне говорила, что дорого мне обойдется моя пенсия, так и случилось, хотя я и не ждал такой скорой развязки. Но слава Богу за всё! Насколько мне известно, расправа с моей музой произвела угнетающее действие на лучших людей нашей республики. Никто не верит в мои преступления, и это служит для меня утешением. Если будет милостыня от Вас, то пришлите мне чаю, сахару, если можно, то свиного шпику немного, крупы манной и компоту – потому что здесь цинга от недостатка растительной пищи. Простите за указания, но иначе нельзя. Если можно, то белых сухарей, так как я пока еще очень слаб от тюремного черного пайка и воды, которыми я четыре месяца питался. Теперь у меня отрыжка и резь в животе, ломота в коленях и сильное головокружение, иногда со рвотой.

Получил от Н<адежды> А<ндреевны> 50 руб. по телег<рафу> уже в Колпашев. Сердце мое озаряется счастьем от сознания, что русская блистательная артистка милосердием своим и благородством отображает «Русских женщин» декабристов, «во глубину сибирских руд» несущих свет и милостыню. Да святится имя ее! Когда-нибудь в моей биографии чаша воды, поданная дружеской рукой, чтоб утолить алкание и печаль сосновой музы, будет дороже злата и топазия. Так говорят даже чужие холодные люди. Простите за многие ненужные Вам мои слова. Я знаю, что для Вас я только лишь страдающее живое существо и что Вам и Вашему милосердию я совершенно не нужен как культурная и тем более общественная ценность, но тем потрясающее и прекраснее Ваша простая человечность!

Простите, не осудите, и да будет ведомо Вашему сердцу, что если я жив сейчас, то главным образом надеждой на Вашу помощь, на Ваш подвиг доброты и милостыни. На золотых весах вечной справедливости Ваша глубокая человечность перевесит грехи многих. Кланяюсь Вам зéмно. Плачу в ладони рук Ваших и с истинной преданностью, любовью и обожанием, которые всегда жили в моем духе, и только дьявольский соблазн и самая трепетная глубокая забота не причинить Вам горя на время отдалили внешне меня от Вас — в Москве. Жадно и горячо буду ждать от Вас письма. Кланяюсь всем, кто пожалеет меня в моем поистине чудовищном несчастии.

Если бы удалось зажить своей землянкой, то было бы больше покоя для души моей, а главное, чужие глаза не видели б моего страдания. Что слышно в Москве про меня? Возможны ли какие-либо надежды? Нужно торопиться с хлопотами, пока не поздно. Я подавал из Томска Калинину заявление о помиловании, но какого-либо отклика не дождался. Не знаю, было ли оно и переслано. Еще раз прощайте! Еще раз примите слезы мои и благословения. Зéмно кланяюсь Анат<олию> Ник<олаевичу>, милым Вашим комнатам с таким ласковым диваном, на котором я спал! Где будете летом и где будет Н<адежда> А<ндреевна> ?

Адрес: Север<о>-Запад<ная> Сибирь, поселок Колпашев. До востребования такому-то.

200. С. А. КЛЫЧКОВУ

12 июня 1934 г. Колпашево

Дорогой мой брат и поэт, ради моей судьбы как художника и чудовищного горя, пучины несчастия, в которую я повержен, выслушай меня без борьбы самолюбия. Я сгорел на своей «Погорельщине», как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. Кровь моя волей или неволей связует две эпохи: озаренную смолистыми кострами и запалами самосожжений эпоху царя Феодора Алексеевича и нашу, такую юную и потому много не знающую. Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, как я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, вновь опухоли, сильнейшее головокружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев — это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, про-

дуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки в погоне за жраньем. Подумай об этом, брат мой, когда садишься за тарелку душистого домашнего супа, пьешь чай с белым хлебом! Вспомни обо мне в этот час — о несчастном — бездомном старике-поэте, лицезрение которого заставляет содрогнуться даже приученных к адским картинам человеческого горя спец-переселенцев. Скажу одно: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!» Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима, а я голый, даже без шапки, в чужих штанах, потому что всё мое выкрали в общей камере ша́лманы. Подумай, родной, как помочь моей музе, которой зверски выколоты провидящие очи?! Куда идти? Что делать? Что-либо ра <*часть текста утрачена*> ему, как никому другому, следовало бы мне помочь. Он это сам хорошо знает. Помогите! Помогите! Услышьте хоть раз в жизни живыми ушами кровавый крик о помощи, отложив на полчаса самолюбование и борьбу самолюбий! Это не сделает вас безобразными, а напротив, украсит всеми зорями небесными! <*Часть текста утрачена.*>

Прошу и о посылке — чаю, сахару, крупы, компоту от цинги, белых сухарей, пока у меня рвота от 4-хмесячных хлеба с водой! Умоляю об этом. Посылка может весить до 15-ти кило по новым почтовым правилам. Летним сообщением идет три недели. Прости меня за беспокойство, но это голос глубочайшего человеческого горя и отчаяния. Узнай, что с моей квартирой — соседи мои Швейцер тебе расскажут подробно. Ес<ть> ли какие надежды на смягчение моей судьбы, хотя бы переводом в самые глухие места Вятской губ<ернии>, как напр<имер>, Уржум или Кукарка, отстоящие от железной дороги в полтысячи верстах, но где можно достать пропитание. Поговори об этом — Кузнецкий мост, 24 — с Пешковой, а также о помощи мне вообще. Постарайся узнать что-либо у Алексея Максимыча. Не может ли мне помочь Оргкомитет хотя бы денежным переводом. Нельзя ли поговорить с Бубновым? Подать ли во ВЦИК Калинину о помиловании? Думаю, что тебе на свежую голову всё это ясней, я вовсе оглох и во всем немощен. Бормочу с тобой, как со своим сердцем. Больше некому. Целую твои ноги и плачу кровавыми слезами. Благословляю Егорушку, зе́мно кланяюсь куме и крепко верю в ее милосердие. Не ищу славы человеческой, а одного — лишь прощения ото всех, кому я согрубил или был неверен. Прощайте, простите! Ближние и дальние. Мерзлый нарымский торфяник, куда стащат безгробное тело мое, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания нельзя ни убавить, ни прибавить. Прости!

Целую тебя горячо в сердце твое. Поторопись сделать добро — похлопочи и напиши или телеграфируй мне: Колпашев, до востребования. Н. Клюеву.

12 июня 1934 г.

201. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

Первая половина июня 1934 г. Колпашево

Жду, — не дождусь — весточки-письма. Невероятно тоскую. Усердно прошу З. П. потрудиться и спасти мои любимые вещи, которых не надеюсь больше видеть и ласкать! Крепко надеюсь на милостыню. Написал поэму — называется «Кремль», но нет бумаги переписать. Как с поэмой поступить — посоветуй! Жизнью и смертью обязан твоему милосердию. Потерпи. Вероятно, я зимы не переживу в здешних условиях. Прошу о письме. О новостях, об отношении ко мне. «Кремль» я писал сердечной кровью. Вышло изумительное и потрясающее произведение. Где живете летом? Райское место — этот городок Горбатов на р. Оке, весь в вишнях и фруктах. Жители только садами и промышляют. У меня много нужды — всего не перескажешь — получу ответ на это, напишу большое письмо. Но сгораю предчувствием твоего письма. Прощайте. Простите!

202. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

17 июня 1934 г. Колпашево

Дорогая Софья Андреевна!

Ради моей судьбы художника и человека помогите мне чем можете. Поговорите с богатыми писателями и с моими почитателями — ведь их у меня еще недавно было немало. Я погибну в Нарыме без милостыни со стороны, без одежды, без пищи и без копейки. Поговорите с В. Ивановым, Леоновым! Нельзя ли написать Шолохову и Пантелеймону Романову, Смирнову-Сокольскому. Если будет исходить просьба от Вас — они помогут. Если пять человек дадут по жалких 20 руб. в месяц, то я останусь жив. Сходите к Антонине Васильевне Неждановой, Б<ольшой> Кисловский пер<еулок>, дом 4. Поговорите с ней обо мне — и о том, чтобы она поговорила с Горьким — об облегчении моего положения. Скажите А<нтонине> В<асильевне>, что Горькому будет приятно видеть ее — *не забудьте.* Они давно знакомы — еще по Италии, когда Алексей Макс<имович> был там в изгнании. Объясните Неждановой просьбу: убавить срок ссылки (дано пять лет по 58–10 статье за поэму «Погорельщина» и агитацию ею).

Дать минус шесть или даже двенадцать без прикрепления к месту ссылки. Оставить мне мою писательскую пенсию, просить ГПУ передать мои рукописи в архив Оргкомитета писателей. Если раздобудете денег, то пришлите их телеграфом, – письма и посылки идут месяц и больше. Обрадовали бы, если бы соорудили посылочку – чаю, сахару, сухарей из белого хлеба, компоту от цинги, – простите, но я так тоскую по всему этому! Здоровье мое сильно пошатнулось. – Теперь бы Вы меня и не узнали бы – такой я стал. Сообщите – можно ли Вам послать доверенность на всё мое имущество, что на квартире на Гранатном, № 12. Сообщите телеграммой о Вашем согласии. Поговорите с С. Клычковым об этом же – быть может, ему удобней и квартира у него свободна в доме писателей. Помогите, родимая, простираюсь к Вам сердцем своим, целую Ваши ноги и плачу кровавыми слезами. Милосердие и русская поэзия будут Вам благодарны. Адрес: поселок Колпашев Томского округа, Сев<еро>-Запад<ной> Сибири, до востребования Николаю Ал. Клюеву.

Нельзя ли о переводе меня в лучшие климатические условия поговорить в Оргкомитете писателей – на том основании, что я по тяжелой болезни сердца и общего ревматизма – погибну в Нарыме!!

203. Н. С. ГОЛОВАНОВУ

18 июня 1934 г. Колпашево

Дорогой Н. С.!

Ради моей судьбы как художника, так и человека, помогите мне милостыней, ибо только на помощь сердец, чувствующих трагедию русской музы, всё мое упование.

Все свои самые прекрасные и заветные вещи я предоставляю на Вашу оценку и усмотрение. Помогите! Телеграфом, т. к. почта сюда ходит очень долго. Прошу о пищевой посылке. Умоляю о помощи великую Нежданову. Целую ноги Ваши и плачу кровавыми слезами! Выслан я за стихи. Больше за мной ничего не водится. Адрес: поселок Колпашево Нарымского округа Север<о>-Запад<ной> Сибири.

Н. Клюев.

204. Л. Э. КРАВЧЕНКО

27 июня 1934 г. Колпашево

Получил перевод по телеграфу 27-го июня. Всем сердцем Ваш. Жду письма, адрес – до востребования, Федору Васильевичу Ивано-

ву. Для перевода и посылок адрес остается прежний, т. е. с моей фамилией, именем и отчеством. Прошу усердно написать письмо. Я посылал их несколько.

205. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

Вторая половина июня 1934 г. Колпашево

Дорогое дитятко, я послал тебе две телеграммы и большое спешное письмо и доверенность — просил известить о получении телеграфом, но нет и нет от тебя весточки! Ну, здравствуй! Целую тебя крепко и заочно в сердце твое, такое уже мужественное, прекрасное и простое! Прошу тебя известить телеграфом, где ты будешь проводить летний отдых, лучше бы всего в Сочи в санатории писателей — попринимал бы мацесты, укрепил бы сердце и нервы. Теперь там самое бархатное солнце и виноград. Простираюсь памятью к хрустальным берегам югочерноморья... Где ты, сказка моя? Я живу днем. Когда наступает ночь, с ужасом думаю, что проснусь к новым страданиям. Конечно, достаточно мне услышать звук твоего голоса, чтоб я проснулся и пришел в себя, а так я разрушаюсь невероятно быстро, а главное, не могу гармонизировать себя, собрать в кучу. Знаю, что многие миллионы двуногих существ всю жизнь пребывают в таком именно состоянии и что оно весьма помогает тому, чтобы слиться с человеческим стадом, но я знаю, что тогда нужно сказать прости себе как художнику, а это равносильно для меня самоубийству.

Дорогое дитя мое! Я бы не хотел и для меня очень тяжело описывать тебе свои нужды, ведь нище<та> скучная вещь, и пронзать твое сердце видениями и жалами горя, будней, голода и холода — самое вредное дело. Припомни нашу совместную жизнь, когда всё мое напряжение было устремлено на то, чтобы украсить, насколько позволяли обстоятельства, твое бытие. Хотя бы чашкой кофе, сдобными пышками, стихами и образным мышлением... Теперь же как мне быть? Я в великой нищете. Впереди... Но что об этом рассуждать? Иногда собираюсь с рассудком и становится понятным, что меня нужно поддержать первое время, авось мои тяжелые крылья, сейчас влачащиеся по земле, я смогу поднять. Моя муза, чувствую, не выпускает из своих тонких перстов своей славянской свирели. Я написал, хотя и сквозь кровавые слезы, но звучащую и пламенную поэму. Пришлю ее тебе. Отдай перепечатать на машинке, без опечаток и искажений, со всей тщательностью и усердием, а именно так, как были напечатаны стихи, к титульному листу которых ты собственноручно приложил мой портрет, писанный на Вятке на берегу с цветами в ру-

ках — помнишь? Вот только такой и должна быть перепечатка моей новой поэмы. Шрифт должен быть чистый, не размазанный лилово, не тесно строчка от строчки, с соблюдением всех правил и указаний авторской рукописи и без единой опечатки, а не так, как были напечатаны стихи «О чем шумят седые кедры», что, как говорил мне Браун, и прочитать нельзя, и что стало препятствием к их напечатанию и даже вызвало подозрение в их художественности. Всё зависит от рукописи и как ее преподнесешь. Прошу тебя запомнить это и потрудиться для моей новой поэмы, на которую я возлагаю большие надежды. Это самое искреннейшее и высоко зовущее мое произведение. Оно написано не для гонорара и не с ветра, а оправдано и куплено ценой крови и страдания. Но всё, повторяю, зависит от того, как его преподнести чужим, холодным глазам. Если при чтении люди будут спотыкаться на каждом слове и тем самым рвать ритм и образы, то поэма обречена на провал. Это знают все поэты. Перепечатка не за спасибо и не любительская стоит недорого. Текста немного. Лучше всего пишущая машинка, кажется, системы ундервуд. Прежде чем отдавать печатать, нужно спросить и систему машинки, а то есть ужасные, мелкие и мазаные. Отнюдь не красным шрифтом — лучше всего черным. Всё это очень серьезно.

С радостью я всматривался в снимок с портрета твоей работы — Зощенко. Как ты растешь, дитя мое! Глупая болтовня Сонечки Калитиной, конечно, ни при чем. Но сколько вкуса в Зощенко! И античный барельеф на стене, и простота позы придают глубину и смывают всякое легкомыслие с этого писателя. Мера портрета, пропорция, весь план говорят о высоком твоем чутье. Прошу тебя, присылай мне всё, что можешь. Снимки, книги, журналы. В моем сером бытии всё это будет празднично и сладко! У меня голые стены, но на зиму, вероятно, придется залечь в земляную яму с каменкой, как в черной бане, так как я не смогу платить за жилье 20 руб. в месяц. Ах, если бы были эти аккуратные ежемесячные 20 рублей! Я бы имел совершенно отдельную келью с избяной плотной дверью, с оконцем на сосновый перелесок, с теплом, тишиной и чистотой, отсутствие которых причиняет мне нестерпимые страдание! Подумай об этом, дитятко!

206. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

4 июля 1934 г. Колпашев

Незабвенное мое дитятко. Кланяюсь я тебе низко, приветствую, благословляю и целую душевно! Я писал тебе несколько писем, но ответа на них не получал, исключая двух телеграмм — одну в Томск,

другую — в Колпашев, по которым сужу, что что-то до тебя дошло. Со слезами благодарю твое сердце за заботу. Сознание, что кто-то меня пожалел — дает мне силы тянуть унылые дни, а они воистину так тошны и унылы, что нужно быть остяком, чтобы найти в них смысл и содержание! К тому же я болен, давнишняя болезнь сердца теперь остро дает себя знать, — я без сил, хожу и шатаюсь, к тому же в дверь мою постучалась мертвой костью неизбежная в здешнем краю тетушка Малярия. Два дня и две ночи меня трясло то в поту, то во льду. Лекарств, конечно, никаких.

Сейчас 12 ч. дня, за окном тяжелое, низкое, совершенно зимнее небо; тускло, свинцово-зеленым блеском мреет жалкий картофельный огород, за ним две огромных, покосившихся избы без изгороди, без единого кустика вокруг; собака, похожая головой на щуку, сидит прямо в грязи и как околевшая неподвижно смотрит в бухлое серое небо. Я никогда не мыслил, что есть в мире такие окаянные места.

Из обломка стакана, который заменяет мне чернильницу, я пишу тебе. Не можешь ли ты твоей свежей головкой уловить, что со мной? Кончилась ли моя жизнь или начинается иная, полная привидений и болотных призраков, которые беззвучны и лишь обдают меня сырым холодом? Я сейчас дрожу, нужно бы затопить печку, но дров нет, потому что они десять руб. воз. Послали меня в общежитие исполкома — это только что срубленный длинный дом, с модными огромными окнами, стекла которых с одного <окна> с треском вылетают из рам, уступая первому налетевшему ветру. Помещение —летнее. В щели пола виден свет и трава, и т. д. Как я буду коротать в нем 60-градусную зиму? Есть каморка в полземлянке, оконце выходит на Обь, за ним растет куст лебеды; каморка шагов пять длины и три ширины с печуркой — плата 15 руб. в месяц без дров. Что делать? Напиши об этом.

Ссыльные своими руками нарыли здесь целые улицы землянок и живут в них. С непривычки в землянке — как в могиле — очень обидно. Стены такой ямы выложены досками, мелким лесом, крыша покрыта дерном и завалена всяким хламом; горшок, обломок железа заменяет трубу. На зиму я совершенно голый — есть надежда достать сермяги — но нужно $1^1/_2$ кило ваты, черных ниток и метров шесть черной подложки, хотя бы самой дешевой и марли, чтобы настегать вату. Подумай об этом, согрева моя теплая, нельзя ли хотя через добрых людей, достать всё это, зашить в тряпку и послать ценной посылкой?.. То-то бы была радость мне голому!

Когда я ехал или, скорей, когда нас везли из Томска в Колпашев, кто-то, видимо, узнавший меня, послал мне через конвоира ватную коротенькую курточку — вот и вся моя одежда — что делать? Как быть? Всё, что было на мне, — всё пропало. Как, не буду описывать,

нельзя ли устроить мне, хотя бы коллективную посылку — ведь можно 15 кило круп, сахару, чаю, белых сухарей. Здесь нет ничего, одна жалкая столовка, где я проедаю 1 р. 10 к. за хлёбово и 49 коп. 700 гр. черного хлеба — это один раз в день. Кружку кипятку разными извинениями выпрашиваю у соседей по бараку. Просыпаюсь с кислым ощущением голода под ложечкой. Столовка открывается в три часа дня. Сплю я на чужой койке, которую грозят взять от меня хозяева — нужно приобретать какую-либо кроватушку, какой-либо стол, лавку. Одним словом, бед моих не перечислить. Написал в Москву в Красный Крест помощи заключенным и ссыльным — жене Горького Екатерине Пешковой — просил о содействии дать мне минус шесть или даже двенадцать без прикрепления к одному месту. Просил затребовать из Бюро медицинской экспертизы удостоверение о моей инвалидности второй группы. Удостоверение осталось у меня в Москве в немецкой большой Библии. Если бы оно было со мной — я бы был уже давно в Вятской губ. Так как инвалидность второй группы дает прямое освобождение или минуса — шесть. Припомни, дитятко, когда мы ходили с тобой в Бюро медэкспертизы, поговори с Белогородским или с Нарбутом — нет ли у них возможности получить вновь на меня удостоверение? В крайнем случае сходи сам — ведь, наверно, ведутся какие-либо записи выданных документов? Если получишь удостоверение, то оригинала не посылай (непременно ценным письмом), а засвидетельствованную нотариально копию. Ах, если бы у меня был на руках этот документ! Всё бы пошло по-другому. Если Зинаида Павловна доберется до моих вещей, то в первую очередь пусть переберет тщательно листы немецкой Библии — она самая большая из моих старинных книг, удостоверение заложено приблизительно около первой половины листов Библии. Если она найдет, то высылать мне засвидетельствованную нотариальную копию, а оригинал беречь накрепко. Местная комиссия по больным чисто арестантская — всех подозревают в симуляции, и только такой документ, как мой — заставит здешних врачей отнестись ко мне внимательней.

Есть такой закон — по которому инвалид второй группы освобождается совсем или переводится на минус — шесть или двенадцать. При одной мысли об этом я становлюсь счастливым. Где ты проводишь лето? Доволен ли? Как твое искусство? Как жизнеощущение? Софья Андреевна говорила мне зимой, что можно купить у тебя мой портрет. Как твой взгляд? В таких бедствиях, как мое, отцы продают своих дочерей и кровных в рабство. Подумай об этом. Я всю жизнь не понимал себя и того, что руки мои не приучены гнуться лишь к себе. Я не пил, не ел один, всегда кого-либо угощал — попросту кормил, потому, вероятно, сейчас жду и от людей чего-то и както странно, что для людей это очень тяжело и сложно, когда для меня всё связанное с помощью другому было простым и даже приятным.

Прости меня, ангел мой, что я возлагаю на тебя всякие заботы. Но когда пробил час железной проверки моей жизни, то во всем мире один ты для меня и существуешь. Вот почему я не молчу перед тобой о своих бедствиях и ранах, твоя молодая душа оказывается крепче моей — я нуждаюсь в тебе, как и в утешителе. Твоя телеграмма «Будь совершенно спокоен», думаю, не безосновательна, но как быть спокойным в моем положении? Ни одного волоса на моей голове и бороде не осталось <не>выбеленным несчастием. Ты теперь бы и не узнал своего поэта, а мои красивые, знаменитые и раздушенные знакомые пришли бы попросту в испуг и не удовлетворились бы одной дезинфекцией после моего визита, а самую бы обивку стула или дивана спороли бы и отдали в стирку или заменили бы ее новой. <*Часть текста утрачена.*>

Вот уже четвертый лист пишу тебе и не могу оторваться от бумаги. Но всего не перескажешь. В ужас прихожу от грозящей зимы. Из Москвы мне выслали две рубахи и пару кальсон, два полотенца, простыню, две наволочки, пять носовых платков, двое носков, наволоку тиковую — набить постель, сухарей ржаных, немного чаю, конфет маленько, мыла и сала свиного. Кланяюсь зёмно этим людям — за их милосердие. Но, вероятно, всё это только на свежие раны — со временем охладеют, и это приводит меня в леденящий ужас. Как я буду без милостыни?! Лучше умереть или погрузиться в тайгу, чтобы задрал медведь, чем остаться без любви и сожаленья! Мне так необходима керосиновая кухня, их у меня в Москве две, одна с чугунной накладкой, другая с высокой трубой — обыкновенная. Вот если бы эту обыкновенную, вылив керосин, уложить в крепкий ящичек и послать мне почтой, какое бы было для меня удобство! Вместе можно положить котелки, две вилки и два ножа — чер<енки> из слоновой кости. Если тебе нравятся, то возьми себе и кушай, а мне пошли похуже. Ковер расстели себе под ноги, они стоят ковра, только ковер боится чернил и лаков. Картины возврати куме и Сергею Алексеевичу. Но всё это не к спеху. Главное — получить по доверенности и кое-что продать мне на пропитание. Конечно, всё, что тебе нравится — всё твое и нераздельно. В одном из писем я просил тебя сходить к Софье Викторовне — попросить ее о помощи мне — что ей удобней, ведь профессор был к нам так добр! Поговори с ним — он выдаст удостоверение, что я болен истерией в тяжелой форме. Я у него лечился много лет.

Нужно бы поговорить с Коленькой — не может ли он прислать мне занавес в окно, на зиму потеплее — размер 4 ар<шина> на три, если больше, то лучше. Окно было бы закрыто и меньше дуло — ведь всё равно девять месяцев придется сидеть круглые сутки с огнем, так что оконный свет ни при чем. Прошу и молю о письме: где ты провел лето, как? И что написал? Если можно, пришли фотографии со своих

работ! Кланяйся Васильевскому острову, всем, кто меня знает или спросит. Если Зин<аида> Павл<овна> увидит мою пенсионную книжку, то пусть приберет ее и спросит о моей пенсии — в кассе, что не доходя Зоологического сада, если идти с Кудринской площади вниз, на левой руке. Я думаю, что я могу получить за февраль по май. Это очень важно. Еще раз простираю к ногам твоим сердце мое, обливаюсь слезами и прошу не оставить милостыней! Мужай, крепни, мое прекрасное дитятко. Унесу в могилу твой образ, твой аромат. Одно жаль, что не угодно Провидению, чтобы ты закрыл мне глаза в час смертный. Часто я утешал себя этим. Умру, в лучшем случае, в тесном бревенчатом больничном бараке, в худшем — под нарымской пургой, и собаки обглодают мои кости. И это не гипербола, а самое простое и никого здесь не волнующее явление. Прощай. Прости. Торопись с весточкой. Почта здесь ходит месяцами, а с осени до саней будет всё прекращено. Кланяюсь твоей маме, папе, Борису — кто у него родился? И кто кум? Где Витон? За ним долг сто руб. Теперь бы мне в час его возвратить. Прощай, дитятко! Долгим рыданием-воем покрываю это письмо. Прощай. Прости! Н. К.

Доверенность посылаю вторично!

207. С. А. КЛЫЧКОВУ

12 или 13 июля 1934 г. Колпашево

Дорогой брат и поэт, получил твою телеграмму из Новосибирска — благодарю за нее и за твои хлопоты. Денег и посылки еще не получал (сегодня 13-ое июля). Жду от тебя письма. Прилагаю при сем два моих заявления, которые и прошу лично передать по назначению. И немедля спешным письмом сообщить мне дословно — всё, что ты услышишь и увидишь. В таких бедствиях, как мое, люди продают своих детей в рабство, чтобы спасти хотя бы малое что. Зе́мно тебе кланяюсь и целую ноги твои, плача кровавыми слезами, — потрудись без шума и без посторонних глаз и ушей — вручить мои заявления по назначению. Если же ты поделишься ими с кем-либо заранее, то знай, что провал обеспечен, ибо сейчас же всё попадет в кружало 25 — Тверской бульвар и оттуда по всей Москве. Особенно постараются разные поэтические звезды. Говорю это со всей тревогой и серьезностью. Также нужно не завалять заявления, а приступить к делу немедля, чтобы мне ответ получить до наступления зимы, когда Нарым отрезан на девять месяцев ото всего мира. С ужасом жду зимы. Я — нищий, без одежды и без хлеба. Умоляю Владимира Кириллова подарить мне оленьи пимы и шапку, которые он

привез с Большой тундры. Они у него всё равно погибнут от моли и полной ненужности. Поговори с ним, не волоча времени. Это было бы моим спасением от 60-гр<адусной> нарымской зимы.

Пимы и шапка — укупорки не потребуют — завернуть покрепче в газеты, зашить в тряпку и послать мягкой Ценной посылкой. Только непременно Ценной, иначе может потеряться. Посылка идет с Москвы месяц, письмо 15—17 дней. За всякий кусок, за каждый рубль простираю к твоим ногам сердце свое. Лучше всего, если бы ты сам взял у Кириллова помянутые вещи и потрудился лично выслать. Мне большого труда стоило разыскать сносной бумаги и написать эти заявления. Бумаги здесь нет. Прошу тебя и о ней. Также нельзя ли достать хинина из Кремлевской аптеки от малярии. Это страшное явление не минет меня — оно здесь повально. Умоляю об этом! Прощай, прости! За грубость, но не за холод сердца, ибо такого греха перед тобой я не знаю. Прощай, милый и любимый! Кланяюсь Варваре Николаевне, благословляю Егорушка. Завещаю тебе в случае моей смерти поставить на моей могиле голубец — в хмурой нарымской земле. Я, как голодающий индус, каких видел на страницах «Нивы», — и не узнать теперь. Очень ослаб. Весь поседел, кожа стало буро-синей и растрескалась, как сухая земля. Пришли мне «Мадура» в изд<ании> Академии. Если вышло что Васильева — тоже. Сходи на Гранатный — вниз к моим соседям — узнай, что с моей квартирой, и сообщи мне. Я ничего не знаю и не слышу. О получении этого письма телеграфируй. С трепетом буду ждать ответа. Отнесись, умоляю тебя, посерьезней — к этому своему благороднейшему труду! Горячо целую. Безмерно скучаю. Долгим рыданием покрываю это письмо. Не забывай милостыней: скажи и другим про это.

Прощай, мой прекрасный брат.

12 июля 1934 г. Н. Клюев.

При личном свидании с Михаилом Ивановичем лучше всего было бы, если бы ты с первых же слов сам вслух прочитал ему мое заявление, а потом уже подал ему. Это очень важно. Нельзя ли поговорить с Молоковым, или со Шмидтом, или с матерью Дмитрова, наконец с Верой Фигнер. Все эти люди меня знают. И аудиенции не пришлось бы ждать.

208. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

24 июля 1934 г. Колпашево

Ты просишь написать о моей жизни. Я, кажется, в каждом письме описываю ее. Относятся ко мне люди несчастные очень хорошо, зо-

вут все дедушкой и по-звериному жалеют. Начальство же здешнее весьма хорошее. Начальник опер-сектора, его заместитель совершенно культурные люди и как-то досадно, что все они забиты в глушь Нарыма, хотя бы могли быть чрезвычайно полезными даже в Москве. Начальник Шестаков так прямо сошел с тех обаятельных и волнующих старинных гравюр, которые нам оставила французская революция. Вот бы с кого написать тебе портрет! Он похож на беркута, когда тот сидит на синей скале и зорко глядит в туман ущелий. Помощник его — красавец, с бледным, кипящим силой и страшным психическим напряжением лицом, мне чрезвычайно нравится. Есть оригинальные монголы. Помесь тунгусов с великороссами очень привлекательна, агатами глаза с косинкой, стальными волосами. Женщин здесь я не видел прекрасных — всё какая-то мелочь белобрысая.

Колпашево — стоит на р. Оби. Река на тысячи верст, шириной в разлив до шести верст, теперь версты полторы или меньше песчаные косы, низкие берега, покрытые ивняком. Один берег повыше, на нем сосновая и кедровая тайга. По воскресеньям базар — молоко, масло, яйца, рыба, мясо, ягоды, творог, картошка, мука, квас, лук зеленый — это всё есть. Имей я рублей двести в месяц — я бы был сыт по горло. Но за всё лето, т. е. за два месяца я позволил себе купить только два литра молока. Масла и рыбы еще не пробовал и позабыл их вкус. 50 руб. в месяц хватает только на хлеб и на тарелку хлёбова в столовке и то один раз в день. Всё это очень печально. Если бы издать поэму! Напечатать ее в журнале рублей по 8-ми за строку. Какое бы было счастье! Я бы купил отдельную избушку с печкой кирпичной, с полом — содержал бы ее в чистоте — ты ведь знаешь как я люблю обиход и чистоту! Всё мечтаю об этом. Неужели не удастся? Как ты думаешь? Поговори с Сорокиным — нельзя ли выцарапать где деньжонок. Поговори с Фединым — нельзя ли так устроить, чтобы у меня были аккуратные 20 руб. за келью? Нужно написать или поговорить с Горьким о моей судьбе.

От Клычкова получил телеграмму из Новосибирска — мол, еду на север, но ко мне не заехал, хоть проехать по Оби одно удовольствие, только хлеба нужно захватить на дорогу. На пароходе его не подают почему-то. Таков сибирский обычай. Но мой милый кум не заехал.

Всё, что пришлешь мне — за всё земной поклон. Потормоши моих знакомых, чтобы угостили посылочкой, да объясни, что она идет сюда месяца полтора, а с закрытием навигации в октябре месяце сообщение прерывается до зимней дороги. До Томска триста верст лошадями, тогда почта идет быстрее, чем пароходом. Все мои знакомые, если бы послали по посылке с крупой, сахаром, макаронами, то я был бы сыт. Потрудись, похлопочи, тем продлишь мою горькую жизнь. Послал заявление во ВЦИК и Калинину о помиловании в

Москву ценным письмом в 50 руб. на имя Клычкова, но страшно беспокоюсь, что он отнесется к всему этому только для позы, разгильдяйно, ведь, в сущности, он с Васильевым до чертиков рады моей гибели. Между тем таинственно нарождается во мне новое сердце, а с ним и сознание, только слушая внутреннее сознание я послал в Москву свои потрясающие заявления. Если бы было при мне мое инвалидное свидетельство, то я бы смело пошел на комиссию и меня, если бы не освободили совсем, то, наверное, перевели бы в место, где можно жить, не подвергаясь прямой гибели. Прошу тебя сходить в Бюро врачебной экспертизы, куда ты водил меня, тогда точно припомни. Подай заявление о моей инвалидности второй группы. Многих ссыльных освобождают на основании такого документа. Ведь я совсем болен. И только чудом жив. Дитя мое, услышь меня, не медли в помощи. Поговори с Валентином Михайловичем, он близок к медмиру, он тебе поможет получить свидетельство.

Если получишь, засвидетельствуй нотариально копию, это легко и пошли ценным письмом или с обратной распиской. Дитятко, помоги! Вся надежда на твои труды. Как ты будешь без полушубка зимой? Не может ли кто послать мне $1^1/_2$ кило ваты, черной подложки 5 метр. и кисейки для стежки ваты, черных ниток две катушки № 30. Это было бы очень нужно. Не может ли кума смастерить мне ватные штаны, они здесь зимой неизбежны, портянки теплые, рукавички — хотя бы на вате потолще и повыше к локтю. Шарф, шапку с ушами. Всё нужно мне голому. Если по доверенности получите вещи, телеграфируйте, я вышлю адреса, кому их можно продать. Если можно, вышли денег телеграфом. В июле я обедаю только через день, т. е. в двое суток раз. Скажи об этом моим сытым друзьям.

Мое инвалидное свидетельство осталось в Москве, заложено в немецкую большую Библию. Если Зин<аида> Павловна станет хозяйкой моей квартиры, то первым долгом пусть отыщет этот счастливый документ и пошлет мне ценным письмом с обратной распиской засвидетельствованную копию. Что нового в Ленинграде? Что написали поэты, пусть мне пришлют. Так от меня всё невероятно далеко! Хотя езда от Питера через Омск, четверо суток до Томска, потом пароход по Оби сутки с часами до меня. Живу я в общежитии исполкома, есть здесь и гостиница рядом с тем домом, где я. В гостинице № 3 руб. в сутки с кипятком. Если кто поедет, пусть знает. Погода здесь переменная, но все-таки лучше, чем весной. Днем температура 18–20 градусов. Я два раза купался. Есть хорошая баня, 50 коп. с человека — сосновая и просторная, очень приятная. Знакомых я еще не завел. С ссыльными не схожусь — все это мне чужие до духу люди, какие-то глупые троцкисты. А с остальными я только нукаю да дакаю в разговорах, стараясь скорее отделаться.

Но <если> все мои вещи-то нельзя зашить в половик — маленькую перину и послать посылкой: белье, белый материал для кальсон, если это будет стоить не дороже самих вещей, а то и не надо, лучше деньги, за них здесь можно купить и подушки и перину иногда очень дешево. Здесь попадаются прекрасные кошмы татарской работы — узорные — тебе бы на пол или на стену, было бы прекрасно! Не забывай, дитя, деда. Кланяюсь тебе низко и люблю кровно. Умоляю о письмах, о помощи, чтобы мне собраться с силами, а там видно будет.

Кланяюсь прекрасной Неве, всем, кто знает меня. Где дядя Пеша? Пусть приезжает сюда. В Нарым много приехало добровольцев. А ведь ему всё равно где жить. Жалею расстаться с письмом, как с тобой говоришь, но делать нечего, в глазах зарябило, до того дописал. Любимый мой, дитя мое, не замедляй письмами!

Прощай. Прости! Горячо целую. Желаю счастья. Прямых путей. Да будет твое искусство чисто и не осуждено перед Вечными Очами. Душа моя с тобою. Жду письма и помощи на пропитание.

24 июля 1934 г.

209. Н. С. ГОЛОВАНОВУ

25 июля 1934 г. Северо-Запад<ная>
Сибирь, поселок Колпашево

Дорогой Николай Семенович, прошлую зиму я был поставлен в очень тяжелые и невыносимые жизненные условия и в силу их отдалился от многих драгоценных моему сердцу людей, старался лишний раз не быть и у Вас, подвергаясь, быть может, дурному о себе самом пониманию, но ради моей судьбы как художника и человека прошу Вас, помогите мне участием, ибо вся моя надежда на помощь тех, кто не может пройти мимо трагедии поэта. Я сослан за поэму «Погорельщина», ничего другого за мной нет. Статья 58-ая, пункт 10-й, предусматривающий агитацию.

Я неминуемо погибну без помощи со стороны.

Услышьте, помогите!

Все свои прекрасные и заветные вещи в Москве я хотел бы предоставить Вам, на Ваши оценку и усмотрение.

Сообщите телеграммой, возможно ли через Вас передать лично Калинину или Ворошилову мое заявление о помиловании? Это самый верный путь к моему спасению.

Прошу великую Нежданову о помощи. (Так я и не окончил «Повесть об Алконосте нежданном», где есть потрясающие по красоте русские рапсодии об Ант<онине> Васильевне.) Если останусь жив — допишу — это небывалое и многоцветное, как павлин, произведение.

Умоляю о посылке Вашу маменьку и сестрицу — чаю, сахару, макарон, крупы для каши, сала, сухарей белых, компоту яблочного от цинги и т. п. Деньги только телеграфом.

Сообщение почтой тянется месяцами, с октября до зимнего пути совершенно прекращается.

История и русская поэзия будут Вам благодарны. Целую ноги Ваши и плачу кровавыми слезами.

Николай Клюев.

210. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

28 июля 1934 г. Колпашево

Дорогая Надежда Федоровна!

Получил Ваши посылки, как бы из другого мира гостинцы. Такой сказкой пахнуло мне в душу от милых вещей, ведь они пришли из Москвы, с Голутвинского переулка, где меня любили и где я видел столько ласки и внимания, и только мучительные и безобразные условия, в которые я был поставлен за последний год, разлучили меня с ним. Но всё к лучшему. Ваши сердечные прямые слова как корпия на мои раны. Умоляю Вас о письме. Каждое Ваше слово я пью, как липовый мед. Так мне никто не скажет. Я очень обрадован, что для Вас понятна моя чисто внешняя неискренность, я очень страдал за это неприсущее мне по природе свойство, но я пробовал раз в жизни обыграть черта в карты — теперь познал, что для этого я не гожусь. Сколько труда было Вам с посылками! Как трогательны клубки с шерстью! Облил я их слезами. Два платочка с голубыми каемочками — благодарю за них, через всё я общаюсь с дорогими мне людьми, и вот уже три дня, как будто гощу у Вас, вижу Ваши милые комнаты, где столько пережито мною чистых чувств, слов и видений. Я готов оставить Нарыму руку или ногу, как медведь капкану, только бы ухватиться за порог Вашего жилища и рыдать благодарно, как может благодарить человек, снятый с колеса! Вечные очи любви и звезды небесные — порука за мою искренность и благодарность. Над<ежде> Андр<еевне> я написал письмо и в Москву, и на Кавказ, Горькому, думаю, напрасно писать. У него есть секретарь Крючков, который мое письмо непременно затормозит. Нужно письмо вручить лично и поговорить. Горький всю жизнь относился ко мне хорошо, я крепко надеюсь, что и теперь он не изменился ко мне. Ведь поэт Павел Васильев, которого он поучает и отвечает письмами на его, Васильева, письма, только мой младший ученик в искусстве. Квартира моя еще в июне была запечатана. Послал доверенность, заверенную официаль-

но, не знаю, что будет. У меня ведь все вещи-то на любителя и для ширпотреба не годятся. Если продать, наприм<ер>, ковер или древние складни, то я хотя бы сколько-нибудь смягчил Ваше беспокойство обо мне и моем куске хлеба. Ах, если бы удалось это! Недавно я получил сообщение, что мне разрешено печататься везде, где пожелаю, дело лишь за созвучными с нашей эпохой произведениями. Но не оставляйте меня! Время свое покажет. Вот идет полярная зима, уже тянет из тундры изморозью по вечерам, а я ведь только что перенес воспаление легких, очень ослаб, горю и глухо кашляю, если к этому прибавить старинную болезнь сердца, общий ревматизм и болезнь сосудистой ткани, то хлопотать обо мне долго не придется. Напишите, как живете? Что нового в искусстве Миши? Окончил ли он своего Сирина? Жалеет ли меня? В Колпашеве театра нет. Хотя часто сердце щемит от необходимости побывать в нем, но приходится убаюкивать себя прошлыми видениями. Интересных людей я не вижу. Иногда на улице кланяются незнакомые, но я ни с кем из ссыльных не схожусь. Слишком уж кровоточит душа, чтобы с кем-либо чужим сходиться. Местное начальство относится ко мне хорошо. Внешне никто меня пока не обижает и не шпыняет. Начальник здешнего ГПУ прямо замечательный человек и подлинный коммунар. Всякий день варю суп из присланной ветчины, приправляя манной крупой, картофелем и луком. Очень вкусно. От Толи получил письмо, обещает посылку, но что он может, когда сам еще учится, и всё, что я имел в Москве, отсылал ему в Питер. Он переведен в третий индивидуальный класс. Читал о нем статью в журнале — называется «Большие горизонты». Мне очень приятно, что мой посев принес в лице этого юноши пока еще цветы, а в будущем, быть может, и плоды. Его последняя живописная работа: «Портрет Зощенко» — очень хорош — помещен в журнале и прислан мне. У Толи уже жена — очень видная и красивая женщина, что будет дальше покажет время. Сейчас за окном ливень и по обыкновению серое нарымско<е> небо. На столе у меня букет лесных цветов в глиняном горшке. Цветы здесь задумчивые, всё больше лиловые, покрытые пухом, как шубой. Это они защищены от холодных утренников. Недавно был на жалком местном кладбище — всё песчаные бугорки, даже без дерна, без оградок и даже без крестов. Здесь место вечного покоя отмечают по-остяцки — колом. Я долго стоял под кедром и умывался слезами: «Вот такой кол, — думал я, — вобьют и в мою могилу случайные холодные руки». Ведь братья-писатели слишком заняты собой и своей славой, чтобы удосужиться поставить на моей могиле голубец, которым я давно себя утешал и многим говорил о том, чтобы надо мной поставили голубец. Простираюсь к Вам сердцем своим. Зёмно кланяюсь. Простите меня за всё вольное и невольное, за слово, за дело, за по-

мышление. Желаю Вам жизни, света и крепости душевной. Передайте от меня поклон всем, кто знает меня или спросит обо мне. Еще очень важная просьба к Вам. Мне необходимо получить медсвидетельство от профессора Плетнева с приложением печати и его подписью, что я болен кардиосклерозом, артериосклерозом и склерозом мозговых сосудов, что дает мне право на инвалидность второй группы. Это может облегчить мое положение. На основании такого документа я могу смелей идти на комиссию, и она, я уверен, примет к сведению то, что меня лечил Плетнев и удостоверил документом. Я могу быть переведен в лучшие условия, где есть специальное по моей болезни лечение. Потрудитесь. Поговорите об этом с Над<еждой>Андреев<ной>. Она хорошо знает Плетнева, и он ее выслушает, а сам я, хотя и лечился у него, но забыл адрес, чтобы просить о свидетельстве письмом. Повторяю: это очень может мне помочь. Многие по инвалидности второй группы совершенно освобождались. Мое свидетельство, выданное Бюро врачебной экспертизы, осталось в Москве в квартире. Его даже обещались мне добыть, но это не наверно. Простите. Прощайте! Жизнь Вам и свет. Еще раз прошу о письме и милостыне.

Н. Клюев.

211. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

2 августа 1934 г. Колпашево

Здравствуй, мое дитятко. Горячо лобызаю тебя и кланяюсь низко!

Получил твою душистую, овеянную морем и виноградом открытку. Как ты провел лето? Помнил ли меня и мои песни? Твое письмо со статьей Сони Калитина я получил и написал тебе подробно на улицу Красных Зорь, что умозрения Калитина не заслуживают никакого внимания, что это не обозрение искусства, а голословная болтовня. Получил письмо, писаное карандашом от тети, где она советует мне написать съезду писателей. Я послушался и написал, но нет уверенности, что письмо дойдет, хотя я и послал его заказным. Боря сообщает, что доверенность на вещи получил, отлагать ее больше нельзя. Может всё пропасть. А между тем, если я не получу на зиму сколько-нибудь денег, то я пропал. Быть может, удастся что-либо из вещей продать. Каждый рубль — это день моей жизни. Особенно страшно остаться без угла. Теперь я живу в старом доме, у одной старухи из местных жительниц. Нужно платить двадцать рублей в месяц. Если этих 20 р. у меня не будет аккуратно, то придется жить в земляной яме, покрытой хворостом и дерном, а это прямая цинга и гибель! Получил из

Москвы посылку — прислали белья, штиблеты, два кило грудинки, манной крупы, сахару с чаем. От бабушки Ильюшиной получил посылку очень съестную и хорошую. Передай ей, что кланяюсь в ноги со слезами. Посылку от Бори — полушубок, теплые кальсоны с носк<ами> получил, но валенок там нет, а они смертельно нужны, если сравнить ледяной Нарым с паровым отоплением на Каменноостровском. Где легче выдержать зиму? Поэтому прошу немедля прислать и валенки, как бы этого мне не хотелось и как бы не было тебя мне жалко. Но помоги! Не бросай! Хотя бы первое время! Быть может, скоро кончится путь мой земной, а пока жив я — потрудись устроить мою поэму «Кремль», ибо такие вещи достойны всяческого внимания — и могут быть созданы только в раю или на эшафоте раз за жизнь поэта.

Всё, что имеешь связанным с твоим искусством — присылай мне. Это для меня большая радость. Как с изданием портретов и с Никольским? Почему ты не дал ему понять, что гонорар за издание будет пополам? Я думаю, что это много бы значило. Жизнь очень сурова, и искусство служит порукой, что она когда-либо смягчится. Прошу писать чаще. От Софии Викторовны получил письмо с медсправкой, — пишет, что на днях пошлет мне посылку, но вот уже прошло больше месяца, а о посылке ни слуха ни духа.

Умоляю о съестной посылке. Нужно нацарапать и денег. Навигация закроется в половине октября и редко в первых числах ноября. До санной дороги Нарым отрезан от мира, кроме телеграфа. Зимой почта ходит чаще и аккуратней, чем летом, также с посылками не нужно медлить. Посланные в половине сентября придут еще пароходом, — в октябре придут уже санями. Дитя мое, не забудь своего деда! Ведь я твой поэт, а отныне и обязанный раб. Кланяюсь прекрасной Неве от Петергофа до Васильевского острова. Приветствую поэтов. Прошу их о помощи и милостыне! Щемит и гложет мое сердце разлука. Позвони к Софье Викторовне — попроси ее о съестной посылке и о деньгах телеграфом. Поговори с А. Толстым, с В. Шишковым. Попроси их об этом же. Нельзя ли раздобыть мне теплой шапки по моей голове 15 вершков в окружности, перчаток на меху или на вате. Поговори об этом — Бассейная, 11, общежитие ТРАМа, с мамой Мих<аила> Соколовского Клавдией Николаевной или с ним самим о теплой рубахе, о съестной посылке, о деньгах телеграфом!!! (Смотри, сколько восклицательных знаков.) Лето в Нарыме кончилось. Пасмурно и холодно. Редко покажется кривое желтое солнце. Прощай, дитя мое прекрасное. Прощай и прости! Адрес прежний.

Твой поэт Николай Клюев.

Поторопись помощью по телеграфу, я без копейки.

212. Б. Н. КРАВЧЕНКО

3 августа 1934 г. Колпашево

Милый Боречка. Благодарю тебя за письмо, оно мне очень приятно памятью и твоим вниманием. Поплакал над карточкой твоего сына, завидую. Какой прекрасный ребенок! Немедленно сообщи адрес Толи. Если добудете мое инвалидное свидетельство, то запомни, что оригинал нужно оставить у себя, а *копию* послать ценным письмом мне.

Мне объяснили в местной ГПУ, что моя доверенность на вещи действительна и без печати и что подлинность ее я могу удостоверить во всякое время телеграммой, и что меня знают в Москве. Нужно обратиться в затруднении к следователю по делу поэта Клюева в московское ОГПУ на Лубянке. Следователь в комнате 83, этаж 4-й. Прошу Зинаиду Павловну сходить на Бассейную улицу, дом № 11, общежитие ТРАМа – театра рабочей молодежи, спросить Клавдию Николаевну Соколовскую – мать директора ТРАМа – рассказать ей про меня и просить помощи. Нельзя ли послать мне русских сапог, теплой рубахи вязаной, кальсон и съестной посылки, не может ли Миша помочь деньгами, чтобы я не остался на зиму без угла под 60° морозом и пургой Нарыма. Пусть скажет про себя, что она, мол, жена племянника – художника Яра и т. п. Стеснение в данном случае не к месту. ТРАМ – человек простой и, надеюсь, милосердный. Поговорить со Щепкиной-Куперник, адреса не помню – о съестной посылке и посильной помощи деньгами по телеграфу. Артистка Бриан. Павла Николаевича Медведева – Вознесенский пр. 24, кв. 8. Всех этих людей нужно просить о съестных посылках и если можно о переводе по телеграфу. Быть может, кто-либо и откликнется, иначе я погибну от цинги и голода. Мои друзья, все, кто восторгался мной как поэтом должны знать это. Прошу Зинаиду Павловну отнестись к этим строкам возможно сердечней и серьезней! В половине октября пароходное сообщение с Колпашевым прекращается на месяц. Почта не ходит до зимней дороги. Сообщение только телеграфом. Это нужно не забывать. Прошу тебя, Боря, – поговори с Еленой Мих<айловной> Тагер о съестной посылке: крупы, макарон, чаю, сахару, сухого компоту от цинги и если можно сала свиного – шпику, белых сухарей. Объясни ей, что если каждый мой знакомый пошлет лишь пять рублей в месяц – я не умру с голоду. Вообще возьми, дитя, на себя часть спасения меня от гибели, истинно говорю тебе – получишь за это сторицей и от тебя ничего не убудет, а напротив украсит тебя и научит многому!

Когда приедет Толя, пусть сообщит телеграммой. Немедленно напиши ему, чтобы он *не посылал* писем на имя Федора Васильевича

Иванова — его нет в Колпашеве, а без него получить писем нельзя никому. Узнай исключили ли меня из Союза и что слышно вообще про меня? Мне очень нужно это знать. Времени до зимы немного. Всё нужно предпринимать немедля ни одного дня. Нет ли у кого из поэтов стихов моих под названием «О чем шумят седые кедры»? Они, кажется, у А. Прокофьева. Я бы их здесь печатал и раздобыл немного деньжонок. Это очень важно. Спроси Прокофьева по телефону, какие стихи он может мне возвратить?

Если удастся послать посылку из моей квартиры, то желательно следующее, если сохранилось, — чай две четверти, кофе кило, крупы! Керосинку двухфитильную, котелок с дужкой алюминевой и котелок коричневый с крышкой. Ножик и вилку в котелок уложить, в мягкое — чайник фарфоровый желтый с букетом на боку. Лестовку кожаную, которая вышита лебедиными перышками — на память о моей матери. Если сохранился, то крест на узенькой цепочке узорный тоже на память об отце. На печке в курице есть медная иконка, то ее беречь и если креста не окажется, то прислать ее. В сундуке есть картины — их возвратить Сергею Власову. В комодце есть узел, в нем два платка шелковых да два повойника — это всё что осталось от моей матери — их высушить и беречь. Если сохранились ботинки мужские — послать. Штаны суконные тоже.

Постарайся увидеть дорогого Самсона и поговори с ним о съестной посылке и хотя бы о десяти рублях в месяц. Сердце мое не забудет милосердия. Я живу в невыносимом душевном страдании. Вся жизнь, как одна неделя. Волной захлестывают душу стихи, но воплотить их из-за слабости и голода не могу — только обливаюсь слезами. Если положение мое не улучшится, то придется полярную зиму проводить в земляной яме с черной каменкой вместо печи, в обществе страшных человекообразных. Конечно, легче умереть. Целую тебя, Боречка, горячо. Поплачь обо мне, если есть слезы. Поминай своего поэта. Положи на сердце мои просьбы!

Прощай. Живи и розовей.

3 августа 1934 г.

213. Б. Н. КРАВЧЕНКО

4 августа 1934 г. Колпашево

Дорогой Боречка, благодарю тебя за письмо, за память и внимание. Я всегда верил, что ты уважаешь меня, тем более, что ты теперь сам уже отец и судьба человеческая тебе будет с каждым днем понятнее. Какой прелестный твой Евгений — завидую искренне. Жаль, что не мой крестник! Католик он или православный? Рад за Толечку, что

уехал на юг, хотя и на Вятке, кажется, он отдыхал сносно. Дела мои к тебе следующие: доверенность действительна и без печати, так мне объяснили в местном ГПУ. Если будут затруднения – удостоверю телеграммой. С инвалидного свидетельства нужно послать мне нотариальную копию, а оригинал сюда не посылать, а беречь у себя.

Значит, я должен получить полушубок и проч. Если можно, то сообрази мне посылку с белыми сухарями – можно послать от $8^{1}/_{2}$ кило до 25 кило, одним местом. Это было бы очень хорошо. Прошу Зинаиду Павловну сходить на Бассейную, дом № 11, общежитие ТРАМа (рабочий театр). Спросить Клавдию Николаевну Соколовскую, поговорить о помощи мне съестной посылкой. Чаю, сахару, сала, круп, макарон, компоту сухого, от цинги он полезен. О теплой вязаной рубахе, о русских сапогах. Если можно, то и о деньгах по телеграфу немедля, ибо всякий мятый рубль это день моей жизни. Позвонить и сходить к Павлу Николаевичу Медведеву, Вознесенский пр. 24, кв. 8, поговорить с ним или с женой о помощи – объяснить, что без милостыни добрых людей гибель моя неизбежна. К Щепкиной-Куперник, к артистке Бриан. Сердце мое и милосердие будут Зин<аиде> Пав<ловне> благодарны, немедля напиши Толе, чтобы никто не писал писем на имя Ф. В. Иванова, ибо его нет на месте, он давно уехал, и я не имею о нем никаких вестей. На Морской были моих две иконы в серебряных ризах, если они целы, то сними ризы и вышли мне, я снесу их в местный торгсин за ржаную муку на зиму и за что-либо иное жизненно насущное – это очень для меня важно. Нужно повидать дорогого Самсона – поговорить с ним о помощи, хотя бы десять рублей в месяц. Об этом же поговорить и З<инаиде> Пав<ловне>, с указанными лицами. Низко кланяюсь жене и теще, Зин<аиде> Пав<ловне>, Севастополю. Прощайте все милые. Жадно и тревожно жду писем.

Н. К.

4 августа 1934 г.

214. С. А. КЛЫЧКОВУ

4 августа 1934 г. Колпашево

Получил перевод 30 руб. в самый разгар голода. Питался только хлебом и диким лесным чесноком. Зе́мно кланяюсь. Заявления посланы ценным письмом в 50 руб. Как только получишь, извести телеграммой. Вся надежда связана с этим письмом и тихим с ним обращением без лишних свидетелей. Кланяюсь В<арваре> Н<иколаевне>, крестнику. Прощайте. Не забывайте! Н. К.

215. П. Н. ВАСИЛЬЕВУ

9 августа 1934 г. Колпашево

Дорогой поэт – крепко надеюсь на твою милостыню. Помоги несчастному. Отплачу сторицей в свое время. Русская поэзия будет тебе благодарна.

216. С. А. КЛЫЧКОВУ

18 августа 1934 г. Колпашево

Дорогой Сереженька – прими мою благодарность и горячий поцелуй, мои слезы – за твои хлопоты и заботу обо мне. В моем великом несчастии только ты один и остался близ моего креста – пусть земля и небеса благословят тебя. Мое несчастие не человеческое, а какое<-то> выходящее из всех понятий о бедах и страданиях. Уж очень я нелеп в среде ссыльных и поселенцев на р. Оби. Нежный, с сивой, как олений мох, бородой, с маленькими руками, с погасшим, едва слышным голосом, с глазами, ушедшими в череп... но что об этом? Я думаю, что всё равно меня не спасти, лето я еще прожил, а страшная полярная зима – меня доконает. Нужно иметь хотя бы 50 руб. аккуратно в месяц – за комнатушку и дрова, которые здесь, как это ни нелепо, дороги потому, что привезти их некому – у жителей нет лошадей. Милый мой – помысли, как раздобыть эти ежемесячные 50 руб.? Нельзя ли собрать, попросить кого? В своем отчаянии я ничего не могу сообразить. Но сейчас же – по телеграфу пусть, кто может, помогут мне. Поговори с Леоновым – быть может, он пошлет мне немедля 50 руб. Квартира моя запечатана – когда будет возможно и что только можно, нужно продать и деньги выслать телеграфом, но когда это – неизвестно. Крепко надеюсь, что ты, тщательно и любовно потрудясь, устроишь эти заявления – они писаны мною, как пишут с эшафота. Если будешь лично передавать, то проси в крайнем случае о смягчении моей участи. Уменьшения срока, перевода туда, где есть медпомощь и назначения мне хотя бы хлебного пайка. Прошу П. Н. Васильева о милостыне – ради моих песен! Целую его ноги за милосердие – передай ему.

Неужели он пройдет мимо моей плахи – только с пьяным смехом?!

Кланяюсь Варваре Ник<олаевне>, Георгию. Так бы и стукнулся лбом перед кумой – наревелся бы досыта. Прошу телеграфировать о получении этого письма – оно меня до смерти волнует. Хорошо бы результаты получить до зимы, пока ходят пароходы. Если зазимую,

не знаю, где буду жить, придется в землянке-яме — где цинга и... конец. Но и за яму нужно платить. Спасите, кто может! Посылки от тебя не получил. 15 р. и 30 р. получил — благодарю. Прощайте! Простите всё. Попроси В. Кириллова об оленьей шапке и об оленьих пимах. Родной мой — живи. Поминай меня — ради нашей молодости и песен.

Жду письма. Помощи. Сердце мое ждать долго не может. Не забывай. Милый, родной, певучий, сладостный брат мой!

Напиши, как съезд писателей — я послал ему заявление-письмо. Нельзя ли узнать, как оно принято?

Прощай!

Н. Клюев.

217. В. Я. ШИШКОВУ

Лето 1934 г. Колпашево

Дорогой Вячеслав Яковлевич — после двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за чтение своей поэмы «Погорельщина» и за отдельные строки из моих черновиков — слова моих стихотворных героев — сослан в Нарымский край, где без помощи добрых людей должен неизбежно погибнуть от голода и свирепой нищеты. Помогите мне чем можете ради моей судьбы художника и просто живого существа. Умоляю о съестной посылке. Деньги только телеграфом. Адрес: Северо-Западная Сибирь, Нарымский край, поселок Колпашево, до востребования Клюеву Никол<аю> Алексеевичу. Низко нам кланяюсь.

Н. Клюев.

218. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

6 сентября 1934 г. Колпашево

Дорогая Варвара Николаевна — получил Ваше письмо, — облил его слезами, благодарю за память, за утеху словами, они так мне нужны. Говорят, что 8 сентября уходит последний пароход, и, быть может, мой стон с этим листком дойдет до Москвы. Я погибаю от <недое>дания. Впереди страшная <полярная зима>, цинга и т. п. <*Часть текста утрачена*> поэтически <*несколько слов утрачено*> изложить ей мою судьбу <*несколько слов утрачено*> что *ее будет рад видеть у себя* большой писатель, знакомый ей еще по Италии, и что только

она может им по моему делу быть принята и выслушана. Адрес: Большой Кисловский пер., дом 4. Нежданова меня хорошо знает и высоко ценит, и, вероятно, жалеет. Заявление о помиловании Калинину, если только Сережа находит это разумным, можно передать через Нежданову же, если она уклонится — то нужно просить Надежду Андреевну Обухову, — но всё лично, а не по телефону, и в том случае, если Сереже вырастет какая-либо рогатка и препятствие. Пока же помогите шибко не замедлять милостыней по телеграфу, не то я могу, не дождамшись помилования, умереть с голоду или меня под свирепые матюги остячка выгонит из угла на снег за неуплату.

Дорогая В. Н., урвите минутку, напишите мне еще страничку. Поговорите о деньжонках с Треневым, он, я верю, меня пожалеет и попросит других. Пусть не стесняется суммой. Ваших 50 руб. в Томске я, вероятно, получил, но мне не объявляли, от кого получение, — таков острожный режим. Доверенность я посылал и Сереже, и Толе, и другим, но ни от кого не получаю ответа. Напрасно Вы не сообщили имени, отчества и фа<милии> <*часть текста утрачена*> может <*утрачен текст одной строки*> стал слаб. Пенсио<нное удостоверение> лежит на столике в моей <квартире>, была бы радость, если получить что-либо. Прошу Вас, не медлите ответом.

Каждый день жизни моей сосчитан. Не припомните ли, сколько раз по моей высылке был у Вас Павел Васильев и Рюрик. Утешали ли они меня или виноватили? Очень прошу обратить на это внимание.

Кланяюсь Вам земным поклоном. Благословляю крестника. Простите. Прощайте.

Адрес: Сев<еро>-Зап<адная> Сибирь, поселок Колпашев.

6-го сентября 1934 г.

Поговорите с Пастернаком, он, наверно, примет — писатель.

219. С. А. КЛЫЧКОВУ

21 сентября 1934 г.
Колпашево

Весьма нуждаюсь в твоем письме, милый. Давно послал заявления, как ответ на твои телеграммы. Кланяюсь земным поклоном за твои труды и заботу обо мне недостойном. Помоги. Не забывай. Кланяюсь Варваре Никол<аевне>, Георгию. Скоро — вероятно, в конце октября пароходы не будут ходить. Сообщение будет лишь телеграфом. Прощай. Прости! Н. К.

22 сентября.

220. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

25 сентября 1934 г. Колпашево

Ты пишешь мне, чтобы я нашел смысл в своем положении и что это поможет мне не разлагаться психически. Так вот, пускай янтари твоих глаз искупаются в цветистых и раскаленных струях моей поэмы — и ты будешь уверен, что твой дед душой богат и крепок, как никогда, и только тело нужно поддержать куском хлеба — чтобы не опухло оно, не пошло на пролежни и раны и сошло преждевременно в мерзлую нарымскую землю. Об этом должны бы позаботиться мои друзья и почитатели. Подумай и ты, мое дитятко, *по мере своих сил и возможностей*. От Софии Викторовны я получил медсправку, но посылки, которую она обещает, я до сих пор не получал, передай ей об этом. В этом году пароход обещает ходить весь октябрь, потом будет перерыв почты до зимней дороги от Томска до Нарыма, приблизительно до первых чисел декабря. Рассчитайте для посылок время. Деньги можно телеграфом круглый год, так же и все телеграммы. Прошу о валенках. Полушубок и проч. получил. Говорю с ним, как с тобой и плачу. Ты пишешь мне, чтобы я не унывал и был спокоен, но подумай, дитятко, ведь впереди четыре года с лишком проклятого положения нарымского ссыльного! Если бы я попал ногой или рукой в капкан, я бы оставил ему руку или ногу, а сам бы ушел, но силе, которая держит меня в плену — не нужно моих рук и ног и я глубоко несчастен от сознания этого, здоровье мое страшно пошатнулось. Целыми неделями я питаюсь лишь кипятком и хлебом. Ильюшина бабушка послала очень хорошую посылку — пользую ее со всей скупостью, и земным поклоном кланяюсь за эту потрясающую душу милостыню, передай бабушке про сие. Скажи, что особенно был хорош и памятен чай, уже давно я не пивал такого. От доктора В. М. Б. получил телег<рамму>, 20 руб. с деревни, медсвид<етельства> не получил.

По твоему уверению, что ты будешь платить за комнату — я поселился у вдовы остячки в старинной избе над самой рекой Обью — за оконцем водный блеск и сизость, виден желтый противоположный берег. По ночам летят с криком перелетные гуси. Огромную печь посреди избы остячка начинает топить на рассвете такими же поленьями, какими топят камские пароходы. Я за бревенчатой, обмазанной глиной с навозом стеной — слушаю странную музыку нарымских пустынь и неустанного ветра с океана. Ни одного дня не бывает здесь без пронзительного ветра, а битва и борьба чугунных туч, никогда и нигде мною не виданная. Изба большая, с подвалом. В углу «Знамение», высеченное из камня, и грубо раскрашено, помнит еще Ермака. Остячка говорит, как мужик, и ругается матерно на цепную собаку в жалком из жердей придворке. Сейчас 12 ч. дня. Часы отбивает коло-

кол посреди поселка. Летит густой снег. Прощай, Толечка, теплое сердце мое, любимый художник и роковое дитя мое! Прощай, не медли письмом. Торопись делать добро, чтоб не опоздать тебе, как опоздал ты в феврале! Кто спросит обо мне — передай всем любовь мою. Милые, желанные люди — как бы я припал к ногам вашим, наревелся бы досыта от горечи сердца и радости, что могу еще обнять вас, что я жив еще. Ведь, вероятно, скоро кончится путь мой земной. По-видимому, ждать мне иной свободы нечего. Не ищу славы человеческой — нуждаюсь лишь в одном прощении и забвении моих грехов вольных и невольных. Простите все!

Адрес прежний.

25 сентября 1934 г.

От Льва Ивановича получил прямо какое-то окровавленное письмо — он сослан в концлагерь в Мариинск в Сибири на три года. Ты, кажется, должен его немножко припомнить, он в последнее время жил у меня. Несчастный парень. Сколько ему стоило кожи и голодовок кончить университет, и вот апофеоз!

Еще раз прошу о письме. Не забывай. Быть может, недолго тебе придется беспокоиться обо мне. Кланяюсь Зинаиде Павловне. Пусть она простит меня, а я желаю ей счастья и искреннего благополучия. Пусть ее красота и молодость украшают твои труды и дни! Еще раз прощай!

221. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

5 октября 1934 г. Колпашево

Дорогая Надежда Федоровна,

кланяюсь Вам земным поклоном, приветствую от всей крови сердечной, преисполняясь глубокой преданностью и благодарностью за Ваше милосердие ко мне недостойному. Под хмурым нарымским небом, под неустанным воющим болотным ветром, в сизое утро и в осенние косматые ночи — простираюсь к Вам душой своей и, умываясь слезами, вызываю перед внутренним своим зрением все дни и часы, прожитые мною в общении с Вами. Какой великий смысл в них, во днях чистоты и в часах святых слов и благоуханных мечтаний! Но всё как сон волшебный. Я в жестокой нарымской ссылке. Это ужасное событие исполняется на мне в полной мере. За оконцем остяцкой избы, где преклонила голову моя узорная славянская муза, давно крутится снег, за ним чернеет и гудит река Обь, по которой из-

редка проползает пароход — единственный вестник о том, что где-то есть иной мир, люди, а быть может, и привет с родным гнездом. Едкая слезная соль разъедает глаза, когда я провожал глазами пароход: «Прощай! Скажи своим свистом и паром живым людям, что поэт великой страны, ее красоты и судьбы, остается на долгую волчью зиму в заточении — и, быть может, не увидит новой весны!» Мое здоровье весьма плохое. Средств для жизни, конечно, никаких, свирепо голодаю, из угла гонят и могут выгнать на снег, если почуют, что я не могу за него уплатить. Н<адежда> А<ндреевна> прислала месяц назад 30 руб. Это единственная помощь за последнее время. — Что же дальше? Близкий человек Толя не имеет ничего, кроме ученической субсидии. Квартира запечатана, и трудно чего-либо добиться положительного о моем жалком имуществе, правда, есть из Москвы письмо с описанием впечатлений от съезда писателей. Оказывается, на съезде писателей упорно ходили слухи, что мое положение должно измениться к лучшему и что будто бы Горький стоит за это. Но слухи остаются в воздухе, а я неизбежно и точно, как часы на морозе, замираю кровью, сердцем, дыханием. Увы! для писательской публики, занятой лишь саморекламой и самолюбованием, я неощутим как страдающее живое существо, в лучшем случае я для нее лишь повод для ядовитых разговоров и недовольства — никому и в голову не приходит подать мне кусок хлеба. Такова моя судьба как русского художника, так и живого человека. И вновь, и снова я умоляю о помощи, о милостыне. С двадцатых чисел октября пароходы встанут. Остается помощь по одному телеграфу. Пока не закует мороз рек и болот — почта не ходит. Я писал Ник<олаю> Семен<овичу>. Ответа нет. Да и вообще мне в силу условий ссылки — почти невозможно списаться с кем-либо из больших и известных людей. К этому есть препятствия. Вот почему я прошу переговорить с ними лично. В первую очередь о куске насущном, а потом о дальнейшем спасении. Посоветуйтесь с Н. Г. Чулковой, она поговорит со своим мужем и т. д. Как отнесется Антонина Васил<ьевна> Нежданова? Она может посоветоваться со Станиславским, а он в свою очередь с Горьким. Нужно известить Веру Фигнер — ее выслушает Крупская и, конечно, посоветует самое дельное. Очень бы не мешало поставить в известность профес<сора> Павлова в Ленинграде, он меня весьма ценит. Конечно, всё это не по телефону, а только лично или особым письмом. Еще раз извещаю Вас, что Ваши три посылки я получил в целости и, как это ни тяжело, я вынужден вновь просить Вас не оставить меня милостыней, хотя бы же первое время — если возможно — телеграфом. Простите. Прощайте и благословите.

5 октября 34 г.

222. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

12 октября 1934 г. Томск

Дорогая Варвара Николаевна, жалко, что послал Вам большое письмо, как получил перевод в г. Томск, говорят, что это милость, но я вновь без угла и без куска хлеба. Постучался для ночлега в первую дверь — Христа ради. Жилье оказалось набитой семьей, в углу сумасшедший сын, ходит под себя, истерзанный. Боже! Что будет дальше со мной? Каждая кровинка рыдает. Адрес: г. Томск, Главпочтамт, до востребования.

Помогите, чем можете.

Прощайте.

Ваш дед Н. Клюев.

12 сентября.

223. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

24 октября 1934 г. Томск

Дорогая Надежда Федоровна.

На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в город Томск, это на тысячу верст ближе к Москве. Такой перевод нужно принять за милость и снисхождение, но, выйдя с парохода в ненастное и студеное утро, я очутился второй раз в ссылке без угла и без куска хлеба. Уныло со своим узлом я побрел по неизмеримо грязным улицам Томска. Кой-где присаживался, то на случайную скамейку у ворот, то на какой-либо приступок. Промокший до костей, голодный и холодный, уже в потемки я постучался в первую дверь кособокого старинного дома на глухой окраине города — в надежде выпросить ночлег Христа ради. К моему удивлению, меня встретил средних лет бледный, с кудрявыми волосами и такой же бородкой человек — приветствием: «Провидение послало нам гостя! Проходите, раздевайтесь, вероятно, устали». При этих словах человек с улыбкой стал раздевать меня, придвинул стул, стал на колени и стащил с моих ног густо облепленные грязью сапоги. Потом принес валенки, постель с подушкой, быстро наладил мне в углу комнаты ночлег. Я благодарил, едва сдерживая рыдание, разделся и улегся, — так как хозяин, ни о чем не расспрашивая, просил меня об одном — успокоиться, лечь и уснуть. Когда я открыл глаза, было уже утро, на столе кипел самоварчик, на деревянном блюде — черный хлеб... За чаем хозяин поведал мне следующее: «Пришла, — говорит, — ко мне красивая, статная

женщина в старообрядческом наряде, в белом плате по брови: прими к себе моего страдальца — обратилась она ко мне с просьбой — я за него тебе уплачу — и подает золотой». Дорогая Надежда Федоровна, Вы поймете мои слезы и то состояние человека, когда всякая кровинка рыдает в нем. Моя родительница упреждает пути мои. Мало этого — случилось и следующее. Я полез в свой мешок со съестным, думая закусить с кипятком, но сколько я ни ломал ногтей, не мог развязать пестрядинной кромки, которою завязал мне конвойный солдат мешок. Хозяин подал мне ножик, я стал пилить по узлу и вдоль рубца. Отлетела уцелевшая пуговка, а за ней из-под толстой домотканной заплатки вылез желтый кружочек пятирублевой золотой монеты! Вы мне писали, чтобы я пересмотрел свою жизнь. Я знаю, что за грехи и за личины житейские страдаю я, но вот Вам доказательство того, что не меркнет простой и вечный свет. Хозяин, ссыльный диакон с Волыни, скоро кончает срок своей ссылки, поедет в Москву, — и, если можно, то зайдет к Вам с поклонами. Только расспрашивать его не нужно. Если он почувствует внутреннее разрешение, то и сам расскажет. Про такие явления нельзя говорить холодным, набитым лукавыми словами, людям. Теперь я живу на окраине Томска, близ березовой рощи, в избе кустаря-жестянщика. Это добрые бедные люди, днем работают, а ночью, когда уже гаснут последние городские огни, встают перед образá на молитвенный подвиг. Ничего не говорят мне о деньгах, не ставят никаких условий. Что будет дальше — не знаю. Уж очень я измучен и потрясен, чтобы ясно осмысливать всё, что происходит в моей жизни. Чувствую, что я вижу долгий, тяжкий сон. Когда я проснусь — это значит, всё кончилось, значит, я под гробовой доской. Прошу Вас — потерпите еще немного, не бросайте меня своей помощью по-человечески и по простоте Вашей. Моя Блаженная мать небесным бисером отплатит Вам за Вашу хлеб-соль и милосердие ко мне недостойному.

Томск — город путаный, деревянный, утонувший по уши осенью в грязи, а зимой в снегах... Это на целую тысячу верст ближе от Нарыма к России. На базаре можно за деньги купить разную пищу: мясо 8 р., хлеб 1 р. 50 к., картофель 3 руб. ведро, нет только яблок и никаких круп. Я чувствую себя легче, не вижу бесконечных рядов землянок и гущи ссыльных, как в Нарыме. А и в Томске как будто бы потеплее, за заборами растут тополя и березы, летают голуби, чего нет на Севере. Комнаты у меня нет отдельной, изба общая с печью посредине. Приходится вставать еще впотьмах. Приходят в голову волнующие стихи, но записать их под лязг хозяйской наковальни и толкотню трудно. В феврале будет год моих скитаний, впереди еще четыре — но и первый показался на столетие. Как живете Вы? Как Наумовы? Я писал им письмо, но ответа не получил. Слезно прошу

Вячеслава о письме. Кланяюсь Мише. Как его искусстве? Мне это весьма интересно. Сообщите, как живет Надежда Григорьевна, — я не знаю ее адреса, — хотелось бы написать ей письмо. От Н<адежды> А<ндреевны> получил письмо и 50 р. уже в Томске. Лучшие перлы из моих сердечных морей вплетаю в ее венец Сирин-птицы. Поплакал я, когда прочитал в ее письме, что прекрасный Собинов отзвучал навеки. Как мало остается красивых людей в нашей стране! Не могу оторваться от письма, но так трудно говорить на бумаге. Простите. Не забывайте. Помогите, чем можете. Адрес: г. Томск, переулок Красного Пожарника, дом № 12.

24 октября 34 г.

224. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

1 ноября 1934 г. Томск

Дорогая Варвара Николаевна. Получил двадцать пять. Благодарю от всего сердца. Живу в углу на окраине Томска у жестянщика-старика со старухой. Очень мучительно на чужих глазах со своими нуждами душевными и телесными. Комнатки отдельной здесь не найти, как и в Москве. Это очень удручает. Дрова сорок руб. возик. Везде железные топки с каменным углем. Смертельно скучаю. Прошу о письме. Кланяюсь земным поклоном. 1 ноября.

225. Б. Н. КРАВЧЕНКО

7 ноября 1934 г. г. Томск

Дорогой Боречка — волнуюсь невыразимо, что не могу получить ответа на свои телеграммы и письма к вам. Прошу усердно, как только получишь это письмо — отвечай. Ставлю Зинаиду Павловну в известность, что, не получая в продолжении четырех месяцев ничего резонного на мою доверенность на вещи, я вынужден был послать доверенность на имя другого человека, живущего в Москве близ того дома, где я жил и где находятся мои вещи. Они свалены в сарай и мне пишут, что они расхищаются, потому что это общий сарай для всех жильцов дома. Не зная, что делать, я ухватился за возможность пристроить мое бедное имущество к доброму человеку, благо он изъявил сердечную готовность помочь мне в моем горе, весьма жестком положении. Я теряю последние силы буквально от недоедания, быть может, удастся что-либо продать, и мне перешлют сколько-нибудь день-

жат. Я буду иметь возможность платить двадцать руб. в месяц за конуру, и меня не выгонят на снег под 45-тиградусный мороз. Морозы в 40° здесь начались с половины ноября, а я в лохмотьях, без валенок, о которых умоляю Толечку, он мне обещал прислать валенки с калошами. Если же возможно, то зашейте их в тряпку покрепче и пришлите. Мои условия по суровости вам не могут быть понятны, но они ужасны. Умоляю о валенках! Вещи доверяю Клычкову. У него большая квартира и если Толечка пожелает что-либо взять, то это можно во всяк<о>е время. Лишь бы уцелело мое барахло и было вывезено из сырого общего сарая. Конечно, половина вещей пропала, но что же сделать?! За тысячи верст я бессилен этому воспрепятствовать. Деньги 20 рублей от Толи за октябрь мне переслали из Колпашева в Томск. Он обещал высылать аккуратно каждый месяц 20 руб. В уплату за комнату мне нужно знать, будут ли они высылаться в дальнейшем?

Освободится комната в январе, и я могу занять ее, если буду знать, что меня не забудут этими двадцатью рублями. Какое было бы счастье уйти от чужих собачьих глаз в свой угол!

Милый Боречка — отвечай! Найди возможность поставить меня в известность о себе.

Кланяюсь со слезами.

Извести Ильюшину бабушку, что я от нее жду милый гостинец — посылочки, такой же как и первый раз посылали в Нарым.

Сообщи ей мой новый адрес: г. Томск, переулок Красного Пожарника, изба № 12 — мне.

7 ноября 1934 г.

226. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

26 ноября 1934 г. Томск

Дорогая Варвара Николаевна, не знаю, как и благодарить Вас за заботы обо мне. Кланяюсь Вам земным поклоном и умываюсь слезами. Прошу Вас не забывать меня весточкой. Можно ли наведаться в Оргкомитете — передано ли во ВЦИК мое заявление? Надо об этом по возможности чаще напоминать Комитету, потому что он может тянуть передачу годами, как тянул мои заявления о пенсии, пока я сам не добился личного свидания с Калининым. Мне пишут из Москвы, что дама, к которой я просил Вас позвонить — была очень больна, вероятно, она еще медленно поправляется. Но весьма бы было любопытно, а быть может, и полезно под каким-либо интересным предлогом, который бы был не похож на просьбу о деньгах — получить от нее разрешение свидеться — и передать ей мой документ

лично. Быть может, она что и сделает, если захочет. Я послал Вам доверенность (и список вещей). Когда будете ее предъявлять, нельзя ли узнать, почему на предъявленную Зинаидой Павловной Кравченко доверенность не последовало разрешения получить вещи? Это мне очень важно знать. О результате Вашего предъявления доверенности известите меня письмецом. Как вещи? По возможности их нужно проверить по списку. В первую очередь нужно попытаться продать ковер и складень красный, обложенный медной оковкой, Неопалимой Купины. Этот складень принадлежал Андрею Денисову — автору книги «Поморские ответы». Писан же он тонким письмом в память Палеостровского самосожжения иже на езере Онего, при царе Алексúи. Сплошной красный цвет выражает стихию огня. Этому складню всего бы больше приличествовало быть у меня — связу<я> меня, сгоревшего на своей «Погорельщине», с далекими и близкими отцами и дядичами, но что же делать? Они простят меня, слабого и уже одной ногой стоящего во гробе. За складень раньше мне давали полторы тысячи. Теперь сколько дадут. Предложите его Николаю Семеновичу Голованову, изв<естному> дирижеру из Большого театра. Его адрес: Средний Кисловский, дом № 4. Но цены не назначайте — сколько даст сам. Он видел эту вещь у меня на Гранатном, если даст 750 руб., т. е. половину прежнего — то отдайте, а так попытайтесь продать где-либо иначе. Складень Феодоровской Б<ожией> М<атери> может пойти от 500 руб. Ангел Хранитель большой — от 200 руб. Остальные иконы от ста до 50 руб. штука. Ковер, если он не очень разрушился от сырости, стоит от 300 до 750 руб. Как можете вырядить — Вам виднее. Смотря по покупателю. Древние книги предложите Демьяну Бедному — он любитель. Свиток пергаментный на древнееврейском языке — стоил тысячу рублей, теперь хотя бы дали сто рублей. Это повесть о Руфи, X-го века. В ларце узорном теремном статуэтка Геракла в юности бронзовая <*нрзбр*> времен и царя Андрияна. Там же серьги из Микенских раскопок — можно предложить музею Изящных искусств. Но умоляю что-нибудь продать вскорости в течение декабря месяца. Чтобы меня не выгнали на 40-градусный мороз в лохмотьях, без валенок, голодным. Прошу Вас — нельзя ли валенки получить Вам в распределителе — размер отнюдь не больше галош № 10-ый. В моем комоде осталось белого материала 9—10 метров, желательно его получить — прикрыть мою наготу. Если наторгуете денег, — то нельзя ли купить мне хотя бы пару кальсон готовых и бумазеи черной и темно-синей четыре метра на верхнюю рубаху, если бумазеи нет, то какого-либо хотя бумажного материала!

И еще к Вам особенное моление: прямо снаходу получите книгу немецкую Библию — она пуд весу с медными углами и срединой на кожаном переплете. Библия на готическом немецком языке — а в

ней, приблизительно в первой половине толщины — заложено в листах мое инвалидное свиде<те>льство, бережно переложите его особо в крепкое место, снимите с него копию в горсовете у нотариуса, копию пришлите мне «ценным письмом», а оригинал берегите пуще денег. Дело в том, что этот документ дает мне право если не полного освобождения, то перевода в лучшие климатические условия, чем Сибирь. Я могу очутиться в Воронеже или в Казани, а это было бы для меня истинным счастьем! Потрудитесь для спасения меня несчастного, перелистайте не торопясь Библию — оно там, мое спасение! И я пойду на комиссию. Многие по такому свиде<те>льству освобождаются по чистой. Ах, если бы мне в руки мое инвалидное свиде<те>льство! Помогите! И еще прошу Вас принять во внимание, что если иконы покрыты плесенью, то отнюдь их не тереть тряпкой, а расставить вдоль стенки, хотя бы на пол, *но не к горячей паровой трубе*, и маленько просушить, пока плесень сама не начнет осыпаться — тогда уже протереть аккуратно *ватой*. Но, Бога ради, не трите никаким маслом, особенно лампадно-гарным, это вечная гибель для иконной живописи!

Пенсионную книжку я получал в Хрустальном переулке. Книжки у меня две — большая, что потерялась, и на место ее получена поменьше, уже вновь действительная (первая неожиданно нашлась). Хотя бы мне получить пенсию со дня моего ареста 2-го февраля по 2-ой май, и то бы было облегчение. В книжке есть листы для доверенности получения, кому я пожелаю.

Если получение за прошлое возможно, то я вышлю Вам доверенность или Вы пришлите самую книжку — я напишу и вновь возвращу ее Вам почтой — с доверенностью.

До отчаяния нужно мало-мало денег. У моих хозяев в январе освобождается комната 20 руб. в месяц — два окна, ход отдельный, пол крашеный, печка на себя, — то-то была бы радость моему бедному сердцу, если бы явилась возможность занять ее, отдохнуть от чужих глаз и вечных потычин! Господи, неужели это сбудется?! Мучительней нет ничего на свете, когда в тебя спотыкаются чужие люди. Крик, драка, пьянство. Так ли я думал дожить свой век...

Прошу Вас поговорить с Пришвиным, он ведь близок к Алексею Максимовичу, и сам многие годы относится ко мне хорошо, и злополучную «Погорельщину» мою слушал в моем чтении — и может ясно представить мои преступления. Как принимать мой перевод в Томск? К хорошему это или к худому? Как живет и чувствует себя Сережа? Близок ли он к Павлу и Рюрику? Если они Вас не посещают, то я весьма рад этому. Еще раз прошу не забывать меня весточкой. Я ведь живу от письма до письма. В опись я забыл внести фонарь железный, что висел над столом. И икону Николы с Григорием Богословом в

рост, Никола в ризе черными крестами. Размер 6 вер<шков> на 4 вершка, 15-й век. От Толи не получаю уже три месяца никаких известий. Нельзя ли ему написать под каким-либо предлогом, не упоминая меня, чтобы он ответил Вам, и я узнал, что он жив и благополучен? Низко кланяюсь всем милым сердцу. Прощайте. Простите! Адрес: Томск, пер. Красного Пожарника, изба № 12. Мне.

26 ноября 1934 г.

227. И. Э. ГРАБАРЮ

7 декабря 1934 г. Томск

Игорю Грабарю от поэта Николая Клюева. Я погибаю в жестокой ссылке, помогите мне, чем можете. Милосердие и русская поэзия будут Вам благодарны. Адрес: Север<о>-Западная Сибирь, г. Томск, переулок Красного Пожарника, изба № 12.

7 декабря 1934 г.

228. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

Начало — первая половина
декабря 1934 г. Томск

<Пишу Вам че>твертое письмо, <дорогая Варва>рия Николаевна. <В них я говор>ил, что удастся, <быть может>, кое-что из моего <имущества прода>ть и выслать <мне деньги на> хлеб. Свыше человеческих сил мое страдание. Быть может, уцелело что-либо из продуктов: в чайном поставце осталась четверть хорошего чаю не раскупоренной, и в стеклянной чайнице высыпана другая четверть фунта. Кофе в глиняной зеленовато-черной большой сахарнице с крышкой, жареный, два фунта, цикория в пачках. В кухонном столе двадцать фунтов гречи. Ах, если бы чудом всё это уцелело! Много и другого: макароны, рис, пшено, всего не помню. Быть может, удалось бы соорудить посылочку. Какое бы было счастье! Жадно жду письма от Вас. Нельзя ли вспомнить мужских черных ботинок? Они совершенно хорошие, и мне хватило бы их надолго. Есть и сандалии. Одним словом, всё, что можно. Побеспокойтесь! До гробовой доски не забуду Вашего милосердия. Вся надежда, что в течение декабря что-нибудь выяснится с деньжатами. Иначе меня выгонят на улицу. За угол нужно платить 20 руб. в месяц.

С января можн<о бы было уже> нанять отдельн<ую комнатушку>, но, повторяю, не<где взять ежеме>сячные 20 руб. <Толечка не мо>жет ничего боль<ше сделать. Он> живет только на <ученическую сти>пендию, соверше<нно без помощи>, так как родны<е его оставили>, переехали на постоянное <местожительство> в Севастополь. За семьей-то ему было легче, а теперь вовсе тяжело, желательно бы не сломать резной спинки у моей скамьи. Скамья разбирается, и спинка снимается, только выбить клинышки с испода и положить спинку плашмя на скамью, перевязать, и она не сломается при перевозке. В Томске глубокая зима. Мороз под 40°. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подают картошку, очень редко хлеб. Деньги от двух до трех рублей – в продолжение почти целого дня – от 6 утра до 4-х дня, когда базар разъезжается. Но это не каждое воскресенье, когда и бывает мой выход за пропитанием. Из поданного варю иногда похлебку, куда полагаю всё: хлебные крошки, дикий чеснок, картошку, брюкву, даже немножко клеверного сена, если оно попадает в крестьянских возах. Пью кипяток с брусникой, но хлеба мало. Сахар великая редкость. Впереди морозы до 60°, но мне страшно умереть на улице. Ах, если бы в тепле у печки! Где мое сердце, где мои песни?! Еще раз умоляю о письмах. Про запас прощайте. Кланяйтесь моим знаменитым друзьям – русским художникам и поэтам!

229. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

1 января 1935 г. Томск

Дорогая Надежда Федоровна!

К неземной стране
Путь указан мне,
И меня влечет
Что-то всё вперед!

Не растут цветы
На пути моем,
Лишь шипов кусты
Вижу я кругом!

Соловьи зарей
Не ласкают слух,
Лишь шакалов вой
Слышу я вокруг!

Не сулит покой
Мне прохлады тень,
Но палящий зной
Жжет и ночь и день!

Не в тиши идет
Путь кремнистый мой —
Ураган ревет,
Проносясь над мной!

Не среди лугов,
Под шумок ручья,
По камням холмов
Пробираюсь я!

И встречаю я
Всюду крови след:
Кто-то шел, скорбя,
Средь борьбы и бед!

В черной мгле сокрыт
Путь суровый мой,
Но вдали блестит
Огонек живой!

Огонек горит,
И хоть вихрь шумит,
Но меня влечет
Что-то всё вперед!

Поздравляю Вас со Святками, со звездной елкой счастья и благословения. Я получил Ваше письмо, наполненное грустью о моих грехах. Я поплакал над ним тихими очистительными слезами. Оно живое доказательство, что я один из тех темных грешников, ради которых и пришел во плоти Свет на земле, ибо Он пришел не к праведникам, а к ужасному сборщику римских податей Закхею, к сирофиникиянке-блуднице, львице восточных бань и публичных сатурналий, к бесноватому, живущему во гробах, к гнойным прокаженным. О, какое счастье встать в ряды тех, про которых сказано в Евангелии от Луки в главе VI-ой, стих 22-ой: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди, и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут *имя ваше как бесчестное*». И еще стих 26-ой того же евангелиста: «Горе вам, когда *все люди* будут говорить о вас хорошо».

Дорогое чадо Божие — теплая и родная Надежда Федор<овна>. Да не смущается сердце Ваше и да не устрашается! Не принимайте мои *спокойные* встречи с искушениями за самый грех. Будьте в покое,

и раскаленные стрелы сатаны возвратятся туда, откуда они прилетели! Ибо ведь «Христос есть мир (в английском переводе — покой) наш» (Ефес. II, 14). Никогда не выходите из этого покоя, если Вы хотите возрастать в очищении. Тогда исчезнет и смущение Ваше. «Что скажет Он, то и сделайте» (Иоанн. II, 5). Ожидайте всякий день избавления от греха: «Сие пишу вам, чтобы вы не согрешили» (Иоанн. II, 1). Я же скажу вместе с апостолом Павлом: «Хотя я ничего и не знаю за собою, но тем не оправдываюсь: судия же мне Господь». Возьмите человека, который по причине многогранности своей души не может жить среди официальных праведников, выкиньте его из общественных предприятий, изгоните из общества, — и Христос скажет: «Вот человек, которого Я ищу! Я пришел взыскать и спасти погибшее!» Еще раз прошу Вас пребывать в покое, дабы не затемнить уверенности, что «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет, как кипарис» (Ис. XLII, 1).

О Ты, дыханье вечности,
Дохни на сушь души моей,
И мирта цвет, и кипарис
Поднимутся в песках сухих,
И у потоков вод Твоих
Пустыня станет, как нарцисс!..

Мой дух к Тебе весь обращен,
Я всё забыл, стремлюсь к Тебе,
Я чудной мыслью поглощен,
Что ты, Нарцисс, теперь во мне!
Дождь благодатный и живой —
Не тщетно ждал Тебя душой!

Простите, прощайте! Прошу о письме и милостыне.

Душа моя с Вами.

Н. К.

Переулок Красного Пожарника, изба № 12.

1 января 1935 г.

230. Л. Э. КРАВЧЕНКО

20 января 1935 г. г. Томск

Потрясли Вы мне душу, дорогая Лидия Эдуардовна, Вашей заботой обо мне и милой посылкой.

Поплакал я всласть над Вашими мешочками, так пахнуло мне на сердце чем-то родным. Вижу Вашу жизнь до последней солонки, до

пуговки. Ах, если бы имел я возможность припасть к ногам Вашим и выплакать мое страдание. Я на чужой стороне среди двуногого дикого зверья — без угла, без куска хлеба, больной, изъеденный вшивыми лишаями, от которых я очень страдаю. Лишай покрывает полголовы, весь живот и обе голени, но я не всегда могу купить даже свежий бинт. Живу в общей избе с жестяниками — часто пьянка, смрад, страшные морды...

Только за последние дни слухи обо мне начали доходить до местной интеллигенции. Пришли ко мне местные писатели — в хорьковых шубах, раздушенные, но скучно провинциальные — морщили нос на мою долю, по-видимому, моя судьба потрясла их до крови. Они сидели на треногой лавке у вонючей лохани, как истуканы. Я говорил им об узком, тернистом, но спасительном пути, на который поставила меня история и по которому ведет меня Провидение. Один из них, самый юный, вдруг разрыдался...

Томск — город суровый, ко всему привычный. Появился хлеб без карточек, но вот уже несколько дней его нет нигде, ни даром, ни за деньги. Я так радовался вольной хлебной продаже, до нее приходилось хлеб просить на базаре у приезжих крестьян Христа ради. Я знаю, Вы, как никто, почувствуете мои кровавые слезы, когда я, мокрый от волнения, со страшно бьющимся сердцем, дожив до седин, в первый раз в жизни, протянул руку за милостыней... Но слава Богу за всё! До меня доходят слухи из столиц, что всё самое лучшее и мыслящее не осудило меня. Но никто не верит в мои преступления. Мои книги, портреты, частые письма — поднялись даже в оценке на современный рубль. Так, например, моя книга «Песнослов» дошла до ста рублей и т. п. Всё это меня, хотя и мало, но утешает.

Прошлую зиму и всю весну я болел цингой. Выпало восемь зубов, я был так худ, что обшивка прежних кальсон обвивалась два раза кругом пояса. Теперь на воздухе я немного окреп. Мою седую бороду треплет сибирский ветер. Время и вера понемногу умягчают раны. Я безумно, с неиспытанной никогда жаждой, — люблю жизнь, небо, солнце, человеческое сердце!.. От всего своего существа желаю Вам благополучия на новом месте. От Толи четвертый месяц не получаю никакой весточки. Его любовница слишком опытна, чтобы выпустить добычу из своих когтей. Но я надеюсь на природный ум нашего горячего художника. В его годы человек меняет не только кожу, но и душу.

❖❖❖

Посылка пришла в целости. Яблочки, конечно, поморозило, но я сварил их, остудил и съел. Рубашка очень нравится. Жаль, что нет цикория и кофе. Чай прямо клад. Местные цены на продукты: мясо от 4 до 6 р. кило. Свинина 5—6 руб., картофель 1 р. 50 к. ведро. Мо-

локо 4 р. 50 к. четверть. Мороженое дешевле. На базаре есть всё, но я нищий, целыми неделями сижу на хлебе с кипятком. Мука весной была 60 р. пуд, осенью 30 руб. Сеянка 40—50 р., дрова берез<овые> 20—30 рублей воз, дешево капуста и всякая огородина. Постараюсь разыскать Ваших знакомых. Простите. Прощайте. Горячо благодарю. Сердцем со всеми вами.

Н. К.

Адрес прежний.

231. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

21 или 22 января 1935 г. Томск

22 января.

Получил Ваш перевод 40 руб. Кланяюсь Вам за эту помощь земным поклоном. Всякая милостыня более или менее отсрочивает мой конец. Обливаясь слезами, смотрю на четыре десятирублевки и не верю своим глазам. Ведь целый месяц у меня будет хлеб и брусника с кипятком! Прошу Вас о письме — каждое наше слово для меня значительно. Как моя доверенность? Как заявление, которое передано в Оргкомитет? Стоит ли мне цепляться за жизнь или поторопиться закрыть глаза гробовой доской? Простите! Прощайте!

Н. Клюев.

Адрес прежний.

232. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

22 февраля 1935 г. Томск

Ты был убежищем бедного, убежищем нищего в тесное для него время, защитою от бури, тенью от зноя.

Исайя, XXV, стих 4

Милосердие Божие обновляется каждое утро.

Плач Иеремии, III, 22—23

И знамя его надо мною — любовь.

Дорогая Надежда Федоровна!

В острожной больнице одна сиделка принесла арестанту-уголовнику сваренное яйцо. «Слишком круто сварено», — сказал больной и оттолкнул его. Сиделка удалилась так же спокойно, как если бы арестант прилично поблагодарил ее... Вскоре она вернулась со вторым

яйцом и ласково предложила больному... «Оно недостаточно сварено», — проворчал он с досадой. Женщина ушла, ничуть не изменившись, и пришла в третий раз, держа в руках кастрюльку с кипящей водой, сырое яйцо и часы. «Подержите, дорогой, — сказала она ласково, — теперь у вас под рукой всё, что нужно, чтобы сварить яйцо так, как вам хочется...» — «Позовите ко мне батюшку», — сказал преступник и приподнялся. Сестра с удивлением, недоумевая, посмотрела на этого зверя. «Я не шучу, — ответил он на немой вопрос сиделки. — Я желаю причаститься... Так как на земле существует такой ангел терпения, как вы, то я теперь верю, что и на небе существует милосердный Бог».

Ваше отношение ко мне целиком повторяет этот случай, захлебываясь слезами, я прочитал Ваше письмо. Никакой богословский реферат не дал бы моему сердцу столько убеждения и свежести душевной — сколько дают Ваши простые строки, — в которых журчит и струится глубочайшая человечность.

Елиазар — слуга Авраама — просит у девушки, пришедшей из города, почерпнуть воды напиться. «Пей, господин, и верблюдов твоих я напою». Это была Ревекка — мать всех плачущих матерей.

Я прошу у Вас кусок хлеба, а Вы обслуживаете и верблюдов моих — мои грубые телесные нужды. Вот уж истинно: «Плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная» (Послание Павла к Римлянам, VI, 22). «Когда я немощен, тогда силен» (2 <послание> к Коринфянам, XVII, 10).

Когда деревья стоят в густом зеленом уборе, то нелегко находить на них плоды, — и многие из них остаются незамеченными. Когда же наступает осень и оголяет деревья, то плоды все обнаруживаются. В сутолоке жизни человек едва узнаваем. Его сокровенная жизнь сокрыта в этой чаще. Когда же вторгаются страдания, мы узнаем избранных и святых по их терпению, которым они возвышаются над скорбями. Одр болезни, горящий дом, неудача — всё это должно содействовать тому, чтобы вынести наружу тайное. У некоторых души уподобляются духовному инструменту, слышимому лишь тогда, когда в него трубит беда и ангел испытания. Не из таких ли и моя душа?

Я известил Вас телеграммой, что все переводы я получил в целости. Кажется, сообщал о каждом из них открыткой при получении, не выходя из здания почты. Но в Сибири все порядки несколько другие, чем в Москве, иногда кучу писем находят в овраге — потому что рассыльный исчез неизвестно куда. Простираюсь сердцем в Ваш уголок за шкафом. Кланяюсь всем милосердствующим мне недостойному. Я теперь не в общей избе — у меня угол за заборкой, хотя дверь в общую избу не навешена. Но у меня чисто. Купил кровать за 20 руб.,

есть подушка и одеяло, чайник для кипятка, деревянная чашка для еды с такой же ложкой. Люди, которые меня приветили, ушли не сказавшись. За заборкой живет мужик с бабой и с двумя ребятами — выселенцы из Вятской губер<нии>. В боковой половине живут две старухи, старик и девка-поломойка. Наезжают с базара колхозники, пьют водку, жрут сырой лук от цинги, которой здесь по зимам болеют повально. Я познакомился с одной очень редкой семьей — ученого-геолога. Сам отец — пишет какое-то удивительное произведение, ради истины зарабатывает лишь на пропитание, но не предает своего откровения. Это люди чистые и герои. Посидеть у них приятно. Я иногда и ночую у них. Поедет сам хозяин в Москву, зайдет к Вам — он очень простой — хотя ума у него палата. Я написал Вам свои мысли об очищенном сердце — вышлю большое сочинение. Много в нем сердечного волнения, но боюсь послать его почтой, чтоб не затерялось, как затерялось безмерно красивое и душистое письмо к Н<адежде> А<ндреевне>, посланное ей на Рождество. Постараюсь свое писание о чистом сердце послать с оказией. 2-го февраля исполнился год как я в изгнании, впереди еще годы... «Но для всех благоговеющих перед именем Моим взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Пророк Малахия, глава IV, ст. 2). Доверенность на мое имущество я послал Сергею Клычкову, но еще ничего определенного не добился. Толечка женился на особе за 30-ть лет. Очень опытной житейски. Занят своею любовью по уши и даже матери в Севастополь не пишет ни строчки. Время покажет, что с ним будет дальше. Он в Академии учится и еще ничего не зарабатывает. Клычкова не печатают. Это добрый, хотя и рассыпанный человек — иногда его жена мне посылает милостыню. И я кланяюсь земным поклоном ночным тучам и вершинам сибирских сосен за ее милосердие.

Ходит ко мне в год кот Рыжик, — туземный, с глазами рыси и пушистым хвостом. Хлеба не ест, а мяса у меня нет. Угощаю его жвачкой изо рта.

В театре здесь идет оперетта «Цыганский барон», «Марица» и т. п. Поет Дарский, Лидарская — что-то я слышал краем уха о них — но не знаю их как артистов. Университетская библиотека здесь богатая. Заведует ею Наумова-Широких. Женщина из редких по обширному знанию. Она меня приглашала к себе — хорошо знает меня как поэта. Но, признаться, мне на люди выйти не в чем. Моя синяя рубаха прирвалась и полиняла, кафтанец же украли в этапе, сапоги развалились — и во всем Томске нет кусочка кожи их починить. Н<адежда> А<ндреевна> прислала мне в посылке бумазейную рубаху — но она к горю моему оказалась тесной и короткой. А без этой маленькой декорации я не могу читать своих русских стихов. Особенно людям, которые меня не знают. Кланяюсь еще раз всем — кто меня жа-

леет и кому моя судьба не кажется скучной. Многих я веселил в жизни — и за это плачусь изгнанием, одиночеством, слезами, лохмотьями, бездольем и, быть может, гробовой доской, безымянной и затерянной.

Простите. Целую порог жилища Вашего. (В письмах не нужно адрес на Кузнецова, а прямо на меня.)

22 февраля 1935 г.

233. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

Не позднее 2 марта (?) 1935 г. Томск

...Не сообщите ли мне, сколько икон сохранилось? Складня было три. Успение большое, два аршина высоты, на полуночном фоне — черном. Икона весьма истовая: Спас стоит — позади его олонецкая изба — богатая крашеная — с белыми окнами. Спас по плечи — большой на черном фоне. Ангел хранитель аршинный. Зосим, Савватий семивершковая икона. Ангел хранитель икона девятивершковая с тропарем, писанным вокруг лика. Корсунская с большим ликом. Явление Богородицы пр<еподобному> Сергию — икона семь вершков, с нею в руках умерла моя мать. Книга Псалтырь с серебряными уголками — очень для меня дорога. Евангелие, рукописное новгородское. Толковое Евангелие, рукописное. Книга «Поморские ответы», рукописная. Крест деревянный (следует рисунок. — *Г. К., С. С.*) такой формы. Лампадка стоячая медная (следует рисунок. — *Г. К., С. С.*) гладкая, без птички (было еще две с ножкою в виде птицы). Из всего перечисленного я хотел бы сохранить Псалтырь с серебряными уголками, изображенный крест, икону Явление Сергию, гладкую лампадку и складень с Богородицей посредине, левая сторона расписана у складня белым узором (у второго же складня боковые створки подбиты кожей). Особенно прошу о книге Псалтырь! Впрочем, всё в Вашей воле. За всё благодарю со слезами. Все ваши заботы обо мне недостойном слагаю в сердце своем. Не удосужитесь ли передать поклон, хотя бы по телефону, Георгию Чулкову и сообщить мне его адрес? У меня есть несколько нужных слов к нему. Кланяюсь Гранатному пер<еулку>. Там я пережил много прекрасного.

Простите. Не осудите.

Адрес прежний.

Н. Клюев.

234. А. А. РУДАКОВОЙ

2 марта 1935 г. г. Томск

Здесь еще глубокие мелов<ые> снега и по ночам белые ледовитые звезды. Изба, в которой я коротаю свое изгнание, уцепилась бревенчатыми лапами за край обрыва. В овраге глухо ворчит вода. Изба располосыми остяцкими глазами зорит в поле, где сибирские ветросвисты, и в снеговых саванах и балахонах кружатся в мертвой безумной пляске снеговые столбы. В такие часы я часто вижу своих друзей и Вас, Ада Алексеевна, похожую на речную золотистую кувшинку, и желтая купальская влюбленная в Вас. Она льет на Ваши одежды червонный мед, и вся Вы сладостная и всегда юная, и комната Ваша не подвержена власти времени, в ней живут мечты и томность девушки, которая только что окончила пансион. Господи, почему я этого не сказал Вам вслух, когда я был гостем в Вашем доме и меня принимали и, быть может, даже уважали?? Приношу к Вашим ногам пригоршню слез. Знаю, что это скучно и, может быть, объяснено недостатком мужества в моем страдании, но это немного и даже совсем не так! Вы из тех душ, которые никогда не скажут про меня: «Бедняк, мы думали о нем гораздо лучше». И не оставите меня в нужде, не перевязав моих ран! Вот уже со 2 февраля прошел второй год, как я в изгнании. Впереди еще тысяча дней и долгих ночей одиночества, потерь и распятия сердечного. Помогите, если кто есть жив человек! Удивительнее всего, что моя славянская муза не покидает меня. Ее тростниковые свирели — много образней и ярче всех прежних. Я написал две больших поэмы — потрясающих по чувству и восточной красоте.

Как бы мне хотелось прочитать их доброму и в тайне любимому Валериану Рудакову! (У меня туманится память на имена.)

Кланяюсь прекрасному Петербургу!

Благодарю горячо того доброго человека, который по Вашему поручению выслал мне 20 руб. На переводе нет адреса, а фамилии я не мог, несмотря на все старания, разобрать.

Дяде Пеше писал два письма, но ответа не получил, очень бы хотел с ним изредка переписываться.

Если возможно, не оставьте меня милостыней и впредь. Будет время — отблагодарю сторицей. Поцелуйте от меня Рудакова.

Сердце мое нежно удерживает его образ. Кланяйтесь, если найдете не досадным, Печковскому. В моей поэме в урагане музыки проходит и он — прекрасным Германом!

Простите! Прощайте!

Адрес: г. Томск, пер. Красного Пожарника — мне.

(Клюев.)

235. Л. Э. КРАВЧЕНКО

14 марта 1935 г. г. Томск

Ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое.

<Евангелие> от Марка, гл. XII, ст. 44

Благодарю Вас земным поклоном за Ваше милосердие ко мне недостойному, — дорогая Лидия Эдуардовна. 15 руб. я получил в очень тяжкий час, когда у меня в кошельке оставался один двугривенный. Мое здоровье быстро идет под гору. Целыми днями я лежу неподвижно в общей избе, где четырнадцать человек двуногого зверя, — смотрю в ледяное окно, где пляшут снеговые призраки. Сибирская зима не сдается. Стоят вьюги и морозы до 40 гр<адусов>. Печь топят в избе каменным углем — в воздухе угар и черная пыль. Она ложится мне на лицо, руки и нос у меня всегда в саже. В Москве у меня всё погибло. Зизи — по доверенности не смогла, скорей, не захотела ничего сделать. Толя настаивал на такой доверенности на имя своей любовницы. Я немедленно ее выслал — даже два раза. Но Зизи не собралась предъявить ее свыше восьми месяцев. За такой срок — всё, что было ценного в моей келье, — разворовано. Когда вовсе чужой и посторонний человек, который (я потерял терпение и всякую надежду на Толю) предъявил куда надо мою новую доверенность, то вещи немедленно выдали. Погибли все иконы, картины, шелковый и гарусный ковер стоимостью тысячи на две, серебро и всякие редкие мелочи. Теперь я вовсе нищий. Впереди же ждать хорошего вряд ли разумно. И я готовлю свое тело на новые страдания, а душу к исходу в царство небесное!

Вашу подругу Гладиеву — я отыскивал тщательно, адресные справки держат почему-то очень долго. По справке Гладиевы живут в настоящее время в Новосибирске. Доктор Сибирцев — в Томске очень популярный, но поймать его и лично поговорить весьма трудно. Его приводили ко мне во время моего тяжелого состояния, но я уже потом узнал, что это Сибирцев. Высокий, с седой головой, мужественный и большой деляга. Написал письмо на имя Валерии Антоновны — заказное — умолял об ответе. Какой бессмыслицей охвачены наши ребята, — почему они так обалдели — ума не приложу. Бояться им нечего, всё само собой понятно. <...>

Борис прислал мне еще летом карточку своего первенца. Удивительный ребенок — такой пузан и очень красивый. Вот уж не ждал такого ювелирного искусства от Бори!

Н. П. пишет, что может служить в Сочи. Не знаю, какие там бытовые условия, но местность райская, двести восемьдесят дней в году солнце — ни одного нет облачка на небе, в 7 верстах Мацеста, где ему можно наверняка вылечить или основательно задержать развитие склероза. Жизнь так коротка, и на том свете еще всякий из нас успеет належаться.

Вы пишете мне, что Толя заботится обо мне. Я недоумеваю, в чем выражается его забота! Я ничего от него не прошу — кроме доброго слова. Скучаю по его искусству и желал бы послужить сам ему. Больше мне ничего не было нужно от Толечки — ни в прошлом, ни в настоящем. Кланяюсь прекрасному Севастополю. Желаю Вам милости небесной и доброго человеческого отношения к Вам.

Кланяюсь Володе и его жене.

Если я умру, и Вы узнаете о моей гибели, прошу Вас отслужить по мне панихиду с кутьей и чтобы в нее была поставлена свеча и нищим чтобы было подано по силе возможности в этот день.

Повторяю: я очень слаб.

Ноги сильно распухли, по ночам кошмары. Изба просыпается часов в 5-ть утра. Приходится и мне с кровавыми слезами вставать, дрожа от холода, а частенько и от голода.

Простите. Прощайте.

Всегда буду рад от Вас весточки.

Адрес прежний.

236. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

28 марта 1935 г. Томск

Горячо благодарю за хлопоты. Свиде<те>льство получил. Приветствую Сережу. Благословляю Георгия. Простите. Н. К.

28 марта.

237. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

1 апреля 1935 г. Томск

...сломаны, а потому они отваливаются. Складень находился в сундуке, перевязан веревочкой. С левой стороны он расписан беловатыми узорами. Форма: (следует рисунок. — *Г. К., С. С.*). Самовар маленький с четыреугольным подносиком — красной меди, щипцы сахар-

ные большие, чашку синюю, шестигранную с таким же блюдцем, сахарницу белого металла с крышкой (следует рисунок. – *Г. К., С. С.*). Сахарницу красной меди с крышкой. Братину деревянную с крышкой и ручкой (следует рисунок. – *Г. К., С. С.*). Четыре деревянных ковшичка для питья вина (следует рисунок. – *Г. К., С. С.*). Скатерть из белых льняных квадратов вышита синим и красным работы моей матери. Два плата шелковых маминых, повойник черный атласный. (Бога ради, прошу сохранить!) Две лестовки кожаных, одна вышита жемчугом, другая более новая, лебедиными перышками (следует рисунок. – *Г. К., С. С.*). Если когда-либо соберется посылка, то прошу эти лестовки послать мне. Вот и всё мое имущество, которое я прошу пока сохранить. Остальное всё можете продавать (забыл еще прошву из старинных лоскутков, которая покрывала верхний край завесы, разделяющей мою комнату). Если уцелели мои белые брюки и холщёвая рубаха с пояском из шерсти, на кисточках стеклярус (поясков было много, в том числе шелковый лиловатый, мой крестильный, и голубой, затканы молитвой – очень для меня дорогие). Сандалии – здесь я их починю. Шляпа русская – грешневик – серовато-белая вятской валки – очень прошу всё послать. Если сохранились полотенца – то прошу *сохранить* одно: на конце вышит зверь, на другом двуглавый орел – шитье моей матери: подарен мне ею на именины, когда я выучился грамоте. Всё дорогое, всё милое! Всё жестоко оскорбленное! Простите, Бога ради, за беспокойство. Но иначе пока нельзя! Что хорошего у Сережи? и вообще у писателей? Что слышно из Оргкомитета о моем заявлении. Писал я туда просьбу сохранить мои рукописи. Нельзя ли узнать, принято ли это к сведению? <Будет> больно за свои писания, если они пропадут раньше меня самого. Хотя бы осталось кое-что из песен моих последних лет. Так иногда думается, не для честолюбия, а для истины. Мой друг Лев Иванович Пулин, который жил у меня, сослан в Сибирь же в Мариинский лагерь на три года, – пишет мне удивительные утешающие письма, где нет ни слова упрека за загубленную прекрасную юность. Вы его не знаете, но, быть может, видели когда-либо. Упоминаю об этом юноше как об исключительном событии в моей жизни поэта.

Горькому я не писал – потому что Крючков всё равно моего письма не пропустит.

Нельзя ли поговорить с писателем Треневым о ковре, который хвалил Игорь Грабарь, не купит ли он сам его – или не укажет ли покупателя и не узнает ли цены у Грабаря?

Виру – ковер из вогульских вышивок можно бы предложить Кустарному или Этнографическому музею. В глиняной керамической курице, которая стояла у меня на печке – положены в бумаге – серебряные кресты и медный тельник с изображением Егория По-

бе<до>носца. Уцелела ли курица? Если да, то один круглый крест я благословляю Егорушке, а медный тельник и простой крест с толстым ушком положите в посылочку! Очень об этом прошу! Что пишет Сережа? Как он себя чувствует? Пусть утешится, правда ведь всегда круглая! Я скучаю о нем часами остро и невероятно. Итак, я остаюсь в Сибири. «Вот ссыльный дедушко идет», — покажут мне вослед ребята — на нашем переулке, когда я понесу это письмо на почту. Да, ссыльный дедушко! Так велит судьба. Ни о чем не сожалея, страдною тропою проходит душа.

Ценное письмо получил. Благодарю.

Простите. Не забывайте!

Здоровье мое тяжкое.

1 апреля.

Посылку пока еще не получил.

238. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

Первая декада апреля 1935 г. Томск

...с малиновой бахромой. Платок желтовато-золотистый без кисточек и повойник черный атласный. Гребешок костяной: вырезан посреди двуглавый орел, по бокам его единороги. Чашку синюю с блюдцем, граненую. Скатерть из холщёвых квадратов — вышитую синим и красным, и полотенце — на одном конце двуглавый орел, на другом зверь — вышиты в пялах красным. Икону-складень Неопалимая Купина, по краям медная оковка, и к нему лампадка — ушки херувимами, — вся прорезана в узор, цепочки такие же, внизу подвешено фарфоровое яичко. Книгу Псалтырь — в коричневой гладкой коже, уголки и средник серебряные, в толщину листы золоченые. Всё это принадлежало моей матери. По Псалтырю этому я учен мамой грамоте. Псалтырь — книга в длину три, а ширину $1^{1}/_{2}$ четверти. Вот и всё, что я умоляю Вас спасти. Остальное, если есть возможность, — продавайте. Я напишу одному человеку об иконах, он придет к Вам *с моим письмом* и, быть может, купит иконы. Какая бы была радость раздобыть деньжонок! Сообщите мне — передал ли Оргкомитет мое заявление в ЦИК? Как, возможно ли подать заявление о помиловании? Сообщите мне адрес Пришвина — я попытаюсь поговорить с ним. Очень прошу об этом! Как живет П. Васильев, крепко ли ему спится? Где пьянист — Оборин? Это мне — любопытно. Еще раз прошу потерпеть меня и мою беду. Кланяюсь земным поклоном Сереже, благословляю Вашего первенца. Простите. Прощайте! Посылку и

деньги 20 руб. получил — Жизнь Вам и свет за сердце милующее. Адрес прежний: переулок Крас<ного> Пожар<ника>, изба 12 — мне.

Кланяюсь весенней Москве!

239. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

21 апреля 1935 г. Томск

> Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
>
> *Из книги «Одиссея» Гомера*

Так ослепительно воспевал зарю мой древний брат Гомер. Вся жизнь — солнце, пир солнца, где потоками льется лучистое и светозарное вино. Вино новое, как поют ангелы в новых временах. Эти слова дошли до нас. Мы слышим их в предвесеннюю неделю — после глубокого вербного вечера. Воскресшее солнце попрало смерть. С праздником, красное солнышко! Мысленно вхожу в жилище Ваше с охапкой горных лилий, чтобы сложить их у Ваших ног. На лилиях не роса, а слезы. И тают житейские тучи, — открывая незабудковое небо, как бы омытое слезами:

С Праздником!

Я уже не считаю дней и месяцев. Жизнь проходит, уплывают, как волны, душа и тело. Только ты одна живешь вечно, бессмертная музыка! Ты — внутреннее море. Ты — глубокая душа. Угрюмое лицо жизни не отражается в твоих ясных зрачках. Далеко от тебя бегут вереницей дни знойные и ледяные, как стадо облаков по небу, быстро сменяя друг друга. Только ты одна живешь вечно. Ты — вне мира. Ты сама — целый мир. У тебя — свое солнце, свои законы, свои приливы и отливы! Музыка — девственная мать, несущая в бессмертном лоне своем все страсти человеческие, скрывающая добро и зло в лоне своих очей цвета тростника и бледно-зеленой воды тающих горных ледников. Тот, кого ты приютила, живет вне веков; цепь его дней будет только одним днем, и смерть пожирает всех и всё, сломает себе зубы!

Смертию смерть поправ!

Музыка — любовь моя и счастье, я лобзаю твои чистые уста, я прячу лицо мое в твоих медовых волосах и прижимаю мои воспаленные веки к нежной ладони твоих рук! Блаженны те, кого приютило твое крыло!

Дорогая Надежда Федоровна — простите за эту лирику, но я желаю Вам только праздника и в праздничном письме стараюсь избегать будничных серых слов.

Кланяюсь от сердца всем, кто знает меня. Ради воскресшего солнца прошу не забывать меня.

Ваш раб и поэт.

Н. К.

21 апр<еля> 1935.

240. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

1934 г. – 30 апреля 1935 г. Томск

Очищение сердца

Сердце чистое сотвори во мне, Боже!

Пс<алтырь> L, 12

Существует три категории людей:

1) Люди, имеющие только природное сердце ветхого человека; 2) Люди с сердцем обновленным и 3) Люди с очищенным сердцем.

Природное сердце. Марк VII, 21–23: «Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Всё это зло извнутрь исходит и оскверняет человека». Люди, у которых такое сердце, совершают грех добровольно, по влечению сердца и обычаю мира сего (Еф. II, 1–3). Совесть их не пробуждена. Они страшатся суда и смерти, но не боятся греха. В сердце у них нет борьбы. Если таково состояние моего сердца, то я человек необращенный и сердце мое плотяное. Одно для меня есть спасение – поверить Богу на слово: «Не бойся. Я искупил тебя» (Ис. XLIII, 1).

Обновленное сердце. 1 Кор. III, 2–3: Таково состояние сердца человека обращенного. Тогда духовный опыт мой следующий: я не хочу грешить, но не могу избежать греха. Подобно учащемуся ходить ребенку – я то встаю, то падаю. Иногда – я беру верх над грехом, иногда меня грех побеждает. То я стою на высокой горе, то в глубокой долине. В сердце происходит непрерывная борьба. Я *стараюсь* не грешить, но это мне не удается.

Очищенное сердце. Очищено оно кровью Иисуса Христа, сделавшего его собственностью Своею. Вот тогда-то я уже не уклоняюсь от прямого пути, жизнь моя течет, как река. Новые песни вложены в уста мои. Достигли ли Вы этого? Если нет – читайте дальше, дабы Вы не потеряли благословения, которое Господь через меня грешного хочет Вам даровать. Читайте без предубеждения, читайте не с желанием найти в словах моих ошибки или критиковать их. Сообразуй-

тесь только с Богом и с книгой Его, тогда только душа Ваша получит уготованное Вам Богом благословение от чтения этих строк.

Многие проверяют Писание своим опытом, вместо того чтобы проверять свой опыт Писанием. Многие объясняют Слово Божие согласно с своими мыслями, чтоб успокоить совесть. Не верьте ни своему, ни чужому, опыту: верьте тому, что говорит Бог о благословении, Им даруемом. Видят ли это другие или нет, *я лично* могу получить это благословение. Если я не докажу всего, что я говорю, — Словом Божиим, не принимайте слов моих как произвольных; но я уверен, что через это письмо Господь говорит Вам, и Он побудил меня его написать. «Бог верен, всякий человек лжив» (Рим. III, 4). В своем последнем письме ко мне Вы несколько раз советуете мне обратиться и очиститься. Но при обращении душа не получает очищения — она только с момента обращения становится собственностью Христовой, но еще не получает очищения, о котором говорит Иоанн, XV, 2: «Всякую ветвь, приносящую плод, Он очищает». Итак — очищению подвергается ветвь, *уже находящаяся на лозе*. Во мне есть уверение, что я на лозе, что душа моя искуплена и что только при этом условии я буду очищен, дабы сделаться сосудом, «благопотребным Владыке» (2 Тим. II, 21). Потому что сосуд нечистый не может быть наполнен таким драгоценным даром, как Дух святой. Только очищенный делается сосудом «для почетного употребления». Очищение необходимо для того, чтобы можно было духовно *возрастать* и приносить *больше* плода. Ветвь находится на лозе; она приносит плод; но Бог ее очищает, чтобы она более принесла плода (Иоанн. XV, 2). Я нуждаюсь в очищении, потому что иначе люди увидят несоответствие между моею жизнью и моими верованиями — и соблазнятся этим, как сказано в Иак. III, 11: «Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?» Пока сердце Ваше не очищено, Вы не можете ощущать присутствия Бога в душе своей, хотя бы и веровали в Него. Потому что храм должен быть очищен прежде, нежели он наполнится славою Бога — Самим Господом Иисусом Христом и силою Духа Св<ятого>. Это совершает Сам Бог, делая Вас своим сосудом. Пока человек не осуществит этого очищения от всякой неправды, он не может ощутить Господа Иисуса в себе. «Духа истины... мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его» — «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придём <к нему> и обитель у него сотворим» (Иоанн. XIV, 17; 23).

Возьмите Библию и отмечайте места, которые я Вам буду указывать. Вы много потеряете, если сами не будете перечитывать каждого из приводимых стихов. Начнем с Ветхого Завета. Книга Чисел VIII, 6: «Возьмите левитов из среды сынов Израилевых и очистите их». Из

Нового завета прочтите: 2 Кор. VI, 17: «Выйдите из среды их и отделитесь», 2 Кор. VII, 1: «Очистим себя от всякой скверны <плоти> и духа».

Итак, Бог требует как *отделения*, так и *очищения*. Все сосуды Иерусалимского храма очищались, – некоторые огнем, некоторые водою (2 Пар. XXIX, 16–19). От чего душа освобождается через очищение?

> «От всякой скверны плоти и духа» (2 Кор. VII, 1).
> «Беззаконие твое удалено... грех твой очищен» (Ис. VI, 7).
> «От всех скверн ваших и идолов ваших» (Иез. XXXVI, 25).
> «В щелочи очищу с тебя примесь, и отделю от тебя всё свинцовое» (Ис. I, 25).

Из этих изречений я вижу, где я могу очиститься. И я *послушен* этим изречениям. Грех возник по непослушанию; избавление от него совершается через послушание.

> «Очистите старую закваску» (1 Кор. V, 7).
> «Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. V. 24).
> «Я сораспялся Христу» (Гал. II, 19).

Наше Я, таким образом, уже не существует.

> «Очищает... от всякого греха» (1 Иоан. I, 7).
> «Очисти от всякой неправды» (1 Иоан. I, 9).

Богом было дано повеление истребить *всех* хананеев, не щадя никого. Аврааму было приказано *выгнать* Измаила (Быт. XXI, 10). Бог обещает избавление от врагов, от всякого страха и т. д. (Лук. I, 74). Итак, как видите, Слово Божие обещает нам *полное* освобождение от греха. Вы, быть может, спросите: «Что же станется с плотью? Могут ли плотские страсти наши <быть> вырваны из сердца?» Да, могут. Потому что Сам Бог берется их оттуда изъять. Плоть наша пригвождена была ко кресту вместе с Христом; прочтите Рим. VI, 6; Гал. II, 19; V, 24.

Оставьте ее там, куда Бог удалил ее. Верою человек открывает Христу сердце свое, и Он изгоняет оттуда грех. При неверии – в сердце царит сатана.

«Славлю тебя, Отче, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам».

Есть люди, изучающие Божье Слово с помощью науки и логики, вместо того чтобы *принять в сердце* истину. Они подвергают критике Слово: так саддукеи препирались и спорили о рождении мессии и прозевали его. Не будьте подобно сидящим за уставленным явствами

столом и обсуждающим свойства предлагаемого им угощения, вместо того чтобы протянуть руку и есть!

Многие обладают известным запасом знания. Они с презрением относятся к слишком простому учению и считают очищение от всякого греха нелепостью. Многие не очищаются от своих грехов потому, что слушают людей, которые сами не получили очищения. Так, напр<имер>, человек, который сам не избавился от своей вспыльчивости, не может учить других, как от нее освободиться; человек не может быть лучше своего сердца и с убеждением говорить о том, чего сам не испытал. Бог не дает более того, чего мы от Него ожидаем. По вере вашей — будет вам. Значит, сколько веры — столько же и дарования.

Дорогая (имярек)! Если Вы внимательно прочли все мною упомянутые стихи, если хотите оправдать меня в сердце своем, для Вашей же духовной пользы, и получить Христово благословение — сделайте то, что я скажу: обратитесь к Богу с такой молитвой:

«Господи, научи меня истине, согласно с словом Твоим! Если это письмо не согласно со словом, не допусти меня следовать указаниям этого письма. Если же указания эти согласны с волей Твоей, то дай мне сделаться доверчивой, ради имени Твоего!» Для того чтобы получить от Бога очищение, необходимо выполнить некоторые условия: отделение, посвящение, вера. Отделение от всего, в чем ты видишь грех (2 Кор. VI, 14), отделение от всех идолов (2 Кор. VI, 16). Посвящение Богу всего существа своего (Рим. XII, 1–2). «Не моя воля, но Твоя да будет» (Лук. XXII, 42). Вера в то, что Вы получите очищение, к которому стремитесь. Без исполнения этих условий человек не получает очищения и еще мертв («Оставьте мертвым хоронить своих мертвецов»).

1 Пет. II, 1–3: «Итак, отложивши всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие... Возлюбите чистое словесное молоко... Ибо вы вкусили, что благ Господь».

«Злословие». Сюда относятся: раздражительность, критика, осуждение, невоздержание в слове, интриги и клевета, преувеличение, ложь (Пр<итчи> Соломона. XX, 14; XV, 28; Матф. V, 34–37; Фил. II, 3; Прем. Соломона, XXVII, 4), гордость (1 Тим. III, 6; Ис. III, 16).

Кто совершает очищение? Сам Бог. Ни Вы, ни я — не можете сами себя очистить. Бог один может очистить. В Вашем письме я слышу отголоски Вашей личной тоски о чистоте, хотя они и прикрыты обличением. О дорогое чадо Божие, предоставь Самому Богу совершить это, потому что Он обещает его совершить (Иез. XXXVI, 26–27). Разве Вы не верите обетованию Его? Вы, быть может, скажете: «Это ветхозаветное обетование, и относится оно к евреям». Действительно, обетования Божии были даны евреям, так как Господь Иисус пришел прежде всего к ним. Он сказал сирофиникиянке: «Дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить

псам» (Марк VII, 27–28). Но если Вы признаёте Господа Иисуса *своим* Спасителем, Вы должны относить и к *себе* обетования Божии. Отказаться от этого обетования – значит отказаться от всего.

Как совершает Бог очищение? Духом Своим, словом Своим, кровью Своею. Отдайте себя в распоряжение Духа Святого: Он поставил Вас перед зеркалом Слова Божия и даст Вам увидеть и осознать свои грехи. Тогда кровь Христа очистит Вашу душу, и Вам станет ясно, что пишет Вам не «страшный человек», а брат по упованию, вместивший в себя многое, что утаено от многих ревнителей закона, избивающих Стефанов камнями! Вы увидите чистое сердце, оправданное верою. Деян. XV, 8–9: «Сердцеведец Бог дал им свидетельство... верою очистив сердце их». Еф. IV, 22: «Вы научились отложить раз навсегда...»; Евр. XII, 1: «Свергнем с себя всякую злобу». И это подлинная реальность, и я, осужденный, свергнул с себя всякую злобу.

Но как получить это благословение? Только верою. Если Вы верите этому, как подлинности, Бог сделает это. Как получил я спасение? Только верою (Рим. V, 1). Вам это, быть может, покажется странным, но иным путем Вы очищения получить не можете. Все, кто получил чистое сердце, – получил его верою (Деян. XV, 9): «Верою очистив сердца их».

Поэтому, если Вы решили добиться получения этого дара, встаньте на колени и ухватитесь за обетование Божие (Иез. XXXVI, 25–27). Примите верою это очищение. Поблагодарите Бога за него раньше, нежели Вы встанете с колен. Ничего, что Вы этого очищения пока не почувствуете: Господь Иисус возблагодарил Бога за воскресение Лазаря раньше, чем Лазарь вышел из погребальной пещеры, – тогда он действительно из нее вышел! Если Вы, стоя на коленях, возблагодарите Бога за очищение, – значит, Вы его уже получили. До тех пор, пока сердце мое не было очищено, Христос был только Пророком и Первосвященником для меня: *Царем* своим я его еще не признал. Он еще не воцарялся в мое сердце, хотя мне и казалось, что Он обитает в нем. Многие христиане невольно впадают в это заблуждение. И они живут целые годы в полной уверенности, что Христос в них, тогда как на самом деле Он не воцарялся в сердце их. Поэтому, если мы только думаем, что Христос в сердце нашем, это не заставит Его действительно войти в него, пока мы не поверим так, как Он этого желает. Теперь Вы, быть может, уразумеете, совершил ли я – осуществил ли – очищение всякой скверны плоти и духа?

Итак – лишь после очищения начинает Христос жить в нашем сердце. Согласно обетованию в Отк. III, 20: «Войду к нему». Согласно Еф. III, 17: Христос вселяется в сердце чистое. Он «хранит его». Теперь мне сердце мое уже не принадлежит, – оно полная собственность Царя славы. Если враг «постучится в дверь», – ответит на стук Он, а не я. Мне надлежит только стоять, не сводя духовного взора с

обетования Божия, уповая на то, что Христос хранит меня. «Очи мои всегда к Господу» (Пс. XXIV, 15): это не значит, что всё время надо обращать глаза свои на небо: это означает только, что надо вполне спокойно положиться на обетование Божие. Когда мы покоимся на обетованиях Божиих, Он хранит сердце наше (Ис. XXVI, 3).

Можем ли мы чувствовать, что очищены? Нет, если мы будем вглядываться в самих себя. Только устремляя взгляд веры своей на Слово обетования Божия, а я их привожу немало, мы увидим, что Господь очистил сердце наше. Смотря на самого себя — никогда мы этой уверенности не получим. Пока мы покоимся на обетованиях Божиих, мы чувствуем очищение. Лишь только заглянем в самих себя, сейчас начнем сомневаться и падать.

Очищение совершается многократно, всякий день нашей жизни. Я Вам объясню, как это происходит. Возникает вопрос: если Бог очистил тебя раз навсегда и от всего, — зачем необходимо еще очищение?

Хотя Бог очистил меня от всего нечистого, но видеть нечистоту я могу только при свете, который во мне Бог объявляет через свое Слово, что я очищен, что сердце мое белее снега. Кровь Иисуса Христа помимо меня самого очищает меня. Мое дело только идти вперед по пути Света, чтобы Слово Божие не стало для меня мертвой формулой. Постоянное движение вперед обусловливает постоянное очищение. Нужно всё время всматриваться в зеркало Слова Божия, и оно покажет Вам всё, что Вам следует знать о самой себе.

Почему люди осуждают очищенного и всегда зверем в самих себя жаждут крови праведника и причиняют ему страдания?

Во-первых, подавляющее большинство совершенно не испытывали близости Христа и сердечного очищения и не могут судить об этом. Другие же люди, получив первоначальное дуновение очищения, слишком занимаются после этого собою, слишком смотрят на искушения, их окружающие. О, они не пойдут к Закхею в гости, не сядут за стол с блудницами и мытарями. Они первые враги праведников. Они обращают лишь внимание на чувства свои, вместо того чтобы видеть только одно: *охраняющую их силу Божию.* Защищая и охраняя свои чувства, такие люди лишь настроение считают христианством. Христианство для них лишь затычка в душевные пробоины. Они никогда не узнают в страннике Господа и в юродствующем праведника. Вследствие это<го> такие люди как бы слепнут духовно и с ними случается описанное во 2 Пет. I, 9: об очищении прежних грехов. Они теряют духовную прозорливость, потому что утратили то, о чем говорил апостол Петр (первую любовь).

Дорогая Надежда Федоровна, драгоценное дитя Божие, Вы, осмысливая меня как личность, — чаще принимаете за меня подлинного лишь мое отражение в искушениях, которыми я, как никто, бываю окружен. Поясню это примером. В тихой поверхности реки ясно отражается растущее на берегу дерево. Бросим камень в воду: она заволнуется и исказится, и исчезнет в ней чистое отражение дерева. Но ведь это обман. Скоро успокоится вода. Ничего опас<но-го> не произошло. И не надо стара<ться> доставать из-под воды упавший на дно камень: этим только сильно замутишь воду. Умоляю Вас не заниматься этим. Прикосновение к нам раскаленных стрел сатаны не есть еще бездна и грех (Еф. VI, 16). Хотя они будут обжигать душу нашу и лишать нас покоя, вызывая те или мысли и сомнения, но если мы будем только спокойно наблюдать это, — стрелы улетят обратно также скоро, как прилетели. Наоборот, если мы углубимся в эти мысли, будем стараться понять, откуда они явились, — тогда горе нам. Только щитом веры отражаются все раскаленные стрелы врага. Вспомните мое спокойствие в молитве и при встрече с искушениями. Только слепой сердцем может мое спокойствие при встрече с грехом объяснить *моим участием* во грехе. Ведь Христос — мир наш (Еф. II, 14). Если какое-либо сомнение закрадется в сердце Ваше, читая это письмо, не старайтесь понять его причины. Предайте сомнение Ваше Христу и пребудьте в мире. Тогда исчезнет и смущение Ваше. «Что скажет он Вам, то и сделайте» (Иоан. II, 5). Не старайтесь всё понять, но действуйте, *ожидая всякий день избавления от греха.* Так поступаю я. «Сие пишу вам, чтобы вы не согрешали» (1 Иоан. II, 1). Не смотрите на свою или чужую немощь, но взирайте на могущество Божие. Не смотрите на свою наклонность ко греху, это дрожжи Адамовы, но всегда помните силу Христа, тогда Он и сохранит Вас. Так поступаю я — один из грешников, ради которых и пришел Свет в мир.

1934 г. — 30 апреля.

241. Л. Э. КРАВЧЕНКО

9 мая 1935 г. г. Томск

Горячо благодарю за перевод. Прошу написать мне письмо для передачи доктору Сибирцеву. Сказать обо мне, что я славянский известный поэт — совершенно одинок в Томске и т. д. Очень обяжете. Еще раз ото всего сердца благодарю. Пишу на почте. На праздник писал подробно.

9 мая.

Адрес прежний.

242. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

9 мая 1936 г. Томск

Получил 140 и 45. Горячо благодарю. Пишу на почте. На праздник писал подробное заказное. Еще раз ото всего сердца благодарю.

9 мая.

Адрес прежний.

243. Л. Э. КРАВЧЕНКО

13 мая 1935 г. г. Томск

Помните страждущих, как и сами находитесь в теле.

Послание к Евр<еям>. XIII, 3

Когда отдаешь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца, тогда свет твой взойдет во тьме и мрак твой будет как полдень.

Книга пр. Исайи. LVIII, 10

Тяжелые переживания жизни — это божественные сотрудники, удаляющие из нашего характера все нечистоты и наросты.

Слова Лютера

Подобно тому, как человек, когда непременно хочет открыть глухо замкнутую дверь, пробует из связки ключей один ключ за другим, так и Провидение применяет одно средство за другим, чтобы подействовать на сердце человека.

Александр Дюма

Во дни несчастия — размышляй.

Из книги Екклесиаста VII, 14

В чаше страдания не может быть ни одной лишней или бесполезной капли.

Из письма Александра Блока

Дорогая Лидия Эдуардовна!

Кланяюсь Вам земным поклоном за Ваше милосердие ко мне недостойному за удивительное сердечное письмо, где Вы сообщаете о приезде Бори и т. д. Толечка, конечно, поправится — он весьма упор-

ный и жиловатый, а Судак — лекарственное место и санатория там хорошо обставлена. Получил я и праздничную телегр<амму>. Очень тронут и благодарен. Прошу Вас усердно напишите по листочку своим томским друзьям — напомните им о себе — расскажите обо мне и попросите принять меня и выслушать — я схожу с Вашими письмами и это будет самое верное. Пошлите мне — заказным письмом. Очень этим поможете. Гладиевы обе в Новосибирске, а к другим я схожу с нашими листочками.

В Томске стало тепло, солнышко, черемуха в почках. Окошко у меня на солнышко, за заборкой ревет ребенок, и баба его утешает, чем бы Вы думали? Матюгами! Это широко распространено в Сибири. Как бы плоха <ни> была погода в Севастополе — это дело преходящее, вот Сибирь — зима была волчья, темная и угарная, на кипятке с брусникой и небольшим количеством хлеба. Из Ленинграда мне прислали на Пасху трое кальсон, две рубахи, простыню и пять пар носков. Ведь у меня в Москве всё погибло, что было припасено и на черный день. Золотая статуэтка Геркулеса, четыре монеты Александра Македонского, по старой цене стоящие пять тысяч рублей и многое другое... Прошу Борю по приезде в Ленинград узнать условия поступления в студию ТРАМа у Михаила Соколовского — это директор ТРАМа. Общежитие и квартира Соколовского — Бассейная ул., № 11. Меня очень просят об одном способном пареньке, а я не знаю условий поступления. Пусть Боря не замедлит и мне сообщит. Кланяюсь всем семейным. Живу по-старому — ничего в волнах не видно. Если будет милость и возможность собрать посылочку, то нельзя ли раздобыть кофейку, это было бы большой радостью. Будет время отплачу сторицей. Прощайте. Простите.

13 мая 1935 г. Н. К.

Не бойтесь, что меня Ваши письма беспокоят...

244. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

25 июля 1935 г. Томск

Горячо благодарю Вас, дорогая Варвара Николаевна, за сердоболие и милосердие ко мне горькому и недостойному. Гостинец Ваш по почтовому переводу получил. Летние месяцы старался Вас не беспокоить своими письмами. Знаю, как Вам дорого обходится летний отдых и как он нужен для Вас. На Вашу милостыню я жил в последние месяцы, как никогда. Купил пшена, чаю, сахару, каждый день хлеб и молоко, но жилища не смог переменить, хотя и были и по внутренним и внешним условиям благие и прекрасные кельи. К несчастию

моему, не дешевле сорока рублей в месяц. У меня же общая изба, где народу 14 человек — мужичья и баб с ребятами. Моя бедная муза глубоко закрыла свои синие очи, полные слез и мучительных сновидений. Пусть спит до первой утренней звезды! С тревогой и болью смотрю на первые хмурые тучи, на желтеющий уже березняк — показатель ранней сибирской 8-мимесячной зимы. Как-то буду я коротать ее?

Здоровье мое сильно пошатнулось — лежал в больнице десять дней. Какая-то незнакомая досель болезнь сердца и желудка: невыносимая боль. Лежал десять дней за плату 6 руб. в сутки. Бесплатно ссыльным лекарства и больницы не полагается. Часто вспоминаю свои «заявления», где они и читал ли их кто? Есть ли вообще надежда на помощь мне и спасение?

Как живут поэты? Вспоминает ли кто меня? Или все слишком заняты собой? Обидней всего, что Ленинград молчит, а ведь ему я отдал много сердца, денег и хлеба-соли. Как чувствует себя Васильев? Каковы его победы?

<*Часть текста утрачена*> зиму. В феврале <минет два года>, а там понатужился бы и на третий. Удивляюсь малодушию моих знаменитых друзей. Вы пишете, что они отнеслись очень холодно к моему самосожжению. Мужики так не поступили бы. Но всему свое время. Нельзя ли сообщить мне адрес Пришвина и как его по батюшке? Нельзя ли поговорить с Мстиславским. Узнать в Оргкомитете, сделано ли что-либо по охране моих многолетних рукописей. Я писал в Орг — об этом заявление.

Пронзает мое сердце судьба моей поэмы «Песнь о великой матери». Создавал я ее шесть лет. Сбирал по зернышку русские тайны... Нестерпимо жалко. Как гостил Жан-<Крис>тоф? Увидел ли он святого <Христофора> на русских реках? <*Часть текста утрачена*>.

Кланяюсь земным поклоном. Не забывайте меня горького.

Кланяюсь прекрасной Москве.

Если можно, вышлите летнее пальто и нельзя ли добыть каких-либо брюк — покрепче — мои совсем развалились. Очень бы желательны какие-либо штиблеты, размер 43. Хотя бы держаные.

Простите. Не осудите.

Благословляю крестника. Потерпите малость мои вопли. Еще раз кланяюсь. Н. К.

245. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

25 октября 1935 г. Томск

Дорогая Варвара Николаевна. Кланяюсь Вам зёмно и благодарю кровно за милосердие Ваше. Прихожу с почты, получив от Вас пере-

воды — и рыдаю в своей конуре, простираюсь сердцем к Вам, целую ноги Ваши — <неза>бвенная светлая сестра <*несколько слов утрачено*> <чем я> только заслужил <*несколько слов утрачено*> помощь <*часть текста утрачена*> <глаза>ми, полными горь<ких> <*несколько слов утрачено*> слез, прошу Вас пожер<твовать для> меня еще некоторое время — может, меня Господь простит и я умру в жизнь вечную.

Какое здесь прекрасное кладбище — на высоком берегу реки Томи, березовая и пихтовая роща, есть много замечательных могил... Но жаворонков и сельских ласточек по весне здесь не слышно. Ласточки только береговые и множество сизых ястребов. Еще до Покрова выпал глубокий снег, ветер низкий, всешарящий, ищущий и человечески бездомный. Мой знакомый геолог говорит, что и ветер здесь ссыльный из Памира или из-за Гималаев, — но не костромской, в котором сорочий щекот и овинный дымок. Как Москва? Как писатели и поэты — как они, горемыки миленькие, поживают. Жалко сердечно Павла Васильева, хоть и виноват он передо мною черной виной. Переживу зиму — на весну оправлюсь. Теперь же я болен. Лежал три недели в смертном томлении, снах и видениях — под гам, мерзкую ругань днем и смрад и храпы ночью. Изба полна двуногим скотом — всего четырнадцать голов. Не ему мои песни. Лютый скот не бывал в Гостях у Журавлей. Может ли он быть любим? Но блажен тот, кто и скота милует! <*Часть текста утрачена*>.

<Копию> инвалидного свид<етельства> вышлю. Никак не могу сбить 25-ти руб. на нотариальные расходы. Стараюсь. Волнуюсь. Помоги, Свете Тихий, Матерь-роза и простое человеческое Сердце!

Пожалейте меня, не бросайте!

Ваш раб и поэт, не лукавый должник, оставляющий долги всем врагам своим, несущий к Вашему порогу пригоршню горячих слез, с обожанием и преданностью истинной Н. Клюев. Благодарю, благодарю!

Простите. Не осудите.

Адрес прежний. Переводы 60 р. и 40 р. получил.

Как поживает Осип Эмильевич? Я слышал, что будто он в Воронеже?

246. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

25 ноября 1935 г. Томск

Извещаю Вас, дорогая Варвара Николаевна, что последний перевод сорок рублей я от Вас получил. Благодарю за милосердие и забо-

ту обо мне недостойном. Давно бы погиб без Вашей помощи чудной и светлой милостыни. Всякий раз, как получаю от Вас весточку, умываюсь слезами. В моей жестокой и мрачной обстановке — великая радость всякое доброе слово из другого мира — от милых и заветных людей.

Фининспектор, обходя свой район, спрашивал и меня, на какие средства я живу. Я сказал, что доверенное лицо в Москве продает мои вещи и высылает мне на пропитание от 60 — до 100 рублей в месяц. Когда как. Иногда побольше, иногда поменьше — в зависимости от продажи. Быть может, что спросят подобное и Вас. Местное начальство мне сказало, что все заявления на имя Москвы должны идти через Томское начальство. Не знаю, как быть? Напишите мне — можно ли непосредственно? Я живу, как в тумане, ничего не слышу и не вижу, и многое перестал понимать, здоровье мое очень плохое. Был на просвечивании — кабинет выдал мне отчаянную бумажку по сердцу и по желудку. Быть может, скоро меня Господь простит.

Слышал я, что Павел Васильев уехал из Москвы. Это меня очень и весьма удивило. Быть может, Вы знаете или слышали подробности. Очень любопытно.

Кланяюсь Сереже, благословляю Егорушку. Прощайте, все милые, драгоценные люди! Зловещ и темен мой жизненный вечер. Сибирская пурга да волчий вой — последние мои песни.

Целую Ваши ноги.

Искупаю слезами свои грехи. Простите!

Адрес прежний.

Купил на зиму угля на 80 рублей, две тонны. Значит, не замерзну, от холода избавлен. Что будет с голодом?

247. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

Конец 1935 г. Томск

...Конечно, лучше бы всего устроить подачу помилования трем представителям искусства: Н<адежды> А<ндреевны> от сцены, Кончаловского от живописи и от литературы Вересаева. Всем троим и явиться к Калинину. Он русский и зорко провидящ и, конечно, понял бы, что такая подача челобитной значительна политически и незабвенна историей искусства. Положение мое очень серьезно и равносильно отсечению головы, ибо я, к сожалению, не маклер, а поэт. А залить расплавленным оловом горло поэту тоже не шуточка — это похуже судьбы Шевченка или Полежаева, не говоря уже о Пушкине, которого Николай 1-ый сослал... и куда же? — в родное

Михайловское под сень тригорских холм<ов>. Я бы с радостью туда поехал. Поплакал бы, пожаловался бы кое на что могилке Александра Сергеевича! Не жалко мне себя как общественной фигуры, но жаль своих песен – пчел сладких, солнечных и золотых. Шибко жалят они мое сердце. Верю, что когда-нибудь уразумеется, что без русской песенной соли пресна поэзия под нашим вьюжным небом, под шум плакучих новгородских берез. С болью сердца читаю иногда стихи знаменитостей в газетах. Какая серость! Какая неточность! Ни слова, ни образа. Всё с чужих вкусов. Краски? Голый анилин, белила да сажа, бедный Врубель, бедный Пикассо, Матисс, Серов, Гоген, Верлен, Ахматова, Верхарн. Ваши зори, молнии и перлы нам не впрок. Очень обидно и жалко. В избе есть у меня и друг – желтый кот – спит со мной, жалеет меня, кормлю его жамкой. Здоровье мое плохое. Простите. Прощайте! Прошу Вас, не оставьте меня на Рождественские звезды голодным! Еще раз прощайте.

Адрес прежний.

248. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

23 февраля 1936 г. Томск

Получил Ваше письмо и переводы (115 и 180 р.), дорогая Варвара Николаевна! Обрадовался всему этому до слез – правду сказать, разрыдался – по-ребячьи или по-стариковски – не знаю, но теплотой повеял мой угол, и маленько я успокоился.

Купил молока, муки белой, напек оладий, заварил настоящего трехрублевого чая, а когда собрал стол, то и пить не мог, всё бормотал, шептал и звал любимых – со мной чайку испить! И они пришли. Первой явилась маменька – как бы в венчальной фате, и видима почти по колени, потом дядюшка Кондратий в отсвете самосожженческого сруба, Сереженька – сильно неподвижный, не освободившийся, Александр, Николай, Владимир, Ильюша – все отошедшие, но в неистребимой силе живущие, даже до цвета и звука! До Ваших переводов как-то мне не елось, не пилось, теперь же я приотъелся, починился, часто заходил в баню, – это мое любимое учреждение в Томске. Переулок, где я живу, по ворота и до крыш завьюжен снегом, но уже начали сизеть и желтеть зори. Я часто хожу на окрай оврага, где кончается Томск, – впиваюсь в заревые продухи, и тогда понятней становится моя судьба, судьба русской музы, а может быть, и сама Жизнь-матерь. Но Сибирь мною чувствуется, как что-то уже не русское: тугой, для конских ноздрей, воздух, в людской толпе много монголь-

ских ублюдков и полукровок. Пахнущие кизяком пельмени и огромные китайские самовары — без решеток и душника в крышке. По домам почему-то железные жаровни для углей, часто попадается синяя тян-дзинская посуда, а в подмытых половодьями береговых слоях реки Томи то и дело натыкаешься на кусочки и черепки не то Сиама, не то Индии. Всё это уже не костромским суслом, а каким-то кумысом мутит мое сердце: так и блёкнут и гаснут дни, чую, что считанные, но роковое никакой метлой не отметешь в сторону. Не могу надивиться, что складень Неопалимая Купина оказался писанным в Казани в 19-м веке! По каким это данным? Выменян он в 60-х годах от последнего большака знаменитой Даниловской обители иже на реце Выге у понта Океяна-моря, а принадлежал он Андрею Денисову — списателю книги «Поморские ответы». Письмо называется иконопоморское. Складень подписной одинаковой графьёй со всеми имеющимися на нем подписями. Обыкновенный прием у антикваров — охаять вещь — пустив в ход свой авторитет — оповестить об этом и любителей, которые все у них на счету, а потом через десятые руки, якобы простачка, вырвать у разочарованного владельца — вещь за дешевку. Я напишу в Москву одному человеку, который в свое время хотел у меня купить этот складень. Если он придет к Вам с моим письмом — то покажите складень — получите деньги, не задерживая переведите их мне. Да порядитесь — чтобы деньги были уплачены зараз, а не по частям. А не то ведь вечно около предметов искусства наслаивается множество разновидных мнений, а это может затормозить выплату. Уж потрудитесь! Зловеще, но для меня не неожиданно — рассказали Вы об Анатолии, он пьян призрачным успехом, до первого пинка, до первого испытания, котор<ое> для него может оказаться громовым ударом и поразить насмерть. Еще немного и его путь упрется в пулю или в цианистый кали. Не первого такого встречаю я на своем веку. Ужасаюсь и содрогаюсь и за это обольщенное дитя! Ничего я от него не прошу. «Правду говорят: не спеши волчонка хвалить, дай зубам у серого вырасти. Слётыш, материно молоко на губах не обсохло, а клони перед ним седую голову!» «Не от сильного, не от могучего, не от знатного, от властного — от своего вы́кормка терплю предательство и поношение!» «Ему расти, мне же ма́литися! Что ж? Господня воля!.. Благо ми, яко смирил мя оси Господи! Да это что? Трын-трава! Знали бы Вы сердце мое, ведали бы думы мои сокровенные!» «Как Волги шапкой не вычерпать, так и слез моих не высушишь!»... Поневоле вспомнишь Патапа Максимыча Чапурина и Алешку Лохматого. И сивушек ему Максимыч подарил, и одел в бархат, и бородой щеки ему, как кровному да родимому, ластил, ан вот что получилось! Свирепая душа поромоновского

токаря сказалась. Ежовую щетину и бархатом не укроешь! Прошу Вас при встрече с Толей и виду не показывать, что Вы знаете мое душевное землетрясение и что его модная фигура пока мне одному в подлинности понятна! Как Вы узнали Обухову? Продавайте всё, что можно и что покупают. За всё буду глубоко благодарен! Здоровье мое всё хуже. Боли в области живота здешние врачи объясняют язвой желудка, — которая быстро увеличивается. Сердце не дает покоя, особенно ночью. Я скоро и тяжко устаю от ходьбы. Жилище мое без тишины — с 5 часов утра до 10—11 ночи. Слава Богу, что огромный вшивый лишай, занимавший часть шеи, плечо и половину живота, очистился. Это для меня большое облегчение.

Одним словом, преувеличивать нечего, — кой-что пережито и кой-чему я научился и многое понял. Особенно музыку. Везде она звучала — и при зареве костров инквизиции, и когда распускается роза. Извините меня за эти известные строки! До Прощеного Воскресенья бабы и мужики — соседи по избе всю неделю пили и дрались, сегодня же, к моему изумлению, все перекланялись мне в ноги, стукая о пол лбом: «Прости, мол, дедушка, что тебя обижаем!» И я всем творил прóщу. Весь этот народ — сахалинские отщепенцы, по виду дикари, очень любят сатиновые, расшитые татарским стёгом рубахи, нежно розовые или густо пунцовые, папахи дорогого каш<е>мира с тульёй из хорошего сукна, перекрещенной кованым серебряным галуном, бабы любят брошки «с коралловой головой», непременно в золоте — это считается большой модой — и придает ценность и самой обладательнице вещи. Остячки по юртам носят на шее бисерный панцырь, с огромным аквамарином посредине; прямо какая-то Бирма! Спят с собаками. Нередко собака служит и подушкой. Избы у всех обмазаны изнутри, тепла ради, глиной и выбелены. Под слоями старого мела — залежи клопов. В обиходе встречаются вещи из черненой меди, которые, наверное, видели Ермака и бывали в гаремах монгольских каганов. Великое множество красоты гибнет. Купаясь в речке Ушайке, я нашел в щебне крест с надписанием, что он из Ростова и делан при князе Владимире. Так развертывается моя жизнь в снегах сибирских. Покоя нет. Всегда под угрозой, что тебя отправят в Березов или на Чукотский полуостров. Хотелось бы умереть под широкой весенней березой, когда еще клейкий пушок с листочков не съели тундровые вихри, и чтобы в тоненькую дудочку наигрывала отходную лазоревая птичка. Об этом мое моление к вечным звездам! Обыкновенно при переброске ссыльные посылают телеграммы своим ближним, и те хлопочут перед Верховным Прокур<ом> об оставлении. Если Вы, дорогая Варвара Николаевна, получите от меня такую весть, то от моего великого несчастия прошу Вас — сходить тогда в

Камеру Прокурора — объяснить ему, что я уже был в Нарыме, теперь в Томске, и что я и так скоро умру, так как непоправимо и тяжко болен! Но всё это немедля ни на час после телеграммы, ибо на сборы времени не дается. Заявление во ВЦИК я вышлю отдельно. Что делает Журавиный Гость? Как живет? В Томске есть кое-кто из милых и тоскующих по искусству людей, но я боюсь знакомиться с ними из опасения, как бы наша близость не была превратно понята. Приходил ко мне юноша с лирическими великолепными стихами, но так как стихи были сплошь лиричны, по музыке, чувству, краскам и слову изумительны, но я не сказал о них правды, а послал поэта в местную газету, чтобы он был ближе к жизни. Очень меня волнует судьба Васильева, не знаете ли Вы его адреса? Видели ли Вы что-либо из живописных работ у Толи? Не припомните ли, какими словами он вспоминал меня? Он мне ничего не пишет, и адреса его я не знаю. Очень бы хотелось написать Осипу Эмильевичу, но его адреса я тоже не знаю. Что выдающегося в поэзии? Я ничего не вижу, а газет не читаю, ибо столичные нужно покупать где-то и каким-то особым уменьем, а в местной — всю местное. Тепло ли у вас в новой квартире? Каков Егорушко? Чай, уже ходит и говорит? Несмотря на бездомье и отсутствие уединения, сердце мое полно стихами. Правда, все они не записаны, а хранятся в арсенале памяти и тихо радуют меня: видно, кое-что осталось и для меня в жизни. Простираюсь сердцем на Нащокинский. Кланяюсь Вам земным поклоном. Посылку с носильными вещами получил. Все они не мои — все сгнили. Купили только в особый ларек, где принимают утиль. Один пиджак оказался покрепче, — я его продал отдельно за 15 рублей. Было Вам беспокойства с этой посылкой! Как Вас благодарить, не знаю. 2-го февраля мой печальный юбилей: исполнилось два года моего изгнания...

249. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

Начало марта 1936 г. Томск

Дорогая Над<еж>да Федоровна — примите мое приветствие и земной поклон за милосердие Ваше. На последний перевод 70 руб. я написал Вам подробное письмо. На Ваши вопросы, в чем я нуждаюсь, — тяжко нуждаюсь в обуви, нет брюк на весну и лето, шляпы, верхней рубахи или пиджака и вообще белья. Если можно с Артиста — то я бы переделал по себе. Шляпа с его головы мне в самый раз. Мне не в чем выйти в театр, а он здесь очень хороший, и главные роли на р<ед>кость. Не <осу>дите. Жизнь Вам и крепость!

250. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

Июль (после 5-го) 1936 г. Томск

<Очнулся> как от летаргического сна, <дорогая Вар>вара Николаевна. Четыре ме<сяца был прико>ван к постели: разбит пара<личом и совер>шенно беспо<мо>щен. Отнялась <левая рука> и нога, и левый глаз закрылся <*несколько слов утрачено*> сослать в Туруханский край <*несколько слов утрачено*> мои не выдержали, к тому же я непоправимо болен пороком сердца в тяжелой форме. Всё это удостоверили врачи по распоряжению местного НКВД. Теперь я в своей комнатушке среди чужих людей, которым я нужен как собаке пятая нога. День и ночь лежу, сегодня первый раз сполз к столу и, обливаясь потом от слабости, пишу Вам: сходите к прокурору республики — просите его на основании моей неповторимой болезни освободить меня досрочно. Возьмите меня на свое иждивение — это ровно Вас ни к чему не обязывает и нужно лишь официально. Не бойтесь. Я не утружу Вас. Без человека же и бумажки о том, что кто-то меня больного берет на иждивение, — не освобождают, а заключают в лагерь для инвалидов до смерти. А это равносильно тюрьме. Умоляю не откладывать хлопот — так как великое мое несчастие в лице новой ссылки может всегда и неожиданно повториться. Моя тяжкая болезнь сибирскому начальству не помеха. Несмотря на то, что существует определенная статья по болезни досрочно <освобождать>. Болезнь же моя превышает пр<одолжи>тельность всякой статьи. П<рошу подать> заявление и Калинину. Ес<ли будет из> Москвы хотя бы слабое дунов<ение милости>, то меня не казнят. Облива<юсь потом,> очень слаб. Кругом ждут <*несколько слов утрачено*> денег нет. На беду появился аппетит. Кланяюсь милому Журавлю. Тоскую невыразимо, под несметными избяными мухами — лежу в духоте, давно без бани, вымыть некому, накормить тоже. Левая рука висит плетью. На ногу маленько ступаю. Она распухла, как корчага. Помогите, чем можете! Жду весточки. Кланяюсь со слезами. Заранее сердцем благодарен. Адрес: переулок Красного Пожарного, 12.

Долго был без памяти, да и сейчас много не помню.

Простите. Не осудите.

Н. Клюев.

251. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

После 5 июля 1936 г. Томск

Дорогая Надежда Федоровна!

Радостной теплотой заливает мне сердце сознание, что я снова могу писать Вам — говорить с Вами! С марта месяца я прикован к

постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего, только 5 июля. Привезли и вынесли на руках из телеги в мою конуру. Я лежу... лежу, мысленно умираю, снова открываю глаза — всегда полные слез. Из угла смотрит мне в сердце «Страстная» Владычица, Архангел Михаил на пламенном коне низвергает в пучину Вавилоны, Никола Милостивый в белом омофоре с большими черными крестами, с необыкновенно яркими глазами, лилово-агатовыми, всегда спасающими. В своем великом несчастии я светел и улыбчив сердцем. Я посещен трудной болезнью — *параличом левой стороны тела*. Не владею ни ногой, ни рукой. Был закрыт и левый глаз. Теперь я калека. Ни позы, ни ложных слов нет во мне. Наконец, настало время, когда можно не прибегать к ним перед людьми, и это большое облегчение. За косым оконцем моей комнатушки серый сибирский ливень со свистящим ветром. Здесь уже осень, холодно, грязь по хомут. За дощатой заборкой ревут ребята, рыжая баба клянет их, от страшной общей лохани под рукомойником несет тошным смрадом, остро, но вместе нежно хотелось бы увидеть сверкающую чистотой комнату, напоенную музыкой «Китежа», с «Укрощением бури» на стене, но я знаю, что сейчас на берегу реки Томи, там, где кончается город, под ворохами осенних листьев и хвороста найдется и для меня место. Вот только крест некому поставить, а ворота туда в березовую рощу всегда открыты... Прошу Вас — напишите о себе, о Москве! Мне передали, что один сибиряк был у Вас. Я его не видал. Он приедет по заморозкам и всё мне расскажет. Из Москвы редко получаю письма. Почти два года квартира моя была заперта. Мое доверенное лицо недосчитал многого, чтобы можно было удобно и скоро продать. На то, что осталось, нет покупателей, следовательно, и милостыня мне прекращается. Мне в настоящем моем положении калеки и попросить ради Христа позволительно. Прошу Вас поговорить с Николаем Семеновичем — об иконе-складне, который он у меня смотрел. Тогда ему показалось дорого, теперь пусть *он сам назначит цену* и приобретет этот редкий и прекрасный складень. Он ничего не потеряет через эту покупку. Очень прошу Вас об этом. Мне необходимо лечь в клинику, но нужно платить шесть руб. в сутки. На беду у меня явился аппетит. Я немного стал бродить от койки до стола и до рукомойника. Очень тяжело на чужих людях хворать. Каждую минуту жди ворчанья и оскорбления. Таков мой крест. Господь меня не забывает, посещает и пасет меня своим жезлом железным! Я писал Вам в начале марта. Письмо со вложением карточки Федора Кузьмича Томского — легендарного старца. Получили ли Вы его? Если сотворите мне убогому милостыню, заплачу Вам за нее слезами, преданностью и любовью! Не найдется ли чего из белья, нет ли брюк, перчаток, старых штиблет? За всё земной поклон.

252. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

10 августа 1936 г. Томск

Дорогая Варвара Николаевна.

Подучил Ваш перевод телеграфом и письмо, принял с глубоким сердечным волнением. Благодарю, что не забываете меня несчастного. Благодарю и за хождение и хлопоты Ваши! Я не каждый день могу вставать с кровати. Когда опухоль с ног немного спадет, тогда я чувствую себя пободрее. Но письмо написано было давно, только некому его снести на почту и не было конвертов. Что мой дядюшка был с Вами суров, то это доказывает, что он все-таки считал Вас более и<ли> менее за представителя общественного мнения, в частности, литературных и художественных кругов. Иначе ведь нельзя. Немножко удивляет, что мое писание понадобилось для его архива. Оно ведь не ему предназначалось. Пусть так. Теперь посылаю заявление — с горячей просьбой отослать его, как Вы советуете, прямо. Если мне послать здесь с таким громким адресом, то оно до Москвы не дойдет. Потрудитесь послать его по городской почте. Не знаю только, заказным или простым. На заказном нужно писать адрес отправителя, и я затрудняюсь, можно ли в Москве — с томским адресом. Потрудитесь спросить на почте, если нельзя, то пошлите простым. Быть может, и будет что хорошее. Слезы заливают мне лицо. Думаю, что эту зиму я не переживу и не дождусь нового зеленого шума — в этот год я не видел весны, а лето вижу с жалкого двора, когда меня вытащат посидеть на вечерке у поленницы дров. Давно не бывал в бане, она от моей избы далеко и дорога оврагами — мне не дойти. Всё тело искусано клопами и расцарапано нестерпимым чёсом. С сентября откроется клиника — быть может, примут на лечение, если я смогу платить шесть рублей в сутки! Вы пишете, что послали мне в больницу 30 руб. Я получил 20 руб., а от кого, мне не сказали. Там этого не сообщают. Но за всё благодарю со слезами.

Как бы мне хотелось услышать что-нибудь от милого Журавиного Гостя! Как он живет и как его певучая душенька? Что волнующего в искусстве? Я написал поэму и несколько стихов, но у меня их уже нет: они в чужих жестоких руках. Быть может, нападете на след Толечки — передайте ему от меня низкий поклон. На Ваше письмо, в котором Вы писали, что Толя был у Вас очень модный и пьяный успехами, я написал Вам свою обиду на него. Получили ли Вы такое письмо? Что слышно о П. Васильеве? Где он? Как бы я хотел иметь «Мадур-Вазу»: почитал бы с упоением! У меня были с трудом приобретенные кой-какие редкие книги и старинные иконы — мимо которых я как художник не могу пройти равнодушно, но и они с злополучного марта месяца в чужих руках. Сибирь объясняет знание

древнего искусства — вульгарным церковничеством. Иное понимание этих вещей не входит здесь никому в сознание. Вот тебе и университетский город! Мне ставится в вину — конечно, борода и непосещение п<и>вного зала с уединенными прогулками в сумерки за городом (я живу на окраине). Посещение прекрасной нагорной церкви 18-го века с редкими образами для ссыльного чудовищное преступление! Не знаю, в теле или без тела, наяву или во сне, но мне в этой церкви — на фоне северной резьбы и живописи — несколько раз являлась моя покойная мать, — вся как лебединое перышко в синеватых радугах, утешала меня и утирала мои слезы неизреченно ароматным и нежно-родимым платочком. Извините, что рассказываю Вам неделовое, но поверьте, что это не лирика, а самая живая — жизнь. Прошу Вас не оставить меня недостойного без милостыни, без весточки! Целую всех милосердных и про запас прощаюсь. Прощайте!

253. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

Сентябрь — начало октября 1936 г. Томск

> Не скроется вовеки поистине град, вверху горы стоящий. Ты же, отче блаженне, градом великим добродетельми соделавшись, не замедлил Господом прославлен быти! Се бо друг твой ближайший поведа нам чудесное видение, егда еси во сне в рай восхищен быв, зрел обители гóрни, и во единей от них на престоле некоего мужа светла сидяща, ангела ему сопутствующа вопроси: «Кто убо сей?» — «Се Филарет Амниатский!»
>
> *Из акафиста Филарету Милостивому*

Ничего другого не приходит мне на ум и сердце, дорогая Надежда Федоровна, кроме этих строк, когда я получил от Вас милостыню. Говорю так потому, что не стыжусь нищеты своей, такое это блаженное чувство, но большее счастье ублажать милосердные руки, которые подают милостыню! Благодарю Вас! Извещаю Вас, что здоровье мое восстанавливается очень медленно. Нужно лечь в клинику и платить шесть рублей в сутки — следовательно, я должен обходиться своими домашними средствами. Одна добрая старица принесла мне бутылку пареных муравьев натираться. Очень помогает. Другая таскает меня в баню и моет по субботам. Я уже хожу по избе и за всякой своей нуждой, но все-таки больше лежу. Иногда приливает тоска к сердцу. Хочется поговорить с милыми друзьями, послушать подлинной музыки!.. За дощатой заборкой от моей каморки день и ночь

идет современная симфония — пьянка, драка, проклятия, рев бабий и ребячий, и всё это покрывает доблестное радио. Я бедный всё терплю. Второго февраля стукнет три года моей непригодности в члены нового общества! Горе мне, волу ненасытному! Всю жизнь я питался отборными травами культуры — философии, поэзии, живописи, музыки... Всю жизнь пил отблеск, исходящий от чела избранных из избранных, и когда мои внутренние сокровища встали передо мной как некая алмазная гора, тогда-то я и не погодился. Но всему свое время, хотя это весьма обидно.

Я сейчас читаю удивительную книгу. Она написана на распаренной берёсте китайскими чернилами. Называется книга «Перстень Иафета». Это не что другое, как Русь 12-го века, до монголов. Великая идея святой Руси — как отображение церкви небесной на земле. Ведь это то самое, что в чистейших своих снах провидел Гоголь, и в особенности он, единственный из мирских людей. Любопытно, что в 12-м веке сорок учили говорить и держали в клетках в теремах, как нынешних попугаев, что теперешние черемисы вывезены из Гипербореев, т. е. из Исландии царем Олафом Норвежским, зятем Владимира Мономаха. Им было жарко в Киевской земле, и они отпущены были в Колывань — теперешние вятские края, а сначала содержались при киевском дворе, как экзотика. И еще много прекрасного и неожиданного содержится в этом «Перстне». А сколько таких чудесных свитков погибло по скитам и потайным часовням в безбрежной сибирской тайге?! Пишу Вам в редкие минуты моей крепости телесной. Обыкновенно я очень слаб, шатаюсь, не держусь на ногах, кричу и охаю от боли в сердце и в голове.

254. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

25 октября 1936 г. Томск

Дорогая Надежда Федоровна!

Будьте благосклонны к предварительным стихам греческого поэта Феогнида! Жил в половине шестого века до нашей эры. Мне попались из него отрывки и очень меня поразили:

Слишком в беде не горюй и не радуйся слишком при счастье:
То и другое умей доблестно в сердце нести!

Сердце! Не в силах тебе я доставить, чего ты желаешь.
Нужно терпеть: красоты хочешь не ты лишь одно!

Не было, нет и не будет вовек человека такого,
Кто бы в Аид низошел, всем на земле угодив!

Радуйся жизни, о дух мой! Появятся скоро другие
Люди, а я, умерев, черною стану землей!

Бедность проклятая! Как тяжело ты ложишься на плечи!
Как развращаешь зара́з тело и душу мою!
Я так люблю красоту и молитву, а ты против воли
Учишь насильно меня грех возлюбить и позор!

Это классическое язычество, а вот тропарь Роману Сладкопевцу: «Се питаеши красными песнопениями помыслы наши и пополняеши сладости божественные — *паче всего богатства мира, пищи и пития тленных!* Цитра златая, нищетой богатая!»

Я так нищ, что оглядывая<сь> на себя, удивляешься чуду жизни — тому, что ты еще жив. На меня, как из мешка, сыплются камни ежечасных скорбей от дальних лжебратий и ближних — с кем я живу под одной крышей. Но как ветром с какой-то ароматной Виф<с>аиды пахнёт иногда в душу цитра златая, нищетой богатая! Я всё более и более различаю эту цитру в голосах жизни. Всё чаще и чаще захватывает дух мой неизглаголанная музыка. Ах, не возвращаться бы назад в глухоту и немоту мира! Как блаженно и сладостно слушать невидимую цитру!

Вот еще из русских гимнов. Из письма Иоанна Кронштадтского:

Как тебе приятно, как весело
Сидеть под цветущей яблоней; —
Она проста — потому и счастлива.
Бог прост, и душа проста.
Какая радость знать это!

Я не пишу никаких произвольных выводов от себя, но не могу не поделиться с Вами этим небесным бисером. А уж выводы сделайте сами.

Я получил от Вас перевод — в самый черный день нужды. Смотрю на Вашу руку с милостыней для меня недостойного глазами, полными слез. 25 окт<ября> — получил и письмо. В Ваших словах я всегда нуждаюсь. Прошу Вас не оставлять меня весточкой — мне веселей от них на чужой стороне. От Н<адежды> Андр<еевны> ничего не полу-

чал, попросите ее о милостыне. Быть может, я и потянусь еще сколько-нибудь. 10 ноября нужно платить за месяц харчей хозяевам 75 руб. Если я их соберу – месяц вперед буду жить без намеков и шпилек. О, как они тяжелы и как от них больно! Если сколько-нибудь возможно – помогите к этому числу! 30 руб. пошли за сентябрь. Я не могу еще ходить в лавочку, чтобы как-либо промыслить себе пропитание. Всецело завишу от Анны Исаевны – властной и дикой мещанки. Очень тяжело. Только ночью, уже в часа 3–4, начинаю отходить от дневной брани и избяных криков и... для бедной души моей играет Роман Сладкопевец на своей золотой цитре, и я засыпаю счастливым. 2-го февраля исполнится три года, как повешен мне жернов на шею. Сниму ли я его? Но прошу не забывать меня. Горячо целую Мишу. Еще раз, как брата по вечным звездам, прошу его простить меня. Прошу его написать мне *отпуск* вины моей. Мил он сердцу по-прежнему. Прошу Вас передать эти строки ему. Дай Бог, чтобы они открылись ему во всем их значении, полезном нам обоим. Прошу о белье, рубахах и кальсонах. Отсутствие их очень мучительно. Особенно после бани (она от меня через овраг). Стесняться худостью белья нечего – за все земной поклон. Нужно и полотенце, наволочка и т. п. Как живет Вячеслав? На Брюсовский напишу Н<иколаю> С<еменовичу> сам. Кланяюсь глубоким большим поклоном Анат<олию> Ник<олаевичу>. Расписываюсь самой жаркой, самой заветной слезой. Прощайте! Видитесь ли с Надеждой Григорьевной?! Поговорите с ней о моем положении. Умоляю о памяти! Хоть годы и сильны изглаживать всё.

25 октября.

255. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

25 октября 1936 г. Томск

Приветствую Вас, дорогая Варвара Николаевна! Я всё еще лежу. Хожу очень плохо – едва до скамеечки у ворот, чтоб после общей избы, криков и брани – подышать сибирскими тучами, снегом ранним, каким-то лохматым и густосивым, посмотреть на звезды и на санцах памяти прокатиться по прошлому. Вот уже скоро три года – мрачных, мучительных и тяжких (как жернов на шее), как я в изгнании, а теперь калека... Умываюсь слезами. Огорчений каждый день не предусмотреть. Я беспомощен что-либо промыслить и сделать для себя по пропитанию. Анна Исаевна – моя хозяйка по квартире, властная базарная баба, – взялась меня кормить за 75 р. в месяц. На ис-

ходе месяца начинаются справки – получил ли я перевод и т. п. Следом идут брань, придирки. Очень тяжело. Слез моих не хватает. И я лежу, лежу... С опухшей, как бревно, ногой, с изжелта-синей полумертвой рукой. Напишите мне весточку. Ваши слова мне очень помогают! Я послал Вам спешное письмо с новым заявлением. Волнуюсь, жду ответа. На это спешное от Вас извещения я не получал. Весьма беспокоюсь. Как Вы поживаете? Всё ли у Вас благополучно?! Какие новости в искусстве? Я ничего не знаю и не слышу. Вам говорили, что Томск город университетский, для кого – как, а для меня это пустыня, гноище Иова. Для кого озеро Лаче, а для Даниила Заточника оно было озером плача. Большая охота поговорить с поэтом-художником. Трудно, конечно, представить, как я придавлен и как болят мои язвы. Как бы подержаться еще на поверхности? – какие существуют для этого средства? Переслано ли «непосредственно» мое заявление? Прошу Вас уделите полчасика от своих забот и трудов – напишите мне! Всякое слово из Москвы для меня ценно, порождая целый хоровод видений и выводов. Очень прошу Вас о милостыне и о письме! Нельзя ли где раздобыть мне смену–две белья – хотя платанного, нет у меня теплой шапки и ничего на руки. Если попадется шапка, то самого большого размера – у меня голова большая, 15 вершков в окружности. Конечно, здесь можно и купить, но для этого нужно самое малое 25 рублей на ушанку овечью *<одно слово нрзбр>*, какая только и спасает от сибирских морозов и пурги. Не знаете ли адреса Толи – раз он очень модный, то, может быть, он мог бы что-либо купить из моего барахла себе на память обо мне и моей судьбе. Нельзя ли предложить чего Обуховой: Брюсовский пер., дом 7?

Низко вам всем кланяюсь. Погибну, – поминайте и верьте моей любви к вам и истинной теплоте сердеч<ной>. Еще раз прошу о милостыне и о письме – как Вы поступили с моим спешным письмом?

25 октября.

256. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

3 декабря 1936 г. Томск

Привет, привет!

Переводы получил. Благодарю сердечно. Здоровье плохое. Еще на улицу не хожу. Больше лежу. Очень обидно. Кланяюсь милому Журавлю! 3 декабря.

Егорушке привет.

Как мое второе заявление?!

257. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

15 декабря 1936 г. Томск

Привет! Привет! Земной поклон. На 50 р. послал письмо. Получил и Ваше драгоценное для моего сердца письмо со стихами. Поднимаю глаза, полные слез, к сибирским звездам за Вашу душу — ветку ивы после летней грозы! Упиваюсь дорогими словами. Лучшую розу из своих поэтических садов полагаю к Вашим ногам! Кланяюсь смиренно и любовно Вашим присным. Н<адежде> А<ндреевне> пишу. Я так боюсь ее беспокоить. Из избы еще не выхожу.

15 декабря.

258. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

22 декабря 1936 г. Томск

...пластинка на кромке этой лавицы гласит об этом. Ее предложили бы Вы своей маме, быть может, она бы ее приобрела. Предложите складень Николаю <Семеновичу> Голованову — Брюсовский пер., № 7, по цене, какую сам назначит, ну хотя бы 700—600 руб. Он когда-<то> у меня покупал его, но списаться так трудно. Быть может, Ваше письмо дойдет до него. То-то была бы для меня радость, и даже с теплым углом, на 9-тимесячную зиму. Я содрогаюсь — куда я попаду! В жакты я не имею права, у частников нужно искать по слободкам и трущобам на окраине города, а там зловонные татары и страшный культурный люмпе<н>. Если выкрадут у меня мои полупудовые, усеянные бесчисленными заплатами, — валенки, то я погибну! Когда-то денди, еще без успехов и денег, был совестливей и так или иначе обул меня в эти бегемоты, — они мне кажутся теплым раем. Слез моих не хватает от жестокостей моего пути до кладбища. На мое заявление ничего не слышно. Получил обрывок письма Льва Пулина — очень обрадовался. Недоумеваю, что ищет меня, прекрасно зная мой адрес! Я писал два заявления его начальству по заточению, но ответа не получил. А он уже давно на воле. Спасибо, что не забыл! Это очень нежный и слабый человек. Как он сохранился — просто чудо!

Объявился ли Васильев или пишет из тюрьмы? Что Литгазеты назвали его бездарным — это ничего не доказывает. Поэт такой яркости, обладатель чудесных арсеналов с кладенцами, может оказаться бездарным совершенно по другим причинам (так сказал один мудрый китаец). Мне бы очень хотелось прочесть бездарные стихи Павла. Хотя он и много потрудился, чтобы я умолк навсегда. Передайте ему,

что я написал четыре поэмы. В одной из них воспет и он, не как негодяй, Иуда и убийца, а как хризопраз самоцветный! Извините еще за просьбу: если устроите мои вещи – то нельзя ли купить мне мануфактуры черного на верхнюю рубаху $3^1/_2$ метра или белого или в полоску на две нижних рубахи по $3^1/_2$ метра и кальсоны, – на мне одни лохмотья, а купить здесь нечего. Еще мне нужны теплые трикотажные кальсоны (большого размера), теплые носки и хотя бы парочка носовых платков и наволочек. О простыне и не мечтаю. Еще раз Вам кланяюсь земным поклоном. Напишите денди или скажите, что он слишком занят и опоздает на мои похороны.

Адрес прежний.

22 декабря 36 г.

Кланяюсь друзьям.

259. А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО

23 и 29 декабря 1936 г.
Томск

Незабвенное дитятко мое!

Я получил твое письмо из Москвы. Ты знаешь мои чувства на все случаи твоих триумфов или утрат, поэтому воздерживаюсь их повторять. Слишком я болен и слаб, чтобы в тысячный раз уверять тебя в моей любви и преданности к тебе. Не требуй у жертвы, когда над ней уже поднят топор, сладких клятв и уверений. Твою укоризну, что я тебя забыл, сердце мое принимает только лишь как кокетство. Это вполне понятно в твои годы и в твоем нынешнем положении! В письме о дяде Пеше я написал тебе самые нужные, самые глубокие слова, на которые я способен. Если они дошли до твоего сердца, то слава Богу, если же нет, то других слов к тебе у меня сейчас нет. Избранное и подлинное вообще редки. Я болен, хожу едва до нужника и в избу. Сейчас меня гонят из комнаты. Деться мне некуда, город завален приезжими, углы в татарских зловонных слободках от 25 руб. и выше. Я нашел было через людей комнатку за 50 руб., но внезапно получил и, к счастью от дяди Пеши уведомление, «что на Толю надейся, как на весенний лед». И я остался в старом углу. Напрасно ты назвал этот угол «хорошей комнатой». Она, правда, очень опрятна, я в грязи не вижу ничего доблестного и сам мою, но она без печи, с ординарным полом, под которым ночуют уличные собаки. И это в Сибири, в морозы от 40° до 60°.

Никаких обещанных 150 руб. я не получил, хотя очень ободрился, когда получил заверения, что я буду получать их ежемесячно. То-то была радость! Конечно, я уверен, что ты это понимаешь и чувствуешь, как никто! Как я чувствую, что салоны Парижа и Нью-Йорка увидят твои картины! При условии, что на первых порах ты не накопишь около себя толпу врагов и перестанешь разжигать в полулюдях зеленую зависть! Радостной теплотой полнится мое сердце от твоих слов: «Мир и красоту своего жилища я ценю выше всего». Я позволяю себе вместе с великим Вальтер Скоттом сказать: жилища, — в котором живет и благоухает Книга Книг — Библия! Хотя найдется много пингвинов, тюкающих, что полет орла к солнцу есть «упадочничество» и что внешний линолеумный комфорт — есть могучая жизнь, дитя мое незабвенное, — поторопись милостыней! Пожалей меня! Еще прошу тебя — пошли посылкой акварельных красок: киновари, белил, спокойно-синей и охры от темной бурой до самой светлейшей! Две колонковых кисточки, самых острых и маленьких, и одну обыкновенную побольше для наведения тонов! Мне очень нужно! Прости, дитятко! Благословляю, крепко обнимаю! Усердно прошу о милостыне! Вышли мне «Кремль» для переделки. Это очень важно!

23 декабря.

Дорогое дитятко. Письмо было уже написано, как хозяева заявили мне, что дом они продают и уезжают к дочери в г. Барнаул. Пришлось спешно выехать в комнату по цене 6 м<етров> зимних — 40 р. и 6 м<етров> летних — 30 р. Я весь переполнен заботой и страхом, где я добуду аккуратную выплату! Помоги! Устрой. Ведь столько удобных средств и возможностей в твоих руках. Уверенно говорю, что если бы ты был на моем месте, я бы отыскал тебе 40 р. в месяц! Прости!

29 декабря.

260. Н. Ф. ХРИСТОФОРОВОЙ

6 апреля 1937 г. Томск

Х<ристос> В<оскресе>!

Из книги «Моя жизнь во Христе» о<тца> Иоанна Кронштадтского:

«Благородного и возвышенного духа тот человек, который благостно и щедро рассыпает всем свои дары и радуется, что он имеет случай сделать добро и удовольствие всякому, не думая о вознаграждении за то.

Благородного и возвышенного духа тот человек, который никогда не зазнается с часто посещающим его и пользующимся его милостыней человеком, не охладевает к нему в мыслях своих, но всегда считает его таким, каким считал при первой встрече с ним. А то мы обыкновенно охладеваем к тому, кто часто пользуется нашей помощью, так сказать, насыщаемся им и становимся равнодушными к нему в ту ночь, когда всего для него нужнее милосердие, когда, связавши его, поведут во внутренний двор Пилата».

Из книги «Разум цветов» Метерлинка:

«Я смотрю на луг, горящий маком, резедой, колокольчиком... Что ждет меня по ту сторону хрупкой иллюзии, которая зовется существованием? В мгновение ока, когда остановится сердце, начинается ли вечный свет или бесконечный мрак? Хрупкие цветы учат нас почувствовать то, что мы вечны. Пчелы знают ароматы рая, мы можем знать сладостный труд цветка, подающего пчеле от того, что он имеет!»

Дорогая Надежда Федоровна!

Поздравляю Вас с весенним солнцем! С Воскресением Матери-сырой земли, давно не получал от вас весточки. Писали Вы мне, что собираете посылку, но я беспокоюсь, что ее нет и нет! Как Вы поживаете, здоровы ли? Я последние три месяца не вставал с койки — всё болею и болею.

Время делает свое — всё реже и реже приходит милостыня и вести от моих далеких друзей, а ведь мне осталось еще не так много — полтора года, если я их вынесу — продержусь, то я спасен, если Бог грехам потерпит. Поэтому прошу Вас — подайте мне милостыню, если это возможно! Если бы не помощь тех, кто ничего не имеет, таких же горемычных, как и я недостойный, то уже наверно бы я сокрушился и стал бы черной землей... Но Обрадованная Мария делится со мной мало-мало радостью. Одно духовение края ризы Марииной — <и> я встаю и отряхиваюсь, как орел после линяния и сброски старых отживших перьев. Какой радостью-светом полнится мое сердце! Помогите мне ради «Днесь весна ликует!» Волною морскою омоет и мою душу. Не оставьте без праздника, когда о тебе радуется благодатная всякая тварь! Передайте привет Мише с женой и мамой! Милому певцу и, хотелось бы, Николаю Алексеевичу. Как они живут, как Мишино искусство? Послал Вам недавно стихи. Получили ли? Я вынужден был перебраться на другую квартиру и попал в страшное бандитское гнездо. Вновь придется искать убежище, а это очень трудно, особенно при моих ногах — я хожу еще очень плохо и очень недалеко. Устаю невероятно. Кипяток с брусникой да хлебец чаще всего мой

обед – отсюда и поправка крайне медленна. Мой знакомый говорил с Вами по телефону – благодарю Вас за добрые слова, он мне их передал. Простите! Буду ждать весточки. Мариинский пер<еулок>, дом 38, кв. 2.

6 апреля 37 г.

261. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

Вторая декада апреля 1937 г.
Томск

Приветствую Вас от всего сердца, дорогая Варвара Николаевна! Благодарю со слезами за помощь, за 100 и 60! Время делает свое, и я всё реже и реже получаю милостыню от своих милых и кровных. Осталось еще полтора года. Вероятно, они будут самые тяжелые без помощи, при моем нездоровье. Все три последних месяца я не слезал с постели – от тяжело<го> гриппа, теперь хожу, но плохо, и глубокий непрерывный бронхит истерзал меня. На великую беду Толечка обещал платить за лучшую и теплую комнату, я поверил, переехал, но теперь меня гонят за неуплату. Обещание осталось лишь словами. Неимоверная горечь на мои старые раны!

У вас там весна, а здесь мороз, – едва почернела дорога. Если возможно, не оставьте меня на праздники без милостыни! Прошу и молю Вас! Если зайдет милый Толечка – поговорите с ним о ковре. Скажите ему, что не было бы для меня лучшей радости знать, что мой любимый и заветный ковер украшает его комнату! Но он ведь при деньгах, знает мое исключительное горемычное положение, почему же он уклоняется от уплаты за него каких-то грошей?! Прошу Вас передать ему точно эти слова! На днях ухожу опять в конуру за 25 руб., полутемную и сырую. И то слава Богу. Город не имеет жилплощади. Крепко обнимаю Журавиного Гостя, большим крестом благословляю крестника. Зёмно кланяюсь Вам! В предыдущем письме я просил Вас раздобыть мне что-либо из белья. На мне одни лохмотья! Восемь месяцев не был из-за болезни в бане. Самому не дойти, а помочь некому. Прощайте. Живите. Прошу о весточке! Адрес можно: Мариинский пер., 38, только заказным письмом, простое не передадут.

Такие варнаки около меня.

262. В. Н. ГОРБАЧЕВОЙ

3 мая 1937 г. Томск

Дорогая Варвара Николаевна, приветствую Вас и Егорушку и милого Журавиного Гостя. Теперь вы все, верно, на даче – на своем старом балкончике, – где стихи с ароматом первой клубники, яблони цветут. Моя весна до Николы с ледяным ветром, с пересвистами еловых вершин. Перевод (30) получил – благодарю, да будет светлой Ваша весна! Прошу Вас поговорить по телефону или написать подробней Надежде Андреевне о покупке ковра, что он подлинно персидский, старый, крашен не анилином, ремонту лишь руб. на 25-ть. Я писал своему племяннику, умолял его о ковре за 400 руб., но ответа не получил. Если его увидите, то скажите эти условия. Я очень нуждаюсь. Здоровье тяжкое. Адрес новый: Старо-Ачинская ул., № 13.

РАЗДЕЛ VI

Деловые бумаги

1

18 сентября 1915 г. Петроград

<ДОГОВОР>

1915 года, сентября 18 дня. Продано мною, Николаем Алексеевичем Клюевым, Михаилу Васильевичу Аверьянову право первого издания книги моих песен и стихов под заглавием «Мирские Думы» в количестве трех тысяч штук экземпляров за сумму двести пятьдесят рублей, в счет которых получено мною сто двадцать пять рублей, а остальные получить мне к первому ноября этого года.

Мариинское почтовое отделение Олонецкой губ. Вытегорского уезда сто двадцать пять рублей получено мной — Николай Алексеевич Клюев. Сентября 18 дня, 1915 г. Остальные сто двадцать пять рублей получил 8 ноября 1915 года Николай Алексеевич Клюев.

Разрешаю М. В. Аверьянову выпустить условленное количество (три тысячи экз.) в трех последовательных изданиях.

Н. Клюев.

2

До 27 февраля 1916 г. Петроград

В комиссию для пособия литераторам
при Академии наук

ПРОШЕНИЕ

Мы, поэты-крестьяне, Николай Алексеевич Клюев и Сергей Александрович Есенин, почтительнейше просим комиссию пособия литераторам при Академии наук помочь нам в нашей нужде.

Нужда наша следующая: мы живем крестьянским трудом, который безденежен и, отнимая много времени, не дает нам возможности учиться и складывать стихи. Чтобы хоть некоторое время посвящать писательству не во вред и тяготу нашему хозяйству и нашим старикам-родителям, единственными кормилицами которых также являемся мы, нам необходима денежная помощь в размере трехсот рублей на каждого.

(Заслуги наши перед литературой выражаются в сборниках стихов и сотрудничестве в лучших журналах и газетах.)

Подпись: Николай Клюев
Сергей Есенин

Адрес: Петроград, Фонтанка, дом № 149, кв. 9.

3

После 27 февраля 1916 г. Петроград

<ПРОШЕНИЕ>

Глубокоуважаемый Нестор Александрович,

Сообщение Ваше о том, что Академия не может нам помочь, ввергло нас в уныние. Последнее, что мы почтительнейше у Вас просим — это походатайствовать перед комиссией, чтобы нам выдали хотя бы по 50—60 р., чтобы выбраться из Петрограда домой — мне — Клюеву, например, такая сумма крайняя, так как я живу пятьсот верст от чугунки, и это полутысячное расстояние приходится коротать на подводе.

Бога ради, снизойдите к нашему молению, оно насущное и крайнее.

Извиняясь за беспокойство, остаемся

Николай Клюев и Сергей Есенин.

Фонтанка, 149—9.

4

До 26 сентября 1916 г. Петроград

В комитет Литературного фонда

<ПРОШЕНИЕ>

Приехав в Петроград для издания своих произведений и не имея средств для найма комнаты и для прожития, — обращаюсь к Комите-

ту Литературного фонда с почтительнейшей просьбой оказать мне помощь в размере ста пятидесяти рублей, чем дастся мне возможность устроить свое издание не бедствуя. Сумму вспомоществования обещаюсь вернуть Комитету, как только позволят мне сие обстоятельства.

Николай Клюев.

Адрес: Петроград, Фонтанка, 149–9.

5

9 марта 1917 г. Петроград

<ДОГОВОР>

1917 года, марта 9 дня. Я, Николай Алексеевич Клюев, получил от Михаила Васильевича Аверьянова пятьсот рублей, в счет следующих моих двух тысяч пятисот рублей за проданное мною, Аверьянову, право изданий моих сочинений, а именно: 1) написанных и изданных до сего времени отдельными книгами и брошюрами и 2) новых сочинений в количестве около ста стихотворений в количестве трех тысяч экземпляров.

Право издания прежних книг, изданных до этого соглашения, продается мною Аверьянову на десять лет, а новой книги только на одно первое издание, причем в течение указанного срока Аверьянов имеет право выпускать любое количество экземпляров отдельными книгами и брошюрами по его усмотрению.

Срок десятилетний считается для каждой книги, кроме нового сборника, по истечению восьми месяцев со дня передачи материалов для издания Аверьянову, материал же для новой книги может быть передан Аверьянову в продолжении двух лет.

Уплата денег должна быть произведена следующим порядком: как выше сказано при подписании сего договора пятьсот рублей, между 15 и 20 апреля 1917 года пятьсот рублей и затем в течение сентября и декабря сего года по пятисот рублей, а пятьсот рублей за право на одно первое издание нового сборника стихотворений при передаче Аверьянову материала для печати.

Договор этот обязателен для наших правопреемников.

Николай Алексеевич Клюев первый платеж получил пятьсот рублей. Продается по сему договору право на издание новой книги, никому другому мною не уступлено.

Николай Клюев.

Михаил Васильевич Аверьянов.

6

До 29 декабря 1919 г. Вытегра

В Вытегорскую уездную продовольственную коллегию
Николая Алексеевича
Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

На основании телеграфного распоряжения из центра о снабжении меня продовольствием прошу отпускать мне ежемесячно следующее.

Муки ржаной 30 ф.
Соли $2^1/_2$ ф.
Масла растительного 2 ф.
Керосина 10 ф.
Крупы, какая окажется в наличии, 8 ф.
Картофельной муки 3 ф.
Сахару 3 ф. (если сахарный песок, то 5 ф.).
Спичек 5 коробков.
Перемежающихся продуктов по возможности.

Н. Клюев

7

14 сентября 1923 г. Петроград

Государственное издательство
Петроградское отделение

Петроград РСФСР Проспект 25 октября, 28

ДОГОВОР № 675/936

Петроград, 14 сентября 1923 года. Государственное издательство (Госиздат), с одной стороны, и Николай Алексеевич Клюев, с другой, заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1. Н. А. Клюев представит Госиздату к 14-му сентября 1923 г. в совершенно готовом для печати виде труд свой сборник стихотворений под названием «Ленин» размером 609 (шестьсот девять) стихотворных строк.

2. Госиздат приобретает у Н. А. Клюева исключительное право издания и переиздания вышеназванного труда его в течение пяти (5) лет, считая со дня получения Госиздатом рукописи в окончательно готовом для печати виде.

Примечание: Тираж первого издания определяется в количестве не более 5000 экземпляров, а тиражи повторных изданий в количестве по усмотрению Госиздата, но не превышающих максимального тиража первого издания.

3. За сказанное в п. 2 право издания Госиздат уплачивает Н. А. Клюеву гонорар в размере стихотворную строку по 85 коп. (восемьдесят пять) копеек золотом, исчисляемых по официальному курсу, объявленному Котировальной Комиссией на 1-е и 15-е число того месяца, в котором обусловлен платеж гонорара.

4. За каждую тысячу экземпляров повторных изданий Госиздат уплачивает вознаграждение в размере пятидесяти процентов (50) того гонорара, какой приходится на каждую тысячу максимального количества экземпляров первого издания.

5. Авторский гонорар уплачивается в следующие сроки: не позднее 14 дней по подписании договора 25%, не позднее 14 дней по представлении рукописи в готовом для печати виде 55% и не позднее 14 дней по подписании последнего листа 1 авторской корректуры 20%. Если просрочка в получении срочного платежа произойдет не по вине Госиздата, то в этом случае расчет производится по официальному курсу того месяца, когда уплата должна быть произведена Госиздатом, согласно условиям сего договора.

6. Н. А. Клюев обязуется не задерживать своей корректуры. В случае неаккуратного доставления ее Госиздат вправе взыскать с Н. А. Клюева все причиненные Госиздату, вследствие этой задержки, убытки.

7. Н. А. Клюеву предоставляется бесплатно 25 экз. книги по выходе ее из печати.

8. Если в течение двух лет со дня доставления рукописи в готовом для печати виде Госиздат не издаст ее, настоящий договор расторгается, причем все деньги, полученные Н. А. Клюевым от Госиздата, обратно им не возвращаются.

9. Если Н. А. Клюев не представит Госиздату в определенный в настоящем договоре срок рукописи вышепоименованного труда в готовом для печати виде, то Госиздат вправе считать этот договор нарушенным, причем Н. А. Клюев обязан возвратить Госиздату полученную им авансом сумму в двойном размере денежными знаками по официальному курсу золотого рубля, установленному на 1-ое число того месяца, в который эта уплата добровольно или принудительно будет фактически произведена.

Примечание: Адрес Н. А. Клюева следующий —

При перемене адреса Н. А. Клюев обязан немедленно сообщить Госиздату свой новый адрес.

10. Все споры по настоящему договору разрешаются судебными учреждениями гор. Петрограда.

11. Подлинный договор иметь Госиздату, а копию Н. А. Клюеву.

Председатель Петроградского правления
государственного издательства — Ионов

Автор — Николай Клюев

Зав. редакционным сектором — (подпись нрзб)

8

Конец октября — начало ноября 1923 г. Москва

В Ц. К. Р. К. П.

Уважаемые товарищи!

<Мы,> нижеподписавшиеся, группа поэтов и писателей, вышедших из недр трудового крестьянства, с самого начала Октябрьской революции деливших свою судьбу с судьбами революционного крестьянства и сов<етской> власти, настоящим поднимаем вопрос перед ЦК РКП об уделении со стороны рабоче-крестьянской власти внимания к нашим творческим достижениям. На этом основании просим предоставить нам возможность самостоятельно издавать свои книги, тем более что возможность эта дана почти всем литературным группам. Считая себя не ниже каких бы то ни было существующих литературных групп, просим предоставить нам право пользоваться самостоятельной сметой при Госиздате на тридцать печатных листов в месяц, с самостоятельной редакцией из представителей нашей группы и самостоятельным распределением печатного материала.

Инициативная группа:
Петр Орешин, Сергей Клычков, Сергей Есенин, А. Чапыгин, Николай Клюев, П. Радимов, Пимен Карпов, Александр Ширяевец, Ив. Касаткин.

9

14 ноября 1924 г.

В книгоиздательство «Скифы» в г. Берлин

ЗАЯВЛЕНИЕ

Книгоиздательство «Скифы» издало две моих книги стихов 1) «Избяные песни» и 2) «Песнь Солнценосца» следуемого же гонорара я не получил.

Прошу уплатить мне гонорар, переслав его по адресу: Ленинград, улица Герцена, дом 45, кв. 7, Николаю Клюеву.

Н. Клюев.

В случае неуплаты гонорара до первого января — иск будет передан в суд.

Н. Клюев.

10

После 20 ноября 1924 г. Ленинград

В Президиум Ленинградского губернского исполкома
поэта Николая Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

В год великих испытаний 1918-ый Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов издана моя книга под названием «Медный кит» — в ней цена крови и думы земли о грядущих путях.

В 19-ый год и 20-ый, — время слёта воронов на свежие пролетарские раны, Народным просвещением изданы две моих книги — в них триста произведений, где в тысяче образов простёрто мужицкое сердце — от костра Аввакума до славных побед Октября.

В 23-м году, когда могилы на Марсовом поле расцвели резедой и геранью, но глухо обрушивались ступени лестницы жизни под ногой дорогого вождя, Госиздат напечатал мою книгу под заглавием «Ленин», где на фоне полярной природы, как душа океана, проходит Великая тень.

Помимо указанных книг много моих красных стихов нашли себе место в революционных хрестоматиях, юбилейных сборниках и антологиях. Существуют переводы меня и на другие языки вместе с музыкой на целый ряд моих произведений.

Я — крестьянин, из дремучей поморской избы неимоверным трудом вышедший, как говорится, в люди. В настоящее время я болен и уже три месяца прикован к постели.

Основываясь на вышеизложенном, усердно прошу Президиум изыскать справедливую возможность освобождения меня от подоходного и квартирного обложения (которыми я обязан, как лицо, отнесенное к свободной профессии), о чем и поставить в известность надлежащие учреждения.

Никаких доходов, а по нездоровью и работы за мной не водится, питаюсь я случайными грошами, помещение же, в котором я живу, представляет низкую полутемную комнату, затерянную на заднем

дворе огромного дома на бывшей Морской улице. Дом этот до августа настоящего года принадлежал Госиздату, заведующим которого товарищем Ионовым и было мне разрешено пользоваться упомянутым помещением за плату два рубля 75 коп. в месяц, за переходом здания в Откомхоз мое жилое обложение выразилось в сумме сорока одного рубля 50-ти коп.

За снисхождение к моей невозможности платить подоходность и квартирную плату по свободной професии мое товарищеское сознание и русская поэзия будут Президиуму благодарны.

Николай Клюев.

Ноября 1924 г.
Адрес: улица Герцена, 45, кв. 7.

11

Конец февраля 1925 г. Ленинград

В Откомхоз Ленинграда поэта Николая Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Основываясь на отношении губ. исполкома о снижении платы за занимаемую мною комнату, прошу Откомхоз снизить означенную плату до пяти рублей в месяц, каковую сумму я по болезни и крайней нужде и могу уплачивать.

Николай Клюев.

Улица Герцена, дом 45.

12

15 марта 1925 г. Ленинград

В Правление Союза писателей
Николая Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

По крайней нужде моей и болезни прошу Союз писателей обращаться в комиссию по улучшению быта ученых с просьбой о назначении мне вспомоществования.

Николай Клюев.

Март 15 дня 1925 г.
Адрес: улица Герцена, дом 45, кв. 7.

13

24 марта 1926 г. Ленинград

Ленинградское отделение
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ
Ленинград
Фонтанка, 30, кв. 26.
Телефон № __________

АНКЕТА

Фамилия, имя, отчество ______ Клюев Николай Алексеевич ______
Возраст ______ 36 ______ Герцена 45–8 ______
Социальное происхождение ______ Крестьянин ______
Род занятий и место службы ______ – ______

______

Социальное положение до Октября 1917 г. ______ Крестьянин ______
Партийность и полит. убеждения ______ Беспартийный ______
Род занятий и место службы:
при царизме ______ Занимался домашним хозяйством ______
с февраля по октябрь 1917 г. ______ и литерату- ______
с Октября 1917 г. по наст. время ______ рой ______
Судимость ______ Судился как политический 1907-08 г. ______
Дата ______ март 24 – 1926. Подпись ______ Н. Клюев ______

Л И Н И Я   О Т Р Е З А

Просьба заполнить настоящую анкету и *в 3-хдневный срок* доставить по указанному адресу; в противном случае, согл. циркуляру Губисполкома № 37926, Вы будете исключены из списков членов В. С. П.

Секретарь Правления: М. Фроман

14

12 апреля 1926 г. Ленинград

В контору дома № 45
по улице Герцена
проживающего в
означенном доме
гр. Николая Алексеевича Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим довожу до сведения конторы, что я живу моим литературным заработком, который является чисто случайным и не превышает 30—40 руб. в месяц. Состою членом профессионального союза работников просвещения — секция печати, билет № 21681, а также членом Всероссийского союза писателей, билет № 102 (поэт).

Николай Клюев.

12 апреля — 1926 г.

15

<*5 октября 1926 г.*> Ленинград

В московский отдел Всероссийского
Союза писателей
Николая Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Пролежав пять месяцев в больнице и перенеся две изнурительных операции, крайне нуждаюсь в материальной поддержке, о чем усердно прошу Московский союз писателей.

Николай Клюев.

Адрес: Ленинград, ул. Герцена, дом № 45, кв. 8.

<5 октября 1926 г.>

16

Декабрь 1926 г. Ленинград

В Ленинградское отделение Всероссийского
Союза писателей
Николая Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до сведения Союза, что книгоиздательством «Прибой» куплена у меня моя поэма под названием «Плач об Есенине» за сумму

двести рублей (200 руб.), которые и уплачены мне упомянутым книгоиздательством в два срока — сполна. По болезни и задолженности израсходование этих денег следующее: за комнату за шесть месяц — 43 руб. 80 коп., на покупку дров 20 руб., за уход и ночные дежурства во время моей последней болезни на дому — санитару 93 руб. за месяц и один день, считая по три рубля за сутки. В настоящее <время> я крайне нуждаюсь — нужно сносное питание, ежедневные перевязки и лекарства. О помощи усердно прошу Союз.

Николай Клюев.

Адрес: ул. Герцена, 45, кв. 8.

Декабрь 1926 г.

17

9 марта 1928 г. Ленинград

АКТ

Из опроса гр-а Клюева Николая Алексеевича, проживающего в д. 45, кв. 8 по ул. Герцена, выяснилось по его заявлению следующее:

Гр. Клюев Н. А. существовал и существует от литературного заработка, издавая свои произведения в Госиздате и отчасти в периодических изданиях, получив за период от 1/X-26 г. по 30/IX-27 г. гонорара в Госиздате — 270 р., в газете «Правда» (точнее: «Ленинградская правда». — *В. Г.*) — 20 р., в др. изданиях о получении гонорара гр. Клюев не помнит. По его словам, он получал также гонорар и от изд. «Прибоя», но таковой слился с Госиздатом, поэтому в сумму 270 руб. входит и гонорар от изд. «Прибой». По заявлению гр-а Клюева расходы выражаются в сумме всего 60—70 руб. Расходы на прожиток следующие: квартпл. 3 р. 70 в м<есяц>, отопл. 28 р. 1 год, освещение 1 р. 50 коп. в м<есяц>, стол — 60 к. в день, помощь родств<енникам> 15 р. в год, проч. расходы 2 р. в м<есяц>. По заявлению гр. Клюева заработок его в среднем от 20 до 30 р. в м<есяц>. Проживает <в> 1 ком<нате> при обстановке бедного достатка.

Пом. инсп<ектора> (подпись нрзб)
Обследуемый Николай Клюев.
Свидетель Скворцов

18

25 февраля 1930 г. Ленинград

Отдел здравоохранения Ленинградского Облисполкома
и Ленинградского Совета

Бюро врачебной экспертизы Улица Пролеткульта, д. № 1

АКТ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ № 2245

25-го февраля 1930 г.

Первое освидетельствование Переосвидетельствование
(подчеркнуть)

№№ прежних протоколов

обл. Олонецкая
окр.
район

Фамилия Клюев гор. Вытегра
Имя Николай
Год рождения, возраст 43 год(а)
Местожительство Улица Герцена, д. 45, кв. 8
Основная профессия Поэт
Образование: г р а м о т н., малограмотн, среднее, высшее, специальное (какое именно)

Диагноз (перечень всех заболеваний):

Кардиосклероз, артериосклероз. Склероз мозговых сосудов. Истерия. Расширение вен прав<ой> голени.

Заключение Бюро врачебной экспертизы

Группа в т о р а я Переосвидет. через – нет
Нет ли состояния беспомощности: –
Дополнительные замечания:

Подписали:

Ответст. Руковод. Б. В. Э. (подпись) Председатель Комиссии (подпись)
Эксперты (подписи)

25/II. 30 г. Печать: Бюро врачебной экспертизы.

19

12 сентября 1931 г.
<Решетниковский сельский Совет>

ДОВЕРЕННОСТЬ

Настоящим доверяю денежное получение на мое имя — товарищу Кравченко Анатолию Никифоровичу, что с приложением союзного билета удостоверяю своей подписью.

Николай Клюев.

1931 г. 12 сентября.

20

12 сентября 1931 г.
Решетниковский сельский Совет

ДОВЕРЕННОСТЬ

Настоящим доверяю смену или ликвидацию моей комнаты со всеми находящимися в ней вещами товарищу Кравченко Анатолию Никифоровичу, что и удостоверяю своей подписью — Николай Алексеевич Клюев, 12 сентября 1931 года.

Решетниковский с<ельский> С<овет> заверяет правильность доверенности <и> подписи, что и удостоверяется.

Пред<седатель> с<ельского> С<овета> МП (подпись)
12/IX.31 г.

21

12 сентября 1931 г.
Решетниковский сельский Совет

В Литфонд Ленингр<адского> отд<еления>

ДОВЕРЕННОСТЬ

Путевку и проездные деньги в Мацесту доверяю получить товарищу Кравченко Анатолию Никифоровичу, что и удостоверяю своей подписью — Николай Алексеевич Клюев.

Решетниковский с<ельский> С<овет> заверяет правильность доверенности и подписи и удостоверяется.

Пред<седатель> с<ельского> С<овета> МП

<подпись> Долгушев

12/IX.31 г.

22

1932 г. Ленинград

Во Всероссийский Союз советских писателей
поэта Николая Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

По крайней нужде и тяжелой болезни прошу Союз о вспомоществовании в размере ста рублей.

Н. Клюев.

1932 г.

23

20 января 1932 г. Ленинград

В Правление Всероссийского Союза
советских писателей поэта Николая
Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

На запрос Союза о самокритике моих последних произведений и о моем общественном поведении довожу до сведения Союза следующее: Последним моим стихотворением является поэма «Деревня». Напечатана она в одном из виднейших журналов республики и, прошедшая сквозь чрезвычайно строгий разбор нескольких редакций, подала повод обвинить меня в реакционной проповеди и кулацких настроениях. Говорить об этом можно без конца, но я, признаваясь, что в данном произведении есть хорошо рассчитанная мною как художником туманность и преотдалённость образов, необходимых для порождения в читателе множества сопоставлений и предположений, чистосердечно заверяю, что поэма «Деревня», не гремя по-

бедоносною медью, до последней глубины пронизана болью свирелей, рыдающих в русском красном ветре, в извечном вопле к солнцу наших нив и чернолесий. Свирели и жалкованья «Деревни» сгущены мною сознательно и родились из причин, о которых я буду говорить ниже, и из уверенности, что не только сплошное «ура» может убеждать врагов трудового народа в его правде и праве, но и признание им своих величайших жертв и язв неисчислимых, претерпеваемых за спасение мирового тела трудящегося человечества от власти желтого дьявола — капитала. Так доблестный воин не стыдится своих ран и пробоин на щите, — его орлиные очи сквозь крови и желчь видят

На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедра.
(Из поэмы «Деревня»)

Разумеется, вишневые хаты и кедровые лодки выдвигаются мною не как абсолютная ценность и тем более не как проклятие благороднейшим явлениям цивилизации (радио, учение об электронах и т. п.). Я двадцать пять лет в литературе, просвещенным и хорошо грамотным людям давно знаком мой облик как художника своих красок и в некотором роде туземной живописи. Это не бравое «так точно» царских молодцов, не их казарменные формы, а образами живущие во мне заветы Александрии, Корсуня, Киева, Новгорода от внуков Велесовых до Андрея Рублёва, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Бородина, Врубеля и меньшого в шатре Отца — Есенина. Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то справедливо ли будет взять на финку берестяного Сирина Скифии, единственная вина которого — его многопестрые колдовские свирели. Я принимаю и финку, и пулемет, если они служат Сирину-искусству, но, жестоко критикуя себя за устремление связать свое творчество с корнями мировой культуры, я тем не менее отдам свои искреннейшие песни революции (конечно, не поступаясь своеобразием красок и слова, чтобы не дать врагу повода обвинить меня в холопстве).

Первая часть «Деревни» — это дума исторического пахаря, строки же

Объявится Иван третий
Попрать татарские плети —

скрывают за собой тот же смысл, что и слова в моем известном стихотворении «Ленин» —

То черной неволи басму
Попрала стопа Иоанна...

Неуместная повышенность тона стихов «Деревни» становится понятной, если правление Союза примет во внимание следующее: с опухшими ногами, буквально обливаясь слезами, я, в день создания злополучной поэмы, впервые в жизни вышел на улицу с протянутой рукой за милостыней. Стараясь не попадаться на глаза своим бесчисленным знакомым писателям, знаменитым артистам, художникам и ученым, на задворках Ситного рынка, смягчая свою боль образами потерянного избяного рая, сложил я свою «Деревню». Мое тогдашнее бытие голодной собаки определило и соответствующее сознание. В настоящее время я тяжко болен, целыми месяцами не выхожу из своего угла, и мое общественное поведение, если под ним подразумевать неучастие в собраниях, публичные выступления и т. п., объясняются моим тяжелым болезненным состоянием, внезапными обмороками и часто жестокой зависимостью от чужой тарелки супа и куска хлеба. Я дошел до последней степени отчаяния и знаю, что погружаюсь на дно Ситных рынков и страшного мира ночлежек, но это не мое общественное поведение, а только болезнь и нищета. Прилагаемый документ от Бюро медицинской экспертизы при сем прилагаю и усердно прошу Союз (не стараясь кого-либо разжалобить) не лишить меня последней радости умереть в единении со своими товарищами по искусству членом Всероссийского Союза советских писателей.

Справедливость и русская поэзия будут Союзу благодарны. С товарищеской преданностью

Николай Клюев.

20 января 1932.

24

<Весна 1932 г.> Москва

В Оргкомитет союза писателей
поэта Николая Клюева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу прикрепления меня к распределителю на Остоженке, право на которое я имею.

Н. Клюев

<Весна 1932 г.>

25

12 апреля 1934 г. Томск

ДОВЕРЕННОСТЬ

следуемого в ссылку по ст. 58/10 в город Калпашев <С>ев<еро>-Запад<ной> Сибири поэта Клюева Никол<ая> Алексеевича.

Настоящим доверяю всё свое имущество, находящееся в Москве, в доме № 12, кв. 3, по Гранатному пер., писателю Клычкову Сергею Антоновичу, что удостоверяю своей подписью, Клюєв Николай Алексеевич. Г. Томск, Изолятор. 12 апреля 1934 г.

Перечень вещей:

1) Ковер персидский $7^{1}/_{2}$ аршина.

2) Два самовара красной меди 18 века.

3) Шесть стульев, резная скамья, два стола и посудный поставец с комодом, старинной работы — 17—18-ый век.

4) Фонарь подвесной, серебряная лампада, две картины, резная полочка и божница, старинной русской работы.

5) Три складня – иконы – 16-й – 17-й век и 15-ть икон разных размеров — 16-й и 17-го века, ларец и подголовник, кружка с орлом, два медных светца, один деревянный, 17-й век.

6) Кровать ясеневая с периной, ковер, шитый шелком и шерстями, небольшой, черемисской работы, занавес со старинной прошвой. Евангелие и Апостол – рукописные – 15-го и 17 века. Книга Кормчая и книга «Поморские ответы» – рукописная. Посуда и белье, две старинные скатерти – синяя и белая вышитая.

И всё, что находится на кухне, а также и белье, сданное прачке – старушке Лукьяновн<е>, 25-ть штук. И всё остальное, что находится в квартире. В узлу платки и сорочки – моей матери.

Николай Клюев.

Адрес Клычкова Сергея Антоновича: Москва, Арбат, Нащокинский пер., дом № 15 – писателей.

26

2 июня 1934 г. Колпашево

Административного ссыльного в поселок Колпашево Север<о>-Западной Сибири

ДОВЕРЕННОСТЬ

Я, вышепоименованный Клюев Николай Алексеевич, настоящим доверяю на сохранение принадлежащие мне вещи, находящиеся в Москве по Гранатному переулку, дом № 12, квартира № 3 — Зинаиде Павловне Кравченко, что я и удостоверяю своей подписью: Николай Алексеевич Клюев.

А/д. с. Клюев Николай Алексеевич состоит на учете в Нарымском окр<ужном> отделе ОГПУ.

2/VI—34 г. П/Уполком (подпись)

Перечень вещей

Ковер персидский, ручного шитья, размер 7 ар<шин> на 4 ар<шина>. Прошва-дорожка персидская, ручного тканья из шерсти, размер 18 аршин длины, ширина 8 вершков. Ковер черемисской ручной работы по холсту, раз<мер> 4 ар<шина> на $1^{1}/_{2}$ ар<шина>. Дорожка ручного вятского тканья, полосатая зеленая, размер 5 ар<шин> на 8 вершков. Прошва, сшитая из старинных треугольной формы лоскутьев, с золотой бахромой, длина 5 аршин, шир<ина> 8 вер<шков>. Ковер украинский в мелкую цветную полоску, шерстяной, размер 4 ар<шина> на $2^{1}/_{2}$ шир<иной>. Дорожка на пол шерстяная тканая, размер 4 ар<шина> на $^{3}/_{4}$ ар<шина>. Скатерть синяя набойчатая, раз<мер> около $3^{1}/_{2}$ аршина, шир<ина> 5 четвертей, такая квадратная, желтым по синему. Скатерть, вышитая по холсту, размер 4 ар<шина> на $2^{1}/_{2}$ ар<шина>. Две ширинки, вышитые синим по белому домашнему холсту, размер каждой 5 ар<шин> на $^{3}/_{4}$ ар<шина>. Полотенце, на конц<ах> вышиты двуглавые красные орлы. Полотенце, шитое в пялах, на одном конце вышит зверь, на другом — двуглавый орел в раме. Два платка шелковых — один по черному малиновый узор, с кисточками, другой без кисточек, желтовато-золотистый. Две скатерти льняные, деревенского рукоделья. Рубаха мужская из холста, вышитая по вороту, с серебряными узорными пуговками, при ней пояс из шерсти, со стеклярусом на кисточках. Материал бельевой белый, 9 метров. Занавес у кровати деревенской работы, суровая <ткань> с красной бахромой.

Два самовара красной меди, один четырехугольной формы, другой — вазой, небольшой; при них подносы, один квадратный красной меди, другой желтой меди, покрыт гравировкой, круглый. Кружка медная, серебряная, с двуглавым орлом на боку. Лампадка серебряная с цепочками, вся в сквозном узоре, ушка херувимами. Ларец теремком, обложен узорчатым луженым железом со слюдой; ларец мореного дуба, покатый, окован железом в полоску.

Коллекция икон

Складень-икона Неопалимая Купина в медном обложении — живописный.

Складень Феодоровской Божией Матери, одностворка с пятничков выпадает, живописные краски больше зеленоватые, с мелким золотом. Складень без средней иконы, на створках праздники. Складень, резаный по дереву-кипарису, распятие — небольшое. Икона корсунская, на исподе червоточина, размер 8 вершков. Икона Георгий на коне, икона Соловецких чудотворцев — держат в руках городок с церквами. Икона явление Сергию Богоматери, икона Авраама, Исаака и Иакова — держат на руках души в белых хитонах, икона Николы и Григория Богослова, изображены, во весь рост на черно-синем фоне. Все иконы размера 8 верш<ков>.

Икона Ангела Хранителя, в одной руке меч, в другой — крест, размер один аршин на 8 вершков, фон золотой. Икона Успение, размер шесть четвертей, фон черно-синий. Икона Спаса Богородицы и Иоанна Предтечи с чашей в руке, размер $2^1/_2$ ар<шина> на один аршин ширины. Иконостас, состоящий из пяти отдельных икон, вставленных в киот, деревянный, зеленой краски. Икона преподобного Нифонта, испод подбит красноватым бархатом, обод белый, размер 4 вершка; икона на зеленом поле Казанской, внизу святые, размер 5 вершков; икона на серебряном фоне Никола с умилением, внизу Георгий на коне и святые, размер 5 вершков.

Книги

Апостол — рукописный, с толкованием и цветными заставками-рисунками.

«Поморские ответы» — рукописные.

«Стоглав» — рукописный.

Житие Сергия — рукописное.

Книга Кормчая — старопечатная.

Евангелие — рукописное, в деревянном переплете.

Потребник — рукописный, с чином исповеди монахам и мирянам.

Месяцеслов — карманный, рукописный. Библия на немецком языке, весом один пуд.

Все книги в кожаных переплетах, с медными застежками.

Мебель

Стол русский, расписной красками. Стол черный, с точеными ножками, без ящика; скамья, с резаной спинкой, спинка снимается; шесть стульев, деревянных, старинной работы, из них два дубовых, голландских, стул высокий, с резной спинкой, дубовый. Кровать ясеневая. Аналой раздвижной. Киот деревянный, висячий, с дверцами, с прорезными крестами. Поставец для посуды с комодом, красного дерева, почерневшего от времени. Стол кухонный, шкафиком некрашеный, белый.

Две керосиновых кухни – одна с чугунной накладкой, другая с высоким коричневого цвета вытягивателем – новая. Два блюда фарфоровых, продолговатых больших; четыре тарелки, розовых, английских, две тарелки, синих, английских. Чашка красная, внутри золото, на донышке золотой орел, работы Кузнецова. Четыре ковшика деревянные, карельской березы, долбленые. Бадейка деревянная, с крышкой для кваса. Два берестяных бурачка с крышками – один синий, другой красный, на боках нарисованы цветы.

Подсвечник медный, на три свечи – старинный. Подсвечник медный, для одной свечи, весом семь футов, старинный. Подсвечник деревянный, на три свечи, белый, расписной. Прибор письменный, деревянный, красный, такой же нож и пресс-папье. Пастушок деревянный – статуэтка, вышина девять вершков.

Три иконы одинаковых Тихвинской Божьей Матери – размер по пять четвертей каждая. Четыре иконы Никола, Георгий с копьем, Савватий и Варлам Хутынский на темно-синем фоне, во весь рост, размер аршин на четыре вершка. Икона Спаса по плечам, размер один аршин на $^3/_4$ ар<шина>.

Полотенце украинское, на концах вышиты красные птички, холст тонкий. Перина пуховая, весом три пуда. Перина поменьше, полупуховая. Сундук, а в нем картины – шесть пейзажей работы художника С. Власова. Картина «Корабль церковный», в кожаной раме. Картина «Единорог», на холсте. Крест деревянный, формы <*следует рисунок*>, старинный. Два креста серебряных, узорных, с такими же цепочками, состоящими из отдельных плоских узорчатых звеньев, одна из цепочек золоченая. Две лестовки (четки) кожаные, низ вышит белым. Икона Дмитрия-царевича и Роман с венчиками, обложена тонким листовым серебром, размер шесть вершков. Икона, со врезанным в нее медным крестом, с синей эмалью, размер три четверти. Риза от богородичной иконы, с венцом, серебряная, размер $2^1/_2$ четверти.

Скрипка в футляре, статуэтка вятской работы – кормилица с ребенком. Две ложки арабских, пальмового дерева, с надписями из Ко-

рана. Вешалка бамбуковая, стенная. Две корзины, плетеных, багажных. Половики сурового паруса, квадратные, две штуки. Дорожка на пол, семь аршин, пеньковая, в полоску. Чайная и столовая посуда. Два ножа и две вилки — черенки из слоновой кости. В кладовке ящик железный. Деревянная скамья простой работы, не крашеная — старинная. Брюки белые, льняные. Шаровары синие, в белую витую полоску, деревенские. Две вешалки для полотенца в виде прялок, расписаны изображениями барынь. Полочка — края резные зубчиками и дырочками мутно-зеленого цвета, длина пять четвертей на одну четверть. На стене ткань синяя, мелкими белыми кружками, кайма с конями.

И всего в настоящей доверенности три страницы, из них две написаны на обеих сторонах, третья писана с одной стороны — моей собственной рукой: Клюев Николай Алексеевич, июня второго дня 1934 г. в поселке Колпашево Северно-Западной Сибири. Подпись же моя удостоверена уполномоченным местного ГПУ.

27

12 июля 1934 г. Колпашево

Во Всероссийский Центральный Исполнительный
Комитет административно-ссыльного в Нарымский край,
в поселок Колпашево Клюева Николая Алексеевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные непродуманные строки из моих черновиков, за прочтение моей поэмы под названием «Погорельщина», основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, сослан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет.

Глубоко раскаиваясь, сквозь кровавые слезы осознания нелепости своих умозрений, невыносимо страдая своей отверженностью от общей жизни страны, ее юной культуры и искусства, я от чистого сердца заявляю ВЦИКомитету следующее:

«Признаю и преклоняюсь перед Советовластием как единственной формой государственного устроения, оправданной историей и прогрессом человечества!»

«Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми ее директивами и бессмертными трудами!»

«Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!»

Обязуюсь и клянусь все силы своего существа и таланта отдать делу социализма.

Прошу помилования.

Если же помилование ко мне применимо быть не может, то усердно прошу о смягчении моего крайне бедственного положения.

Я инвалид второй группы. Климат Нарыма, повальная малярия, отсутствие специальной медпомощи, непосильная дороговизна бытовой стороны грозят мне неизбежной гибелью.

Если я недостоин помилования, то усердно прошу уменьшить мне срок ссылки, дать минус шесть или минус двенадцать без прикрепления к одному месту.

Всё это спасло бы меня от преждевременной смерти и дало бы мне, переживающему зенит своих художнических способностей, возможность новыми песнями искупить свои поэтические вины.

Справедливость, милосердие и русская поэзия будут ВЦИК благодарны.

Николай Клюев.

12 июля 1934 г.

Адрес: Северо-Западная Сибирь, поселок Колпашево.

28

20 февраля 1935 г. Москва

ОПИСЬ

имущества и вещей Клюева Николая Алексеевича, находившихся Гранатный пер., 12 на хранении в домоуправлении, составлена в присутствии Курановой В. А. и Горбачевой В. Н. на основании ордера № 356 Г.У.Г.б. НКВД от 20 февраля 1935 г. Опись производил комиссар Аракчеев.

№№ пп	Наименование вещей и предмет<ов>	Колич<е-ство>	Состояние вещей	Примечание
1	2	3	4	5
1	Буфет	1	Старый	
2	Столов разных	3	«	Один рас-шат<анный>
3	Кровать деревян<ная>	1	«	

1	2	3	4	5
4	Перин	2	«	
5	Тарелок разных	22	«	
6	Блюд<ец>	7	«	
7	Чашек	12	«	
8	Чайников	9	«	
9	Глиняных чашек	2	Старые	
10	Рюмок больничных	2	«	
11	Плащ прорезин<енный>	1	«	
12	Подушки разные	3	«	Рваные
13	Брюк разных	5	«	Рваные
14	Полотенец разных	15	«	
15	Салфеток	4	«	
16	Рубашек и кальсон	15	«	Разные
17	Наволочек	2	«	
18	Платков шелковых	3	«	
19	Мадеполам	6	Новый	
20	Байки	$3\frac{1}{2}$ м.	«	
21	Будильник	1	Старый	
22	Простыней	2	«	
23	Крестов черн<ого> мет<алла>	3	«	
24	Бритва с прибор<ом>	1	«	
25	Ботинки с коньками	1	«	
26	Ботинки разные	3	Старые	
27	Валенки	1	«	
28	Сандалии кожан<ые>	1	«	
29	Икон разных дерев<янных>	34	«	
30	Картин разных разм<еров>	6	«	
31	Ковров разных	17	«	Один большой персидский
32	Церковная дорожка	1	«	
33	Пальто демисезонн<ое>	1	«	
34	Лапти лыковые	2	«	
35	Икон метал<лических> разн<ых>	5	«	белого металла
36	Стульев разных	7	«	3 дубовых

1	2	3	4	5
37	Лавка деревянная	1	«	
38	Книг церковных	24	«	Старинных
39	Книг и журналов разных	200	«	
40	Самовары старинные	2	«	
41	Подсвечники красн<ой> м<еди>	4	«	
42	Сундук деревянный	1	«	
43	Корзина плетеная	1	«	
44	Шкатулок разных	4	«	
45	Керосинки	2	«	
46	Рукомойник старин<ный>	1	«	
47	Узел с тряпками с старыми ризами			
48	Свечей	11 штук		
49	Гардина дерюжная	1		Старая
50	Фонарик черн<ого> мет<алла>	1		
51	Облигации разных займов на сумму 370 руб.(триста семьдесят)			

Понятые — две подписи

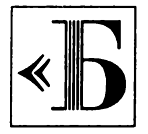
Вещи по данной описи приняла по доверенности — В. Горбачева <подпись>

Комиссар отряда — Аракчеев <подпись>

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ПРЕДИСЛОВИЯ ПОЭТА К СВОИМ КНИГАМ

От автора

«Братские песни» — не есть мои новые произведения. В большинстве они сложены до первой книги «Сосен перезвон» или в одно время с нею. Не вошли же они в первую книгу потому, что не были записаны мною, а передавались устно или письменно помимо меня, так как я до сих пор редко записывал свои песни и некоторые из них исчезли из памяти.

Восстановленные уже со слов других или по посторонним запискам, песни мои и образовали настоящую книжку.

Николай Клюев.

К книге «Братские песни». М.: Изд. журн. «Новая земля», 1912.

Присловье

Только во сто лет слетает с Громового дерева огнекрылая Естрафиль-птица, чтобы пропеть-провещать крещеному люду Судьбу-Гарпун.

И лишь в сороковую, неугасимую, нерпячью зарю расцветает в грозных соловецких дебрях Святогорова палица — чудодейная Ломтрава, сокрушающая стены и железные засовы. Но еще реже, еще потайнее проносится над миром пурговый звон народного песенного слова, — подспудного, мужицкого стиха. Вам, люди, несу я этот звон — отплески Медного Кита, на котором, по древней лопарской сказке, стоит Всемирная Песня.

Николай Клюев.

К книге «Медный кит». Пг.: Изд. Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1919 (фактически: 1918).

❖

Кума моего ладвозерского медведя, мамину слезку да берестяный ребячий месяц Неувядаемым цветом

поминаю.

К книге «Неувядаемый цвет». Песенник. Вытегра: Изд. Кружка «Похвала народной песне и музыке», 1920.

От автора

Старые или новые эти песни — что до того! Знающий не изумляется новому. Знак же истинной поэзии — бирюза. Чем старее она, тем глубже ее голубо-зеленые омуты. На дне их самое подлинное, самое любимое, без чего не может быть русского художника, моя Избяная Индия.

К книге «Изба и поле». Л.: Прибой, 1928.

2. БЕСЕДЫ С КЛЮЕВЫМ

Богоносец ли народ? (Из бесед с Клюевым)

Указывают на народ-богоносец... Как будто не путем самосознания, а путем страдания совершенствуется нация...

Это Соловьев говорил?

Я не согласен с Соловьевым... Это — суеверие...

На самом деле народ — Дракон.

Земля — злое, темное божество...

И плен земли самый страшный...

Недаром в древности земле приносили человеческие жертвы... Дагон...

Всегда злое божество, всегда просит жертвы...

Пахарь постоянно зависит от земли...

Молятся они во время засухи не Богу, а Духу земли...

Русский крестьянин всецело молится Духу земли...

В каждой деревне был идол Велеса... теперь на месте его — крест и часовня... Но отношение осталось старое...

Как на идола вешали полотенца и проч... Так и теперь...

Какой же народ богоносец?

К палке привыкнуть не большая заслуга... Терпение...

Чтоб они треснули с этим терпением... Ставят в заслугу целой нации, что она к палке привыкла...

Какое суеверие, Господи!..

Барыня вывела собаку на цепочке и смотрит, как она гадит...

Так и они, называющие народ богоносцем, водят народ на цепочке и смотрят, как он гадит, и умиляются...

Народ... Народ...

Читаю книги и думаю, что они плетут...

Вот — парень... Толстого читал, восхищался, а из-за жилетки мужика убил...

Понравилась...

Конечно, отнимая от народа этот чин — богоносца, нельзя заключать, что он и свинья, и скотина...

Но нечего болтать про то, чего не знаешь... А между тем, ни один из них не объявится — «меня за умного считайте или за дурака, а я ничего не знаю».

Тогда бы всем легче стало... впрочем, я не знаю какого бога они разумеют...

Того, кто сам ходит...

Или, которого на руках носят ...

Может быть, у них, у Булгаковых да Бердяевых, такой бог и есть, которого носить надо...

Записал И. Б<рихничев>

Беседа с Н. А. Клюевым

Несколько дней тому назад ко мне, проездом через Нижний, зашел народный поэт Николай Алексеевич Клюев.

Тот, кто поднял свое воодушевление на высоту поэтических терзаний и проникновенных религиозных устремлений, не может не быть интересен как личность в ее индивидуальных очертаниях и проявлениях. Я не беру на себя смелость говорить о Клюеве, выясняя его личность во всей ее цельности, но пользуюсь случаем поделиться с читателем моими впечатлениями, которые я вынес об этом незаурядном поэте.

Ко мне явился благообразный русский мужичок, остриженный в кружало, с очесливой большой окладистой бородкой. Его костюм прост, скромен и обычен. Пожалуй, для того, кто в Клюева повнимательнее вглядится, в его внешность, не трудно будет узнать крестьянина нашего Севера, далекого Заонежья: непричастностью к европейской культуре и городскому шуму веет от всего его вида. Наложишь на Клюева свою печать и суровый режим жизни в скитах: чувствуется в поэте какая-то отчужденность от жизни со всеми ее соблазнами и мишурой. Это чувствуешь, несмотря на то, что не забываешь о выс-

туплениях Клюева с Плевицкой, в песнях которой так много неги, безумства и страстных желаний. Этим я не решаю вопрос о том, естественно или неестественно выступление Клюева в союзе с Плевицкой: я интересуюсь одним лишь Клюевым и той интимной индивидуальностью, которая только в незначительной части и мельком приоткрылась моему вниманию.

Н. А. Клюев поразил меня своей внутренней сосредоточенностью: его речь удивительно вдумчива, полна внутреннего созерцания, жива, образна и красива.

Перед вами, конечно, уж не оратор, обладающий вкусным аппаратом речи с готовыми выражениями для своей мысли. Он говорит просто, без «книжности», часто роняя живой образ и красивое сравнение. Вместе с этим, в нашей беседе с ним я не встретил диалектических особенностей Севера, которые нередко попадаются в его поэзии: я слышал от него простую, красивую и правильную речь.

Меня интересовало, как поэт относится к городу и к шумному свету столичной жизни, среди которого ему иногда приходится жить за последнее время. И я не был удивлен, когда услышал от него, что он каждый раз со слезами покидает благостную тишину далекого Севера для того, чтобы прожить месяц-другой среди петроградской или московской сутолоки.

Во время своего пребывания в Петрограде, ему чаще всего приходится встречаться с Ремизовым, который для него близок и как писатель и как человек. Видимо, под его влиянием и под влиянием других деятелей религиозно-философских кружков столицы сложилось отношение Клюева к современной литературе. В Москве его друзья и знакомые — в среде артистов Художественного театра.

Мне было важно знать, как развивались литературные вкусы Клюева. Я, конечно, знал, что напрасно искать у Клюева систематического литературного образования, но всё же мне хотелось определить те литературные симпатии, которые у него образовались к «книжным» писателям.

И народный поэт мне прямо сказал, что книг он очень немного читал. Интереса к книге, по его словам, у него очень мало. Из этого я не усмотрел его горделивых признаний: скорее, об этом он говорил со смирением и скромностью. Говоря со мной о русской литературе, Клюев назвал то, что ближе его сердцу, на что горячее отозвалась его душа: он любит пушкинскую сказку «О золотой рыбке», любит Лермонтова, чувствует большую правду у Леонида Андреева.

Как видите, струя книжных влияний не велика, и, может быть, в своем существе совершенно случайна.

Есть у Клюева одна особенность: его яркая красивая личность, полная звуков и огня, чужда тому самоопределению, которое восходит к известному поэтическому credo и миросозерцанию.

— Я — не сектант ни в жизни, ни в литературе, которую я очень мало знаю, — говорит мне Н. А. Клюев. — Я принимаю всё, лишь бы только оно было красиво.

— У меня никогда не бывало мысли определить свое отношение к жизни, — продолжал Клюев, — и я, вероятно, не сумею этого сделать. Пусть это сделают другие. Мне кажется, что для тех немногих, которые уделили мне свое внимание, это составляет источник их творческой радости. Стихом я говорю лишь о том, что открывается мне, как тайна, в радостном чувстве любви к природе и людям.

При ясности и прозрачности душевного состава, как таких чертах, которые определяют нашего поэта, мне было в высшей степени знать, как он представляет себе свою поэтическую силу и ту работу, которую он бывает в состоянии у себя подметить.

Для Клюева этот вопрос, видимо, не новый, но он не решается на него отвечать: ему кажется как будто дерзким проникать в ту глубину поэтического экстаза, который объемлет его душу в минуты окрыленных постижений.

«Я», говорил мне поэт, «никогда не стараюсь слагать стихи намеренно: я жду момента, когда они сами ко мне придут в душу и дадут знать о себе. Свои песни я слагаю кусочками, часто незаметно для себя, среди полевой работы и на молитве, во время отдыха и вообще тогда, когда на душе есть праздник, а в сердце благостное чувство».

Чем-то осязаемо светлым и хорошим веет от разговора с нашим народным поэтом: в нем, в его простых и красивых словах, чувствуешь вдохновенную веру в нетленную красоту мира и его преображение. И эта святая вера нашла себе, между прочим, яркое выражение в его «Новом псалме», который он мне прочел и который пока еще нигде не напечатан. Видя Н. А. Клюева и беседуя с ним, невольно с радостью понимаешь тот религиозный гимн, который он поет природе и Богу. Он — незакатное пламя жизни, природы радостный причастник.

Борис Лавров

3. КЛЮЕВ И РКП(б)

Поэт Клюев — большевик

С чувством полного удовлетворения приветствуем возвращение в родную Олонию даровитого поэта Николая Клюева, пользующегося общероссийской известностью. По сообщению «Вытег<орских> Известий» Н. Клюев вошел в ряды партии большевиков и принимает в ее работе самое активное участие. На вечере, посвященном памяти Маркса, поэт поставил свою пьесу из революционной жизни «Красная Пасха», песнь мщения, скорби и проклятия тем, кто предали социалисти-

ческую революцию. Там же он произнес остроумное «малое слово от уст брата большевика», восторженно встреченное аудиторией.

3-я уездная конференция Р. К. П. Б.

Вечернее заседание 21 марта

Об оставлении поэта Клюева в Партии

Затем тов. Кривоносов сообщает конференции,что при последней перерегистрации членов партии возник вопрос о религиозности члена партии т. Клюева, а именно было заявлено, что т. Клюев человек религиозный, бывает в церкви, прикладывается к иконам.

При обсуждении кандидатуры тов. Клюева на общегородском собрании было постановлено пригласить тов. Клюева на следующее собрание для дачи объяснений по этому вопросу.

Президиум, полагая поставить вопрос об утверждении членом партии тов. Клюева на обсуждение конференции, пригласил т. Клюева на настоящее собрание. Затем т. Кривоносов оглашает циркулярное письмо Губкома от 2 марта о неприятии в партию религиозных людей. После этого предложение Президиума об обсуждении вопроса о тов. Клюеве принимается и слово предоставляется тов. Клюеву. Последний заявил, что приглашение на конференцию он получил за три часа до собрания и потому не имел времени подготовиться для обстоятельного освещения вопроса о религиозных убеждениях и предлагает конференции выслушать его поэтическое произведение – слово «Лицо коммуниста», которое может даст некоторое объяснение по затронутому вопросу.

Предложение принимается, после чего тов. Клюев с присущим ему искусством и силой произносит свое художественное творение «Лицо коммуниста» (Отрывок из невышедшей книги «Золотое письмо к братьям-коммунистам».) В этом слове поэт рисует образ коммуниста. Коммунисту должны быть присущи 4 качества: 1) светлые взоры (идея равенства и братства), 2) смелые слова (доброжелательные, правдивые и мягкие), 3) радостные мысли (мысли помощи) и 4) мужественные поступки.

Слово Клюева производит сильное впечатление, но по существу вопроса о религиозных убеждениях тов. Клюев прямого ответа не дает.

Тов. Кривоносов – считая, что произнесенное тов. Клюевым художественное слово не может служить ответом по вопросу его религиозных убеждений, что и нет оснований для прений.

Тов. Копнин – полагает, что тов. Клюев должен определенно ответить, каковы его религиозные убеждения.

Слово предоставляется тов. Клюеву, который заявляет, что у него есть религия, но религия его – особенная, – он не православный, не католик, не магометанин... и т. д. В церковь он ходил не как сын православной кафолической романовской церкви, а как исследователь-поэт.

Его религия — необходима ему для его художественного творчества, что это за религия — объяснить трудно, для некоторого уяснения его религиозных убеждений он произносит стихотворение, осуждающее официальную церковь.

Тов. Копнин полагает, что ввиду сделанного объяснения тов. Клюева, из которого видно, что его религиозность ничего общего не имеет с общепринятым понятием о религиозности, следует прямо поставить на голосование вопрос об утверждении его членом партии. Тов. Гершанович находит, что т. Клюев выявил свою религиозность и потому следует обсуждение вопроса продолжить.

Тов. Гершанович Д., находя, что тов. Клюев крупный всероссийский поэт, что в поднятом вопросе столкнулись две идеологии мистическая и материалистическая, что решение вопроса имеет принципиальное значение, что тов. Клюев при своей религиозности все-таки полезен партии, полагает необходимым перенести вопрос об утверждении тов. Клюева на обсуждение высшей партийной организации.

Тов. Кривоносов полагает, что т. Клюев достаточно объяснил свои религиозные убеждения, которые имеют совершенно особый характер, его религия особая, это может быть вера в грядущее царство социализма, свободы и т. д., но не вера в предрассудки; церковь он посещает вследствие требований художественного творчества как поэт и исследователь. По вопросу же о том, что тов. Клюев прикладывается к иконам, тов. Кривоносов удостоверил, что т. Клюев это еще ранее опровергнул. Из этого т. Кривоносов делает вывод, что тов. Клюев может быть членом партии и вопрос об утверждении его членом партии следует поставить на голосование.

Тов. Чудов высказывается за необходимость еще предложить т. Клюеву определенно ответить на вопросы: «Верит ли он в загробную жизнь и в сверхъестественное?» Отвечая на предложенный вопрос, тов. Клюев заявляет, что он при перерегистрации анкету заполнил, со всей программой партии согласен, отвечать же на поставленные вопросы считает равносильно публичному раздеванию, на голосование ставятся предложения: 1) Обсуждение вопроса о религиозных убеждениях тов. Клюева и о его утверждении в члены партии передать на разрешение высшей организации. 2) Кандидатуру тов. Клюева в члены партии утвердить.

При обсуждении предложений т. Клюеву было заявлено, что в церковь он может и не ходить. Принимается 2-е предложение (25, против 12).

Поэт и коммунизм

Этот жгучий вопрос выплыл на уездной конференции коммунистов в г. Вытегре 22 марта. Докладчиком выступал т. Клюев, произнесший слово «Лицо коммуниста».

С присущей ему образностью и силой оратор выявил цельный благородный тип идеального коммунара, в котором воплощаются все лучшие заветы гуманности и общечеловечности.

Любовь, как брак с жизнью, мужественные поступки, смелость мысли, ясность взора, бодрая жизнерадостность — таков лик коммуниста, сближающий его отчасти с мучениками и героями великих религий на заре их основания.

С другой стороны, в отличие от фанатиков, коммунар более смотрит на землю, чем на небеса, борется с житейской грязью, подхалимством и лицемерием.

При таких свойствах творческая работа коммунистов не останется втуне, и поэт, предчувствуя грядущее в мир царства свободы, где нет ни рабов, ни меча, ни позорных столбов, доказал собранию, что нельзя надсмехаться над религиозными чувствованиями, ибо слишком много точек соприкосновения в учении коммуны с народной верой в торжество лучших начал человеческой души.

Доклад был заслушан в жуткой тишине и произвел глубокое потрясающее впечатление. Когда поэт прочел одно из своих необычайных стихотворений, посвященных церкви, которая изменила Голгофе, конференция наградила т. Клюева шумными аплодисментами.

В дальнейшем прения приняли весьма бурный характер. Меньшинство отстаивало недопустимость для коммуниста духовных настроений. Большинством же конференция, пораженная доводами Клюева, ослепительным красным светом, брызжущим из каждого слова поэта, братски высказалась за ценность поэта для партии.

В 12 часу ночи собрание было закрыто, оставив во всех присутствующих, а также и многочисленных гостях неизгладимое впечатление.

Наш родной поэт, песнослов коммуны и светлый брат трудящихся, несмотря на Констанцский собор, так обидно над ним учиненный, не покинул своих красных братьев. Иначе и быть не могло.

Партийная жизнь

Постановлением Губкома Р. К. П. от 28 апреля исключен из партии Николай Алексеевич Клюев, так как религиозные убеждения его находятся в полном противоречии с материалистической идеологией партии и ее задачами в деле борьбы за освобождение рабочего класса.

Примечание. Н. А. Клюев, известный поэт; при всем своем сочувствии коммунизму Клюев является христианином-мистиком и ретиво выполняет все обряды православной церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые выходит собрание прозы Николая Клюева — одного из ярких и самобытных поэтов Серебряного века русской литературы начала XX столетия. Оно не является по своему характеру полным (это дело будущего), однако вобрало в себя практически почти все опубликованные, переизданные и доступные для составителя материалы из государственных архивохранилищ, а также из частных собраний (дарственные надписи (инскрипты) печатаются выборочно).

Судьба выхода к читателю прозы Клюева сродни судьбе его поэзии. Гибель поэта в 1937 году, долгий период насильственного забвения, реабилитация в 1960 году за отсутствием *события* преступления и постепенное возвращение его творческого наследия в лоно отечественной культуры. Поначалу это поэзия, чуть позже и проза: переиздание текстов, разбросанных по периодическим изданиям, начиная с 1907 по 1926 год, публикация новых материалов из архивов. Далеко не все произведения поэта дошли до нас. В огне революционных пожарищ, а затем при арестах в 1923, 1934, 1936 и 1937 годах, видимо, безвозвратно утерян архив Клюева, погибли и письма к нему А. Блока, В. Брюсова, В. Миролюбова, А. Измайлова, С. Есенина, С. Клычкова, А. Яр-Кравченко, Н. Христофоровой и других. Конечно, не исключена возможность, что еще не всё обнаружено исследователями в архивах и частных собраниях.

Сборник состоит из шести разделов и Приложения. При установлении порядка следования одного раздела за другим был положен в основу биографический принцип, т. е. принцип формирования и раскрытия личности, а затем ее творческая реализация, хотя здесь и достаточно трудно установить четкую градацию, насколько переплетены судьба и творчество.

Все тексты приведены либо по автографам, либо по достоверным копиям, либо по прижизненным журнально-газетным публикациям. В каждом случае за основу брался наиболее полный и выверенный источник.

В основу расположения текстов внутри разделов, а также подразделов Приложения положен хронологический принцип. Под каждым произведением, как правило, указывается дата. Всюду, где представляется возможным определить время создания произведения, составитель указывает дату. Дата с вопросительным знаком является предположительной. Даты, заключенные в угловые скобки, определяют год, не позднее которого написано данное произведение.

Примечания имеют единообразную структуру. Каждое из них начинается с указания на первую публикацию. Далее – через точку с запятой – фиксируются все источники публикации текста вплоть до той публикации, в которой текст обозначен окончательным, полным. Затем – по мере необходимости – в примечании сообщаются факты биографического и историко-литературного типа.

При комментировании учтены разыскания К. М. Азадовского, Т. А. Кравченко, А. И. Михайлова, С. И. Субботина.

Ссылки на поэтические тексты Клюева даются по наиболее полному на сегодняшний день собранию его произведений: *Клюев Н. А.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. СПб., 1999.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, за исключением некоторых смысло-различительных и стилистических особенностей прозы поэта.

Пояснения местных, старинных и редко употребляемых слов вынесены в Словарь.

Выражаю благодарность К. М. Азадовскому, А. Л. Афанасьеву, Г. и М. Беллуччи, Н. Л. Елисееву, И. М. Климову, Н. Г. Князевой, Т. А. Комаровой, Е. П. Кравченко, С. А. Кравченко, Т. А. Кукушкиной, Т. П. Макаровой, А. И. Михайлову, В. В. Петроченкову, В. В. Соколову, С. В. Степанову, В. В. Столяровой, С. И. Субботину, О. В. Творогову, Л. Я. Федулиной и Л. И. Чикаровой, а также сотрудникам библиотек и архивов за оказанную помощь в подготовке этого издания. Глубокое чувство признательности хочу выразить Т. А. Кравченко за ее любезное предоставление в мое распоряжение бесценного эпистолярного наследия Николая Клюева, созданного им в период сибирской ссылки.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

АГ ИМЛИ – Архив М. Горького (Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук, Москва).

АК – Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы. По материалам семейного архива // Новый мир. 1988. № 8 (Публ., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Г. С. Клычкова и С. И. Субботина).

АПК – *Михайлов А. И.* Автобиографическая проза Николая Клюева // Север. 1992. № 6.

Блок — *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963.
ВЛ — журнал «Вопросы литературы».
ВМЧ — Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб.; М., 1869—1915.
Г — журнал «Грядущее».
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области.
ГЛМ — Отдел рукописей государственного литературного музея, Москва.
ГН — *Михайлов А. И.* «Головы наши подарила судьба палачу...» Сны Николая Клюева // Литератор. Санкт-Петербург. 1991. № 13.
ДП — Неизвестное письмо Николая Клюева: История находки / Публ. В. Лаврова, примеч. С. Субботина // День поэзии 1988. М., 1988.
ЕиК — *Азадовский К. М.* Есенин и Клюев в 1915 году // Есенин и современность. Сб. М.: Современник, 1975.
Есенин — *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука—Голос, 1995—2001.
ЕСЖ — Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма, документы. М.: Республика, 1995.
ЗВ — газета «Звезда Вытегры».
ЗК — *Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. М.: Худож. лит., 1965.
ЗТ — журнал «Записки Передвижного Общедоступного театра».
ЗХ — *Земсков В., Хомчук Н.* Есенин и Ширяевец // Русская литература. 1962. № 3.
ИзП — Александр Ширяевец. Из переписки 1912—1917 гг. / Публ., подг. текста, предисл. и примеч. Ю. Б. Орлицкого, Б. С. Соколова, С. И. Субботина // De visu. 1993. № 3.
ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук, Москва.
ИПП — Из переписки Александра Прокофьева / Публ. В. В. Базанова // Москва. 1985. № 12.
ИПЯ — *Клюев Н.* Из писем к А. Н. Яр-Кравченко / Вступ. заметка и публ. К. Азадовского // Звезда. 1994. № 2.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Рукописный отдел. Санкт-Петербург.
ИРЛИ ЛМ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Литературный музей. Санкт-Петербург.

ИТН — *Клюев Н.* «Я славлю Россию...» Из творческого наследия. 1. Автобиографическая проза. II. Из писем к В. С. Миролюбову. III. Стихотворения. Клюев и Горький // Литературное обозрение. 1987. № 8 (Вступ. статьи, публ. и коммент. К. М. Азадовского).

КБК — К биографии Н. А. Клюева последнего периода его жизни и творчества (По материалам семейного архива Б. Н. Кравченко) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993 (Публ. А. И. Михайлова).

КЗ — газета «Красное знамя».

КИР — *Клюев Н.* Красотой искупится радость // Слово. 1991. № 4 (Публ., вступ. и примеч. А. И. Михайлова).

КНН — *Михайлов А.* Николай Клюев: «Когда наступает ночь, с ужасом думаю, что проснусь к новым страданиям» // Литератор. Санкт-Петербург. 1992. № 14.

КО — Библиотечка «Книжного обозрения», приложение.

КоЕ — *Михайлов А. И.* Клюев о Есенине: Неизвестные материалы // Красное знамя. 1992. 13 авг.

КЦП — *Азадовский К.* Н. А. Клюев и «Цех поэтов» // Вопросы литературы. 1987. № 4.

ЛГ — Литературная газета.

ЛМГ — Литературно-мемориальный музей имени М. Горького, Самара.

ЛН — Литературное наследство (с указанием тома и книги).

ЛН, 92, 4 — Письма Н. А. Клюева к Блоку / Вступ. ст., публ. и коммент. К. М. Азадовского // ЛН. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы. М.: Наука, 1987. Кн. 4.

ЛС — *Лазарев В., Субботин С.* Песнослов // Огонек. 1984. № 40.

ЛСК — *Азадовский К. М.* Личность и судьба Николая Клюева // Нева. 1988. № 12.

ЛЯ — *Михайлов А. И.* Лед и яхонт любимых зрачков // Север. 1993. № 10.

МБК — *Грунтов А. К.* Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1.

МНК — *Азадовский К. М.* «Меня назвал “китежанкой”» // Литературное обозрение. 1979. № 5.

МЗС — *Субботин С.* «Моя славянская звезда, узорная и избяная...» // Поэзия. М., 1985. Вып. 43.

НЗ — газета «Новая земля», Москва.

НК — *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1990.

НКН — Н. А. Клюев — К. Ф. Некрасову // Российский архив. 1994. Т. 5 / Публ. И. Вагановой.

НКС — *Михайлов А. И.* Николай Клюев и «Серапионовы братья» // Русская литература. 1997. № 4.

НН — журнал «Наше наследие».

НПК — Неизвестное письмо Н. А. Клюева к Есенину / Вступ., примеч. и публ. К. Азадовского // Вопросы литературы. 1988. № 2.

НшЖ — «Наш журнал».

ОКПП — *Базанов В. Г.* «Олонецкий крестьянин» и петербургский поэт // Север. 1978. № 8, 9.

ОНП — *Азадовский К.* О «народном» поэте и «святой Руси» («Гагарья судьбина» Николая Клюева) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5.

ОП — *Вдовин В.* Образ поэта // Литературная Россия. 1976. 21 янв.

ОПИК — *Михайлов А. И.* От поэзии «избяного космоса» к письмам из Сибири (Письма Николая Клюева к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой из Томска) // Наш современник. 1992. № 5.

ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, Москва.

ПБК — *Азадовский К. М.* Переписка В. Я. Брюсова с Н. А. Клюевым (1911—1914) // Русская литература. 1989. № 3.

ПЗ — *Азадовский К. М.* Личность и судьба Николая Клюева // Перечитывая заново. Лит.-крит. ст. Л.: Худож. лит., 1989.

ПКРЛ — Письма Николая Клюева разных лет / Публ., подг. текстов, предисл. и коммент. С. И. Субботина // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.

ПНЗ — *Михайлов А. И.* «Простите. Не забывайте...» // Север. 1994. № 9.

ПНК — *Субботин С.* Проза Николая Клюева в газетах «Звезда Вытегры» и «Трудовое слово» (1919—1921). Вопросы стиля и атрибуции // Русская литература. 1984. № 4.

ПР — *Блок А. А.* Письма к родным. Т. I—II. Л.: Academia, 1927—1932.

ПЯ — *Клюев Н. А.* Письма к А. Яр-Кравченко / Публ., подг. текстов и примеч. Т. А. Кравченко // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.

РА — журнал «Российский архив». История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.

РЛ — журнал «Русская литература».

РЛП — *Михайлов А. И.* Жанр рецензии в творчестве новокрестьянских поэтов // Русский литературный портрет и рецензии: Сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000.

РМ — *Михайлов А.* Медальон двух повенчанных вечностью сердец // Русский мир. 1997. № 6.

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей, Санкт-Петербург.

РТК — *Азадовский К. М.* Раннее творчество Н. А. Клюева: (Новые материалы) // Русская литература. 1975. № 3.

РФ — *Азадовский К. М.* Олонецкая деревня после первой русской революции (Русский фольклор) // АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). 1975. Вып. 15: Социальный протест в народной поэзии.

СЕ — *Клюев Н. А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.

СЕО — *Савченко Т. К.* Сергей Есенин и его окружение. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990.

СК — Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии // Новый мир. 1989. № 9 / Публ. и сост. В. Н. Клычковой; вступ. ст., подг. текстов и коммент. С. И. Субботина.

СНК — Сны Николая Клюева // Новый журнал. Л., 1991. № 4 / Вступ. ст. и публ. А. И. Михайлова.

СнНК — «Сновидения» Николая Клюева / Вступ. ст. и публ. К. Азадовского // Русская мысль. Париж. 1991. 18, 25 янв.

Соч. 1 — *Клюев Н.* Сочинения: В 2 т. [Мюнхен], 1969.

СПК — *Субботин С. И.* Сибирские письма Николая Клюева // Красное знамя. 1985. 17, 19, 22, 24 окт.

ТС — газета «Трудовое слово».

УИ — У истоков русской советской литературы (1917—1922). Л.: Наука, 1990.

ЦГА СПб. — Центральный государственный архив, Санкт-Петербург.

ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства, Санкт-Петербург.

ШС — *Швецова Л., Субботин С.* «Эти гусли – глубь Онега...» (Из поэзии Н. Клюева конца 20-х – начала 30-х гг.) // Север. 1986. № 9.

Раздел I
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ШТРИХИ

Из записей 1919 года (с. 29). – АПК. С. 157–158.

Другая копия записей поэта [Автобиография], выполненная рукой неустановленного лица (ИРЛИ. Ф. 586. № 330. Архив Л. М. Клейнборта), судя по сноске (л. 2), написана также в 1919 г., сохранилась обрывочно — без начала и конца — и представляет собой, по всей вероятности, один из автобиографических вариантов, вобравший в себя фрагменты «Из записей 1919 года», «Праотцы», <«О себе: Автобиографическая заметка»>. Отрывки из этой копии в: ШС. С. 103, а также в: НК. С. 19–20.

Печатается по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Датируется согласно заглавию произведения.

...Спас поморских зеленых писем... — Иконописцы Выгорецкого Поморского общежительства сначала подражали соловецким и строгановским образотворцам. Но постепенно у них выработался свой оригинальный стиль (пóшиб). Ликам святых придается очень светлый, беловатый оттенок, сильно оживляется золотом пробелка облачений. К концу XVIII в. лики пишутся уже более темного цвета. В изображении горок, земли и деревьев вводятся особенности северной природы, напоминающей собой тундру. В XIX в. лики на иконах приобретают охристый оттенок, фигуры предстают непропорционально высокими, облачения их украшаются золотом и роскошными узорами (См.: *Дружинин В. Г.* К истории крестьянского искусства XVIII–XIX веков в Олонецкой губернии (Художественное наследие Выгорецкой Поморской обители) // Изв. Академии наук СССР. 1926. Отд. оттиск. С. 1482).

Рублёв Андрей (ок. 1360–1370 – ок. 1430), преп., крупнейший мастер московской школы иконописания, стоящий у истоков нового «после монголо-татарского периода в истории русского искусства. Творениям Р. присущи глубокая человечность, возвышенная одухотворенность образов и совершенство формы. Память 4 (17) июля. *Дионисий Глушицкий* (1362–1437), преп., прославленный художник Древней Руси, видный деятель Церкви, разносторонне одаренный, основатель нескольких м-рей, два из них на р. Глушице (отсюда и его прозвание). В 1424 г. написал образ Кирилла Белозерского (1337–1427), основателя Кирилло-Белозерского м-ря. Лебединой песнью Д. стала роспись собора Ферапонтова

м-ря близ г. Кириллова вместе с сыновьями. Память 1 (14) июня. *Парамшин*, или *Парамша* (XIV в.), серебряных и золотых дел мастер. В духовных грамотах великих князей московских отмечалось, что иконы и золотой крест Парамшина дела были весьма ими почитаемы и с благословением передавались от отца к сыну (См.: *Строев Е.* О художнике Парамшине // Сын отечества. 1814. Т. XI. С. 239–243).

...и устюжских трудников и образотворцев... — Иконописцы из Великого Устюга, как и их тихвинские, каргопольские, вологодские, олонецкие и холмогорские северные собратья в массе своей были деревенскими художниками. Из местной глины и растений изготавливались краски. Иконы писались на грубо отесанных досках с нанесенным прямо на дерево грунтом из мела, алебастра (гипса) и рыбьего (осетрового) клея. Выбор святых и сюжетов определялся запросами народной жизни. Наиболее почитаемыми образами крестьянских заступников являлись Никола, Егорий, Власий, Флор и Лавр, Илия-пророк, Параскева-Пятница, а также местные иноки и юродивые, причисленные к лику святых (Прокопий Устюжский). Характерными чертами «почерка» устюжан являются грубоватость, наивность и вместе с этим жесткость, резкость письма, отчасти напоминающая стиль новгородской школы, с которой больше всего и были связаны северяне (См.: *Дурылин С.* Древнерусская иконопись и Олонецкий край. Петрозаводск, 1913; *Смирнова Э. С.* Живопись Обонежья XIV–XVII вв. М., 1967; *Реформатская М.* Северные письма. М., 1968).

...из Обонежской пятины... — *Обонежская пятина* — одна из пяти областей, на которые делилась Новгородская земля до конца XVIII в. Название ее происходит от оз. Онега, которое всё заключалось в пределах пятины.

Рождество же мое — вот уже тридцать первое... — В ряде случаев дату своего рождения Клюев указывал то 1886, то 1887 г., однако после ареста 2 февр. 1934 г., заполняя анкету на Лубянке, поэт поставил дату — 1884 (См.: *Шенталинский В.* Гамаюн — птица вещая // Ог. 1989. № 43. С. 9). Эту же дату сообщил Грунтову Государственный архив Вологодской обл. согласно записи в метрической книге Коштугской церкви Вытегорского уезда Олонецкой губ. (См.: МБК. С. 119).

...на Миколу, черниговского чудотворца... — Преп. *Николай*, прозванный Святошей, сын черниговского князя Давида Святославича, княжил сначала в Луцке, потом в Чернигове. Оставив семью и княжество, в 1107 г. принял иночество в Киево-Печерской обители, в трудах, молитве и бдении провел более тридцати лет. Скончался в 1143 г. Мощи его покоятся в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры. Память 14 (27) окт.

...родительницей моей... — *Клюева* Прасковья Дмитриевна родилась приблизительно в 1851 г. Была грамотной. «В доме Клюевых было немало старопечатных и рукописных книг, в горнице висели иконы старого,

дониконианского письма... Дом... часто посещали странники, "божьи люди"» (МБК. С. 119). Она отличалась мягким и приветливым нравом, ходила в платье темного цвета и с черной косынкой на голове. Скончалась 19 нояб. 1913 г. и похоронена в селе Макачево, у Верхне-Пятницкой церкви Вытегорского р-на Вологодской обл.

...по чину серафимовского православия. — Имеется в виду секта серафимовцев и серафимовных, избранных братьев и сестер, возникшая в начале 70-х гг. XIX в. в Псковской губ. Иеромонах Серафим, ее основатель, учил, что истинного христианства в настоящее время нет нигде, в мире теперь — «смрад» и «духота» от нечестия людей; скоро наступит второе пришествие Христово, антихрист уже живет в мире. В воскресные и праздничные дни сектанты усердно посещали православные храмы, но при этом говорили, что священникам не нужно верить, так как они «врата ада» и в них «ересь». Сестры обычно покрывались темными тканями, употребляли четки (См.: *Булгаков С. В.* Настольная книга священно-церковно-служителей (Репринт). М., 1993. С. 1653—1654). с. 30

...с ликом Пятницы-Параскевы. — Св. мученица *Параскева* жила в III в. Ее родители особо почитали день страдания Господня — пятницу, поэтому родившуюся в этот день дочь назвали Параскевой (по-гречески — Пятница). За исповедание христианской веры она претерпела великие мучения. В народе ее называют Пятницею, Пятиною, Пятенкою, Петнею. П. — покровительница полей и скота, поэтому в день ее памяти 28 окт. (10 нояб.) принято приносить в церковь плоды для освящения. Она — исцелительница от самых тяжких телесных и душевных недугов.

...знала Лебедя и Розу из Шестокрыла... — Шестокрыл — сочинение итальянского еврея Эммануэля-бар-Якоба (XIV в.), относящееся в Московской Руси к так называемым отреченным, или запрещенным, книгам, составлявших в древности русское чернокнижие. Ш. состоит из шести крыл или хронологических таблиц иудеев, построен на началах астрономии. Лебедь — созвездие Северного полушария. Роза — не является астрономическим понятием и, скорее всего, ошибочно привнесена Клюевым из христианской символики. Ср. в его же поэме «Мать-Суббота» (1922): «Распятый Лебедь и Роза над ним...», где Лебедь — Христос, а Роза — Богоматерь (См.: *Прозоровский Д. И.* Шестокрил. М., 1887; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков // Сб. отд. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наук. СПб., 1903. Т. 74. № 1. С. 413—418).

...Новый Маргарит... — Сб., составленный в XV в. А. Курбским из сочинений Иоанна Златоуста и других христианских писателей. В него включены разнообразные в жанровом и тематическом отношении произведения. По происхождению и содержанию сб. Курбского не имеет общих черт с древнерусским традиционным Маргаритом.

Петр III Федорович (1728–1762), российский император (1761–1762). Внук Петра I, сын Голштейн-Готторпского герцога Карла Фридриха и цесаревны Анны Петровны. Во всех своих действиях он подражал великому деду. Его короткое царствование было весьма эффективно. В полном собрании законов Российской империи с 25 дек. 1761 г. по 28 июня 1762 г. учтено 192 документа, касающиеся различных сторон внешней и внутренней политики страны. «Так называемый Век Екатерины начался, по существу, еще за несколько лет до ее восшествия на престол» (*Шмидт С. О.* Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 58). Свержение и убийство императора, организованное Екатериной II, вызвало шок и было неожиданным для подавляющей части населения (См.: *Мыльников А. С.* Петр III // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 43–58). Своеобразный резонанс оно вызвало у старообрядцев, а особенно у скопцов. После многих лет жутких преследований вдруг и вере их стало вольней – вот он, настоящий царь, но извели его господа. Все поверия, надежды и мечты скопцов сосредоточиваются на личности покойного императора, которого они величают «Сыном Божиим», Искупителем, пострадавшим на земле. В духовных песнях – роспевцах – воспеваются его странствия, труды, подвиги и муки (См.: *Надеждин Н.* Исследование о скопческой ереси // Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. третий о скопцах).

...огненные письма протопопа Аввакума... – Аввакум (Аввакум Петрович *Кондратьев*; 1620–1682), св. священномученик и исповедник, протопоп храма в г. Юрьевце-Поволжском, крупнейший представитель раннего старообрядчества, писатель и публицист. В 1646–1647 гг., находясь в Москве, был связан с «кружком ревнителей благочестия» и стал известен царю Алексею Михайловичу. А. резко выступил против церковной реформы патриарха Никона. В 1666 г. его после тщетных увещеваний на Соборе расстригли и прокляли. В 1667 г. сослали в Пустозерск. 15 лет просидел он на хлебе и воде в земляной тюрьме, настойчиво продолжая свою проповедь, рассылая грамоты и окружные послания. В своих многочисленных сочинениях (около 60), особенно в «Житии», он обличал пороки официальной Церкви и «неправды» царского правительства. В деле веры А. не знал никаких уступок и подобную же огнепальную ревность стремился возбудить и в своих единомышленниках. Он звал их на страдания, достигая в посланиях и письмах подлинно проповеднической и поэтической силы: «А что ты, Прокопьевна, – обращался он к боярыне Ф. П. Морозовой, – не бойся смерти-той? Не боись, голубка, – плюнь на них, мужествуй крепко о Христе Исусе! Сладка ведь смерть-та за Христатого света. Я бы умер, да опять бы ожил, да опять бы умер по Христе Бозе нашем! Сладок ведь Исус-то... Ну, государыня, пойди же ты со сладким-тем Исусом в огонь!» (Пустозерская проза: Сб. М., 1989. С. 148).

Последователи А. смело шли на страдания, а некоторые из них явились первыми подвижниками самосожжения. По указу царя Федора Алексеевича (1661—1682) за «великие на царский дом хулы» вместе со своими соузниками А. сожжен в срубе. «Подняв высоко сложенную в двоеперстии руку, он завещал: «Вот будете этим крестом молиться, вовек не погибнете». Когда мученики сгорели, народ бросился собирать на память святые кости их, чтобы разнести их потом по всей Русской стране» (*Мельников Ф. Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 101). Память 2 (15) дек.

...в Соловки... — Соловецкие острова — группа о-вов в Белом море (крупн. — Соловецкий, Анзерский, Б. и М. Муксалма, мелкие — Б. и М. Заяцкие). На Соловецком о-ве расположен ансамбль Соловецкого м-ря. Первыми поселенцами С. о-ва были иноки Кирилло-Белозерского м-ря Герман и Савватий, прибывшие на о-в в 1423 г. После смерти Савватия к Герману прибыл инок Зосима. Они заложили первый деревянный храм Преображения Господня с приделом во имя святителя Николы. При игумене св. Филиппе (Колычеве), будущем митрополите московском, здесь развернулось в середине XVI в. грандиозное строительство на средства, собранные по всей России.

В 1667 г. началось знаменитое соловецкое возмущение. Иноки не захотели принимать новопечатных книг и стали отстаивать старую веру. Восемь лет осаждали обитель московские стрельцы. Через неделю после ее падения от тяжелой болезни скончался царь Алексей Михайлович, успевший, по преданию, понять, что именно за разорение обители преподобных «принимает наказание». К началу XVIII в. м-рь оправился от разгрома. При советской власти в 1923 г. на о-вах были устроены лагеря особого назначения (СЛОН), с 1927 г. преобразованные в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН), действовавшую до 1939 г. С 1990 г. Русская православная церковь возобновила на о-ве богослужение.

...в послушание к старцу и строителю Феодору... — В незаконченной поэме «Соловки» (1926—1928) поэт повествует о последних трагических днях старца: «И Феóдора — строителя пустыни, Как лесную речку, помяну, Он убит и в легкой <белой с> кр<ы>не Поднят чайками в голубизну...»

...из Кожеозерска... — Имеется в виду Кожеозерский Богоявленский м-рь на берегу Кожеозера в Архангельской губ. Начало монашеской обители здесь положено священноиноком Нифонтом (XVI в.). Его сподвижниками были преп. Серапион, затем Хозьюгский пустынник Никодим и Леонид Устьнедумский (См.: *Докучаев-Басков К.* Подвижники и монастыри крайнего Севера. Кожеозерский монастырь. СПб., 1886).

...из Хвалынских молелен... — Из приволжских скитов Хвалынского уезда Саратовской губернии.

...от дивногорцев... — Речь идет о Дивногорском Успенском м-ре, расположенном в уступе меловых гор Большие и Малые Дива в Воронежской губ. Основан около 1640 г. иеромонахом Ксенофонтом и Иоасафом. Главная святыня м-ря — Сицилийская, или Дивногорская, чудотворная икона Божией Матери. По преданию, эта икона была перенесена в Россию из Сицилии. Празднование 5 (18) февр. и 1 (14) июля (См.: *Никольский П.* Успенский Дивногорский монастырь. Исторический очерк. Воронеж, 1904).

Афон (Афонская гора, Святая гора) — узкий гористый п-ов, вдающийся в архипелаг (Эгейское море). А. — одно из самых святых мест восточного православного мира. В настоящее время на А. 20 больших м-рей, несколько скитов и множество отдельных келий. Это целое иноческое гос-во. Светский элемент здесь отсутствует. Русским издавна принадлежит м-рь св. Пантелеймона. Связи Руси с А. начались очень рано — с основателя русского монашества св. Антония Печерского (XI в.), дважды побывавшего здесь до своего водворения в Киеве.

...от китайских несториан... — *Несториане* — христианская секта, основанная в Византии Несторием, патриархом Константинополя в 428—431 гг., утверждавшим, что от девы Марии родился человек Иисус, с которым, с момента его зачатия, соединился Бог-Слово Своею благодатью и обитал в нем, как во храме; поэтому Пресвятую деву он называл Христородицею, а не Богородицею. Учение Нестория осуждено как ересь на Эфесском соборе в 431 г. Пользовалось значительным влиянием до XIII в. в Иране, Средней Азии и Китае. В настоящее время несторианство имеет место в Турции и Иране.

...из святого города Лхаса... — *Лхаса* — город в Китае, на Тибетском нагорье. Основан в VIII в. Религиозный центр ламаизма, дворец-м-рь. Потала — резиденция далай-ламы.

...тропа Батыева... — Слова инока Ардалиона из рассказа П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «Гриша» (1860) о невидимом граде Китеже, к которому «пролегает дорога, давным-давно запущенная. Нет по ней езду конного, нет пути пешеходного, а не зарастает она ни лесом, ни кустарником... то — «Батыева тропа»... Проходили тут татары поганые от стольного града Володимира в чудный Китеж-град. И тот чудный град доселе невидимо стоит на озере Светлом Яре... Летним вечером, когда гладью станут воды озера, ни ветер рябью не кроет их, ни рыба, играючи, не пускает широких кругов, — сокровенный град кажет тень свою: в водном лоне виднеются церкви Божьи златоглавые, терема княженецкие, хоромы боярские... Живут в том граде люди блаженные, пустынные, преподобные... Тамо жизнь без воздыхания, день немерцаемый, утехи райские... И всяк человек, иже смирил душу свою послушанием, уведает путь в чудный град тот и вкусит блаженной жизни живущих тамо земных ангелов»

(*Мельников П. И.* (*Андрей Печерский*). Полн. собр. соч.: В 7 т. СПб., 1909. Т. 1. С. 277).

...от студеного Коневца... — *Коневец* — о-в в Ладожском оз. До XIV в. его прибрежные жители были язычниками, и предметом их особого почитания служил громадный камень. В жертву ему карелы ежегодно приносили одного коня, чтобы духи охраняли скот, привозимый сюда на лето для кормления. От этого обычая самый камень получил название «Конь-Камень», а от него и о-в свое название — Коневец. Первым распространителем христианства здесь стал новгородец преп. Арсений, основавший Рождественский м-рь, в котором прожил 51 год. Память 12 (25) июня (См.: *Знаменский Ф.* Рождественский Коневский монастырь. СПб., 1913).

...до порфирного быка Сивы... — *Сива, Шива* — в индуистской мифологии один из верховных богов, входящий вместе с Брахмой и Вишну в так называемую божественную триаду. В качестве самостоятельного божества Ш. был включен в пантеон сравнительно поздно (ок. 200 г. до н. э.), однако истоки его уходят в глубокую древность. В III—II тысячелетии до н. э. на печатях он изображался трехликим рогатым божеством, окруженным зверями, в котором усматривается прототип Ш. в его функции «хозяина животных» (См.: Мифы народов мира // Энциклопедия: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 642).

Я был прекрасен и крылат ~ И человеком ставший ныне...— Отрывок из ст-ния Клюева «Я был прекрасен и крылат...» (1910, 1911).

...от царской печати... — *Скопцы* — религиозная секта в России, возникшая в начале XVIII в. Основа вероучения — утверждение, что единственным условием «спасения» души — «борьба с плотью» путем оскопления (кастрации). Операция оскопления у С. состояла в отнятии одних только яичек («удесных близнят»), с частью мошонки, посредством отжигания их раскаленным железом. Отсюда мистическое название «огненное крещение» или «малая печать», «первая печать», «первое убеление», «сесть на пегого коня», «первая чистота». Однако такая операция, не лишая скопца вожделения и даже возможности полового соития, показалась фанатикам недостаточною, и они решились на отнятие детородного члена. Эта операция называлась ими «второю», или «царской», печатью, «второю чистотою», «вторым убелением», «сесть на седого коня». Ср. у Клюева в ст-нии «О скопчество — венец, золотоглавый град...» (между 1916 и 1918): «О скопчество — арап на пламенном коне, Гадательный узор о незакатном дне, Когда безудный муж, как отблеск Маргарит, Стокрылых сыновей и ангелов родит!».

...в его роде Мельхиседеков. — *Мелхиседек* — царь Салимский, священник Бога Всевышнего (Быт. XIV, 18). Священство М. признавалось Авраамом, Давид пророчествовал о Мессии, что Он священник вовек по чину Мелхиседекову (Пс. CIX, 4), и писатель послания к Евреям неоднократно

указывает на то, что это пророчество вполне осуществилось на Иисусе Христе (Евр. V, 5–10; VI, 20, VII, 21). Как и М., Господь Иисус Христос есть Царь и Первосвященник (Зах. VI, 12, 13). Секта мелхиседеян утверждала, что М. был воплощением некоей Божественной силы и даже Св. Духа (См.: *Никифор.* Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия в 4-х вып. (Репринт). М., 1990. С. 465–466).

с. 31 *...как учит Кадра-ночь...* – «Кадра-ночь, – отмечает Н. М. Солнцева, – это ночь могущества Аллаха. В эту ночь после сорокадневнего поста Господь, послав к Мухаммаду ангела Джабраила (что соответствует библейскому архангелу Гавриилу), вложил в сознание, в уста пророка Коран» (*Солнцева Н. М.* Странный эрос. Интимные мотивы поэзии Николая Клюева. М., 2000. С. 51).

...которая стоит больше, чем тысячи месяцев. – Перифраз стиха из Корана (сура 9. Могущество): «Ночь могущества лучше тысячи месяцев» (Пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М., 1990. С. 504).

Адам – в Библии первый человек, венец Божественного творения.

...до Кутаиса... – Кутаиси – город в западной части Грузии. Расположен по обоим берегам р. Риони, является древнейшим городом Колхидского царства (VI–III вв. до н. э.) на территории западной Грузии. Сохранял черты средневекового города.

...в Константинополе и Смирне... – Константинополь – столица Византийской империи. В 1453 г. взят турками и переименован в Стамбул. Расположен на восточном п-ве; один из древнейших городов Европы. Его прошлое богато историческими событиями. Славяне называли его Царьградом. *Смирна* – древнегреческое название г. Измир в Турции, расположенного на побережье Измирского залива Эгейского моря. В городе много православных храмов.

Саровский медведь... – Намек на эпизод из жизни преп. монаха Серафима Саровского (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1759–1833). Поселившись на берегу р. Саровки в келье в 5–6 верстах от Саровской мужской обители (Темниновский уезд Тамбовской губ. – ныне Нижегородская обл.) и достигнув высокого мирского духа, он и диким зверям внушал благоговение. Часто к нему наведывался громадный медведь, которого С. кормил хлебом (См.: *Поселянин С.* Преподобный отец Серафим Саровский. Его жизнь, подвиги и чудеса по его молитве. М., 1911. С. 28–32). Память 2 (15) янв., 19 июля (1 авг).

...из Дамаска. – Дамаск – один из древнейших городов мира. На пути в Д. произошло обращение в христианство Савла, который стал называться ап. Павлом (Деян. XXV, 17). Ныне столица Сирийской Арабской Республики.

Любимые мои поэты Роман Сладкопевец, Верлен и царь Давид... – Роман Сладкопевец – св., родом из Сирии, был дьяконом в Бейруте, при императоре Анастасии (491–498) прибыл в Константинополь, где посту-

пил в клир церкви Богоматери. По поэтическому дарованию, одушевлению, глубине чувства и возвышенности он превосходит всех других греческих песнопевцев. Память 1 (14) окт. *Верлен* Поль (1844–1896) – французский поэт-символист, ввел в лирическую поэзию сложный мир чувств и переживаний, придал стиху тонкую тональность. Клюев читал В. в подлиннике: «И бубню Верлена по-французски...» («Мы старее стали на пятнадцать...», 1932 или 1933). *Давид* – царь Израильско-Иудейского гос-ва в конце XI в. – около 950 г. до н. э. В разнообразных событиях своей жизни Д. проявил себя как пастух, воин, псалмопевец, мудрый правитель и пророк.

Гагарья судьбина (с. 31). – ИТН. С. 104–105 (отр.); АПК. С. 150–156 (с неточностями); ОНП. С. 104–111.

Печатается по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Датируется согласно пометы, сделанной Архиповым на «титульном» листе: 1.III.22 г.

Иоанн Златоуст (347–407) – св. архиепископ константинопольский, один из величайших отцов восточно-христианской Церкви, ритор, богослов. Родился в Антиохии. получил прекрасное домашнее образование под руководством своей матери, которая посвятила сыну всю жизнь. Суровый проповедник аскетизма, И. З. бичевал пороки, выступал против лености и стяжательства монахов, роскоши и распущенности высшего духовенства и аристократии. Выдающийся ораторский талант, смелые обличительные проповеди сделали его весьма популярным среди христиан. И. З. – автор множества сочинений: трактаты, проповеди, псалмы, комментарии к Священному Писанию. Память 27 янв. (9 февр.), 30 янв. (12 февр.), 13 (26) нояб.

А так у меня были дивные сны. – См.: Раздел III. Сновидения.

Когда умерла мамушка... – П. Д. Клюева.

...в моем «Поддонном псалме»... – Ст-ние Клюева «Поддонный псалом» (1916).

...в Соловках... – См. примеч. с. 439. с. 32

...на Секирной горе... – Речь идет о Спасо-Вознесенском ските с двумя приделами в честь Вознесения Господня и чуда св. архангела Михаила, построенном на Секирной горе (высота 98,5 м) в 1860–1861 гг.

Строителем был при мне о<тец> Феодор... – См... примеч. с. 439.

Вериги я на себе тогда носил девятифунтовые, по числу 9 небес, не тех, с. 33 *что видел ап<остол> Павел, а других.* – О том, что Клюеву приходилось носить вериги, со слов поэта, рассказывает в своем дневнике от 6 окт. 1915 г. петроградский переводчик и коллекционер Ф. Ф. Фидлер: «В юности он носил на теле вериги; на мой изумленный вопрос, для чего он это делал, он ответил просто: "Для Бога"» (цит. по: НК. С. 162). В 1916 г. об

этом же пишет в статье «Народный златоцвет» П. Н. Сакулин: «“Духовной жаждою томим”, Н. А. Клюев 16 лет ушел в Соловки “спасаться” и надел на себя девятифунтовые вериги» (Вестник Европы. 1916. № 5. С. 200). О видении ап. Павлом 9 небес в Новом Завете нет даже упоминания, в апокрифе «Видение апостола Павла» говорится лишь о трех небесах (См.: *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 528–584). Не исключена возможность, что поэт ссылается на устную легенду, бытовавшую в старообрядческой среде.

...преп<одобный> Герман... — Герман — родом из г. Тотьмы Вологодской губ. В 1428 г. он с рыбаками отправился на пустынный Соловецкий о-в, а через год перешел для монашества на р. Выг, где встретился с преп. Савватием, постриженником Валаамской обители. Они перебрались на Соловецкий о-в. После кончины Савватия (1435 г.) Г. подвизался с преп. Зосимою. Около 50 лет пробыл на Соловках Г., оставляя их лишь на время. Память 30 июля (12 авг.).

...с Афона... — См. примеч. с. 440.

...тайны бабидов... — Бабиды — представители религиозного сектантского учения в Иране в 40–50-х гг. XIX в. Основателем его был ширазский купец Али Мохаммед, принявший прозвание «Баб», т. е. по-арабски «врата» (в новый мир). По его учению, Бог есть единый, вечный, неизменный источник жизни (араб. hai), а так как буквы этого слова означают 18, то число 19 (с присоединением единого носителя вечной жизни) и является тем священным числом, к которому всё должно сведено быть в организации гос-ва (19 месяцев в году, 19 первосвященников и т. д.). Бог являет себя в своих творениях, а они могут быть только добром, зло же — лишь уклонение от священного числа. Б. пытались основать гос-во на теократически-социально-демократических началах (восстания в ряде городов), однако их усилия были жестоко подавлены властями.

...пророков и братьев Розы и Креста на Руси. — Вероятно, речь идет о розенкрейцерах, тайных религиозно-мистических обществах, возникших в Германии в XVII–XVIII вв., Нидерландах и других странах. Близки к масонству. В России Р. возникли во второй половине XVIII в. Запрещение в 1822 г. масонства коснулось и Р. Лишь в нач. XX в. в связи с манифестом Николая II от 17 окт. 1905 г., провозгласившего право собраний и союзов, в России начинает возрождаться и Р. Увлеклись Р. А. Блок и Вяч. Иванов. К этому времени относится и возникновение в Петербурге, в Озерках, об-ва Р., не ставшего, однако, многочисленным. Одним из ярких его представителей был Б. М. Зубакин (1894–1938) — поэт, ученый, скульптор, друживший с новокрестьянскими поэтами (А. Ширяевцем, С. Есениным), состоявший в переписке с М. Горьким. В 1938 г. расстрелян на Лубянке (См.: *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезды, или последний русский розенкрейцер. М., 1994).

В городе Онеге... — г. *Онега* в Архангельской губ., в устье р. Онега на Белом море. Известен с XVI в.

...в Самарскую губ<ернию>... — Освоение обширных малонаселенных земель Самарской губ. началось лишь со второй половины XVIII в. Для этого правительство пошло на значительную либерализацию своих отношений со старообрядцами. Бежавшим от репрессий за границу старообрядцам было разрешено возвращение в Россию и беспрепятственное исповедание своей веры, послабления коснулись и многочисленных сект (духовных христиан, скопцов, баптистов и т. д.).

...жил... царем Давидом... — Слагателем псалмов, гимнов. В духовных песнопениях хлыстов и скопцов часто встречается уподобление их пения пению Давидом своих псалмов.

Иоанн Креститель — сын священника Захарии и Елизаветы. Родился в Хевроне. Жил в пещере, ведя суровую подвижническую жизнь, подготовил себя к высокому призванию и выступил на служение в качестве Предтечи Иисуса Христа. Явился на р. Иордан, проповедуя крещение покаяния во оставление грехов. Крестил Христа. Умер И. насильственной смертью. Память 24 июня (7 июля), 29 авг. (11 сент.), 23 сент. (6 окт.).

...принес мне великую царскую печать. — См. примеч. с. 441.

Ясны они и мало говорливы ~ «Помолчим, брат!» — В восточной и за- с. 34
падной Церквах были святые — молчальники, соблюдавшие обет непрерывного молчания. Из русских святых к числу молчальников принадлежат св. Афанасий, Онуфрий и Феодор, затворники Киево-Печерского м-ря. В 80-х гг. XIX в. в русском расколе возникла секта молчальников, последователи которой были в Саратовской, Вятской и других губерниях. К молчальникам примыкал и поэт А. М. Добролюбов, ушедший «в народ». Нередко среди разговора он обращался с умоляющим видом к собеседнику:

— Помолчим, брат! (См.: *Пругавин* А. Декадент-поэт // Русские ведомости. 1912. 7 дек.; *Азадовский К. М.* Путь Александра Блока // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сб. Вып. III // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 459. Тарту, 1979. С. 134).

...до Усть-Цыльмы... — Точнее: *Усть-Цильма* — село, центр Печорского с. 35
уезда Архангельской губ., находится на берегу р. Печора, против устья р. Цильма. Согласно устному преданию, в Усть-Цильме в 1667 г. проездом в Пустозерск останавливался ссыльный протопоп Аввакум. Начавшаяся в первой четверти XVIII в. волна гонений на старообрядцев захватила и этот край. С приходом беглецов в Усть-Цильму она стала уникальным центром печорской старообрядческой книжности, поддерживала тесные контакты с Поморьем (См.: *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960).

...от Соловков... — См. примеч. с. 439.

...невидимый народный Иерусалим... — Отзвук высказывания св. Иоанна Богослова: «И я Иоанн увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. XXI, 2).

Теплый животный Господь ~ новорожденного теленка. — Перекличка со стихами из поэмы «Мать-Суббота» (1922): «Есть Вседержитель гумна, Пестун мирского зерна, Он, как лосиха телка, Лижет земные бока, Пахоту поит слюной Смуглый Господь избяной».

Моздокские просторы... — Намек на поэтический образ степи, широко протянувшейся от Саратова до Царицына, из русской народной песни «Степь моздокская».

...хвойные губы Поморья... — «...*Поморьем* на административном языке XVI и XVII вв. называлась местность на севере Европейской России по берегам Белого моря, по Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре и Каме с Вяткою. Весь этот обширный край принадлежал некогда Великому Новгороду» (*Богословский М.* Земское самоуправление на русском Севере: В 2 т. М., 1909. Т. 1. С. 1).

Брихничев Иона Пантелеймонович (1879—1968) — публицист, издатель, поэт, бывший священник. За антиправительственную пропаганду в 1906 г. был приговорен к заключению на один год и решением Синода лишен сана. В 1910 г. в Москве приступает к изданию еженедельной газ. «Новая земля». После закрытия ее в конце 1912 г. выпускает журн. «Новое вино». Высланный из Москвы в 1913 г., он живет на юге России. После Октября — деятель Пролеткульта и участник атеистических кампаний по избиению, по сути дела, лежащей Церкви (брошюра «Патриарх Тихон», 1923). Б. — автор нескольких поэтических и публицистических сборников. В 1910 г. благодаря А. Блоку сближается с Клюевым, активно содействует выходу его книг «Сосен перезвон», «Братские песни» и двух книжиц (с подзаголовком «Песни голгофских христиан»): «Братские песни» и «Лесные были» в серии «Библиотека "Новая земля"». В 1913 г. между ними происходит разрыв, позже отношения восстанавливаются, но они уже не выступают ни под общим флагом, ни на страницах периодических изданий.

Брюсов ~ и Суриковский кружок... — *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, общественный деятель. Летом 1911 г. при содействии И. Брихничева между Б. и Клюевым завязываются личные отношения. Они переписываются. Б. — автор вступительной статьи к первому сб. стихов поэта «Сосен перезвон». Экземпляр своей книги Клюев дарит Б. с надписью: «Умно любимому Валерию Яковлевичу Брюсову Николай Клюев. Андома, месяц май 1912» (Пв. С. 26). В конце этого же года отправляет поэту свою фотографию с надписью на паспарту: «Валерию Яковлевичу Брюсову с любовью великой Николай Клюев. Зима — 1912» и в ответ получает

фотографию Брюсова с надписью: «Любимому поэту Николаю Алексеевичу Клюеву в знак дружбы

...Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует» (ПБК. С. 188).

Позже их пути расходятся. В 1920 г. Б. опубликовал рецензию на первый том «Песнослова» (Художественное слово. 1920 (на обл. 1921). № 2. С. 64), в которой, по сути дела, перечеркивал свою раннюю оценку клюевского таланта. Поэт ответил резкими строками: «"Песнослову" грозится Брюсов Изнасилованным пером» («Меня хоронят, хоронят...», 1921). На инвективу Клюева Б. не ответил. *Бунин* Иван Алексеевич (1870—1953) — поэт, прозаик, переводчик, академик. *Вересаев* Викентий Викентьевич (наст. фам. Смидович; 1867—1945) — прозаик, литературовед, переводчик. *Телешов* Николай Дмитриевич (1867—1957) — прозаик, автор мемуаров. *Дрожжин* Спиридон Дмитриевич (1848—1930) — поэт, бытописатель русской деревни. *Марксисты...* — Возможно, Клюев имеет в виду *Гарина* (наст. фам. Гарфильд; 1873—1927) Сергея Александровича — поэта, прозаика, драматурга, публициста, партийного и общественного деятеля, члена РСДРП с 1903 г., у которого он подолгу останавливался, приезжая в Москву. *Христиане...* — Вероятно, речь идет о «голгофских христианах» И. Брихничеве, В. Свенцицком, епископе Михаиле, группировавшихся вокруг газ. «Новая земля». Они выступали против официальной Церкви, проповедали свободу религии, выступали за социальную справедливость и нравственное совершенство. *«Золотое руно»* — ежемесячный художественный и литературно-критический журнал символистов, выходивший в 1906—1909 гг. *Суриковский кружок* — Суриковский литературно-музыкальный кружок, литературное объединение писателей-самоучек из народа, созданное в Москве по инициативе поэта И. З. Сурикова. Существовало до 1933 г. Клюев не входил в этот кружок.

Грузинская Божия Матерь... — Грузинская икона находилась в Красногорском м-ре Пинежского уезда Архангельской губ. и была принесена сюда в 1629 г. одним из ярославских купцов. Списки с нее пребывали в Рафаиловской пустыни Казанской губ., в московской Троицкой церкви у Варварских ворот и в московском Алексеевском м-ре. Празднование 22 авг. (4 сент.).

...с Нечайной Радостью — Покойным Ал. Блоком. — *Блок* Александр Александрович (1880—1921) — поэт. Клюева с Блоком связывали долгие и сложные отношения. Они переписывались с 1907 г., не раз встречались как до, так и после революции 1917 г. Здесь Клюев уподобляет поэта названию иконы Божьей Матери с Предвечным Младенцем и молящимся на коленях человеком. Основанием для изображения послужило событие, когда один грешник услышал от иконы нечаянную радость — прощение грехов своих. Празднование 9 (22) дек. Уезжая на родину, Клюев на

несколько дней остановился в Петербурге и отправил Блоку 22 сент. 1911 г. открытку с предложением о встрече (см. п. 38. с. 190). Встреча поэтов, по всей вероятности, состоялась 26 сент., так как в открытке, адресованной матери, Блок писал: «Завтра днем у меня будет Клюев» (ПР. 2. С. 185, 446).

Старела мамушка... — П. Д. Клюева.

с. 37 *...насладиться светом тихим...* — Молитвой «Вечерняя песнь Сыну Божию» («Свете тихий святыя славы Бессмертного Отца...»).

...киноварным Исусом, попирающим врата адовы... — Имеется в виду икона «Сошествие во ад», на которой изображено посещение Христом преисподней после смерти на кресте и погребения, знаменующее Его торжество над смертью и силами сатаны.

...с неприкосновенным светом на лице. — Слова из канона Ангелу-хранителю, кондак, глас 4-й: «...просвети мя светом неприкосновенным...».

Мои «Избяные песни» отображают мое великое сиротство и святыню-мать. — Свой цикл ст-ний «Избяные песни» (1914—1918) поэт посвятил родительнице.

...заржет золотой конь... — Отзвук образа из Откр. (VI, 8): «...и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть».

...считаю только лишь мысленным сором... — Перифраз строк из Послания к Филиппийцам ап. Павла (III, 8): «...и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа».

Помню себя недоростком в Ясной Поляне у Толстого. — О своем посещении писателя Клюев рассказывал в 1910 г. вытегорскому знакомому М. Л. Каминеру (См.: МБК. С. 121).

...двое мужичков под малой печатью... — См. примеч. с. 441.

На горе, горе Сионской... — Слегка измененная строка из песни духовных христиан «На горе-горе» (*Бессонов П.* Калеки перехожие. Вып. 1—6. М., 1861—1863. Вып. IV. С. 249). «Эта песня, — поясняет исследователь сектанства И. Добротворский, — описывает радение людей Божиих и скопцов с их принадлежностями, — рубашками, полотенцами, жгутами, со свечами, кругами и песнями; но замечательнее в ней изображены идеальные стороны радений. Эти радения не просто собрания поющих и пляшущих, даже не просто способы богоугождения, но самое действенное средство телесного соединения с Богом, какие только возможны представлению мистического пантеизма, поэтому сокáет на людей божиих Дух святой; скачет в них и с ними сам Иисус Христос; ходит в них и с ними сам Бог Саваоф и Предтеча; поэтому и песни их архангельские, с ними восстает вся небесная сила — отжившие, по учению их, таинственные мертвецы, которые на небе превращаются в ангелов, и живущие на земле члены их общества, особенно таинственно воскресшие пророки и пророчицы» (*Добротворский И.* Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869. С. 152—154). *Сион* — священная

гора, холм (часть Иерусалима), где, по Библии, была резиденция Давида и храм иудейского бога Яхве.

Помню офицерский дикий суд ~ и отправлен этапом за отцовской порукой в домашнее загуберье. — В нояб. 1907 г. Клюев был призван на военную службу и отправлен в г. Выборг. Поэт не отличался крепким здоровьем. Из-за болезни он лишь год проучился в Петрозаводской фельдшерской школе. Поэтому не исключена возможность, что по этой же причине в начале янв. 1908 г. он уже находился в Петербурге в Николаевском военном госпитале для прохождения медицинского освидетельствования, после чего ему было выдана справка: «Николай Алексеевич Клюев призыва 1907 года, белобилетник. Освобожден от военной службы вследствие тяжелой болезни. 6 месяцев лежал в Николаевском военном госпитале на испытании. *Полк. Туроверов*» (*Вдовин В.* Материалы к биографии Есенина // ВЛ. 1970. № 7. С. 167). с. 38

Три раза я сидел в тюрьме. — В янв. 1906 г. за антиправительственную деятельность и, в частности, распространение «приговоров» бюро содействия Крестьянскому союзу Клюев был арестован и помещен в Вытегорскую уездную тюрьму, затем переведен в узилище Петрозаводска, проведя в местах изоляции «с зачетом предварительного заключения» полгода (См.: МБК. С. 120). В записях Н. И. Архипова от 6 янв. 1923 г. <Автобиографический отрывок> поэт свидетельствует: «Сидел я в Харьковской каторжной тюрьме и в Даньковском остроге (Рязанской губ<ернии>)». Однако документальные данные, подтверждающие слова Клюева, исследователями пока не обнаружены.

...Онего... — Древнерусское название Онежского озера. с. 39

От деревни Титовой... — Деревня Титова находилась в Вытегорском уезде на Архангельском тракте по дороге на г. Пудож.

...до Муч-острова... — оз. Муромское соединяется с Онежским оз. р. Муромкой, отчего местность имеет вид п-ва, известного издревле под наименованием Муромского или о-ва Муч.

...Лазарь и Афанасий Муромские. — От оз. Муромского получил свое название и Муромский м-рь (Пудожский уезд Олонецкой губ.), основанный священноиноком Лазарем, родом из Константинополя, в XIV в. Преставился в 1381 г., погребен в часовне рядом с Успенской церковью. Память 8 (21) марта. В середине XV в. игуменом м-ря стал преп. чудотворец Афанасий, погребен за алтарем Успенской церкви. В 1922 г. м-рь был закрыт. В марте 1992 г. в Свято-Успенском Муромском м-ре возобновилось богослужение (См.: *Нилов Г.* Муромский монастырь. Пудож, 1993).

...Бесов Нос... — Мыс на Онежском оз., состоящий из сплошного гранита. Название свое получил из-за того, что в глубокой древности он был святым местом для соседних идолопоклонников.

...на Купальский день... — На Ивана Купалу, праздник в честь Солнца и огня в связи с летним солнцеворотом у древних славян, который принад-

лежал к числу самых почитаемых и разгульных праздников. Христианская церковь отнесла на 24 июня (7 июля) праздник, посвященный дню рождения Иоанна Крестителя.

...близ Вороньего Бора... — Так назывался медный рудник в Повенецком уезде Олонецкой губ. близ северной оконечности Онежского залива. Рудник разрабатывался во второй половине XVIII в.

...Повенецкие страны. — Имеется в виду Повенецкий уезд, являвшийся самым крупным по площади уездом Олонецкой губ.

...на красный Палеостров к преп<одобному> Корнилию... — На Онежском оз. юго-восточнее Петрозаводска находится небольшой о-в Палей, или Палеостров. В XII в. преп. Корнилием, уроженцем г. Пскова, основан Рождественский Богородицкий м-рь. Главная святыня его — мощи Корнилия, покоящиеся под спудом храма. В м-ре произошли два самосожжения ревнителей древнего благочестия. В 1687 г. скончались в огне 2700 человек и в 1689 г. — около 1500 (См.: *Барсов Е. В.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чтения в императорском Об-ве истории и древностей Российских при Московском ун-те. Кн. 1. С. 19—61; *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 42).

...в Клименицы... — Имеется в виду Клименецкий Троице-Николаевский м-рь на Клименецком о-ве Онежского оз. Основан в 1520 г. св. Ионою Клименецким.

Распутин (*Новый*) Григорий Ефимович (1869—1916) — крестьянин с. Покровское Тюменского уезда Тобольской губ. Был малограмотен, но обладал хорошей памятью, знал наизусть многие страницы Священного Писания и умело толковал его. Приобрел известность как старец и целитель при дворе Николая II (См.: *Смирнов В. Л.* Неизвестное о Распутине. Тюмень, 1999).

с. 40 *...на Гороховой...* — Распутин жил на Гороховой ул., д. 64, кв. 20.

С Царского Села... — *Царское* Село, одна из блестящих загородных резиденций российских императоров, выдающийся памятник русского и мирового зодчества XVIII — начала XX вв. После 1905 г. Николай II с семьей сюда переезжает на постоянное жительство. С 1918 по 1937 г. — Детское Село, с 1937 г. — г. Пушкин.

...от полковника Ломана... — *Ломан* Дмитрий Николаевич (1868—1919) — с 1913 г. полковник, штатный офицер для поручений при дворцовом управлении, ктитор царскосельского Феодоровского собора, уполномоченный императрицы Александры Федоровны по царскосельскому военно-санитарному поезду № 143. Начальник царскосельского лазарета № 17 вел. княгинь Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. Л. был одним из инициаторов создания «Общества возрождения художественной Руси» и организатором вечеров при Феодоровском соборе. Знакомство Клюева с Л. произошло в окт.—дек. 1915 г. 4 янв. 1916 г. Клюев и

Есенин приезжают в Москву, где по указанию Л. им в мастерской русского платья торгового дома «Бр. Стуловы» шьют «боярские костюмы — бархатные длинные кафтаны...» (*Изряднова А. Р.* Воспоминания // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 145). Л. организует выступления поэтов перед вел. княгиней Елизаветой Феодоровной и в Марфо-Мариинской обители (См.: *Субботин С. И.* Два концерта в 1916 году // Автограф. 1995. 21 сент. — 4 окт. С. 5). В начале 1916 г. Л. помог Есенину определиться санитаром в Царскосельский полевой военно-санитарный поезд № 143.

...гостинодворской работы... — Предметы, продававшиеся в крупнейшем петербургском торговом комплексе Гостиный двор (1761—1785 гг., арх. Ж.-Б. Валлен-Деламот).

Семнадцать лет не виделись... — Ранний допетербургский период (конец XIX в.) «старца» темен, и достоверность его по большей части покоится на отрывочных и вольных распутинских сказах, подхватываемых и расцвечиваемых газетами («Русская воля», «Речь», «Новое время», «Петербургский листок» и др.). На основе вот таких «убедительных» свидетельств и сочинялись стилизованные «истории», «жития», и «повести» типа «Вся правда о Распутине» И. Ковыля-Бобыля (Житие блудного старца Гришки Распутина. Сб. М., 1990); воссоздать географию посещения охочим паломником святых мест, в том числе и северных обителей, по ним едва ли возможно. Что же касается встречи Клюева с Распутиным в Петрограде, то ей только способствовало знакомство поэта к окт.—дек. 1915 г. с царедворцем полковником Ломаном.

...у корсунских образов. — Речь идет о списках с иконы Корсунской Божией Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой (Корсунь — древнерусское название г. Херсонеса Таврического), которые имеются во многих церквах и храмах России. Празднование 9 (22) дек.

...о евангельской лилии... — Намек на слова Иисуса Христа из Евг. от Мф. (VI, 28): «И об одежде что беспокоитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут». с. 41

...признался мне, что он ныне ходит «в жестоком православии». — Клюев в уста Распутина вкладывает расхожее обвинение его в принадлежности к хлыстам в предреволюционное время, что не нашло своего подтверждения при весьма тщательном изучении этого вопроса Тобольской консисторией. «Сектантом, — отмечает современный исследователь С. Л. Фирсов, — в миссионерском смысле этого слова он, по крайней мере, в петербургский период жизни все-таки не являлся... можно предполагать, что в течение своих многолетних путешествий Распутин имел многочисленные контакты и с так называемыми "мистическими сектами", которые оказали значительное влияние на формирование его религиозных взглядов, всегда отличавшихся большой широтой и терпимостью» (*Фирсов С. Л.* Православная церковь и государство в последнее

десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 201—202). О традиционном православии говорят и его книги, продиктованные его последователям: Житие опытного странника (май 1907). СПб., 1907; Великие торжества в Киеве. Посещение высочайшей семьи. Ангельский привет. СПб., 1911; Благочестивые размышления. СПб., 1912; Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам. Ч. 1. Пг., 1915.

...Иоанн Новгородский, заклявший беса в рукомойнике... — *Иоанн Новгородский*, архиепископ с 1388 г. За два года до кончины (1417 г.) принял схиму и удалился в Деревяницкий м-рь. Тщанием и трудами его воздвигнуто много храмов и м-рей. И. отличался строгостью исполнений заповедей Христовых и потому ему была дана от Господа власть над нечистыми духами. В житии И. повествуется об искушении его бесом. Однажды во время обычной молитвы в своей келье он услышал, как в его умывальнике кто-то плещется, «и уразуме бесовьское мечтание, и сотворь молитву, и огради сосуд крестом, и запрети бесу: хотяше бо пострашити святого, но приразився твердому адаманту; твердаго же адаманта не поколеба, и сам все лукавый сотреся; и не на долгый час не могый терпети бес, нача въпти <...> Горе мне окаянному! како прельстихся, како внидох семо, недоумевся. Ныне же пусти мя, рабе Божий, и отселе не имам прийти семо» (ВМЧ. Сентябрь. Дни 1—13. СПб., 1868. Стбл. 334). Память 7 (20) сент.

...к Покрову на Садовой... — Имеется в виду церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Большой Коломне (располагалась в центре Покровской площади на пересечении Садовой улицы и Английского проспекта; ныне площадь Тургенева). Храм построен в 1798—1803 г. арх. И. Е. Старовым. В 1932 г. церковь была закрыта, а в 1934 г. снесена под предлогом необходимости выправления трамвайной линии. Сейчас на ее месте находится сквер.

...Чернышёв мост (ныне Ломоносова). — Назван в память генерал-аншефа Г. П. Чернышёва, участника Азовского похода и сражений при Нарве и Полтаве. Построен в 1785—1787 гг.

...к корявому дому на Фонтанке, в котором я проживал... — Сестра поэта К. А. Расщеперина (Ращеперина) с 1914 г. жила на наб. р. Фонтанки, д. 149, кв. 9.

...от медведя посол... — Выражение восходит к строке ст-ния «Я — посол от медведя» (1918 или начало 1919). «Медведь — постоянный персонаж клюевских произведений и спутник его "поэтической" биографии. В стихах он не раз выступает в качестве зооморфного тотема» (*Маркова Е. И.* Творчество Николая Клюева в контексте северорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997. С. 201).

«Что ты, нивушка, гернешенька...» — Ст-ние Клюева (1915).

с. 42 *«Покойные солдатские душеньки...»* — Первая строка из ст-ния «Поминный причит» (1915).

«Подымались мужики-пудожане...» — Третья строка из ст-ния «Мирская дума» (1915).

«Песни из Заонежья»... — Цикл ст-ний, вошедший в сб. «Мирские думы» (1916).

...Царское Село. — См. примеч. с. 450.

...дивным Феодоровским собором. — Феодоровский Государев собор назван в честь иконы Феодоровской Божией матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой; ею же благословлен на царство Михаил Феодорович, первый из рода Романовых (1613 г.), и предназначался для чинов Собственного Его величества Конвоя и Собственного Его Величества Сводного пехотного полка. Построен в течение 1909—1912 гг. по проекту арх. В. А. Покровского, взявшего за образец московский Благовещенский собор, без последующих переделок (XV в.) (См.: Феодоровский Государев собор в Царском Селе. Издание Феодоровского Государева собора, 1915). Дивному храму в своей поэме «Песнь о великой матери» (между 1929 и 1934) Клюев посвятил несколько проникновенных строк:

Феодоровский собор —
Кувшинка со дна Светлояра,
Ярославны плакучий взор
В путивльские вьюги да хмары.
Какой метелицей ты
Занесен в чухонское поле?
В зыбких пасмах медузы-кресты
Средиземные теплят соли.
Что ни камень, то княжья гривна!..

...у царицыной сестры Елизаветы Феодоровны. — *Елизавета Феодоровна* (*Элла*; 1865—1918) — вел. княгиня, урожденная принцесса Гессенская и Рейнская, супруга (вдова) вел. князя Сергея Александровича. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита большевиками под Алапаевском, похоронена в Иерусалиме, в храме св. Марии Магдалины, выстроенном ее супругом. Память 5 (18) июля.

Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942) — живописец. Создал поэтические религиозные образы («Видение отроку Варфоломею», 1889—1890; «На Руси», 1916). В начале янв. 1916 г. Клюев и Есенин находились в Москве и были приглашены к вел. княгине в гости. «...мы с женой, — писал Нестеров, — получили приглашение вел. княгини послушать у нее "сказителей" <...> Вел. княгиня с обычной приветливостью принимала своих гостей... Все поместились вокруг большого стола, на одном конце которого села вел. княгиня. В противоположном конце комнаты сидели сказители. Их было двое: один молодой, лет двадцати, кудрявый блондин с каким-то фарфоровым, как у куколки, лицом. Другой — сумрачный, широколицый брюнет лет под сорок. Оба в поддёвках, в рубахах-косо-

воротках, в высоких сапогах. Сидели рядом. <...> После перерыва стал говорить старший. Его манера была обычной манерой, стилем сказителей. Так сказывали Рябинин, Кривополенова и другие, попавшие к нам с севера. Голос глуховатый, дикция выразительная. Сказывал он про "Вильгельма лютого, поганого". Называлось сказанье "Беседный наигрыш". За ним шел "Поминный причит" и, наконец, "Небесный вратарь". Последние два были посвящены воинам. Из них мне особенно понравился "Поминный причит". <...> Всё, что сказывал Клюев, соответствовало времени, тогдашним настроениям, говорилось им умело, с большой выразительностью» (*Нестеров М. В.* Воспоминания. М., 1989. С. 380–381). В ИРЛИ ЛМ имеется открытка с репродукцией с картины Нестерова «Святая Русь», адресованная Клюеву, с дарственной надписью: «Сердечный привет певцам русской были и небыли от Михаила Нестерова. Москва. 1916» (См.: *Субботин С. И.* Два концерта в 1916 году // Автограф. С. 5).

Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) – живописец. Передвижник. Один из первых русских художников обратился к образам национальной истории и фольклора, посвятив им почти всё свое творчество. Живописец-монументалист – росписи Владимирского собора в Киеве (1885–1896). Предвосхитил получивший широкое распространение в России стиль «модерн».

Так развертывается моя жизнь... – Слегка измененная цитата А. Блока из «Вместо предисловия» (К сборнику «Земля в снегу»): «Так развертывается жизнь» (Блок, 2. С. 373).

...великим в малом... – Выражение восходит к названию книги С. Нилуса «Великое в малом» (1903), которое, в свою очередь, возможно, является отзвуком стиха пр. Исаии: «От малого произойдет тысяча» (X, 22).

Иоанн – св. ап. и евангелист. Один из двенадцати учеников Господа, был его любимым учеником. Он с Петром приготовил пасхальную вечерю, на вечере возлежал на ложе Христа. И. был единственным из ап., стоящим на Голгофе у Креста, первым уверовал в воскресение Иисуса. Автор четвертого Евангелия, трех Посланий и Откровения. Память 8 (21) мая и 26 сент. (9 окт.).

<**Автобиографический отрывок**> (с. 42). – РТК (отр.). С. 200; ОКПП. 1978. № 9 (отр.). С. 103; в статье: *Дементьев В.* Изба-колесница // ЛР. 1979. 12 янв. (отр.); ЛСНК. С. 183.

Печатается и датируется по записи со слов Клюева, выполненной Н. И. Архиповым (ГЛМ).

Впервые сидел я в остроге 18 годов от роду... – См. примеч. с. 449.

Когда пришел черед идти в солдаты... – См. примеч. с. 449.

В Сен-Михеле... — Правильнее: Санкт-Михель, Санкт-Микель — губернский город, совр. название — Миккели.

Сидел я и в Выборгской крепости... — Речь идет о Выборгском замке, основанном правителем Швеции Торкелем Кнутсоном в 1293 г. Русскими властями замок использовался как место временного заключения. В 1826 г. здесь находились декабристы М. С. Лукин, К. А. Анненский, П. А. Муханов и М. Ф. Литвинов. Клюев, вероятнее всего, содержался на гауптвахте. с. 43

Сидел я и в Харьковской каторжной тюрьме, и в Даньковском остроге... — См. примеч. с. 449.

<**Автобиография**> (с. 43). — *Ежов И. С., Шамурин Е. И.* Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней. М., 1925. С. 575 (отр.), с пояснением «Из автобиографической справки 1922 г., записанной со слов поэта П. Н. Медведевым». В ее датировку вкралась опечатка — «1922 г.». Сб. поэта «Ленин» вышел в нояб. 1923 г.; Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами / Сост. П. Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 218.

Печатается по второму тексту медведевской публикации (полностью), датируется — предположительно.

Мне тридцать пять лет... — См. примеч. с. 436.

...по матери... — П. Д. Клюевой.

...по отцу... — *Клюев* Алексей Тимофеевич (1842—1918), крестьянин, уроженец Кирилловского уезда Новгородской губ. За 15 лет дослужился до чина фельдфебеля. Вернувшись домой, стал сидельцем казенной винной лавки в деревне Желвачева Вытегорского уезда, женился не позднее 1881 г. на девушке из старообрядческой семьи. В 1916 г. Есенин встретился с ним в Петрограде и с восхищением писал об этом Клюеву: «...то, что вынес от него, прямо-таки передать тебе не могу. Вот натура — разве не богаче всех наших книг и прений? Всё, на чем ты и твоя сестра ставили дымку, он старается еще ясней подчеркнуть, и для того только, чтоб выдвинуть помимо себя и своих желаний мудрость приемлемого. <...> Нравится мне он» (Есенин, 6. С. 81).

...из-за Сити-реки... — *Сыть* или *Сить*, р. в Вологодской губ., левый приток Кубины.

...тропа Батыева... — См. примеч. с. 440.

От Соловков... — См. примеч. с. 439.

Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь. Во многих своих начинаниях предвосхитил деятельность Петра I. После 1652 г., когда московским патриархом стал Никон, увлекся идеей единения всего православного мира, которая сводилась к модернизации богослужения по образцу новой греческой традиции в ущерб древней. Это привело к рас-

колу Церкви и гонениям на приверженцев старого обряда. В правление А. М. усилилась централизованная власть и оформилось крепостное право. Подавлены восстания в Москве, Новгороде, Пскове и Крестьянская война под руководством С. Т. Разина.

...в предивных строгановских письмах... — Имеется в виду стилистическое направление в русской иконописи конца XVI — начала XVII в. (мастера Прокопий Чирин, Истома, Никифор и Назарий Савины, Ем. Москвин), получившее название Строгановской школы по имени основных заказчиков икон. Для С. ш. характерны миниатюрное письмо, изысканный цветовой строй, манерность поз и жестов.

...в сусальном полыме пещных действ... — Речь идет о представлении в лицах чудесного спасения трех отроков в вавилонской пещи (печи), которое состояло в том, что трое малолетних певчих с дьяконом входили на возвышение, ограждённое решёткой, и пели песнь трех отроков. Обряд совершался до Петра I в русских соборах в неделю праотец. В основу представления были положены события, описанные в кн. пр. Даниила (III, 19—25).

До соловецкого страстного сидения... — См. примеч. с. 439.

...до палеостровских самосожженцев... — См. примеч. с. 449.

...до выговских неколебимых столпов красоты народной. — Имеется в виду Выговская пустыня (полное название — Всепречестная и богоспасаемая киновия отец и братий Всемилостивого Спаса Господа и Бога нашего Исуса Христа Богоявления), основанная дьячком Даниилом Викулиным (Викуловым) ок. 1695 г. и потому называвшаяся еще Даниловым м-рем в Заонежье на р. Выг Повенецкого уезда Олонецкой губ. Сюда стали селиться «старцы» Соловецкого и других северных и внутреннемосковских м-рей, бежавших после «перемены благочестия», и беглые, спасавшиеся от гнета петровских реформ. В. п. стала духовным центром не только Поморья, но и всего древлеправославия, «академией староверия». Вторая половина XVIII и первая четверть XIX в. были для Выгова временем расцвета. Лишь в царствование Николая I последовали репрессии, имеющие целью полное искоренение раскола. В 1855 г. м-рь был сожжен дотла, сгорело около 55 моленных и часовен. Концом пустыни стало варварское разорение кладбищ, которые были перепаханы и посыпаны солью. Сегодня на месте Выгова никаких следов бывших поселений не осталось (См.: *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; *Майнов В. Н.* Мертвый город (Из путевых заметок) // Исторический вестник. 1880. Т. 3. № 11. С. 525—546; *Островский Д.* Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914; *Любомиров П. Г.* Выговское общежительство: Ист. очерк. Саратов, 1924; *Юхименко Е. М.* История Выговской пустыни: В 2 т. М., 2002).

Праотцы (с. 44). — ИТН (отр.). С. 103—104.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...в Белозерске... — *Белозерск* — уездный г. Новгородской губ. на южном берегу Белого оз. Упоминается в летописи под 862 г. как Белоозеро. С 1238 г. — центр Белозерского княжества и крупный торгово-ремесленный город. В настоящее время — райцентр Вологодской обл.

...в веси Егонской... — Весьегонский уезд с центром г. Весьегонск Тверской губ. (ныне р-н Тверской обл.). По преданию, еще до прибытия сюда славян здесь жила весь егонская, получившая название от р. Иогницы. В грамоте царя Ивана IV (1564 г.) упоминается уже село Весь-Егонское, принадлежавшее в то время Пречистенскому Симонову м-рю. В 1776 г. был основан город.

...в Кирилловской стороне... — В Кирилловском уезде с центром г. Кириллов Новгородской губ. (ныне Вологодской обл.). История этих мест тесно связана с историей Кирилло-Белозерского м-ря, основанного преп. Кириллом в 1397 г. на берегу Сиверского оз. Переведенный из Ферапонтова м-ря, здесь провел несколько лет в заточении патриарх Никон.

...из Лексинских скитов... — Лексинский женский м-рь (полное название — Пречестная обитель девственных лиц Честного и Животворящего Креста Господня) — знаменитая беспоповская обитель на берегу р. Лексы в Олонецкой губ., неподалеку от Выговской пустыни. Возникла в начале XVIII в.

...северному Ерусалиму, иже на реце Выге... — Выговская пустыня. См. примеч. с. 456.

...стеной нерушимой. — Слова из акафиста пресвятой Богородице, с. 45
икос 12: «Радуйся, Царствия нерушимая стено».

...левитовы правила... — *Левиты* — потомки Левия, составлявшие третью степень ветхозаветной иерархии, помогавшие священникам для служения при скинии. Круг обязанностей их был разнообразен. Они были музыкантами и певцами, смотрителями за сокровищами и охранителями скиний.

<О себе: Автобиографическая заметка> (с. 46). — КП. 1926. № 30. С. 13.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...в Белозерске... — См. примеч. с. 457.
...в Кирилловской стороне... — См. примеч. с. 457.
...тропа Батыева... — См. примеч. с. 440.
...от студеного Коневца... — См. примеч. с. 441.

...до порфирного быка Сивы... — См. примеч. с. 441.

<**Автобиография**> (с. 47). — В статье: *Кулиниг А. В.* Из истории русской поэзии революционной эпохи. О крестьянских поэтах // Вісник Київського ун-та. 1967. № 9. Сер. філології (отр.). С. 85; Соч. 1. С. 185—186.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).

Датируется условно. На другом листе бумаги такого же формата и окраски, а также цвета чернил поэтом записан текст, который им, несомненно, рассматривался как приложение к «Автобиографии»:

Родился 1886 г.

Из поэмы «Мать-Суббота»

Братья, Субботе Земли
Всякий любезно внемли:
Лишь на груди избяной
Вы обретете покой!

Николай Клюев.

Мои книги:

Сосен перезвон 1
Братские песни 2
Лесные были 3
Мирские думы 4
Неувядаемый цвет 5
Четвертый Рим 6
Мать-Суббота 7
Медный кит 8
Песнослов первый 9
Песнослов второй 10
Плач о Сергее Есенине 11
Львиный хлеб 12

Поэмы:

Деревня 1
Заозерье 2
Изба и поле 3

Избранные стихи. (Цит. по: Соч. 1. С. 204—205).

Родился 1887 г. ... — См. примеч. с. 436.

...с северного Поморья. — См. примеч. с. 446.

...в книге «Виноград Российский» навеки поминаются. — «Виноград Российский» или, по некоторым рукописям, «Вертоград духовный», у Павла Любопытного (1772—1848) — старовера поморского согласия, писателя и историка книга названа «Исторический и новый вертоград Хри-

стов, или плачевныя и горестныя повести от множественно пострадавших за православную веру и благочестие от руки Никона, патриарха московского и ревностных его защитников» — главное историческое сочинение настоятеля Выговской пустыни Семена Денисова (30-е гг. XVIII в.; отд. изд. М., 1906). Так как Клюев не указывает фамилий своих предков, а боярина Серых, которого он упоминает в «Праотцах», нет в сочинении, то невозможно установить, кого он имеет в виду из поминаемых в «Винограде» лиц.

...и Пинеги... — г. и р. Пинега в Архангельской губ.

...до сапфирных гор китайского Беловодья. — Беловодье — название легендарной страны, где, по народным представлениям, распространенным среди бегунов или странников XVIII—XIX вв., сохранилось древлеправославное благочестие с благоверным государем и святейшим патриархом во главе, с сонмом благочестивого духовенства. Предполагалось, что Б. находится на Востоке, в горах Тибета или в Опоньском (Японском) царстве. Его страстно искали и горячо надеялись найти. Время от времени появлялись удачливые, кто побывал там. Постепенно поиски Б. угасли. «Легенда о Беловодье, — отмечает современный исследователь русских утопий К. В. Чистов, — была отнюдь не просто фантазией, рожденной пассивной мечтательностью. Она была поэтическим стимулом и санкцией своеобразного антифеодального движения, специфической формой борьбы крестьянства с правительством... формой до предела наивной и трагически бесперспективной, но исторически неизбежной» (*Чистов К. В.* Легенда о Беловодье // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 175).

...за сор мысленный... — См. примеч. с. 448.

Родился 1886 г. — См. примеч. с. 436.

Биография (с. 47).

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

Главискусство (*Главное управление по делам искусства при Наркомпросе РСФСР*) — созданное 13 апр. 1928 г. Постановлением СНК особый орган для осуществления идеологического и организационного руководства в области развития литературы и искусства (См.: СУ РСФСР. 1928. № 41. Ст. 313).

Родился 1887 г. — См. примеч. с. 436.

...назначении мне персональной пенсии. — В 1932 г. поэту была назначена персональная пенсия. См. п. 179, с. 282.

Раздел II

ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛЕТ: О СЕБЕ И ВРЕМЕНИ, КЛАССИКАХ И СОВРЕМЕННИКАХ

1. Голубая Суббота (с. 51). – НК (отр.). С. 243; СЕ. С. 964.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Голубая Суббота. – Первоначальное название поэмы «Мать-Суббота» (1922).

...жертва Авеля... – Авель – по Библии второй сын Адама и Евы, убитый старшим братом Каином. Иисус Христос и ап. Павел называют его «праведником» (Мф. XXIII, 35; Евр. XI, 41), а отцы Церкви «первым мучеником», пролившим кровь за правду.

...пахарь целует в уста древнего Змия... – Почти во всех мифологиях Змий, Змей является символом, связанным с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, с домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой (См.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 468).

2. **«Я бы давно написал...»** (с. 51).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 1 и 8, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

3. **«С такой силой и в таком неистовстве...»** (с. 52).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 1 и 8, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

4. **«Не хочу быть литератором...»** (с. 52).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 1 и 8, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

5. **«Разные ученые люди...»** (с. 52).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 1 и 8, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Нельдихен (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер; 1891–1942) Сергей Евгеньевич – поэт. Входил в акмеистическую группу «Цех поэтов». Автор сб. ст-ний «Органное многоголосье» (1922), «Праздник» (1924) и др. Опубликовал несколько книг, адресованных детям, выступал как критик.

Тяготел к словесному эксперименту, свободному стиху, афоризму. В 1931 г. был арестован и пять лет провел в Средней Азии. В 1941 г. вновь арестован и погиб в заключении. *Адамович* Георгий Викторович (1892—1972) — поэт, эссеист, критик, переводчик. В 1914—1915 гг. сблизился с поэтами-акмеистами. В 1916—1917 гг. один из руководителей 2-го «Цеха поэтов». А. поэтически неплодовит (всего написано около ста ст-ний). После Октября участвовал в работе 3-го «Цеха поэтов». В 1923 г. эмигрировал во Францию, где основные усилия сосредотачивает на литературной критике. В конце 20-х — начале 30-х гг. А. становится одной из немногих в литературе фигур в культурной жизни русского Зарубежья и ее главным летописцем.

6. **«Лучшие мои произведения...»** (с. 52). — ОНП (отр.). С. 101.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 1 и 8, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Миролюбов Виктор Сергеевич (1860—1939) — певец, литератор, издательский деятель. В 1892—1897 гг. пел на сцене Большого театра. С 1897 г. издавал и редактировал популярный литературно-научный «Журнал для всех», который пять раз закрывался правительством, но выходил под другим названием («Народная весть», «Трудовой путь», «Наш журнал»). В 1908 г. журн. был окончательно закрыт и М., привлеченный к судебной ответственности, вынужден эмигрировать. Вместе с А. В. Амфитеатровым редактировал журн. «Современник» и заведовал литературным отделом журн. «Заветы». В 1913 г. в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых амнистирован и вернулся в Россию. С 1914 по март 1918 г. издавал и редактировал научно-популярный «Ежемесячный журнал». По воззрениям был «близок старым народовольцам» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 58. Л. об.). Умер в Ленинграде.

7. **«Мой Христос...»** (с. 53). — ОНП (отр.). С. 120; СЕ (отр.). С. 29—30.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 1 и 8, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Мой Христос не похож ~ то жизнь пляшущего кристалла... — Белый Андрей (наст. имя и фам. Бугаев Борис Николаевич; 1880—1934) — поэт, прозаик, литературовед, мемуарист. Клюев полемизирует с отдельными положениями статей Белого, вошедших в его сб. «Символизм» (1911) и «Арабески» (1911).

...*«Приимите, ядите...»* — Из стиха Евг. от Мф. (XXIII, 26).

...*«Кто ест плоть мою, тот не умрет и на Суд не приидет, а перейдет из смерти в живот»*. — Перифраз стихов из Евг. от Ин. (V, 24) и 1 Кор. (XI, 24—31).

8. **«Наша интеллигенция...»** (с. 53).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Наша интеллигенция ~ тем «Пепел» Андрея Белого. — Отзвук высказывания А. С. Пушкина из заметки «Опровержение на критики»: «...не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В X т. Л., 1978. Т. VII. С. 122). В 1909 г. вышел сб. ст-ний Белого «Пепел», посвященный памяти Н. А. Некрасова и во многом навеянный его творчеством, состоял в основном из произведений о трагическом положении современной России.

9. **Четвертый Рим** (с. 53). — СЕ (отр.). С. 41.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 8 и 13, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...древний Змий... — См. примеч. с. 460.

Возвращение Жениха... — Под словом Жених имеется в виду Иисус Христос, Жених Церкви Своей и всякой души христианской (Мф. XXV, 1—3).

10. **Львиный хлеб** (с. 54).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 8 и 13, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...не будет уже для Европы щитом. — Отзвук строк из ст-ния А. Блока «Скифы» (1918): «Мы, как послушные холопы, Держали щит меж двух враждебных рас Монголов и Европы!».

11. **«Там, в вечных темных полях...»** (с. 54).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 8 и 13, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Паганини Никколо (1782—1840) — итальянский скрипач и композитор. Один из основоположников музыкального романтизма. Заложил основы современной скрипичной техники.

12. **«Я — лень непробудная...»** (с. 54).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 8 и 13, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

13. **«Кольцов – тот же Васнецов...»** (с. 55). – СЕ. С. 848.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842) – поэт. Воспел радостный труд человека на земле, слитность его с природой. Реалистические картины сочетаются в некоторых его стихах с известной идеализацией народной жизни. Многие ст-ния положены на музыку.

Дагон – западносемитский бог, покровитель земледелия.

...«жаркой свечи перед иконой Божьей Матери». – Измененная цитата из заключительной строфы ст-ния Кольцова «Урожай» (1835): «Но жарка свеча Поселянина Пред иконою Божьей Матери».

14. **«Разные есть муки слова...»** (с. 55). – СЕ. С. 46.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 13 и 15, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

«Когда зашло солнце ~ на лохматые лапы...» – Строки из повести С. Сергеева-Ценского «Лесная топь», опубликованной в литературно-художественном альманахе изд-ва «Шиповник» (Кн. 1. СПб., 1907. С. 45). В последующих переизданиях этого произведения, начиная с 1924 г., автор стал называть его поэмой. *Сергеев-Ценский* (псевд., наст. фам. Сергеев; 1875–1958) Сергей Николаевич – писатель, академик. Автор множества рассказов, повестей, пьес, историко-революционной эпопеи «Преображение России» (1914–1958) и романа «Севастопольская страда» (1937–1939).

15. **«Читали «Записки из подполья»...»** (с. 55).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...«Записки из подполья»... – Повесть Ф. М. Достоевского (1864), в которой писатель не только вскрывает индивидуалистическое «подполье» человеческой натуры, но и полемизирует с теорией «разумного» эгоизма Н. Г. Чернышевского, впервые подвергает резкой критике идеи социализма и стремления революционных демократов построить разумное общество установлением социалистического строя.

...под сень Креста, в основании которого череп Адама... – По Евангелию, крест Иисуса Христа был водружен на Голгофе (букв. «место черепа»), где, по преданию, был погребен Адам. В иконографии у ног Спасителя изображается череп с двумя лежащими крестообразно костями – подразумевается, что это останки Адама.

...в хрустальном дворце... — Намек на «Четвертый сон Веры Павловны» в романе Чернышевского «Что делать?» (1863), где описан хрустальный дворец, в котором живут люди социалистического общества. «...Останавливаюсь у кабаков (пивных), которых развелось множество. Из всех пивных рваные люди, измызганные и несчастные, идут, ругаясь и падая. Иногда кажется, что пьяных в городе больше, чем трезвых. "Из этого материала строят у нас Хрустальный дворец — да и чем строят!" — говорит начитавшийся Достоевского Клюев» (*Чуковский К. И.* Дневник (1901—1929). М., 1997. С. 416).

16. **«Покупали с Ник<олаем> Ал<ексеевичем> подошвы...»** (с. 56).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 15 и 18, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...на Андреевской толкучке... — Речь идет об Андреевском (ныне Василеостровском) рынке Санкт-Петербурга, находящемся близ Андреевского собора (1748 г.).

...в Пролеткульте... — *Пролеткульт* (*Пролетарская культура*) — просветительская и литературно-художественная добровольная организация (1917—1932), пропагандировала идею «чистой» пролетарской культуры, отрицая предшествующую культуру и классическое наследие.

...из садофьевского садка... — Имеются в виду последователи творчества поэта Ильи Ивановича Садофьева (1889—1965), автора поэмы «Поступь Октября « (1917), сб. ст-ний «Динамо-стихи» (1918), «Простей простого» (1925) и др., проникнутых революционным пафосом.

17. **«Что ты, да разве Садофьев — личность?»** (с. 56). — КИР (отр.). С. 66.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 15 и 18, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

18. **«Пишут обо мне не то, что нужно»** (с. 56). — НК (отр.). С. 247; СЕ. С. 935—936.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...у какого-нибудь Исаака Сириянина... — *Исаак Сирин* (VIII в.) — св., аскет, вел строго подвижническую жизнь в пустыне. По просьбе граждан Ниневии стал епископом, но через несколько месяцев покинул город и поселился в м-ре. Оставил много сочинений о судах, благочинии, о божественных тайнах и духовном управлении. Память 12 (25) апр.

...ветер Месопотамии. – Месопотамия – Двуречье, область в среднем и нижнем течении рр. Тигр и Евфрат (Западная Азия). Один из древнейших очагов цивилизации.

19. **«Я не нашел более приятных способов выражения Блоку своей приязни...»** (с. 57). – ОНП. С. 91.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 18 и 24, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

В этой же книге «Сосен перезвон»... – Имеется в виду первый сб. ст-ний Клюева, вышедший в 1911 г. (на обложке: 1912).

И если разные Городецкие ~ что я родился из Блока... – Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – поэт, прозаик, драматург, переводчик. Начинал как поэт-символист. В сб. «Ярь» и «Перун» (оба в 1907 г.), «Дикая воля» (1908), «Русь» (1909) и др. отразил древнюю, языческую Русь с ее обрядами, обычаями, верованиями. Осенью 1911 г. в Петербурге познакомился с Клюевым и стал горячим приверженцем его поэзии, способствовал сближению с «Цехом поэтов», с кругом журн. «Аполлон». В окт. 1915 г. организовал группу «Краса», в которую входили поэты, связанные с деревней: Н. Клюев, С. Есенин, А. Ширяевец, С. Клычков, а также столичные писатели А. Ремизов и Вяч. Иванов. Однако группа вскоре распалась, а Г. в 1916 г. уехал на Кавказ, где и застал его Октябрь, который он принял не без колебаний. Вернувшись в Россию, он весьма плодотворно выступал на страницах печати. В начале 20-х гг. пути поэтов разошлись и больше не пересекались.

Г. восторженно приветствовал в рецензии первый сб. поэта «Сосен перезвон» и здесь же появился тот оценочный мотив, который будет повторяться: «На книжке, – писал Г., – стоит посвящение: Александру Блоку. Нечаянной Радости (Влияние его стихов несомненно)» (Речь. 1911. 5 дек.). В статье «Незакатное пламя», посвященной этому же сб., он отмечал «единство метода, темы и ритма у вытегорского мужика и петербургского модерниста!.. И поистине безбрежен поцелуй двух поэтов – учителя и ученика, Блока и Клюева» (Голос земли. 1912. 10 февр.). В «Воспоминаниях об Александре Блоке» он подчеркнул: «Клюев целиком использовал Блока в ранних своих стихах» (Печать и революция. 1922. № 1. С. 85).

20. **«Городецкий супротив Блока...»** (с. 57). – СЕ. С. 856.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 18 и 24, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

21. **«Исчадие питерских помойных ям...»** (с. 57). — СЕ. С. 926—927.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 18 и 24, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...со смердяковским идеалом открыть кафе в Москве «для благородных»... — Речь идет о персонаже романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880) Павле Смердякове, внебрачном сыне Ф. П. Карамазова и Лизаветы Смердящей и его высказывании: «...при счастье могу в Москве кафе-ресторан открыть на Петровке» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 205).

...выше крыши «Европейской» гостиницы. — Речь идет о петербургской гостинице «Европейская» (ныне — «Европа»). Сооружена в 1873—1875 гг. В 1908 г. надстроен 5-й этаж, где в 1910 г. открыт ресторан «Крыша» с летним залом и садом.

...тропа Батыева... — См. примеч. с. 440.

22. **«У меня не мера какая-нибудь...»** (с. 58).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 18 и 24, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

23. **«Я думаю, что священный сумрак гумна...»** (с. 58). — ОНП. С. 91.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 18 и 24, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

24. **«Есть подземный пчельник...»** (с. 58).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Александр Свирский (1448—1533) — преп., новгородец, постриженник Валаамской обители, основатель вблизи р. Свири известного и по его имени названного Александро-Свирского м-ря. Память 30 авг. (12 сент.).

25. **«Чтобы быть писателем...»** (с. 59).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...богатырем Черномором... — Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820).

26. **«Паровому котлу нечего сказать...»** (с. 59). — СЕ. С. 41.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Бердников Яков Павлович (1889—1940) — поэт. Активный участник пролеткультовской группы «Космист». Сб. стихов «Сонет рабочего» (1917) и «Цвет сердца» (1919). Одна из основных тем поэзии Б. — гибель старой Руси и рождение новой России. *Арский* Павел (наст. фам. и имя Павел Александрович Афанасьев; 1886—1967) — поэт, драматург. В 1918—1922 гг. активный деятель петроградского Пролеткульта. Сб. стихов «Песни борьбы» (1918) и «Серп и молот» (1925). Поэзия А. проникнута идеями революционной борьбы.

27. **«Критики моей поэмы "Мать-Суббота"...»** (с. 59). — МНК (отр.). С. 69; СЕ. С. 965.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Критики моей поэмы ~ как подлинную. — Клюев имеет в виду слова из рецензии Вс. Рождественского на поэму «Мать-Суббота»: «Клюев большой мастер метафоры, и то, к чему бесплодно стремились имажинисты, дано у него необычайно легко и просто... Конечно, здесь и сила и слабость. Этот прием делает стихи слишком осмысленными, а поэзия, говорил Пушкин, "прости, Господи, должна быть глуповата"» (ЗТ. 1923. № 55. С. 8).

...*Китеж*... — Китеж-град (Нижегородская губ.) во время нашествия Батыя на Русь «укрепился в светлых водах озера Светлояра. Там, в чистой глуби, сияют его кресты и оттуда несется его благословенный звон. <...> К Светлояру народ собирается в праздники Вознесенья, Петра и Павла, Троицын день... Каждый год, с весны тянутся богомольцы, — на Китеж Богу молиться. <...> Хождение к Китежу есть хождение к Единой Церкви — общее хождение всех, хранящих Ее в себе, утерявших, ищущих Ее, враждующих с Нею, — но всё равно, нуждающихся в Ней последней нуждой» (*Дурылин С.* Церковь невидимого града. Сказание о граде Китеже. М., 1914. С. 21, 32, 36). Легенда о К. возникла в среде старообрядцев. Она легла в основу оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1904).

...*Экклезиаст*... — *Екклесиаст* (греч. проповедник) — ветхозаветная книга, автором которой считается царь Соломон.

28. **«Популярность не есть прекрасное»** (с. 59). — МНК. С. 69.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 27 и 32, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

«Чудный месяц»... — Имеется в виду «жестокий» городской романс. Автор текста Вас. И. Немирович-Данченко «Ты любила его всей ду-

шою...» (1882). В сокращенном и переработанном виде стал называться «Чудный месяц» (См.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 2. С. 241, 418–419, 494).

Ахматова Анна Андреевна (наст. фам. Горенко, в замужестве Гумилева; 1889–1966) – поэт. Осенью 1911 г. в Петербурге, вероятно, в журн. «Аполлон» состоялась встреча Клюева с А. В 1912–1913 гг. Клюев неоднократно виделся с нею на литературных вечерах, где он выступал с акмеистами на заседаниях «Цеха поэтов», в кафе «Бродячая собака». Поэт подарил ей свой сб. «Лесные были» с надписью: «Анне Ахматовой – любимой поэтессе. Николай Клюев. Андома. 1913 год» (Цит. по: МНК. С. 67). В дек. 1915 г. Клюев и Есенин навестили Гумилевых в Царском Селе. После ареста поэта А. продолжала интересоваться его судьбой. Почти четверть века они «сохраняли друг о друге высокое уважительное мнение. Каждый из них признавал талант и незаурядность другого, умел отдать ему должное... поэты не теряли друг друга из виду даже в труднейшие для них обоих 1934–1937 гг.» (МНК. С. 69). Строки из ст-ния Клюева «Клеветникам искусства» (1932): «Ахматова – жасминный куст... Где Данте шел и воздух густ», процитированные ею по памяти, были поставлены эпиграфом ко второй части («Решка») «Поэмы без героя» (1940–1963). «Лучшее, что сказано о моих стихах», – отметила А. (*Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1979. С. 518).

29. **«Сердце словно вдруг откуда-то...»** (с. 60).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 27 и 32, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

«Сердце словно вдруг откуда-то...» – Третья строка из первой строфы ст-ния В. Ф. Ходасевича «Так бывает почему-то...» (1920) из сб. «Тяжелая лира» (1922).

Демьян Бедный (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) – поэт. Начал печататься с 1899 г. С 1911 г. активно сотрудничал в большевистских изданиях. В годы Гражданской войны широчайшей популярностью в народной среде пользовались песни и агитационные стихи Д. Б. Его поэзия насыщена афористическими выражениями, входившими в живую речь эпохи.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) – поэт, мемуарист. Автор сб. «Молодость» (1908), «Счастливый домик» (1914), «Путем зерна» (1920). В 1922 г. покинул Россию. Последний прижизненный сб. – «Собрание стихов» (1927), сб. статей «О Пушкине», книга воспоминаний и литературных портретов «Некрополь» (1939). В своем творчестве Х. стремился соединить традиции русской классической поэзии с мироощущением человека XX в.

...с поля Иезекиилева... — Поле Иезекиилево — образ, восходящий к ветхозаветной кн. пр. Иезекииля, особо рельефное отображение нашел в иллюстрациях к Библии французского графика Г. Доре (1864—1866).

30. **«Я очень люблю живопись старых голландских мастеров...»** (с. 60).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 27 и 32, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

31. **«Блок отгорожен от живого солнца и живой земли...»** (с. 60).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 27 и 32, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Блок ~ Офицерской улицей. — С июня 1912 г. по 7 августа 1921 г. поэт жил на Офицерской улице (ныне — ул. Декабристов), 57. Сейчас здесь находится музей-квартира А. Блока.

32. **«Мне надо идти куда-нибудь в приход священником...»** (с. 60).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

33. **«Сегодня во сне слышал стихи...»** (с. 61).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 34 и 41, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Чтоб Русь, как серьга, повисла в моем цареградском ухе... — Строка из третьей строфы ст-ния «От иконы Бориса и Глеба...» (1921—1922).

34. **«Видел на Сенной рыбину в сажень...»** (с. 61).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...на Сенной... — Имеется в виду Сенной рынок в Санкт-Петербурге. Еще в 30-х гг. XVIII в. здесь, у начала Московского тракта, шла торговля сеном. Отсюда произошло название рынка и площади.
...Поморье... — См. примеч. с. 446.

35. **«Вот подлинно огненное имя...»** (с. 61). — СЕ (отр.). С. 9.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 34 и 41, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка. Вершина творчества Д. — поэма «Божественная комедия» (1307—1321). Оказал большое влияние на развитие европейской культуры.

Мильтон Джон (1608—1674) — английский поэт, политический деятель. В библейских образах знаменитых поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671) поставил вопрос о праве человека на поступок, нарушающий мораль, освященную богословием. Трагедия «Самсон-борец» (1871) — образец героико-драматического произведения.

Князев Василий Васильевич (1887—1937) — поэт-сатирик, собиратель фольклора. С 1905 г. печатался в сатирических листках и журналах. Постоянный автор журн. «Сатирикон» (1908—1913). После Октября сотрудничал в советской печати. Погиб в лагере.

36. **«Такие стихи о России...»** (с. 61). — ОНП (отр.). С. 100.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 34 и 41, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

37. **«Всякого мусора навалили на Блока...»** (с. 62).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 34 и 41, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...всю его могилу засрали... — Поэт был похоронен на Смоленском кладбище Петрограда на Гинтеровской дорожке, позже переименованной в Блоковскую. На его могиле установили деревянный крест. С 1922 г. кладбище считалось «фактически закрытым для погребения из-за отсутствия мест». В 1937 г. намечалось распланирование кладбища «со сносом могил и останков памятников» и использованием его территории в дальнейшем «под сад общего пользования» (См.: Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 244). В связи с исполнияющимся 7 авг. 1941 г. двадцатилетием со дня смерти Блока Исполком Ленгорсовета 27 марта 1941 г. принимает решение «перенести прах поэта А. Блока на Литераторские мостки (Некрополь XX-го века)» (ЦГА СПб. Ф. 1384. Оп. 18. Ед. хр. 1377. Л. 32). Однако осуществить это удалось лишь после снятия блокады города 26 сент. 1944 г. (См.: *Максимов Д.* Memoria о перенесении праха Ал. Блока // Литературное обозрение. 1987. № 5. С. 65—66).

38. **«За меня и за себя Есенин ответ дал»** (с. 62). — КоЕ.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 34 и 41, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) – поэт. Знакомство с Клюевым произошло в окт. 1915 г. Более десяти лет длилась дружба-вражда двух поэтов. Клюев оказал большое влияние на раннего Есенина.

Разным Львовым-Рогачевским... – Львов-Рогачевский (наст. фам. Рогачевский; 1873—1930) Василий Львович – критик и литературовед. Его объяснения литературных явлений сводились к принципам вульгарного социологизма.

...от Сурикова... – Суриков Иван Захарович (1841—1880) – поэт. С любовью рисовал крестьянский труд. В произведениях на исторические темы ярко сказалась связь его поэзии с фольклором. Многие стихи стали народными песнями.

39. **Из беседы со священником живой церкви** (с. 62).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 34 и 41, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...со священником живой церкви. – Речь идет о «Живой церкви» – организации обновленцев русской православной Церкви (1922—1945), «детище Л. Д. Троцкого» (См.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980. С. 181). Требовала лишения патриарха Тихона сана за резкое осуждение действий властей, направленных против Церкви и верующих, ликвидации монашества. Выступала за модернизацию христианского вероучения и культа. Обновленчество не получило значительного влияния на верующих. Теряя почву для дальнейшего развития своего движения, оно стало постепенно возвращаться в патриаршую Церковь.

...в Ерусалим только на осле и можно въехать! – Намек на эпизод из Евангелия, когда Иисус Христос для празднования Пасхи торжественно въехал в Иерусалим на молодом осле (Мф. XI, 2—7; Мк. XI, 2—10).

40. **«Среди человеческого мусора...»** (с. 62).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 34 и 41, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Гребенщиков Яков Петрович (1888—1935) – библиограф и библиотековед. В 1920-х гг. в Государственной Публичной библиотеке. В 1930—1933 гг. заведовал Центральной Геологической библиотекой (Ленинград). В 1933 г. подвергся административной ссылке в Казахстан. Там заведовал Центральной сельскохозяйственной библиотекой. Умер в Алма-Ате. Г. был подлинным рыцарем книги, любил ее самозабвенно. Его называли «василеостровским книгочеем». В письме, написанном уже под его диктовку, за несколько дней до кончины, он с горестью восклицал: «Книжки мои, как мне тяжело и немыслимо расставаться с вами; как я вас лелеял и холил; как я вас ласкал, мои единственные физические и

духовные любовники. Я помню каждую, которая хоть день побывала у меня. Я был предан вам, книжки, к стыду своему, больше, чем людям. Вы же не обманывали меня. Вы доставили мне жизнь счастливую, полную счастья» (РНБ. Ф. 1041. Ед. хр. 2. Л. 1).

Иоанн Лествичник (VI в.) — преп., прожил отшельником сорок лет в пустыне близ горы Синай. Написал сочинение «Лествица», где представил тридцать ступеней духовного восхождения от совершенства к совершенству. Память 30 марта (12 апр.).

...нерушимой стены... — См. примеч. с. 457.

...Ионафан... — Речь идет о старшем сыне царя Саула и друге Давида, сподвижнике отца в войне с филистимлянами. Он любил Давида, как свою душу (1 Цар. XVIII, 1), и эту любовь к нему питал до самой своей смерти.

41. **«Был у Тихонова в гостях...»** (с. 63). — НКС. С. 115.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — поэт, прозаик, переводчик, общественный деятель. Работал в редколлегиях журн. «Резец», «Звезда», «Литературная учеба», нового серийного издания «Библиотека поэта». Состоял в Оргкомитете по подготовке Первого съезда писателей, руководил Ленинградским отделением Союза советских писателей.

Квартира у него большая... — Клюев несколько преувеличивал. Тихонов занимал две комнаты в коммунальной квартире с 1922 г. вплоть до отъезда в Москву в 1944 г.

Шишкина Цур-Милен Нина Александровна — певица, была весьма популярна в артистических и художественных кругах города. В октябре 1925 г. праздновалось 20-летие литературной деятельности Кузмина. «Был большой праздник. Сохранилась фотография... Кузмин сидит в окружении двух Анн — Анны Ахматовой и Анны Радловой, а кругом поэты и писатели: Михаил Лозинский, Николай Клюев, Константин Федин, Даниил Хармс, Павел Медведев, Юрий Юркун, цыганская певица Нина Шишкина, художники Николай Радлов, Василий Калужнин и другие» (*Наппельбаум И.* Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1999. С. 33).

Неслуховская Мария Константиновна (1892—1975) — художница и режиссер кукольного театра, жена Тихонова.

...стихи «Юг» и «Базар». — Ошибка памяти. Тихонов, по всей видимости, прочел несколько ст-ний из цикла «Юг», в том числе и «Базар» (1923), которые позже вошли в сб. «Поиски героя» (1927).

42. **«Глядишь на новых писателей...»** (с. 63). – НКС. С. 115.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Никитин Николай Николаевич (1895–1963) – писатель. Входил в группу «Серапионовы братья». Автор романов, рассказов и пьес. Главные его темы – борьба с интервентами и героика социалистического строительства.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – писатель. В ранних повестях «Партизаны» (1921), «Бронепоезд 14-69» (1922), «Цветные ветра» (1922) изобразил народ, отстаивающий завоевания революции. Входил в группу «Серапионовы братья».

Пильняк (наст. фам. Вогау; 1894–1941) Борис Андреевич – писатель. В романе «Голый год» (1921) и в рассказах – изображение быта революционной эпохи, «Повесть петербургская» (1922), «Третья столица» (1923) – размышления о судьбах России, о ее историческом пути. В 30-е гг. всё больше расширяет материал своих исторических параллелей, обращаясь к современной жизни и к истории разных стран. Репрессирован.

43. **Бесовская басня про Есенина** (с. 63). – НК (отр.). С. 249–250; КоЕ.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 42 и 45, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Привели меня в Питер по этапу... – Приблизительно в июле 1923 г. Клюев был арестован в Вытегре и доставлен в Петроград, но через несколько дней выпущен (См.: НК. С. 248).

...вышел из узилища на Гороховой... – На Гороховой, 2 и в прилегающих к нему домах располагалось петроградское ГПУ при НКВД РСФСР в 1922–1923 гг.

...своим углом обзавелся... – В этом ему помог председатель петроград- с. 64
ского правления Госиздата И. И. Ионов. Клюев поселился на Большой Морской (позже переименована в ул. Герцена). По воспоминаниям современников, клюевский притин поражал их воображение. «Перед нами была изба, по бревнышку перенесенная из Олонецкой губернии и собранная заново, разместившаяся в петербургской квартире.

Между бревен торчал мох. Из щелей выполз таракан. Под дощатым потолком были полати. Большая русская печь занимала половину избы. Перед печью стояла квашня» (*Гор Г.* Замедление времени // Звезда. 1968. № 4. С. 183).

И пришло мне на ум написать письмо Есенину... – Местонахождение этого письма неизвестно, возможно, оно утрачено.

...женитьбе богатой и легкой... — Речь идет о браке Есенина с А. Дункан.

...внук Коловратов... — Намек на Евпатия Коловрата, рязанского богатыря, который зимой 1237—1238 г. нанес поражение монголо-татарам во Владимиро-Суздальской земле. Убит в бою. Его подвиги описаны в «Повести о разорении Рязани Батыем».

...плат Вероники... — *Св. Вероника*, по преданию, была благочестивой иерусалимской женщиной. Когда Христос проходил мимо нее на Голгофу, она сняла с себя свое головное покрывало и передала его Спасителю, чтоб Он мог отереть кровь и пот со своего лица. Он возвратил ей покрывало, на котором отобразились черты Его лица. Память 4 (17) окт.

с. 65 *...грозил ГЕПЕУ...* — ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР) — орган по охране государственной безопасности в 1922—1923 гг. Преобразовано в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР) в 1923—1934 гг. Включено в НКВД и переименовано в Главное управление гос. безопасности.

...«Стойло Пегаса»... — Литературное кафе «Ассоциации вольнодумцев» имажинистов во главе с С. А. Есениным, А. Б. Мариенгофом и В. Г. Шершеневичем, открытое в помещении бывшего кафе «Бом» на Тверской ул., 37. Оформлял новое кафе художник Г. Б. Якулов. В 1924 г., сообщала в письме к Есенину Г. А. Бениславская, «"Стойло", к моей неописуемой радости, закрыто» (ЕСЖ. С. 239).

...«Отче Наш»... — Начальные слова молитвы Господней (МФ. VI, 9—13).

...«Копытами в небо»... — Реминисценция строки «В небо ударил копытами грозно...» из ст-ния А. Б. Мариенгофа «Толпы, толпы, как неуемные рощи...», вошедшее в коллективный сб. «Явь» (1919). С. 16.

44. **«Музыка, не вызывающая видений...»** (с. 66).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 42 и 45, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

45. **«Чувствую, что я, как баржа пшеничная...»** (с. 66).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...Ефрату... — *Евфрат*, р. в Турции, Сирии, Ираке. В низовье сливается с р. Тигр. В Библии называется рекою великою и составляет восточную границу земли обетованной (Втор. 1, 7; Нав. 1, 4).

...в море Хвалынское... — Древнерусское название Каспийского моря.

46. **«Бедные критики, решающие, что моя география — "граммофон из города"...»** (с. 66).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 45 и 47, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

47. **«Лучше телят пасти, чем сидеть в канцеляриях...»** (с. 67).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

48. **«Кто Фета не чувствует да не любит...»** (с. 67). — СЕ. С. 932.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 47 и 49, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Фет (наст. фам. Шеншин; 1820—1892) Афанасий Афанасьевич — поэт, чл.-кор. Петербургской АН. Насыщенные конкретными приметами картины природы, мимолетные настроения человеческой души, музыкальность: «Вечерние огни» (Сб. 1—4. 1883— 1891). Многие стихи положены на музыку.

49. **«Слушал Россию, какой она была 60 лет тому назад...»** (с. 67).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...удары Царя-колокола... — Царь-колокол — памятник литейного искусства XVIII в., установлен в Московском Кремле, отлит русскими мастерами И. Ф. и М. И. Маториными.

50. **«"Столп и утверждение Истины" П. Флоренского...»** (с. 67). — СЕ. С. 46.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 49 и 54, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

«Столп и утверждение Истины» П. Флоренского. — Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт Православной Теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914 — основной труд философа.

51. **«Вот уж кого не люблю из прозаиков...»** (с. 67).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 49 и 54, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Карабчевский Николай Платонович (1851—1925) — известный петербургский адвокат, после Октября эмигрант, автор воспоминаний «Что глаза мои видели». Т. I—II. Берлин, 1921.

...«без божества, без вдохновенья, без звуков сладких и молитв». — Контаминация строк с небольшим изменением текста из двух ст-ний

А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825) и «Поэт и толпа» («Поэт по лире вдохновенной...», 1828).

52. **«Был у меня Львов-Рогачевский...»** (с. 68).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 49 и 54, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

53. **«Был с П. А. Мансуровым у Кузмина...»** (с. 68).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 49 и 54, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Мансуров Павел Андреевич (1896—1983) — живописец, график. Испытал влияние К. Малевича, В. Кандинского, П. Филонова. Был одним из руководителей Института художественной культуры (ГИНХУК), руководил экспериментальным отделом. Принимал участие в Первой советской выставке в Берлине (1924 г.). В 1928 г. уехал в Рим для организации своей выставки, с 1929 г. в Париже, где жил до конца своих дней. Умер в Ницце. Самыми близкими ему по духу поэтами были Есенин и Клюев. К тому же с Николаем Алексеевичем он жил в одной коммунальной квартире (№ 8) по ул. Герцена, д. № 45. «Клюев, — отмечал в одном из писем Мансуров, — это были последние годы, ему подходили мои гинхуковские теории. Он всюду носился со мной, но мне бы хотелось остаться подальше и от тигров Гумилева, и от медведей Клюева, хотя последние мне были приятнее. И это был хороший и умный товарищ». Когда художник был уже за границей, многие его знакомые, в том числе и В. Е. Татлин, звали вернуться в Россию. «А Клюев, — вспоминал Мансуров, — тут же написал мне... открытку: держись зубами и ногтями там, так как за эту неделю умерли с голода пять художников, и в том числе Беляшин» (*Ковтун Е.* Русский период Мансурова // Павел Мансуров. Петроградский авангард. [Каталог]. СПб., 1995. С. 20, 21). *Беляшин* Василий Васильевич (1878—1929) — живописец и график. *Кузмин* Михаил Алексеевич (1875—1936) — поэт, прозаик, композитор, музыкальный критик. Примыкал к символизму, затем к акмеизму. Творчество К. обращено к чувственно-осязаемому, предметному миру, в изображении которого господствует мотив иллюзорности, зыбкости, непостоянства.

54. **«Не в чулке ли нянином Пушкин Обрел певучий Кавказ?!»** (с. 68).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Не в чулке ли нянином Пушкин Обрел певучий Кавказ?! — Строки из ст-ния Клюева «Нерушимая Стена» (1928?).

Рождественский Всеволод Александрович (1895—1977) — поэт. По своим пристрастия в 1910—1920-е гг. тяготел к акмеистам. Позже перешел к стихам классической формы и классическим темам, менявшимся вслед времени.

55. **«Когда я начинаю говорить с Ахматовой...»** (с. 68). — МНК. С. 69.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 54 и 60, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

56. **«Пошел в “Круг”...»** (с. 68).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 54 и 60, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Пошел в «Круг»... — «Круг» — изд-во артели русских писателей. Основано в авг. 1922 г. в Москве. Председатель — А. К. Воронский. «К.» издавал произведения советских и зарубежных писателей, мемуары, критическую литературу. С 1929 г. «Круг» влился в изд-во «Федерация».

...у Вронского... — Имеется в виду *Воронский* Александр Константинович (1884—1937) — критик, писатель, редактор журн. «Красная новь». Клюев преднамеренно искажает его фамилию, проводя параллель между ним и героем романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1873—1877) Вронским, который незаметно для себя оказывается во власти общественного лицемерия, что приводит к двойной, фальшивой жизни.

...будет ли издана моя книга «Львиный хлеб»? — Летом 1923 г. Клюев начал переговоры с изд-вом «Круг» о переиздании «Львиного хлеба». 31 авг. 1923 г. К. А. Федин, член правления «Круга», писал П. Н. Медведеву: «Сообщите, пожалуйста, Н. Клюеву, что при “Круге” в начале наступающего литературного сезона организуется автономная секция писателей, которые будут миноваться, вероятно, “крестьянскими”. Секцию организует Серг<ей> Есенин, который имеет в виду пригласить Клюева войти в эту организацию. Я прошу со своей стороны Клюева войти непосредственно или через “Круг” в сношения с Есениным касательно издания у нас клюевского дополненного “Львиного хлеба”» (Цит. по: НК. С. 249). Клюев дополнил прежний состав сб. лишь двумя ст-ниями: «Стариком, в лохмотья одетый...» и «Гитарная», но зато многие стихи подверг принципиальной авторской правке. Сб., однако, не вышел, его наборный экземпляр сохранился в архиве семьи Клычковых (Москва).

57. **«Накануне введения 40-градусной ...»** (с. 69). — КИР. С. 66.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 54 и 60, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Накануне введения 40-градусной... — 2 авг. 1914 г. правительство России издало постановление о прекращении продажи водки на период войны (1914—1918 гг.). Советское правительство продлило этот запрет. 26 авг. 1923 г. оно издало постановление о возобновлении производства и торговли спиртными напитками в стране. С янв. 1924 г. это постановление фактически вступило в силу (См.: *Похлебкин В. В.* История водки. М., 1997. С. 318, 319).

58. **«Почувствовать, обернуться березкой радостно и приятно...»** (с. 69).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 54 и 60, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

59. **«Размер “Ленинграда”...»** (с. 69). — НК. С. 259.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 54 и 60, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Размер «Ленинграда»... — Имеется в виду ст-ние поэта «Ленинград» («В излуке Балтийского моря...», 1926).

...не из подражания «Воздушному кораблю» Лермонтова. — Ст-ние М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840).

60. **«Н. Тихонов довольствуется одним зерном...»** (с. 69). — НКС. С. 118.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 54 и 60, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

61. **«Мужики много, много терпят...»** (с. 69). — КоЕ.

Печатается и датируется по содержанию записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...как Есенин. — Намек на самоубийство поэта в ленинградской гостинице «Англетер» в ночь с 27 на 28 дек. 1925 г.

62. **«Меня по-есенински не хороните...»** (с. 70). — КоЕ.

Печатается и датируется по содержанию записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Меня по-есенински не хороните... — Клюев имеет в виду прощание с ушедшим из жизни Есениным. «Гроб с телом Сергея, — пишет сестра поэта Александра Есенина, — был установлен в главном здании зала Дома

печати (ныне Дом журналистов) на Никитском бульваре. На решетке ограды Дома печати было протянуто большое полотно, на котором черными большими буквами написано: "Тело великого русского национального поэта Сергея Есенина покоится здесь". <...> Туманным утром 31 декабря под звуки траурного марша на руках близких друзей гроб с телом Сергея был вынесен из Дома печати, установлен на катафалк, и многотысячная процессия направилась на Страстную площадь (ныне площадь Пушкина) к памятнику Пушкину.

Участник похорон Ю. Н. Либединский в своих воспоминаниях о Есенине писал: "...мы обнесли гроб с телом его вокруг памятника Пушкину" <...>

От памятника Пушкину, правой стороной Тверского бульвара, процессия направилась к Дому Герцена, где в то время были сосредоточены все литературные объединения Москвы. Здесь была вторая остановка. <...>

Третья остановка была у Камерного театра. <...>

От Камерного театра процессия направилась к Ваганьковскому кладбищу» (*Есенина А. А.* Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 124—125).

63. **«А Сереженька ко мне уж очень дурно относился...»** (с. 70). — КоЕ.

Печатается и датируется по содержанию записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

64. **«В последний вечер перед смертью Есенин сказал...»** (с. 70). — КоЕ.

Печатается и датируется по содержанию записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...*«Деревья съехались, как всадники».* — Клюев неточно цитирует строки из поэмы С. А. Есенина «Черный человек» (1925): «И деревья, как всадники, Съехались в нашем саду».

65. **«Есенин учуял, что помимо живописи Богданова-Бельского...»** (с. 70). — В статье: *Костылев В.* Золотые ветви древа... // КЗ. 1986. 14 окт.

Печатается и датируется по расположению записи перед текстом № 66, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Богданов-Бельский Николай Петрович (1868—1945) — художник, передвижник, мастер бытового жанра.

...«С советской властью жить нам по нутру, теперь бы ситцу и гвоздей немного»... — Неточное цитирование строк из ст-ния С. А. Есенина «Русь уходящая» (1924): «С Советской властью жить нам по нутрю... Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...».

...с живописью Тициана или Рембрандта в «Св. Себастьяне». — Тициан (Тициано Вечеллио; ок. 1476—1477 или 1489—1490—1576) — итальянский живописец. Глава венецианской школы Высокого и Позднего Возрождения. *Рембрандт* Харменс ван Рейн (1606—1669) — голландский живописец, рисовальщик и офортист. Картина «Мучение св. Себастьяна» (1625) относится к одной из ранних работ художника.

...к «Трем пальмам» Лермонтова... — Ст-ние М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» (1839).

66. **«Есенин мог вести себя подходяще только в кабацкой среде...»** (с. 70). — КоЕ.

Печатается и датируется по копии, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

67. **«Есенин не был умным, а тем более мудрым»** (с. 71). — КоЕ.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 66 и 68.

Тагор (*Тхакур*) Рабиндранат (1861—1941) — индийский писатель и общественный деятель.

Гоген Поль (1848—1903) — французский живописец. Один из главных представителей постимпрессионизма, близкий к символизму и стилю «модерн».

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — живописец, передвижник. Мастер рисунка.

...Бородина он не чуял, Корсаков и Мусоргский... — Бородин Александр Порфирьевич (1830—1887) — композитор и ученый-химик. Опера «Князь Игорь» (завершена Н. А. Римским-Корсаковым и А. К. Глазуновым, 1890) — образец национального героического эпоса в музыке. Один из создателей русской классической симфонии. *Римский-Корсаков* Николай Андреевич (1844—1908) — композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель. Живописно-изобразительный характер музыки, особой чистоты лирика присуща произведениям, связанным с миром сказки, с поэзией русской природы, картинами народного быта. *Мусоргский* Модест Петрович (1839— 1881) — композитор, создатель монументальных народных музыкальных драм «Борис Годунов» (1869) и «Хованщина» (1872—1880; завершена Н. А. Римским-Корсаковым, 1883).

68. **«У Садофьева и Крайского...»** (с. 71).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Крайский (наст. фам. Кузьмин; 1891—1941) Алексей Петрович — поэт. После революции участвовал в изданиях петроградского Пролеткульта. Стихи К. несут на себе печать пролеткультовской поэзии с ее отвлеченностью и декларативностью. Погиб на фронте в народном ополчении.

Вагинов (наст. фам. Вагенгейм; 1899—1934) Константин Константинович — поэт, прозаик.

По поводу сборника стихов Вагинова и стих<отворения> «Любовь страшна не смертью...» — Речь идет о сб. «Стихи» (1926), в который вошло ст-ние «Любовь страшна не смертью поцелуя...» (1920).

69. **«Чтобы полюбить и наслаждаться моими стихами...»** (с. 71).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 68 и 72, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...как Мурад в Константинополь... — Константинополь был завоеван в 1453 г. турецким султаном Мехметом II (1423—1481), сыном султана Мурада II (ум. 1451).

70. **«Лучше врать, чем быть верным и точным до одуряющей тоски...»** (с. 71).

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 68 и 72, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

71. **Есенин в салонах (**с. 71). — КоЕ.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 68 и 72, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...царя Федора Ивановича... — Федор Иванович (1557—1598) — последний русский царь из династии Рюриковичей. Сын Ивана IV. Неспособный к государственной деятельности, предоставил управление страной своему шурину Борису Годунову. с. 72

Устругова Варвара Карловна (?—1944) — исполнительница русских народных сказок и былин, артистка Александринского театра. Потомственная артистка Императорских театров. 19 нояб. и 10 дек. 1915 г. выступила на вечерах искусств Литературно-Художественного Общества «Страда» в зале гражданских инженеров (Петроград, Серпуховская, 10).

На втором вечере, кроме сказок, читала стихи Клюева (См.: Есенин, 7. Кн. 2. С. 536, 537, 574, 575). 27 марта 1916 г. вместе с Клюевым и Есениным приняла участие в вечере русской сказки и песни в зале Петровского училища ([*Б. п.*] Вечер сказки и былин В. Уструговой // Обозрение театров. 1916. 30 марта. С. 12).

Муж у ней полковник... — Неточно: *Устругов* Дмитрий Дмитриевич — гражданский инженер.

...от Литовского полка... — Лейб-гвардии Литовский полк размещался в Петербурге (казармы на Выборгской стороне). Участвовал в русско-турецкой (1877—1878) и 1-й мировой войнах.

72. «Услыхав, что Репин говорил советскому корреспонденту про Клюева...» (с. 72).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...жена критика П. Н. Медведева... — Медведев Павел Николаевич (1891—1938) — критик, литературовед. Автор статей и очерков по советской литературе, работ по методологии литературы, психологии творчества. Репрессирован. Был в дружеских отношениях с Клюевым. Поэт посвятил М. ст-ние «Россия плачет пожарами...» (1919). На титульном листе своей книги «Сосен перезвон» Клюев составил дарительную надпись критику и воспроизвел отрывок из «Сказания о струфокамиле и о хранении ума» Максима Грека: «Родимому Павлу Николаевичу Медведеву, целуя и благодаря, Николай Клюев.

Струфокамил птица яице ею велико зело и гладко, ею же есть обычай церковником вешати во церкви под паникадилом поучения ради, а не красоты. Учат бо нас тем, да внегда мысленныя очи наши еже есть ум наш имеем простерт к преблагому Богу, понеже сия птица яица своя полагает против себя и зрит на них, аще же око свое отведет, то яйца гниют и цыпляты не зачинаются, такожде и книга сия глаголемая Песнослов. Книга Альфа, лист ск о струфокамиле и о яйцах ея» (Цит. по статье: *Медведев Ю. П.* Николай Клюев и Павел Медведев. К истории диалога // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 1. С. 89; см.: *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуция. Библиография. М., 1969. С. 204). В свою очередь Медведев преподнес поэту книгу «А. Блок. Неизданные стихотворения. 1897—1919 гг. Л., 1926» с надписью: «Милому другу Николаю Алексеевичу Клюеву с любовью составитель. 22. I. 926. Пб.» (ИРЛИ ЛМ). В 1927 г. они выпустили совместную книгу «Сергей Есенин». *Медведева* Екатерина Петровна (1892—1971) — актриса, мастер художественного слова. Первая жена Медведева.

73. **«Я появился в Москве...»** (с. 73). – СЕ. С. 851.

Печатается и датируется по расположению записи между текстами № 72 и 74, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Городецкая (псевд. Нимфа Алексеевна Бел-Конь-Любомирская; 1889–1946?) Анна Алексеевна – поэтесса. В 1908 г. вышла замуж за С. М. Городецкого, дружила с Блоком и другими поэтами, символистами и акмеистами. Печаталась в журналах. С 1921 г., поселившись в Москве, перестала публиковаться.

...*«Радуйся, сестра, ~ Клюев!»* – Неточная цитата из письма Блока к Городецкой от 7 дек. 1911 г.: «Христос с Вами и Христос среди нас» (Переписка с А. А. Блоком и С. М. Городецкими // ЛН. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 57 / Вступ. ст. и публ. В. П. Енишерлова. Коммент. В. П. Енишерлова и Р. Д. Тименчика).

«Горе будет вам, утонете в собственной крови!» – Текст этого письма не разыскан исследователями.

74. **«Я так взволнован сегодня...»** (с. 73). – НК. С. 271–272.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Клычков Сергей Антонович (1889–1937) – поэт, прозаик. От «крестьянского романтизма» в лирике – сб. «Песни» (1911), «Потаенный сад» (1913, 1918) к тревоге о разрушении нравственных корней в современной деревне – сб. «Домашние песни» (1923), «В гостях у журавлей» (1930). Проза К. – романы «Сахарный немец» (1925), «Чертухинский балакирь» (1926), «Князь мира» (1927) – сказовая по форме, пронизана народнопоэтическим восприятием мира. Репрессирован. Знакомство с Клюевым, перешедшее в длительную дружбу, произошло в конце 1915 г. в Петрограде.

Лесков Николай Семенович (1831–1895) – писатель. Мастер сказовой прозы.

Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский; 1818–1883) – писатель, исследователь раскола. В течение долгих лет государственной службы был активнейшим участником преследования носителей древлеотеческой веры, немало заволжских скитов было упразднено им с бессмысленной жестокостью, По словам критика А. И. Богдановича, М. «заканчивает свое литературное поприще двумя бесспорно выдающимися произведениями "В лесах" и "На горах", где с удивительной любовью описывает то самое, над разрушением чего так усердно поработал в молодости. <...> Положительное и несомненное достоинство его двух больших романов заключается в художественном описании раскольничьих скитов и в создании целого ряда раскольничьих типов. <...> Ни до

него, ни после него этот своеобразный быт не был затронут с такой полнотой художественного изображения, раскрывается целый мир типов, цельных, крепких натур...» (*Богданович А. И.* Годы перелома. 1895—1906. Сборник критических статей. СПб., 1908. С. 265, 269, 270).

75. **«Ин<нокентий> Оксенов в разговоре с Н<иколаем> А<лексеевичем>...»** (с. 73). — СЕ. С. 941—942.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Оксенов Иннокентий Александрович (1897—1942) — поэт, критик, переводчик.

...в «Песне о Бахметьеве»... — Другое название ст-ния «Ночная песня» (1926): «За невской тихозвонной лаврой...»

Лассаль Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, *Николай II* (1868—1918) — последний российский император (1894—1917). Свергнут Февральской революцией. Расстрелян вместе с членами своей семьи в Екатеринбурге большевиками с 16 на 17 июня. Память 4 (17) июля.

76. **Слово на литературном вечере...** (с. 74). — НК (отр.). С. 267; СЕ (сокр.) С. 967.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...в Геологическом комитете. — Геологический комитет (*Геолком*) — высшее государственное геологическое учреждение России. Создан в 1882 г. при Горном департаменте. В 1911 г. для Г. к. начали сооружать монументальное здание (арх. А. А. Полещук) на Среднем проспекте, 74 Васильевского острова С.-Петербурга. В 1916 г. строительство завершено. В 1939 г. на базе Г. к., а затем Центрального научно-исследовательского Геолого-разведочного ин-та организован Всесоюзный геологический ин-т (ВСЕГЕИ). Ныне — Всероссийский научно-исследовательский ин-т им. А. П. Карпинского.

...Месопотамии... — См. примеч. с. 465.

Сиам — официальное название Таиланда до 1939 и в 1945—1948 гг.

...Скифии. — Скифское гос-во, объединение народов Северного Причерноморья во главе со скифами. Образовалось в IV в. до н. э. Уничтожено в III в. н. э.

77. **«Год прошел после смерти Есенина...»** (с. 74). — КоЕ.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

78. **«Нечистью, нечуткостью, если не прямой жестокостью веет от слов Максима Горького об Айседоре Дункан...»** (с. 75). – РМ. С. 119.

Печатается и датируется предположительно по копии, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Горький Максим (псевд., наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) – писатель, литературный критик и публицист, общественный деятель. Знакомство Клюева с Горьким состоялось в 1915 г. Встречались они и позже, переписывались. Отношение писателя к Клюеву не было ровным. С течением времени оно изменялось – «от скептических откликов в дооктябрьский период до признания поэта в позднейшие годы» (*Швецова Л. К.* М. Горький и Николай Клюев // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 204).

Дункан Айседора (1877–1927) американская танцовщица, одна из основоположниц школы танца модерн. В 1921–1924 гг. жила в СССР, была женой С. Есенина. Встречалась с Клюевым. Он гостил у нее в Москве (см. письмо поэта к Н. И. Архипову от 2 нояб. 1923 г. с. 255). Она подарила ему открытку со своим изображением (рис. М. Бурделя) с надписью на английском языке: «Доброму и прекрасному поэту Клюеву Айс<едора> Дун<кан>». На обороте открытки красным карандашом, возможно, рукой Клюева помечено: «3 ноября 1923» (ИРЛИ ЛМ).

...«Дункан стара, толстое лицо, дряблое тело»... – Клюев цитирует по памяти слова Горького о Дункан в очерке «Сергей Есенин» (1926): «Пожилая, отяжелевшая, с красным лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице ее застыла ничего не говорящая улыбка...» (*Горький М.* Полн. собр. соч.: В 25 т. М., 1974. Т. 20. С. 65).

На квартире художницы Любавиной... – Любавина Надежда Ивановна проживала по ул. Малая Посадская, 14.

79. **«Любят люди падение праведного...»** (с. 75).

Печатается и датируется предположительно по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

80. **«Не люблю я духа Горького, каков он есть в его повести "Мать"»** (с. 75). – РЛП. С. 98.

Печатается и датируется предположительно по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

81. **«У Блока все стихи о России родились от Клюе́ва...»** (с. 75).

Печатается и датируется предположительно по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Иванов Евгений Павлович (1879—1942) — публицист, детский писатель, близкий друг А. Блока. В 1929 г. арестован и сослан в г. Великий Устюг. В 1932 г. вернулся в Ленинград. Умер от голода в блокаду.

82. **«Живописание Некрасова ничуть не выше изделий Творожникова...»** (с. 76). — СЕ. С. 903.

Печатается по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Датируется предположительно. В янв. 1928 г. в стране широко отмечалось 50-летие со дня смерти Н. А. Некрасова.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/1878) — поэт. Изображал народную жизнь — повседневный быт городских низов, крестьянские будни, женскую долю. Гражданская, демократическая поэзия Н., тесно связанная с песенным фольклором, существенно повлияла на развитие русской литературы.

Творожников Иван Иванович (1848—1919) — художник-жанрист, представитель русской реалистической школы второй половины XIX в.

Максимов Василий Максимович (1844—1911) — живописец, передвижник. Жанровые картины показывают нравы и обычаи русской деревни.

...к стройному мусикийскому шороху, который, как говорит Тютчев, струится в зыбких камышах... — *Тютчев* Федор Иванович (1803—1873) — поэт. Его духовно-напряженная философская поэзия передает трагическое ощущение противоречий бытия. Слегка измененная цитата из ст-ния Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865): «И стройный мусикийский шорох Струится в зыбких камышах».

Вик — сокращение слов: волостной исполком.

83. **«Известность одно, а слава совсем другое»** (с. 76). — КоЕ.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

84. **«Был на выставке Кустодиева...»** (с. 76).

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — живописец, отразивший в своем творчестве красочные сцены крестьянского и купеческого быта. Мастер портрета, иллюстратор, театральный художник. Открытие посмертной выставки живописца состоялось в 1928 г. Из предложенных 1500 работ мастера было отобрано для экспонирования около одной тысячи (См.: Каталог посмертной выставки произведений Б. М. Кустодиева. 1878—1927. Л., 1928).

85. **«Был в ТРАМе...»** (с. 76). – СЕ. С. 929.

Печатается по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ). Датируется предположительно.

...не театр, а дрессированный собачник. – Первый ТРАМ (Театр рабочей молодежи) возник в Ленинграде в 1925 г. (Литейный проспект, 51) на основе театрального коллектива Дома Коммунистического воспитания им. М. В. Глерона. Основатель и руководитель – Михаил Владимирович Соколовский (1901–1941). В своей творческой практике он исходил из установок, характерных для всей деятельности ТРАМов: отказ от классического репертуара, отрицание профессионального искусства и актерского мастерства.

Раздел III
СНОВИДЕНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Радости учитель (с. 79). – СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...узнал я Серафима-брата... – Имеется в виду Серафим Саровский.

Троицкий хлад (с. 80). – СНК. С. 8.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Петр – Св., ап., ученик Иисуса Христа, принадлежал к самым близким Его ученикам, но в решительную минуту отрекся от своего Учителя, а прощенье получил после многих слез от воскресшего Спасителя. В Риме его постигла мученическая смерть при Нероне одновременно с ап. Павлом. П. был распят, по его настоянию, головою вниз. Память 29 июня (12 июля).

Два пути (с. 80). – СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...«Радуницу» свою вынес!.. – Речь идет о первом сб. ст-ний С. Есенина «Радуница» (1916).

Сократ (ок. 476—399 до н. э.) — древнегреческий философ, ставший для последующих эпох воплощением идеала мудреца. *Сакья-муни* (*Шакья-муни*) — одно из распространенных имен Будды. *Магомет* — европеизированная форма имени Мухаммед (ок. 570—632) — пророк, основатель ислама.

Марк Твен (псевд., наст. имя Сэмюэл Ленгхорн Клеменс; 1835—1910) — американский писатель.

Ростан Эдмон (1868—1918) — французский поэт и драматург.

Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938) — итальянский писатель и политический деятель.

Мертвая голова (с. 81). — СНК. С. 9—10.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Под Михайлов день... — Михайлов день приходится на 8 (21) нояб. В этот день чаще всего наступала оттепель, а с 22 нояб. зима начинала «морозы ковать».

...Коленька... — Имеется в виду *Архипов* Николай Ильич (1887—1967) — историк, журналист, искусствовед. Окончил историко-филологический ф-т Петербургского ун-та и Археологический ин-т. В г. Вытегре работал преподавателем реального училища. В 1919 был принят в члены РКП(б). 1919—1923 гг. — член редколлегии вытегорских газ. «Известия», «Вытегорская коммуна», «Звезда Вытегры», редактор газ. «Трудовое слово». В 1918 г. сблизился с Клюевым и стал его верным другом. Организовал кружок «Похвала народной мудрости», издавший сб. стихов поэта «Неувядаемый цвет» (1920). Клюев посвятил А. ст-ния «Портретом ли сказать любовь...» (1921), «Не ласкай своего Ильюшу...» (1922), цикл ст-ний «Вавила» (1921 или 1922), поэмы «Четвертый Рим» и «Мать-Суббота» — обе в 1922 г. В 1923 г. переехал в Петроград, где «первоначально заведовал школой рабочих подростков в Моск.-Нарвском районе», а через год «получил назначение на должность хранителя Жемчужины Русского Искусства, бывшей резиденции Петра Великого — Петергофа — "Русского Версаля"» (РГБ. Ф. 369. Карт. 235. Ед. хр. 26. Л. 1, 2); позже назначен директором петергофских дворцов и парков. В окт. 1937 г. арестован и год спустя осужден к пяти годам заключения. После реабилитации с 1956 г. — научный консультант по реставрации памятников в Государственной инспекции по охране памятников. Автор нескольких книг по искусству.

Царь славы (с. 82). — СНК. С. 10—11.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Царь славы – Слова из Псалтыри (Пс. XXIII, 7–10): «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы! Кто сей Царь славы? – Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани. Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы! Кто сей царь славы? – Господь сил, Он – Царь славы».

В канун кануна Спиридона Солнцеворота... – Речь идет о Спиридоне, св., епископе Тримифунтском, чудотворце (IV в.). Память 12 (25) дек. «Он славен у народа под именем Солоноворота или Солнцеворота оттого, что в день его памяти "солнце поворачивается на лето, а зима на мороз"» (*Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877. С. 74).

...Утреннюю, утреннюю глубоќу вместо мира песнь принесем Владыгице и Христа узрим! – Неточное цитирование стиха из Пасхального канона (творение Иоанна Дамаскина), глас 1-й, песнь 5: «Утренюем ýтреннюю глубокý, и вместо мира песнь принесем Влады́це, и Христа ýзрим...» («Встанем в глубокое утро и вместо мира песнь принесем Владычице, и Христа увидим...»).

...икона белых Олипия Пегерского писем... – Точнее: *Алипий* (?–1114) – преп., Киево-Печерский чудотворец и родоначальник русской иконописи, память 17 (30) авг., 28 сент. (11 окт.).

Медвежий сполох (с. 84). – СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Живое дерево (с. 85). – СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Неприкосновенная земля (с. 85). – СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...Коленька... – Н. И. Архипов.
...в руке бумага ~ за политику судился. – См. примеч. с. 449.

Сон аспидный (с. 86). – СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...в дневнике царя Николая II ты обознаген! – В наиболее полном издании: «Дневник императора Николая II» (М., 1991) Клюев не упоминается.

Сон блаженный (с. 87). — СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...Беато Боттичелли... — *Боттичелли* Сандро (наст. имя и фам. Алессандро Филипепи; 1445—1510) — итальянский художник. Представитель Раннего Возрождения. Клюев сознательно называет художника Беато (в пер. с итал. «блаженный») и отнюдь не смешивает его с другим итальянским живописцем — Анджелико (прозвище — Беато Анджелико; ок. 1400—1455).

Новое счастье (с. 87). — СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

с. 88 *...Ты, Коленька...* — Н. И. Архипов.

...велит тебе четвергу не верить... — Имеется в виду Великий четверг Страстной недели. «Всенощная накануне Великого четверга посвящена исключительно Тайной Вечере, за которой Христос повелел, чтобы Пасха Нового Завета вкушалась в память Его Самого, Его преломленного Тела и Его Крови, пролитой во отпущение грехов» (*Хопко Ф.* Основы православия. Минск, 1991. С. 157).

Канарские острова — о-ва в Атлантическом океане, у северо-западного побережья Африки. Территория Испании.

Пресветлое солнце (с. 88). — СнНК. 1991. 18 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...в лапу рублен... — Врубка в лапу — соединение в венец без выхода концов бревен за плоскость стены, в шип, обрубая концы.

с. 89 *...икона воздвиглась «Тихвинския Богородицы»...* — По преданию, написана св. евангелистом Лукой и находилась прежде в Константинополе во Влахернском храме. В 1383 г. перенесена в Новгородскую землю, в г. Тихвин. Списки с нее находятся во многих храмах России. Празднование 26 июня (9 июля).

«Днесь, яко солнце ~ с высоты прияла». — Сокращенная цитата из кондака, глас 4, в котором воспевается Тихвинская икона Богоматери.

Седьмое кольцо (с. 89). — СнНК. 1991. 25 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Феврония, преподобномученица (III—IV в.), жила в Месопотамии. Ради Жениха небесного, которого она предпочла предлагаемому ей племяннику императора Диоклетиана, была казнена, память 25 июня (8 июля).

...Коленька... — Н. И. Архипов.

«Приидите ко мне вси, вернии...» — Вероятно, реминисценция стиха из Евг. от Мф. (XI, 28): «Приидите ко Мне все, труждающиеся и обремененные...».

Студеная жажда (с. 90). — СнНК. 1991. 25 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...образ Миколин... — Николая — св., архиепископа Мирликийского (IV в.). Он, по народному поверью, — второй после Бога. Покровитель земледелия и скотоводства, хранитель на водах, заступник неправедно осужденных и гонимых. Велика его заслуга перед Господом, а потому у Чудотворца два праздника в году. 9 (22) мая — перенесение мощей Н. — праздник называется Николой вешним, травным. Второй 6 (19) дек. — Николой зимним, Николиным днем.

...и ты, братец мой... — Н. И. Архипов.

Львиный сон (с. 90). — СнНК. 1991. 25 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...и ты, Николай Ильич... — Н. И. Архипов.

Царьградский закат (с. 92). — СнНК. 1991. 25 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...*«Свете тихий»...* — См. примеч. с. 448.

Парусами в онежские хляби Загляделся царьградский закат! — Двустишие Клюева.

Лебяжье крыло (с. 93). — СнНК. 1991. 25 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...Коленька... — Н. И. Архипов.

...покойный исправник Качалов. — В 1905 г. Клюев принимал непосредственное участие в революционных событиях Олонецкой губернии.

Бывал на крестьянских сходах, разъяснял решения Всероссийского крестьянского союза. В янв. 1906 г. вытегорский исправник Качалов арестовал Клюева. При обыске у него были обнаружены его собственные сочинения «возмутительного характера» и «Капитал» К. Маркса. Качалов составил донесение олонецкому губернатору об антиправительственной деятельности Клюева. Поэт был подвергнут шестимесячному тюремному заключению. С того времени Клюев находился постоянно под наблюдением властей (См.: МБК. С. 120).

Пучина кромешная (с. 93). — СнНК. 1991. 25 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Белёв — г. в Тульской губернии, пристань на р. Ока.

Бежецк — г. в Тверской губернии, на р. Молога.

...о<тец> Матвей... — Константиновский Матвей Александрович (1791—1857) — имел сильное влияние на писателя, был для него авторитетом, даже настаивал, чтобы Гоголь оставил литературу и посвятил себя всецело Богу. Но писателя мучили сомнения, он колебался. «Отца Матвея начинали уже раздражать эти колебания Гоголя, и он говорил: выбирайте, что же мечетесь: или искусство, или Бог?» (*Золотусский И.* Гоголь. М., 1984. С. 512).

..я послал Игнатия. — Имеется в виду Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807—1867) — инок и архимандрит Сергиевой пустыни близ Петербурга, позже епископ Костромской и Кавказский, известен аскетическими сочинениями..

Двурядница (с. 94). — СнНК. 1991. 25 янв.

Печатается и датируется по записи, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

...с иконописного Палехова... — Палех — поселок в Иваново-Вознесенской губернии. До 1923 г. славился иконописным промыслом. Ежегодно изготавливалось до 10 тысяч икон.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Первый сон (с. 95). — СНК. С. 21—22.

Печатается по машинописи (ИРЛИ). Датируется предположительно 1931—1932 гг. В течение этого периода Клюев несколько раз наведывался в Москву, хлопоча о размене своей ленинградской комнаты, останавливаясь по обыкновению на квартире Н. Ф. Христофоровой, которой и рас-

сказывал свои сны. Позже, в 1960-х гг., она по памяти воспроизвела их, передав в 1967 г. машинописные тексты снов в Пушкинский Дом.

...с изображением Нерукотворного Спаса. — См. примеч. с. 474. с. 96

Димитрий — царевич, св. мученик, сын царя Ивана IV Грозного (1582—1591). Память 15 (28) мая, 23 мая (4 июня).

Второй сон (с. 97). — АК. С. 191.

Печатается по машинописи (ИРЛИ).
О датировке см. предыдущее примеч.

Третий сон (с. 97). — СНК. С. 22—23.

Печатается по машинописи (ИРЛИ).
О датировке см. примеч. с.

Четвертый сон (с. 98). — АК. С. 191—192.

Печатается по машинописи (ИРЛИ).
О датировке см. примеч. с.

Я его узнал... — Имеется в виду С. А. Есенин.

Пятый сон (с. 99). — АК. С. 192.

Печатается по машинописи (ИРЛИ).
О датировке см. примеч. с.

...близкого мне поэта... — Речь идет о С. А. Есенине.

Шестой сон (с. 100). — АК (отр.) С. 196; СНК. С. 25.

Печатается по машинописи (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...Параскева! — П. Д. Клюева.
...Зорифер... — Точнее: *Зерефер* — имя беса в русской отреченной литературе.

Раздел IV
СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ

В черные дни (Из письма крестьянина) (с. 103). — НшЖ. 1908. № 4. С. 63.

Печатается и датируется по тексту журнальной публикации.

Клюевская статья вызвала резкое негодование цензора. Судебная палата С.-Петербурга рассмотрела сообщение Главного управления по делам печати и согласилась с мнением цензуры, усмотрев «признаки преступного деяния». Суд подтвердил арест, наложенный на журнал, экземпляры которого были уничтожены «посредством разрывания на части» (См.: РТК. С. 200).

...имеют уши — и не слышат, глаза — и не видят... — Пересказ стихов из Псалтыри (Пс. CXIII; 13, 14): «...есть у них глаза, но не видят. Есть у них уши, но не слышат».

с. 104 *...г. Энгельгардт в своей статье...* — Речь идет о статье публициста Энгельгардта Михаила Александровича (1861—1915) «Без выхода», опубликованной в газ. «Свободные мысли» (1907. 7 янв.).

Спиридонова Мария Александровна (1884—1941) — политический деятель, эсер. В 1906 г. убила усмирителя крестьянских восстаний в Тамбовской губернии Г. Н. Луженовского, приговорена к вечной каторге. В 1917—1918 гг. — один из лидеров партии левых эсеров. Идейный руководитель левоэсеровского мятежа, после подавления которого арестована, амнистирована ВЦИК, отошла от политической деятельности. Последние годы провела в Орловской тюрьме. Расстреляна. Клюев посвятил ей расширенный вариант ст-ния «Есть на свете край обширный...» (Ежемесячный журнал. 1917. № 5/6. Подпись: Крестьянин К.).

С родного берега (с. 105). — Блок, 5 (отр.). С. 357, 359; РФ. С. 206—209.

Печатается по копии, выполненной А. Блоком (РГАЛИ).

Датируется согласно письму Клюева к Блоку из дер. Желвачёва от 1 сент. 1908 г. Клюев, в частности, писал: «Напишите, как Вам нравится эта статья? Меня она очень заботит» (ЛН, 92, 4. С. 473). К письму была приложена и статья, которую предусмотрительный Блок, прежде чем отправить ее В. С. Миролюбову во Францию, переписал и на первом листе копии сверху пометил: «Получ<ил> 11/IX.08. Шахм<атово>».

«Мы убили дьявола». — Слова крестьянина из третьей картины «Суд над голодными» пьесы Л. Н. Андреева «Царь Голод» (1907).

Дорогой В. С. — Имеется в виду Миролюбов. В блоковской копии статьи стоит С. В., вероятно, описка Клюева или Блока.

...слепых вождей... — Слова из Евг. от Мф. (XV, 14): «Оставьте их, они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

...долина Ефрата... — См. примеч. с. 474.

...золотой рычаг вселенной повернет... — Реминисценция строк из ст-ния Э. Верхарна «Кузнец»: «Однажды повернет к иному времена И золо-

той рычаг вселенной» (*Верхарн Э.* Стихи о современности. М., 1906. С. 35 / Пер. В. Брюсова).

...с ликом писаного «Миколы»... — Намек на иконописное изображение св. Николая Мирликийского. с. 107

Говорят, что в городе «Крамштате» царь подписал «счет» матросов, предназначенных для казни... — В окт. 1905 г. и в июле 1906 г. в г. Кронштадте — базе Балтийского флота — вспыхнули восстания матросов и солдат, подавленные войсками. В 1906 г. осуждено 1417 человек, в том числе 36 казнено.

...будто он ~ совершил саблей коку в голову... — В мае 1890 г. цесаревич, совершавший морское путешествие по Европе, Африке и Азии, посетил и Японию. В г. Оцу полицейский-фанатик ударил его саблей. Греческий королевич Георгий сбил злоумышленника с ног и спас жизнь Николая Александровича. След от удара саблей по голове остался на всю жизнь. В Петербурге на Гутуевском о-ве в память этого события в 1891—1899 гг. была воздвигнута церковь Богоявления (арх. В. А. Косяков).

...отцу Александру III-ему сулемы подсунул... — *Александр III* (1845—1894) — российский император с 1881 г. После кончины «произведено патологоанатомическое вскрытие. <...> была найдена очень значительная гипертония сердца и жировое перерождение его при хроническом интерстициальном воспалении почек. Из лечивших врачей, подписавших прижизненный диагноз, присутствовал при вскрытии я один и могу сказать, что о столь грозном увеличении сердца врачи не знали, а между тем в этом и крылась главнейшая причина смерти. Изменения в почках были сравнительно незначительны» (*Вельяминов Н.* Мои воспоминания об Александре III, его болезни и кончине // РА. 1994. Т. 5. С. 308).

...а брата Егорья в крепость засадил... — *Георгий* Александрович (1871—1889) — великий князь, третий сын Александра III, брат Николая II. Страдал грудной болезнью. Из-за этого одно время жил в горноклиматическом курорте Абастумани (Грузия), где и скончался во время одинокой прогулки на руках у случайно проходившей женщины.

...унтер-офицер Трепов... — *Трепов* Дмитрий Федорович (1855—1906) — генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1896—1905), с 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, один из организаторов подавления революции.

...«Хитрая механика»... — Книга известного статистика Варзара Василия Егоровича (псевд. Андрей Иванов; 1851—1940), рассказывающая о том, куда идут народные деньги. Впервые вышла в 1874 г. и выдержала десять переизданий (См.: Агитационная литература революционных народников. (Потаенные произведения 1873—1875 гг.). Л., 1970. С. 482—485). с. 109

...«Конек-Скакунок». — Сатирическая сказка Басова-Верхоянцева (псевд., наст. фам. Басов; 1869—1952) Сергея Александровича, в которой

он использовал мотивы сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок» (1834, полн. изд. 1856).

с. 110 *Что ты душа, приуныла? ~ Завалён – проклятым черным камнем.* – Строки 20–28 Клюев поставил в качестве эпиграфа к своему ст-нию «Скрытный стих» (1914), с пояснением: «Из песен олонецких скрытников».

Притча об источнике и глупом мудреце: (Посв<ящается> писателю Арцыбашеву по поводу его «голой» правды о Л. Н. Толстом) (с. 111). – НЗ. 1911. № 17. С. 11–12.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

Посв<ящается> писателю Арцыбашеву по поводу его «голой» правды о Л. Н. Толстом. – *Арцыбашев* Михаил Петрович (1878–1927) – писатель. Ранние произведения написаны в либеральном духе. Скандальную известность ему принес роман «Санин» (1907), в котором отразились характерные для эпохи реакции проповедь аморализма, сексуальной распущенности и отвращение к общественным идеалам. Произведения 1908–1912 гг. содержат натуралистические и эротические мотивы. В 1923 г. эмигрировал. Литературно-общественные высказывания А. отличались крайним индивидуализмом и противоречивостью. На смерть Толстого он откликнулся статьей «Записки о Толстом», опубликованной в газ. «Итоги недели» (1911. 28 февр.), в которой в весьма циничной форме проанализирован жизненный и творческий путь писателя. Выступление А. было резко осуждено в печати.

Первый эпиграф – контаминация стихов из кн. пр. Иисуса, сына Сирахова (XXXIII, 5; XI, 31).

Третий эпиграф – сокращенная цитата из кн. пр. Иисуса, сына Сирахова (XXII, 31): «Кто даст мне стражу к устам моим и печать благоразумия на уста мои, чтобы мне не пасть чрез них, и чтобы язык мой не погубил меня!»

<Рецензия на книги: *Толстой Л.* Бог. М., 1911; *Толстой Л.* Любовь. М., 1911> (с. 112). – НЗ. 1911. № 21. С. 17–18.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...Вавилоны и Мемфисы... – *Вавилон*, древний город в Месопотамии, к юго-западу от современного Багдада. В XIX–VI вв. до н. э. – столица Вавилонии. *Мемфис* – древнеегипетский город (к юго-западу от Каира), основан в III тыс. до н. э., крупный религиозный, политический и культурный центр, столица Египта в XXVIII–XXIII вв. до н. э.

...пройдут десятки тысяч лет, а звезды всё так же будут сиять над нами и звать и мучить несказанным... – У Чехова нет такой цитаты. Ско-

рее всего, это клюевская вариация, навеянная пьесами писателя «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад».

...«к Материку желанной суши»... — Строка из третьей строфы ст-ния Клюева «Я говорил тебе о Боге...» (1908).

Пленники города (с. 113). — НЗ. 1911. № 22. С. 9—10; № 23. С. 11.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...о духе «Зверя из бездны»... — Намек на рассказ Л. Н. Андреева «Проклятие зверя» (1907), в котором создан образ города, враждебного человеку, где много домов, много стен, глухих и страшных. В них нет ни дверей, ни окон. И дома более всего напоминают герою рассказа каменные гробы.

<Рецензия на книгу: *Брихничев И.* Капля крови: (Стихотворения). М., 1912> (с. 115). — Столичная молва. 1912. 4 июня.

...близки голгофским братьям... — См. примеч. с. 447.

За столом Его. Стихотворение в прозе (с. 116). — Солнечный путь: Юж. альманах. Одесса, 1914. Кн. 1. С. 35.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...женщина, отиравшая ноги Мои волосами... — Перифраз стиха из Евг. от Ин. (XII, 3): «Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его...».

...и будут священниками, и царями, даже Богу своему. — Вольный пересказ стихов из Откр. (V, 10): «И соделал нас царями и священниками Богу нашему»; (XX, 6): «...но они будут священниками Бога и Христа».

Великое Зрение (с. 117). — ЗВ. 1919. 6 апр.

Печатается по тексту газетной публикации.

...«галантерейным» обращением ~ гоголевский Осип. — Намек на цитату из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836), д. 2, явл. 1, слова Осипа, слуги Хлестакова: «Галантерейное, черт возьми, обхождение!».

...с Фаворским светом... — Божественным светом, которым просияло лицо Спасителя при Его Преображении на горе Фавор в Галилее, к юго-востоку от Назарета (Мф. XVII, 1—2; Мк. IX, 2—3; Лк. IX, 28—29).

...«сказание про царища Андриянища»... — По всей видимости, имеется в виду «Повесть о царе Адариане» — переводная повесть, принадлежащая к числу беллетристических занимательных рассказов о гордом царе. Ее пространная редакция встречается в старообрядческих сборниках

конца XVII – начала XVIII вв. (См.: Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) Л., 1987. С. 368–369).

...действие «Женатого Мефистофеля»... – Речь идет о пьесе Мировича «Женатый Мефистофель», которая шла в вытегорском городском театре и получила резкую оценку анонимного рецензента: «Об этом спектакле можно было бы совершенно промолчать, если бы не та благородная цель, с какой он был поставлен. Сбор шел на усиление фонда "Союза женщин-работниц". Следовательно, до известной степени спектакль касается пролетариата.

И вдруг – преподносится фарс, развлекавший в свое время сытую петербургскую буржуазию и состряпанный в ее вкусе. <...> Культивируйте гр. серьезное искусство, а пошлость оставьте буржуазии» (ЗВ. 1919. 4 апр.).

с. 118 *...о «Лёлиной тайне» или о «Большевике под диваном»...* – Низкопробные пьесы, шедшие в провинциальных театрах.

...крепкий и бессмертный! – Слова из молитвы «Трисвятое».

Красный конь (с. 118). – ЗВ. 1919. 19 апр. (с опеч.); Г. 1919. № 5/6. С. 14–15.

Печатается и датируется по тексту журнальной публикации.

В Соловках... – См. примеч. с. 439.

с. 119 *...с Онеги-города...* – См. примеч. с. 445.

...блудницы на звере багряном... – Реминисценция стиха из Откр. (XVII, 3): «...и увидел жену, сидящую на звере багровом».

...Царское Село... – См. примеч. с. 450.

Рюрик – согласно летописной легенде, начальник варяжского военного отряда, призванный ильменскими славянами вместе с братьями Синеусом и Трувором княжить в Новгороде. Основатель династии Рюриковичей.

Уж печать ломается, стража пужается, камение распадается... – Намек на эпизод из Евг. от Мф. (XXVII, 66; XXVIII, 1–7) о воскресении Иисуса Христа из мертвых.

От Коневой головы... – См. примеч. с. 441.

...Онегушко... – См. примеч. с. 449.

...Арарат-горе... – *Арарат*, гора в Турции, близ границы с Арменией и Ираном. Состоит из двух слившихся основаниями конусов – Большого А. и Малого А.

Огненное восхищение (с. 119). – ЗВ. 1919. 1 мая.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...на Лобанову гору... — Дер. Шаруева (Лобанова) гора при р. Андоме Вытегорского уезда. с. 120

...Марья Ягипетская... — Мария Египетская, преп. (VI в.). По преданию, в молодости была блудницей. Посетив с паломниками Иерусалим, была допущена по представительству Божьей Матери до Креста Господня и сделалась ревностной христианкой. Память 1 (14) апр.

...англиганку на Зосим-Савватия нападать отвадили... — Имеется в виду отражение наступления интервентов советскими войсками на севере России в сент. 1918 г. и весной 1919 г. Силы интервентов состояли из войсковых соединений США, Великобритании, Франции, Италии и Финляндии.

...мамушка-родитель... — П. Д. Клюева.

...мне тридцатый год пошел... — См. примеч. с. 436.

...Великий гетверг... — См. примеч. с. 490.

Алое зеркальце (с. 121). — ЗВ. 1919. 11 мая.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...Бонапарта и пожар московский... — Наполеон I (Наполеон Бонапарт; 1769—1821) — французский император. Поражение наполеоновских войск в войне 1812 г. против России положило начало крушению империи Н. I. Московский пожар возник во время Отечественной войны 1812 г. после принятия на военном совете в дер. Фили 1 сент. решения об оставлении Москвы неприятелю без сражения. Сожжение Москвы нарушило планы Наполеона дать войскам комфортный отдых после многодневных боев. Это событие нашло отражение в ст-нии Н. С. Соколова «Он» (1850), позже в переработанном виде ставшем народной песней «Шумел, гремел пожар московский...».

«Уж, как девять ран унималися ~ Сукна красные поразостланы!» — с. 122
Отрывок из ст-ния Клюева «Небесный вратарь» (1915), с незначительными разночтениями.

...славят Митрием... — Димитрий Солунский, св. великомученик, согласно житию, сын солунского воеводы, проконсул Солуни (ныне Салоники, Греция), за исповедание христианской веры убит ок. 306 г. Пользовался особой популярностью как святой воин в древней Руси. Память 26 окт. (8 нояб.).

Ко Маврийскому дубу-дереву. — Имеется в виду Мамврийский дуб, близ которого было явление Аврааму трех ангелов в виде странников. Авраам по обычаю гостеприимства пригласил их в свой шатер совершить омовение ног и отведать пищи (Быт. XVIII, 1—8).

Гостило на Руси голштинское самодержание... — По Указу Петра I от с. 123
5 февр. 1722 г. о престолонаследии (подтвержден в 1731 и в 1761 гг.) император назначал себе преемника из лиц императорской фамилии. Петр I

не успел назначить преемника. Сын Алексея Петровича — Петр II Алексеевич — занимал трон с 1727 по 1730 г. С его смертью в 1730 г. династия Романовых в прямом мужском поколении пресеклась. А со смертью дочери Петра I Елизаветы Петровны в 1761 г. династия Романовых пресеклась и по женской линии. Однако фамилию Романовых носили представители Гольштейн-Готторпской династии.

...Царское Село... — См. примеч. с. 450.

...митрополит Филарет... — Речь идет о Филарете (в миру Дроздов Василий Михайлович; 1782—1867) — церковный деятель. По его настоянию был издан русский перевод Библии. Участник составления Манифеста 1861 г. об отмене крепостного права.

...Голштиния... — Русское название Гольштейна. В 1386 г. оба графства, Шлезвиг и Гольштейн, были объединены. С 1866 г. — провинция Пруссии. Ныне — земля ФРГ. Под Г. Клюев подразумевает территорию, откуда вышли представители Гольштейн-Готторпской династии, носившие фамилию Романовы.

...убрус для Лика Нерукотворного... — См. примеч. с. 474.

Сдвинутый светильник (с. 123). — ЗВ. 1919. 18 мая; ЗВ. 25 мая (расшир. вар.).

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...сладчайший Жених. — См. примеч. с. 462.

с. 124 *Еще душа Богу согрешила ~ Век мучиться душе и не отмучиться.* — Отрывок из стиха о грешной душе, с незначительными разночтениями и без рефрена «В эвтих грехах Богу не каялася» (*Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 145—147; см.: *Якушкин П.* Сочинения. СПб., 1884. С. 500—501).

Двух милостивых, двух жалостивых ~ Вверх высоко... — Отрывок из стиха о богатом и бедном Лазаре (См.: *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. С. 68, 72; *Бессонов П.* Калеки перехожие. М., 1863. Т. 1. Вып. 1. С. 43, 46, 52, 57, 59).

...к Авраамлю... — *Авраам*, ветхозаветный патриарх. Св. Писание именует его «отцом верующих», «другом Божиим», а Сам Бог называет Себя по преимуществу «Богом Авраама». Память 9 (22) окт.

с. 125 *...Царь-колокол...* — См. примеч. с. 475.

...Исаакия ~ на мужицких костях возвели. — Имеется в виду Исаакиевский собор (арх. О. Монферран), построенный в честь св. Исаакия Далмацкого. Возведение храма, начатое при Екатерине II, было завершено при Александре II в 1858 г.

Иван-поститель... — Иоанн Креститель.

...Егорий светохрабрый... — *Георгий Победоносец* (?—303) — св. великомученик. Один из наиболее почитаемых воинов-святых в древней Руси,

герой многих песен и сказаний, змееборец. В народных верованиях выступает как защитник людей и домашнего скота от злых сил. К Егорьеву (Юрьеву) дню 23 апр. (6 мая) приурочивался обычно выгон скота в поле и завершался сев яровых.

...Михайлов архангел... — Вождь небесного воинства. Празднование 8(21) нояб.

Усекновение главы Крестителя Иоанна — Как ревнитель праведности И. выступил обличителем Ирода Антипы, который отнял у своего брата жену и при жизни последнего женился на ней, грубо нарушив обычаи. Племянница Ирода во время празднования его дня рождения угодила ему своею пляской. В награду за это, по совету матери, Иродиады, попросила голову И. Ирод, давший слово исполнить любую просьбу Саломеи, велел казнить И. 29 авг. (11 сент.), Церковью установлен строгий пост и день поминовения усопших, особенно воинов.

...Феодоровская... — См. примеч. с. 453.

...Голштиния... — См. примеч. с. 500.

...было когда-то иконоборчество. — Речь идет о религиозном движении в православном мире, которое началось по инициативе государственной власти в VIII — первой половине IX в. Размах ему придал византийский император Лев III Исавр, своим указом от 726 г. запретивший иконопочитание. В 843 г. Церковь восстановила почитание икон (См.: *Успенский Л. А.* Богословие икон православной Церкви. М., 1989. С. 77—113).

«Ныне силы небесные невидимо с нами»... — Слова из Божественной литургии Преждеосвященных Даров (Служебник: [В 3 т. М.,] 1999. Т. 2. С. 121).

«Чертог твой вижу украшенный»... — Слова из ексапостилария (Триодь постная) во святый и великий четверток на утрени.

...глядя на Софию ~ в седом Новгороде... — Храмовая икона новгород- с. 126
ского Софийского собора. На ней изображена сень, поддерживаемая семью столпами, Бог Отец, Сын, Дух Святой, Богоматерь, ангелы, цари и пророки. Празднование 15(28) авг..

...у Запечной Богородицы в Соловках... — Называется также Хлебенная. Она явилась св. Филиппу, когда он в Соловецком м-ре исполнял обязанности пекаря, и находилась в Преображенском соборном храме.

...глас великий, жалкий княгини Евпраксии, что с чадом своим с теремной светличной вышки низринулась. — Имеется в виду жена рязанского князя Федора Юрьевича, которая была вынуждена выброситься вместе со своим сыном Иваном из высокого терема, чтобы избежать бесчестия со стороны хана Батыя (См.: Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР: XIII. М., 1981. С. 187).

...успенское слово Ивану Грозному... — *Филипп,* св. митрополит Московский и всея Руси (в миру Федор Степанович Колычев; 1507—1569). С

1548 г. игумен Соловецкого м-ря. На Соборе 1566 г. при выборе митрополита Ф. был указан как главный кандидат на этот пост. Но Ф. поставил условием согласия на избрание отмену опричнины. Только после долгого «понуждения» царя и епископов он согласился не вмешиваться в дворцовые дела и принять избрание. Однако Ф. не мог равнодушно переносить неистовства опричников и уже на второй год после своего вступления на митрополию публично выступил против опричных казней Ивана IV. В Успенском соборе, когда царь пришел за благословением, Ф. обратился к нему с увещеванием остановить кровопролитие: «Мы, государь, приносим здесь Господу жертву чистую, бескровную и спасение людей, а за алтарем проливается кровь христианская и напрасно умирают люди» (Житие святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России // Жития святых Российской церкви. Месяц январь. СПб., 1860. С. 120). Вскоре после этого Ф. был низложен, отвезен в тверской Отрочь м-рь и задушен по приказу царя Малютой Скуратовым. Память 9 (22) янв.

Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта; ?—1573) — думный дворянин, приближенный Ивана IV, глава опричного террора. Погиб в бою в Ливонии.

...от Печенеги... — Имеется в виду р. Печенга, впадающая в Баренцево море.

«Сей день, его же сотвори, Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь». — Перефразированный стих из Псалтыри (Пс. CXVII, 24): «Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!»

с. 127 *...патриаршая анафема...* — 31 дек. 1917 г. (13 янв. 1918 г.) был опубликован в газетах проект декрета СНК о свободе совести, религиозных обществах и союзах. Патриарх Тихон 19 янв. (1 февр.) выступил с посланием, в котором Советская власть и все поддерживающие ее были преданы церковному увещеванию. В послании, в частности, говорилось: «Тяжелое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги ее истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани. <...>

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. <...>

Зовем всех верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей» (Цит. по кн.: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 1997. С. 88—89). Патриаршее послание «способствовало пробуждению среди рядового клира активности, направленной на духовное противостояние убийствам и надругательствам как над отдельными людьми, так и над Церковью и ее служителями»

(*Кашеваров А. Н.* Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и русской православной Церкви. 1917—1995. М., 1995. С. 53).

...смертию смерть поправшее... — Слегка измененное выражение из пасхальной стихиры: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущих во гробех даровав».

Вырубова (урожд. Танеева; 1884—1964) Анна Александровна — фрейлина императрицы Александры Федоровны (с 1904 г.). С 1920 г. в эмиграции.

...мена Христа на разбойника Варавву! — По Евангелию Понтий Пилат, воспользовавшись обычаем отпускать одного из преступников на праздник Пасхи, предложил иудеям освободить Христа или Варавву. Но ослепленный народ настоял на том, чтобы освободить разбойника и убийцу Варавву, а Иисуса Христа предать смерти.

...Фаворский свет... — См. примеч. с. 497.

Митрофан — св. епископ воронежский (в миру Михаил; 1623—1703). Как святитель он пользовался высоким уважением и сердечной любовью Петра I, который, при своих частых посещениях Воронежа (где на р. Дон он строил верфь и сооружал флот), непременно встречался со святителем, получая от него новые духовные назидания. Память 23 нояб. (5 дек.).

«Прииду и сдвину светильник твой с места его...» — Неточное цитирование стиха из Откр. (II, 5): «...приду к тебе и сдвину светильник твой с места его...».

Красные орлы (с. 127). — ЗВ. 1919. 28 мая. Без подписи.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

Статья поэта была посвящена участникам 1-го Вытегорского добровольческого отряда коммунаров города и уезда, отправлявшегося на фронт.

Красный набат (с. 128). — ЗВ. 1919. 4 июня.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...врата чертога украшенного... — См. примеч. с. 501.

...Каин. — По Ветхому Завету, старший сын Адама и Евы, убивший из зависти своего брата Авеля. Имя «Каин» стало нарицательным для тяжкого преступника, убийцы.

...с Иудой... — По Евангелию, один из двенадцати учеников Христа, предавший своего учителя за тридцать сребренников иудейским первосвященникам. Имя «Иуда» стало синонимом предателя.

с. 130 *Разделиша ризы моя, и об одежде моей меташа жребий...* — Реминисценция стиха из Евг. от Мф. (XXVII, 35): «...делили одежды Его, бросая жребий».

...со времени обольщения Евы-жизни Змием... — По Ветхому Завету, Ева, жена Адама, прельщенная дьяволом, принявшим на себя вид змея, нарушила единственную заповедь, данную Богом первым людям. Вкусив от запрещенного плода, она склонила к тому же и Адама.

Газета из ада, пляска Иродиадина. Малая повесть о судьбе огненной, русской (с. 132). — ЗВ. 1919. 15 июня.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

Газета из ада... — Клюев не без тонкого умысла вводит в свое повествование тип захожего старичка — своеобразного отголоска странника-бегуна. Среди бегунов имела широкое распространение антикрепостническая сатира, бытовавшая под разными названиями («Газета из ада», «Газета ада»), в которой рассказывается о том, какими мучениями за прегрешения будут подвергнуты все сильные мира сего на том свете. «Газета» высоко чтилась в старообрядческой среде. Она по обыкновению висела на почетном месте около образов, вставленная в рамку под стеклом, написанная печатными славянскими буквами. Клюев не ограничивается цитированием источника, а расширяет рамки исходного текста и проецирует его сатирическую направленность на современность (См.: *Надеждин*. Исследование о скопческой ереси // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 3. Прилож. С. 11—12; *Ливанов Ф. В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. 1—3. СПб., 1868. Т. 1. С. 13; *Юзов И.* Политические воззрения староверов // Русская мысль. 1882. № 5. С. 207).

...пляска Иродиадина... — См. примеч. с. 501.

Вельзевул — князь бесов.

...Усекновение главы. — См. примеч. с. 501.

Ирод I Великий (ок. 73—74 г. до н. э.) — царь Иудеи. Мнительный и властолюбивый. Христиане приписывают ему «избиение младенцев» при известии о рождении Христа.

...сиречь Эйфелева... — *Эйфелева башня*, высота 300 м, сооруженная по проекту А. Г. Эйфеля в Париже для Всемирной выставки 1889 г. как символ достижений техники XIX в.

...избави нас от лукавого... — Стих из молитвы Господней (Мф. VI, 13).

...сиречь Учредительного собрания. — *Учредительное собрание* в России — парламентарное учреждение, заседание которого проходило 5 (18) янв. 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде и было распущено декретом ВЦИК за отказ признать декреты Советской власти.

Сорок два гвоздя (с. 136). — ЗВ. 1919. 9 июля.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...от образа Умягчения злых сердец... — Или *Симеоново проречение.* На иконе изображается Богоматерь с семью воткнутыми в сердце мечами. Число 7 в Св. Писании означает «полноту» чего-либо, а в данном случае полноту того горя, печали и болезни сердечной, которые были перенесены ею на земле. Празднование 2 (15) февр.

...к Киприяну... — Св. мученик *Киприан* († 304 г.), родом из Антиохии. с. 137
По народным представлениям спасает от нечистой силы, чар, наваждений и злых духов. Память 2 (15) окт.

...от Соловков... — См. примеч. с. 439.

...застава Святогорова? — Намек на Святогора, героя русских былин, богатыря, охранявшего рубежи Киевского княжества.

...кусочек песни херувимской... — Духовная песнь православной Церкви, называющаяся «Херувимская песнь», а также по первым словам текста «Иже херувимы». Поется на литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого, кроме четверга и субботы Страстной недели, во время перенесения Св. Даров с Жертвенника на Престол.

...образ Софии — премудрости Божией... — Икона, встречающаяся с. 138
только на православном Востоке. В отдельных списках отличается некоторыми частностями, но в общем всё сводится к двум типам: Киевскому и Новгородскому. Празднование 15 (28) авг.

«Отделение церкви от государства». — Декретом Советского правительства от 23 янв. 1918 г. Церковь была отделена от гос-ва, а школа от церкви, были уничтожены все формы союза Церкви и гос-ва.

...Савл из Тарса. — Иронический намек на лектора, который в недавнем прошлом, вероятно, был священником, а затем стал лектором-атеистом. *Савл,* по Новому Завету, яростно преследовал христиан, но после чудесного видения ему, услышав раздавшийся с неба голос Иисуса Христа, обратился в христианство и стал его проповедником — ап. Павлом (Деян. IX, XXVI).

...телеса вярижные ~ носил... — См. примеч. с. 443.

«Видя толпы народа ~ на жатву Свою»... — Эпизод из Евг. от Мф. (IX, 36—38).

...счет им звериный — сорок два (666). — Реминисценция стиха из с. 139
Откр. (XIII, 18): «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Христос воскресе из мертвых ~ Живот даровав. — См. примеч. с. 503.

На младенца-березку ~ И кузова с кормом-молитвой. — Стих Клюева. с. 140
Черновой автограф — ГЛМ. Копия, выполненная Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Христа-Спасителя ~ чем Толстой с Ренаном. — Намек на труд Л. Н. Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880—1881) и кн. французского философа и историка религии Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863).

Носит Его язвы на себе. — Перифраз стиха из послания к Галатам св. ап. Павла (VI, 17): «...я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем».

Тайна сия велика есть. — Слегка измененный стих из послания к Ефесянам св. ап. Павла (V, 32): «Тайна сия велика...»

И забрюхатела Россия Емануилом... — Намек на рождение Иисуса Христа из Евг. от Мф. (I, 21—23): «Родит же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: «Се, дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог»».

И явится Новое небо и Новая земля. — Пересказ стиха из Откр. (XXI, 1): «И увидел я новое небо и новую землю...»

И не будет ничего проклятого. — Слегка измененный стих из Откр. (XXII, 3): «И ничего уже не будет проклятого...»

Спасенные народы будут ходить во свете. — Стих из Откр. (XXI, 24).

Колчак с Деникиным наступают, Англичанка с Америкой злоумышляют... — *Колчак* Александр Васильевич (1873—1920) — адмирал, один из главных противников Советской власти в Гражданскую войну. В 1918—1920 гг. — «верховный правитель Российского государства». Постановлением Иркутского РВК расстрелян. *Деникин* Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант. С октября 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 г. главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России». С 1920 г. эмигрант. Великобритания и США входили в Антанту, блок государств-победителей в 1-й мировой войне. В 1918—1920 гг. выступили организаторами вооруженной интервенции против Советской республики. Север рассматривался ими как удобный плацдарм для продвижения в глубь страны и соединения с силами внутренней контрреволюции.

...посреди седми светильников стоящее... — Перифраз стиха из Откр. (IV, 5): «...и семь светильников огненных горели пред престолом...».

Глава Его и волосы ~ как пламень огненный. И ноги ~ вод многих. — Стихи из Откр. (I, 14, 15).

с. 141 *Он держит в деснице ~ в силе своей.* — Стих из Откр. (I, 16).

И когда ты, русский народ ~ жив во веки веков! — Перифраз стихов из Откр. (I, 17, 18).

Самоцветная кровь (с. 141). — ЗТ. 1919. № 22/23. С. 3—4.

Печатается и датируется по тексту журнальной публикации.

Первый эпиграф – Максима из книги Л. Н. Толстого «Круг чтения» (Т. 1–2. М., 1906. Т. 2. С. 234).

Почитание нетленных мощей... – В 1918–1920 гг. VIII (Ликвидационным) отделом Народного комиссариата юстиции РСФСР «по требованию народных масс» было произведено 65 вскрытий рак с мощами святых в 14 губерниях страны (См.: *Кашеваров А. Н.* Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и русской православной Церкви. 1917–1945. С. 73). Эта кампания была направлена на полное уничтожение мощей святых, наиболее почитаемых в народе. Клюев был, пожалуй, единственным из поэтов, который обратился с увещевательным словом к своим собратьям-коммунистам, призывая их задуматься над неправедным делом. Но вместо понимания он натолкнулся на раздражительно-ёрнический тон в печати. Для поэта само только перенесение мощей – «прекрасное действо», «всенародная мистерия... где последняя корявая бабенка чувствует себя Комиссаржевской...». Для анонима рецензии «с этой ставкой на корявую бабенку можно очень далеко уйти – назад» ([*Б. п.*] Театр корявой бабенки // Вестник театра. 1919. № 36. С. 8). Анониму отчасти вторил и другой рецензент: «Лозунг "назад", давно и упорно выкликаемый буржуазной наукой... доводится до своего логического конца – абсурда в мистическом течении "современной поэзии" <...> хлыстовский "революционер", нашедший в прошлом году в т. Ленине какой-то керженский дух, исследует "наперекор точнейшим естественным наукам" то, что "маковым цветом искрится внутри у каждой рязанской или олонецкой бабы". И если для поэта мощи – это "тайная культура народа", то для рецензента – "пережиток грубейшего фетишизма"» (*Тис* [*Блюм В.*] Среди журналов // Вечерние известия. 1919. 3 окт.).

Александр Ошевéнский (в миру Алексей; 1427–1479), св. преп., сын с. 142
крестьянина Никифора Ошевина и его супруги Фотинии. В течение шести лет был послушником Кирилло-Белозерского м-ря. В 1453 г. принял монашеский постриг. Усовершенствовавшись в духовной жизни, А. прибыл в пределы Каргополя и на берегу р. Чурьюги основал обитель. После 27-летних подвижнических трудов мирно скончался. Чудотворец при жизни, он особенно прославился чудесами после смерти, Память 20 апр. (3 мая).

Мечников Илья Ильич (1845–1916) – биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – химик, разносторонний ученый, педагог, общественный деятель.

Скрябин Александр Николаевич (1871/1872–1915) – композитор, пианист.

...медведь св. Серафима... – См. примеч. с. 442. с. 143

...рыбы и лебеди Франциска Ассизского... — Франциск Ассизский (в миру Джованни Бернардоне; 1181 или 1182—1226) — св., итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозно-поэтических произведений. В известной анонимной книге рассказов (XIV в.) о Ф. А. «Цветочки св. Франциска» повествуется о том, как его меньший брат, св. Антоний, в городе Римини столкнулся с великим множеством еретиков, которых ему не удавалось привести к свету правой веры. По вдохновению свыше он подошел к морю и начал рыбам проповедовать слово Божье. В ответ на речи А. рыбы стали славословить Бога. Пораженные столь явным чудом еретики бросились к ногам А., чтобы внимать его проповеди и вернуться к вере Христовой (См.: Цветочки святого Франциска Ассизского. М., 1913. С. 122—123). В гл. VI книги говорится лишь о множестве птиц на деревьях, которым св. Франциск проповедовал слово Божие. О лебедях нет упоминания.

«Призри с небеси ~ десница Твоя». — Неточное цитирование стихов из Псалтыри (XXIX, 15, 16): «...призри с неба и воззри, и посети виноград сей; Охрани то, что посадила десница Твоя...»

Добрым нас словом помянет, К нам на могилу придет. — Измененные слова из распространенной в народнической среде песни под загл. «Вперед», «Народовольческий гимн» и без загл., написанной в начале 1870-х гг., автор неизвестен: «Вас со слезами вспомянет, К вам на могилу придет!» (См.: Стихи и песни. СПб., 1886. С. 2; *Кункль А. А.* Долгушинцы. М., 1932. С. 122—123; Вольная русская поэзия XVIII—XX веков. Т. 1—2. Л., 1988. Т. 2. С. 469).

...кровавой кобылы Биронов и Салтычих... — Имеется в виду доска, называемая «кобыла», на которой подвергали жестоким истязаниям людей при фаворите императрицы Анны Иоанновны Э. И. Бироне (1690—1772) и помещицей Подольского уезда Московской губ. Д. Н. Салтыковой (1730—1801).

...из александровских «третьих отделений»... — Речь идет об органе политического надзора и сыска в России в 1826—1880 гг. — Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

с. 144 *...чисточетверговый огонек...* — Имеется в виду принесенная в дом из церкви свеча на Страстной неделе и затепленная перед Казанской иконой Божией Матери (См.: *Коринфский А. А.* В мире сказаний. СПб., 1905. С. 115).

...конёк на кровле — знак всемирного пути. — Пересказ стихов из своего ст-ния «Есть горькая супесь, глухой чернозем...» (1916): «...на кровле конёк Есть знак молчаливый, что путь наш далек».

Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — композитор, родоначальник русской классической музыки.

Врубель Михаил Александрович (1856—1910) — живописец с характерным тяготением к символико-философской обобщенности образов.

...умирающего в Борисе Годунове Шаляпина... — Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) — певец. Партия Бориса в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (1869, 2-я ред. 1872) является одной из лучших в репертуаре певца.

...за «Огненное восхищение»... — Имеется в виду икона в честь пророка Илии. Память 20 июля (2 авг.).

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910) — актриса. Создала свой театр прогрессивного современного репертуара, позднее — символистской ориентации.

...от народных домов... — Народные дома, клубы для народа создавались земствами, городскими думами, обществами грамотности или частными лицами с просветительными целями.

...пролеткульты... — См. примеч. с. 464.

...сокрыт был Град-Китеж ~ озера Светлояра. — См. примеч. с. 467.

Порванный невод (с. 145). — ЗВ. 1919. 3 авг.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

...Великочетверговую свечечку... — См. примеч. с. 508.

Кощей бессмертный — персонаж русских народных сказок.

...сила в малом, в зерне горчичном... — Реминисценция стихов из Евг. от Мк. (IV, 31, 32): «...как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков...».

Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943) — поэт. Его стихи проникнуты пафосом пролетарского интернационализма, солидарности и патриотизма. Репрессирован. с. 146

...окромя полка Иисуса... — Полки Иисуса, полки Богородицы — белогвардейские отряды, организованные в годы гражданской войны при участии православных церковников для борьбы с большевиками.

...в Белую Индию... — Белая Индия — образ, восходящий к древнерусским книжным и фольклорным сказаниям об «индийском царстве», скрывавшемся за многими морями, где царит райская, праведная жизнь. с. 147

...горний ангелов полет ~ И дольней лозы прозябанье... — Строки из ст-ния А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

...Адонайя... — Адонаи (Ис. X, 10) — имя Господа, часто встречающееся в Ветхом Завете; оно нередко прилагается к людям, в смысле господина, в знак особого почтения.

...солидным «Новым временем», в кандальном отделении... — Известный журналист и театральный критик В. М. Дорошевич в начале 1900-х гг. в фельетоне «Старый палач» писал о сотруднике суворинской газ. «Новое время» (1868—1917), близко стоявшей к правительственным кругам, писателе и критике В. П. Буренине: «В кандальном отделении "Нового вре- с. 148

мени", в подвальном этаже, живет старый, похожий на затравленного волка, противный человек...» (*Дорошевич В. М.* Собр. соч.: [В 10 т.] М., 1907. Т. 10. С. 107).

с. 149 *...какой-нибудь «Земщины»... — Земщина.* Политическая, общественная и литературная газета черносотенской ориентации. СПб., 1909—1916.

...горностаевую спальню блестящей балерины «из императорских». — Намек на балерину М. Ф. Кшесинскую, фаворитку императора Николая II.

...вол знает ясли господина своего, пророки же Мои не знают Меня... — Неточное цитирование стихов из кн. пр. Исайи (I, 3): «Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не разумеет».

Огненная Грамота (с. 150). — ЗВ. 1919. 7 сент.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

В отклике на очередной выход журнала «Грядущее», в котором была помешена эта статья, рецензент язвительно заметил: «"Огненная Грамота" выходца из крестьян Н. Клюева, напоминающая пламенные строки пророков Библии, с величайшим интересом будет читаться сектантами-коммунистами» (*Книжник Ив.* «Грядущее» // Красная газета. 1919. 21 дек.).

с. 152 *...Жена, облеченная в солнце...* — Стих из Откр. (XII, 1). Если для богословов «Жена — это именно святая и славная Христова Церковь <...> церковь, как верная жена, состоящая в неразрывном брачном союзе с Господом И. Христом» (Толковая Библия. СПб., 1911—1913. Т. 3. С. 561—562), то для Клюева она является неким мистическим существом, всемирным, всеохватывающим знанием, давно чаемым страждущими.

...медведь будет пастись вместе с телицей... — Реминисценция стиха из кн. пр. Исайи (II, 7): «И корова будет пастись с медведицей...»

...пчелиный рой поселится в бороде старца. — Клюевская образная строка.

Поэты Великой Русской Революции (с. 152). — ЗВ. 1919. 7 сент. Без подписи.

Авторство установлено С. И. Субботиным в статье «Проза Николая Клюева в газетах "Звезда Вытегры" и "Трудовое слово" (1919—1921 годы). Вопросы стиля и атрибуции» (РЛ. 1984. № 4. С. 142).

Беловой автограф (Собрание М. С. Лесмана. Санкт-Петербург), без третьей части — о Клюеве.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

Ширяевец (псевд., наст. фам. Абрамов; 1887—1924) Александр Васильевич — поэт. Из крестьянской семьи. Литературными учителями Ш. были А. В. Кольцов, И. З. Суриков. Среди современников ему были близки С. А. Есенин и П. В. Орешин. Автор нескольких сборников. Для поэзии Ш. характерно воспевание волжского раздолья, Жигулей, буйной силы вольнолюбивых волгарей. с. 153

Рабоче-крестьянская власть ~ его писания... — Намек на книги «Медный кит» (1919) и «Песнослов» (1919).

Медвежья цифирь: Приблизительное слово, сказанное поэтом Николаем Клюевым в Вытегорском красноармейском клубе «Свобода» перед пьесой «Мы победим» (с. 153). — ЗВ. 1919. 16 дек.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

В заметке на спектакль, который шел в клубе «Свобода», рецензент писал: «В воскресенье 23 ноября в клубе “Свобода” силами красноармейцев местной караульной роты была поставлена пьеса Азрова “Мы победим” из современной революционной жизни.

Автор преследовал чисто агитационные цели. Моментами ему слегка удавалось прикоснуться к той великой, героической эпохе, которая сейчас происходит в пролетарской Россия. <...>

Пьесе предшествовала глубокая образная лекция поэта Н. Клюева о русском народном искусстве, воскресшем в громах Октябрьской революции» ([*Б. п.*] Спектакль в клубе «Свобода» // ЗВ. 1919. 25 нояб.).

Не шуми, мати зеленая дубравушка ~ думу думати... — Строки из русской народной песни «Не шуми ты, мать, зеленая дубравушка!» с. 154

Не одна во поле ~ березничком зарастала... — Строки из русской народной песни «Не одна во поле дороженька».

От старины выискивались люди ~ из родимой келейки пробиться... — См. сходное высказывание из п. 199, с. 602: «Я из тех, кто имеет уши, улавливающие звон березовой почки, когда она просыпается от зимнего сна».

...церковь на нашем Вытегорском погосте... — Речь идет о Покровской церкви в с. Анхимове, построенной в 1708 г. и явившейся одним из чудес деревянного зодчества Северной Руси. Вначале она, возможно, имела двадцать пять глав, однако при ремонте в 1793 г. четыре из них, по-видимому, были утрачены. Только через шесть лет на Кижском погосте возникла двадцатидвухглавая Преображенская церковь. В 1963 г. анхимовский храм сгорел. Сейчас вытегоры вынашивают план воссоздания Покровской церкви. с. 155

...гору Фавор... — См. примеч. с. 497.

...Достоевского присудили к виселице... — За участие в собраниях петрашевца Н. А. Спешнева, стремившегося к созданию тайной революцион- с. 156

ной организации, Достоевский в апр. 1849 г. был арестован и приговорен к расстрелу, который по приказу Николая I был заменен четырехлетней каторгой.

...прокляли Толстого... — Имеется в виду «Определение Святейшего Синода» от 20—22 февр. 1901 г. Писатель обвинялся в «распространении в народе учений, противных Христу и Церкви, и в истреблении в умах и сердцах людей веры отеческой, православной... Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего отношения с нею» (Цит. по кн.: Духовная драма Льва Толстого. М., 1995. С. 72). Толстой не раскаялся и не восстановил своего отношения с Церковью.

Никитин Иван Саввич (1824—1861) — поэт. Мастер русской поэтической жизни. С проникновенным лиризмом воспел картины родной земли с ее неповторимыми красками. На слова Н. создано свыше 60 романсов и песен. Умер в Воронеже, похоронен рядом с Кольцовым.

с. 157 *...красота спасет мир.* — Слегка измененная цитата из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868), слова князя Мышкина: «Мир спасет "красота"» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 317).

Сгорим, а не сдадимся! — Перифраз известного призыва староверов-самосожженцев «Сгорим, о братие, телес не посрамим!» (*Островский Д.* Каргопольские бегуны. Краткий исторический очерк // Олонецкий сборник. Вып. 4. Петрозаводск, 1909. С. 34).

Слово о ценностях народного искусства (с. 158). — ЗВ. 1920. 29 янв.

Печатается и датируется по тексту газетной публикации.

13 янв. 1920 г. в г. Вытегре открылся первый уездный съезд учителей — «подлинных работников Советов». Пятый день работы съезда был посвящен докладу Клюева о ценностях Олонецкого древнерусского искусства. Спустя некоторое время газета опубликовала в кратком изложении выступление поэта, без обещанного ею продолжения.

«На кровле конёк есть знак молчаливый, что путь так далек»... — См. примеч. с. 508.

Раздел V
ПИСЬМА

1. Политическим ссыльным, препровождаемым в г. Каргополь Олонецкой губернии. Между 18 февраля и 2 марта 1906 г. (с. 161). — МБК (отр.). С. 120; РТК (отр.). С. 192; ПКРЛ. С. 201—202 по копии, с пропусками из-за трудности прочтения письма, выполненной жандармским ротмистром Штандаренко (ЦГА КАССР).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...г. Каргополь... — Один из старейших городов Северной Руси.

... Крестьянский союз... — Всероссийский крестьянский союз — массовая революционно-демократическая организация в России (1905—1907). В ее программе — национализация земли и созыв Учредительного собрания.

...Угредительного собрания... — См. примеч. с. 504.

Добролюбова Мария Михайловна (1880—1906) — сестра поэта Алек- с. 162
сандра Добролюбова, окончила Смольный ин-т, педагог, активная участница Первой русской революции, примыкала к эсерам.

2. Л. Д. Семенову. 15 июня 1907 г. Дер. Желвачёва (с. 163). — ЛС (отр.). С. 25; НК (отр.). С. 53—54. — ПКРЛ. С. 204—205.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Год установлен по содержанию.

Семенов Леонид Дмитриевич (1880—1917) — поэт-символист, университетский товарищ А. Блока. Выпустил единственный сб. «Собрание стихотворений» (1905). Участвовал в деятельности Крестьянского союза, неоднократно подвергался арестам и заключению. Позже окончательно оставил литературу и ушел «в народ», «осел на земле», крестьянствовал, собирался принять священнический сан. В дек. 1917 г. был убит крестьянами на своем хуторе в Рязанской губ. (См. о нем: *Баевский В.* Леонид Семенов — жизнестроитель и поэт // ВЛ. 1994. Вып. V. С. 171—207).

...одно мое стихотворение последнего присыла предложено «Русскому богатству»... — Неизвестно, о каком ст-нии идет речь. В этом журн. стихи поэта не публиковались.

...одно помещено в майской книжке «Трудового пути». — Речь идет о ст-нии «Холодное, как смерть, равниной бездыханной...» (Трудовой путь. 1907. № 5. С. 24).

Рассказ Ваш ~ мне гитать не приходилось. — Имеется в виду рассказ Семенова «Проклятие» (Трудовой путь. 1907. № 3. С. 2—27). Об этом произведении Блок писал, что оно «потрясает и отличается во многом от сотни подобных описаний правительственных зверств, но отличается от них более в чисто описательной части. Что же сверху того — показательно еще раз, что трудно «служить богу и маммоне», хранить верность жизни и искусству» (Блок, 5. С. 114).

Читал только стихотворение «Проклятье»... — Напечатано в журн. «Трудовой путь» (1907. № 3. С. 1).

...приходится видеть «Ниву»... — Еженедельный иллюстрированный лит.-худ. и науч.-популярный массовый журн. для «семейного чтения», издавался в Петербурге А. Ф. Марксом в 1870—1916 гг. В 1916 г. издание

было приобретено книгоиздательской фирмой «Товарищество Сытина и К°».

В стихотворении «Рота за ротой проходят полки...» — есть строка: «Мерещится мне въявь военных — плацев — гладь». — Оговорка поэта. Эта строка — из ст-ния «Казарма», которое, вероятно, находилось среди стихов, присланных Семенову.

...я прочитал в газетах, что Вы «сидите». — В марте 1907 г. Семенов находился в петербургской пересыльной тюрьме.

Всего я послал Вам 8 писем — с 52 стихотворениями. — Эти материалы исследователями не обнаружены.

3. А. А. Блоку. Конец сентября — начало октября (до 3-го) 1907 г. Дер. Желвачёва. (с. 164). — Блок, 8. С. 587 (отр.); ОКПП (отр.). 1978. № 8. С. 96—97; ЛН, 92, 4. С. 462—463.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется предположительно на основании письма Блока к матери от 9 окт. 1907 г.: «За мое отсутствие получили... очень трогательное письмо от крестьянина Олонецкой губернии...» (Блок, 8. С. 215). С 3 по 7 окт. Блок находился в Киеве.

...прочесть мои стихотворения ~ поместить их в какой-либо журнал. — К письму были приложены ст-ния «Горниста смолк рожок... Угрюмые солдаты...», «Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад...», «Я поведаю миру былину...», «Мы любим только то, чему названья нет...» и «Немая любовь».

Я в этом году призываюсь в солдаты (21 год)... — См. примеч. с. 449.

...привез сборник Ваших стихов. — Имеется в виду «Нечаянная Радость» (1907).

...душа становится вольной ~ след крылатых кораблей. — Навеяно блоковскими строками предисловия к сб. «Нечаянная Радость»: «Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли» (Блок, 2. С. 370).

4. Е. М. Добролюбовой. Конец сентября — начало октября 1907 г. Дер. Желвачёва (с. 165). — РТК (отр.). С. 194.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию: «23 октября меня вновь зовут в солдаты...». См. сходную фразу в п. 3, с. 164.

Добролюбова Елена Михайловна (1882—?) — сестра поэта Александра Добролюбова, окончила педагогические курсы Смольного ин-та, прини-

мала участие в революционных событиях 1905—1906 гг. Клюев посвятил ей ст-ние «Предчувствие» (1909).

...от Леонида Дмитриевига... — Семенова.

5. А. А. Блоку. Октябрь—ноябрь (до 12 ноября) 1907 г. Дер. Желвачёва (с. 165). — Блок, 5. С. 213—214 (отр.); ОКПП (отр.). 1978. № 8. С. 91—92; В подборке «Из неизданной переписки Александра Блока» // КО. 1986, 17 окт.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется предположительно на основании письма сестры поэта к Блоку от 12 янв. 1908 г., в котором она сообщала: «Коля находится с 13 ноября на военной службе» (Цит. по: ЛН. 92, 4. С. 468).

...электригеские сны... — Перифраз строки из ст-ния Блока «В кабаках, в переулках, в извивах...»: «В электрическом сне наяву...». с. 166

...«Осеннюю волю»... — «Осенняя воля» — ст-ние из сб. «Нечаянная Радость».

...молодость, сгубленную в хмелю... — Перифраз строки из ст-ния «Осенняя воля»: «Как я молодость сгубил в хмелю...».

...Младу — дикой вольности сестру... — Перифраз строк из ст-ния «Прискакала дикой степью...»: «Млада, Дикой вольности сестра!».

...«Взморье»... — Ст-ние из сб. «Нечаянная Радость».

...с кораблем, уносящим торжество... — Перифраз строк из ст-ния «Взморье»: «Там корабль... Унося торжество в океан».

...подобные яспису и сардису... — Усеченный стих из Откр. (IV, 3): «И Сей Сидящий видом был подобно камню яспису и сардису...».

...П. Я. пишет лугше Вас... — Имеется в виду поэт-народоволец Петр Филиппович Якубович (псевд. Л. Мельшин и др.; 1860—1911), автор сб. «Стихотворения Матвея Рамшева» (1887), «Стихотворения» (Т. 1—2. 1889—1901), написанных в духе некрасовской традиции.

...слово «красным криком» не Ваше, а Леонида Андреева... — Имеется в виду название повести Л. Андреева «Красный смех» (1904).

...«голубой кавалер»... — Образ из третьей строфы ст-ния «A l'ombre» («День поблек — изящный и невинный...»).

...нимб, юр? — Слова из ст-ний «An Hans Guenther» («Гансу Гюнтеру») и «Ты оденешь меня в серебро...».

...«Сказка о петухе и старушке»... — Ст-ние из сб. «Нечаянная Радость».

...призри с небеси ~ десница твоя! — Усеченные стихи из Псалтыри (Пс. XXIX, 15—16): «...призри с неба и воззри, и посети виноград сей; Охрани то, что посадила десница Твоя...».

Присылаю Вам еще стихотворений... —При этом письме стихи не сохранились. с. 167

Клюева Клавдия Алексеевна (1881—1941) — сестра поэта, в замужестве Расщеперина (Ращеперина).

6. В. С. Миролюбову. 25 января 1908 г. Петербург (с. 167). — ИТН. С. 106.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Нахожусь с 5 января ~ госпитале... — См. примеч. с. 449.
...«что» помещено мое в декабре ~ к помещению в следующие месяцы... — В декабрьском номере журн. «Трудовой путь» не было стихов поэта. В «Нашем журнале» (под таким названием стал выходить «Трудовой путь») была опубликована анонимно статья Клюева «В черные дни».

7. А. А. Блоку. 19 февраля 1908 г. Петербург (с. 168). — ЛН, 92, 4. С. 468.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Сестра писала мне, что вы спрашивали у ней мой адрес. — Клюева в письме к Блоку от 12 янв. 1908 г. приводит адрес брата: «Финляндия, г. Выборг, Выборгский крепостной пехотный батальон, 5-я рота» (Цит. по: ЛН, 92, 4. С. 468).
С 5-го января я нахожусь ~ госпитале... — См. примеч. с. 449.

8. А. А. Блоку. 16 мая 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 168). — РТК (отр.). С. 200; ЛН, 92, 4. С. 468—469.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Год установлен по содержанию.
На обороте листа приписка рукой Блока: «Я ответил 2 июня большим письмом о “народной душе”».

Вы напечатали мое письмо. — Речь идет об отрывках из п. 5, приведенных Блоком в статье «Литературные итоги 1907 года», опубликованной в журн. «Золотое руно» (1907. № 11—12. С. 92—93).

9. А. А. Блоку. Май 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 168). — ЛН, 92, 4. С. 469.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

...я снова присылаю Вам стихи... — При письме ст-ния «Зеленеют травкою могилы...», «Под плакучею ракитой...».
с. 169 *...опубликовали мое письмо к Вам в «Золотом руне»...* — См. примеч. к п. 8.

...что потом было по этому поводу писано в газетах Розановым и в «Столичной почте»... — В статье В. Розанова, подписанной В. Варварин, «Автор "Балаганчика" о петербургских Религиозно-философских собраниях» (Русское слово. 1908. 25 янв.) дается язвительная характеристика блоковской статьи «Литературные итоги 1907 года» и приведенных в ней отрывков из клюевского письма: «Блок выбрал в корреспонденты неудачного "мужичка". <...> Нам кажется, и Блок — не настоящий русский умный человек, образованный в работе и рабочий в образовании, и "мужичок" его взят откуда-нибудь из ресторана, где он имел достаточно поводов завидовать кутящим "господам"». Цитируя выдержки из писем Клюева, Д. Философов в статье «Декадентские мужички» (Столичная почта. 1908. 14 февр.) сетует, что «крестьяне сбиты с толку. Они ищут выхода из своего нестерпимого положения и не знают, *за кем идти*», но более всего его удручает, что «сбиты с толку и мы, интеллигенты? И в нашем "сословии" или "касте" все "разные партии, и каждая оправдывает свое!" Крестьяне начинают хвататься за ум и рассчитывать, главным образом, на себя, только на себя».

...прочитать книгу А. Добролюбова «Из книги Невидимой». — Имеется в виду третий сб. произведений Добролюбова «Из книги Невидимой», подготовленной и изданной Н. Я. и И. М. Брюсовыми в 1905 г., где частично представлено его творчество 1900-х гг., так называемого «сектантского периода».

10. А. А. Блоку. 6 июня 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 169). — ЛН, 92, 4. С. 470.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...книгу А. Добролюбова «Из книги Невидимой». — См. примеч. к п. 9.

11. А. А. Блоку. 27 июня 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 169). — ЛН, 92, 4. С. 470.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Получил Ваши книги. — Блок послал альманах «Белые ночи» и свой сб. «Лирические драмы» (1908), с дарственной надписью: «Николаю Клюеву. С приветствием от души. Александр Блок 2 июня 1908, СПБ» (Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях // ЛН. 92. 3. С. 82).

12. А. А. Блоку. Июль—август 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 169). — РФ (отр.). С. 202; ЛН, 92, 4. С. 472.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

с. 170 *...книги я получил...* — См. примеч. к п. 11, с. 517.

...Ваши произведения ~ «Сын и мать»... — Эти ст-ния вошли в петербургский альманах «Белые ночи» (1907).

...«Король на площади». — Одна из трех драм, вошедшая в сб. «Лирические драмы».

А насчет опубликованного письма не беспокойтесь... — Речь идет о п. 5.

...письмо со стихами... — Имеются в виду ст-ния при п. 9.

13. А. А. Блоку. 1 сентября 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 170). — ЛН, 92, 4. С. 473.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по связи с п. 14: «1 сентября послал Вам письмо для В<иктора> С<ергеевича> М<иролюбова>...».

...как Вам нравится эта статья? — Речь идет о статье Клюева «С родного берега».

14. А. А. Блоку. Середина сентября 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 171). — ЛН, 92, 4. С. 473—474.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию и на основании блоковских помет от 21 и 28 сент. 1908 г. в ЗП. С. 114—115.

...какие из этих стихов годны. — К письму приложены ст-ния «Я говорил тебе о Боге...», «Любви начало было летом...», «Песня девушки», «Песня о царе соколе и о трех птицах Божиих», «Осенняя сказка».

...какие три стихот<ворения> Вы послали в него? — В журн. «Золотое руно» (1908. № 10) были опубликованы два ст-ния Клюева «Я говорил тебе о Боге...» и «Любви начало было летом...». О судьбе третьего ст-ния — неизвестно.

15. А. А. Блоку. 30 сентября 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 171). — ЛН, 92, 4. С. 476.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

«Земля в снегу» — Третий сб. ст-ний Блока (1908).
...после «рукописи»... — Речь идет о статье «С родного берега».
...письмо со стихами. — см. п. 14.

16. А. А. Блоку. Конец октября 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 171). – Блок, 8. С. 594 (отр.); РТК (отр.). С. 201; РФ (отр.) С. 204; В подборке «Из неизданной переписки Александра Блока» // КО. 1986, 17 окт.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется предположительно на основании блоковского письма к матери от 2 нояб. 1908 г.: «Всего важнее для *меня* – то, что Клюев написал мне длинное письмо о "Земле в снегу", где упрекает меня в интеллигентской порнографии (не за всю книгу, конечно, но, например, за «Вольные мысли»). И я поверил ему в том, что *даже я*, ненавистник порнографии, подпал под ее влияние, будучи интеллигентом. Может быть, это и хорошо даже, но еще лучше, что указывает мне на это именно Клюев. Другому бы я не поверил так, как ему.

Письмо его *вообще* опять настолько важно, что я, кажется, опубликую его» (Блок, 8. С. 258).

В следующем письме к матери (5–6 нояб. 1908 г.) Блок вновь возвращается к клюевскому письму, уточняя и конкретизируя свои выводы: «Клюев мне совсем не только про "Вольную мысль" пишет, а про всё <...> и еще про многое. И не то что о "порнографии" именно, а о более сложном чем-то, что я, в конце концов, в себе еще люблю. Не то что я считаю это ценным, а просто это какая-то часть меня самого. Веря ему, я верю и себе. *Следовательно* (говоря очень обобщенно и не только на основании Клюева, но и многих других моих мыслей): между "интеллигенцией" и "народом" есть "недоступная черта". Для *нас*, вероятно, самое ценное в них враждебно, то же – для них» (Блок, 8. С. 258). Раздумья поэта над клюевским письмом отразились и в докладе «Россия и интеллигенция», прочитанном им 13 нояб. 1908 г. в Религиозно-философском обществе (Блок, 6. С. 318–328).

...на развалинах Ниневии... – Древний г. Ассирии. В конце VIII–VII вв. столица Ассирии. В 612 г. до н. э. разрушена вавилонянами и мидянами. Часто упоминается в Ветхом Завете. с. 172

...и всё мимолетно... – Усеченная цитата из ст-ния «Иду и всё мимолетно...» – сб. «Нечаянная Радость».

...несчастных, просящих хлеба, никому не жаль... – Перифраз строк из ст-ния «Еще прекрасное серое небо...»: «Еше несчастных, просящих хлеба, Никому не жаль, никому не жаль!» – сб. «Нечаянная Радость».

...уплывающая в пьяный сумрак городских улиц... – Перифраз строки из ст-ния «Там, в ночной завывающей стуже...»: «Уплываешь ты в сумрак снеговый...» – сб. «Нечаянная Радость».

...с вольной девой в огненном плаще... – Слегка измененная строка из ст-ния «Иду – и всё мимолетно...»: «Вольная дева в огненном плаще...» – сб. «Нечаянная Радость».

Я недоумеваю ~ от чтения этой книги... — Имеются в виду статьи В. Розанова и Д. Философова. См. примеч. к п. 9, с. 517.

...духовно не выше публики, выведенной в «Царе Голоде» в картине «Суд над голодными»... — См. примеч. с. 494.

с. 173 *Отлил пулю помещик Энгельгардт...* — См. примеч. с. 494.

Небо как голубой далекий брат... — Перифраз строк из ст-ния «В четырех стенах...»: «А в небе — золотом расшитый Наряд бледнеет голубой. Как сладко, и светло, и больно, Мой голубой, далекий брат!» — сб. «Земля в снегу».

...чуть слышны колокола... — Вторая строка из ст-ния «О несказанном» («Милый брат! Завечерело...») — сб. «Земля в снегу».

Задумчивая ли голубоокая Мэри... — Перифраз строк из ст-ния «Нет имени тебе...»: «Меня, задумчивую Мэри, Голубоокую меня». — сб. «Земля в снегу».

...легковейная ли весна... — Строка из ст-ния «В синем небе, в темной глуби...» — сб. «Земля в снегу».

...палач ли, вобьющий в ладонь гвоздь... — Перифраз строк из ст-ния «Когда в листве сырой и ржавой...»: «Когда палач рукой костлявой Вобьет в ладонь последний гвоздь...» — сб. «Земля в снегу».

...перед ликом Родины суровой закачается на кресте завершительная жертва? — Перифраз строк из ст-ния «Когда в листве сырой и ржавой...»: «Пред ликом родины суровой Я закачаюсь на кресте...».

...мертвый, провалившийся рот. — Перифраз заключительной строки из ст-ния «Не пришел на свиданье»: «Провалился мертвый рот» — сб. «Земля в снегу».

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, прозаик, литературовед. Издал альманахи «Факелы» (1906—1908), «Белые ночи» (1907). Блок познакомился и сблизился с ним весной 1904 г., поддерживал дружеские отношения до 1908 г.

с. 174 *«Принимаю»* — Так Клюев назвал по слову из третьей строки первой строфы «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!» ст-ние «О, весна без конца и без краю...».

...«лови лесной туман косой»... — Неточная цитата из ст-ния «Песельник»: «...собирай лесной туман косой!» — сб. «Земля в снегу».

...а в «Пляске» слово «лютики» будто с того света свалилось... — Имеется в виду строка «Эй, желтенькие лютики...» — сб. «Земля в снегу».

...пока надтреснутый колокол ~ до часа и дня урочного. — Перифраз строк из предисловия к сб. «Земля в снегу»: «Надтреснутый колокол мерно качается и поет серебряным голосом...», «...лесные тропинки, глухие овраги, огни в избах моей родины...», «И снега, застилающие землю перед весной».

Если пожелаете, то опубликуйте это письмо... — Оно не было опубликовано.

17. А. А. Блоку. Ноябрь–декабрь 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 174). – ЛН, 92, 4. С. 479–480.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

...в «Русскую мысль»... – Русская мысль. Ежемес. науч.-лит. и полит. журн., 1880–1918, Москва. Основан В. М. Лавровым. До 1885 г. славянофильской ориентации, позднее (ред. В. А. Гольцев) либеральной ориентации. После 1905 г. орган кадетской партии. После реорганизации журнала литературный и литературно-критический отдел возглавил Д. С. Мережковский. Блок, вероятно, заинтересовал редакцию статьями Клюева и, заручившись ее согласием на выступления поэта на страницах журнала, стал уговаривать Клюева поделиться своими мыслями.

...окромя «Трудового пути»... – См. примеч. с. 461.

...да «Царя Голода» – См. примеч. с. 494.

...почитаешь «Свет». – Свет. Ежедневная полит., эконом. и лит. газ., 1882–1916, Петербург.

...адрес с изображением лебедя. – Имеется в виду «Лебедь». Журн. лит. с. 175
и искусства. Москва. С. А. Поперек, 1908–1909.

...эту рукопись. – Речь идет новом произведении «Слово Божие к народу», которое, вероятнее всего, утрачено. См. п. 22 и 24.

Стихотворение «Ты разлюбила»... – Имеется в виду ст-ние «Ты разлюбила мир иконы...», озаглавленное позже «Грешница», в окончательной ред. – «За лебединой белой долей...» (1907, 1911).

Как Вам кажутся эти стихи. – К письму приложены ст-ния: «Прошли те времена, когда нелицемерно...», «Ты разлюбила мир иконы...», «Возвращение», «Победителям», «Всё напевней и благостней звоны...», «И опять я мудр и весел...». «Пловец», «Завещание», «Зимняя сказка», «Из книги Откровения», «Горние звезды, как росы...», «Песня о мертвом женихе», «Под вечер». Ст-ние «Победителям» Блок отослал в царицынский журн. «Слушай, земля», однако оно не было опубликовано.

...опубликуйте письмо без урезок. – Речь идет о п. 16.

18. А. А. Блоку. Ноябрь–декабрь 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 175). – ЛН, 92, 4. С. 484.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

Ответил на Ваше письмо с просьбой от «Русской мысли»... – См. примеч. выше.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) – поэт, прозаик, критик, публицист, переводчик, лит.-общественный деятель. В 1920 г. эмигрировал.

19. А. А. Блоку. 28 декабря 1908 г. Дер. Желвачёва (с. 175). – ЛН, 92, 4. С. 484–485.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...получили ли мое письмо заказное. – См. п. 17.
...и «пол-листа»... – См. примеч. с. 521.
Какие стихи в «Лебеде»... – Блок послал в журн. только ст-ние «Осенняя сказка», которое не было опубликовано.

20. А. А. Блоку. Январь–февраль 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 176). – ЛН, 92, 4. С. 485–486.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

...очень озабочен о судьбе письма со стихами ~ и с полулистом... – См. примеч. к п. 17, с. 521.
...Вы писали в открытке ~ беспокойны душой... – Имеются в виду весьма болезненные семейные обстоятельства, связанные с рождением ребенка и его неожиданной смертью.
...для В<иктора> С<ергеевича>... – Миролюбова.
...из «Золотого руна» не получил... – См. примеч. с. 518.
...получил из «Лебедя» 3 руб. 15 коп., за какое стихот<ворение> – не знаю. – См. примеч. выше.
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт-символист, переводчик. В стихах – мотивы индивидуализма, противопоставление «железному веку» первозданного целостного «солнечного начала». С 1920 г. в эмиграции.

21. А. А. Блоку. 3 марта 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 176). – ЛН, 92, 4. С. 486.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).

...от В<иктора> С<ергеевича>... – Миролюбова.
...хотелось бы № 10 «Золотого Руна»... – См. примеч. с. 518.

22. А. А. Блоку. 12 марта 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 177). – ЛН, 92, 4. С. 486–487.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Год установлен по содержанию.

...почти пришиблен царственностью стихов из Бодлера – Вячеслава Иванова... – Речь идет о шести ст-ниях французского поэта Ш. Бодлера в

пер. Вяч. Иванова, опубликованных в журн. «Вопросы жизни» (1905. № 4–5).

...умилен Вашим словом о «Прозрачности» и «Кормчих звездах». — Имеется в виду статья Блока «Творчество Вячеслава Иванова» (Вопросы жизни. 1905. № 4–5). Во второй части статьи Блок дает высокую оценку сб. ст-ний Иванова «Кормчие звезды» (1903) и «Прозрачность» (1904).

...завечерело, чуть слышны колокола... — Усеченная цитата из ст-ния «О несказанном» — сб. «Земля в снегу».

Похожи на «Соломона» корочки у альманахов «Шиповник»... — Имеются в виду лит.-худож. альманахи (кн. 1–26, 1907–1917), выпускавшиеся петербургским книгоизд-вом «Шиповник», основанном З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом.

«Черные маски» — Пьеса Л. Андреева (1908).

...«плачу и рыдаю, камо зрю красоту недвижну, лежащу, вида не имеющу»... — Перифраз стихиры Иоанна Дамаскина на отпевание покойника: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, вижду во гробех лежащую, по образу божию созданную нашу красоту, безобразну, безсловну, не имущую вида» (Требник. М., 1995. С. 269).

От В<иктора> С<ергеевича>... — Миролюбова.

...на «Слово Божие»... — См. примеч. к п. 17, с. 521.

...здоровье у него папиросное... — Миролюбов болел туберкулезом.

...единое нужно на потребу... — Стих из Евг. от Лк. (X, 42).

23. А. А. Блоку. 3 апреля 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 178). — ЛН, 92, 4. С. 488.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Из «Бодрого слова»... — Клюев получил гонорар за публикацию в московском журн. «Бодрое слово» (1903. № 5 и 7) ст-ний «Современная былина» и «Песня о соколе и о трех птицах Божиих».

Писал я что-то Вам про «Черные маски»... — См. п. 22 и примеч. к нему выше.

24. А. А. Блоку. Апрель 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 178). — ОКПП. 1978. № 9. С. 101 (отр.); РТК (отр.). С. 201, 205; В подборке «Из неизданной переписки Александра Блока» (отр.) // КО. 1986, 17 окт.; ЛН, 92, 4. С. 488–490.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется в связи с фразой из п. 25: «Получили ли до отъезда мое письмо со стихами...».

...«Слово Божие к народу»... — См. примеч. с. 521.

...*«грусть несказанных намеков»*... — Строка из ст-ния «Федору Смородскому» («Нежный! У ласковой речки...») -- сб. «Нечаянная Радость».

«Люди придут и растратят ~ Нежный растопчут камыш». — Четвертая строка из ст-ния «Федору Смородскому».

с. 179 ...*«одинокая участь светла, безначальная доля свята»*. — Строки из ст-ния «Полюби эту вечность болот...» — сб. «Нечаянная Радость».

...*«жемчуговые сны наяву»*... — Строка из ст-ния «Облака небывалой услады...» — сб. «Нечаянная Радость».

...*В<иктор> С<ергеевич>*... — Миролюбов.

...*«чтоб услышать с белой пристани Отдаленные рога»*... — Неточно приведенные строки из ст-ния «Последний путь»: «Ты услышишь с белой пристани Отдаленные рога» — сб. «Земля в снегу».

...*«если встанешь — не сойдешь, и душою безнадежной Безотзывное поймешь»*. — Строки из ст-ния «Последний путь» («В снежной пене — предзакатная...»).

...*«пучина темных встреч»*. — Перифраз строки из ст-ния «На страже»: «В пучины новых темных встреч» — сб. «Земля на снегу».

Присылаю Вам еще стихов... — К письму приложены ст-ния «Поэт», «Предчувствие», «Змей», «Прельщение».

...*о присланных с «полулистом» тоже*. — См. примеч. с. 521.

...*какое стихотворение помещено в «Лебеде»*... — См. примеч. с. 522.

Не можете ли Вы прислать мне этот № 10... — См. примеч. с. 518.

Быстров Семен Федорович (1877—1942?) — писатель. С конца 1907 г. был секретарем «Журнала для всех», работал в редакции журн. «Трудовой путь». Знакомство Клюева с Быстровым, вероятно, состоялось в начале 1908 г., когда поэт, по его словам, «пробыл зимой в Петербурге четыре месяца...» (см. п. 8).

25. А. А. Блоку. Начало июля 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 179). — ЛН, 92, 4. С. 491.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по содержанию. На листе блоковская помета, сделанная красным карандашом: «Июль 1909».

с. 180 ...*в далеких краях*... — С середины апр. 1909 г. Блок путешествовал по Италии и Германии.

...*В<иктора> С<ергеевича>*... — Миролюбова.

...*«кто горд и зол ~ зовет и манит»*. — Перифраз строк из ст-ния «На родине» («В густой траве пропадешь с головой...»): «...кто горд и зол. И смотришь — тучи вдали встают, И слушаешь песни далеких сел... Заплачет сердце по чужой стороне, Запросится в бой — зовет и манит...» — сб. «Земля в снегу».

Таставен Генрих Эдмундович (1880—1915) — критик, секретарь журн. «Золотое руно».

...в «Лебедь»... — См. примеч. с. 522.

...«Слушай, земля»... — Ст-ние Клюева в данном журн. не появилось.

...в «Бодрое слово». — В этом журн. (1909. № 17) было напечатано ст-ние «Прельщение».

Получили ли до отъезда мое письмо со стихами... — См. примеч. с. 524.

26. А. А. Блоку. 4 сентября 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 180). — ЛН, 92, 4. С. 491—492.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ). Год установлен предположительно согласно помете Блока на последней странице письма: «Получ<ено> в Шахм<атово> 9.IX.09».

...В<иктора> С*<ергеевича>...* — Миролюбова.

27. А. А. Блоку. Конец сентября 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 181). — В подборке «Из неизданной переписки Александра Блока» // КО. 1986, 17 окт.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по связи с п. 28: «...в конце сентября отписал по петербургскому адресу...».

Присылаю Вам еще... — К письму приложены пять ст-ний: «На волнах», «Под ветром», «Девичья песня», «В разлуке», «Песня».

...какие стих<отворения> мои напечатаны в № 5 «Бодрого слова»... — См. примеч. выше.

...что за «Новый журнал для всех», имеет ли он общее со старым «Журналом для всех»? — Новый журнал для всех. С.-Петербург. Издатель Н. А. Бенштейн, 1908—1916 — демократической ориентации, не являлся продолжателем *«Журнала для всех»* (С.-Петербург, 1895—1906. Издатель В. С. Миролюбов).

28. А. А. Блоку. 4 ноября 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 181). — ЛН, 92, 4. С. 493.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).

29. А. А. Блоку. 29 декабря 1909 г. Дер. Желвачёва (с. 181). — ЛН, 92, 4. С. 493.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).

30. А. А. Блоку. 22 января 1910 г. Дер. Желвачёва (с. 182). — РТК (отр.). С. 203; ОКПП. 1978. № 9. С. 92—93.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).

...к Всеобщему календарю Сытина... — Речь идет о ежегодном «Всеобщем русском календаре», выпускавшемся книгоиздательской фирмой «Товарищество Сытина и К°».

...«Свят. Николай спасает от смерти трех невинно осужденных граждан»... — Имеется в виду картина И. Е. Репина «Св. Николай избавляет от смертной казни трех невинно осужденных в Мирах Ликийских» (1888). Находится в Государственном Русском музее (ГРМ).

Ведь в тех же муках рождала и простого человека мать, так же нежно кормила у груди... — Перифраз строк из ст-ния «Пришлецы»: «В тех же муках рождала их мать, Так же нежно кормила у груди...» — сб. «Нечаянная Радость».

с. 183 *...«кто-то ласковый рассыпал золотые пряди, луч проник в невидимую дверь».* — Строки из ст-ния «Зажглись окна узких комнат...» — сб. «Нечаянная Радость».

К письму приложено ст-ние «На пороге зимы» («Не говори, без слов понятна...»). Рукою Блока чернилами сбоку ст-ния сделана приписка: «Получ<ил> 26.I.1910. Посл<ал> 29.I.1910. Чтец-декламат<ор>. Т. IV». Публикация ст-ния в киевском периодическом издании «Антология современной поэзии» (Чтец-декламатор). Т. IV. Киев, 1909 — не состоялась.

31. А. А. Блоку. 14 марта 1910 г. Дер. Желвачёва (с. 183). — ЛН, 92, 4. С. 496.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).

Получил книжку стихов... — Блок прислал «Антологию современной поэзии» (Чтец-декламатор). Т. IV. Киев, 1909.

Дивлюсь стихотворению Сергея Городецкого — «Ну-ка, сердце, вспоминай...». — Усеченная строка из ст-ния Городецкого «Юхано», опубликованного в присланной Блоком «Антологии».

32. А. А. Блоку. Апрель—май 1910 г. Дер. Желвачёва (с. 184). — РТК (отр.). С. 198; ОКПП. 1978. № 9. С. 102—103.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

...Вашу книжку стихов получил давно... — См. примеч. выше.

Добролюбов Александр Михайлович (1876—1945?) — поэт-символист. Весной 1896 г. оставил Петербургский ун-т и начал странствовать по Олонецкой и Архангельской губ. В начале 1900-х гг. перебрался в Поволжье, где основал секту «добролюбовцев», среди которых жил как глава до 1915 г. Позже обитал в Сибири, Средней Азии и на Кавказе. Клюев посвятил ему ст-ние «Александр Добролюбов — пречистая свечечка...» (между 1919 и 1921).

Ваши стихи о Прек<расной> Даме подарены ему Вами с надписями как другу. — По утверждению К. М. Азадовского, «сведений, подтверждающих дарственную надпись Блока А. М. Добролюбову на книге "Стихи о Прекрасной Даме", до настоящего времени не обнаружено. Впрочем, возможно, что Клюев по забывчивости назвал имя А. Добролюбова вместо Л. Д. Семенова, которому Блок в 1904 г. действительно подарил экземпляр "Стихов о Прекрасной Даме" (ЛН, 92, 4. С. 497) с дружеской надписью: "Милому Леониду Дмитриевичу Семенову на память и в знак любви. Александр Блок. 2.XI.1904. С.-П.-Б."» (ЛН. 92. 3. С. 123).

Он во мне, и я в них... — Перифраз стиха из Евг. от Ин. (XVII, 23): «Я в них, и Ты во Мне».

К письму приложено ст-ние «Сколько перепутий, тропок-невидимок...».

33. А. А. Блоку. Июнь 1910 г. дер. Желвачёва (с. 184). — В подборке «Из неизданной переписки Александра Блока» (отр.) // КО. 1986, 17 окт.; ЛН, 92, 4. С. 497—498.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

...о свете, который и во тьме светит. — Перифраз стиха из Евг. от Ин. (I, 5): «И свет во тьме светит...».

Я писал Вам о стихах С. Городецкого из Вашей книги. — См. примеч. с. 526.

Напишите, прошу, об этих моих стихах. — К письму приложены ст-ния: «Отверженной», «Облака — нагорная церковь...», «Есть то, чего не видел глаз...», «Голос из народа», «За гранью», «Нам закляты и заказаны...», «Костра степного взвивы...», «Александру Блоку», «На рассвете», «Родное», «Последний день».

...какие мои стихи помещ<ены> в «Бодром слове» № 5 за 1909 г. — См. примеч. с. 523.

34. А. А. Блоку. 7 сентября 1910 г. Дер. Желвачёва (с. 185). — ЛН, 92, 4. С. 499.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Послал Вам в Питер заказное письмо в июне... — См. примеч. выше.
...Виктор Сергеевиг... — Миролюбов.

35. А. А. Блоку. 5 ноября 1910 г. Дер. Желвачёва (с. 185). — РТК (отр.). С. 198—199; ОКПП. 1978. № 9. С. 93 (отр.); В подборке «Из неизданной переписки Александра Блока» (отр.) // КО. 1986, 17 окт.; ЛН, 92, 4. С. 499—502.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).

Статью Вашу о современном состоянии русского символизма... — Речь идет о статье Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8).

Бедекер Карл (1801—1859) — немецкий издатель. Основал в 1827 г. в Кобленце изд-во путеводителей, которые в обиходе назывались «бедекерами».

Беллини Винченцо (1801—1835) — итальянский: композитор. Представитель романтического направления, способствовал развитию искусства бельканто. Оперы «Сомнамбула», «Норма» (1831), «Пуритане» (1835) и др.

...Беато... — Имеется в виду Анджелико (собств. Фра Джованни да Фьезоле; ок. 1400—1450) (прозвище — Беато Анджелико) — итальянский живописец раннего Возрождения флорентийской школы. Картины и фрески А. светлы, поэтичны, проникнуты тончайшим пластическим чувством и религиозным благоговением.

Синьорелли Лука (между 1445—1450 и 1523) — итальянский живописец. Представитель Раннего Возрождения. Увлекался изображением обнаженных фигур в сложных ракурсах, резком порывистом движении.

...«глухой полночью искусства»... — Слова из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма».

Мгновенье, — остановись! — Измененное высказывание Фауста из первой части трагедии И. В. Гете «Фауст» (1772—1831), пер. Н. А. Холодковского.

с. 186 *«Тихо ведаю ~ всадник прискачет...»* — Строки из ст-ния «Моей матери» («Помнишь думы? Они улетели...») — сб. «Нечаянная Радость».

...«пустая, далекая равнина ~ хвостатая звезда»... — Цитата из статьи «О современном состоянии русского символизма».

Но перейти за черту человеческой речи... — Слегка измененная фраза из ст-ния Блока «Снова иду я над этой пустынной равниной...» — сб. «Нечаянная Радость».

с. 187 *...стать подобным Отцу...* — Перифраз стиха из 1 Ин. (III, 2): «...будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть».

...«и вот осталась нежность линий, и в нимбе пепельном чело»... — Строки из ст-ния «An Hans Guenther» («Гансу Гюнтеру») — сб. «Нечаянная Радость».

...пока не плюнут и не дунут на Сатану... — Намек на обряд святого крещения (Требник, гл. 5).

...прилагаю свои стихи. — К письму приложены ст-ния: «С осенью повеяло новыми восторгами...», «Осенняя разлука», «На отлете», «Сказка», «На распутьи», «Белизна небесных риз...», «Родное», «Духу святому», «Под осенней луной», «Что листья осени шептали...».

Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — поэт. В лирике отразились скорбь честного интеллигента, сочувствие «страдающему брату».

Сологуб (наст. фам. Тетерников; 1863—1927) Федор Кузьмич — поэт-символист, прозаик, переводчик.

...«Иней» Соловьевой... — Имеется в виду сб. ст-ний Соловьевой (псевд. Allegro) Поликсены Сергеевны (1867—1924) «Иней» (Пб., 1905).

36. А. А. Блоку. 3 апреля 1911 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 189). — ЛН, 92, 4. С. 507.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...вызвано твоей статьей о символизме. — См. примеч. с. 528.

37. А. А. Блоку. Август 1911 г. Москва (с. 189). — РТК (отр.). С. 208; ЛН, 92, 4. С. 507.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по содержанию.

...прошу Вас написать хотя бы малюсенькое предисловие. — Предисловие к книге было написано В. Брюсовым.

Не то, что мните вы, — природа! — Первая строка ст-ния Тютчева (1836).

38. А. А. Блоку. 22 сентября 1911 г. Петербург (с. 190). — ЛН, 92, 4. С. 508.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Буду весьма огорчен, если не удастся увидеть Вас. — Долгожданная встреча. Клюева с Блоком, по всей вероятности, состоялась 26 сентября 1911 г., ибо в открытке от 25 сент., адресованной матери, Блок писал: «Завтра днем у меня будет Клюев» (ПР. 2. С. 185).

39. А. А. Блоку. Около 30 ноября 1911 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 190). — ОКПП. 1978. № 9. С. 95—96.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по связи с п. 41, а также с дневниковыми записями Блока от 5 дек. 1911 г., в которых он сообщает о получении этого письма и первого клюевского сб. стихов «Сосен перезвон» (1912) с посвящ. «Александру Блоку "Нечаянной Радости"» (Блок, 7. С. 100).

Письмо Клюева глубоко взволновало Блока. 6 дек. 1911 г. он отмечает в дневнике: «Я над клюевским письмом. *Знаю всё, что надо делать*: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу» (Блок, 7. С. 101). 7 дек. 1911 г. он переписывает письмо поэта и отправляет его Городецкому. «Сереже я посылаю послание Николая Клюева, прошу Вас, — обращается Блок к жене Городецкого Анне Алексеевне, — возьмите его у него и прочтите, и радуйтесь, милая, Христос с Вами и Христос среди нас». 9 дек. 1911 г. она сообщает Блоку: «Я плачу, читая Ваше письмо и письмо к Вам Клюева» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 57, 58). «Послание Клюева все эти дни — поет в душе, — пишет в дневнике 9 дек. 1911 г. Блок. — Нет, рано еще уходить из этого прекрасного и страшного мира» (Блок, 7. С. 101).

Демоны кишат, рыщут в безднах ноги ~ то священного скарабея. — Перифраз отрывка из блоковской статьи «О современном состоянии русского символизма»: «Благодаря этой сети обманов — тем более ловких, чем окружающий лиловый сумрак, — он (т. е. художник. — *В. Г.*) умеет сделать своим орудием каждого из демонов, связать контрактом каждого из двойников; все они рыщут в лиловых мирах и, покорные его воле, добывают ему лучшие драгоценности — всё, чего он пожелает: один — принесет тучку, другой — вздох моря, третий — аметист, четвертый — священного скарабея, крылатый глаз» (Блок, 5. С. 428).

...с какой-нибудь Непрядвы... — р. *Непрядва* в Тульской губ., правый приток Дона. Она имела громадное историческое значение при Куликовской битве, происходившей недалеко от ее берегов.

...или с речки Смородицы... — Правильнее: Смородины. Частый гидроним русских былин.

...тридцать годов судины. — Намек на то, что Блоку минуло тридцать лет.

с. 191 *...«и скучно и грустно»...* — Ст-ние М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

...«на диком бреге Иртыша». — Строка из ст-ния К. Ф. Рылеева «На смерть Ермака» (1822), в сокращенном и переработанном виде ставшего народной песней.

...Назарет... — г. в Галилее, где, по Евангелию, провел свое детство Иисус Христос. Место паломничества христиан всего мира. Для Клюева Н. — символ духовности и религиозности.

...нового бога с ликом быка и спиной дракона. — Перифраз строки из ст-ния В. С. Соловьева «Кумир Небукаднецара» (1891): «С лицом как бык, спиной — дракон...».

В тот день безумства и позора дунет Дух и великое будет падение идола... — Перифраз строк из ст-ния В. С. Соловьева «Кумир Небукаднецара»: «В сей день безумья и позора... Он пал в падении великом...».

...на светлый рай Ваш... — Намек на ст-ние Блока «Я посадил мой светлый рай...» — сб. «Земля в снегу».

Что он написал (как говорил) обо мне в газете «Речь»? — 5 дек. 1911 г. в этом издании Городецкий опубликовал рецензию на клюевский сб. «Сосен перезвон». Он, в частности, отмечал, что вышла «замечательная книжка... Эта книжка не из тех, чье содержание надо вылущивать, как орех из непроницаемой скорлупы. Ее мысли и чувства даются легко. Лиро-эпические стихотворения ее по большей части ведутся от первого лица единственного или множественного числа, что по типу своему скорее всего могут быть определены, как исповеди». с. 192

О моей книжке ни слуху ни духу. — Речь идет о книге «Сосен перезвон», вышедшей в кн-ве «В. И. Знаменский и К°» (М., 1912, фактически: начало дек. 1911).

Очень прошу об этом. — На обратной стороне клюевского письма приписка Блока: «Знаменскому написал 12.XII».

40. В. Я. Брюсову. Около 30 ноября 1911 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 192). — В статье: *Коншина Е.* Переписка и документы В. Я. Брюсова в его архиве // Зап. отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. 1965. Вып. 27. С. 22 (отр.); РТК (отр.). С. 204, 206; В статье: *Дементьев В.* Изба-колесница // ЛР. 1979. 12 янв. С. 19 (отр.); В статье: *Дементьев В.* Олонецкий ведун // Волга. 1979. № 8. С. 180—181 (отр.); ЛН, 92, 4. С. 511 (отр.); ПБК. С. 192.

Печатается по беловому автографу (РГБ).

Датируется по содержанию и по аналогии с п. 39.

...«Пути и перепутья». — Собрание стихов. Т. I—III. (М., 1908—1909) В. Я. Брюсова.

...первые слабые и неискусные удары моего долота коснулись Вашего слуха. — Намек на предисловие Брюсова к сб. «Сосен перезвон». с. 193

...дочь ее «ушла в Питер»... — Имеется в виду сестра поэта К. А. Клюева, которая вышла замуж за Расщеперина (Ращеперина) и уехала в Петербург.

...как его сына Осипа «в городе Крамштате в двадцать ружей стрелили»... — См. примеч. с. 495.

Приветствую Вашу жену... — *Брюсова* (урожд. *Рунт*) Жанна (Иоанна) Матвеевна (1876—1965) — переводчица.

Присылаю пять своих стихот<ворений>. — К письму приложены ст-ния «Костра степного взвивы...», «Победителям», «Ты разлюбила мир иконы...», «На отлете», «Вы обещали нам сады...».

Вышла ли моя книжка стихов? — См. примеч. к п. 39.

Быть может, Вы потрудитесь сказать ~ они не посмеют огорчить Вас. — С такой же просьбой Клюев обратился и к Городецкому, который с. 194

5 дек. 1911 г. писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич. Не откажите в любезности сказать по телефону в кн-во "В. И. Знаменский и К°", чтоб оно выслало деньги Николаю Алексеевичу Клюеву... за его книгу "Сосен перезвон", к которой Вы написали предисловие. Необходимо также выслать авторские экземпляры книги. Клюев мне пишет, что ни того ни другого не получает» (Цит. по: ПБК. С. 193).

Соловьев Сергей Михайлович (1885—1941) — поэт и литературный критик, впоследствии священник, троюродный брат Блока.

Озеров Иван Христофорович (1869—1942) — экономист, профессор Московского ун-та и московского Коммерческого ин-та.

Коган Петр Семенович (1872—1932) — критик и литературовед.

41. А. А. Блоку. 30 ноября 1911 г. Мариинское (с. 194). — РТК (отр.). С. 208; ЛН, 92, 4. С. 512.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...получил «Ночные часы»... — Речь идет о четвертом сб. ст-ний Блока «Ночные часы» (М., 1911). В первом разделе «На родине» помещен цикл «На поле Куликовом», в котором Клюев нашел много родственного со своим предыдущим письмом.

Сейчас получил и «Сосен перезвон»... — Вместе с заказным письмом (№ 39) Клюев отправил Блоку и свою книгу с дарственной надписью: «Александру Александровичу Блоку в знак любви и чаяния — братства. Андома. Ноябрь 1911 г.» (Цит. по: РТК. С. 208). В письме матери от 5 дек. 1911 г. Блок писал: «Очень хорошее письмо от тети Сони (еще одно), а сегодня — замечательное — от Клюева (с его книгой)» (ПР. Т. II. С. 188).

Напишите что-либо об ней. — Ни одну из книг Клюева Блок не рецензировал. Отвечая на просьбу И. Брихничева написать отзыв на клюевский сб. «Братские песни» для первого номера журн. «Новое вино», он пояснил: «...любя Клюева, не нахожу ни пафоса, ни слова, которые передали бы третьему (читателю «Нового вина») нечто от этой моей любви, притом передали бы так, чтобы делали единым и его, и Клюева, и меня. Все остаемся разными» (Блок, 8. С. 401).

42. В. Я. Брюсову. 30 ноября 1911 г. Мариинское (с. 194). — ЛН, 92, 4. С. 512 (отр.); ПБК. С. 194.

Печатается по беловому автографу (РГБ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...присылаю Вам свою книжицу... — См. примеч. с. 531.

43. А. А. Ахматовой. Ноябрь–декабрь 1911 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 194). – В статье: *Швецова Л.* Николай Клюев и Анна Ахматова // ВЛ. 1980. № 5. С. 304.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется предположительно.

Осенью 1911 г. Клюев недолгое время находился в Петербурге. 26 сент. состоялась встреча с Блоком, который, вероятно, представил его Городецкому. В это же время было создано новое поэтическое объединение «Цех поэтов», в который вошли Городецкий, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Зенкевич. Чуть позже примкнет к нему и Клюев. Свой сб. «Сосен перезвон» Клюев дарит Гумилеву, с надписью, характеризующей их дружеское взаиморасположение: «...мы выйдем для обшей молитвы на хрустящий песок золотых островов. Дорогому Н. Гумилеву с пожеланием мира и радости от автора. Андома. Ноябрь 1911 г.» (Цит. по: ЛН, 92, 4. С. 516). В редакции журн. «Аполлон», в котором одну из ведущих ролей играл Гумилев, и произошла встреча с Ахматовой.

...показать Вам эти стихотворения... – К письму приложены ст-ния с общей надписью: «Посв<ящается> Гумилевой»: «Косогоры, низины, болота...», «Мне сказали, что ты умерла...», «Ржавым снегом-листопадом...», «Отвергнув мир, врагов простя...». Письмо, по неизвестным причинам, не было отправлено адресату.

44. А. А. Блоку. Конец декабря 1911 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 195). – ЛН, 92, 4. С. 512–513.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется по содержанию.

Еремин Григорий Васильевич – крестьянин. Из секты скопцов. Летом 1911 г. Клюев гостил у него.

45. В. Я. Брюсову. 3 февраля 1911 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 196). – ПБК. С. 194.

Печатается по беловому автографу (РГБ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...я давно послал Вам свою книжку и заказное письмо со стихотворениями... – См. примеч. к п. 40, с. 531.

...«Пути и перепутья»... – См. примеч. с. 531.

Низко кланяюсь Вашей супруге... – Ж. М. Брюсовой.

...книгу «Пепел» – А. Белого. – См. примеч. с. 462.

46. А. А. Блоку. Конец февраля – начало марта 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 196). – РТК (отр.). С. 211; НК (отр.). С. 110–111; ЛН, 92, 4. С. 514.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

«Новая земля»... – Еженедельная, общественная, литературная и политическая газета. Москва. Издательница М. Я. Готфрид-Свободина. 1910–1912.

...в духе «Песнь братьям» – В № 7–8 «Новой земли». – В этом издании было опубликовано ст-ние поэта «Песнь братьям» («Иисуса Крест кровавый...»), проникнутое религиозными мотивами.

с. 197 *...поют в Ямах мое стих<отворение> «Поручил ключи от ада...» и «Под ивушкой зеленой»...* – Вероятно, речь идет о захудалых московских трактирах (здесь собирались сектанты различных толков и вели постоянные споры о вере с православными), названных поэтом Ямами по аналогии с трактиром, находившимся в подвале, похожим на яму и описанным А. Панкратовым в материале: Яма (Очерки религиозных исканий) // Русское богатство. 1910. № 4. С. 1–30. Сюда наведывались епископ Михаил, И. Брихничев и В. Свенцицкий.

Книга предполагается ~ епископа Михаила. – Имеется в виду сб. «Братские песни» (1912), вступительную статью к которому написал В. Свенцицкий. *Епископ Михаил* (в миру – Семенов Павел Васильевич; 1872–1916), архимандрит, перешедший позже в старообрядчество, в котором был возведен в сан епископа. Входил в группу «голгофских христиан», сотрудничал в газ. «Новая земля». Был плодовитым публицистом и писателем.

С Рязанской губернии ответа на 10 руб. не получил. – См. п. 44.

Вышла ли книга с Вашими статьями? – Речь идет о задуманной Блоком книге «Собрания статей», которая анонсировалась на обложках в конце каждого тома «Собрания стихотворений» в трех томах.

47. А. А. Блоку. 16 марта 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 197). – ЛН, 92, 4. С. 515.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Руманов Аркадий Вениаминович (1876–1960) – журналист, представитель сытинской газ. «Русское слово» в Петербурге. После Октября – эмигрант.

...Знаменский обидел меня. – См. п. 39, 40, 41.

В Рязани 10 руб. получили. – См. п. 44 и 46.

48. В. Я. Брюсову. 16 марта 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 197). — ПБК. С. 195.

Печатается по беловому автографу (РГБ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

«Новая земля» .предлагает мне издать второй сборник стихов ~ «Братские песни». — См. п. 46 и примеч. к нему, с. 534.
...ответить Ионе... — Брихничеву.
...«Р<усскую> м<ысль>» получаю. — См. примеч. с. 521.

49. И. М. Брюсовой. 25 апреля 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 198). — ПБК. С. 198.

Печатается по беловому автографу (РГБ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...получил книгу «Зеркало теней»... — Речь идет о кн. Брюсова «Зеркало теней. Стихи 1909—1912 г.» (1912).
...прислать мне «Пепел» Белого... — См. примеч. с. 462.
Надежде Яковлевне я послал книгу Коневского и свою в Каргополь... — Имеется в виду *Брюсова* Надежда Яковлевна (1881—1951) — сестра Брюсова, увлекалась музыкальным фольклором, в 1910-е гг. жила в г. Каргополь Олонецкой губ., впоследствии стала профессором Московской консерватории. Клюев послал ей кн.: *Коневской Иван.* Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. С портретом автора и статьями о его жизни и творчестве (М., 1904), изданную при ближайшем участии Брюсова, а также свой сб. «Сосен перезвон».
Скоро выйдет вторая моя книга «Братские песни», в издании «Новой земли». — Книга поэта вышла из печати в начале июля 1912 г.

50. А. А. Блоку. Апрель—май 1912 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 198). — ЛН, 92, 4. С. 516.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

...встречу с «Нечаянной Радостью». — См. примеч. с. 514.
...все три... — Имеется в виду «Собрание стихотворений» (Т. I—III. М., 1911—1912).
Что написал Гумилев в «Аполлоне» про «Сосен перезвон»? — В обзор- с. 199
ной рецензии «Письма о русской поэзии» Н. Гумилев отмечал: «В нем мы встречаемся с уже совершенно окрепшим поэтом, продолжателем традиции пушкинского периода. Его стих полнозвучен, ясен и насыщен содержанием. <...> В творчестве Клюева намечается возможность большого эпоса» (Аполлон. 1912. № 1. С. 70—71).

Просили ли Вы Руманова за меня, т. е. чтобы он воздействовал на Знаменского? — См. п. 47 и примеч. к нему, с. 534.

51. А. В. Руманову. Июль? 1912 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 199). — РТК (отр.) С. 199; ЛН, 92, 4. С. 515 (отр.).

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

С. Г. — С. М. Городецкий.

...объявление о моей новой книжке. — По всей вероятности, речь идет о сб. «Лесные были».

Журнал «Новая земля»... — См. примеч. с. 534.

Я было отправился в Рязанскую губ<ернию>... — На юге Рязанской губ., в Данковском уезде, в дер. Гремячки жил Еремин (см. примеч. к п. 44, с. 533), в семье его подолгу находился Л. Семенов.

...вторая моя книжка? — «Братские песни».

Леонид взят в солдаты... — Имеется в виду Семенов. Религиозные убеждения не позволяли ему служить в армии. Существующий закон не делал исключения для людей подобного рода. Тогда отец С. «поехал советоваться к Столыпину. Тот указал единственную возможность — поместить Леонида в дом умалишенных для испытания его душевного здоровья. Это жестокое предложение было исполнено. Леонид Семенов был заключен в сумасшедший дом в Казани и посажен в общую камеру с душевнобольными» (*Баевский В.* Леонид Семенов — жизнестроитель. С. 202).

52. А. А. Блоку. 5 сентября 1912 г. Петербург (с. 200). — ЛН, 92, 4. С. 516.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...когда Вам удобно свидеться... — В дневнике 1912 г. Блоком записано: «7 сентября... Вечером — Клюев... Клюев ночует». «8 сентября. Утром с Клюевым...» (Блок, 7. С. 156, 157).

53. А. А. Блоку. 9 сентября 1912 г. Петербург (с. 200). — ЛН, 92, 4. С. 516.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Озеро Лаге... — Точнее: Лача — находится в истоках р. Онеги в Архангельской обл.

Даниил (XII или XIII в.) — предполагаемый автор двух произведений, очень близких друг другу по тексту: «Слово Даниила Заточника» и «Моление Даниила Заточника». В «Молении» упоминается оз. Лача: «Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький...» (ПЛДР. XII в. С. 391).

54. В. В. Гиппиус. 28 сентября 1912 г. Москва (с. 200). — КЦП (отр.). С. 271—272.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Гиппиус Василий Васильевич (1890—1942) — поэт, переводчик, литературовед. В 1911 г. вступил в «Цех поэтов». С начала 1910-х гг. и после Октября усиленно занимался историей русской литературы.

...о Бестужеве. — Псевд. *Гиппиус* Владимира Васильевича (1876—1941) — поэта, критика, педагога, брата В. В. Гиппиус, участника «Цеха поэтов».

55. А. В. Руманову. Октябрь—ноябрь 1912 г. Москва (с. 201).

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934) — издатель-просветитель. В 1883 г. организовал в Москве книгоиздательскую фирму «Товарищество Сытина и К°». Издания С. отличались высоким уровнем полиграфического исполнения, большими тиражами, были предельно дешевы. С. издавал также умеренно-либеральную газ. «Русское слово» (1897—1917).

...переиздаст мою книжку «Сосен перезвон»... — Она вышла в изд-ве К. Ф. Некрасова (1913).

...и журнал «Искра»... — Неточно. Имеется в виду илл. худож.-лит. и юмористический журн. с карикатурами *«Искры»* (1900—1917), выходивший при сытинской газ. «Русское слово».

56. К. Ф. Некрасову. 12 ноября 1912 г. Москва (с. 201). — НК (отр.). С. 133; НКН. С. 469 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Некрасов Константин Федорович (1873—1940) — издатель, племянник Н. А. Некрасова. С изд-вом сотрудничали А. Блок, К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый, Б. Зайцев, М. Кузмин, А. Толстой, Ф. Сологуб и др. Контора его находилась в Москве, а типография — в Ярославле, где до 1916 г. жил Некрасов.

Толстой Алексей Николаевич (1882/1883–1945) – писатель, общественный деятель, академик. Осенью 1912 г. Клюев познакомился с ним в Москве. Т. был так очарован стихами поэта, что немедля написал К. Ф. Некрасову письмо: «...вчера и сегодня слушал поэта Н. А. Клюева. Его стихи более чем талантливы. Есть вещи, по высоте и выражению вдохновенные. Две его изданные книжки уже разошлись, теперь он готовит третью книжецу, что всё вместе составит хороший томик божественных стихов. Если бы Вы взялись издавать Клюева... Клюев совершенно необыкновенный человек, черт знает, какие сокровища есть у нас...» (ВЛ. 1983. № 1. С. 122 / Публ. А. Хайлова).

57. К. Ф. Некрасову. 28 ноября 1912 г. Москва (с. 202). – НКН. С. 469 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

58. К. Ф. Некрасову. 27 декабря 1912 г. Петербург (с. 202). – ЛН, 92, 4. С. 511 (отр.); НКН. С. 469 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...присылайте корректуру моих книг Сергею Городецкому... – На клюевском письме Городецкий сделал приписку: «Посмотрю с удовольствием и скоро. С. Городецкий. 27.XII.1912».

...посвящение «Нине Дорофеевой». – Московская издательница, в ее изд-ве дважды вышла кн. И. Брихничева «Огненный сеятель» (1913).

59. К. Ф. Некрасову. 17 января 1913 г. Петербург (с. 203). – НКН. С. 471 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

60. К. Ф. Некрасову. 28 января 1913 г. Петербург (с. 203). – НКН. С. 471 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

61. С. А. Гарину. 3 февраля 1913 г. Петербург (с. 204). – Соч. 1. С. 186.

Печатается и датируется по копии (ИМЛИ).

...выслать мне карточек, что снимались вместе... – Речь идет о фотографии, на которой изображены С. А. Гарин и Н. А. Клюев.

Кланяюсь Вашей супруге. – Гарина Нина Михайловна, автор кратких выразительных воспоминаний о Клюеве (ИРЛИ). Черновики.

62. К. Ф. Некрасову. 9 февраля 1913 г. Петербург (с. 204). – НКН. С. 471 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

63. К. Ф. Некрасову. 15 февраля 1913 г. Петербург (с. 205). – НКН. С. 471 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Садовский (наст. фам.; псевд. Садовской; 1881–1952) Борис Александрович – поэт, прозаик, литературный критик.

64. К. Ф. Некрасову. 18 февраля 1913 г. Петербург (с. 205). – НКН. С. 472 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

65. К. Ф. Некрасову. Февраль 1913 г. Петербург (с. 205). – НКН. С. 472 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается по тексту этой публикации.
Датируется по содержанию и в связи с п. 63.

66. Письмо в редакцию вечерних «Биржевых ведомостей». Конец февраля 1913 г. Петербург (с. 206). – КЦП. С. 276 по беловому автографу (Архив И. В. Платоновой-Лозинской, С.-Петербург).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...г. Львов-Рогачевский ~ что меня «заманили» туда. – 15 февр. 1913 г. в Литературном обществе состоялось выступление акмеистов. После заключительного слова Городецкого выступил со стихами Клюев, имевший исключительный успех. Через несколько дней об этом событии написал в своей статье «Символисты и адамисты» Львов-Рогачевский. Он особо выделил Клюева и заметил вопросительно, какое отношение поэт «имеет к акмеистам и адамистам?» «После первой книги, – продолжал критик, – Н. Клюев стал желанным гостем разных кружков.

Мне тяжело смотреть, когда Н. Клюева представляет публике то парнасец Валерий Брюсов, то мистик Свенцицкий, то развязный певец Голгофы Иона Брихничев, то акмеист Сергей Городецкий. Как это унижает талант!» (День. 1913. 23 февр.).

Однако клюевское письмо, по невыясненным причинах, не было опубликовано в газете.

67. А. В. Ширяевцу. 11 марта 1913 г. Петербург (с. 206). — ЗХ (отр.). С. 174; Соч. 1. С. 186.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...по песням в «Народном журнале». — Издание выходило в Петербурге (1912—1913), печаталось в изд-ве «Общественная польза», редактировала его писательница Екатерина Константиновна Замысловская (1873/1874 — после 1941).

68. К. Ф. Некрасову. 30 апреля 1913 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 207). — НКН. С. 472 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Симаков Василий Иванович (1879—1955) — фольклорист. Заведовал книжным складом кн-ва К. Ф. Некрасова в Москве.

69. С. А. Гарину. Май (до 15-го) 1913 г. Мариинское, Олонецкой губ., Вытегорский уезд (с. 207). — Соч. 1. С. 187.

Печатается по копии (ИМЛИ).
Датируется по содержанию.

...прислать мне часть следуемых мне карточек... — См. примеч. с. 538.
...Нине Михайловне... — Гариной.
Шахов Николай Александрович — помощник присяжного поверенного, член Петроградской купеческой управы, юрисконсульт Петроградского купеческого общества взаимного кредита. Находился в дружеских отношениях с С. А. Гариным, оказывал материальную помощь революционерам-эмигрантам.

70. В. Я. Брюсову. 22 мая 1913 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 207). — ПБК. С. 196.

Печатается по беловому автографу (РГБ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...письмо от Брихничева... — В дек. 1912 г., покидая Москву, Клюев забрал со склада газ. «Новая земля» 800 экз. не распроданной своей книги «Сосен перезвон». В письме-фельетоне «Новый Хлестаков», адресованном Брюсову, Брихничев предвзято утверждал: «...Живя бесплатно у своих “братьев” и “друзей” по вере, как он их называет, — Клюев в то же время обманывает их и не только не считает нужным внести свою долю в общую сокровищницу, а наоборот, увозит у них"последнюю материаль-

ную поддержку – 800 экземпл<яров> "Сосен перезвон" – заплатив за них даже не 144 руб., которые они стоили друзьям, а лишь 82. Отговариваясь тем, что у него осталось только на дорогу» (Цит. по: ПРК. С. 196). Позже между Клюевым и Брихничевым произошло примирение, и они даже собирались вместе ехать в Ташкент осенью 1914 г. (см. п. 86).

71. С. А. Гарину. 3 июня 1913 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 208). – Соч. 1. С. 187.

Печатается и датируется по копии (ИМЛИ).

...обожаемой Нины Михайловны... – Гариной.
...Лубны – г. на западе Полтавской губ.

72. А. В. Ширяевцу. 16 июля 1913 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 208). – ЛН, 92, 4. С. 520 (отр. из письма Ширяевца к П. С. Поршакову от авг.-сент. 1913 г.); ИзП. С. 12–13 по беловому автографу (ЛМГ).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...болеющую мать... – П. Д. Клюеву. с. 209
Присылаю тебе свои три книжки... – Имеются в виду сб. «Сосен перезвон», «Братские песни» и «Лесные были».
...в «Народном журнале»... – См. примеч. с. 540.

73. С. А. Гарину. Вторая половина 1913 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 209). – Соч. 1. С. 187–188.

Печатается по копии (ИМЛИ).
Датируется по содержанию.

...дорогую Нину Михайловну... – Гарину.
Жду карточки. – См. примеч. с. 538. с. 210

74. В. С. Миролюбову. Вторая половина 1913 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 210). – РТК (отр.) С. 199; ПКРЛ. С. 206–208.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...дорогой <Виктор Сергеевич>... – В автографе ошибочно Сергей Викторович.
...что с Леонидом... – Л. Д. Семеновым.
...радость Франци<с>ка А<ссизского> ~ ради Господа?» – Клюев не совсем точно излагает суть поучений святого. Совершенная радость состоит в том, что если выгонят тебя на снег и при этом ты будешь радоваться с. 211

и у тебя не будет упреков гонителям и ты будешь их любить во имя своего и их спасения, то в этом и есть совершенная радость. Господь дал тебе милость радоваться от полученных страданий и любить того, кто гонит тебя ради своего и твоего спасения (См.: Цветочки святого Франциска Ассизского. С. 28—30).

...сказано в Евангелии: «И купите меч, чтобы не погибнуть вам напрасно». — Вольный пересказ стихов из Евг. от Лк. (XXII, 36—38): «...продай одежду свою и купи меч; ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне, приходит к концу. Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно».

...с<вятому> Павлу убийство Стефана... — В Деяниях св. апостолов (VI, 5—8; VII, 52—60) рассказывается о Стефане — одном из 70 апостолов и первомученике за Христа. Будучи оклеветанным перед Синедрионом в хуле на Бога и Моисея, С. был побит камнями. Среди свидетелей избиения С. находился Савл (будущий ап. Павел), который одобрял убийство первомученика, в чем впоследствии сам и сознался (XXII, 20).

...Петру — отсечение уха Малхова... — Речь идет об эпизоде из Евг. от Ин. (XVIII, 10): «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо; имя рабу было Малх».

...и отречение с клятвой... — Принадлежа к самым близким к Христу ученикам, Петр в решительную минуту отрекся от своего Учителя, а прощение получил после многих слез от воскресшего Христа.

Нельзя ли высылать мне Ваш журнал? — Имеется в виду *«Заветы»*. Ежемесячный журнал. С.-Петербург. 1912—1914, литературным отделом которого заведовал Миролюбов.

75. К. Ф. Некрасову. 29 октября 1913 г. Мариинское, Олонецкая губ.. Вытегорский уезд (с. 212). — НКН. С. 473 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Мне предлагают переиздать мою книгу «Братские песни». — От кого исходило такое предложение, установить не удалось.

...согласны ли Вы переиздать упомянутую мою книгу. — Ответ Некрасова неизвестен. «Братские песни» не были им переизданы.

76. А. А. Блоку. Конец (после 19-го) ноября 1913 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 212). — В подборке «Из неизданной переписки Александра Блока» (отр.) // КО. 1986, 17 окт.; ЛН, 92, 4. С. 517—518.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

Когда умер у Вас отец... — Блок Александр Львович (1852—1909) скончался в Варшаве 1 дек.

...У меня умерла Мама... — П. Д. Клюева.

...со стариком-отцом... — А. Т. Клюевым.

Последняя встреча с Вами... — Имеется в виду встреча 4 марта. В дневнике 1913 г. Блок записал: «Потом Клюев, очень хороший, рассказывал, как живет» (Блок, 7. С. 227).

...всякая чистота считается Самарянскою проказою... — Намек на древних иудеев, у которых название «самарянин» считалось бранным и презрительным словом (Ин. VIII, 48).

...в калашниковых рядах... — Имеется в виду Калашниковская хлебная биржа (ул. Харьковская, 9) — специализированный торговый центр по продаже зерна, муки и пр. в Петербурге.

«Бродячая собака» — литературно-артистическое кабаре в 1912— с. 213
1915 гг. Создано Обществом интимного театра (организатор Б. К. Пронин) как клуб художественной интеллигенции. Помещалось в подвале дома (Михайловская пл., 5). Там собиралась богема, декаденты, поэты-символисты и акмеисты — цвет поэзии Серебряного века. Блок не бывал здесь ни разу и относился отрицательно к кабаре.

Семеновские казармы — Казармы лейб-гвардии Семеновского полка, который размещался в р-не Загородного проспекта.

...«танец апашей»... — Точнее: весьма популярный в начале XX в. танец апаш — танго, в котором главными персонажами являлись вор и проститутка.

...чем «Зон»... — Имеется в виду известный опереточный антрепренер первых десятилетий XX в. Игнатий Сергеевич Зон. В Москве он был владельцем опереточного театра «Буфф», позже известного как театр Зона, который существовал до конца сезона 1917/18 гг. Режиссером в его театре работал А. А. Брянцев. Зон распространил свое влияние на московский «Эрмитаж», петроградский «Луна-парк», театры в Киеве, Харькове и Ростове-на-Дону. В 1918 г. эмигрировал во Францию (См.: *Ванштейн Л.* Триумфальная площадь // Музыкальная жизнь. 1993. № 23/24. С. 28—29).

...крест на месте убиения князя Сергия в Кремле... — Речь идет о кресте, воздвигнутом на месте убийства вел. князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, совершенного эсером И. Каляевым 4 февр. 1905 г.

Бурлюк Давид Давидович (1882—1967) — поэт, художник, критик, «отец русского футуризма». Мемуарист. С 1920 г. в эмиграции.

...к «Кривому зеркалу»... — Театр миниатюр в Петербурге (Ленинграде) в 1908—1931 гг. Ставил преимущественно пародии. В 1908—1928 гг. руководитель — А. Р. Кугель.

...«всем для всех»... — Реминисценция стиха из 1 Кор. (IX, 22): «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».

...пожил два месяца Собачьей жизнью... — Намек на кабаре «Бродячая собака», в котором выступал Клюев.

...по Бунину, деревне этого не полагается... — В повести «Деревня» (1909—1910) и рассказах «Древний человек» (1911), «Ночной разговор» (1911), «Веселый двор» (1911), «Игнат» (1912) «Захар Воробьев» (1912) и «Худая трава» (1913) писатель изобразил крестьянскую Русь как темную, отсталую, а народ духовно обездоленным. Клюев упрекает Б. за одностороннее изображение деревни, не увидевшего в ней поэзии и красоты.

...«свиное рыло»... — Образ из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836), д. 6, явл. VIII (слова Городничего): «...свиные рыла вместо лиц».

Сергий Радонежский (ок. 1321—1391) — св., преп. (в миру Варфоломей), основатель и игумен Троице-Сергиева м-ря. Восстановил иночество, возродил монашеское общежитие в Московской Руси. Благословил вел. князя Дмитрия Донского на битву с Мамаем. Память 5 (18) июля и 25 сент. (8 окт.)

Норма — Персонаж одноименной оперы В. Беллини.

...«Бесовское действо». — Представление в трех действиях с прологом и эпилогом — символическая драма о некоем муже, а также о смерти грешника и праведника или прение Живота со Смертью, поставленная в театре В. Ф. Комиссаржевской в 1907 г.

...«Золотой вертеп»... — Помещение, стены и потолок которого «оклеены золотой и серебряной бумагой. По бокам и вверху подвешены разноцветные фонарики для освещения сцены. Пол покрыт черным мехом. У задней стены, по середке, разукрашенный со ступеньками трон царя Ирода. Около трона по сторонам воины в полном вооружении. В правом углу от зрителя вертеп с новорожденным младенцем и над ним повешена воссиявшая звезда» (*Виноградов Н. Н.* Великорусский вертеп. СПб., 1906. С. 194). В таком вертепе и разыгрывались святочные представления на Руси, который воссоздал в своей пьесе «О безумии Иродиадином, Или как на земле зародился вихрь» (1906) А. Ремизов.

«Святой вечер» — Название рассказа (1905) А. Ремизова.

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — прозаик, драматург, фольклорист, литературный критик, публицист, переводчик, мемуарист. Глубокий знаток русской старины, мифов, апокрифов, сказок. Прекрасно владел образным русским языком. С 1921 г. в эмиграции. Знакомство Клюева с Ремизовым состоялось, вероятно, в конце 1912 или начале 1913 г. Клюев подарил ему свою книгу «Лесные были» с надписью: «Алексею-свет-Михайловичу Ремизову — мудрому сказителю, слова рачителю от велика Новогорода, Обонежской пятитины, погоста Пятницы Парасковии, усадница Соловьева гора, песенник Николашка по назывке Клюев славу поет, учестлив поклон воздает, день Герасима грачевника лето от рождества Бога-Слова 1913» (Книги и рукописи в собрании

М. С. Лесмана. М., 1989. С. 110). Ремизов, в свою очередь, преподнес поэту грамоту о вручении «обезьяньего знака»: «Николаю Алексеевичу Клюеву за Вильгельмищу – стих 1915–16 г., за Новый псалом – стих 1916–17 г., за журавлей любимых обезьяний знак первой степени с кисточками дан для ношения 1917 г. 18 февраля Алексей Ремизов» (НК. С. 196).

...у А. Толстого есть много былин, но все второго сорта... – Имеется в виду *Толстой* Алексей Константинович (1817–1875) – писатель, поэт, драматург. Создал более двадцати былин и баллад, между которыми он не проводил грани по сюжетным признакам, вводил элементы народно-поэтического стиля. В статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» Блок отмечал, что Т. «имеет возможность вдохновенно изложить русскую былину, легенду или историю скверным русским языком...» (Блок, 5. С. 90).

«Загляжусь ли я в ночь на метелицу» – Первая строка ст-ния Блока, вошедшего в т. 1 «Собрания стихотворений».

«Ой, синь туман ты мой» – Строка из блоковского ст-ния «Песельник» – сб. «Земля в снегу».

«Ой, косыньку развей» – Строка из того же ст-ния «Песельник».

...можно не запеть «Плясею» или «Бабью песню» с «Сизым голубем»... – Ст-ния Клюева.

...отдел «Скорбящая весна» в «Иве» Городецкого... – *Ива.* Пятая книга стихов Городецкого, вышедшая в 1913 г. (фактически: окт. 1912). В дневниковой записи от 11 нояб. 1912 г. Блок отметил: «...вчера я читал «Иву» Городецкого, увы, она совсем не то, что с первого взгляда; нет работы, всё расплывчато, голос фальшивый, всё могло бы быть в десять раз короче, сжатей, отдельные строки и образы блестят самоценно – большая же часть оставляет равнодушие и скуку» (Блок, 7. С. 178).

...«Потаенный сад» Клычкова... – Блок в целом неодобрительно отзывался о поэзии Клычкова. В письме к нему от 28 февр. 1914 г. он отмечал: ««Потаенный сад» я еще бегло посмотрел, а «Песни» давно у меня есть, нет потребности их вспоминать. Поется Вам легко, но нет в песнях насущного» (Блок, 8. С. 434).

...«Осанна» Брихничева... – Вторая книга стихов (1914), состоящая в основном из стихотворных посвящений, в том числе и Клюеву.

«Сирин» – частное изд-во, основанное в Петербурге в 1912 г. про- с. 214
мышленником М. И. Терещенко и его сестрами П. И. и Е. И. Терещенко. Существовало до 1914 г. В работе изд-ва участвовали А. Блок, Ф. Сологуб, А. Ремизов, В. Брюсов.

...пожить мне со стариком... – А. Т. Клюевым.

...про «бедность горемычную»... – Слова из ст-ния И. С. Никитина «Ах ты, бедность горемычная...» (1857).

77. А. В. Ширяевцу. Не позднее 22 декабря 1913 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 214). — ИзП. С. 14—15 по беловому автографу (ЛМГ).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...в исторический музей... — Возможно, ошибка памяти, т. к. Исторический музей находится в Москве. В Петербурге были Исторический музей 1-го кадетского корпуса и Артиллерийский исторический музей, что, естественно, выходит за рамки клюевского совета.

...в кустарный склад... — По всей вероятности, имеется в виду Кустарный музей министерства Земледелия и Государственных Имуществ (Соляной пер., 9). Основан в 1888 г. Обладал обширным и разнообразным собранием предметов народного быта.

...музей Александра III... — До 1917 г. Русский музей императора Александра III (ныне Русский музей) в Петербурге. Учрежден в 1895 г.

Рерих Николай Константинович (1874—1947) — живописец и театральный художник, археолог, писатель. Эмоциональные красочно-декоративные композиции навеяны историей и легендами Древней Руси, индийской и тибетской природой и мифологией.

...поместить в журнал Миролюбова... — Речь идет о новом издании Миролюбова — *«Ежемесячном журнале»* (1914—1918) литературы, науки и общественной жизни, выходившем в Петербурге. В дек. 1913 г. Ширяевец уже послал свои стихи в это издание.

...«Журнал для всех». — См. примеч. с. 525.

...в старой Ладоге... — Имеется в виду Ладога, древнерусский город в Новгородской земле (ныне с. Старая Ладога в Волховском р-не Ленинградской обл.). В 1704 г. город был перенесен к устью р. Волхов (Новая Ладога).

...в Каргополе... — См. примеч. с. 513.

78. Я. Л. Израилевичу. Декабрь 1913 г. — январь 1914 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 215). — ПКРЛ. С. 209—210.

Печатается по беловому автографу (АГ ИМЛИ).
Датируется по содержанию.

Израилевич Яков Львович (1872—1953) — сын крупного промышленника, близок к литературным и артистическим кругам.

...могила матери на погосте. — П. Д. Клюевой.

...«Собачий воздух»... — Намек на кабаре «Бродячая собака». См. примеч. с. 543.

...со стариком-отцом... — А. Т. Клюевым.

...собачью повестку на лекц<и>ю «об акмеизме». — Речь идет о приглашении в кабаре «Бродячая собака» на лекцию С. Городецкого «Символизм и акмеизм», которая состоялась 19 дек. 1912 г.

Верхарн Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт, драматург, критик. Символист. В России сб. ст-ний В. начали выходить с 1906 г.

Львова Надежда Григорьевна (1891—1913) — поэтесса. В. Брюсов открыл ей дорогу в литературу. В начале лета 1913 г. вышла ее кн. «Старая сказка. Стихи 1911—1912 г.», с предисл. В. Брюсова.

...про «бедность горемычную, к куску черствому привычную»... — См. примеч. с. 545.

...моя книжка полюбилась Вам. — Имеется в виду сб. «Лесные были». с. 216

...что говорит про нее М. А. Кузмин? — К. Ф. Некрасов отправил ее Кузмину 9 февр. 1913 г., однако кузминского отзыва в печати не появилось.

Юркун (*Юркунас*) Юрий (Иосиф) Иванович (1895—1938) — прозаик, литературный спутник Кузмина.

...и Николаю Сталю... — *Стааль* Николай Федорович (1891 — не позднее пер. пол. 1950-х гг.) — студент, знакомый Кузмина.

79. В. С. Миролюбову. Февраль 1914 г. Олонецкая губ. (с. 216). — ИТН. С. 106.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию и в связи с п. 78.

...у меня умерла мама. — П. Д. Клюева.

...со стариком-отцом... — А. Т. Клюевым.

...собачью повестку на лекцию «об акмеизме». — См. примеч. к п. 78, с. 546.

...Леонид? — Л. Семенов.

80. В. С. Миролюбову. Февраль (до 24-го) 1914 г. Олонецкая губ. (с. 217). — ИТН. С. 107.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется до содержанию и дате поступления ст-ния в редакцию «Ежемесячного журнала». 28 февр. 1914 г. «Скрытный стих» был отмечен в Книге регистрации рукописей редакции «Ежемесячного журнала» (ИРЛИ).

...посылаю Вам мою новую вещь... — Речь идет о ст-нии «Скрытный стих» (1914).

81. В. Я. Брюсову. 2 марта 1914 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 218). — ПБК. С. 197.

Печатается по беловому автографу (РГБ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

...со стариком-отцом. — А. Т. Клюевым.

Мать... — П. Д. Клюева.

Гус Ян (1371—1415) — идеолог чешской Реформации. Осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

...Брихничев стал врагом моим. — См. п. 70 и примеч. к нему, с. 540.

Коневской Иван (наст. имя и фам. Иван Иванович Ореус; 1877—1901) — поэт, критик. Единственная прижизненная кн. «Мечты и думы» вышла в 1900 г. Под ред. и со статьей В. Брюсова была опубликова кн. К. «Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений» (1904).

«И в храме сумрака читали?» — Строка из ст-ния Коневского «Жертва вечерняя» из кн. «Стихи и проза».

82. В. С. Миролюбову. 21 марта 1914 г. Вытегра (с. 218). — ИТН. С. 107.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

с. 219 *...чем «Лоси» Верхоустинского.* — Поэма Б. А. Верхоустинского (1888—1919) «Лоси», написанная в сказочной манере, рассказывает о трех братьях, отправившихся поохотиться на лосей. Она вошла в сб. автора «Во лéсях» (1914; с. 209—232).

83. А. В. Ширяевцу. 3 мая 1914 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 219). — ИзП. С. 19—20 по беловому автографу (ЛМГ).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...он писал о туркестанском альманахе в «Речи»... — В петербургской газ. «Речь» (1914. 10(23) марта) Городецкий опубликовал сводную рецензию «Девять книг», посвятив ее и альманаху «Под небом Туркестана» (1914), выпущенном в Ташкенте А. Ширяевцем, П. Поршаковым и Д. Кирьяновым.

...«Бродячая собака»... — См. примеч. с. 543.

с. 220 *Городецкий написал про меня две статьи...* — Имеются в виду рецензия на сб. «Сосен перезвон» (Речь. 1911, 5 (18) дек.) и статья «Незакатное пламя» (Голос земли. 1912, 10 (23) февр.).

...недавно заявил, что я выродился... — См. п. 81.

...свою «Иву». — См. примеч. с. 545.

Не может укрыться город, на верху горы стоя. — Стих из Евг. от Мф. (V, 14).

В апрельском № «Ежемесячного журнала» уже мы рядом. — Здесь были помещены ст-ния Клюева «Ноченька темная, жизнь подневольная...», «Осиротела печь... Заплаканный горшок...» и Ширяевца «Клад».

...из Мельшина... — Псевд. П. Ф. Якубовича.

Спиши то место, где говорится про меня, из доклада Замысловской. — Замысловская послала Ширяевцу конспект своего доклада, о чем сообщила ему в письме от 25 марта 1914 г. (ИзП. С. 18).

84. А. В. Ширяевцу. 28 июня 1914 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 221). — ИзП. С. 21—22 по беловому автографу (ЛМГ).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...Клычков тебе прилюбился. — В письме к П. Поршакову от 23 июня 1914 г. Ширяевец приводит часть ст-ния Клычкова «Половодье» и отмечает: «Когда читаешь такие стихи, забываешь, в какой трущобе находишься... Не надеть ли лапти, облечься в армяки и совершить паломничество к Николашке Клюеву и Сергею Клычкову, а?..» (Цит. по: ИзП. С. 36).

Горюшкин-Сорокопудов Иван Силыч (1873—1954) — живописец, график.

Братья *Васнецовы* — В. М. Васнецов и Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856—1933) — живописец. Изображал поэтические виды старой Москвы, пейзажи Подмосковья, Урала и др.

...Кемь... — уездный г. (1785) Архангельской губ. на р. Кемь при впадении в Белое море.

...Шенкурск... — уездный г. Архангельской губ. на р. Вага. Известен с 1315 г.

...лекцию «О культуре энтузиазма». — Верхарн прочитал эту лекцию в Москве 29 дек. 1913 г.

Вот Брюсов ~ описывают в «Огоньке»... — Речь, по всей вероятности, идет о письме А. А. Яблочкиной Брюсову, опубликованном в «Известиях Московского литературно-художественного кружка» (1914. № 4. С. 21), и очерке без подписи «Писатель Брюсов у себя дома» (Огонек. 1914. № 1. С. 19).

Афанасьев Леонид Николаевич (1864/1865—1920) — поэт. Умело с. 222
пользовался классическими формами, расхожими темами, настроениями.

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт, прозаик, почетный академик. В 1891 г. ему была присуждена премия им. А. С. Пушкина; часто производил оценку произведений, представляемых на Пушкинскую премию.

...в январской книжке «Заветов» пропечатаны мои стихи... — «Я дома... Хмарой-тишиной...», «Осинник гулче, ельник глуше...», «Теплятся звезды-лучинки...», «Черны проталины. Навозом...», «В белесоватости окна...», «Правда ль, други, что на свете...».

В майской кн<иге> «Северных записок»... — «Пашни буры, межи зелены...», «Ворон грает к теплу, а сорока к гостям..», «Вешние капели, солнопёк и хмара...».

Мама умерла... — П. Д. Клюева.

...на руках у меня 70-тилетний отец... — А. Т. Клюев.

...про общину «Писателей из народа»... — Имеется в виду Суриковский литературно-музыкальный кружок. См. примеч. с. 447.

Беневский Иван Аркадьевич (1880—1921) — толстовец, основал общину в Харьковской губ.

85. А. А. Измайлову. Осень 1914 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 223). — Соч. 1. С. 190.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется предположительно.

Измайлов Александр Алексеевич (псевд. Смоленский; 1873—1921) — литературный критик, поэт, прозаик. В 1898—1916 гг. вел в «Биржевых ведомостях» еженедельную рубрику «Литературное обозрение», почти 20 лет был «присяжным» критиком этой газеты. С 1916 г. редактировал газ. «Петербургский листок».

...«Осени мертвой цветы запоздалые». — Сб. рассказов писателя (1906).

86. А. В. Ширяевцу. До 15 ноября 1914 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 223). — Соч. 1. С. 189 (текст на открытке до ст-ния). Здесь же. С. 190 (текст на отдельном листе); ИзП. С. 32—33. Публикаторы объединили оба текста, т. к. это вытекает из логики содержания письма. После кончины Ширяевца при разборе его московского архива письмо оказалось разделенным на две части и попало в различные фонды хранения.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Твоя матросская песня... — Речь идет о ст-нии Ширяевца «Песня. Матросская» (Ежемесячный журнал. 1914. № 8/9).

...от этой двадцатичетырехглавой церкви... — См. примеч. с. 511.

19 ноября — 1913 года — Дата кончины П. Д. Клюевой.

...какую бы Голгофу понес... — Голгофа — холм в западной части Иерусалима, где, по Евангелию, был распят на кресте Иисус Христос. Иносказательно: нравственные страдания, мучения.

87. А. А. Измайлову. 26 ноября 1914 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 224).

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

Присылаю Вам пять своих стихотворений. — «Солдатка», «Память героя», «В родном углу», «Русь», «Ночь на Висле».

88. В. С. Миролюбову. Ноябрь—декабрь 1914 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 225). — НК (отр.). С. 157; ПКРЛ. 212—213.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882 или 1883—1964) — прозаик, журналист, автор этнографических очерков. Речь идет о его рассказах «Лесные короли», «На Иртыше» и «Змей Горыныч» (Ежемесячный журнал. 1914. № 1, 2, 10).

...мои стихи в № 5 «Северных записок». — См. примеч. к п. 84, с. 549.

Иванов-Разумник (псевд., наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) — критик, публицист, историк русской литературы, яркий представитель «левого народничества» в общественной мысли.

...«Звенья» Бальмонта... — Звенья. Избранные стихи 1890—1912. М., 1913.

...в «Песнях из Заонежья»... — Речь идет о помещенной подборке ст- с. 226
ний в «Ежемесячном журнале» (1914. № 11). Опечатки не были оговорены редакцией журнала и в последующих номерах издания.

...«Избяные песни». — Стихи из цикла «Избяные песни», посвященные П. Д. Клюевой.

89. В. С. Миролюбову. Январь (до 23-го) 1915 г. Олонецкая губ. (с. 226). — ОКПП. 1978. № 9. С. 108 (отр.); В статье: *Швецова Л.* Николай Клюев и Анна Ахматова // ВЛ. 1980. № 5. С. 304 (отр.); ИТН. С. 107—108.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию и дате поступления стихов из цикла «Избяные песни» в редакцию «Ежемесячного журнала». 27 янв. 1915 г. стихи отмечены в Книге регистрации рукописей редакции «Ежемесячного журнала» (ИРЛИ).

Годин Яков Владимирович (Вульфович) (1887—1954) — поэт. Один из плодовитейших представителей массовой поэзии 1910-х гг. *Вяткин* Георгий Андреевич (1885—1941) — поэт, прозаик. В поэзии начала 1910-х гг. преобладали расхожие образы символистской поэзии, декадентские мотивы. *Галина* Г. (псевд. Глафиры Адольфовны Ринке; 1873—1942) — поэтесса, прозаик и переводчик. Автор двух поэтических книг «Стихотворения» (1902) и «Предрассветные песни» (1906). Ее поэзии были свойственны простота, искренность и музыкальность. *Андрусон* Леонид Иванович (1875—1930) — поэт, переводчик. В стихах преобладали мотивы одиночества в большом городе.

«Божественна ~ смуглая рука» — Заключительные строки из ст-ния «Так много камней брошено в меня...», напечатанное в «Ежемесячном

журнале» (1914. № 12), в окончательном вар. под названием «Уединение».

Я знаю, что Ахматова и компания не верят в мое понимание искусства ~ на всё это претит возражать. — Намек на весьма драматические отношения, сложившиеся после ухода Клюева из «Цеха поэтов».

90. Л. В. Берману. Январь—апрель 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 227). — НК (отр.). С. 158.

Печатается по беловому автографу (ГЛМ).
Датируется по содержанию.

Берман Лазарь Васильевич (Вульфович) (1894—1980) — поэт, прозаик. В 1914—1915 гг. секретарь журн. «Голос жизни».

...мои стихотворения ~ еще несколько своих произведений... — В журн. «Голос жизни» (1915. № 20. 13 мая) появились стихи поэта «Рыжее жнивье — как книга...», «Памяти матери» («Не в смерть, а в жизнь введи меня...»), «В овраге снежные ширинки...», «Уже хоронится от слежки...», «Судьба-старуха нижет дни...», «На темном ельнике стволы берез...».

91. А. А. Измайлову. Февраль 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 227). — Соч. 1. С. 190—191.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

...присылаю две песни. — Речь, вероятно, идет о ст-ниях «Небесный вратарь» и «Гей, отзовитесь, курганы...», опубликованных в «Биржевых ведомостях» (1915. 15 (28) февр. и 22 марта (4 апр.). Утр. вып.).

...«Ночь на Висле»... — Опубликовано (Биржевые ведомости. 1916, 3(16) янв. Веч. вып.).

92. А. А. Измайлову. Февраль? 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 228).

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...со стихами «Гей, отзовитесь, курганы» и «Рыжее жнивье»... — См. примеч. выше.

93. А. А. Измайлову. Февраль? 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 228). — Соч. 1. С. 192—193.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...«Как у кустышка»... — «Небесный вратарь» — см. примеч. выше.

...про солдатку... — Имеется в виду ст-ние «Солдатка» (Биржевые ведомости. 1914. 14 (27) дек. Утр. вып.).

...еще два стих<отворения>... — Возможно, речь идет о «Речной сказке» и «В этот год за святыми обеднями...» (Биржевые ведомости. 1915. 27 сент. (10 окт.) и 11 (24) окт. Утр. вып.).

...много всякого любопытствующего начальства, у которого я на дурном счету... — См. примеч. с. 491.

...Вы написали обо мне в «Биржевых ведомостях» ~ и разных прочих столичных поэтов. — Критик выделил у Клюева умение «не замкнуться в примитивном мышлении своих собратий <...> поющих родную соху, золотую ниву и перепевающих на тысячный лад “Песню Лихача-Кудрявича”». Он «весь напитанный старой народной легендой, мужицким религиозным чувством... пытается вылить свои чувства и чаяния в образы, — это получается удивительно просто, искренно, сильно и красиво». И одной из основных причин этого Измайлов считает то, что Клюев «приобщился к настоящему искусству, сам взял нечто из сокровищ интеллигенции <...> не считаясь с тем, что сегодня требует рынок» (*Измайлов А.* Литературное обозрение // Биржевые ведомости. 1913. 8 авг. Утр. вып.).

94. А. А. Измайлову. Февраль? 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 228). — Соч. 1. С. 193.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...с приложением «Поминного причита»... Это ст-ние впервые появилось лишь в сб. поэта «Мирские думы» (1916).

...стоит ли издавать мне мои песни о теперяшних событиях отдельной с. 229
книжкой... — См. п. 99 и примеч. к п. 100, с. 555.

...«Гей, отзовитесь, курганы» — См. примеч. с. 552.

...«Рыжее жнивье»... — См. примеч. с. 552.

...«Кабы я не Акулиною была». — Опубликовано в журн. «Огонек» (1915. № 18).

95. В. С. Миролюбову. 17 марта 1916 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 229). — ПКРЛ. С. 214—215.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...со стихами под названием «Избяные песни». — «Ежемесячный журнал» (1915. № 3) опубликовал три ст-ния из этого цикла: «Лежанка ждет кота, пузан-горшок — хозяйку...», «Хорошо ввечеру, при лампадке...», «Бродит темень по избе...».

В последних моих к Вам письмах ~ как поэтом... — См. п. 89.

96. А. В. Ширяевцу. 4 апреля 1915 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 229). — ИзП. С. 26 по беловому автографу (ЛМГ).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

с. 230 *...Ванька-Ключник...* — Намек на персонаж одноименного ст-ния Ширяевца (Ежемесячный журнал. 1915. № 3).

...когда будешь в Петрограде? — Поэтам не удалось встретиться.

...«Ананасы в шампанском» ~ в «Громокипящем кубке»... — «Ананасы в шампанском. Поэзы» (1915) и «Громокипящий кубок. Поэзы» (1913) — сб. ст-ний Игоря Северянина (псевд. Лотарева Игоря Васильевича; 1887—1941).

Липскеров Константин Абрамович (1889—1954) — поэт, переводчик, драматург. Поездка в начале 1914 г. в Среднюю Азию оказала определяющее влияние на его творчество. Здесь он обрел свою тему, свой поэтический голос. Сб. ст-ний: «Песок и розы» (1916), «Туркестанские стихи» (1922).

Как тебе показались «Избяные песни»... — См. примеч. с. 553.

Мои военные песни ~ я не нашел. — См. примеч. с. 553.

97. В. С. Миролюбову. 16 апреля <1915 г.> Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 231). — ЛС (с искаж.). С. 26; В статье: *Лазарев В., Субботин С.* Из творческого наследия Н. Клюева // Собеседник. М., 1985. Вып. 6. С. 286—287.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

Год установлен по содержанию.

...обóжившие «Бродячую собаку». — См. примеч. с. 543.

...моем «Беседном наигрыше»... — Беседный наигрыш: Стих доброписный (Ежемесячный журнал. 1915. № 12).

Я подавал прошение ~ на переосвидетельствование... — См. примеч. с. 449.

Брат... — Клюев Петр Алексеевич (1882—1935).

В первых числах мая к Вам зайдет Алек<сандр> Ширяевец... — См. примеч. выше.

98. К. Ф. Некрасову. 23 апреля 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 232). — НКН. С. 473 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...как мои «Лесные были»? — Книга поэта вышла в марте 1913 г., и речь идет о ее реализации.

Сухотин Павел Сергеевич (1884—1955) — поэт, историк литературы. У Некрасова вышел его сб. «Полынь» (1914).

Крандиевская-Толстая (урожд. Крандиевская; 1888—1963) Наталия Васильевна — поэтесса. Некрасов издал первый ее сб. «Стихотворения» (1913).

99. А. А. Измайлову. Апрель—июнь? 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 233). — Соч. 1. С. 191.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию.

...о предполагаемой книге моих военных песен. — См. п. 100 и примеч. к нему.

...«Кабы я не Акулиною была». — См. примеч. с. 553.

...«Мирской думы»... — Ст-ние опубликовано (Огонек. 1915. № 27).

...«Поминный пригит»... — См. примеч. к п. 94, с. 553.

«Регную сказку» посылаю для «Огонька»... — См. примеч. с. 553.

100. К. Ф. Некрасову. 2 мая 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 233). — НКН. С. 473 по беловому автографу (ГАЯО).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...гто подтверждает прилагаемое письмо А. Измайлова... — На обороте клюевского письма пространное письмо критика: «Дорогой Николай Алексеевич. Благодарю за стихи. Пожалуйста, присылайте еще и еще. Ту же просьбу поручил мне обратить к Вам редактор "Огонька" Бонди.

Мой совет, конечно, издавать Ваши песни. Так как я лично против тонких брошюрок, то мне казалось бы, всего лучше было, начав сборник к моменту, продолжить его стихами, независящими от момента, чтобы был настоящий томик. И когда же выступать с военными стихами, как не теперь? Книжники говорят, что сейчас книга идет так, как не шла последние годы. Бог знает, в чем секрет — м. б., в том, что Русь отрезвела, м. б., скучно без ушедших на войну и т. д. Но это факт, что бы ни говорили репортеры с чужих голосов.

Я не имею прямых касаний к издательским фирмам, и не мог бы прямо устроить Ваше дело. Не поможет ли Вам Городецкий, близкий к издательству "Лукоморье"? А затем, вообще, нужны ли Вам рекомендации и недостаточно ли просто Вашего имени при обращении, например, к Вольфу, в "Прометей" и т. д. <...>

Ваш А. Измайлов.

<...> Не знаю, поэтому, насколько действенны были бы и мои обращения к фирмам, с хозяевами которых у меня только шапочные знакомства. Но я рад служить Вам» (Цит. по: НКН. С. 474).

...моя книга под названием «За родину»... — Книга под таким названием не вышла в свет.

с. 234 *За «Полынь» Сухотина...* — См. примеч. с. 555.

У меня на примете ~ и несколько однощельных медных складней. — Некрасов был тонким ценителем русской иконописи. В 1914 г. он совместно с П. Муратовым приступил к изданию журн. «София», главной задачей которого являлось прежде всего пробуждение интереса читателей к древнерусскому искусству. Однако из-за войны издание пришлось прекратить. Кроме этого издатель намеревался создать галерею древнерусского искусства.

...«Восхищение пр. Илии»... — См. примеч. с. 509.

101. С. А. Есенину. 2 мая 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 234). — В кн: *Юшин П.* Поэзия Сергея Есенина 1910—1923 годов. М., 1966. С. 156 (отр.); В кн.: *Юшин П. Ф.* Сергей Есенин. Идейно-творческая эволюция. М., 1969. С. 128 (отр.); В кн.: *Наумов Е. И.* Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1969. С. 47 (отр.); ЕиК. С. 238.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...хотя бы и не написала про тебя Гиппиус статьи... — *Гиппиус* Зинаида Николаевна (в замужестве Мережковская; 1869—1945) — поэтесса, прозаик, литературный критик. В петроградском журн. «Голос жизни» (1915. № 17. 22 апр. С. 12) была опубликована ее статья «Земля и камень» под псевдонимом Роман Аренский, в которой, в частности, отмечалось: «Перед нами худощавый, девятнадцатилетний парень, желтоволосый и скромный, с веселыми глазами. Он приехал из Рязанской губернии в "Питер" <...>.

В Питере ему все были незнакомы, только что раньше "стишки посылал". Теперь он привез, сколько было и принялся раздавать "просящим", а просящих оказалось порядочно, потому что наши утонченно-утомленные литераторы знают, где раки зимуют, поняли, что новый рязанский поэт — действительно поэт, а у многих есть даже особенное влечение к стилю подлинной "хмельной" поэзии. Девятнадцатилетний Есенин заставляет вспомнить Н. Клюева, тоже молодого поэта "из народа", тоже очень талантливого, хотя стихи и разны. Есенин весь — веселие, у него тон голоса другой, и сближает их разве только вот что: оба находят свои свежие, первые и верные слова для передачи того, что видят. В стихах Есенина пленяет какая-то "сказанность" слов, слагаются звуки и значения, которая дает ощущение простоты. <...> Есенин так молод, а время так быстро летит, что он может еще завянуть на корню».

...Городецкий не издал твоих песен. — Весной 1915 г. по инициативе Городецкого в Петрограде была создана группа «Краса» (распалась в конце

окт. этого же года), в которую вошли Н. Клюев, С. Клычков, А. Ширяевец, С. Есенин и столичные писатели А. Ремизов и Вяч. Иванов. По замыслу Г. «Краса» должна была пробудить интерес к самобытности русского народа, к его национальным традициям. В одноименном изд-ве было объявлено о выходе произведений Есенина «Рязанские побаски, канавушки и страдания» и «Радуница». Однако ни в «Красе», ни в изд-ве И. Д. Сытина, куда обращался Городецкий, выпустить книги Есенина не удалось.

...напечатать наперво 51 стихотворение. — В петроградской периодике было опубликовано 28 произведений Есенина.

102. В. С. Миролюбову. 5 мая 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорскйй уезд (с. 234). — ПКРЛ. С. 215.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...горé имеем в сердцах... — Неточное цитирование возгласа священника из Божественной литургии св. Иоанна Златоуста: «Горé имеем сердца», призывающего иметь свое сердце ко Господу, обещая: «имам ко Господу» (См.: Объяснение Божественной литургии высокопреосвященнейшего Арсения, митрополита Киевского и Галицкого. Киев, 1879. С. 207—318).

...что это выдумал Городецкий? — Возможно, Миролюбов сообщил в не дошедшем до нас письме о замысле Городецкого написать статью о поэте.

103. С. А. Есенину. 9 июля 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 235). — В кн.: *Юшин П. Ф.* Поэзия Сергея Есенина 1910—1923 годов. С. 156 (отр.); ЕиК. С. 238.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...я читал их в «Голосе жизни» и в «Еже<месяч>ном журнале»... — В журн. «Голос жизни» (1915. № 17) опубликованы стихи Есенина: «Гусляр» («Темна ноченька, не спится...»), «Пахнет рыхлыми драчёнами...», «Богомолки» («По дороге идут богомолки...»), «Рыбак» («Под венком лесной ромашки...»). В «Ежемесячном журнале» (1915. № 5) — «Сыплет черемуха снегом...», «Троица» («Троицыно утро, утренний канон...»), «Девичник» («Я надену красное монисто...»).

Читал ли ты в № 20 «Голоса жизни» мои стихи... — См. примеч. с. 552.

104. В. С. Миролюбову. 22 июля 1915 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 235). — НК (отр.). С. 159; ЕСЖ (отр.). С. 306; ПКРЛ. С. 216.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Год установлен по содержанию.

Какие простые неискусные песенки Есенина в <и>юньской книжке... — Ежемесячный журнал (1915. № 6): «Сыплет черемуха снегом...», «Троица», «Девичник».

Когда пойдет мой «Беседный наигрыш»... — См. примеч. с. 554.

По осени думаю издать ~ хвалят и газеты и книжники. — См. п. 94, 99 и примеч. к п. 100, с. 555.

Шлю Вам три стихотворения под общим заголовком «Лесная пороша». — Согласно Книге регистрации рукописей «Ежемесячного журнала» (ИРЛИ) стихи поступили в редакцию 26 марта, но не были напечатаны и состав их неизвестен.

Про «Избяные песни» я получил большую статью... — Имеется в виду статья З. Д. Бухаровой «Новые пути русского искусства» (Петроградские ведомости. 1915, 11 (24) июня), подписанная инициалами «З. Б.». «Его "Избяные песни", — писала она, — напоены настоящей художественностью, проникнуты столь редкой у поэтов слитностью — осязаемостью образов с продуманной глубиной чувств». Бухарова особенно отмечала «...живую одухотворенность предметов домашнего обихода, признающую за ними отдельное, символическое в самой простоте своей существование и роднящую этим нашего бытового поэта с проникновенным мечтателем... Морисом Метерлинком. Разве его "Синяя птица" — не тот же осиянный мистицизмом быт бельгийского крестьянина?..».

Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский драматург, поэт. Символист.

105. А. А. Измайлову. Июль? 1915 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 236). — Соч. 1. С. 191—192.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию.

Я писал в контору ~ «Рыжее жнивье»... — См. примеч. к п. 90, 93, 94, 99.

Присылаю Вам песни под тальянку... — О каких стихах идет речь, неизвестно, в «Биржевых ведомостях» не было клюевских песен подобной тематики.

106. С. А. Есенину. Август? 1915 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 236). — В кн: *Юшин П. Ф.* Поэзия Сергея Есенина 1910—1923 годов. С. 157 (отр.); В кн.: *Юшин П. Ф.* Сергей Есенин. Идейно-творческая эволюция. С. 128—129 (отр.); В кн.: *Наумов Е. И.* Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. С. 48 (отр.); ЕиК. С. 238—240.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

...ты в первой открытке собирался о многом со мной поговорить... — В письме Клюеву от 24 апр. 1915 г. Есенин писал: «Я хотел бы с Вами побеседовать о многом, но ведь «через быстру реченьку, через темный лесок не доходит голосок»» (Есенин, 6. С. 66).

...и уже во втором письме пишешь через строчку... — Это письмо Есенина, по всей вероятности, утрачено.

...рыхлыми драчёнами объелись... — Намек на ст-ние «Пахнет рыхлыми драчёнами...». См. примеч. с. 557.

...после ананасов в шампанском... — См. примеч. с. 554.

...«засахаренная крыса». — Имеется в виду сб. ст-ний «Засаре кры. Эго-футуристы V» (Пг., 1913), в котором участвовали И. Игнатьев, В. Гнедов, П. Широков и В. Шершеневич.

...в какой-нибудь «Бродячей собаке»... — См. примеч. с. 543.

...какому-либо Кузьмину... — правильно: Кузмин.

...графу Мон-те-тули... — Возможно, вымышленное лицо.

...приняв из 60-ти твоих стихотворений 52-но. — См. примеч. с. 557.

...в прививке препарата 606-ть... — Имеется в виду Сальварсан, средство против сифилиса.

Я бывал в вашей губернии... — См. п. 44 и примеч. к нему.

...вынес братские песни. — Намек на свой сб. ст-ний «Братские несни» (1912).

Что скажешь о стихах в № 20 «Голоса жизни»? — См. примеч. с. 552.

107. С. А. Есенину. 6 сентября 1915 г. Петроград (с. 238). — В кн.: *Юшин П. Ф.* Сергей Есенин. Идейно-творческая эволюция. С. 128 (упом.); ЕиК. С. 241.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...моих военных песен... — Речь идет о ст-ниях, которые Клюев собирался издать отдельной книгой. См. п. 94, 99 и примеч. к п. 100.

...и твоей белой прекрасной Руси. — Имеется в виду маленькая поэма «Русь» (Северные записки. 1915. № 7—8).

108. Ж. М. Брюсовой. 9 сентября 1915 г. Петроград (с. 238). — ПБК. С. 199.

Печатается по беловому автографу (РГБ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...на устройство чтения новых произ<ведений> в Обществе свободной эстетики... — Общество свободной эстетики (1906—1917), лит.-худож.

об-во, объединявшее представителей различных кругов московской творческой интеллигенции. Брюсов длительное время был одним из руководителей «свободной эстетики». Клюев рассчитывал на совместное выступление с Есениным еще в текущем году, однако оно состоялось лишь 21 янв. 1916 г.

109. А. М. Ремизову. 10 сентября 1915 г. Петроград (с. 239). — Соч. 1. С. 197.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется согласно помете над письмом, выполненной фиолетовыми чернилами, возможно, Ремизовым.

110. С. А. Есенину. 23 сентября 1915 г. Петроград (с. 239). — ЕиК. С. 241.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Год установлен по содержанию.

...издать твою книжку в «Лукоморье»... — Речь идет об изд-ве при одноименном журн. (1914—1917), в котором вышла кн. стихов Городецкого «Цветущий посох» (1915) и, очевидно, по его инициативе было предложено Есенину издать свою первую книгу.

...из кандального отделения «Нового времени». — См. примеч. с. 509.

111. А. А. Блоку. Конец сентября 1915 г. Петроград (с. 239). — ЛН, 92, 4. С. 523.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется на основании пометы Блока на клюевском письме: «Получил, вернувшись из Шахм<атова> 29.IX.1915».

Я приехал в град Петра ~ мне тяжело... — Встреча с Есениным в начале окт., их совместные выступления внесли коррективы в первоначальные планы Клюева, и ему пришлось пробыть в Петрограде до весны 1916 г. В окт. 1915 г. состоялась встреча с Блоком: «21 октября. Н. А. Клюев — в 4 часа с Есениным (до 9-ти). Хорошо» (ЗК. С. 269).

112. В. С. Миролюбову. Февраль (после 10-го) 1916 г. Петербург (с. 239). — ИТН. С. 108.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию.

Шульговский Николай Николаевич (1880—1931) — поэт,

...о моих «Мирских думах»... — Клюевский сб. вышел в середине февр. 1916 г. Шульговский написал о нем статью, однако в печати она не появилась. Рукопись ее (23 л.) находится в архиве Миролюбова с пометами: «Спорно по существу», «Февраль. Перед мелкой библиографией». Разорвана на три части. Сейчас реставрируется (ИРЛИ).

Я с Есенин ~ нашим стихо-читанием. — Речь идет о выступлении поэтов в педагогическом ин-те (Высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева), где преподавал Сакулин. *Сакулин* Павел Никитич (1868—1930) — литературовед, академик. Доклад, прочитанный им, лег в основу его статьи «Народный златоцвет» (Вестник Европы. 1916. № 5. С. 200—208). с. 240

113. Д. Н. Ломану. Конец марта — начало апреля, до 5-го, 1916 г. Петроград (с. 240). — В статье: *Вдовин В.* Материалы к биографии Есенина // ВЛ. 1970. № 7. С. 166 по беловому автографу (РГИА, С.-Петербург).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...взят в санитарное войско с причислением к поезду № 143 имени е. и. в. в. к. Марии Павловны. — Имеется в виду Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 имени Ее императорского Величества Государыни Александры Федоровны. Клюев ошибся в указании имени.

114. И. И. Ясинскому. Май—начало июня 1916 г. Петроград (с. 240). — НК (отр.). С. 191.

Печатается по беловому автографу (РНБ).
Датируется предположительно.

Ясинский (псевд. Максим Белинский) Иероним Иеронимович (1850—1931) — писатель, журналист. Многие годы сотрудничал в газ. «Биржевые ведомости». В окт. 1915 г. принял участие в создании нового литературно-художественного объединения «Страда», в которое вошел и Клюев. 27 нояб. 1915 г. в адрес поэта было направлено благодарственное письмо: «Господину Н. А. Клюеву. Милостивый Государь Николай Алексеевич! Согласно постановления своего от 24-го ноября 1915 года, Правление Литературно-Художественного Общества "Страда" выражает Вам, Милостивый Государь, искреннюю благодарность за Ваше любезное участие в вечере, бывшем 19 ноября 1915 года.

Председатель Правления Иероним Ясинский.
Член-Распорядитель М. Мурашев.
Секретарь В. Игнатов» (ИРЛИ ЛМ).

...поместить в «Биржевых ведомостях» ~ в весеннюю поездку. — *Плевицкая* (урожд. Винникова; 1884—1941) Надежда Васильевна — эстрад-

ная певица, блистательная исполнительница русских крестьянских песен. Познакомилась с Клюевым в конце 1915 – начале 1916 г., с апр. по дек. 1916 г. участвовала с ним с гастрольных поездках по городам России, которые широко освещались в печати. Весной они выступили в совместных концертах в Витебске, Киеве, Орле, Тамбове, Уфе, Пензе, Сызрани и Оренбурге. Ясинский не дал информации об этих гастролях в газете. После революции Плевицкая эмигрировала, опубликовала воспоминания «Дёжкин корогод. Ч. 2: Мой путь с песней» (1930), в которых рассказала о своих встречах с Клюевым и Есениным.

115. М. В. Аверьянову. 26 июля 1916 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 241). – В статье: *Вдовин В.* Есенин и литературная группа «Страда» // Науч. докл. высшей школы. Филолог. науки. 1968. № 5. С. 144 (отр.); Соч. 1. С. 198.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

Аверъянов Михаил Васильевич (1867–1941) – книгоиздатель.
...я был у Сережи в Рязанской губернии... – У Есенина, в с. Константинове.
...«Мирские думы». – См. примеч. с. 561.

116. А. В. Ширяевцу. 21 ноября 1916 г. Армавир (с. 241). – Соч. 1. С. 198.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...я на Кавказе ~ Может, доеду до тебя. – В нояб. 1916 г. состоялись совместные выступления Плевицкой и Клюева в Баку, Тифлисе, Владикавказе, Армавире и Екатеринодаре. Планировавшиеся гастроли в Среднюю Азию не состоялись.
...за «Запевку»... – Имеется в виду первый шестнадцатистраничный сб. Ширяевца «Запевка» (1916).

117. А. В. Руманову. 1916 или начало 1917 г. Петроград (с. 241). – В статье: *Субботин С. И.* «Он такая радость и гордость крестьянская...» // КЗ. 1985. 18 июня.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется по содержанию.

Хотяков Василий родом из тех же мест, что и Клюев.

118. А. В. Ширяевцу. Начало 1917 г. Петроград (с. 242). – ИзП. С. 31 по беловому автографу (ЛМГ).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Я был на Кавказе... – См. примеч. с. 562.

Читал ли ты «Радуницу» Есенина. – Первый сб. ст-ний Есенина вышел в янв. 1916 г. в изд-ве М. В. Аверьянова благодаря энергичным действиям Клюева.

Сереженька пишет про тебя статью. – Эта статья С. Есенина неизвестна.

Что ты думаешь про свою «Запевку»? – О ней Ширяевец писал литературному критику Л. Н. Клейнборту 7 нояб. 1916 г.: «Посылаю Вам свою "Запевку" – вот всё, что мог я выпустить на собственные деньги. Издателя так и не нашел» (Цит. по: ИзП. С. 41).

Если бы не стихи про экипажи и про безумные химеры... – Намек на строки из ст-ния поэта «Городское»: «Цветут безумные химеры...», «Грохочут дерзко экипажи...».

...Сереженька... – С. А. Есенин.

Карпов Пимен Иванович (1887–1963) – поэт, прозаик. В 1915–1916 гг. сблизился с Клюевым и Есениным.

Ганин Алексей Алексеевич (1893–1925) – поэт, близкий друг Есенина.

30 марта 1917 г. Клюев, Есенин и Карпов отправили Ширяевцу в Ташкент поздравительную открытку к Пасхе.

Рукой С. А. Есенина:

Христос Воскресе! дорогой наш брат Александр.

Кланяются тебе совместно любящие тебя Есенин, Клюев, Клычков и Пимен Карпов.

Рукой Н. А. Клюева:

Христос Воскресе, дорогая Запевка. Целую тебя в сахарные уста и кланяюсь низко. Н. Клюев.

Рукой С. А. Есенина:

С красным звоном, дорогой баюн Жигулей и Волги. Цвети крепче.

Сергей Есенин.

Рукой П. И. Карпова:

Пимен Карпов – привет! (В статье: *Благой Д.* Материалы к характеристике Сергей Есенина: (Из арх. поэта Ширяевца) // Красная новь. 1926. № 2. С. 201).

119. А. В. Ширяевцу. 4 мая 1917 г. Петроград (с. 242). – Соч. 1. С. 199.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

120. А. М. Ремизову. Май 1917 г. Мариинское почтовое отделение Олонецкой губернии, Вытегорский уезд (с. 243). — Соч. 1 (сокр.). С. 198.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется предположительно.

...высылайте немедля свидетельство Карпинского. Берут. — По всей вероятности, в начале 1917 г. поэт был вынужден пройти медицинское переосвидетельствование, чтобы избежать призыва в армию. С помощью А. М. Ремизова и В. В. Розанова его познакомили с Карпинским Александром Ивановичем, врачом-невропатологом, уполномоченным по размещению душевнобольных воинов северного района России общества Красного Креста, членом Петроградского областного совета Российского союза городов. «Клюев, — писал А. М. Ремизов, — ...отбояривался от воинской повинности. Самому мне добраться до Карпинского трудное дело, пробовал, а В<асилия> В<асильевича> он знал хорошо — лечил Вар<вару> Дим<итриевну> (Бутягина-Розанова В. Д., 1864—1923, вторая жена В. В. Розанова. — *В. Г.*). Я отправил Клюева с письмом к В<асилию> В<асильевичу>, а В<асилий> В<асильевич> Клюева направил с письмом же к Карпинскому» (Цит. по кн.: *Азадовский К.* Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб., 2002. С. 146). Документ был получен. В. В. Розанов в письме к А. М. Ремизову от 1917 г. сообщал: «Дорогой А. М. Д-р А. И. Карпинский сказал мне по телефону, что неудобно посылать самому больному Клюеву диагноз его тяжелой болезни и попросил позволения послать мне. Я вам посылаю» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. Нью-Йорк, 1978. С. 120).

121. А. М. Ремизову. 29 мая 1917 г. Вытегра (с. 243).

Печатается по подлиннику телеграммы (ИРЛИ).

Датируется по помете на телеграфном бланке. Год установлен в соответствии с письмом В. В. Розанова к А. М. Ремизову (см. предыдущее примеч.).

...Карпинскому ждат<ь> меня... — Что побудило Клюева, не дождавшись документа от Карпинского, срочно выехать в Петроград, — неизвестно.

122. И. И. Ясинскому. Начало июня 1917 г. Петроград (с. 243).

Печатается по беловому автографу (РНБ).

Датируется предположительно по связи с п. 120 и 121, а также примеч. к ним выше.

...за стихи в «Страде»... — Страда. Лит. сб. вышел в апр. 1916 г. В нем были опубликованы два ст-ния поэта: «Четыре вдовицы к усопшей пришли...» (1916) и «Шесток для кота, что амбар для попа...» (1914).

Семёновский Аполлон Дмитриевич, инженер-строитель. Директор обществ «Путник» и «Русь—Америка». Финансировал выпуск журн. «Зритель» (1905—1908) и сб. «Страда». При его материальном содействии для Литературно-художественного общества «Страда» на Серпуховской улице было снято большое помещение с театральным залом.

123. М. В. Аверьянову. 29 августа 1917 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд, Макачевское волостное правление (с. 243). — Соч. 1. С. 200.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

По первоначальному замыслу Клюева новый сб. ст-ний «Песнослов» должен был состоять из двух книжец: Ковчежец первый и ковчежец второй. Но перегодя отказался от своего замысла и на лицевой стороне письма набросал макет обложки книги:

Николай Клюев
Песнослов
(первый)
Изд. М. В. Аверьянова
Петроград, Фонтанка, 38.

В «Песнослов» поэт включил в основном ст-ния из сб. «Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были» и «Мирские думы».

...к нашему договору... — См. с. 395.

124. М. В. Аверьянову. 3 октября 1917 г. Мариинское, Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 244). — Соч. 1. С. 201.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

Моя новая книга подвигается успешно... — По всей вероятности, речь идет о ст-ниях, вошедших во вторую кн. «Песнослова».

...об одном известном Вам младенце... — Речь идет о С. Есенине. До Клюева дошла весть, оказавшаяся позже ложной, о гибели поэта на фронте (См.: *Субботин С. И.* «Слышу твою душу...» // В мире Есенина. Сб. ст. М., 1986. С. 512).

125. В. С. Миролюбову. Первая декада октября 1917 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 245). — ПКРЛ. С. 218.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...присылаю Вам три стихотворения... — В Книге регистрации рукописей редакции «Ежемесячного журнала» (ИРЛИ) от 12 окт. 1917 г. под № 5273-с отмечено поступление ст-ния «Меня Распутиным...». Этот же регистрационный номер стоит и на автографах ст-ний поэта «Меня Распутиным назвали...», «Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь...» и «Елушка-сестрица...», опубликованных в «Ежемесячном журнале» (1917. № 11/12; 1918, № 1).

126. М. В. Аверьянову. Октябрь—ноябрь 1917 г. Мариинское, Олонецкая губ.. Вытегорский уезд (с. 245). — Соч. 1. С. 203.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

127. В. С. Миролюбову. Первая половина января 1918 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 245). — УИ. С. 47.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...три стихотворения под общим названием «Республика». — В Книге регистрации рукописей редакции «Ежемесячного журнала» (ИРЛИ) под № 5384 от 20 янв. 1918 г. отмечено «Республика» без детальной расшифровки о поступлении. Ст-ния «Республика» («На божнице табаку осьмина...» и «Накинув плащ, с гитарой...») опубликованы в «Ежемесячном журнале» (1918. № 2/3). На этом издание прекратило свое существование. О третьем ст-нии — неизвестно.

с. 246 *...стихотворение «Уму республика»...* — см. примеч. выше.

...«Привал комедиантов» — литературно-артистическое кабаре (1916—1919) в Петрограде на Марсовом поле, 7. Основано Б. К. Прониным, являлось преемником «Бродячей собаки» (см. примеч. с. 543). Здесь устраивались музыкальные и литературные вечера, чествования.

128. В. С. Миролюбову. Начало марта (н. ст.) 1918 г. Олонецкая губ., Вытегорский уезд (с. 246). — В статье: *Субботин С. И.* «Слышу душу твою...». С. 514—515 (отр.); НК (отр.). С. 187, 207; ЕСЖ. С. 317.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...левый революционер... — Радикальный в политическом смысле. Здесь подразумевается представитель левых эсеров (социалистов-революционеров), сотрудничавших с большевиками в первые годы революции.

...об Опоньском Царстве, что на Белых Водах... — См. примеч. с. 459.
...перед Сережей... — С. А. Есениным.

129. М. В. Аверьянову. Первая половина 1918 г. Петроград (с. 246). — Соч. 1. С. 202.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...мне предлагают две тысячи рублей за мои четыре книги... — Имеются в виду сб. ст-ний поэта «Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были» и «Мирские думы».

130. М. В. Аверьянову. 16 августа 1918 г. Петроград (с. 247). — Соч. 1. С. 202.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

...договор Ваш со мной... — См. с. 395.
Полученные от Вас деньги сим обязуюсь выплатить. — Ниже текста письма, вероятно, рукой Аверьянова сделана приписка: «Денежки, а-у!».

131. М. Горькому. Осень (до 7 ноября) 1918 г. Петроград (с. 247). — ИТН (сокр.) С. 111; ПКРЛ. С. 218—219.

Печатается по беловому автографу (АГ ИМЛИ).
Датируется по содержанию.

Англичанка выгнала меня в Питер... — См. примеч. с. 499.
...четыре книжки стихотворений... — См. примеч. выше.
...и новая, не видевшая света книга ~ крестьянская Рассея. — Речь идет о стихах, составивших вторую книгу «Песнослова».
...комиссара советского книгоиздательства... — Имеется в виду *Ионов* с. 248
(наст. фам. Бернштейн; 1887—1942) Илья Ионович — поэт, издательский деятель. Первый председатель изд-ва Петросовета (впоследствии Ленингр. отделение Госиздата — Ленгиз). В 1928—1929 гг. заведовал изд-вом «Земля и Фабрика», в 1931—1932 гг. работал в изд-ве «Academia», с 1932 г. председатель акционерного об-ва «Международная книга». Автор поэтических книг «Алое поле» (1917) и «Колос» (1921). Клюев весьма отрицательно относился к поэзии Ионова. Н. М. Гарина рассказывает об одном из визитов поэта к издателю: «Вхожу это я к нему в кобинет... А кобинет-то у него громадный... А мебель-то у него вся порчевая. А обстоновка-то у него вся шикарная. А занавеси-то у него бархотные. А в углу-

то у него гитара ядреноя, с ленточками. А на столе-то какое да булочки-то сдобные. А на столах-то, да на полках-то, да на полу-то — книги да книги розложенные. А бумага-то в них пергаментноя. А края-то, края-то в них золоченые. А внутри-то в них великая его-то дрянь, напечатонноя. А сам-то он в кресле мягком, глубоком сидит и еле-еле слова-то мне, бездорь этакая, цедит. А мои-то... мои-то стихи — так печатать и не думает» (Цит. по кн.: *Базанова В. Г.* С родного берега. О поэзии Николая Клюева. С. 18).

...предложил мне издать книгу более или менее революционного содержания ~ и представил. — Речь о сб. «Медный кит». Изд. Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1919 (фактически: нояб. 1918).

...мои прежние издатели ~ моего большеви<с>тского «Первого тома» и т. д. — Клюев слукавил. Ничего «большевистского» в «Первом томе» (см. п. 123 и примеч. к нему, с. 565) нет. Он в одностороннем порядке расторгнул с Аверьяновым договор (см. п. 130).

...на Луначарского ~ как Никитину с Кольцовым. — *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875—1933) — государственный и общественный деятель, академик. С 1917 по 1929 г. нарком просвещения РСФСР. Играл значительную роль в издательском деле. По условиям того времени был довольно либеральным.

ЦИК в заседании 29 дек. 1917 г. принял Декрет о государственном издательстве, согласно которому, «учитывая книжный голод в стране», было предложено литературно-издательскому отделу Наркомпроса немедленно приступить к широкой издательской деятельности и выпустить в первую очередь дешевые издания русских классиков. В списке изданий Наркомпроса не было произведений авторов, которые в то время находились в живых (См.: *Гордон В.* Советское авторское право. М., 1955. С. 21—22).

Об ответе Луначарского... — Не исключена возможность, что беседа Горького с Луначарским об издании сочинений Клюева могла состояться, ибо клюевский «Песнослов» вышел именно в Лит. изд. отделе Наркома по просвещению в 1919 г.

132. В. С. Миролюбову. Осень 1919 г. Вытегра (с. 248). — МСЗ (отр.). С. 104; НПК (отр.). С. 274—275; УИ. С. 44—45.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию и в связи с примеч. к п. 133.

с. 249 *...Народное просвещение ~ и просвещеннее напишут.* — Намек на «Песнослов», собрание ст-ний в двух книгах. См. примеч. выше.

Белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа. — Газ. «Звезда Вытегры» в информации «Зверства белых в Олонии» сообщала: «В Олонце расстреляно белыми много крестьян. Расстрелы производились по ма-

лейшему подозрению и по доносам. Не щадились даже старики и малолетние» (1919. 11 мая). *Пудож* – уездный г. Олонецкой губ., севернее Вытегры. Известен с XIV в.

...кафэ «Домино». – Речь идет о бывшем московском кафе «Домино» (1919–1925) на Тверской ул., 18, в котором помещался клуб Всероссийского союза поэтов с эстрадой-столовой.

...во славу Третьего Интернационала. – *Коммунистический Интернационал* (*Коминтерн, 3-й Интернационал*) в 19119–1943 гг. международная революционная пролетарская организация, объединившая компартии разных стран.

...мне передавал Блок, что в случае ~ что-то в этом роде. – Во время последней встречи с Блоком 10 авг. (См.: ЗК. С. 420), может быть, и состоялся подобный разговор, ибо среди творческой интеллигенции проекты такого рода могли возникнуть.

...какой-либо охранной грамоты... – В первые годы революции известным литераторам, деятелям искусства, коллекционерам правительством выдавался документ, называвшийся в обиходе охранной грамотой, ставивший целью спасение их художественных и исторических ценностей от реквизиций, спекулятивных сделок и утаивания, а также ограждение их владельцев от произвола местных властей.

...в Зимний Дворец... – В 1918–1945 гг. в некоторых его помещениях размещались городские учреждения.

Смольный – историко-архитектурный памятник С.-Петербурга. Здание бывшего Смольного ин-та благородных девиц. В 1917 г. в С. находились Петроградский совет и Петроградский РКВ. До 10 марта 1918 г. – резиденция Совнаркома. Позже – высшие партийные органы губернии и города. В 1918 г. здесь располагалось изд-во Петросовета. В дек. 1919 г. оно вместе с книжным складом переехало в бывший дом известной фирмы швейных машин «Зингер и К°» (арх. Созюр) на Невском проспекте, 28 (ныне Дом книги).

Один Алексей Михайлович сказал Успенское Филиппово слово. – Имеется в виду «*Заповедное слово русскому народу*» Ремизова, опубликованное в петроградской газ. «Воля народа» (1918. № 1. 12 апр.), в котором звучит мотив гибели России от потери веры и мотив ее воскресения через покаяние: «И покаявшись, раскаянная, станешь ты, Русь, но вся, Русь грядущая, перед Богом, как в пустыне Мария Египетская. В прахе смирения ты всё поймешь и примешь удел скорби своей для предначертанного ига своего. И возложишь на выю тяжкое бремя и понесешь его легко». с. 250

Печатаюсь в крохотной уездной газетке. – Речь идет о газ. «*Звезда Вытегры*» – органе Вытегорского уездного комитета РКП(б), уездисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и политотдела 7-й армии.

Присылаю Вам и прозу свою ~ в упомянутой газетке... — Вырезки одиннадцати статей он наклеил в самодельную тетрадь, снабдив рисунками, заставками и виньетками (ИРЛИ).

...прошу Вас выслатъ мне журнал... — См. примеч. с. 566.

...передать Есенину ~ как его пути. — Есенин откликнулся на просьбу Клюева. В декабрьском письме 1921 г. он, в частности, сообщал: «Прости, что не писал тебе эти годы... Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать всё, чем мыслю и отчего болею. А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь» (Есенин, 6. С. 129).

133. И. И. Ионову. Осень 1919 г. Вытегра (с. 250).

Печатается по беловому автографу (ЦГА СПб.).

Адресат установлен по связи с фразами из п. 131 «...я встретил на одном из митингов комиссара советского книгоиздательства...» (с. 248), а также из содержания данного письма.

Датируется в соответствии с примеч. к данному письму.

...книги моей «Огненное восхождение». — О судьбе произведения неизвестно.

...из Петрограда должно быть сделано предложение ~ выдать мне... — 1 нояб. 1919 г. член Коллегии Наркомвнудела и зав. отделом Управления Петросовета С. Н. Равич (1879—1957) направила в Вытегорский уездный исполком письмо (автограф): «Уважаемые товарищи, у Вас в Вытегре живет широкоизвестный поэт Николай Клюев. Он находится в чрезвычайно трудных продовольственных условиях.

Николай Клюев — истинный пролетарский поэт и певец Коммуны.

Творчество его дорого рабочему классу и трудовому крестьянству. Необходимо ему дать возможность заниматься спокойно своим хорошим дорогим нам делом.

Исполкому надо позаботиться о том, чтобы Клюев был обеспечен сносным пайком и на зиму дровами.

Не сомневаюсь, товарищи, что вы сейчас же сделаете это и тем самым дадите возможность поэту петь свои песни столь близкие народу.

С. Равич» (ЦГА СПб. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 181).

Но поскольку вытегорские власти отмалчивались, то из Петрограда им вновь было направлено письмо аналогичного содержания. На сей раз должностное лицо на письме наложило резолюцию: «*Вторично.* Сделать письменное распоряжение: продкому, уездлесу и Трамоту, с донесением уисполкому о принятых мерах, и ответить Равичу о сделанном исполнении. 23/XII — 1919 г.» (Цит. по: ПКРЛ. С. 222). Через несколько дней Клюев направил соответствующее заявление (см. с. 396) в Вытегорскую

уездную продовольственную коллегию. И на имя С. Н. Равич 29.12.1919 г. из Вытегры последовала телеграмма: «Обеспечению всем необходимым поэта Клюева меры приняты. Предсовдепа Беланин» (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 42. Л. 67).

Однако и в дальнейшем материальное положение поэта оставалось тяжелым, и осенью 1920 г. в адрес секретаря Петроградского губисполкома Д. А. Трилиссера (1884—1934) было направлено письмо: «Союз пролетарских писателей просит Вас, уважаемый товарищ, оказать содействие рабоче-крестьянскому поэту Николаю Клюеву в выдаче ему документов на получение продуктов по месту жительства, вследствие его тяжелых экономических условий.

Председатель П. Арский
Секретарь Я. Бердников» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 219. Л. 105).

ТРАМОТ — Транспортно-материальный отдел, руководивший эвакуацией всех видов имуществ при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ).

134. С. М. Городецкому. Лето 1920 г. Вытегра (с. 251). — НКП (отр.) С. 273, 274, 278.

Печатается по машинописи (Собрание М. С. Лесмана, С.-Петербург). Датируется предположительно.

...от великого Выгова... — См. примеч. с. 456.

Где Есенин? Наслышан я ~ и строчки не получал от него. — См. примеч. с. 570.

Как ты смотришь — на его дело, на его имажинизм? — В воспоминаниях «О Сергее Есенине» Городецкий писал: «Быт имажинизма нужен был Есенину больше, чем желтая кофта Маяковскому. Это был его выход из пастушества, из мужичка, из поддевки с гармошкой. Это была его революция, его освобождение» (Новый мир. 1926. № 2. С. 144).

Мариенгоф Анатолий Борисович (1897—1962) — поэт, один из основателей имажинизма. Знакомство его с Есениным состоялось в авг. 1918 г. Долгое время их отношения были дружескими. Однако возникшие разногласия идейно-творческого характера в 1924 г. привели к разрыву. После смерти Есенина М. опубликовал воспоминания о поэте (1926), которые вскоре значительно расширил и издал под названием «Роман без вранья» (1927), выдержавший три переиздания. «Роман» вызвал резко негативную оценку как в советской, так и в эмигрантской печати.

...выйдет ли твоя книжка «Нефть» и где? — Вероятно, подразумевается сб. ст-ний поэта «Алая нефть», издание которого не состоялось.

Видел ли ты мой «Песнослов»? — В печати не было отзыва Городецкого о книге Клюева.

Трудно понимают меня бетонные и турбинные... — Речь идет о поэтах Пролеткульта.

с. 252 *...поклонитесь Анне Алексеевне.* — Городецкой.

135. С. А. Есенину. 28 января 1922 г. Вытегра (с. 252). — НПК. С. 276—280.

Печатается и датируется по копии, выполненной Н. И. Архиповым (ИРЛИ).

Ты послал мне мир и поцелуй братский... — Речь идет о письме Есенина к Клюеву. См. примеч. с. 570.

Человек, которого я послал к тебе с весточкой... — Имеется в виду Архипов, который и разыскал Есенина в Москве по просьбе Клюева.

...Ерусалим, сошедший с неба. — Реминисценция стихов из Откр. (III, 12; XXI, 2): «...имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего...», «...святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба...».

с. 253 *«Кузница»* — лит. объединение, существовавшие в Москве в 1920—1931 гг. Основано группой поэтов, вышедших из Пролеткульта: В. Александровским, В. Казиным, В. Кирилловым, С. Обрадовичем, Н. Полетаевым, С. Родовым и Г. Санниковым. Отношения Есенина к поэтам К. были достаточно доброжелательными.

...и Пролеткультом... — В 1918—1921 гг. Есенин был связан с деятельностью московского Пролеткульта. Отойдя от него, сохранил дружеские отношения со многими его поэтами.

...образ Одигитрии-путеводительницы... — Одно из именований иконы Пресвятой Богородицы.

...так ясно зрим был «в то время»? — Намек на период теснейшей дружбы в 1915—1916 гг.

...победил пиджачных бесов... — Имеются в виду городские интеллигенты, оторванные, по мысли Клюева, от истоков народной культуры.

...трепещущий за чистоту риз своих. — Самоирония Клюева, строка из его ст-ния «Полунощница»: «Не запачканы ль ризы чистые...» (1912).

Ты — Никола, а я Касьян... — Память о *Николае Угоднике* празднуется дважды в год — в мае и декабре. *Касьян, Кассиан* римлянин (IV в.). Церковь прославляет его как строгого подвижника, смиренного, кроткого и незлобивого. Память 29 февр., если в февр. 28 дней, то служба преп. Кассиана поется на повечерие.

...после «Пугачева»? — «Пугачев», драматическая поэма Есенина (1921).

...*«На полях пролеткультовских, тамо седохом и плакахом»...* — Перифраз первого стиха из Псалтыри (Пс. CXXXVI, 1): «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе».

Повесили свои арфы на Фонтанке... — Перифраз второго стиха из Псалтыри (Пс. XIII, 2): «На вербах посреди его повесили мы наши арфы». На наб. р. Фонтанки, 50 в 1920-х гг. находился Союз писателей, Политический отдел Гос. изд-в Петроградского округа, ред. «Красной газеты».

Князев пишет книгу толстущую про тебя и про меня. — Имеется в виду кн. «Ржаные апостолы. (Клюев и клюевщина)», которую Князев намеревался издать в двух томах. В 1921 г. им была написана 21 глава, а после выхода клюевских поэм «Четвертый Рим» и «Мать-Суббота» — заключительная 22 глава. Кн. вышла в 1924 г. (фактически: дек. 1923). Князев, восхищаясь поэзией Клюева, подверг резкой, разносной критике «пахотную идеологию» поэта, «ржаной океан» его мистицизма и заявил, что «Клюев — умер. И никогда уже не воскреснет: не может воскреснуть: — нечем жить!» (С. 144). Противопоставляя Есенина Клюеву, критик утверждал, что «имажинизм» (по крайней мере для Есенина) — не «мертвый якорь и вечная пристань, а — лаборатория, док, ангар, гараж, университет, академия... тайная мастерская Дедала...» (С. 139).

В период работы над книгой Князев выступал с чтением глав из нее. На одном из чтений побывал и Клюев, подаривший автору «Песнослов», с надписью на первой книге: «Товарищу Василию Князеву в вечер чтения его статьи обо мне. Н. Клюев.

Да славятся уста солнца и сосцы матери-ковриги. Хлеб победит! 1921. Июнь» (ИРЛИ).

...новый Зингер... — Намек на И. И. Ионова.

...Лев и Голубь... — Лев, в мифологии и фольклоре, — символ божественной силы, мощи, власти и величия. Голубь — символ чистоты и невинности, в христианстве — символ Св. Духа.

...*«Старый клен на одной ноге...»* — Строка из ст-ния Есенина «Я покинул родимый дом...» (1918).

...*«под огненным баобабом мозг ковриги и звезд постиг».* — Строки из ст-ния Клюева «На помин олонецким бабам...» (1921).

...*«сердце выпеснил избе».* — Строка из ст-ния Есенина «Теперь любовь моя не та...» (1918), посвященного Клюеву. с. 254

Мекка — главный религиозный центр ислама в Саудовской Аравии, Здесь — символ почитания, благоговения.

Спас Нерукотворный... — См. примеч. с. 474.

...Тихвинская... — См. примеч. с. 490.

...Знамение... — Широко распространенное изображение Богоматери. Она предстает с воздетыми руками, несущая на груди изображение Хрис-

та. Особую известность на Руси приобрела икона Богоматери новгородская. Празднование ее 27 нояб. (10 дек.).

...София краснокрылая... — См. примеч. с. 501.

Сестра и зять вдобавок обокрали меня... — Эта семейная неурядица сильно потрясла Клюева, и он откликнулся на нее двумя ст-ниями «Я обижен сестрою, родной, домашней...» и «Воры в келье: сестра и зять...».

«Скифы» заграничные молчат. — Берлинское изд-во *«Скифы»*, выпустившее в 1920 г. книги Клюева «Избяные песни» и «Песнь Солнценосца». Есенин пытался помочь в этом Клюеву. «Недели через две я еду в Берлин... Оттуда, — сообщал он поэту в письме от 5 мая 1922 г., — постараюсь переслать тебе то, что причитается со "Скифов"» (Есенин, 6. С. 135). Однако ему это не удалось, денег от «Скифов» Клюев так и не получил.

Новая книга стихов у Разумника. — Речь идет о сб. «Львиный хлеб» (1922), в который вошло 51 ст-ние.

Если я умру ~ Архипову. — Сохранился беловой автограф «завещания», составленного поэтом в Вытегре 29 сент. 1922 г., в котором он передавал все написанные им стихотворения, «как собственность Николаю Ильичу Архипову с правом издания» (ИРЛИ).

...есть закон, запрещающий наследства... — Имеется в виду Декрет от 28 апр. 1918 г. «Об отмене наследования», который отменял право наследования вообще и не делал никаких исключений для наследования авторского права в частности (См.: *Гордон М.* Советское авторское право. С. 23).

...твою «Трерядницу»... — *«Трерядница»* (1920), сб. ст-ний Есенина.

...нужнее и желаннее «Бориса Годунова»... — Имеется в виду трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

с. 255 *Ивнев* Рюрик (псевд. Михаила Александровича Ковалева; 1881—1981) — поэт, прозаик, переводчик. Близкий знакомый Есенина. Входил в группу имажинистов. Автор воспоминаний о Клюеве (Байкал. 1984. № 4. С. 132—139).

Прав ли Брюсов, отрекаясь от меня в журнале «Лито»? — См. примеч. с. 447.

Каков «Четвертый Рим»? — В письме к Клюеву от 5 мая 1922 г. Есенин ответил кратко: «Вещь мне не понравилась. Неуклюже и слащаво» (Есенин, 6. С. 135). А в письме к Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 г. Есенин заметил: «Рим его, несмотря на то, что Вы так тепло о нем отозвались, на меня отчаянное впечатление произвел. Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы» (Есенин, 6. С. 131).

...в «Знамени». — *Знамя.* Общественно-политический и литературно-художественный журнал, орган левых эсеров, выходил в Москве (1919—1922). Иванов-Разумник был одним из руководителей этого издания. К нему и отправил Клюев рукопись сб. «Львиный хлеб».

Бедственное состояние песенного собрата глубоко обеспокоило Есенина. «...Клюев засыхает совершенно в своей Баобабии, — писал он 6 марта Иванову-Разумнику, — письма мне он пишет отчаянные. Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду.

Я встормошил здесь всю публику, сделал для него что мог с пайком и послал 10 миллионов руб. Кроме этого, послал еще 2 миллиона Клычков и 10 — Луначарский» (Есенин, 6. С. 131).

136. Н. И. Архипову. 2 ноября 1923 г. Москва (с. 255). — НК (отр.). С. 250; КоЕ. 1992. 13 авг.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

...камергер Есенина. — Возможно, имеется в виду *Иван Приблудный* (псевд. Овчаренко Якова Петровича; 1906—1939), поэт или *Алексей Ганин*, которые часто бывали на квартире у Есенина.

Это Дункан. — Письмо написано на обороте фотографии А. Дункан с дарственной надписью на английском языке: «To Cliuev from Isadora» («Клюеву от Изадоры»).

137. П. В. Соколовой. 21 августа 1924 г. Вытегра (с. 255). — НК (отр.). С. 257; ЕСЖ (отр.). С. 339; ПКРЛ. С. 222—224.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

Соколова Пелагея Васильевна, учительница, пенсионерка, мать Архиповой Таисии Павловны, жены Н. И. Архипова. С 1923 по 1924 г. они проживали в общей с Клюевым коммунальной квартире.

Вот уже три недели... — В конце июля 1924 г. Клюев выехал на родину. «Осталось в памяти, — вспоминал Марков, — раннее летнее утро, когда мы (Есенин, Чапыгин, Медведев, Иван Приблудный и я) пришли на пристань у Литейного моста, чтобы проводить Николая Клюева, собравшегося в родную Вытегру» (*Марков И. И.* О Сергее Есенине // Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С. 322).

...расспросите Игоря... — Имеется в виду Марков Игорь Иосифович (Осипович) (1901—1982?) — начинающий поэт, сотрудник Эрмитажа. Клюев подарил ему свою поэму «Четвертый Рим» с инскриптом: «Игорю Маркову. Гряди, дитя мое, в Четвертый Рим да жив будешь вовеки.

Николай Клюев.

Фомина неделя 1924» (Цит. по: *Стафеев Н.* Автографы поэта (Библиографический обзор) // КЗ. 1990. 7 апр. Опубликовано с искаж. Печ. по беловому автографу (ИРЛИ ЛМ)).

с. 256 *...у преподобного Макария...* — Преп. *Макарий* Желтоводский, Унженский чудотворец (1349—1444). Основал обитель во имя св. Троицы в Нижегородской губ., а также Унженский м-рь на р. Унжа Костромской губ. Память 25 июля (7 авг.).

...Онегу... — См. примеч. с. 449.

Коленька — Н. И. Архипов.

...из «Львиного хлеба»... — См. примеч. с. 574. Клюев готовил второе расширенное издание этого сб. См. примеч. с. 477.

...недописанное... стихотворение... — О каком ст-нии идет речь, не установлено.

...«Вернуться с оленьего извоза» — оно было напечатано в «Ленинграде». — Точнее: в журн. «Петроград» (1923. № 7).

Да исправь «безбрежность» на «безбрежье» в стихотв<орении> «Я знаю, родятся песни». — В наборный экз. были внесены исправления.

...из Кондуш... — Кондушский погост, с. в 27 верстах от Вытегры.

...Андомский погост (Погостская) — с. при р. Андома в $29^1/_2$ верстах от Вытегры.

Канун Спасова дня — Имеется в виду праздник Святого Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или в обиходе — второй Спас яблочный 6 (19) авг.

138. Е. П. Иванову. 1924 или 1925 г. Ленинград (с. 257). — НК (отр.). С. 258; ПКРЛ. С. 225.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется предположительно.

Денисов Андрей (Андрей Дионисьевич Вторушин; 1674—1730), коновиарх Выговского поморского общежительства (см. примеч. с. 456), родоначальник выговской литературной школы, автор около 119 сочинений, среди которых и выдающееся произведение старообрядческой апологетической мысли — «Поморские ответы».

...именуемой «Страстная»... — Страстная чудотворная икона. Называется она так потому, что около лика Богоматери изображены два ангела с орудиями страстей Господних — крестом, губкою и копием.

139. Т. П. Архиповой. 31 июля 1926 г. Новый Петергоф (с. 257). — НК (отр.). С. 268; ПКРЛ. С. 226.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

Архипова Таисия Павловна (1887—1937) — жена Н. И. Архипова, учительница. Скончалась от сердечного приступа вскоре после ареста мужа.

...в Марьине... — Дер., в которой летом отдыхал Клюев.
...как Коля? — Н. И. Архипов.

140. С. А. Клычкову. Декабрь 1926 г. Ленинград (с. 257). — ДП. С. 25 по беловому автографу (Из собрания В. С. Михайловича, Москва).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Благодарю тебя за письмо... — 26 нояб. 1926 г. Клычков писал Клюеву: «Дорогой Николай! Очень тоскую по тебе, хотел бы опять повидаться. Может, ты прибудешь в Москву, у меня квартира большая под Москвой (3 версты от заставы), пожил бы у меня. Хочется мне с тобой душу отвести. Любящий тебя Сергей Клычков» (Цит. по: ДП. С. 26).

За «Плач» о Сереженьке «Прибой» заплатил двести рублей. — Речь с. 258
идет о поэме «Плач о Сергее Есенине», включенной в совместную кн.: *Клюев Н. А., Медведев П. Н.* Сергей Есенин. Стихи о нем. Очерк его творчества. Л., 1927. *«Прибой»* — рабочее партийно-кооперативное изд-во, созданное в 1922 г. В конце 1927 г. объединено с Ленгизом.

Я обращался за милостью в Московский союз писателей. — Речь идет о заявлении поэта в московский отдел Всероссийского союза писателей. См. с. 402.

От многих умных и уважаемых людей ~ об Есенине и обо мне. — Имеются в виду воспоминания С. М. Городецкого «О Сергее Есенине» (Новый мир. 1926. № 2. С. 13—146), в которых в целом давалась негативная оценка как творчества самого Клюева, так и его влияния на Есенина.

...поговори с «Огоньком»... — Имеется в виду еженедельный общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал, основанный в 1923 г. Как приложение к нему с 1925 г. стала выходить библиотечка «Огонька», собрание русских и зарубежных писателей.

Пришли мне свой роман... — Речь идет о романе *«Чертухинский балакирь»*, который в 1926 г. печатался в журн. «Новый мир». В том же году вышел отдельным изданием.

141. С. А. Клычкову. Начало 1927 г. Ленинград (с. 259). — В статье: *Маквей Г.* Неопубликованные письма Николая Клюева // The Slavonic and East European Review. London, 1985. Vol. 63, N 4. P. 563.

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).

Датируется предположительно в связи с фразой из п. 140 «Пришли мне свой роман...».

...за твою прекрасную книгу «Балакирь». — См. примеч. выше.

После «Запечатленного ангела»... — «Запечатленный ангел» — Повесть Н. С. Лескова, рассказывающая об иконописцах, о старинной живописи на фоне рабочей жизни артели каменщиков-староверов (1873).

142. С. А. Толстой-Есениной. Первая половина 1927 г. Ленинград (с. 259). — СЕО. С. 56.

Печатается по беловому автографу (ОР ГМТ).

Датируется предположительно.

Толстая-Есенина Софья Андреевна (1900—1957) — внучка Л. Н. Толстого, жена Есенина. Благодаря ей до нас дошли многие произведения поэта. Она же, по существу, явилась организатором Музея Есенина (1926—1929). Собранные в этом музее рукописи явились основой есенинского собрания в РГАЛИ, ГЛМ и ИМЛИ.

Золотаревский (наст. имя и отчество Сруль Шлёмович) Исидор Самойлович (1885—1961) — родился в г. Елизаветграде. Несколько месяцев проучился в Петербургской Академии художеств. Скульптор, архитектор, художник. Был близок к группе художников «Мир искусства». Его портрет дважды писал Б. М. Кустодиев (в 1921 и 1922 годах). В 1920-х годах заведовал Художественно-репродукционной мастерской музейных слепков Ленинградского отделения Главнауки. В дек. 1925 г. З. снимал маску С. А. Есенина и выполнил слепок правой кисти руки поэта (См. о нем: РГИА. Ф. 789. Оп. 13. Д. 117; ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Ед. хр. 3411. Л. 975; *Кустодиев Б. М.* Портреты деятелей русской культуры. М., 1987. С. 135).

Главнаука — Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями в составе Народного комиссариата просвещения с 1922 до сент. 1933 г.

...ускорить издание моего «Плача о Сергее Есенине»... — Второе издание поэмы не состоялось.

Я тяжело бедствую ~ за эту зиму. — См. п. 140.

143. М. А. Слонимскому. 9? августа 1927 г. Дер. Клишино, ст. Идрица Псковской губ. (с. 260).

Печатается по беловому автографу (Собрание М. С. Лесмана, Санкт-Петербург).

Датируется условно по почтовому штемпелю на открытке; дата оттиснута нечетко.

Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972) — писатель. В нач. 1920-х годов входил в группу «Серапионовы братья», являлся редактором отдела художественной лит-ры кн-ва «Прибой» (См. примеч. с. 577).

...за книгу избранные стихотворения! — Речь идет о кн. «Изба и поле».

144. Э. Ф. Голлербаху. 12 января 1928 г. Ленинград (с. 260). — В статье: *Маквей Г.* Неопубликованные материалы о Клюеве и Есенине: письма

Клюева, воспоминания Повицкого, письма Есенина // Russian Literature Triquaterly. Ann Arbor, 1972. Vol. 4. P. 384.

Печатается по беловому автографу (РГБ).
Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

Голлербах Эрик Федорович (1895–1942) – библиофил, литературовед, искусствовед. Автор воспоминаний «Встречи и впечатления» (1998), в которых поведал и о своем визите к Клюеву: «Он поочередно предложил мне узорный железный фонарь древней архангельской работы, голландский горшок для цветов Петровской эпохи и образ Нерукотворного Спаса. Цены были аховые. Хозяин ласковым тягучим голосом жаловался:

– Рази тепершние люди понимают древнюю красоту? Рази они чувствуют благодать божию? У всех одно на уме: суета сует и всяческая суета. <...>

Клюев выдвинул из-под стола сундук и стал вынимать одну за другой старинные иконы. Среди них были, действительно, вещи дивной работы...» (С. 299).

...в Камерной музыке... – Речь идет об «Обществе камерной музыки», пр. 25 Октября, 52.

«Цветник» – название рукописных и старопечатных сборников, состоящих из мелких выписок, изречений, извлеченных из разных источников.

145. А. П. Чапыгину. Январь 1928 г. Ленинград (с. 260). – ПКРЛ. С. 227.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).
Датируется предположительно.

Чапыгин Алексей Павлович (1870–1937) – прозаик, родом из дер. Большой Угол Каргопольского уезда, Олонецкой губ. Его повесть «Белый скит» (1913), являющийся символом духовной чистоты, ценил Клюев. Автор исторических романов «Разин Степан» (1926–1927) и «Гулящие люди» (1935–1937).

...я в смертельной нужде... – 17 авг. 1926 г. Чапыгин писал Горькому: «Клюев захирел, ибо ему печатать то, что он пишет, негде, а иногда делает вылазки в современность, то это звучит, вместо колокольного звона, как коровий шаркун, последнее время даже иконы писал, чтоб заработать хоть что-нибудь. Теперь он где-то в деревне, но не в Олонецкой, а в Новгородской» (Горький и советские писатели. Неизданная переписка. ЛН. М., 1963. Т. 70. С. 650). В следующем письме к Горькому от июля–авг. 1927 г. Чапыгин сообщал с беспокойством: «Очень вас прошу написать в Москву кому-либо из власть имущих о Клюеве, – его заклевали, и он

бедствует, а между прочим, поэт крупный и человек незаурядный — пусть ему как-нибудь помогут. Не печатают его, и живет он по-собачьи. Жаль будет, если изведется!» (Там же. С. 656). Чапыгин пытался помочь поэту. Из календарных записей писателя от 22 июля 1927 г. «Клюеву 100 р.» и от 14 янв. 1928 г. «Куплена у Клюева укладка 50 р.» (ИРЛИ).

...в музее Александра III-го... — См. примеч. с. 546.

...в твоей избе на Моше... — Родная дер. писателя Большой Угол располагалась у р. Моша.

...Китеж... — См. примеч. с. 467.

146. М. Горькому. Август? 1928 г. Ленинград (с. 261). — ИТН. С. 111.

Печатается по беловому автографу (АГ ИМЛИ).

Датируется предположительно.

На письме красным карандашом Горьким сделана помета: «Надо послать 200—300 р.», а также помета и подпись секретаря писателя П. П. Крючкова: «Послал».

147. М. Горькому. Начало сентября 1928 г. Ленинград (с. 261). — ШС (отр.). С. 100; ИТН (сокращ.). С. 111—112.

Печатается по беловому автографу (АГ ИМЛИ).

Датируется предположительно.

Я глубоко взволнован Вашей помощью... — См. примеч. выше.

с. 262 *Халатов* Арташес (Артемий) Багратович (1894—1938) — государственный, партийный и издательский деятель. В 1927—1932 гг. — член коллегии Наркомпроса, председатель правления Госиздата.

...приобретение лично Вами в вечную собственность моих сочинений... — 10 сент. 1928 г. Горький ответил на клюевское письмо и, в частности, заметил: «Ваше предложение купить Ваши книги в полную и личную мою собственность поразило меня и, если хотите знать, несколько обидело. Я — литератор и скупкой трудов сотоварищей моих по работе никогда не занимался, — не знаю, занимается ли этим неблаговидным делом кто-либо из русских литераторов. Прошу Вас предложения этого не повторять и не объяснять его...

С Халатовым еще не говорил. Думаю, что на условиях, Вами предложенных, Госиздат не возьмет Ваши книги. Но почти уверен, что можно бы издать том Ваших избранных стихов.

О беседе с Халатовым сообщу Вам в среду.

А. Пешков» (Цит. по: ИТН. С. 112).

148. М. Горькому. 16 сентября 1928 г. Полтава (с. 262). — ИТН. С. 112.

Печатается по беловому автографу (АГ ИМЛИ).

Год установлен по содержанию.

Мне нет еще и сорока лет... — См. примеч. с. 436.

Книжка моих избранных стихов ~ в марте этого года. — Речь идет о с. 263
сб. «Изба и поле», который вышел в нач. апр. 1928 г.

...в изд<ательстве> «Прибой»... — См. примеч. с. 577.

...под названием «Погорельщина». — При жизни поэта она не была напечатана, распространялась в списках, ее читал на вечерах Клюев. Впервые опубликована в «Полном собрании сочинений» Клюева в нью-йоркском изд-ве им. Чехова в 1954 г. В нашей стране ее обнародовал журн. «Новый мир» (1987. № 7).

На издание Халатовым полного собр<ания> я согласен... — В Госиздате, руководимом Халатовым, не вышло ни одной книги поэта.

В настоящее время я живу в Полтавщине... — «Н. Клюев, — вспоминал М. Ф. Горяйстов, полтавский житель, увлекавшийся литературой, — обладал чудесным талантом народных сказителей. Говор, построение фразы, интонация, имитация звуков — всё дополняло содержание читаемой им вещи, — колорит и дух севера.

Вот он читает песню пряхи, сопровождая строчки подражанием жужжанию веретена — и мы перенеслись в бревенчатую светлицу, с заиндевевшим окошечком, с завыванием ветра в трубе, со скрипучим от мороза стуком ставни, с коптящей лучиной, с певучим жужжаньем веретена. <...>

Но самым главным в этой встрече было чтение Н. Клюевым его «Плача по Есенину»» (*Горяйстов М. Ф.* Литературные кружки полтавской молодежи (1915—1923 гг.) Воспоминания // Годы нашей юности. Сборник воспоминаний. — РНБ.

149. В. Л. Львову-Рогачевскому. Октябрь 1928 г. Полтава (с. 263). — ПКРЛ. С. 228.

Печатается по беловому автографу (РГБ).

Датируется по содержанию.

150. М. А. Зенкевичу. Ноябрь—декабрь 1928 г. Ленинград (с. 263).

Печатается по беловому автографу (ГЛМ).

Датируется предположительно.

Зенкевич Михаил Александрович (1891—1973) — поэт, переводчик. Участник первого «Цеха поэтов». 1925—1935 гг. — редактор отдела иностранной лит. в изд-ве «Земля и Фабрика» и в Госиздате. 1934—1936 гг. — зав. отделом поэзии журн. «Новый мир» (См.: *Зенкевич М. А.* Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994. С. 676).

Изыщи возможность издать мою книгу стихов... — Ни состав, ни тематика предлагаемой изд-ву книги ст-ний поэта исследователям неизвестны.

...в «Земле и Фабрике». — *«Земля и Фабрика»* («ЗИФ»), советское акционерное кооперативное изд-во, выпускавшее главным образом оригинальную и переводную беллетристику и лит.-критич. издания. Основано в Москве (1922—1930).

151. А. Н. Яр-Кравченко. 18 декабря 1929 г. Москва (с. 264). — ПЯ. С. 253—254.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Яр-Кравченко Анатолий Никифорович (1911—1983) — художник. Ученик В. Е. Савинского и И. И. Бродского, продолживший в своем творчестве традиции русской реалистической школы. Мастер рисунка, портретист. Его знакомство с Клюевым состоялось в 1928 г. в Ленинграде, на выставке картин Об-ва им. А. И. Куинджи в залах Об-ва поощрения художеств, затем перешло в большую дружбу, длившуюся до последних дней поэта. По совету Клюева Кравченко добавил к своей фамилии приставку Яр, чтобы подчеркнуть особую эмоциональную и эстетическую направленность своего творчества. Художник оставил ряд акварельных и масляных портретов поэта, а также множество карандашных набросков во время их совместных поездок. Клюев ему посвятил большую часть созданных ст-ний, написанных в 1930-е гг.

...Всё хлопочу о... издании «Погорельщины». Рукопись в издательстве лежит уже две недели... — Речь идет о «Красной газете», с которой была договоренность об издании поэмы. См. с. 599.

Сообщи в Петергоф — обо мне... — Подразумевается Н. И. Архипов, который в эти годы проживал вместе с семьей в этом пригороде Ленинграда.

...под саратовскими кленами... — Летом 1929 г. Клюев отдыхал в саратовской дер. Разбойщина в семье Кравченко.

Мансурова Анна Николаевна (1869—?) — мать художника П. А. Мансурова.

Минх Николай Алексеевич (1899—1985) — литератор.

152. А. Н. Яр-Кравченко. 2 января 1930 г. Москва (с. 264). — ПЯ. С. 254.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Анисимов Александр Иванович (1877—1937) — искусствовед, реставратор, историк древнерусского искусства. *Матвеев* Александр Терентьевич (1878—1960) — скульптор, доктор искусствоведения. педагог.

Садомовы — Имеются в виду *Садомов* Анатолий Николаевич (1884— с. 265
1942) — певец, солист Большого театра. Поэт подарил ему свою кн. «Изба и поле» с надписью: «Светлому русскому артисту Анатолию Николаевичу Садомову ларец песенных самоцветов преподношу за хлеб-соль в черные дни моей жизни! Н. Клюев. (Милосердие и русская поэзия будут Вам благодарны.) 1932 г. Москва» (Цит. по: АК. С. 193). *Христофорова* Надежда Федоровна (урожд. Таци; по другому браку — Садомова; 1880—1978) — певица, вокальный педагог.

Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1873—1941) — терапевт, один из основателей кардиологии в СССР. Репрессирован.

153. Н. И. Архипову. Начало 1930 г. Ленинград (с. 265). — ЛЯ (отр.) С. 147.

Печатается: по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется предположительно.

Настаивай упорно на первом основном рисунке обложки... — К письму приложены два штриховых рисунка Яр-Кравченко скульптуры Самсона к готовящейся кн. Н. И. Архипова «Сады и фонтаны Петергофа. Путеводитель по нижнему и верхнему садам», которая вышла в авг. 1930 г. Обложка А. Кравченко.

...больше всякого Самсона. — Речь идет о монументальной символической фигуре Самсона, раздирающего пасть поверженного льва. Отлита из бронзы по модели скульптора М. Козловского и расположена на каскаде Большого грота.

154. С. А. Толстой-Есениной. 27 января 1930 г. Ленинград (с. 265). — ОП (отр.). С. 18; СЕО. С. 57.

Печатается по беловому автографу (ОР ГМТ).
Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

...Толечка... — А. Н. Яр-Кравченко.

...закончил эскиз портрета Есенина и желает его устроить в музее... — с. 266
Портрет Есенина работы Яр-Кравченко благодаря содействию Иванова-Разумника в 1930 г. был приобретен за 100 руб. Пушкинским Домом. О том, как создавался этот портрет, рассказывал сам художник: «Портрет Есенина я создавал в 20-е годы. <...> ...я знал наизусть много стихов Есенина. Клюев своими рассказами о Есенине еще больше укрепил мою любовь к нему. И у меня появилось желание нарисовать Есенина, хотя жи-

вым я его никогда не видел. Вскоре рисунок был готов» (Цит. по: ОП. С. 18).

...бёклиновское очертание дальнего леса... — Имеется в виду Арнольд *Бёклин* (1827—1901) — швейцарский живописец. Представитель символизма и стиля «модерн». В фантастических своих полотнах сочетал символику с натуралистической достоверностью.

155. С. А. Толстой-Есениной. 3 февраля 1930 г. Ленинград (с. 266). — ОП (отр.). С. 18; СЕО. С. 57.

Печатается по беловому автографу (ОР ГМТ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

...посылаю Вам фотографию с эскиза к портрету Есенина. — См. п. 154 и примеч. к нему, с. 583.

Райх Зинаида Николаевна (1894—1939) — жена Есенина в 1917—1921 гг., с осени того же года студентка высших театральных мастерских, руководимых В. Э. Мейерхольдом, затем жена и артистка его театра — Театра им. Мейерхольда (1920—1938).

...выходит книга избранных Сережиных стихов. — Речь идет о сб. С. Есенина «Стихи и поэмы» (1931). Портрет поэта, созданный Яр-Кравченко, не был помещен в книге.

Савинский Василий Евмениевич (1859—1937) — художник. Ученик П. П. Чистякова. Около 50 лет отдал педагогической деятельности. Академик.

Рылов Аркадий Александрович (1870—1939) — живописец. Мастер эпически-романтических, мажорных по образному строю пейзажей-картин.

Власов Сергей Алексеевич (1873—1942) — живописец-пейзажист.

156. С. А. Толстой-Есениной. Февраль? 1930 г. Ленинград (с. 267). — ОП (сокр.). С. 18; СЕО. С. 58.

Печатается по беловому автографу (ОР ГМТ).

Датируется по содержанию.

...писал Вам два письма с приложением фотографии с эскиза к портрету Есенина работы Яр-Кравченко. — См. п. 154, 155.

...возможно ли поместить этот рисунок в сборник стихов Есенина... — См. примеч. выше.

...Костя... — Соколов Константин Алексеевич (1887—1963) — художник, близкий знакомый Есенина.

...о приобретении портрета... — См. примеч. с. 583.

157. А. Н. Яр-Кравченко. 26 июля 1930 г. Мацеста (с. 267). — ПЯ. С. 254.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

158. А. Н. Яр-Кравченко. 27 июля 1930 г. Сочи (с. 267). — ПЯ. С. 255—256.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...кланяйся тому геловеку... — Имеется в виду А. Т. Матвеев.

Ферапонтов монастырь — архитектурный ансамбль XV—XVII вв. на берегу Бородинского оз., в 20 км от г. Кириллова (см. примеч. с. 457) Вологодской губ. В соборе Рождества Богородицы — росписи Дионисия и его сыновей.

Гонгаров Андрей Дмитриевич (1903—1979) — живописец.

Бруни Лев Александрович (1894—1948) — график, художник монументально-декоративного искусства. Оформитель и иллюстратор книг. Автор многочисленных анималистических рисунков. В 1920 г. создал портрет Н. Клюева (ИРЛИ ЛМ).

...выезжаю в Вятку. — Речь идет о дер. Потрепухино, неподалеку от г. Кукарки (ныне Советск) Вятской губ., в которую, начиная с 1928 г., приезжал летом отдыхать Клюев вместе с Яр-Кравченко (См.: *Кравгенко Б.* «Через моя жизнь» // НН. 1991. № 1. С. 124).

...до Котельнига... — г. *Котельниги* в Вятской губ., пристань на р. Вятка. с. 268

...дяде Пеше... — По словам Клюева, его родня.

Эривань — Название г. Ереван до 1936 г.

Лидии Александровны... — имеется в виду Волкова Лидия Александровна (1902—?).

Кланяйся маме... — Кравгенко (урожд. Дайлидо; 1887—1963) Лидия Эдуардовна.

Про папу... — Кравгенко Никифор Павлович (1883—1950) — инженер-путеец.

Никитина (урожд. Гацкевич; 1902—1973) Зоя Александровна — секретарь «Издательства писателей в Ленинграде», жена писателя Н. Никитина.

...Сережа... — Имеется в виду Сергей Базилевич, друг юности братьев Кравченко — Анатолия и Бориса.

159. А. Н. Яр-Кравченко. 1930 г. Москва (с. 268). — ЛЯ. С. 138.

Печатается по машинописи (ИРЛИ).

Датируется предположительно.

с. 269 *...твою печальницу маму...* — Л. Э. Кравченко.

...у безносой хозяйки Волкова кладбища... — *Волковское* (*Волково*) кладбище в С.-Петербурге по обеим берегам р. Волковки. На левом берегу находится православное кладбище и в северо-восточной его части некрополь «Литераторские мостки», на правом берегу — лютеранское кладбище, в северной части которого были старообрядческое и единоверческое кладбища.

...Коленька... — Н. И. Архипов.

160. А. Н. Тихонову. 1930 г. Ленинград (с. 269).

Печатается и датируется по беловому автографу (РГАЛИ).

Тихонов (наст. фам.; псевд. А. Серебров, Н. Серебров; 1880—1956) Александр Николаевич — писатель, лит. деятель, близок к М. Горькому, после Октября — редактор журн. «Современный Запад», «Восток», «Русский современник» (в нем печатался в 1924 г. Клюев), ряда изд-в, в т. ч. «Academia».

С пометой Тихонова на письме об отсылке его В. В. Гольцеву. — Гольцев Виктор Викторович (1901—1954) — критик.

..к моей просьбе о персональной пенсии... — См. п. 179, с. 282.

161. А. Н. Яр-Кравченко. 4 октября 1931 г. Москва (с. 270). — ЛЯ (сокр.). С. 140.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

Керосинкин, Карасинкин — возможно, шутливое прозвище Н. А. Минха.

...у Нади... — Н. Ф. Христофоровой.

...в Доме крестьянина... — Дом крестьянина, Дом колхозника — учреждение, организуемое обычно в городе для приезжих крестьян-колхозников.

162. А. Н. Яр-Кравченко. 8 октября 1931 г. Москва (с. 270). — ПЯ. С. 256—257.

Печатается по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Год установлен в связи с фразой из п. 163 «Послал тебе письмо со стихотворениями...».

Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя — зову ~ Лобзает облака зардевшегося Мая... — Стилизованное ст-ние Клюева.

...Кореневы... — Речь идет о художниках братьях *Кориных* — Павле Дмитриевиче (1892—1967) и Александре Дмитриевиче (1895—1986), которые были приглашены М. Горьким в гости, проживавшим в то время в Италии. с. 271

...у Коленьки... — Н. А. Минха.

163. А. Н. Яр-Кравченко. 12 октября 1931 г. Москва (с. 271). — ЛЯ. С. 140.

Печатается в датируется по машинописи (ИРЛИ).

Посылал тебе письмо со стихотворением... — См. п. 162.

Миша — Имеется в виду *Егоров* Михаил Дмитриевич (1883—?) — художник. с. 272

Кардовский Дмитрий Николаевич (1866—1943) — график, живописец, педагог.

164. А. Н. Яр-Кравченко. 20 октября 1931 г. Москва (с. 272). — ЛЯ. С. 140—141.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...Миша... — М. Д. Егоров.

Слушал Садомова в Томском... — Партия Томского из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» (1890).

«Мадур Вазу» печатают в Академии с текстом и Плотникова. — *Мадур Ваза Победитель*: Вольная обработка С. Клычковым поэмы М. Плотникова «Янгал-Маа» (»Тундра»). Тексты Плотникова и Клычкова вышли под общей обложкой в изд-ве «Academia» в 1933 г.

Ленкублит — Ленинградская комиссия по улучшению быта литераторов.

...Коленька... — Н. И. Архипов.

Илья Николаевич — *Архипов* Илья Николаевич (1911—1942) — сын Н. И. Архипова, погиб при защите Ленинграда, на Пулковских высотах.

Как папа с мамой? — См. примеч. с. 585.

...и Борису Никифоровичу... — *Кравченко* Борис Никифорович (1913—1993) — военный инженер-строитель, председатель клюевского об-ва «Песнослов», много сделавший для популяризации творчества поэта.

165. А. Н. Яр-Кравченко. 22 октября 1931 г. Москва (с. 273). — ЛЯ. С. 141.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

166. А. Н. Яр-Кравченко. 29 октября 1931 г. Москва (с. 273). — ЛЯ. С. 141.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...лобзанием «Песни Песней»... — «Песнь песней», раздел в Ветхом Завете: собрание лирических песен, отличающихся яркой образностью — о страстной, преодолевающей все преграды любви. Предположительно относят к III в. до н. э. По Талмуду, автором ее является Соломон, но собрана и издана она царем Езекиею.

167. А. Н. Яр-Кравченко. 29 октября 1931 г. Москва (с. 273). — ЛЯ. С. 141—142.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

168. А. Н. Яр-Кравченко. 10 ноября 1931 г. Сочи (с. 274). — ЛЯ. С. 142.
Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

169. А. Н. Яр-Кравченко. 18 ноября 1931 г. Сочи (с. 274). — НК (отр.). С. 299; ЛЯ. С. 142.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...из книги «Ленин»... — Речь идет о сб. ст-ний «Ленин».

170. А. Н. Яр-Кравченко. 18 ноября 1931 г. Мацеста (с. 274). — НК (отр.). С. 299; КБК. С. 173.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...чтобы выслал спешно «Стихи из колхоза»... — Имеется в виду рукопись цикла ст-ний поэта, опубликованного в журн. «Земля советская» (1932. № 12).

171. А. Н. Яр-Кравченко. 8 декабря 1931 г. Москва (с. 275). — НК (отр.). С. 293; ЛЯ. С. 142.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

172. А. Н. Яр-Кравченко. 23 декабря 1931 г. Москва (с. 275). — ЛЯ. С. 143.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

Папы не видал... — Н. П. Кравченко.

173. А. Н. Яр-Кравченко. 23 декабря 1931 г. Москва (с. 275). — ЛЯ. С. 143.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...Садомовой. — Н. Ф. Христофорова.

174. А. Н. Яр-Кравченко. Декабрь 1931 г. Москва (с. 276). — ЛЯ. С. 143—144.

Печатается по машинописи (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...Анна Никифоровна... — Имеется в виду Смирнова Анна Никифоровна.

...Ленкублит. — См. примеч. с. 587.

...предупредите Лидию Александровну... — Волкову.

...к Надежде Федор<овне>. — Христофоровой.

175. А. Белому. 1931 или начало 1932 г. Москва (с. 277).

Печатается по беловому автографу (РГАЛИ).
Датируется предположительно.

176. А. Н. Яр-Кравченко. 10 мая 1932 г. Москва (с. 277). — ПЯ. С. 257—260.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Воистину воскресе! — Возглас верующих в пасхальную Заутреню в ответ на восклицание священника «Христос воскресе!». В 1932 г. Пасха приходилась на 18 апр. (1 мая).

Ты прочитал про ласточку и тростинку... — Намек на строку из своего ст-ния «Среди цветов купаве цвесть...» (цикл «О чем шумят седые кедры»): «Тростинку, птичка-горихвостка!».

Как прекрасен Гранатный переулок ~ моя новая берлога. — Вероятно, в с. 278
апреле 1932 г. Клюев при поддержке Союза писателей получил право занять две крохотные комнаты в Гранатном пер., д. 12, кв. 3. «...он жил, — вспоминала Е. Вялова-Васильева, — в полуподвале... Мы вошли в крохотную прихожую. С левой стороны — плитка, справа — вешалка, под вешалкой валялся цилиндр. Павел сказал, что это цилиндр Есенина. Лежит он здесь давно. Клюев бросил его в знак протеста против всех проявлений цивилизации.

Прошли в комнату. Обстановка ее меня поразила. В углу было невероятное количество икон. Возле иконостаса — лампада, с опущенной в нее электрической лампочкой, вдоль стен стояли деревянные резные скамьи, на вид им было лет по триста. Рядом — небольшой столик, на нем — огромных размеров книги.

— Рукописные библии, — объяснил Павел.

Над столом висел сшитый из лоскутов ковер. Горка с посудой чуть ли не екатерининских времен.

Я заглянула в примыкавшую к этой комнате спаленку. Снова была поражена обилием икон. Но, пожалуй, не меньшее впечатление произвела на меня кровать. Почти до потолка громоздились на ней подушки, полдюжины — не меньше» (*Вялова-Васильева Е.* Таким я его знала // Воспоминания о Павле Васильеве. Алма-Ата, 1989. С. 210—211). Позже переулок был переименован в ул. Щусева. В настоящее время ему вернули прежнее название. Дом, в котором жил Клюев, не сохранился.

...питерские поэты... — Имеется в виду вечер 22 апр. 1932 г., который проходил в Клубе писателей (Тверской бульвар, 25). Выступали Е. Полонская, А. Прокофъев, В. Саянов и др.

...«Как Сологуб». — Речь идет о Ф. К. Сологубе. Последний год жизни писателя был очень тяжелым. Надвигающаяся болезнь наложила свой отпечаток на его впечатления, воспоминания, оценки. Он становился мрачным, желчным, едким. В творчестве С. наметился резкий упадок с признаками старческого слабоумия. Умирал тяжело. Похоронен на Смоленском кладбище неподалеку от могилы А. Блока (См.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 190—261).

...Прокофьев не прочь у тебя зарисоваться... — *Прокофьев* Александр Андреевич (1900—1971) — поэт. Член правления Ленинградского отделения Союза писателей, член редколлегий журн. «Звезда» и «Резец». Яр-Кравченко создал портрет поэта, цветная репродукция с которого была воспроизведена на фронтисписе в кн.: *Прокофьев А. А.* Стихотворения. Л., 1932.

с. 279 *Тагер* Елена Михайловна (1895—1964) — поэт, прозаик, переводчик. Автор известной кн. «Зимний берег», в которую вошли повести и рассказы на темы северной русской деревни, выдержавшей три издания (1929, 1931, 1957).

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — поэт, прозаик, переводчик.

Обухова Надежда Андреевна (1886—1961) — певица (меццо-сопрано), народная артистка СССР. В 1916—1948 гг. в Большом театре.

Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — живописец, искусствовед, мемуарист. Под его руководством была создана первая научная многотомная «История русского искусства» (1909—1916).

Прикреплен к закрытому распределителю... — Жена поэта С. Клычкова В. Н. Горбачева заметила: «В закрытый распределитель ходит с забавным упоением (Сергей считает закрытый распределитель грехом: вся страна разута-раздета)» (Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии // Новый мир. 1989. № 9. С. 210).

Есенин есть. — Речь идет о сб. ст-ний поэта. См. примеч. с. 584.

...на Мологу... — р. *Молога* в Западной части России, левый приток Камы.

...на Вятку... — См. примеч. с. 585.

...на реку Белую... — р. *Белая* на Южном Урале и в Предуралье, левый приток Камы.

Кланяйся Коленьке... — Н. И. Архипову.

...В. С. цветы... — Речь идет о художнике *Щербакове* Валентине Семеновиче (1880—1957), создавшем портрет поэта (1930).

Разговлялся на Голутвинском. — Т. е. в семье Садомовых.

Кравченко Алексей Ильич (1889—1939) — график. с. 280

177. А. Н. Яр-Кравченко. 25 мая 1932 г. Москва (с. 280). — ПЯ. С. 262.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Перед текстом письма ст-ние Клюева «Анатолию Кравченко» («У пихты волосата лапа...»), вошедшее в цикл «О чем шумят седые кедры».

...портрет В. Рождественского экспонировался на последней прижизненной выставке художника (См.: Каталог выставки произведений А. Яр-Кравченко. Мичуринск, 1982. С. 9).

...портрет Есенина... — См. п. 154 и примеч. с. 583.

Меня рисует маслом Игорь Грабарь, но я недоволен. — «И вот со всей решительностью, — писал художник, — передо мной встал вопрос: а нельзя ли вообще не танцевать от печки, нельзя ли взглянуть на натуру и так увидеть, чтобы зрителю не бросались в глаза ни приемы, ни мастерство, ни даже живопись, но чтобы он просто почувствовал дыхание жизни, трепет жизни, красоту жизни? <...>

В 1932 году зашел ко мне Н. А. Клюев, поэт, которого я знал еще в Петербурге лет двадцать назад.

Через несколько дней я уже написал его портрет, бывший пробным камнем в этом моем новом направлении... портрет Клюева глядит вперед» (*Грабарь И. Э.* Моя жизнь. Автомонография. М.; Л., 1937. С. 314—315).

178. А. Н. Яр-Кравченко. 28 мая 1932 г. Москва (с. 280). — ПЯ. С. 262—263.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...Никифор Павлович... — Н. П. Кравченко. с. 281

...Бог-Фта... — Точнее: *Птах, Пта* — в древнеегипетской мифологии покровитель искусства и ремесел, первоначально почитался в г. Мемфисе как создатель всего сущего. с. 282

...иди своей дорогой, куда влечет тебя свободный ум! — Перифраз строк из ст-ния А. С. Пушкина «Поэту» (1830): «Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум...».

179. А. Н. Яр-Кравченко. Июнь 1932 г. Москва (с. 282). — ИПЯ. С. 155—156.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...рассказал свое сердце прилагаемыми стихами. — Перед текстом помещен цикл ст-ний «Анатолий Кравченко»: «Ты бормотал, что любишь деда...», «По восемнадцатой весне...», «Есть дружба песья и воронья...». «Приласкать бы собаку...», позже вошедших в цикл «О чем шумят седые кедры», с припиской: «Получил ли ты письмо со стихотворением «У пихты волосата лапа»?». См. примеч. с. 591.

...на Вятку... — См. примеч. с. 585.

...в Елатьму... — г. *Елатьма* в Рязанской обл.

...в Задонск... — г. *Задонск* в Липецкой обл.

180. Л. Э. Кравченко. 29 сентября 1932 г. Москва (с. 283). — В воспоминаниях Кравченко Б. Н. «Через мою жизнь» (НН. 1991. № 1. С. 125).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...у Толечки. — А. Н. Яр-Кравченко.

181. А. Н. Яр-Кравченко. 29 октября 1932 г. Сочи (с. 283). — ПЯ. С. 268—270.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Баталин Владимир Алексеевич (1903—1978) — врач, филолог. Учился на медицинском ф-те Пермского ун-та. В 1930 г. окончил историко-филологический ф-т Ленинградского ун-та. В 1933 г. репрессирован и провел более 17 лет в лагерях. В 1952 г. под именем Всеволод рукоположен в иеродиаконы в Псково-Печерском м-ре. Оставил фрагментарные, доброжелательные воспоминания о Клюеве (Собрание М. С. Лесмана, Санкт-Петербург).

...«она истории осколок». — Строка из ст-ния Клюева «Ты бормотал, что любишь деда...».

с. 284 *...мой Пайя белокрылый...* — Образ из ст-ния Клюева «Я женился на тюльпане...»: «Как любил бурнастый Пайя Белокрылого из рая...».

Иконников Александр Иванович — в 1930-е гг. сотрудник детскосельских дворцов-музеев.

...мой тюльпан не увянет и не надломится... — Реминисценция строк из своего ст-ния «Я женился на тюльпане...»: «Ах, ужель тюльпан завянет На покошенной поляне — На моей груди?!».

182. А. Н. Яр-Кравченко. 17 декабря 1932 г. Москва (с. 285). — ПЯ. С. 270—271.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...для «Звезды». — Звезда. Литературно-художественный и общественно-политический журн. Основан в 1924 г. в Ленинграде. Клюев предлагал внести исправления в ст-ния «Письмо художнику Анатолию Яру» («В разлуке жизнь обозревая...») и «Ночь со своднею-луною...». Публикация их не состоялась.

Горбов Александр Александрович — художник.

Дыдыкин Николай Васильевич (1894—1975) — скульптор, из семьи потомственных живописцев-миниатюристов Палеха. Исполнял преимущественно портреты писателей и советских государственных деятелей, жил в Ленинграде.

...на Крюковом канале... — Крюков канал от р. Фонтанка до канала Круштейна на пл. Труда, пересекает Садовую ул., канал Грибоедова, пр. Римского-Корсакова, ул. Декабристов и р. Мойка.

...против Николы Морского. — Морской Николо-Богоявленский собор располагается на берегу Крюкова канала. Построен в 1753—1762 гг. (арх. С. И. Чевакинской).

183. М. А. Зенкевичу. 21 декабря 1932 г. Москва (с. 286). — ПКРЛ. С. 228.

Печатается по беловому автографу (ГЛМ).

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...моя поэма о юном герое... — Неизвестно, какую именно поэму Клюев переслал Зенкевичу, а тот в свою очередь передал ее Гронскому. В архиве литературного критика и секретаря журн. «Новый мир» Николая Ивановича Замошкина (1896—1960) сохранился лишь цикл «О чем шумят седые кедры», с посвящением А. Н. Яр-Кравченко. На основании этого С. И. Субботин, комментируя данное письмо, утверждает, что цикл и является искомой поэмой, которая к тому же, а на этом настаивает исследователь, «по своему содержанию вполне может быть названа “поэмой о юном герое”...» (ПКРЛ. С. 229). Анализируя жанровое своеобразие клю-

евской поэзии, следует отметить, что поэт всегда работал в русле традиционных жанров, четко различая их особенности, никогда не прибегал к смешению и подмене жанров. Под основные типологические признаки поэмы (наличие сюжета, единство эпического и лирического плана, повествовательная характеристика лиц и событий, их раскрытие через восприятие и оценку лирического героя, повествователя, играющего активную роль) данное произведение не подходит. См. поэмы Клюева «Мать-Суббота», «Четвертый Рим», «Деревня», «Погорельщина», «Песнь о великой матери».

Гронский мне обещал ее напечатать... — Гронский (псевд., наст. фам. Федулов) Иван Михайлович (1894—1985) — литератор, ответственный редактор газ. «Известия ВЦИК» (1928—1934) и главный редактор журн. «Новый мир» (1932—1937), председатель Оргкомитета Союза советских писателей (1932—1933), был в родственных отношениях с поэтом Павлом Васильевым (оба были женаты на родных сестрах). Репрессирован. «И вот сижу дома, — вспоминал Гронский, — завтракаю. Напротив сидит П. Н. Васильев, который жил в то время у меня. Читаю эту поэму и ничего не могу понять. Это любовный гимн, но предмет любви — не девушка, а мальчик. Ничего не понимаю и отбрасываю поэму в сторону.

— Ни черта не понимаю!

П. Н. Васильев берет ее и хохочет.

— Чего ты, Пашка, ржешь?

— Иван Михайлович, чего же тут не понимать? Это же его "жена".

Мне захотелось пойти и вымыть руки.

Приезжает Н. А. Клюев, является ко мне.

— Получили поэму?

— Да.

— Печатать будете?

— Нет, эту мерзость мы не пустим в литературу. Пишите нормальные стихи, тогда будем печатать» (*Гронский И. М.* О крестьянских писателях / Публ. М. Никё // Минувшее. Париж, 1989. Вып. 8. С. 150—151).

184. А. А. Прокофьеву. Начало 1933 г. Москва (с. 286). — ИПП. С. 181.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется предположительно.

Присылаю Вам свои стихи ~ для журнала... — Вероятно, речь идет о ст-ниях для журн. «Звезда». См. п. 182 и примеч. к нему, с. 593.

...на вопросы Брауна о певице... — Браун Николай Леопольдович (1902—1975) — поэт. Имеется в виду Зинаида Павловна *Воробьева* (1902—1985) — певица (меццо-сопрано), в 1931 г. окончила Ленинградскую консерваторию. Первая жена А. Н. Яр-Кравченко.

185. А. Н. Яр-Кравченко. 14 февраля 1933г. Москва (с. 286). — ЛЯ. С. 144—146.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

Виктор живет у меня... — Речь идет о *Тиссене* Викторе Генриховиче (1903—1942) — художнике, скульпторе. с. 287

Входите тесными вратами ~ ведут в погибель... — Перифраз стиха из Евг. от Мф. (VII, 13): «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими».

Пастернаку написал... — Письмо Клюева к поэту неизвестно. В ответном письме от 12 февр. 1933 г. Пастернак сообщал: «Дорогой Николай Алексеевич! Благодарю Вас за большую радость, доставленную Вашими строками. Ценю ее и дорожу Вашим приветом. Давно мечтал с Вами познакомиться и теперь при ближайшей возможности воспользуюсь надеждой увидеть Вас, которую Вы мне подали. Позвольте еще раз как-нибудь написать Вам, по миновению оргкомитетской недели. Сердечно Вам признательный Б. Пастернак» (Цит. по кн.: Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991 / Публ. А. И. Михайлова. С. 297).

В «Земле советской» напечатаны мои стихи... — В журн. «Земля советская» (1932. № 12) был опубликован цикл ст-ний поэта «Стихи из колхоза»: «Саратовский косой закат...», «На просини рябины рдяны...», «В ударной бригаде был сокол Иван...», «В алых бусах из вишен...». Это была последняя прижизненная публикация произведений поэта в советской периодике.

Написал Тихонову письмо ~ на самого себя. — В журн. «Звезда», куда адресовал ст-ния Клюев на имя Тихонова, они не появились. с. 288

Васильев Павел Николаевич (1909/1910—1937) — поэт, родился в Прииртышье (г. Павлодар), обвинялся в «кулацкой» идеологии и «клюевщине». Репрессирован.

...лилия с полей Саронских. — *Сарон*, название известной равнины в Палестине, которая славилась своей красотой, плодородием и изобилием цветов.

...не стесняясь Виктора... — В. Г. Тиссена.

...к Эльзе? — Имеется в виду *Каминская* Эльза Моисеевна (1894—1975) — актриса, читавшая с эстрады произведения русской поэзии — классической и современной.

Вышли книги с портретами. — Речь идет о сб.: *Прокофьев А.* Стихотворения. Л., 1932; *Пастернак Б.* Стихотворения. В одном томе. Л., 1933, на фронтисписе которых помещены репродукции с портретов Прокофьева и Пастернака работы А. Яр-Кравченко. с. 289

186. А. Н. Яр-Кравченко. 22 февраля 1933 г. Москва (с. 289). — ЛЯ. С. 146.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

187. А. А. Прокофьеву. 24 февраля 1933 г. Москва (с. 289).

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

...Толегка... — А. Н. Яр-Кравченко.
Федин Константин Александрович (1892—1977) — писатель, общественный деятель. В 1920—1930-е гг. жил в Детском Селе (до 1918 г. — Царское Село, с 1937 г. — г. Пушкин).

188. А. Н. Яр-Кравченко. 4 марта 1933 г. Москва (с. 290). — ЛЯ. С. 146.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...«Липы» не прозвугали в твоем сердце как панихида по нашей дружбе. — Намек на свое ст-ние «Моему другу Анатолию Яру» («Продрогли липы до костей...») (1930).

189. А. Н. Яр-Кравченко. 1 апреля 1933 г. Москва (с. 290). — ЛЯ. С. 146—147.

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...Виктор... — В. Г. Тиссен.
...твой брат Владимир! — *Кравгенко* Владимир Никифорович (1906—1963) — военнослужащий, офицер.
с. 291 *Нарбут* Василий Михайлович (1874—1950) — врач-невропатолог и психиатр, проф. Николаевского военного госпиталя, Психоневрологического ин-та. В 1920—1930-е гг. зав. медицинским сектором и проф. консультаций II Ленинградского медицинского ин-та, б-цы им. И. И. Мечникова, ст. науч. сотрудник Ленинградского ин-та организации и охраны труда.
...мне гто-то жутко за твои поездки в Детское... — См. п. 187 и примеч. к нему.

190. Л. И. Раковскому. 11 апреля <1933 г.> Москва (с. 291).

Печатается по беловому автографу (РНБ).
Год установлен предположительно.

Раковский Леонтий Иосифович (1895/1896—1979) — писатель, автор исторических романов о военных деятелях России.

191. А. Н. Яр-Кравченко. 11 мая 1933 г. Москва (с. 292). — ПЯ. С. 271—275.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Спаси — от широкого пути, ведущего в погибель... — См. п. 185 и примеч. к нему, с. 595.

Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — живописец. Автор знаменитого монументального полотна «Явление Христа народу» (1837—1857). *Серов* Валентин Александрович (1865—1911) — живописец, график. Передвижник. Член «Мира искусств». *Чистяков* Павел Петрович (1832—1919) — живописец, педагог.

Калитин Павел Александрович (1908—1938) — художник, писал сти- с. 293 хи, статьи.

...с Витоном... — В. Г. Тиссеном.

Верзилов Василий Михайлович (1880—?) — врач, доктор медицины, проф., зав. невропатологическим отделением Гос. центрального ин-та курортологии.

Озаровская Ольга Эрастовна (1874—1933) — исполнительница северных сказок. Собирательница народных сказок и былин. Автор книг «Бабушкины старины» (1916), «Пятиречие». Сб. сказок (1931).

Оргкомитет — Организационный комитет Союза писателей, созданный в 1932 г. для подготовки Первого съезда писателей СССР.

...мою Гусыню в его поэме... — Намек на отзвуки колыбельной песни из поэмы «Плач о Сергее Есенине» (1926) в 11 гл. поэмы Васильева «Песня о гибели казачьего войска» (Новый мир. 1932. № 11. С. 140).

Немедленно вышел приказ рассыпать печатный набор книг Васильева... — Рассказывая о ст-нии Васильева «Песня» («В черном небе волчья проседь...»), поэт С. Поделков вспоминал: «Я узнал стихотворение, написанное в ноябре 1932 года. Оно входило в книгу «Путь на Семиге». Книгу он обещал подарить, как только получит авторские. Здесь же на лестнице ГИХЛа, где мы встретились, я просмотрел все стихи, входившие в нее, и бегло перелистал поэму «Песня о гибели казачьего войска». С грустью возвратил сигнальный экземпляр. К сожалению, через неделю стало известно, что Главлит, вернее Б. Волин, на весь тираж сборника наложил запрет. Книга не вышла» (*Поделков С.* Далекие встречи // Воспоминания о Павле Васильеве. С. 235). Такая же участь постигла и сб. поэта «Стихи» (1933).

...рассказ Грабаря о Сомове! — Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — живописец, график, член «Мира искусств». С 1923 г. в эмиграции. Содержание рассказа Грабаря неизвестно.

Нежданова Антонина Васильевна (1873—1950) — певица (лирико-колоратурное сопрано), народная артистка СССР. С 1902 г. в Большом театре, отдав ему свыше 30 лет.

...после твоей Родионовны (так звали няню Пушкина)... — Яковлева (в с. 294 замужестве — Матвеева; 1758—1828) Арина Родионовна — крепостная

М. А. Ганнибал. В 1799 г. получила вольную, но предпочла остаться у Пушкиных, где нянчила их детей. Она прекрасно рассказывала сказки, знала великое множество пословиц, поговорок, народных поверий. С нею связаны произведения Пушкина «Зимний вечер» (1825), «Няне» (1826), «...Вновь я посетил» (1835). По словам А. П. Керн, поэт «никого истинно не любил, кроме своей няни». Погребена на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге.

...его путь кончился в меблиражке... — Намек на самоубийство С. Есенина в № 5 ленинградской гостиницы «Англетер» в ночь с 27 на 28 дек. 1925 г.

с. 295 *...слезы, как говорит мудрость ~ вокруг дружбы.* — Перифраз строк из кн. П. Флоренского «Столп и утверждение Истины: Опыт Православной Теодицеи в двенадцати письмах»: «Как при кладке стен, чем больше льют воды на кирпич, тем крепче стена, так и от слез, пролитых из-за дружбы, она делается лишь прочнее.

Слезы — это цемент дружбы, но не всякие, а те, которые струятся от могущей выразить себя любви и от огорчений, причиненных другом. И, чем больше дружба, — тем больше слез, а чем больше слез, — тем больше дружбы» (С. 445).

192. А. Н. Яр-Кравченко. Середина мая 1933 г. Москва (с. 295). — ПЯ. С. 275—277.

Печатается по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Датируется по содержанию.

с. 296 *...сложило сердце песни о грядущей розе и луне.* — Намек на свое ст-ние «Чтоб пахнуло розой от страниц...» (1932 или 1933).

...У Пастернака две разные половины лица едва связан<ы>... — Речь идет о репродукции портрета Пастернака работы Яр-Кравченко на фронтисписе сб. «Стихотворения. В одном томе» (1933).

с. 297 *Тур из Беловежья ~ про заблудившегося дорогого лосенка...* — Вольный пересказ своего ст-ния «Змея змею целует в жало...» (1933).

193. А. Н. Яр-Кравченко. 18 мая 1933 г. Москва (с. 297). — ПЯ. С. 277—279.

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...«Песня о великой матери»... — Точнее: *«Песнь о великой матери»* — крупнейшее произведение Клюева, создавалось поэтом в течение шести лет, но из-за ареста, ссылки и гибели не было завершено (между 1929 и 1934).

Так поступили в «Красной газете» с «Погорельщиной» под видом издания... — См. п. 151.

Посылаю заявление в издательство писателей об этом. — Клюевского заявления в архиве «Издательства писателей в Ленинграде» не обнаружено.

...твой фальшивый купон... — Намек на З. П. Воробьеву. с. 299

194. А. Н. Яр-Кравченко. 23 мая 1933 г. Москва (с. 299). — ПЯ. С. 279—287.

Печатается по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Датировка уточнена по сопоставлению с п. 193. В машинописи, вероятнее всего, была допущена опечатка — вместо «23.V» оказалось «13.V».

...двуединый Арарат... — См. примеч. с. 498. с. 300

Это и есть тот «широкий путь», от которого я часто предупреждал тебя... — См. примеч. с. 595.

...за плечами Джоконды... — *Джоконда* — идеал женской красоты воплощен итальянским художником Леонардо да Винчи (1452—1519) в портрете Моны Лизы (ок. 1503).

...в изображениях Мадонны Литты... — Речь идет о картине Леонардо да Винчи «Мадонна Литта», которая была начата в конце 1470 г. и завершена, вероятно, в 1490—1491 гг.

Умозрение в красках... — Образное выражение, возникшее от названия очерка князя Е. Трубецкого «Умозрение в красках» (1915) о древнерусской иконописи.

«В каждой дружбе, сколько-нибудь продолжительной ~ души друзей с. 301 *уже начали срастаться!»* — Клюев близко по смыслу передает слова М. Метерлинка из его кн. «Сокровища смиренных» (Paris, 1901. P. 236—237) в пер. П. Флоренского, включенные им в свою кн. «Столп и утверждение Истины: Опыт православной Теодицеи в двенадцати письмах» (С. 447—448).

...я в своих стихах и называю злодеем и убийцей. — Имеется в виду ст-ние поэта «Моему другу Анатолию Яру» («Не верю, что читать без слез...») (1933).

Но только облик серафима ~ как май погожий... — Строки из того же ст-ния.

...как благодарный лев за преподобным Герасимом... — *Герасим*, родом из Ликии, фивский подвижник, основал в 450 г. обитель на берегу р. Иордан по образу фивских пустынников. Скончался в 475 г. Еще при жизни был прославлен многими особенными дарами Божьей благодати. Дикие звери не боялись его, и лев служил ему за осла. Память 4 (17) марта.

Ее <...> письмо... — З. Н. Воробьевой. См. п. 192. с. 302

Пантелеймон, св., великомученик и целитель. Служил врачом при императорском дворе в Никомидии. По доносу врачей, завидовавших его славе целителя, обличенный в христианстве, был казнен (303 или 305 г.) при императоре Максимилиане. Память 27 июля (9 авг.)

...докатиться до какого-нибудь «Англетера»... — Намек на самоубийство С. Есенина. См. примеч. с. 598.

...панибратство с цеховым заплечным мастером с Малой Полянки... — Намек на П. Васильева.

с. 303 *Твоя бандероль...* — См. п. 193.

...ждал заветное 16-ое мая... — Имеется в виду дата регистрации брака А. Н. Яр-Кравченко с З. П. Воробьевой.

с. 304 *...кто по воскресении своем ~ «Не прикасайся, Мария!»* — Вольный пересказ эпизода из Евг. от Ин. (XX, 11—17).

Вспомни Гоголя у камина, сжигающего свою душу! — В ночь с 11 на 12 февр. 1852 г. Гоголь «велел своему мальчику раскрыть печную трубу, вынул из шкапа большую кипу писаных тетрадей, положил в печь и зажег их. <...> и когда почти всё сгорело, он долго еще сидел задумавшись, потом заплакал и велел пригласить к себе графа. Когда тот вошел, он показал ему догорающие листы бумаг и с горечью сказал: "Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег всё! Как лукавый силен — вот он к чему меня подвинул! А я было там много дельного уяснил и изложил. Это был венец моей работы..."» (*Тарасенков А.* Последние дни Н. В. Гоголя. СПб., 1857. С. 12—13).

Не объясняй сожжения моего духовного завещания... — См. п. 192, с. 598.

с. 305 *...с изданием моих стихов...* — Речь идет о сб. «О чем шумят седые кедры», который поэт предполагал опубликовать в «Издательстве писателей в Ленинграде», но так как оно вскоре прекратило свое существование, то издание не состоялось.

...как с изданием «Погорельщины» в «Красной газете»... — См. п. 151.

Авербах Леопольд Леонидович (1903—1937 или 1938) — критик и публицист. Генеральный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) до апр. 1932 г., в конце 1920-х — начале 1930-х годов подвергал систематической травле и остракизму многих талантливых поэтов и писателей, что в конце концов привело к репрессиям и их гибели. В период председательствования Н. М. Гронского был введен в Оргкомитет по подготовке Первого съезда Союза советских писателей. С 1933 г. стал ближайшим помощником и соратником Горького. По одним источникам, покончил жизнь самоубийством, по другим — умер в лагере (См. о нем: *Левин Л.* Как всё это было // ВЛ. 1990. № 10. С. 40—76; *Лотовский Я.* О последних днях Леопольда Авербаха, Генерального секретаря РАПП // ВЛ. 2002. № 3—4. С. 299—309).

...прошу прочитать тебе «Крейцерову сонату»... — Повесть Л. Н. Толстого (1887—1889) посвящена теме чувственной любви, борьбе с плотью, моральной распущенности и фальши современного брака.

Пишешь ли Толстого? — Имеется в виду портрет А. Н. Толстого, который был написан в 1940-е гг.

Никольский Виктор Александрович (?—1934) — искусствовед.

195. А. А. Прокофьеву. Лето 1933 г. Москва (с. 305). — ИПП. С. 181.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию.

...и жены Вашей. — Прокофьева (урожд. Пудан) Виктория Петровна (1892?—1979).

...об авансе из «Современника». — Речь идет о журн. «Литературный современник» (1932—1941), членом редколлегии которого был Прокофьев. с. 306

196. А. Н. Яр-Кравченко. Лето 1933 г. Москва (с. 306). — КНН (отр.); КБК. С. 168—169.

Печатается по тексту этой публикации, с уточнениями, предоставленными публикатором.

Датируется по содержанию.

Дорогой мой племянник... — Так иногда Клюев называл Яр-Кравченко.

...задержал прилагаемые стихи... — Перед письмом помещены строки 65—88 ст-ния поэта «Годы» (1933). Первый лист письма с началом ст-ния в семейном архиве Б. Н. Кравченко отсутствовал. История его исчезновения такова. Вместе с письмом ст-ние направлялось в «Издательство писателей в Ленинграде» как добавление к основному корпусу сб. «О чем шумят седые кедры». Новым ст-нием заинтересовался Иванов-Разумник. Яр-Кравченко отдал ему первый лист с началом ст-ния, оставив у себя письмо с концовкой ст-ния. В архиве Иванова-Разумника сохранилась лишь машинопись с началом ст-ния (ИРЛИ).

...все время у меня... занято новым человеком... — Имеется в виду Пулин Лев Иванович (1908—1969) — один из друзей поэта.

Я тронут доверием Зинаиды ко мне... — Речь идет о Воробьевой.

...позвонить Прокофьеву о скорейшей высылке аванса. — См. примеч. выше.

С книгой, конечно, ничего путного не выйдет. — См. примеч. с. 600.

В книгу я желал бы меня, читающего «Погорельщину». — В 1932 г. А. Яр-Кравченко сделал набросок портрета Клюева, читающего седьмую главу поэмы «Погорельщина».

197. Л. Э. Кравченко. 22 мая 1934 г. Томск (с. 307).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...в Колпашев... — г. *Колпашево* (с 1938 г.) расположен на правом берегу р. Обь, в 330 км к северо-западу от Томска — центр Нарымского округа в Новосибирской обл., ныне в Томской обл., который представляет собой огромную равнину, покрытую дремучими лесами, озерами и обширными болотами. С 60-х гг. XIX в. территория Нарымского округа (в просторечьи Нарым, по-хантски — болото) превратилась в известную нарымскую ссылку для политических заключенных. После Февральской революции 1917 г. она была ликвидирована. В советскую эпоху стала местом массовой ссылки заключенных различных категорий (См.: *Сергеева Н. Я., Ефимова Е. М.* Колпашево. Тюменское книжное изд-во, 1987).

Швейцер Дарья Леонтьевна — соседка Клюева по его московской квартире.

Как здоровье Толи? — А. Н. Яр-Кравченко.

198. А. Н. Яр-Кравченко. 5 июня 1934 г. Колпашево (с. 307). — ИПЯ. С. 156—157.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

с. 309 *...с Валентином Михайловичем...* — Имеется в виду *Белогородский* Валентин Михайлович (1882—1968) — врач, с 1925 г. ст. ординатор и преподаватель Ленинградского ин-та усовершенствования врачей (ГИДУВ), зав. хирургическим отделением больницы им. И. И. Мечникова.

...попроси Софию Викторовну... — *Нарбут* София Викторовна (1897—?) — жена В. М. Нарбута.

199. Н. Ф. Христофоровой. 10 июня 1934 г. Колпашево (с. 310). — ЛС (отр.). С. 25; СПК (отр.). 17 окт.; 1985. ЛСК. С. 185—186.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется согласно помете, выполненной синими чернилами, возможно, Христофоровой перед началом текста письма: «Из Нарыма 17/VI-34 г. письмо».

...песни Надежды Андреевны... — Речь идет об Обуховой.

с. 311 *Я из тех, кто имеет уши ~ от зимнего сна.* — См. примеч. с. 511.

Так развертывается жизнь... — См. примеч. с. 454.

...отображает «Русских женщин» декабристов... — Намек на жен и возлюбленных декабристов из поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины» (1871—1872). с. 312

...«во глубину сибирских руд»... — Измененная первая строка ст-ния А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд» (1827).

Да святится имя ее! — Измененный стих из молитвы Господней: «Да святится имя Твое...».

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — советский государственный и партийный деятель. С 1919 г. председатель ВЦИК, с 1922 г. председатель ЦИК СССР, «всесоюзный староста». с. 313

...кланяюсь Анат<олию> Ник<олаевичу>... — Садомову.

200. С. А. Клычкову. 12 июня 1934 г. Колпашево (с. 313). — АК. С. 168—169.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Я сгорел на своей «Погорельщине»... — См. примеч. к п. 148, с. 581. При допросе на Лубянке 18 февр. 1934 г. поэту инкриминировались чтение не только поэмы «Погорельщина», но и цикла «Разруха» (См.: *Шенталинский В.* Гамаюн — птица вещая // Огонек. 1989. № 43. С. 10).

...в Нарым, в поселок Колпашев... — См. примеч. с. 602.

Уржум — г. в Вятской, ныне — Кировской обл.

...Кукарка... — См. примеч. с. 585.

...Кузнецкий мост, 24 с Пешковой... — *Пешкова* (урожд. Волжина; 1876—1965) Екатерина Павловна — жена М. Горького с 1896 по 1904 г. После Февральской революции 1917 г. она возглавила московский комитет «Помощи политическим заключенным» («Помполит») — Политический Красный Крест (ПКК), который помещался на Кузнецком мосту, дом 24. В 1937 г. комитет был закрыт по непосредственному приказу «железного наркома» Н. Ежова (См.: *Леонтьев Я.* Политический Красный Крест в стране серпа и молота // Общая газ. 1996. 24—30 окт.; *Кутина И.* Крест Екатерины Павловны // Московская правда. 1998. 12, 14, 16 мая). с. 314

...у Алексея Максимыча. — Горького.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1938) — советский государственный и партийный деятель. С 1923 г. — нарком просвещения РСФСР, член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован.

Благословляю Егорушку... — Речь идет о *Клычкове* Георгие Сергеевиче (1932—1987), сыне поэта С. Клычкова, клюевском крестнике, лингвисте, докторе филологических наук профессоре.

...кланяюсь куме... — Имеется в виду *Горбачева* (псевд. Арбачева; 1901—1975) Варвара Николаевна — жена поэта С. Клычкова. Автор романа «Чернышевский» (1936).

201. А. Н. Яр-Кравченко. Первая половина июня 1934 г. Колпашево (с. 315). — ПЯ. С. 287.

Печатается по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Датируется по содержанию и в связи с текстом доверенности на имя З. П. Кравченко от 2 июня 1934 г. См. с. 410.

...прошу З. П. — Речь идет о Воробьевой (Кравченко).

Написал поэму — называется «Кремль»... — Это произведение Клюева многие годы считалось утраченным, обнаружилось в архиве А. Н. Яр-Кравченко (Москва).

...Горбатов на р. Оке... — г. в Нижегородской обл.

202. С. А. Толстой-Есениной. 17 июня 1934 г. Колпашево (с. 315). — ИТН (отр.). С. 112; НК (отр.). С. 312; СЕО. С. 60.

Печатается по беловому автографу (ОР ГМТ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

...в Нарыме... — См. примеч. с. 602.

Леонов Леонид Максимович (1895—1994) — прозаик, драматург, публицист, академик.

Шолохов Михаил Александрович (1905—1985) — прозаик, публицист, общественный деятель, академик; *Романов* Пантелеймон Сергеевич (1884—1938) — прозаик; *Смирнов-Сокольский* (наст. фам. Смирнов; 1898—1962) Николай Павлович — артист, библиофил.

...за поэму «Погорельмина» и агитацию ею. — См. примеч. с. 603.

с. 316 *...ГПУ...* — См. примеч. с. 474.

...Оргкомитета писателей... — См. примеч. с. 597.

203. Н. С. Голованову. 18 июня 1934 г. Колпашево (с. 316). — ПКРЛ. С. 229.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Голованов Николай Семенович (1891—1953) — дирижер, пианист, композитор, народный артист СССР. С 1915 г. в Большом театре, в 1948—1953 гг. — главный дирижер. Выступал как аккомпаниатор А. В. Неждановой. Находился в дружеских отношениях с Клюевым. В письме от второй пол. дек. 1929 г. к Неждановой сообщал: «В субботу вечером был у А. И. Анисимова по его приглашению. Был замечательный вечер — у него поэт Клюев Николай Алексеевич читал свои новые стихи; были Коренева, Массалитинова, Р. Ивнев и другие. Я давно не получал такого удовольствия. Этот поэт 55 лет с иконописным русским лицом, окладис-

той бородой, в вышитой северной рубашке и поддёвке — изумительное, по-моему, явление в русской жизни. Он вывел Есенина на простор литературного моря. Сам он питерец, много печатался. Теперь его ничего не печатают, так как он считает трактор наваждением дьявола, от которого березки бегут топиться в речку. Стихи его изумительны по звучности и красоте. <...> Читает он мастерски, что я чуть не заплакал в одном месте. Потом он рассказал мне две сказочки — это совершенно исключительное явление (*Голованов Н. С.* Литературное наследство. Переписка. Воспоминания современников. М., 1982. С. 99).

Выслан я за стихи. — См. примеч. с. 603.

204. Л. Э. Кравченко. 27 июня 1934 г. Колпашево (с. 316). — КБК. С. 177.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Иванов Федор Васильевич — знакомый поэта по Колпашеву.

205. А. Н. Яр-Кравченко. Вторая половина июня 1934 г. Колпашево (с. 317). — КБК. С. 171—172.

Печатается по тексту этой публикации.
Датируется по содержанию и в связи с п. 200.

Я написал, хотя и сквозь кровавые слезы, но звучащую и пламенную поэму. — См. п. 201 и примеч. к нему, с. 604.

...как были напечатаны стихи «О чем шумят седые кедры»... — См. примеч. с. 600. с. 318

...снимок с портрета твоей работы — Зощенко. — Речь идет о портрете М. Зощенко, написанном художником в 1934 г. и воспроизведенном в ленинградском журн. «Резец» (1934. № 4. С. 25).

Глупая болтовня Сонечки Калитиной... — Имеется в виду статья П. Калитина (на самом деле написанная его женой Софьей Калитиной, литератором-публицистом) «Большие горизонты. О худ. Ан. Яр-Кравченко» (Резец. 1934. № 4. С. 25). Анализируя изображения писателей, созданных художником, Калитин, касаясь портрета А. Прокофьева, усматривает в нем «влияние елейного мировоззрения наставника художника Н. А. Клюева, у которого Кравченко не критически взял богатство своеобразной культуры». В заключении статьи Калитин отмечал: «...галерея портретов Яр-Кравченко помимо социальной полезности и живописного интереса представляет собой замечательную картину формирования пролетарской идеологии молодого художника, которую общественность своим голосом должна закрепить за ним. Путь от Клюева, лже-Прокофьева и Пастернака к правильной трактовке психологии писателя, к осторожному исполь-

зованию формальных возможностей в живописи, к мастерским портретам Федина и Зощенко — вот несомненные признаки, которые позволят ждать от талантливого молодого художника выхода на большие горизонты».

206. А. Н. Яр-Кравченко. 4 июля 1934 г. Колпашево (с. 318).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

с. 320 *...Зинаида Павловна...* — Воробьева (Кравченко).

...Софья Андреевна... — Толстая-Есенина.

с. 321 *...и Сергею Алексеевичу...* — Власову.

...к Софье Викторовне... — Нарбут.

...с Коленькой... — Н. И. Архипов.

с. 322 *Кланяйся Васильевскому острову...* — Васильевский о-в в Петербурге, самый большой о-в Невы, между Б. и М. Невой.

...маме, папе... — См. примеч. с. 585.

...Борису — кто у него родился? — У Б. Н. Кравченко от первого брака с Валерией Антоновной Ярощук родился сын Евгений (1934—1967), инженер-строитель.

...Витон (Виктор)... — В. Г. Тиссен.

207. С. А. Клычкову. 12 или 13 июля 1934 г. Колпашево (с. 322). — АК. С. 169—170.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Прилагаю при сем два моих заявления... — В АК сохранилось лишь одно заявление. См. с. 413.

...в кружало 25 — Тверской бульвар... — первоначальный адрес Союза писателей (Дом Герцена).

с. 323 *Кланяюсь Варваре Николаевне...* — Горбачевой.

...благословляю Егорушка... — Г. Клычкова.

...на страницах «Нивы»... — См. примеч. с. 513.

Пришли мне «Мадура» в изд<ании> Академии. — См. примеч. с. 587.

...с Михаилом Ивановичем... — Калининым.

Молоков Василий Сергеевич (1895—1982) — летчик, Герой Советского Союза. В 1934 г. участвовал в спасении экипажа парохода «Челюскин», в 1937 г. — участник воздушной экспедиции на Северный полюс.

Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) — ученый, государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути.

...с матерью Дмитрова... — Досева Михайлова Парашкева (1862—1944) — мать Георги Димитрова, деятеля болгарского и международного коммунистического движения (1882—1949).

Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — деятель русского революционного движения, писательница, почетный председатель Политического Красного Креста (См. примеч. с. 603).

208. А. Н. Яр-Кравченко. 24 июля 1934 г. Колпашево (с. 323).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...в глушь Нарыма... — См. примеч. с. 602. с. 324

Если бы издать поэму. — Имеется в виду «Кремль». См. примеч. с. 604.

Сорокин Григорий Эммануилович (1898—1953) — писатель, заведующий «Издательством писателей в Ленинграде».

...с Валентином Михайловичем... — Белогородским. с. 325

...Зин<аида> Павловна... — Воробьева (Кравченко).

209. Н. С. Голованову. 25 июля 1934 г. Северо-Запад<ная> Сибирь, поселок Колпашево (с. 326). — АК. С. 172.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Я сослан за поэму «Погорельщина»... — См. примеч. с. 603.

...«Повесть об Алконосте нежданном»... — Текст и судьба произведения неизвестны.

Умоляю о посылке Вашу маменьку и сестрицу... — *Голованова* Елизавета Тимофеевна (1864—1947) и *Голованова* Ольга Семеновна (1893—1969). с. 327

210. Н. Ф. Христофоровой. 28 июля 1934 г. Колпашево (с. 327). — ИТН (отр.). С. 112; ЛСК. С. 186—187.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию и в связи с записями на телеграфном бланке: «28/VII-34 г. Ответ на 3 первые посылки». Рукою Клюева: «Все три посылки получил в сохранности».

...оставить Нарыму... — См. примеч. с. 602.

...Над<ежде> Андр<еевне>... — Обуховой.

Крючков Петр Петрович (1889—1939) — секретарь М. Ф. Андреевой, потом — Горького. Контролировал все поступки писателя и его переписку. В процессе по делу Правотроцкистского антисоветского блока Крючков был обвинен вместе с Ягодой и Д. Д. Плетневым в умерщвлении писателя и затем расстрелян.

...поэт Павел Васильев, которого он поучает и отвечает письмами на его, Васильева, письма... — В июне 1934 г. в центральных изданиях появилась статья М. Горького «О литературных забавах», в которой говори-

лось и о Васильеве: «Жалуются, поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин. Но в то время, как одни порицают хулигана, – другие восхищаются его даровитостью, "широкой натурой", его "кондовой мужицкой силищей" и так далее. <...> ...и те, и другие одинаково социально пассивны, и те, и другие, по существу своему, равнодушно "взирают" на порчу литературных нравов, на отравление молодежи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма "короче воробьиного носа"» (ЛГ. 1934. 14 июня. С. 3). Васильев, вероятно, не без совета Гронского, написал Горькому письмо, в котором благодарил за критику и обещал исправиться: «Имея значительные идеологические срывы в своих произведениях, я никогда не являлся и не буду являться врагом советской власти.

Это – независимо от мнений "поклонников" моего таланта и его врагов.

Это – я не раз докажу на деле» (ЛГ. 1934. 12 июля. С. 1). В ответном письме Васильеву Горький писал: «О поведении Вашем говорили так громко, писали мне так часто, что я должен был упомянуть и Вас... Мой долг старого литератора, всецело преданного великому делу пролетариата, – охранять литературу Советов от засорения фокусниками слова, хулиганами, халтурщиками и вообще паразитами. Это – не очень легкая и очень неприятная работа. Особенно неприятна она тем, что как только дружески скажешь о ком-либо неласковое или резкое слово – и тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые ничем не лучше, а часто – хуже» (ЛГ. 1934, 12 июля. С. 1).

с. 328 *...в искусстве Миши?* – М. Д. Егорова.

Начальник здешнего ГПУ прямо замечательный человек и подлинный коммунар. – Имеется в виду Мартон Иштван Иштванович (Степан Степанович) (1897–?) – родом из Венгрии, начальник Нарымского отдела НКВД. Арестован в янв. 1938 г., в связи с прекращением следствия освобожден в июле 1939 г. (См.: Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и в начале 50-х годов. Т. 1–4. Томск, 1992. Т. 2. С. 231).

От Толи... – А. Н. Яр-Кравченко.

Читал о нем статью в журнале... – См. п. 205 и примеч. к нему, с. 605.

У Толи уже жена... – Речь идет о Воробьевой (Кравченко).

с. 329 *...с Над<еждой> Андреев<ной>.* – Обуховой.

211. А. Н. Яр-Кравченко. 2 августа 1934 г. Колпашево (с. 329).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Твое письмо со статьей Сони Калитина... – См. п. 205 и примеч. к нему, с. 605.

...на улицу Красных Зорь... — Так стал называться с 1918 г. Каменноостровский пр. в Петрограде. В 1934 г. этой магистрали присвоено имя Кирова. В 1990-х гг. ей возвращено дореволюционное название.

...написать съезду писателей. — Первый съезд писателей СССР открылся 17 авг. и закончился 1 сент. 1934 г.

...Боря... — Б. Н. Кравченко.

...Нарым... — См. примеч. с. 602.

...мою поэму «Кремль»... — См. примеч. с. 604. с. 330

От Софии Викторовны... — Нарбут.

...от Петергофа... — г. Петергоф в Ленинградской обл., подчинен Санкт-Петербургу, после 1944 г. — Петродворец. Основан Петром I в 1709 г., загородная резиденция русских царей.

...до Васильевского острова. — См. примеч. с. 606.

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — писатель. Гл. тема творчества — настоящее и прошлое Сибири. Автор исторической эпопеи «Емельян Пугачев» (1938—1945). Жил в Детском Селе.

...общежитие ТРАМа... — См. примеч. с. 487.

212. Б. Н. Кравченко. 3 августа 1934 г. Колпашево (с. 331).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко. Москва).

...над карточкой твоего сына... — См. примеч. с. 606.

...адрес Толи. — А. Н. Яр-Кравченко.

...ГПУ... — См. примеч. с. 473.

Прошу Зинаиду Павловну... — Воробьеву (Кравченко).

...к следователю по делу поэта Клюева в московское ОГПУ на Лубянке. — Имеется в виду *Шиваров* Николай Христофорович (1898—1940) — родом из Болгарии. Оперуполномоченный 4-го отдела секретно-политического отдела ОГПУ до дек. 1936 г. Затем — помощник начальника 4-го отдела УГБ НКВД по Свердловской обл. В дек. 1937 г. арестован как «перебежчик-шпион» и приговорен к 5 годам лишения свободы. Умер в Каргопольском лагере по сообщению В. В. Катаняна, в действительности покончил жизнь самоубийством, отравившись снотворным (См.: *Нерлер П.* «С гурьбой и гуртом...» Хроника последнего года жизни О. Э. Мандельштама // Записки Мандельштамовского общества. М., 1994. Т. 5. С. 79).

...Миша... — М. А. Соколовский.

...под 60° морозом и пургой Нарыма. — См. примеч. с. 602.

ТРАМ... — См. примеч. с. 487.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952) — писательница, переводчик, мемуарист. «Он у меня бывал в Ленинграде, — рассказывала она о Клюеве. — Играл под "калику перехожего". Прощаясь, говорил: "Спасибо тебе, родненькая, что приветила меня, странника убогого". Но

пальца в рот ему не клади. Умен, хитер. Молчит, молчит, смиренный инок, а потом, как рублем подарит. Только руками всплеснешь: откуда у этого олонецкого мужика кладезь учености?» (*Любимов Н.* Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 357).

Бриан (наст. фам. Шмаргонер; 1886–1965) Мария Исааковна – певица (лирическое сопрано), педагог. В 1918–1938 гг. солистка Ленинградского театра оперы и балета. В 1920–1950 гг. профессор Ленинградской консерватории.

с. 332 *...исключили ли меня из Союза...* – 9 янв. 1932 г. на заседании Бюро секции поэтов Правления Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей Клюев был выведен из ее состава (См.: ПК. С. 297–299). При переезде в Москву поэт, вероятно, был или восстановлен в членстве, или принят вновь. У Клюева, по словам Б. Кравченко, был членский билет Союза писателей и даже корреспондентский билет газ. «Известия» (См.: *Кравченко Б.* Через мою жизнь. С. 124).

...стихов моих под названием «О чем шумят седые кедры»? – См. примеч. с. 600.

Постарайся увидеть дорогого Самсона... – Имеется в виду Н. И. Архипов.

213. Б. Н. Кравченко. 4 августа 1934 г. Колпашево (с. 332).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Какой прелестный твой Евгений... – См. примеч. с. 606.

Рад за Толечку... – А. Н. Яр-Кравченко.

с. 333 *...хоть и на Вятке...* – См. примеч. с. 585.

Прошу Зинаиду Павловну... – Воробьеву (Кравченко).

...общежитие ТРАМа... – См. примеч. с. 487.

...или с женой... – Е. П. Медведевой.

На Морской... – Речь идет о ленинградской комнате: быв. Б. Морская, дом 45, кв. 8.

Низко кланяюсь жене... – *Кравченко* (урожд. Ярощук, во втором браке Щеглова) Валерия Антоновна (1916–1994).

...кланяюсь Севастополю. – Родители братьев Кравченко переехали жить в этот город.

214. С. А. Клычкову. 4 августа 1934 г. Колпашево (с. 333). – АК. С. 170.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Заявления посланы... – См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606.

Кланяюсь В<арваре> Н<иколаевне>... – Горбачевой.

...крестнику. — Г. Клычкову.

215. П. Н. Васильеву. 9 августа 1934 г. Колпашево (с. 334). — АК. С. 174.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

216. С. А. Клычкову. 18 августа 1334 г. Колпашево (с. 334). — АК. С. 174.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...устроишь эти заявления... — См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606.
Кланяюсь Вава́ре Ник<олаевне>... — Горбачевой.
...Георгию... — Г. Клычкову.

217. В. Я. Шишкову. Лето 1934 г. Колпашево (с. 335). — КБК. С. 178.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.
В письме Клюев ошибочно назвал Шишкова Вячеславом Вячеславовичем.

...за чтение своей поэмы «Погорельщина» и за отдельные строки моих черновиков... — См. примеч. с. 603.
...сослан в Нарымский край... — См. примеч. с. 602.

218. В. Н. Горбачевой. 6 сентября 1934 г. Колпашево (с. 335). — АК. С. 174—175.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...изложить ей мою судьбу... — Речь идет о А. В. Неждановой.
Заявление о помиловании... — См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606. с. 336
...Сереже... — С. А. Клычкову.
Тренев Константин Андреевич (1876—1945) — писатель, драматург.
...и Толе... — А. Н. Яр-Кравченко.
...и Рюрик... — Имеется в виду Рюрик Ивнев.
Благословляю крестника.. — Г. Клычкова.

219. С. А. Клычкову. 21 сентября 1934 г. Колпашево (с. 336). — АК. С. 176.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Давно послал заявления... — См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606.
Кланяюсь Варваре Никол<аевне>... — Горбачевой.
...Георгию. — Г. Клычкову.

22 сентября. – Дата неточна. На открытке почтовый штемпель: «21.9.34».

220. А. Н. Яр-Кравченко. 25 сентября 1934 г. Колпашево (с. 337).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...моей поэмы... – Речь идет о поэме «Кремль». См. п. 201 и примеч. к нему, с. 604.

От Софии Викторовны... – Нарбут.

...до Нарыма... – См. примеч. с. 602.

От доктора В. М. Б. ... – Имеется в виду В. М. Белогородский.

...«Знамение»... – См. примеч. с. 573.

Ермак Тимофеевич (?–1585) – казачий атаман. Походом около 1581 г. начал освоение Сибири. Русским гос-вом. Погиб в бою.

с. 338 *От Льва Ивановига...* – Имеется в виду Пулин.

Кланяюсь Зинаиде Павловне... – Воробьевой (Кравченко).

221. Н. Ф. Христофоровой. 5 октября 1934 г. Колпашево (с. 338). – СПК (отр.). 17 окт.; АК (отр). С. 176; ЛСК. С. 187–188.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

с. 339 *Н<адежда> А<ндреевна>...* – Обухова.

...Толя... – А. Н. Яр-Кравченко.

...писал Ник<олаю> Семен<овигу>... – Голованову.

Чулкова Надежда Григорьевна (1874–1936) – переводчица, жена писателя Г. И. Чулкова.

Станиславский (наст. фам. Алексеев; 1863–1938) Константин Сергеевич – режиссер, актер, педагог, теоретик театра, почетный академик. Крупнейший реформатор русского театра.

Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) – советский государственный и партийный деятель, жена. В. И. Ленина.

Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, создатель учения о высшей нервной системе, академик.

222. В. Н. Горбачевой. 12 октября 1934 г. Томск (с. 340). – АК. С. 176.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Помогите, гем можете. – На обороте данного письма рукой В. Н. Горбачевой написано: «Пенсию хлопочем вещи сарай желаете высылайте новую доверенность Антонычу аннулируя старые Варвара». Вероятно, этот текст телеграммы, отправленной Горбачевой в Томск сразу же по получении клюевского письма.

12 сентября. — Дата ошибочная. Из Колпашева в Томск поэт был переведен 14 окт. См. п. 223.

223. Н. Ф. Христофоровой. 24 октября 1934 г. Томск (с. 340). — СПК (отр.). 24 окт.; АК (отр.). 24 окт.; НК (отр.). С. 314; ПНЗ. С. 125—126.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в город Томск... — 1 (14) окт.

Моя родительница упреждает пути мои. — П. Д. Клюева. с. 341

...с Волыни... — Волынская обл. на северо-западе Украины.

...от Нарыма... — См. п. 197 и примеч. к нему, с. 602.

Как Наумовы? — Имеется в виду семья артиста Вячеслава Дмитриевича Наумова (1893—?).

Кланяюсь Мише. — М. В. Егорову. с. 342

От Н<адежды> А<ндреевны>... — Обуховой.

Собинов Леонид Витальевич. Род. в 1872 г., певец (лирический тенор), народный артист Республики. В 1897—1933 гг. в Большом театре. Крупнейший представитель русской вокальной школы. Скончался 14 окт. 1934 г.

224. В. Н. Горбачевой. 1 ноября 1934 г. Томск (с. 342). — АК. С. 177.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

225. Б. Н. Кравченко. 7 ноября 1934 г. Томск (с. 342).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Ставлю Зинаиду Павловну в известность... — Воробьеву (Кравченко).

...умоляю Толечку... — А. Н. Яр-Кравченко. с. 343

...из Колпашева... — См. примеч. с. 602.

226. В. Н. Горбачевой. 26 ноября 1934 г. Томск (с. 343). — АК. С. 177—179.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...передано ли во ВЦИК мое заявление? — См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606.

...дама, к которой я просил Вас позвонить... — Речь идет о А. В. Неждановой. См. п. 202 и 218.

...складень красный, обложенный медной оковкой, Неопалимой Купины. с. 344 *Этот складень принадлежал Андрею Денисову...* — «Складень оказался ка-

занской подделкой. Шкловский купил и с досадой его вернул» (помета В. Н. Горбачевой) (Цит. по: АК. С. 179).

«Поморские ответы» — См. примеч. с. 576.

...в память Палеостровского самосожжения... — См. примеч. с. 449.

...сгоревшего на своей «Погорельщине»... — См. п. 148 и 200 и примеч. к ним.

...на езере Онего... — См. примеч. с. 449.

...повесть о Руфи... — Речь вдет о ветхозаветной книге Руфь, в которой содержится описание благочестивой моавитянки Руфи и ее семейства.

...статуэтка Геракла... — *Геракл* (*Геркулес*), герой греческой мифологии, наделенный необычайной силой, совершил множество подвигов.

...времени царя Андрияна. — Точнее: *Адриан* (76—138) — римский император.

...из Микенских раскопок... — Речь идет о древнегреческом г. Микены. Раскопками с 1876 г. обнаружены дворец, усыпальницы, циклопические стены, дома ремесленников и др.

...можно предложить музею Изящных искусств. — Имеется в виду Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, собрание памятников древневосточного, древнеегипетского, античного и западноевропейского искусства.

с. 345 *Пришвин* Михаил Михайлович (1873—1954) — писатель. Его философско-лирическая проза связана преимущественно с темами природы, истории, народного быта и фольклора.

...Сережа? — С. А. Клычков.

Близок ли он к Павлу и Рюрику? — Имеются в виду Васильев и Ивнев.

Григорий Богослов (ок. 326—328—389), св., архиепископ Константинополя, богослов. Память 25 янв. (7 февр.).

с. 346 *От Толи...* — А. Н. Яр-Кравченко.

227. И. Э. Грабарю. 7 декабря 1934 г. Томск (с. 346). — АК. С. 180.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

228. В. Н. Горбачевой. Начало — первая половина декабря 1934 г. Томск (с. 346). — АК. С. 179—180.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

с. 347 *...Толечка...* — А. Н. Яр-Кравченко.

Подают картошку, очень редко хлеб. — В. В. Ильина в «Воспоминаниях о Николае Алексеевиче Клюеве» отмечала: «Я увидела совершенно седого старца с довольно седой же бородой, в рубахе на выпуск, с поясом и в брюках, заправленных в валенки. <...> На базаре, как он рассказывал, его принимали за духовное лицо, и женщины клали в его необъятные карманы яйца, пирожки и пр.» (ИРЛИ).

229. Н. Ф. Христофоровой. 1 января 1935 г. Томск (с. 347). – ПНЗ. С. 130–131.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

К неземной стране ~ Что-то всё вперед! – Ст-ние руководителя (1908–1928) Всероссийского союза евангельских христиан И. С. Проханова «Песнь борца» из сб. «Гусли. Избранные стихотворения некоторых русских писателей» (1902).

...ибо Он пришел ~ к гнойным прокаженным. – Имеются в виду эпизоды из Евг. – О Закхее (Лк. XIX, 1–10); о блуднице (Лк. VII, 36–50); о бесноватом (Мф. XVII, 14–18; Мк. V, 1–15; Лк. IX, 38–42); о прокаженных (Лк. V, 12–13). с. 348

...«Христос есть мир... наш» – (Ефес. II, 14). У Клюева описка – стих 15. с. 349

...«Хотя я ничего и не знаю за собою, но тем не оправдываюсь: судия же мне Господь». – 1 Кор. IV, 4.

...«Вот человек, которого я ищу! Я пришел взыскать и спасти погибшее!» – Перифраз евангельского стиха: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшего» (Мф. XVIII, 11).

«Возвеселится пустыня ~ как нарцисс». – У Клюева описка. – Исх. LXII, 1. Следует – Ис. XXXV, 1.

О Ты, дыханье вечности, ~ Не тщетно ждал тебя душой! – Источник цитаты не установлен.

230. Л. Э. Кравченко. 20 января 1935 г. Томск (с. 349).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...желаю Вам благополучия на новом месте. – См. п. 213 и примеч. к нему, с. 610. с. 350

От Толи... – А. Н. Яр-Кравченко.

Его любовница... – Имеется в виду Воробьева (Кравченко). Родители Яр-Кравченко неодобрительно отнеслись к его женитьбе: «Когда мама и отец пришли к его родителям и объявили о том, что они супруги, то Лидия Эдуардовна (мать отца) чуть не упала в обморок, так как Зина – моя мама была на 9 лет старше отца» (Из письма С. А. Кравченко к составителю этой книги). Брак вскоре распался, но доброжелательные отношения между бывшими супругами сохранились на всю жизнь.

231. В. Н. Горбачевой. 21 или 22 января 1935 г. Томск (с. 351). – АК. С. 180.

Печатается по тексту этой публикации.

Датируется условно, год написания устанавливается в соответствии с почтовым штемпелем на конверте письма «21.1.35».

Как моя доверенность? — 20 янв. 1935 г. В. Н. Горбачевой было разрешено взять имущество поэта из-под ареста. См. «Опись имущества и вещей Клюева...», с. 414.

Как мое заявление... — См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606.

232. Н. Ф. Христофоровой. 22 февраля 1935 г. Томск (с. 351). — СПК (отр.). 19 окт.; АК (отр.). С. 100—181, 187—188, 193; ПНЗ. С. 131—132.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте от письма.

Второй эпиграф — перифраз стихов из гл. III, 22—23: «...ибо милосердие Его не истощилось; Оно обновляется каждое утро...». У Клюева ошибочно указано: 23—26.

Третий эпиграф — из книги Песни Песней (II, 4).

Елиазар — слуга Авраама ~ я напою». — Пересказанный эпизод из кн. Бытие (XXIV, 15—19).

Это была Ревекка — мать всех плачущих матерей. — Неточно. Ревекка после двадцатилетнего супружества с Исааком стала матерью Исава и Иакова и в то же время получила Божественное откровение относительно будущего своих детей, которое сложилось благоприятно (Быт. XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XIX, 31). Иная судьба постигла вторую жену Иакова Рахиль, родившую Иосифа и умершую от родов сына Вениамина. Пр. Иеремия, изображая бедствия и пленение иудеев, представляет Рахиль как праматерь израильтян, осиротевшую и безутешно плачущую о сынах своих, ибо их не стало (Иер. XXXI, 15).

с. 353 *Я познакомился с одной очень редкой семьей — ученого-геолога.* — Имеется в виду семья Ильина Ростислава Сергеевича (1891—1937) — ссыльный почвовед и геолог, исследователь Сибири. Репрессирован. Жена ученого вспоминала: «Клюев часто бывал у нас, и мы всегда были ему рады. Он умел открывать людям тот прекрасный мир, который видел вокруг себя. <...> Как-то сказал, глядя на валенки Ростислава Сергеевича с розовыми разводами, стоящими на печке: “Для Вас это валенки сушатся на печке, а для меня это целая поэма”. При нем все окружающие становились ближе, уютнее, милее. <...> Говорить своим образным языком о том, что ему дорого, Клюев мог в соответствующей обстановке и далеко не со всеми» (ИРЛИ). В переработанном виде воспоминания В. В. Ильиной вошли в кн.: *Ильина В., Заплавный С.* Неистовый Ростислав. Повесть о любви. Томск, 1996. С. 146—160. См. о нем: *Ильин И. Р.* Сквозь тернии. Кишинев, 1990.

Я написал Вам свои мысли об очищенном сердце... — См. п. 237.

...душистое письмо к Н<адежде> А<ндреевне>... — Обуховой.

Доверенность на мое имущество я послал Сергею Клычкову... — См. п. 231 и примеч. к нему, с. 616.

Толечка женился на особе за 30-ть лет. — См. п. 194 и примеч. к нему, с. 600.

...его жена... — В. Н. Горбачева.

«Цыганский барон» — Оперетта И. Штрауса (1885).

«Марица» — Оперетта И. Кальмана (1924).

Поет Дарский, Лидарская... — *Дарский* Евсей Павлович (1904—1949) — синтетический артист, исполнитель сценок, романсов, частушек. В 1930-е гг. — конферансье. *Лидарская* — вероятно, ошибка памяти. По всей видимости, речь идет о *Дарской* Марии Ивановне (1897—1942?) — певице, талантливой частушечнице. До 1925 г. жила в Харбине. С 1925 г. выступала в дуэте с В. А. Глебовой (1887—1966). Позже переключилась на исполнение русской народной песни этнографического характера. В 1940 г. была репрессирована как «японская шпионка». Погибла в лагере.

Наумова-Широких Вера Николаевна (1877—1955) — директор Научной библиотеки Томского гос. ун-та, дочь известного сибирского писателя-народника Николая Ивановича Наумова (1838—1901), подруга Н. К. Крупской.

233. В. Н. Горбачевой. Не позднее 2 марта (?) 1935 г. Томск (с. 354). — АК. С. 182.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...моя мать. — П. Д. Клюева.

«Поморские ответы» — См. примеч. с. 576.

234. А. А. Рудаковой. 2 марта 1935 г. Томск (с. 355).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Рудакова Ада (Агния) Алексеевна (1893—1963?) — жена врача-отоларинголога Валериана Анисимовича *Рудакова* (1886—1937). Она была радушной и гостеприимной хозяйкой, в ее квартире (угол канала Грибоедова и Театральной пл., дом 9, кв. 8) бывали Клюев, Есенин, театральный мир Петербурга-Ленинграда (См.: *Кравченко Б.* Через мою жизнь. С. 124).

Я написал две больших поэмы... — В Колпашеве Клюев написал поэму «Кремль» (см. п. 201 и примеч. к нему, с. 604), а также «была начата поэма — "Нарым"» (*Менский Р.* Н. А. Клюев // Новый журнал. 1953. № 32. С. 154), которая, возможно, была закончена уже в Томске.

Кланяйтесь... Печковскому. В моей поэме ~ прекрасным Германом! — *Печковский* Николай Константинович (1896—1966) — певец, обладатель богатого, подлинно драматического тенора. Диапазон творческих возможностей артиста был чрезвычайно широк. Но особенно высоко ценили современники в его исполнении партию Германа из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» (1890). «Образ Германа, созданный Н. К. Печковским, — отмечал С. Я. Лемешев, — ...явление историческое. Можно смело сказать, что это самое высшее достижение замечательного певца-актера. Печковский в этой роли добился абсолютного, как мне кажется, слияния вокального и драматического начал с идеей образа» (*Лемешев С. Я.* Путь к искусству. М., 1968. С. 115). См. о нем: *Печковский Н. К.* Воспоминания оперного певца. СПб., 1992.

235. Л. Э. Кравченко. 14 марта 1935 г. Томск (с. 356).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...Зизи... — З. П. Воробьева (Кравченко).

...Толя... — А. Н. Яр-Кравченко.

Сибирцев Геннадий Евгеньевич (1875—1952) — врач, общественный деятель Томска, заслуженный врач РСФСР, основатель городской инфекционной больницы, ныне носящей его имя. На ее территории установлен памятник этому знаменитому томскому целителю (сообщено В. В. Столяровой).

...на имя Валерии Антоновны... — Кравченко (Ярощук).

...Борис... — Б. Н. Кравченко.

с. 357 *Н. П.* — Никифор Павлович Кравченко.

Кланяюсь Володе и его жене. — В. Н. Кравченко и Клавдие Александровне.

236. В. Н. Горбачевой. 28 марта 1935 г. Томск (с. 357). — АК. С. 184.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Свиде<те>льство получил. — Речь идет об «инвалидном свидетельстве». См. с. 404.

Приветствую Сережу. — С. А. Клычкова.

Благословляю Георгия. — Г. Клычкова.

237. В. Н. Горбачевой. 1 апреля 1935 г. Томск (с. 357). — АК. С. 182—183.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

с. 358 *...работы моей матери.* — П. Д. Клюевой.

...из Оргкомитета. — См. примеч. с. 597.

...у Сережи? — С. А. Клычкова.

...предложить Кустарному или Этнографическому музею. — *Кустарный музей* бывшего Московского губернского земства. Основан в 1885 г. Главная задача его — организация и сбыт кустарных изделий. Сейчас — Музей народного искусства (Леонтьевский пер., 7). *Этнографический отдел* (Дашковский Этнографический музей) при Румянцевском музее (См.: Москва. Путеводитель. М., 1915. С. 520, 548).

...благословляю Егорушку... — Г. Клычкова. с. 359

Ценное письмо получил. — См. п. 236 и примеч. к нему, с. 618.

238. В. Н. Горбачевой. Первая декада апреля 1935 г. Томск (с. 359). — АК. С. 184—185.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...моей матери. — П. Д. Клюевой.

...мое заявление в ЦИК? — См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606.

Оборин Лев Николаевич (1907—1974) — пианист. Крупный представитель советской пианистической школы. В составе советской музыкальной делегации музыкант полтора месяца находился на гастролях в Турции. «Льву Оборину и Давиду Ойстраху премьер-министр в разговоре с ними высказал восхищение их игрой» (*Арканов Б. С.* Триумфальная поездка // Известия. 1935. 22 мая).

Кланяюсь земным поклоном Сереже... — С. А. Клычкову.

...благословляю Вашего первенца. — Г. Клычкова.

239. Н. Ф. Христофоровой. 21 апреля 1935 г. Томск (с. 360). — СПК. 1985. 22 окт.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

Эпиграф — неточно приведенный стих из поэмы Гомера «Одиссея» (пер. В. А. Жуковского. М., 1931. С. 27): «встала из мрака златая с перстами пу̀рпурными Эос».

Эос — в греческой мифологии богиня утренней зари.

С Праздником! — Поэт поздравлял Надежду Федоровну с предстоящей Пасхой, которая в 1935 г. приходилась на 15 (28) апр.

Жизнь проходит ~ к нежной ладони твоих рук! — Цитата с пропусками из вступления к кн.: *Роллан Р.* Жан Кристоф. Т. Х. Грядущий день / Пер. А. Н. Горлина. Пб., 1922. С. 11—12.

Смертию смерть поправ! — См. примеч. с. 503.

240. Н. Ф. Христофоровой. 1934 г. — 30 апреля 1935 г. Томск (с. 361). — ОПИК. С. 148—151.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

Другой год установлен в связи с фразой из п. 232: «Я написал Вам свои мысли об очищенном сердце...».

с. 362 ...*«Всякую ветвь, приносящую плод, Он очищает»*. — Перифраз того же стиха: «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; а всякую, приносящую плод, очищает, чтоб более принесла плода».

...*«для почетного употребления»*. — Перифраз стиха из 2 Тим. (II, 20): «...и одни в почетном, а другие в низком употреблении».

с. 363 ...*истребить всех хананеев...* — *Хананеи* или *ханаане*, по Ветхому Завету, первоначальные жители земли Ханаанской, поселившиеся здесь прежде израильтян, сыны и потомки Ханаана, сына Хама.

Измаил — сын Авраама от Агари.

Саддукеи — Древнеиудейская религиозно-политическая секта, существовавшая с сер. II в. до н. э. Свое название С. производили от имени Садоха, родоначальника династии первосвященников храма в Иерусалиме. С. почитали священным текст Пятикнижия, отрицали бессмертие души, воздаяние после смерти, воскресение и будущее царство мессии.

«Славлю тебя, Отче, ~ и открыл то младенцам». — Сокращенный стих из Евг. от Мф. (XI, 25), Лк. (X, 21).

с. 364 *По вере вашей — будет вам*. — Стих из Евг. от Мф. (IX, 29).

«Оставьте мертвым хоронить своих мертвецов». — Перифраз стиха из Евг. от Мф. (VIII, 22), Лк. (IX, 60): «...предоставь мертвым погребать своих мертвецов».

с. 365 ...*«Вы научились отложить раз навсегда...»*... — Перифраз стиха из Еф. (IV, 22): «Отложить прежний образ ветхого человека...».

...*«Свергнем с себя всякую злобу»*. — Перифраз стиха из Евр. (XII, 1): «...свергнем с себя всякое бремя...».

...*Христос вселяется в сердце чистое*. — Перифраз стиха из Еф. (III, 17): «Верою вселиться Христу в сердца Ваши...».

...*Царя славы*. — См. примеч. с. 489.

241. Л. Э. Кравченко. 9 мая 1935 г. Томск (с. 367).

Печатается по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

Год установлен в связи с фразой из п. 235: «Доктор Сибирцев — в Томске очень популярный...».

242. В. Н. Горбачевой. 9 мая 1935 г. Томск (с. 368). — АК. С. 185.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

243. Л. Э. Кравченко. 13 мая 1935 г. Томск (с. 368).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архивы А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...о приезде Бори... — Б. Н. Кравченко.
...Толечка... — А. Н. Яр-Кравченко.
Судак — г. в Крыму, на берегу Черного моря. с. 369
Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонский, завоеватель. Сын царя Филиппа II, воспитанник Аристотеля. Создал крупнейшую в мире монархию древности.
...в студию ТРАМа... — См. примеч. с. 487.

244. В. Н. Горбачевой. 25 июля 1935 г. Томск (с. 369). — АК. С. 186.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Часто вспоминаю свои «заявления»... — См. п. 207 и примеч. к нему, с. 606.

Мстиславский (наст. фам. Масловский; 1876—1943) Сергей Дмитриевич — прозаик, публицист. В 1912—1914 гг. вместе с Ивановым-Разумником участвовал в редактировании журн. «Заветы». В 1916 г. совместно с Ивановым-Разумником и А. Белым создал общественно-литературную группу «Скифы», тяготевшую к левому крылу партии эсеров. В 1917 г. член редколлегии эсеровских газ. «Дело народа», «Земля и воля» и журн. «Наш путь». В конце 1920-х гг. отошел от активной политической деятельности и посвятил себя литературе. С 1931 г. редактор изд-ва «Федерация».

...сделано ли что-либо по охране моих многолетних рукописей. — Вероятно, были предприняты определенные шаги по сохранению клюевского наследия, так как на рукописях, которые составили личный фонд поэта в ИМЛИ, стоят инвентарные номера Литературного музея Всероссийского союза писателей, принявшего в 1930-г гг. клюевские рукописи в свои фонды.

Пронзает мое сердце судьба моей поэмы «Песнь о великой матери». — См. п. 193 и примеч. к нему, с. 598. Впервые поэма в сохранившемся виде напечатана в журн. «Знамя» (1991. № 11. С. 4—43; публ. В. Шенталинского).

Как гостил Жан-<Крис>тоф? — Именем главного героя десятитомного романа-эпопеи Р. Роллана «Жан-Кристоф» (1902—1912) называет Клюев создателя этого произведения. 22 июня 1935 г. Р. Роллан вместе с женой приехал в Москву по приглашению М. Горького и оставался здесь в течение месяца. Результатом своей поездки писатель был в целом доволен, что и нашло отражение в его искреннем, содержащем, впрочем, весомый заряд скепсиса и критицизма «Московском дневнике», остававшемся под спудом пятьдесят лет (ВЛ. 1989. № 3—5).

Увидел ли он святого <Христофора> на русских реках? — Клюев намекает на важнейший эпизод из жизни св. Христофора, которому, по средневековой легенде, довелось переносить на плечах через бурную реку Младенца Христа. В эпилоге т. 10 «Жана-Кристофа» (Пг., 1922 / Пер. А. Н. Горлина. С. 221) Роллан обыгрывает этот эпизод. Христофор переносит через реку младенца, имя которому — Грядущий день.

Благословляю крестника. — Г. Клычкова.

245. В. Н. Горбачевой. 25 октября 1935 г. Томск (с. 370). — АК. С. 187.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

с. 371 *Какое здесь прекрасное кладбище...* — Имеется в виду старейшее в городе *Вознесенское* кладбище с церковью во имя Вознесения Господня (1810 г.). В 1940—1950 гг. оно было варварски уничтожено и на его месте построены цеха завода «Томкабель» — ныне производственное объединение «Сибкабель», ул. Пушкина, 46 (сообщено А. Л. Афанасьевым).

Мой знакомый геолог... — Имеется в виду Р. С. Ильин.

Жалко сердечно Павла Васильева... — Речь идет о случае, описанном И. М. Гронским: «На вечеринке, куда пригласили Васильева, один известный в то время поэт оскорбительно отозвался о знакомой Павлу Васильеву женщине, за что вполне справедливо поплатился пощечиной. Недруги Васильева воспользовались этим и раздули скандал. Было заведено дело об избиении (!) Павлом ни в чем неповинного человека. И в результате этой чудовищной провокации Васильев был приговорен к заключению на полтора года» (*Гронский И. М.* Из прошлого... Воспоминания. М., 1991. С. 285). Благодаря содействию В. М. Молотова Васильев был переведен в Москву и вскоре освобожден из-под стражи.

...виноват он передо мною черной виной. — Клюев имеет в виду не только творческий вечер П. Васильева, состоявшийся в «Новом мире» 3 апр. 1933 г., на котором в своем покаянно-заключительном слове поэт обвинил Клюева в контрреволюционности: «Внутри нашей страны классовая борьба приняла обостренный характер. Не выступать в такой момент за революцию — значит идти против нее. Тогда надо идти в подвал к Клюеву, к его лампадкам и обрастать там вместе с ним мхом. Я в подвал к Клюеву не пойду, я пойду с революцией» ([*Б. п.*] Творческий вечер П. Васильева в «Новом мире» // ЛГ. 1933. 5 апр. С. 4). Но главным образом свои потаенные произведения (они ставились Клюеву в вину при аресте и вынесении приговора), взятые без его спроса Васильевым, который познакомил с ними Гронского, а тот проинформировал об этом наркома внутр. дел СССР Г. Г. Ягоду (1891—1938), после чего и последовал арест поэта.

...в Гостях у Журавлей. — Намек на последний поэтический сб. С. Клычкова «В гостях у журавлей» (1930).

<Копию> инвалидного свид<етельства> вышлю. — См. с. 404.

...Свете Тихий... — См. примеч. с. 448.

Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938) — поэт. Клюев высоко ценил поэзию М. и находился с ним в дружеских отношениях. В мае 1934 г. за ст-ние «Мы живем, под собою не чуя страны...», направленном против Сталина, арестован и сослан на три года сначала в Чердынь, потом переведен в Воронеж.

246. В. Н. Горбачевой. 25 ноября 1935 г. Томск (с. 371). — АК. С. 188—189.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Слышал я, что Павел Васильев уехал из Москвы. — См. п. 245 и примеч. к нему, с. 622. с. 372

Кланяюсь Сереже... — С. А. Клычкову.

...благословляю Егорушку. — Г. Клычкова.

247. Н. Ф. Христофоровой. Конец 1935 г. Томск (с. 372). — АК (сокр.). С. 185; ПНЗ. С. 133.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Датируется по содержанию.

...Н<адежды> А<ндреевны> от сцены... — Обуховой.

Кончаловский Петр Петрович (1876—1956) — живописец. Действительный член АХ СССР.

...это похуже судьбы Шевченка... — *Шевченко* Тарас Григорьевич (1814—1861) — украинский поэт, живописец. За участие в тайном политическим Кирилло-Мефодиевском об-ве (1845—1847), ставившего себе целью освобождение Украины, устранение крепостного права и создание Всеславянской федеративной республики, он был арестован 5 (17) апр. 1847 г., отправлен в Петербург, а затем сослан в солдаты в Оренбургские степи. Освобожден по амнистии лишь в 1857 г.

Полежаев Александр Иванович (1804—1838) — поэт. За поэму «Сашка» (1825—1826) Николай I приказал отдать его в солдаты. Дальнейшая жизнь поэта прошла в условиях тяжелой солдатчины.

...о Пушкине, которого Николай I сослал... и куда же? — в родное Михайловское... — В июле 1824 г. из-за конфликта с новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронцовым, а также из-за атеистических воззрений, ставших известными полиции, поэт был уволен со службы и отправлен в ссылку в псковское имение родителей — Михайловское — под надзор гражданских и духовных властей.

Пикассо (собств. Руис Пабло; 1881—1973) Пабло — французский живописец, график, скульптор, керамист испанского происхождения. Основоположник кубизма.

Матисс Анри (1869—1954) — французский живописец, график, мастер декоративного искусства.

248. В. Н. Горбачевой. 23 февраля 1936 г. Томск (с. 373). — АК. С. 189—191.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...маменька... — П. Д. Клюева.

...Сереженька... — Имеется в виду С. Есенин.

...Александр... — возможно, Ширяевец.

Сиам — см. примеч. с. 484.

с. 374 *Не могу надивиться, что складень ~ в 19-м веке!* — См. п. 226 и примеч. к нему, с. 613.

...знаменитой Даниловской обители иже на реце Выге... — См. примеч. с. 456.

...«Поморские ответы». — См. примеч. с. 576.

Письмо называется иконопоморское. — См. примеч. с. 435.

...об Анатолии... — А. Н. Яр-Кравченко.

«Правду говорят ~ так и слез моих не высушишь!»... — Из кн.: *Мельников П. И.* (псевд. *Андрей Печерский*). В лесах // Мельников П. И. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 3. С. 495, 497. Диалог Чапурина с Колышевым, с незначительными изменениями, внесенными Клюевым.

Поневоле вспомнишь Патапа Максимыча Чапурина и Алешку Лохматого. — Персонажи из этого же романа П. И. Мельникова.

с. 375 *Прощеное Воскресенье* — у православных: последнее воскресенье перед Великим постом.

Бирма — одно из древних гос-в в Юго-Восточной Азии.

Ростов — один из старинных и красивых городов России, известен с 862 г., находится в Ярославской обл. на берегу оз. Неро.

Владимир I (?—1015) — князь новгородский и киевский. В 988—989 гг. ввел на Руси христианство. В русских былинах назван Красное Солнышко. Во святом крещении Василий. Память 15 (28) июля.

Так развертывается моя жизнь... — См. примеч. с. 454.

...в Березов... — *Березово* (до 1928 г. — Березов) — пос. гор. типа в Ханты-Мансийском округе. В XVII — нач. XX вв. место ссылки.

с. 376 *...в Нарыме...* — См. примеч. с. 602.

Что делает Журавиный Гость? — Намек на С. Клычкова.

Каков Егорушко? — Г. Клычков.

Простираюсь сердцем на Нащокинский... — Московский адрес Клычковых: Нащокинский пер., 3/5.

249. Н. Ф. Христофоровой. Начало марта 1936 г. Томск (с. 376). — АК. С. 193.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется предположительно в связи с фразой из п. 251: «Я писал Вам в начале марта. Письмо с вложением карточки Федора Куз<ь>мича Томского».

Письмо написано на открытке с изображением старца Федора Кузьмича и подписано: «Федор Козьмич умер в Томске 20 января 1864 г.».

Федор Кузьмич — загадочная личность, жившая в Сибири в 1837—1864 гг. Его происхождение не выяснено. Своего имени он никому не открыл. Таинственность, окружавшая К., создала легенду, что он был не кто иной, как император Александр I, не умерший в Таганроге в 1825 г., как официально было заявлено, а добровольно отрекшийся от мира (См.: Сказание о жизни и подвигах Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 по 1864 год. СПб., 1891; Сибирский старец Федор Кузьмич. 1837—1864. Из записок епископа Петра // Русская старина. 1891. Т. XXII (окт.); 1832. Т. XXIII (янв.), XXIV (май); *Никольский В. К.* Таинственный старец в Сибири // Волжский вестник. Лит. сб. Казань, 1898). Томичи дорожили памятью легендарного старца. В 1927 г. в городском театре была поставлена пьеса Д. Чижевского в 5-ти действиях, 8-ми картинах «Александр I — Федор Кузьмич» (См.: Томский зритель. 1927. № 7. С. 15).

...с Артиста... — С А. Н. Садомова.

250. В. Н. Горбачевой. Июль (после 5-го) 1936 г. Томск (с. 377). — АК. С. 193—194.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Туруханский край — историческая обл. в восточной Сибири (ныне северная часть Красноярского края). В XVIII—XX вв. место политической ссылки.

...сходите к прокурору республики... — По просьбе поэта В. Н. Горбачева в конце июля — начале авг. побывала на приеме у прокурора республики и сообщила об этом Клюеву. См. п. 252, с. 626.

Кланяюсь милому Журавлю. — С. А. Клычкову.

251. Н. Ф. Христофоровой. После 5 июля 1936 г. Томск (с. 377). — ПНЗ. С. 134.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию.

...«Страстная» Владычица... — См. примеч. с. 576. с. 378

...напоенную музыкой «Китежа»... — Речь идет об опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1904).

...с «Укрощением бури» на стене... — Имеется в виду картина на евангельский сюжет об укрощении Христом бури во время плавания с учениками по морю (Мк. V, 35—41).

...поговорить с Николаем Семеновичем. — У Клюева ошибочно — Степановичем. Речь идет о Голованове.

Я писал Вам в начале марта. Письмо ~ легендарного старца. — См. примеч. с. 625.

252. В. Н. Горбачевой. 10 августа 1836 г. Томск (с. 379). — АК. С. 194—195.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...мой дядюшка был с Вами суров... — Намек на прокурора республики, на приеме у которого была В. Н. Горбачева.

...от милого Журавиного Гостя! — С. А. Клычкова.

Я написал поэму и несколько стихов ~ в чужих жестоких руках. — 4 июля 1936 г. в донесении Управления НКВД по Запсибкраю сообщалось, что «адм. ссыльный Клюев Николай Алексеевич, 1884 г. рождения, из граждан Новгородской губ., осужденный в ссылку заседанием коллегии ОГПУ (суд) от 5 марта 1934 года в ссылку на 5 лет, будучи нами арестован 23 марта сего года и привлечен к ответственности как участник церковной кр. группировки по ст. 58/10 и 11 УК сего числа нами из-под стражи освобожден ввиду приостановления следствия по делу № 12264 ввиду его болезни — паралича левой половины тела и старческого слабоумия» (*Пичурин Л. Ф.* Последние дни Николая Клюева. Томск, 1995. С. 38—40).

...на след Толечки... — А. Н. Яр-Кравченко.

...я написал Вам свою обиду на него. Получили ли Вы такое письмо. — См. п. 248.

Что слышно о Васильеве? — Летом 1936 г. поэт совершил последнюю поездку в Среднюю Азию и к родным в Омск.

Как бы мне хотелось иметь Мадур-Вазу... — См. п. 164 и примеч. к нему, с. 587.

с. 380 *Посещение прекрасной нагорной церкви 18-го века...* — Имеется в виду Троицкая единоверческая церковь, построенная в 1844 г. во имя Св. Троицы с приделами св. великомученика Харлампия и св. великомученика Димитрия Мироточивого.

...моя покойная мать... — П. Д. Клюева.

253. Н. Ф. Христофоровой. Сентябрь — начало октября 1936 г. Томск (с. 380). — АК (отр.). С. 135; НК (отр.). С. 315; ПНЗ. С. 134—135.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется предположительно в связи с п. 252 и 254.

Не скроется во веки поистине град ~ «Се Филарет Амниатский!» — Такого акафиста нет. Скорее всего, это клюевская вариация песнопений в честь святого (См.: Минея. М., 1982. Декабрь. Ч. 1. С. 10—33).

Филарет Милостивый — византийский св. (702—792), жил в Амнии, в Малой Азии. Был богат и благочестив, щедро уделял из своих сокровищ нищим, вдовам и сиротам, за что и прозван был Милостивым. Память 1 (14) дек.

...книга «Перстень Иафета». — Об этом произведении нет сведений. с. 381

Гипербореи — по преданию древних греков, сказочный народ, живший на крайнем севере, дальше Борея — бога северного ветра.

...царем Олафом Норвежским... — Речь, вероятно, идет об *Олафе (Олофе) II Святом* (ок. 995—1030), короле Норвегии, который завершил в стране введение христианства. В борьбе с Кнудом I потерял престол.

Владимир II Мономах (1053—1125) — вел. князь киевский. По скандинавским преданиям на дочери Олофа Ингигерде был женат Ярослав Мудрый, вел. князь киевский (ок. 978—1045).

...в Колывань... — Название г. Таллинна в русских летописях.

254. Н. Ф. Христофоровой. 25 октября 1936 г. Томск (с. 381). — АК (сокр.). С. 197—198; ПЗ. С. 227—229.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).
Год установлен по содержанию.

Феогнид (примерно вторая пол. VI в. до н. э.) — греческий поэт из Мегары, выходец из старого аристократического рода. Сохранились две книги (почти в 1400 стихов) «Элегий» под его именем. Стихи поэта, приведенные Клюевым, даны в пер. В. Вересаева. Третья и четвертая строки последнего стиха процитированы неточно. Следует: «Я так люблю красоту, благородство, — а ты против воли Учишь насильно меня низость любить и позор!» (*Вересаев В. В.* Полн. собр. соч. М., 1929. Т. X. Эллинские поэты. С. 247, 248, 249).

...с какой-то ароматной Виф<с>аиды... — Название двух городов на западном и восточном берегу Галилейского оз. Западная В. была родиной ап. Петра, Андрея, Филиппа; восточная названа Вифсаидой-Юлией в честь дочери императора Августа Юлии. Оба места часто посещались Христом. с. 382

Иоанн Кронштадтский (в миру Иоанн Ильич Сергиев; 1829—1908/1909) — св. чудотворец, молитвенник земли Русской, автор многочисленных трудов на богословские темы. Память 20 дек. (2 янв.).

От Н<адежды> А<ндреевны>... — Обуховой.

...целую Мишу. — М. В. Егорова. с. 383

На Брюсовский напишу Н<иколаю> С<еменовичу> сам. – Голованову.

...Анатолию Николаевичу... – Клюевым ошибочно допущена перестановка имени и отчества А. Н. Садомова.

...с Надеждой Григорьевной?! – Чулковой.

255. В. Н. Горбачевой. 25 октября 1936 г. Томск (с. 383). – АК. С. 196–197.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

с. 384 *...гноище Иова.* – Речь идет о ветхозаветном праведнике, история которого излагается в книге, носящей его имя. На И. обрушиваются несчастья. он поражен проказой и, сидя на пепле, скоблит себя черепицей (II, 8). Однако остается тверд и непоколебим в своей вере в Бога. Память 6 (19) мая.

Для кого озеро Лаге, а для Даниила Заточника оно было озером плага. – См. примеч. с. 537.

...адреса Толи... – А. Н. Яр-Кравченко.

256. В. Н. Горбачевой. 3 декабря 1936 г. Томск (с. 384). – АК. С. 198.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Кланяюсь милому Журавлю! – С. А. Клычкову.

Егорушке привет. – Г. Клычкову.

257. Н. Ф. Христофоровой. 15 декабря 1936 г. Томск (с. 385). – СПК. 1985. 24 окт.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Год установлен по содержанию.

Н<адежде> А<ндреевне> пишу. – Обуховой.

258. В. Н. Горбачевой. 22 декабря 1936 г. Томск (с. 385). – АК. С. 198–199.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...денди... – Подразумевается А. Н. Яр-Кравченко.

Объявился ли Васильев или пишет из тюрьмы? – См. примеч. с. 622.

...Литгазеты назвали его бездарным... – В № 7 и 8 журн. «Новый мир» (1936) Васильев опубликовал поэмы «Принц Фома» и «Кулаки», которые были подвергнуты резкой критике. О. Б. (Осип Бескин) в статье «Что вы этим хотели сказать?», анализируя поэму «Принц Фома», писал: «...возмущает общий тон поэмы – то истинно любовное, снабженное же мяг-

кой иронией отношение П. Васильева к "Принцу Фоме". Кулак-бандит, активный враг советской власти, выглядит в поэме безвредным, потешным, почти трогательным субъектом.

Спрашивается, на чье сочувствие или, в крайнем случае — незлобие, кроме собственного, рассчитывает автор, сообщая историю "мятежного Фомы", и редакция "Нового мира", с готовностью напечатавшая поэтически слабую, политически вредную поэму!» (Лит. Ленинград. 1936. 23 сент.). Критик Н. Коварский отмечает наличие таланта у Васильева, «но суду читателя и критика подается не только талант, но и направление. А направление таково, что оно грозит уничтожению самого таланта» (*Коварский Н.* Стиль «гаргантюа» // Лит. Ленинград. 1936. 11 окт.). А. Тарасенков в статье «Мнимый талант» (ЛГ. 1936. 15 окт.) обвиняет поэта в грубом, антихудожественном, физиологическом натурализме и нежелании идеологически перестраиваться.

...я написал четыре поэмы... — См. примеч. к п. 234, с. 617. Об осталь- с. 386
ных двух поэмах ничего не известно. При аресте поэта 5 июня 1937 г. у него были изъяты «тетрадь рукописная... 4 листа, рукописи на отдельных листах — 6 штук...» (*Пигурин Л. Ф.* Последние дни Николая Клюева. С. 72). К настоящему времени в архиве ФСБ Томска сохранилось лишь удостоверение поэта, а рукописи, по всей видимости, были уничтожены.

259. А. Н. Яр-Кравченко. 23 и 23 декабря 1336 г. Томск (с. 386). — КНН (отр.); КБК. С. 175—176.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Скотт Вальтер (1771—1832) — английский поэт, прозаик. с. 387
Вышли мне «Кремль»... — См. п. 201 и примеч. к нему, с. 604.

260. Н. Ф. Христофоровой. 6 апреля 1937 г. Томск (с. 387). — СПК (сокр.). 1985. 24 окт.; ПЗ (сокр.). С. 229—230; ПНЗ. С. 136—137.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

Х<ристос> В<оскресе!> — См. примеч. с. 589. Пасха в 1937 г. приходилась на 19 апр. (2 мая).

«Благородного и возвышенного духа тот человек ~ во внутренний двор Пилата». — Из кн. о. Иоанна Кронштадского «Мысли христианина. Моя жизнь во Христе» (1909. С. 309). Клюев виртуозно сочетает цитирование авторского текста с собственным переосмыслением и дополнением его.

«Я смотрю на луг ~ что он имеет!» — Вольный пересказ метерлин- с. 388
ковского текста и собственная интерпретация темы писателя о цветах (См.: *Метерлинк М.* Разум цветов // Метерлинк М. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1908. Т. 5 / Пер. А. Койранского. С. 134).

...*«Днесь весна...»*. — Из ексапостилария, глас 1-й.
...*привет Мише...* — М. Д. Егорову.
Милому певцу... — А. Н. Садомову.
...*Николаю Алексеевичу*. — Речь идет о Минхе.
Послал Вам недавно стихи. Получили ли? — В архиве Н. Ф. Христофоровой, переданном в ИРЛИ, клюевских стихов начала 1937 г. нет.

261. В. Н. Горбачевой. Вторая декада апреля 1937 г. Томск (с. 389). — АК. С. 199.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...*Толечка...* — А. Н. Яр-Кравченко.
...*обнимаю Журавиного Гостя...* — С. А. Клычкова.
...*благословляю крестника*. — Г. Клычкова.

262. В. Н. Горбачевой. 3 мая 1937 г. Томск (с. 390). — АК. С. 200.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...*Егорушку*. — Г. Клычкова.
...*милого Журавиного Гостя*. — С. А. Клычкова.
...*до Николы...* — Церковью празднуется перенесение мощей св. чудотворца Николая Мирликийского 9(22) мая. В народном календаре этот день называют вешним, травным.
...*Надежде Андреевне...* — Обуховой.
...*племяннику...* — Подразумевается А. Н. Яр-Кравченко.
Это письмо, по всей вероятности, последнее, написанное поэтом на свободе. 7 мая 1937 г. административно-ссыльный Клюев явился на обязательную регистрацию в Томский горотдел НКВД, а 5 июня последовал арест, и по сфабрикованному обвинению Клюев был расстрелян между 23—25 окт. 1937 г. (См.: *Пигурин Л. Ф.* Последние дни Николая Клюева. С. 92—93).

Раздел VI
ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1. <Договор>. 18 сентября 1915 г. Петроград (с. 393).

Печатается по подлиннику (РНБ).

Документ представляет собой текст, написанный от руки кем-то из издательских работников, на отдельном листе рукой Клюева выполнена расписка: «Тридцать один экземпляр получил. Николай Клюев. 25 января

1916 г. (Еще для Шишкова – 32)». Сб. ст-ний поэта «Мирские думы» вышел 13 февр. 1916 г.

2. Прошение в комиссию для пособия литераторам при Академии наук. Точнее: Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук. До 27 февраля 1916 г. Петроград (с. 393). – В статье: *Юдина И. М.* Литературный фонд и русские писатели 1910-х годов: (Письма М. Горького, С. Есенина, Н. Клюева, С. Подъячева) // РЛ. 1966. № 2. С. 210.

Печатается по подлиннику (ИРЛИ). Документ написан Н. Клюевым, а С. Есенин лишь поставил свою подпись.

Датируется по служебной отметке на документе: «27 февраля 1916 г.».

...нам необходима денежная помощь в размере трехсот рублей на каж- с. 394
дого. – Поначалу поэтам в просьбе было отказано, но после их обращения к председателю комиссии Н. А. Котляревскому (см. п. 3) комиссия пересмотрела свое решение и выдала Есенину – 20 рублей, Клюеву – 40 рублей (помета на документе: Ес. – 20, Кл. – 40. В 1-й раз. № 60. 27 февраля 916 г. (ИРЛИ).

3. <Прошение> Н. А. Котляревскому. После 27 февраля 1916 г. Петроград (с. 394). – В статье: *Юдина И. М.* Литературный фонд и русские писатели 1910-х годов: (Письма М. Горького, С. Есенина, Н. Клюева, С. Подъячева). С. 210.

Печатается по подлиннику (ИРЛИ). Датируется по связи с предыдущим документом. Письмо написано Н. Клюевым, подписано С. Есениным.

Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) – литературовед. Один из основателей и первый директор Пушкинского Дома.

4. «Прошение» в комитет Литературного фонда. До 26 сентября 1916 г. Петроград (с. 394).

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется предположительно в соответствии с записями в Журнале заседаний Комитета общества для пособия нуждающимся ученым («Литературный фонд») от 26-го сентября 1916 г.

Приехав в Петроград ~ устроить свое издание, не бедствуя. – Комиссия под председательством С. А. Венгерова и присутствующих Р. В. Иванова-Разумника, Н. И. Кареева, А. А. Корнилова, В. Д. Набокова, Н. С. Русанова, А. М. Редько, П. Н. Сакулина, Е. П. Султановой определила (большинством голосов): выдать Клюеву 75 руб. бессрочной ссуды (ИРЛИ).

5. <Договор>. 9 марта 1917 г. Петроград (с. 395). — В статье: *Маквей Г.* Неопубликованные материалы о Клюеве и Есенине // Russian Literature Triquaterly. Ann Arbor, 1972. Vol. 4. P. 382.

Печатается по подлиннику (РНБ).

Строки текста, выделенные курсивом, написаны рукой Клюева и Аверьянова.

Договор был расторгнут по инициативе Клюева. См. п. 129, 130, а также 131 и примеч. к нему, с. 568.

6. Заявление в Вытегорскую уездную продовольственную коллегию Николая Алексеевича Клюева. До 29 декабря 1919 г. Вытегра (с. 396). — ПКРЛ. С. 221.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

7. Договор № 675/936 с Петроградским отделением Государственного издательства. 14 сентября 1923 г. Петроград (с. 396).

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ СПб.), который представляет собой типовой бланк изд-ва с заполненным машинописным текстом.

Сб. ст-ний поэта «Ленин» вышел тремя изданиями. Первое — 1924 г. (фактически: нояб. 1923 г.), тир. 3000 экз.; второе — март 1924 г., тир. 4000 экз., третье — на обложке: 1924 г. (по «Книжной летописи»: февр. 1925 г.), тир. 25 000 экз. В дневниковой записи К. Чуковского от 8 или 9 дек. 1925 г. говорится о встрече с Клюевым и его сетованиях на авторскую судьбу: «Бранил Ионова: ограбил, не заплатил за книгу о Ленине. "Вы, товарищ, должны бы эти деньги отдать в фонд Ильича". А я ему: "Вы бы мне хоть на ситничек дали. — Потому что у меня и на ситничек нет" (и он указал на стол, где на парчовой скатерти лежала черная корка» (*Чуковский К.* Дневник (1901—1929). С. 353).

8. Письмо в ЦК РКП(б). Конец октября — начало ноября 1923 г. Москва (с. 398). — В статье: *Базанов В. В.* Эпизод из истории создания литературных объединений крестьянских писателей // РЛ. 1972. № 3. С. 167).

Печатается по авторизованной машинописи (РГАЛИ).

Датируется предположительно. Осенью 1923 г. Клюев вместе с Есениным на короткое время приехал в Москву.

Из-за отсутствия единства среди организаторов группы объединение не состоялось, и письмо, вероятно, по этой причине не было отправлено по адресу.

9. Заявление в книгоиздательство «Скифы» в г. Берлин. 14 ноября 1924 г. Ленинград (с. 398). — В статье: *Маквей Г.* Неопубликованные материалы о Клюеве и Есенине. С. 383.

Печатается и датируется по беловому автографу (РНБ).

Книгоиздательство «Скифы» издало две моих книги стихов ~ гонорара я не получил. — В берлинском изд-ве «Скифы», вероятно, не без посредничества Иванова-Разумника в 1920 г. вышли две книжицы Клюева: «Избяные песни» и «Песнь Солнценосца. Земля и железо». В письме к Есенину от 28 янв. 1922 г. поэт сообщал: «“Скифы” заграничные молчат» (с. 574). Есенин обещал ему помочь, но деньги от изд-ва так и не поступили.

10. Заявление в Президиум Ленинградского губернского исполкома поэта Николая Клюева. До 20 ноября 1924 г. Петроград (с. 399). — В кн.: *Кузнецов В. И.* Тайна гибели Есенина. М., 1997. С. 94—95, с искаж. по машинописи (ЦГА СПб).

Печатается по беловому автографу (ЦГА СПб.).
Датируется предположительно.

...Народным просвещением изданы две моих книги... — Речь идет о «Песнослове»: В [2] кн. Пг., 1919.

В 1923-м году ~ Госиздат напечатал мою книгу под заглавием «Ленин»... — См. примеч. с. 632.

Дом этот до августа настоящего года принадлежал Госиздату... — В с. 400
ведении издательства дом находился со 2 июня 1922 г. по 3 окт. 1924 г.

...Откомхоз — Отдел коммунального хозяйства.

На заявлении поэта слева наложена резолюция: «В Губоткомхоз т. Иванову. О возможности снижения квартплаты. По исполнении заявления переслать в Губфо для рассмотрения вопроса о подоходном налоге с гр-на Клюева.

(подпись нрзб)

25/XI-24».

27 ноября 1924 г. зав. секретариатом Г. Н. Ларионов направил копии с клюевского заявления в адрес Губоткомхоза и Губфо для рассмотрения поставленных в резолюции вопросов и рекомендовал «о последующем... уведомить непосредственно заявителя» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 6. Ед. хр. 162. Л. 103, 104).

Управляющий домами Жилищным подотделом В. Н. Лукьянов составил справку, в которой отмечал: «Гр-н Н. Клюев... занимает комнату площадью 6,31 кв. саж. Оценка комнаты (по довоенной норме) 27 р.

Гр-н Клюев, писатель, как лицо свободной профессии, согласно § 7 п. а. Обязательного Постановления об оплате жилых помещений в гор. Ленинграде от 9/14 авг. 24 г. должен платить не ниже 1 р. 50 коп. за каждый рубль довоенной квартирной платы. Указанное требование и было мною ему предъявлено...

Между тем гр-н Клюев вряд ли в состоянии платить как лицо свободной профессии. По имеющимся у меня сведениям, он за последнее время ничего не зарабатывает, лежал в больнице (у него нарыв на ноге) и вообще живет очень бедно.

Снизить плату за помещение гр-ну Клюеву следовало бы ввиду неопределенности и случайности его заработка до 50 к. за довоенный рубль, согласно § 4 п. г. указанного Обязательного Постановления о квартплате, т. е. 13 р. 50 к. в месяц» (ЦГА СПб. Ф. 3185. Оп. 1. Ед. хр. 2367. Л. 13).

По сложившемуся порядку Клюев представил в фининспекцию документы о своих литературных заработках 28 сент. 1924 г. от домоуправления, согласно которым он «имеет заработок от случайных лит. трудов и получает пособие от Дома ученых», а также 1 окт. 1924 г. от Ленинградского отделения Госиздата, что с апреля по июль текущего года гонорар поэта составил 270 руб. 30 коп. (ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Ед. хр. 3400. Л. 22, 23).

11. Заявление в Откомхоз Ленинграда поэта Николая Клюева. Конец февраля 1925 г. Ленинград (с. 400).

Печатается по беловому автографу (ЦГА СПб).

Датируется предположительно.

Согласно распоряжения заведующего Жилищным подотделом В. А. Карпова от 6 марта 1925 г. В. Н. Лукьянову было разрешено «с поэта Н. Клюева взимать по 5 руб. в месяц за комнату во вверенном Вам доме временно» (ЦГА СПб. Ф. 3185. Оп. 1. Ед. хр. 2367. Л. 24).

30 сент. 1925 г. поэт представил в фининспекцию от Всероссийского Союза писателей документ, в котором указывалось, возможно, по незнанию реального положения вещей, что «за время с 1-го апреля по 30-е сентября с. года никаких заработков не имеет». В справке Ленинградского отделения Госиздата от 18 нояб. сообщалось, что с 1 апр. по 1 окт. 1925 г. Клюеву было выплачено 750 рублей (ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Ед. хр. 3409. Л. 49, 54). Однако эта сумма лишь на короткое время поправила материальное положение поэта. На 1 дек. его задолженность по квартплате составила 15 руб. (ЦГА СПб. Ф. 3185. Оп. 1. Ед. хр. 2367. Л. 42).

12. Заявление в Правление Союза писателей Николая Клюева. 15 марта 1925 г. Ленинград (с. 400).

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

На заявлении помета без подписи: «Вх. № 76. 1/III-1925 г. Возбудить».

13. Анкета Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов. 24 марта 1926 г. Ленинград (с. 401).

Печатается по подлиннику (ИРЛИ). Типовой бланк заполнен Клюевым от руки.

Возраст 36 лет. — См. примеч. с. 436.

Фроман (наст. фам. Фракман; 1891—1940) Михаил Александрович — поэт, прозаик, переводчик.

14. Заявление в контору дома № 45 по улице Герцена, проживающего в означенном доме гр. Николая Алексеевича Клюева. 12 апреля 1926 г. Ленинград (с. 402).

Печатается и датируется по беловому автографу (ЦГА СПб).

15. Заявление в Московский отдел Всероссийского Союза писателей Николая Клюева. «5 октября 1926 г.» Ленинград (с. 402). — ДП. С. 26.

Печатается по беловому автографу (ИРЛИ).

Датируется предположительно в соответствии с датой официального сопроводительного письма.

Пролежав пять месяцев ~ две изнурительные операции... — См. п. 140.

16. Заявление в Ленинградское отделение Всероссийского Союза писателей Николая Клюева. Декабрь 1926 г. Ленинград (с. 402). — НК (сокр.). С. 268.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).

...книгоиздательством «Прибой» куплена у меня поэма ~ сполна. — См. п. 140 и примеч. к нему, с. 577.

17. Акт. 9 марта 1928 г. Ленинград (с. 403).

Печатается по тексту, составленному помощником инспектора 29 участка (ЦГА СПб).

Датируется согласно записи Управляющего домами хозяйства № 2 И. П. Цкирия.

...по его заявлению... — Имеется в виду заявление от 12 апр. 1926 г.

В фининспекцию были направлены сведения о заработках Клюева от изд-ва «Прибой», которое с окт. 1926 г. по 30 сент. 1927 г. выплатило автору 474 руб. Гонорар от изд-ва «Красная газета» с 1 окт. 1926 г. по 1 окт. 1927 г. составил 63 руб. 04 коп., от Ленинградского отделения Госиздата с 1 окт. 1926 г. по 30 сент. 1927 г. — 172 руб. 50 коп. В графе формы № 1 «Дополнительные пояснения о социальном и имущественном положении граждан...» И. П. Цкирия записал: «Живет бедно, акт обсл. 9/III-28»

(ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Ед. хр. 3481. Л. 253, 256, 257, 258). На 1928 г. ежемесячная квартплата Клюеву была определена в размере 3 руб. 22 коп.

18. Акт освидетельствования № 2245 25-го февраля 1930 г. (с. 404). – АК. С. 184 по копии, выполненной В. Н. Горбачевой, 13 марта 1935 г.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

19. Доверенность на имя А. Н. Кравченко 12 сентября 1931 г. (с. 405).

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

20. Доверенность на имя А. Н. Кравченко 12 сентября 1931 г. (с. 405).

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

...смену или ликвидацию моей комнаты со всеми находящимися в ней вещами... – В это время Клюев занимался обменом своей ленинградской жилплощади на московскую (см. п. 158–162).

21. Доверенность на имя А. Н. Кравченко 12 сентября 1931 г. (с. 405).

Печатается и датируется по машинописи (ИРЛИ).

22. Заявление во Всероссийский Союз советских писателей поэта Николая Клюева. 1932 г. (с. 406). – Соч. 1. С. 205.

Печатается и датируется по беловому автографу (ИРЛИ).
На заявлении резолюция И. Евдокимова: «Месяц назад выдано уже. При решении выдачи – в последний раз. Отказать. 13.I.32».

Евдокимов Иван Васильевич (1887–1941) – писатель, редактор Госиздата.

23. Заявление в Правление Всероссийского Союза советских писателей поэта Николая Клюева. 20 января 1932 г. (с. 406). – ЛСК. С. 184.

Печатается и датируется по копии, выполненной рукой неустановленного лица (РНБ. Архив Л. И. Раковского).

В июле 1931 г. комиссия по перерегистрации состава Всероссийского Союза писателей предложила Клюеву представить в Союз «развернутую критику своего творчества и общественного поведения» (Цит. по: НК. С. 298). Первый вариант заявления с более жесткими и резкими оценками был опубликован В. Г. Базановым в его кн. «С родного берега. О поэзии Николая Клюева» по недатированной копии, предоставленной ему А. Н. Яр-Кравченко (с. 198—200) и по утверждению публикатора был отправлен во Всероссийский Союз писателей (с. 198), который и явился основанием для Ленинградского бюро секции поэтов 9 января 1932 г. вывести Клюева из ее состава. Желая, видимо, несколько смягчить ситуацию, поэт и направил второй вариант заявления.

...поэма «Деревня» ~ в реакционной проповеди и кулацких настроениях. — Публикация поэмы в ленинградском журн. «Звезда» (1927. № 1) вызвала злобную и предвзятую критику. «Комсомольский» поэт А. Безыменский в статье «"Русское дело" Н. Клюева» писал: «Что кулаки и кулацкая идеология существуют — спора нет. То, что она жаждет пробиться к свету — не подлежит сомнению. <...> Облик этого поэта известен. *И Ленина ведь он сумел окулачить*» (Красная газета. 1927. 2 февр. Веч. вып.). В рецензии на журн. «Звезда» Е. М. (Мустангова Е.) отмечалось, что «поэма "Деревня" скрывает за стилизованных юродством глубоко реакционную идею» (Красная газета. 1927. 8 февр. Веч. вып.). В очередной статье «О чем они плачут?» Безыменский выражал уверенность в том, что попутчики вместе с ним «подымут голос за карающий меч цензуры по отношению к кулацким вожделениям Клюева» (Комсомольская правда. 1927. 5 апр.).

...желтого дьявола... — Выражение из памфлета М. Горького «Город Желтого Дьявола» (1906). с. 407

...заветы Александрии... — Александрия — порт и древняя столица Египта, центр эллинистической культуры.

...Корсуня... — Корсунь — древнерусское название греческого города Херсонеса в Крыму. Часто упоминается в русских летописях в связи с событиями IX—XIII вв.

Посошков Иван Тихонович (1652—1726) — экономист и публицист. Сторонник преобразований Петра I. Основной труд — «Книга о скудости и богатстве» (1724).

Иван III (1440—1505) — вел. князь московский, в правление которого сложилось территориальное ядро единого Русского гос-ва. При нем было свергнуто монголо-татарское иго («стояние на Угре» 1480 г.).

...на задворках Ситного рынка... — Сытный рынок (Сытнинская пл., 3/5), первый петербургский рынок, который еще назывался Обжорным. Старые петербуржцы именуют его также Ситным, давая своеобразное объяснение этому: «В старину на рынке торговали мукой, предварительно просеивая ее через сито. Здесь же будто торговали и самими ситами, с. 408

отчего, говорят, и пошло название рынка» (*Синдаловский Н. А.* Петербург: От дома к дому... От легенды к легенде... Путеводитель. СПб., 2000. С. 234).

Прилагаемый документ от Бюро медицинской экспертизы... — См. с. 404.

24. Заявление в Оргкомитет Союза писателей поэта Николая Клюева. <Весна 1932 г.> Москва (с. 408). — ПЯ. С. 290.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).

Датируется предположительно, в связи со словами из п. 176 «Прикреплен к закрытому распределителю...», с. 589.

25. Доверенность на имя С. А. Клычкова 12 апреля 1934 г. (с. 409). — АК. С. 175.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Апостол — рукописный — Христианская богослужебная книга, содержащая часть Нового Завета (Деяния и послания апостолов) и Апокалипсис.

Книга Кормгая — Собрание церковных и светских законов на Руси с XIII в.

«Поморские ответы» — См. примеч. с. 576.

26. Доверенность на имя З. П. Кравченко 2 июня 1934 г. (с. 410).

Печатается и датируется по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

...ОГПУ... — См. примеч. с. 473.

с. 411 *Неопалимая Купина* — Наименование чудотворной иконы Богоматери, составленной на основе важнейших ветхозаветных прообразов воплощения Христа.

Складень Феодоровской Божией матери... — См. примеч. с. 453.

Икона корсунская... — См. примеч. с. 451.

...икона Соловецких гудотворцев... — Имеются в виду Зосима и Савватий.

Икона преподобного Нифонта — Речь идет о св. епископе новгородском, до этого иноке Киево-Печерского м-ря (XII в.). Мощи его покоятся в пещерах Киево-Печерской лавры.

Апостол — рукописный — См. примеч. с. 638.

«Поморские ответы» — См. примеч. с. 576.

«Стоглав» — рукописный. — Сочинение поморского писателя Тимофея Андреева (XVIII в.). Это разделенные на сто глав выписки из старо-

печатных книг и рукописей в защиту беспоповщины (См.: *Ивановский Н. И.* Критический разбор учения неприемлющих священство старообрядцев о церкви и таинствах. Казань, 1883. С. 86–87).

Книга Кормгая — См. примеч. с. 638.

Потребник — то же, что и Требник — книга, по которой совершаются церковные службы.

Месяцеслов — Православный календарь.

Кузнецов Василий Васильевич (1882—1923) — скульптор, мастер по фарфору, многие годы трудившийся на Петербургском фарфоровом заводе им. М. В. Ломоносова. с. 412

...иконы... Тихвинской Божьей Матери... — См. примеч. с. 490.

Варлам Хутынский — *Варлаам Новгородский* (*Хутынский*) преп., подвижник (XII в.). Память 6 (19) нояб.

Картина «Единорог» — *Единорог* — мистическое животное. В средневековых христианских сочинениях символизирует чистоту, целомудренность, совершенное добро, силу разума и тела, неподкупность. Е. широко представлен в изобразительном искусстве европейского Средневековья.

Роман с венгиком — Возможно, речь идет о преп., ученике Сергия Радонежского (XIV в.). Память 29 июля (11 авг.).

Однако клюевское имущество З. П. Кравченко так и не удалось получить, и она направляет заявление в Нарком Внудел:

«В Нарком Внудел
гр-ки Зинаиды Павловны
Кравченко

Заявление

Прошу дать мне разрешение на получение и сохранение вещей административно-ссыльного поэта Николая Алексеевича Клюева, проживавшего по Гранатному переулку, дом 12, кв. 3. Несмотря на неоднократные обращения управдом не дает мне копию описи вещей Клюева. Вещи в настоящее время находятся частью у управдома, частью у новых жильцов, вселенных райжилсоюзом в комнату Клюева. Прилагаю собственноручную доверенность Ник. Ал. Клюева.

З. Кравченко.

3/Х-34 г.

Б. Дмитровка, дом 4/2, кв. 7.

тел.: 4-88-75. Рындина». — Печатается по машинописи (Из семейного архива А. Н. Яр-Кравченко, Москва).

27. Заявление во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет административно-ссыльного в Нарымский край, в поселок Колпашево поэта Николая Клюева 12 июля 1934 г. (с. 413). — АК. С. 171.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...за безумные непродуманные строки из моих черновиков ~ на пять лет. — См. примеч. с. 603.

...ОГПУ... — См. примеч. с. 473.

Сталин (псевд., наст. фам. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — советский партийный и государственный деятель. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС. С. и его ближайшее окружение ответственны за массовые репрессии и беззакония.

28. Опись имущества и вещей Клюева Николая Алексеевича, находившихся Гранатный пер., 12 на хранении в домоуправлении. (с. 414). — АК. С. 181—182.

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ПРЕДИСЛОВИЯ ПОЭТА К СВОИМ КНИГАМ

К книге «Братские песни» (с. 419).

К книге «Медный кит» (с. 419).

Естрафиль, Страфиль, Страхиль, Стратим — в древнерусском духовном стихе о «Голубиной книге» — «всем птицам мати» и живет «на окиан-море».

К книге «Неувядаемый цвет» (с. 420).

Неувядаемый цвет — одно из иконописных изображений Богоматери. В правой руке она держит Сына Своего, а в левой у нее лилия — цветок, символизирующий девство и непорочность Пресвятой Богородицы.

К книге «Изба и поле» (с. 420).

2. БЕСЕДЫ С КЛЮЕВЫМ

Богоносец ли народ? (Из бесед с Клюевым) (Записал И. Брихничев // Новое вино. 1913. № 2) (с. 420).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист. Оказал большое влияние на русский идеализм и симво-

лизм. Клюев полемизирует с идеями Соловьева, изложенными в его брошюре «Три речи в память Достоевского» (1881—1883) и в статье «Русская идея» (1888).

Дагон — См. примеч. с. 463.

Велес, Волос — в славянской мифологии бог. В древнерусских источниках выступает как «скотий бог» — покровитель домашних животных и бог богатства. В эпоху христианства был ассимилирован и заменен христианским покровителем скота, св. священномучеником, епископом Севастийским Власием.

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — экономист, философ, ре- с. 421
лигиозный мыслитель. С 1923 г. в эмиграции. *Бердяев* Николай Александрович (1874—1948) — философ, экзистенциалист. С 1922 г. в эмиграции. Клюев намекает на богоискательство — религиозно-философское течение, возникшее в начале XX в. в Петербурге. В него, кроме Булгакова и Бердяева, вошли Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, Н. М. Минский и др., проповедовавшие обновленное христианство.

Беседа с Н. А. Клюевым (Беседу вел Б. Лавров) (Волгарь. Н. Новгород. 1916. 23 дек.) (с. 421).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...о выступлениях Клюева с Плевицкой... — См. п. 114, 116 и примеч. к ним.

...в его «Новом псалме»... — Первоначальное название ст-ния «Поддон- с. 423
ный псалом».

...природы радостный пригастник... — Строка из ст-ния Клюева «Набух, оттаял лед на речке...» (1912).

3. КЛЮЕВ И РКП(Б)

[*Б. п.*] Поэт Клюев — большевик // Известия. Петрозаводск. 1918. 10 мая (с. 423).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

На вегере ~ поставил свою пьесу из революционной жизни «Красная Пасха»... — Текст этого произведения, вероятно, навсегда утрачен. Он написан в символистско-революционном духе и нес на себе отпечаток эпохи. «Эта пьеса, — писал С. Коммунист, — алмазная жемчужина, такая сильная, захватывающая за живое, потрясающая глубиною красочной мысли, — вылилась на бумагу, кажется, только ради вечера, и нам, вытегорам, выпало великое счастье первыми увидеть ее у себя...» (*Коммунист С.* Кое-что о вечере коммунистов-большевиков // Известия. Вытегра. 1918. 1 мая). Постановка ее явилась значительным культурным событием города. Вытегорский комитет партии вынес благодарность «товари-

щам Н. А. Клюеву и М. Н. Мехнецову, всей “Красной Пасхе”: “Мать-земле” (Н. Сидоровой), Любви-невесте (Л. И. Потаниной), Ангелу (Н. Г. Кучнеровой), Сыну-Воле (П. М. Ваксберг), Мщению (А. А. Абакумову)...» ([*Б. п.*] Объявление // Известия. Вытегра. 1918. 9 мая).

В конце июля 1918 г. поэт избирается почетным председателем Вытегорской партийной организации (Олонецкие известия. Петрозаводск. 1918. 2 авг.).

[*Б. п.*] 3-я уездная конференция Р.К.П.Б. Вечернее заседание 21-е марта. Об оставлении поэта Клюева в Партии // ЗВ. 1920. 1 апр. (с. 424).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

...его поэтическое произведение — Слово «Лицо коммуниста»... — «20 апр., когда вытегорские комсомольцы отмечали День интернационала молодежи, Клюев повторил свое выступление “Лицо коммуниста”, встреченное аплодисментами» (*Скамбо.* День интернационала молодежи // ЗВ. 1920. 26 апр.).

[*Б. п.*] Поэт и коммунизм // ЗВ. 1920. 25 марта (с. 425).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

с. 426 *...Констанцский собор...* — Намек на церковный собор в г. Констанца, куда был вызван на суд вождь Реформации в Чехии Ян Гус (ок. 1369—1415). Несмотря на охранную грамоту императора Сигизмунда он был захвачен и сожжен как еретик на костре.

[*Б. п.*] Партийная жизнь // Олонецкая коммуна. Петрозаводск. 1920. 4 мая (с. 426).

Печатается и датируется по тексту этой публикации.

В тексте опечатка: вместо «Алексеевич» набрано «Александрович».

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ, СТАРИННЫХ И РЕДКО УПОТРЕБЛЯЮЩИХСЯ СЛОВ

Абие — скоро, тотчас.

Адамантовый — алмазный.

Ажио — так что, что даже.

Аки — как.

Акридный — саранчовый.

Аналой — точнее: *аналогий* — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы и книги.

Анафема — отлучение от Церкви, от общества верующих.

Архангел — высший по чину начальствующий ангел.

Аспид — здесь: серо-черный сланец, шедший на столешницы и на письменные доски в школах.

Ассист (*лат.* — присутствующий) — состав для наклеивания тонких линий сусального золота на поверхность живописного слоя иконы. В широком смысле «ассист» не совсем правильно употребляют для обозначения золотых лучей на поверхности одежды святого.

Бажоная — желанная, милая, любимая.

Бармы — роскошное оплечье из парчи и драгоценных камней, которое одевали вел. князья и русские цари во время коронации и торжественных выходов.

Баская — красивая, нарядная, хорошая.

Басма — тонкие металлические или кожаные листы с выбитыми по деревянной матрице узорами, предназначенные для украшения икон (только металлическая басма).

Белица — живущая в м-ре, но еще не постриженная в монахи девушка.

Белянная — от слова «беляна» — плоскодонное несмоленое судно для сплава лесных материалов.

Блазнитель — соблазнитель, искуситель.

Бобриком — о короткой стрижке, при которой спереди остаются стоячие волосы.

Божница — киот, полка или застекленный ящик для икон.

Боковуша — боковая комната, особый покойчик в стороне.

Брашно — еда, пища.

Бурмитское зерно — крупная окатистая жемчужина.

Вап, вапа — краска.

Вар — кипяток.

Варнак — каторжник.

Вдругоряд — в другой раз, потом.

Векша — белка.

Велегласный — громкий, в полный голос.

Венчик — атласная или бумажная лента с изображением Христа, Богородицы и Иоанна Богослова, которая возлагается на чело усопшего при погребении его по христианскому обычаю.

Вередовый — от слова, «веред» — нарыв, болячка.

Верея — столб, на который навешивают ворота.

Вериги — железные цепи, оковы, надеваемые верующими с аскетическими целями.

Вертепный — пещерный.

Вертоград — сад, виноградник.

Верша — конусообразная ловушка для рыб, плетеная из ивовых веток, иногда остов ее делается из прутьев, а затем снаружи обшивается частой сетью.

Взвар — настой, полученный от варки, кипячения чего-либо; говяжий отвар, компот.

Взглезь — вскользь.

Вилавый — извилистый, искривленный.

Виноградье — сад виноградный.

Виссон — драгоценная тонкая и мягкая льняная ткань.

Водяница — здесь: водяная птица.

Возгнещати — зажигать, распалять.

Воззриться — всмотреться; зорко, пристально смотреть на что-либо, на кого-либо.

Волжоная, волжная или таволжная — сделанная из ивы, таволги.

Волоковое окно — маленькое, задвижное оконце в избе, в которое также выволакивался дым в курных избах; окно со ставнями, красное.

Воп — вопль, громкий крик, плач.

Воскрылие — подол, край одежды.

Восхищать — уносить, увлекать в высоту.

Врозмах — размашисто, широко.

Выкать — обращаясь к кому-нибудь, говорить ему «вы».

Вылаживать — вынимать, доставать.

Геенский — адский, преисподний.

Гнести — угнетать, мучить, терзать, приводить в подавленное состояние.

Голик — веник без листьев.

Голосник — певчий с хорошим громким голосом, проповедник.

Голубец — могильный памятник, крест со скатной кровелькой.

Горé — вверх, высоко, на небо.

Горний — высший, небесный.

Гостибье — угощенье, пребывание в гостях.

Графья — в иконописи контурный рисунок, процарапанный по левкасу или штукатурке.

Гривна — серебряная монета.

Гумно — сарай для сжатого хлеба.

Гуз — желвак.

Далматик — род мантии или полуплаща, накидки.

Дарева — подарки.

Двурядница, двурядка, двурядь — вещь двойная, сложенная вдвое, в два ряда.

Деисус — название центральной композиции иконостаса в православной Церкви.

Десница — правая рука.

Джимы — хромовые сапоги.

Длань — ладонь.

Доможирный — хозяйственный, домашний.

Допрежде, допрежь — прежде, сначала.

Досюль — старинный, древний, давнишний.

Дотогно — искусно, мастерски.

Драгёны — оладьи на молоке и яйцах, запекаемые в форме или на сковородке в печи.

Дресва — крупный песок, красный песчаник.

Духмяный — душистый, ароматный.

Евхаристия — причащение.

Единоверческий — от слова «единоверие» — одно из течений в старообрядчестве, возникшее в конце XVIII в.; вид воссоединения старообрядцев с православной Церковью, по которому за старообрядцами сохранялось право совершать богослужения и таинства по старопечатным книгам и по своим обрядам при условии подчинения, в иерархическом отношении, православной Церкви и принятия им священнослужителей от православных архиереев.

Елеонский — от слова «Елеон» — масличный сад, гора Елеонская к востоку от Иерусалима.

Есмь — есть, быть, существовать.

Жалковать — печалиться, скорбеть, болеть сердцем.

Жамок — разжеванный хлеб.

Женьчужный — жемчужный.

Живот — жизнь, богатство, добро.

Жиганский — наглый, хулиганский.

Жубровать — пережевывать.

Жупел — горящая сера.

Загуменный — находящийся за гумном, в поле.

Закорузлый — загрубелый, затвердевший.

Заряница — утренняя или вечерняя заря.

Заутреня — церковная служба, совершаемая утром прежде обедни.

Здынуть — поднять.

Зернь — зерно.

Зигзица — точнее: *зегзица* — кукушка.

Знаменный, крюковой — основной вид старинных православных напевов XII—XVII вв. Название происходит от древнеславянского слова «знамя» — знак (певческий). Знаменами или крюками называли безлинейные знаки, применявшиеся для записи напевов.

Зограф — иконописец.

Зыбка — колыбель ребенка.

Ибис — длинноногая птица, похожая на аиста, живущая в теплом климате.

Игумен — настоятель м-ря.

Изба белая, изба по-белому — в которой печь с трубою и потому нет копоти.

Изба красная — с красным, т. е. большим или переплетным окном, а не с одним волоковым.

Изба черная, или курья — в которой печь без трубы.

Измарагд — изумруд.

Иконостас — в православной Церкви, уставленная иконами стена, отделяющая алтарь от остальной части.

Икос — церковное песнопение, содержащее описание жизни какого-либо святого.

Ирбитский — относящийся к Ирбиту, городу на Урале, в котором с первой половины XVII в. до 1930 г. проводилась ярмарка, являвшаяся центром торговли европейской части России и Сибири. Вторая по товарообороту в Российской империи после Нижегородской.

Исполатное — от слова «исполать» — на многая лета; этим возгласом приветствуются епископы.

Казенка — казенная винная лавка.

Каменка — печь.

Канон — песнопение в честь праздника или святого, обычно состоит из восьми песен, содержащих ирмос, догмат, правило или обряд.

Каптырь — у раскольников узы Христовы или черное покрывало на камилавку, отороченное красным гарусом.

Карбасный — от слова «карбас» — большая высокобортная лодка или гребное судно с парусом, предназначенное для перевозки грузов.

Карма — в брахманизме, буддизме и индуизме — мистическая сила или закон, согласно которому все поступки человека вызывают соответствующие последствия для его души, переселяющиеся после его смерти, если он был праведным, в тело более благородного человека, а если он был грешником — в тело низшего человека и даже животного или насекомого.

Кацея — кадильница, но не на цепочке, а на руках.

Киноварь — ярко-красная краска.

Киот — см. *божница.*

Кожанка — кожаная куртка.

Коковка — верхняя часть головы, макушка.

Кокошник — в архитектуре русских церквей XVI—XVII вв. полукруглая или килевидная закомара, имеющая декоративное значение.

Колоннадия — ряд или ряды колонн под общей аркой.

Кондовый — старинный, прочный, основательный.

Кондор — крупная хищная птица с голой головой, питающаяся падалью (водится в Южной Америке).

Консисторский — от слова «консистория» — учреждение при епархиальном архиерее с административными и судебными функциями.

Корабль — раскольники созерцательного толка (хлысты, скопцы) общину свою, круг называют согласом, или кораблем, плывущим по морю житейскому.

Косящатый — сделанный из деревянных косяков.

Кошница — корзина, плетенка.

Крапивное семя — в старину бранное прозвище подьячих, а потом чиновников-взяточников и бюрократов.

Крин — лилия.

Кружало — кабак, питейный дом.

Кудель — вычесанный и перевязанный пучок льна или пеньки, изготовленный для пряжи.

Куманичный — от слова «куманика» — кустарниковая темно-красная ягода, похожая на ежевику.

Купырь — растение дягиль.

Кутья, кутия — пшеница или рис, сваренные и приправленные медом или сахаром, а иногда смешанные с яблоками, черносливом, изюмом и проч.

Куща — шатер, шалаш, сень.

Ладан — ароматическая смола, которая кладется в кадильницу на горящие угли для благовонного курения.

Лазорь, лазурь — краска ярко-голубого цвета.

Лежанка, лёжанка — выступ в крестьянской печи для лежания.

Лесовик — леший, лесной дух.

Лествица — лестница.

Лестовка — у старообрядцев — кожаные четки.

Луда — песчаная или каменная отмель, подводная каменистая гряда.

Мадеполам, правильнее: *мадаполам* — белая хлопчатобумажная ткань, сорт миткаля, высшего качества, идущая преимущественно на белье.

Майка — рыбьи молоки.

Малага — сорт виноградного вина.

Матица — балка, поддерживающая доски потолка.

Махотка — маленький горшок.

Машкера, машкара — маска, личина; ряженые, которые ходили под Новый год по домам с песнями и плясками в шутовских костюмах.

Мёрдушка — от слова «мёрда» — конусообразная плетушка для загона рыбы из тонких ивовых прутьев (*примеч. Клюева*).

Медушник — цветок клевера.

Мелинит — одно из сильновзрывчатых веществ (пикриновая кислота).

Миро — благовонное масло, употребляющееся в православных обрядах.

Монада — в философии Г. В. Лейбница (1646—1716) — неделимые духовные первичные элементы, составляющие основу мироздания.

Морок — греза, обман.

Мостовигина — кладка, доска половая, мостовая настилочная.

Мошник — глухой тетерев-самец.

Мощи -- останки тела святых или вообще — кости, твердые части тела. В православной Церкви нетленные мощи, истечение из них мира и чудеса от них служат признаком святости почившего лица. Подлинность нетления свидетельствуется Собором из высших иерархов и благочестивых мирян.

Мусикия — музыка. Это слово понималось Клюевым столько же расширительно, как и в античной традиции: мусическое искусство или «искусство муз».

Мяряндане — рев, крик.

Наипаге — наиболее, тем более.

Накосник — женская головная повязка, которую носили под повойником; украшение в косе.

Наполисто — обширно, далеко.

Неум — неразуменье, нерассудительность.

Нуда — принуждение, гнет.

Обедня — церковная служба, совершаемая утром или днем.

Обетник — лицо, давшее обещание, обязательство.

Оболокать — одеть что-либо.

Обронный — чеканный.

Ожерелок — ошейник.

Оконница — рама, оконный переплет.

Омежек — полоса вдоль межи, изгородь около стога сена.

Омежный корень — ядовитое растение (цикута).

Омофор — часть епископского облачения; широкая длинная полоса ткани с изображенными на ней крестами.

Онегистить — сделать грязным.

Оплегье — часть одежды, покрывающая плечи.

Отверстый — открытый, раскрытый.

Оцет — винный уксус.

Ошую — по левую руку или сторону.

Павегерье — самый конец светлого вечера, закат солнца.

Пажить — пастбище.

Паки — опять, с другой стороны, напротив.

Палья — рыба из рода лососевых, близкая к форели.

Парастас — заупокойное всенощное бдение, Великая пятница.

Паче — более.

Пачули — сильно пахнущие духи из эфирного масла, добываемого из листьев и веток остиндийского и индокитайского растения.

Перёный — с перилами. Эпитет крыльца.

Персть — пыль, прах, земля.

Пестрядинный — от слова «пестрядь» — домашний холст, вытканный из различно окрашенных тканей.

Печенка — синяк, кровоподтек.

Пикейный — от слова «пике» — хлопчатобумажная двойная ткань полотняного переплетения с выпуклыми узорами.

Пищик — дудочка для подманывания птиц.

Плясня — пляска.

Повалуша — общая спальня, особенно летом; холодная, куда вся семья уходит на ночь из теплой избы в чистую горницу.

Повойник — головной убор крестьянок замужних, в виде платка, повитого вокруг головы.

Погост — место вокруг прихожей церкви, где погребают усопших; округ, несколько деревень, принадлежащих одной волости.

Подголовник — покатый ларец, помещаемый в изголовье под подушку.

Подлавочье — место под круговой лавкой в избе.

Под микитки — в пах, в подреберье.

Подзор — оборка, кружевная кайма.

Поднизь — нить или несколько переплетенных нитей с нанизанным жемчугом, бисером; употребляется женщинами для украшения головы.

Подоконье — подоконник.

Подхалюзный — ловкий пройдоха, скрытный и льстивый.

Пожня — сенокосный луг; поле, на котором сжат хлеб.

Покуль — пока.

Полууставно — написанный полууставом, т. е. типом почерка старинных греческих и славянских рукописей. В сравнении с уставом начертания букв лишены каллиграфической строгости: прямые линии допускают некоторую кривизну, округлые не представляют собой правильной дуги.

Полымя — пламя.

Померанцевый цвет — оранжевый, рудо-желтый.

*Понито*к — домотканина, зипун, сермяга.

Порато — сильно, очень крепко.

Посельник — пришлый житель в своей избе, на своем хозяйстве; поселенный, оседлый.

Посолонь — по ходу солнца, от востока на запад.

Поставец — стол, столик.

Потир — чаша, богослужебный сосуд, в котором во время божественной литургии возносятся Св. Дары.

Потребник — то же, что *Требник* — книга, по которой совершаются церковные требы.

Похерить — перечеркнуть, уничтожить.

Празелень — иссиня-зеленоватая краска.

Просвирня — женщина, занимающаяся выпечкой просвир (просфор).

Продух — продушина, отверстие, через которое проходит воздух или холод.

Пропад — потеря, утрата, гибель.

Про́ща — прощение, отпущение грехов, разрешение духовное.

Прядево — приготовленный для пряжи лен, пенька.

Пряженый пирог — предназначенный для жарения.

Пряжить — жарить в масле.

Пупорезка — бабка-повитуха.

Пупырь — прыщ на теле, волдырь, шишка.

Пустынь — уединенное место, где живет отшельник; м-рь, возникший в безлюдной местности.

Пялы — приспособления для растяжки чего-либо.

Пястка — горсть.

Пятина — пятая часть чего-либо; один из пяти административных районов, на которые делилась Новгородская земля в конце XV — начале XVIII в.

Радение — подвиг; у хлыстов и скопцов молитвенное собрание.

Радуница, радоница — древнерусский праздник обновления природы, посвященный чествованию усопших (отмечается на Фоминой неделе, т. е. первой после пасхальной). С воскрешением природы от зимней смерти связывалась мысль и о пробуждении умерших, об освобождении их из затворов ада.

Распевец — точнее: *роспевец* — песнопение хлыстов и скопцов, которое поется во время радений. Р. сложен в чисто народном языке, с незначительными примесями церковнославянских выражений. Склад и размер его такой же, как и в народных песнях, и не лишен поэзии. Составление Р. принадлежит пророку, который обязан каждый раз во

время радений составлять импровизированную «песнь нову Господеви».

Ратовище — древко копья, копеище.

Ристалище — место, площадь для представлений.

Розмысел — размышление, рассудительность.

Розно — отдельно, порознь.

Росстань — перекресток двух дорог.

Рундук — большой ящик в избе, в котором держат молоко и другие жидкости, а также посуду.

Рудый — красный, кровавый.

Рыбник — пирог с рыбой.

Рясно — ожерелье или подвески из нитей жемчуга и драгоценных камней.

Сарафан-золотарь — женская русская одежда, безрукавная, с проймами для рук и с поясом, расшитая золотом.

Свайка — название игры, состоящей в том, что толстый гвоздь с большой шляпкой броском втыкают в землю, попадая в кольцо.

Сверзить — свергнуть.

Светец — железный треножник для вложения горящей лучины.

Серафим — ангел высшего чина, изображаемый на иконах шестикрылым.

Серафический — ангельский.

Сиделец — ответственный приказчик в магазине, лавке.

Сиденье — здесь: осадное положение; находиться в осадном положении в городе, м-ре.

Сиречь — то есть.

Сирин — райская птица, в лубочных картинах изображалась с женским лицом и грудью. Символ радости.

Сканьё — здесь: филигран — ювелирное изделие из тонкой крученой золотой, серебряной или иной проволоки.

Сканый пирог — слоеный.

Скарабеи — род жуков семейства навозных. В Древнем Египте скарабей считался священным и был обожествлен.

Скатный (о жемчуге) — ровный, круглый, отборный.

Скиния — шалаш, походный храм у иудеев.

Скит — в православном м-ре кельи монахов-отшельников, расположенные в некотором отдалении от монастырского здания; поселение монастырского типа, которое устраивалось в глухих местах бежавшими от преследования властей старообрядцами.

Складень — иконы, изображенные на двух или трех небольших складывающихся створках.

Скрута — праздничная одежда.

Скунс — ценный мех хищных зверьков, водящихся в Северной Америке.

Скуфейка — головное покрывало клириков.

Слётыш — молодая птица, слетевшая с гнезда.

Смородок — смрад, вонь.

Снохачество — половое сожительство свекра со снохой.

Сойма — одномачтовое грузовое судно, употребляется на Ладожском и Онежском озерах и реках их района.

Сокáть — снисходить.

Солея — в православной церкви возвышение перед иконостасом во всю его длину.

Спекулятор — палач.

Спермин — вытяжка из семенных желез животных, употребляется как лечебное средство.

Старица — отшельница, пожилая монахиня,

Стихира — церковное песнопение на библейские мотивы; похвальная песнь в честь праздника или святого.

Сторожко — осторожно, бережно.

Страсти — страдания, мучения, муки.

Страстотерпный — мученический, страдальческий.

Струфокамил — страус.

Стрюцкий — подлый, дрянной.

Студ — стыд, позор.

Сугор — бугор, пригорок.

Суклин — клин.

Сулема — хлорная ртуть, сильный яд.

Сустатку — от усталости, утомясь.

Сутёмки — ранние вечерние сумерки.

Сухмень — сухая погода, засуха; сухая глина с супесью.

Сущик — сушеный блинок, кренделек, тонкая баранка; сушеная рыба.

Сыченый — подслащенный медом, настоянный на меду.

Тать — вор, похититель.

Тафта — шелковая тонкая ткань.

Тельник — тельный крест, носимый на шее.

Тесло — плотничье орудие, у которого лезвие поставлено поперек, как у кирки.

Тимьянный — от слова «тимьян» — кустарниковое растение с мелкими цветками, из листьев которого добывают эфирное масло.

Тесина — тесаная доска.

Токмо — только.

Точить — источать, изливать, лить.

Требник — см. *Потребник.*

Треста — тростник.

Трешкот, трешкоут — небольшое деревянное беспалубное речное судно.

Таланный — удачливый, счастливый.

Тропарь — церковное песнопение в честь праздника или святого.

Трудник — труженик, работник.

Трун — тряпка, лохмотье, обноски.

Трус — землетрясение.

Тщание — старание, усердие.

Тыковь — тыква.

Тысячецветник — возможно, растение тысячелистник.

Тябло — полочка для икон.

Убрус — плат, нарядное полотенце.

Уветливый — радушный, ласковый, приветливый.

Удолье — раздолье, долина, поймище.

Узорочье — редкость, драгоценность, разукрашенные вещи всякого рода.

Укладка — ларец, шкатулка, сундук.

Урыльник, урильник — ночной горшок.

Услон — стул, скамья; спуск или подъем.

Устойный — готовый к употреблению, добротный, вкусный.

Устье — топка у печи.

Учестливо — почетно.

Учливый — учтивый, вежливый.

Фефёла — простофиля, разиня, растопыря.

Фиксатуарный — от слова «фиксатуар» — помада для волос; употребляемый для придания мужской прическе желаемой формы.

Финифть — древнерусское название эмали для покрытия металлических изделий и для накладывания узора на фарфор.

Халколиван — сорт меди.

Хмара — туча, темное облако.

Хризопраз — полудрагоценный камень, разновидность халцедона.

Цыбик — пакет, ящик с чаем.

Часовник, Часослов — книга с церковными часами, с полунощницей, утренней, вечерней.

Чернец — монах.
Чернь — род черной финифти по серебру.
Чистяк — чистюля, рослый белый телом человек.
Чресла — поясница, бедра.
Чугунка — железная дорога.
Чуйка — долгий суконный кафтан, шуба без висячего ворота с халатным косым воротником.

Ша́лман — здесь: спившийся человек.
Шамаим — небо.
Шаять — гореть жаром, гореть без пламени, тлеть.
Шелоник — юго-западный ветер.
Шесток — припечек, полочка перед русской печью, между устьем и топкой, куда сгребается жар.
Шин — пляска, род кадрили.
Шипица — колючий кустарник, боярышник или терновник.
Ширинка — полотенце, платок.
Шлях — путь, дорога.
Шолом — опрокинутый желоб по коньку на стыке двух скатов кровли, под который запускается тёс.
Штоф — шелковая плотная ткань с разводами.

Щипульные колки — шипы шиповника.

Юже — которую.

Экзекутор — чиновник, ведавший хозяйственной частью в учреждении.
Эсотерический, эзотерический — тайный, скрытный, предназначенный исключительно для посвященных (о религиозных обрядах, мистических учениях, магических формулах).

Ярый — белый, чистый.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ*

* Цифры в левой колонке указывают страницы текста, в правой (набранные курсивом) — страницы примечаний.

Раздел III
СНОВИДЕНИЯ

Часть первая

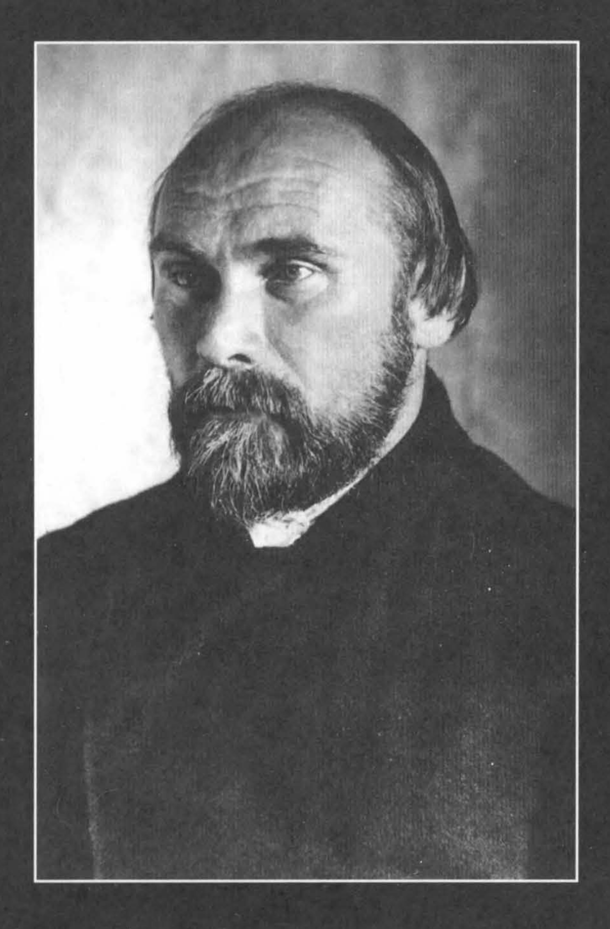
Часть вторая

Раздел IV
СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ

Раздел V
ПИСЬМА

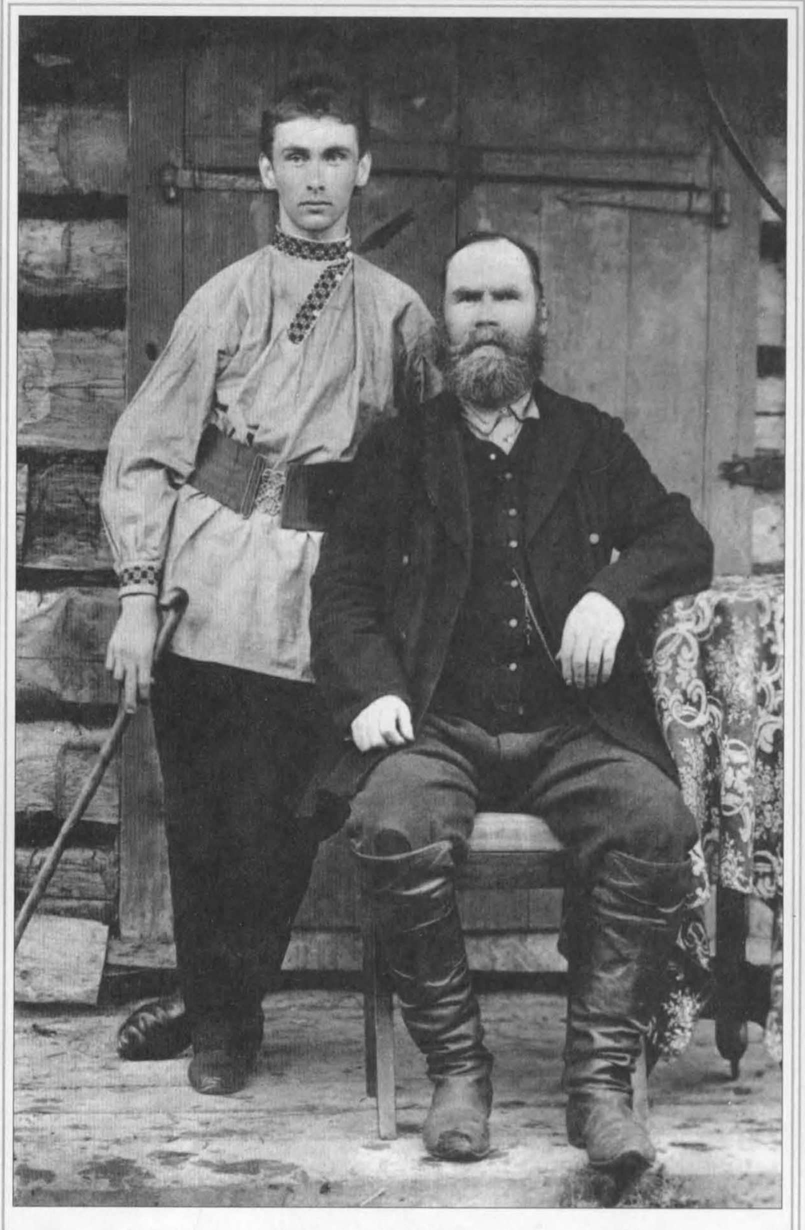
Раздел VI
ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Обливаясь кровавым потом,
Я несу стихотворный крест
К изумрудным лунным воротам,
Где напевы, как сонм невест.

Н. А. Клюев

Н. А. Клюев с отцом А. Т. Клюевым. Около 1900 г.

Н. А. Клюев с С. А. Гариным. 1912 г.

Николай Клюевъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный иллюстрированный общественно-литературный журналъ

„НОВОЕ ВИНО“

При сотрудничествѣ: Н. Абрамовича, Н. Анненковой-Бернаръ, В. Бестужева, А. Блока, Іоны Брихничева, В. Брюсова, А. Бурениной, В. Гиппіусъ, А. Горностаева, С. Городецкаго, Софіи Желѣзнякъ, Изгнанника, Сергѣя Клычкова, Николая Клюева, Ф. Коганъ, В. Мироновичъ, В. Нарбута, Н. Раевскаго, С. Рубановичъ, С. Свенцицкаго, Любови Столицы, В. Ходасевича, Ады Чумаченко В. Эльснеръ и др.

Цѣна на годъ 1 р. 80 к.,–полгода 1 р.

Годовые подписчики вмѣстѣ съ первымъ номеромъ получатъ въ качествѣ безплатнаго приложенія книгу НИКОЛАЯ КЛЮЕВА–БРАТСКІЯ ПѢСНИ.

№. 1-й вышелъ 1 декабря.

Адресъ редакціи: МОСКВА, Каретная-Садовая, д. 8, кв. 22

Объявление о подписке на журнал «Новое вино». 1912 г.

С. А. Есенин. Фотография 1914 г.
с дарственной надписью Н. А. Клюеву:
*«Дорогому Коле, на память многую за дни наши светлые.
Сергей Есенин. Лето 1916 г.»*

Извините за беспокойство,
Но мнѣ очень бы хотѣлось
показать Вамъ досюльный
рукописный требникъ.
я пріѣхалъ на малое
время и ни кого, зна-
ющаго старое письмо
не знаю.
Адресъ Фонтанка 149-9,
телефонъ 609-81.

Николай Клюевъ.

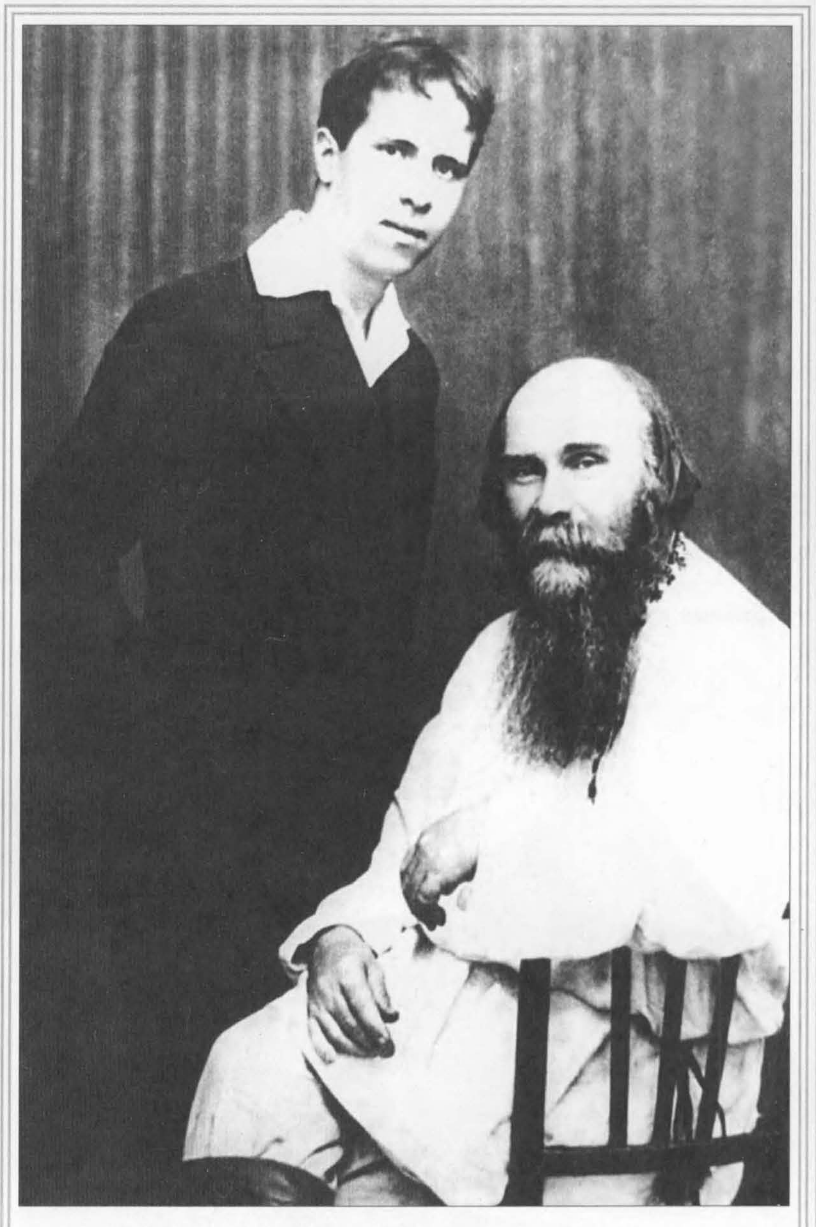
Автограф Н. А. Клюева.
Письмо А. М. Ремизову от 10 сентября 1915 г.

Памятный голубец на могиле родителей поэта
(бывшее кладбище Верхне-Пятницкого погоста села Макачево).
Поставлен в 1991 г.

Деревня Рубцова.
Дом, в котором с 1915 по 1918 гг. проживала семья Клюевых

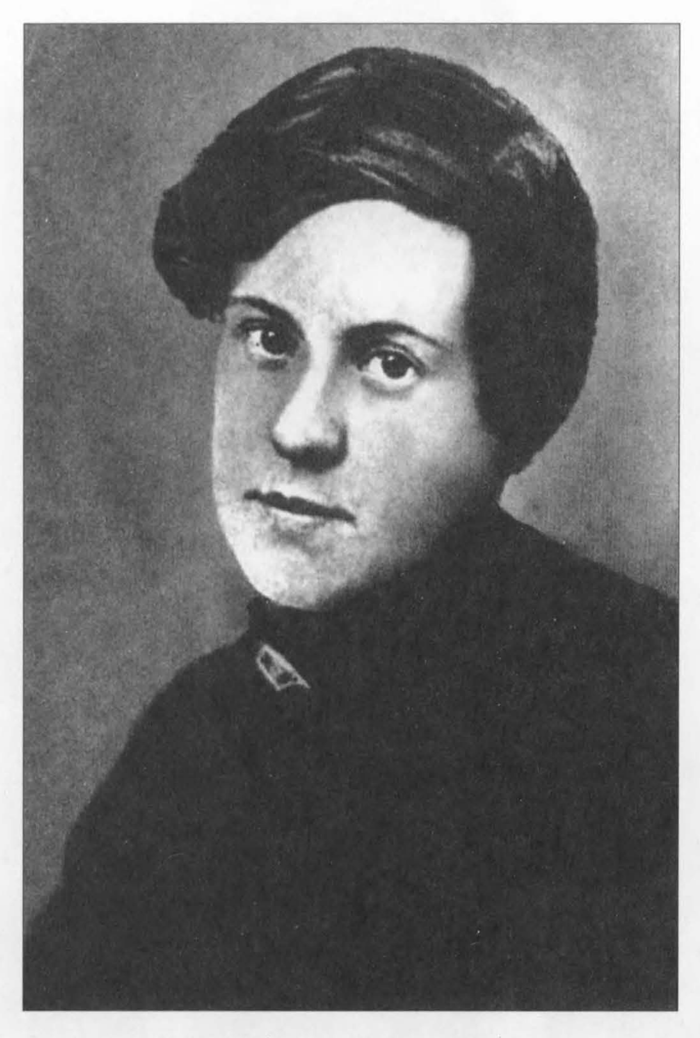
Н. А. Клюев с А. Н. Яр-Кравченко. Начало 1930-х гг.

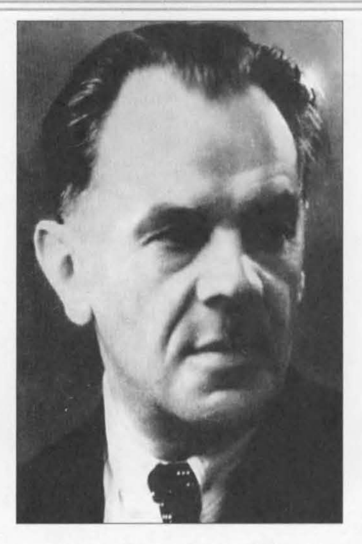
Н. Ф. Христофорова. Начало 1930-х гг.

С. А. Клычков, П. В. Орешин и Н. А. Клюев. 1929 (?) г.

С. А. Клычков с П. Н. Васильевым. Начало 1930-х гг.

В. Н. Горбачева. Начало 1930-х гг.

Н. И. Архипов. 1960 гг.

А. Н. Яр-Кравченко с женой Зинаидой Павловной Воробьевой (Кравченко) и сыном Святославом. 1937 г.

Семья Кравченко. Конец 1930-х гг.
Справа налево: мать Лидия Эдуардовна, отец Никифор Павлович
и сыновья Владимир, Анатолий и Борис

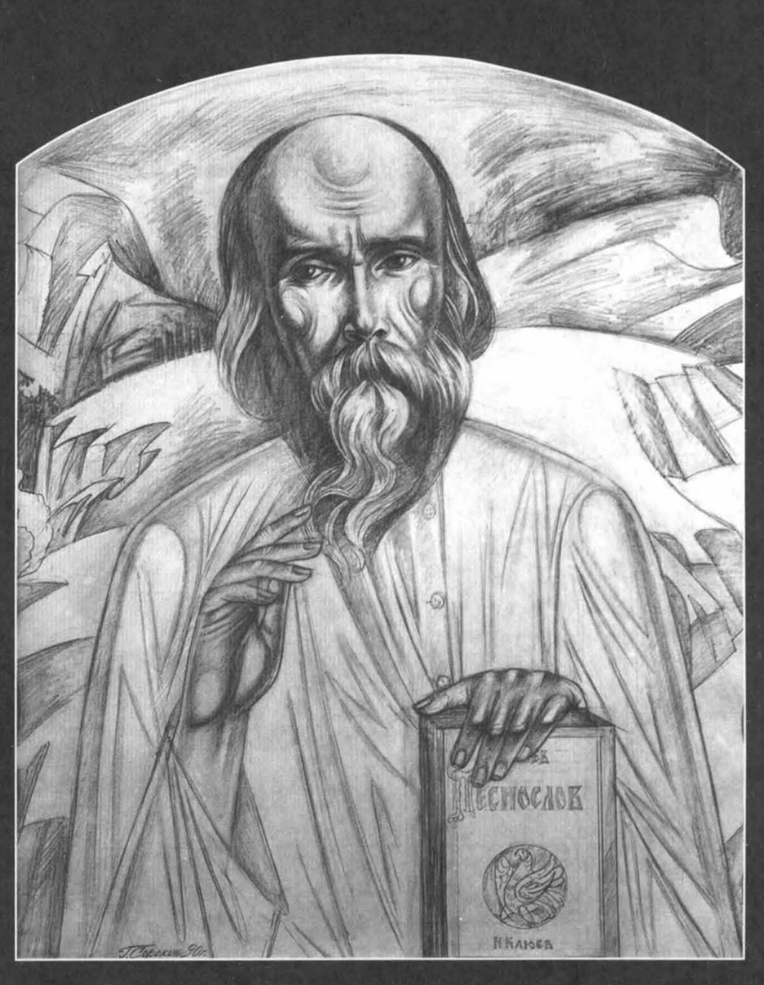
Томск. Мемориальная доска
на доме № 12 по переулку Красного Пожарника

Томск. Мемориальная доска на доме № 15
по улице Старо-Ачинской, где последний месяц 1937 года
проживал и был арестован Н. Клюев

Вытегра.
Музей Н. А. Клюева и Детская библиотека

Н. А. Клюев. Художник Г. М. Сорокин. 1990 г.

Н. А. Клюев

СЛОВЕСНОЕ ДРЕВО

Корректор: *А. А. Виноградова*
Верстка: *С. В. Степанов*
Художественное оформление: *С. А. Булычева*
Компьютерный набор: *Ю. А. Курбатова*

Лицензия ИД № 02417
от 20.07.2000 г.

Сдано в набор 12.11.02. Подписано в печать 20.03.03. Формат 60 × 88 $^1/_{16}$. Бум. офсетная. Гарнитура Optima. Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,00 + 1 печ. л. вкл. Тираж 3000 экз. Зак. № 4125.
ООО «Издательство «Росток»
ftp://rostok_publish@ftp.front.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

О бездушное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь!
Осеняет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!

Н. А. Клюев

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆